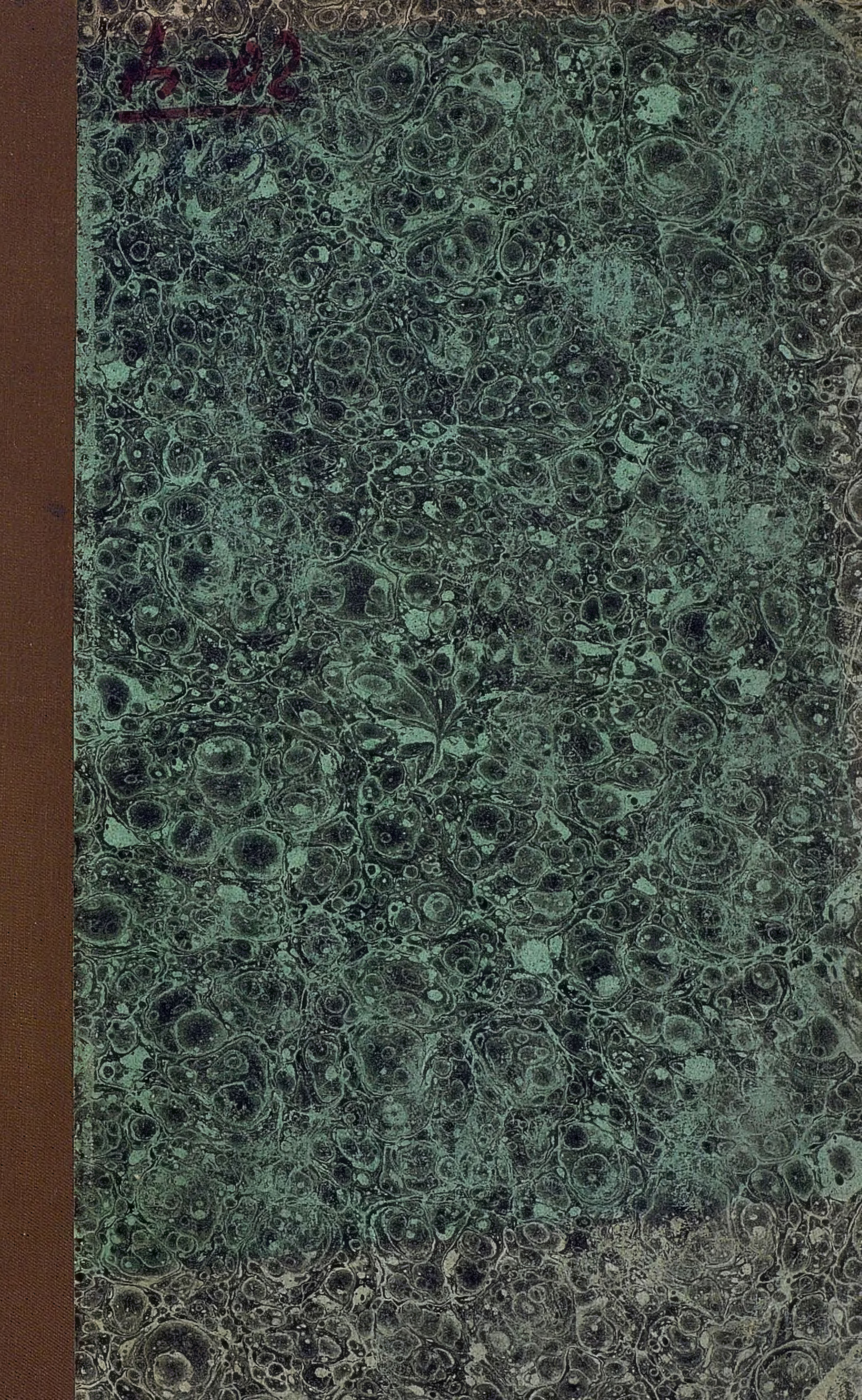
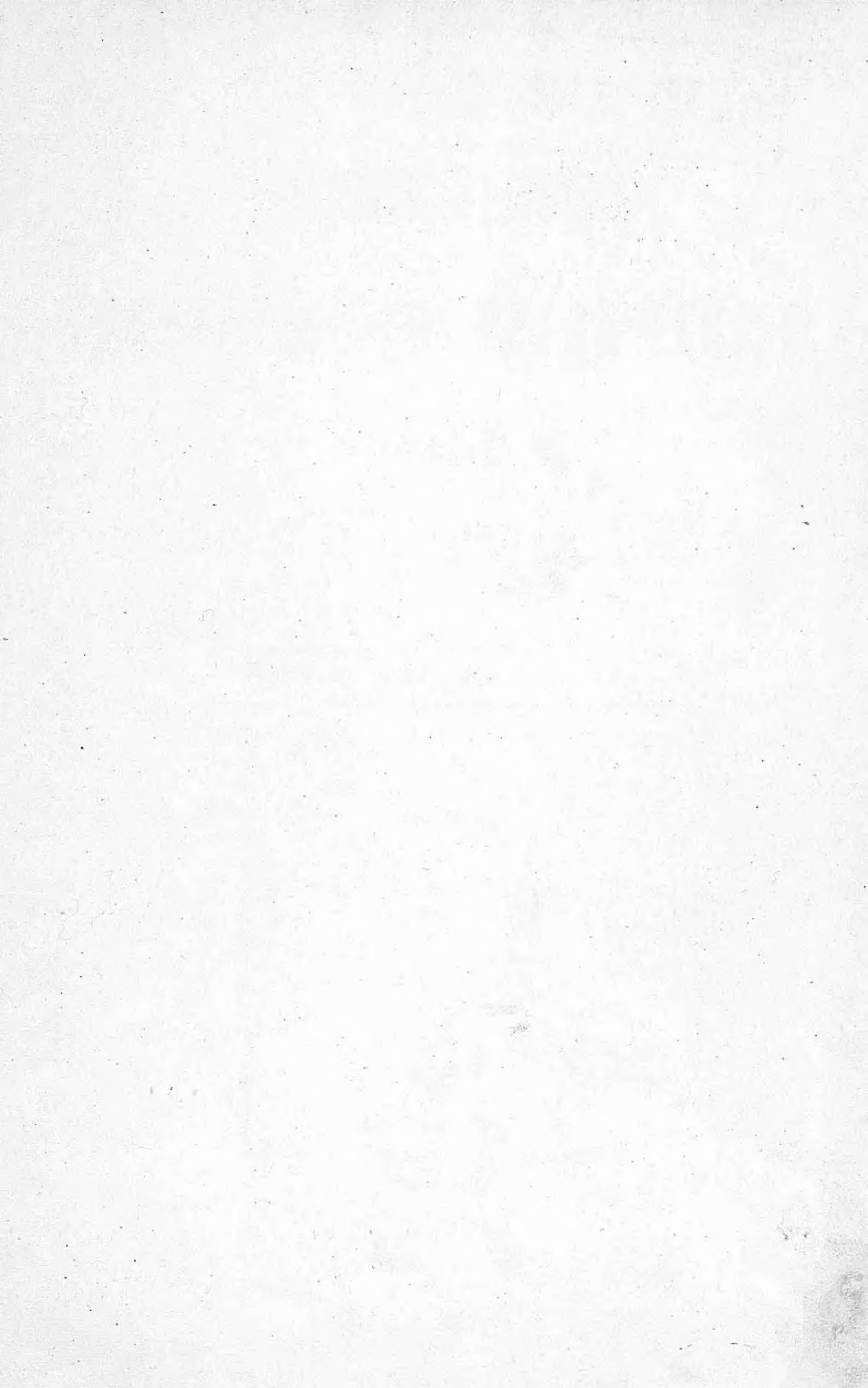

ВРЕМЕННИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

Книга восьмидесятая.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-лит. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. д.
1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

восьмидесятой книги Временника Лицея.

1898 года, Февраля, 28 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго,* присутствовали: Ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ,* Э. Н. *Берендтсъ,* В. Г. *Щегловъ,* профессоръ Богословія, Протоіерей Н. А. *Тихвинскій,* и. д. экстра-ординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій,* и. д. доцента: М. А. *Липинскій,* А. Е. *Минервинъ* и М. М. *Катковъ,* приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій,* И. Я. *Гурляндъ,* В. А. *Юшкевичъ* и Д. Н. *Стефановскій.*

СЛУШАЛИ.

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и. подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа. для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 16 Декабря 1897 года за № 28.398, коимъ увѣдомляетъ, что за Министра Народнаго Просвѣщенія. Г. Товарищъ Министра утверждаетъ учебные планы преподаванія въ Лицеѣ въ 1897/8 учебномъ году.—**Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 5 Января 1898 года за № 129, увѣдомляющее, что за Министра Народнаго Просвѣщенія

Г. Товарищъ Министра согласенъ на оставленіе при семъ Лицеѣ, для приготовленія къ профессорскому званію кандидата юридическихъ наукъ Владиміра *Гагена* по Полицейскому праву, срокомъ на два года, съ 1 Января 1898 года, и назначаетъ ему, *Гагену*, содержаніе изъ суммъ Министерства въ размѣрѣ шести сотъ рублей въ годъ.—**Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію, поручивъ составленіе инструкцій для занятій г. *Гагена* по Полицейскому праву ординарному профессору Э. Н. Берендтсу и по Политической Экономіи—приватъ-доценту А. Р. Свирщевскому.

4) Предложеніе г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 24 сего Февраля за № 4.745, коимъ увѣдомляетъ, что Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 1 истекшаго Января за № 1 ординарные профессоры Лицея, Статскіе Совѣтники Эдуардъ *Берендтсъ* и Владиміръ *Щегловъ*, за отлично-усердную службу и особые труды, Всемилостивѣйше пожалованы орденомъ св. Сванислава 2-й степени.—**Опредѣлили**: принять къ свѣдѣнію.

5) Прошеніе студента Лицея 3 курса Михаила *Попова* о выдачѣ ему, какъ достигшему нынѣ 27-лѣтняго возраста, удостовѣренія для представленія въ подлежащее воинское присутствіе при исходатайствованіи дополнительной отсрочки по отбыванію воинской повинности до окончанія образованія въ Лицеѣ.—**Опредѣлили**: Выдать *Попову* просимое удостовѣреніе, указавъ въономъ, что проситель можетъ окончить полный курсъ наукъ въ Лицеѣ къ первому Іюня 1899 г.

6) По выслушаніи прилагаемаго при семъ отзыва ординарнаго профессора Н. С. Суворова о кандидатскомъ сочиненіи окончившаго въ 1897 году курсъ

наукъ въ Лицеѣ Максимиліана Хлѣбникова—„Святѣйшій Правительственный Сѵнодъ при Петрѣ Великомъ, его организація и дѣятельность",—**Опредѣлили**: Утвердить *Хлѣбникова* въ искомой степени кандидата, въ чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ, отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

7) По выслушаніи прилагаемыхъ при семъ доставленныхъ Членами Ревизіонной Библіотечной Комиссіи—ординарными профессорами Н. С. Суворовымъ, В. Г. Щегловымъ, И. д. экстро-ординарнаго профессора А. А. Піонтковскимъ и приватъ-доцентомъ А. Р, Свирщевскимъ отчетовъ о ревизіи Библіотеки, **Опредѣлили:** Потребовать отъ Библіотекаря г. Невскаго къ Маю мѣсяцу объясненій о недостающихъ въ Библіотекѣ книгахъ, студенческій же отдѣлъ поручить Инспектору Половцеву принять къ Маю же мѣсяцу въ свое завѣдываніе.

8) Въ настоящемъ засѣданіи Совѣта происходило избраніе на годъ Члена Правленія Лицея и избраннымъ оказался ординарный профессоръ Э. Н. Берендтсъ.—**Опредѣлили:** Считать г. Берендтса Членомъ Правленія.

9) Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на I курсъ: Лебедевъ Аркадій изъ Московскаго Университета (Ярославской гимназіи:), Самаринъ Николай—Казанскаго Университета (Вологодской гимназіи); на III курсъ: Логвинскій Израиль—Кіевскаго Университета (1-й Кіевской Гимназіи), Раевскій Леонидъ—Московскаго Университета (2-й Кіевской Гимназіи), Шерешевскій Рафаилъ—Казанскаго Университета (Ковенской Гимназіи); на 4-й курсъ: Аракеловъ Аршакъ изъ Казанскаго Университета (1-й Тифлисской Гимназіи). Выбыли изъ Лицея: I-го курса—

Гавриловъ Павелъ въ С.-Петербургскій Университетъ, 2-го курса Скибинскій Константинъ въ Университетъ Св. Владиміра, умерли: 3 курса Полецкій Георгій и 4-го курса Чагинъ Георгій.—**Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

10) По заявленіямъ: Ординарнаго профессора Н. С. Суворова и приватъ-доцента А. Р. Свирщевскаго **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея изданія ихъ: перваго—„Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ" и послѣдняго—„Исторія сахарнаго налога въ Западной Европѣ и въ Россіи".

11) Ординарный профессоръ Лицея Н. С. Суворовъ заявилъ, что имъ получено отъ временно Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предложеніе быть на нынѣшній годъ Предсѣдателемъ Испытательной Юридической Комиссіи въ Казани. Имѣя въ виду, что время предсѣдательствованія въ Комиссіи совпадаетъ съ временемъ производства испытаній и въ Лицеѣ, **Опредѣлили:** Просить ходатайства Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ предъ г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи произвести профессору Суворову испытанія по читаннымъ имъ въ Лицеѣ наукамъ не въ срокъ, указанный въ § 35 Лицейскихъ правилъ, а ранѣе этого срока до отъѣзда въ Казань.

(Приложеніе къ ст. 6).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Ординарнаго профессора Н. Суворова

отчетъ о сочиненіи г. Хлѣбникова.

Г. Максиміліанъ Хлѣбниковъ представилъ, для полученія степени кандидата юридическихъ наукъ, сочиненіе подъ заглавіемъ: „Святѣйшій Правительственный Сѵнодъ при Петрѣ Великомъ, его организація и дѣятельность“. Во введеніи авторъ говоритъ о Патріаршемъ управленіи въ первые годы царствованія Петра Великаго и объясняетъ—почему реформа высшаго церковнаго правительства была необходима. Самое сочиненіе дѣлится на четыре главы. Въ первой говорится о высшемъ церковномъ управленіи въ періодъ междупатріаршества, подъ которымъ авторъ разумѣетъ время отъ смерти Патріарха Адріана съ 1700 года до учрежденія Духовной Коллегіи въ 1721 г. Во второй главѣ говорится объ учрежденіи Св. Правит. Сѵнода и въ частности о подготовительныхъ работахъ по учрежденію „Духовнаго Коллегіума“, объ открытіи его и о признаніи Восточными Патріархами, о характерѣ этого института, какъ правительственной коллегіи, а не какъ собора, и о положеніи Сѵнода въ ряду другихъ правительственныхъ учрежденій. Въ третьей главѣ излагается организація Св. Сѵнода со всѣми перемѣнами, которыя происходили въ царствованіе Петра Великаго какъ въ личномъ составѣ самой

Духовной Коллегіи, такъ и въ учрежденіяхъ принемъ, каковы Канцелярія, разныя конторы и инославное отдѣленіе Сvнодальной Канцеляріи; здѣсь же говорится о прокурорской должности и объ особомъ видѣ засѣданій Сvнода при рѣшеніи имъ дѣлъ „обще съ Сенатомъ", или о такъ называемыхъ „Конференціяхъ Сvнода съ Сенатомъ". Въ послѣдней главѣ авторъ разсматриваетъ дѣятельность Св. Сvнода, различая въ ней: а) центральныя функціи по управленію духовными дѣлами православнаго исповѣданія (участіе въ законодательствѣ, администрацію и судъ), б) дѣятельность по управленію Сvнодальною (бывшею патріаршею) областью и новозавоеванными городами, и в) дѣятельность по наблюденію за иностранными христіанскими вѣроисповѣданіями и религіями нехристіанскими. Авторъ, руководствуясь статьями проф. Барсова (въ Христіанск. чтеніи за 1896 г.), Исторіей Соловьева, сочиненіемъ Чистовича. „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время", моимъ курсомъ и нѣкоторыми другими литературными пособіями, хорошо изучилъ содержаніе Духовнаго регламента и почерпнулъ обильный матеріалъ изъ „Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вдается даже въ излишнія подробности, напр. слѣдя тщательно за комиссарами, канцеляристами, копіанистами и проч., кто кого смѣнялъ и кто сколько жалованья получалъ. Въ общемъ, поставленную имъ себѣ задачу онъ исполнилъ удовлетворительно, такъ что я считаю вполнѣ справедливымъ удостоить его искомой имъ степени кандидата юридическихъ наукъ.

Н. Суворовъ.

(Приложеніе къ ст. 7).

I. Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Члена Ревизіонной Комиссіи,
Ординарнаго профессора Н. Суворова.

Отчетъ о ревизіи Библіотеки.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія Совѣта, что мною произведена была ревизія книгъ фундаментальной Библіотеки по инвентарному каталогу за №№ 8.501—8.960. Остались неразысканными три сочиненія: 1) Брошюра подъ № 8.506: Pfafferof zur Frage der Amtsgerichte, 2) № 8.673 Beinhardt, De nuptiis, и 3) Брошюра подъ № 8.957, безъ имени автора: Fürsorge der entlassenen Sträflinge. Всѣ прочія книги оказались или на лицо, или записанными за тѣми лицами, коими онѣ взяты для пользованія. 7 Января 1898 г.

Ординарный профессоръ *Н. Суворовъ.*

II, Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Члена Ревизіонной Библіотечной
Комиссіи В. Щеглова

донесеніе.

Честь имѣю донести Совѣту Лицея, что согласно его порученію мною была произведена ревизія книгъ Студенческой Библіотеки Лицея за №№ 371—800 алфавитнаго каталога этой Библіотеки. При ревизіи я нашелъ число карточекъ подвижнаго каталога соотвѣтствующимъ названіямъ книгъ по алфавитному каталогу Библіотеки. Затѣмъ большая часть книгъ найдена мною на лицо и всѣ онѣ разставлены въ шкафахъ въ опредѣленномъ порядкѣ, указанномъ алфавитнымъ каталогомъ. Не оказалось слѣдующихъ русскихъ книгъ:

въ 1-мъ шкафѣ:

1) Исаевъ—„Новости Экономической литературы" (№ 388).

2) „ —„Промышленныя средства въ Россіи" (№ 391).

во 2-мъ шкафѣ:

3) Иванюковъ: „Политическая Экономія" (№ 507).

4) Кавелинъ: „Права и обязанности по имущественному и обязательственному праву" (№ 380).

5) Уложеніе о наказаніяхъ (№ 468).

въ 3-мъ шкафѣ:

6) Мэнъ: „Объ юридическомъ устройствѣ семьи у древнихъ славянъ и раджпутовъ“ (№ 517).

7) Стронинъ—„Исторія общественности“ (№ 520).

8) Ловеле—„Современный соціализмъ“ (№ 480).

9) Родбертусъ—„Изслѣдованіе въ области національной экономіи классической древности (1 и 2 вып.), № 400.

въ 4-мъ шкафѣ:

10) Кистяковскій: „Элементарный учебникъ уголовнаго права“—2 экз. № 474.

въ 5-мъ шкафѣ.

11) Котошихинъ: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича (№ 450).

12) Тернеръ—„О поземельномъ налогѣ (№ 401).

въ 8-мъ шкафѣ:

13) Матеріалы редакціонныхъ Комиссій по крестьянскому вопросу,—т. II (№ 419).

14) Программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ (№ 427).

въ 9-мъ шкафѣ:

15) Эспинасъ: „Соціальная жизнь животныхъ“ (№ 512).

16) Журналъ гражд. и уголовн. права 5 и 10 т. за 1882 г., 10 кн. за 1883 г., 1 кн. за 1885 г., 3 кн. за 1889 г. и 1892 г. и 3 и 4 кн. за 1893 г.

17) Юридическій вѣстникъ 3 и 4 кн. за 1879 г.

18) Временникъ Д. Ю. Лицея 17 и 55 кн.

Изъ иностранныхъ книгъ не найдены:

въ 8-мъ шкафѣ:

19) Ortolan: „Explication historique institutes de l'empire Justinien" (№ 696).

въ 9-мъ шкафѣ:

20) Marx: „Das Kapital" I B. (№ 674).
21) Sincholle: „Le mariage civil et le mariage religieux" (№ 460).

Не записанныхъ въ каталогъ:

1) Таганцева: „Курсъ Уголовнаго права" 1 вып. II тома.
2) Боровиковскаго: „Законы гражданскіе" (2 экз.).

Ординарный профессоръ Д. Ю. Лицея
В. Щегловъ.

III. Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія Совѣта, что въ истекшемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ теченіе шести дней я производилъ, по порученію Совѣта, совмѣстно съ профессорами г.г. Щегловымъ и Свирщевскимъ, ревизію Студенческой Библіотеки; мною провѣрена была наличность книгъ. значащихся въ каталогѣ, при чемъ

оказалось, что всѣ книги имѣются налицо, за исключеніемъ слѣдующихъ: 1) Мартенсъ—О консулахъ и консульской юрисдикціи (№ 226), 2) Б. Корфъ. Жизнь Графа Сперанскаго I—II (№ 122), 3) Тарасовъ. Основныя положенія Л. Штейна (№ 159), 4) Градовскій—Политика, исторія и администрація (№ 132), 5) Мэнъ. Древнее право (№ 294), 6) Тарасовъ. Два года назадъ (№ 354), 7) Кистяковскій—Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. 8) Милль. Основанія политической экономіи, I (№ $\frac{278}{1018}$), 9) Горловъ—Теорія Финансовъ (№ 26), 10) Куницинъ.—Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи (№ 28), 11) Монтескье: Духъ законовъ, т. II и III.

По заявленію г. Завѣдующаго Библіотекою всѣ эти недостающія книги затеряны.

1897 г. Октября, 12 дня.

И. д. Экстраординарнаго профессора

А. Піонтковскій.

IV.

При ревизіи Студенческой Библіотеки мною было обнаружено отсутствіе слѣдующихъ книгъ:

№№

952. Ковалевскій.—Современный обычай и древній законъ, т. I.

973. Таганцевъ.—Лекціи. Вып. III и IV.

965. Гай.—Институціи, изд. Дыдынскаго 1 экз.

№№

962. Тарасовъ.—Администр. право 3 экз.

871. Будановъ.—Исторія русск. права, вып. 1.

890. Еѳимовъ.—Лекціи по Исторіи Рим. пр. СПБ. 1887 г.

991. Суворовъ.—Курсъ церк. права I т. 2 экз. и II т. 1 экз.

1077. Тихвинскій.—Богословіе.

982. Сокольскій.—Русское госуд. право. 1 экз.

809. Ѳаворовъ.—Очеркъ пр. нрав. Богословія 1 экз.

987. Монтескье.—Персидскія письма.

801. Ахенбахъ.—Лѣсосѣчныя общины.

1072. Кистяковскій.—Элемент. учебникъ общаго уголовнаго права. 1 экз.

1030. Липпертъ.—Исторія культуры.

1017. Зиберъ.—Очерки первобытной культуры.

177. Латкинъ.—Лекціи по внѣшней исторіи права Московскаго государства. 1888 г.

953. Исаевъ.—Неурожай и голодъ.

881. Шопенгауеръ.—Свобода воли 1886 г.

875. Юзовъ.—Соціологическіе очерки 1882 г.

896. Лешковъ.—Русскія основы права.

912. Макаровъ.—Нѣмецко-русскій словарь 1 экз.

Кромѣ того обнаружены нѣсколько лишнихъ книгъ, а именно:

Тацита.—Сочиненія I и II т. 1 экз.

Суворовъ.—Слѣды западн. вліянія 1 экз.

Левитскій.—Задача и методъ Политич. Экономіи 1 экз.

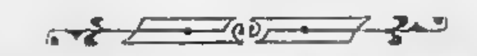
Уильзъ и Стефановскій.

А. Свирщевскій.

ОТЧЕТЪ

Правленія Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

съ 1-го Іюля 1898 года по 1-е Іюля 1899 года.

Уставъ Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ, утвержденъ былъ Высочайшею властію 28 апрѣля 1871 года.

Средства Попечительства, по правиламъ, утвержденнымъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, составляются изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ. Кромѣ того предоставлено Попечительству право устраивать публичныя лекціи, концерты и спектакли. Членами почетными, оказавшими особыя услуги, или дѣйствительными, могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола, всѣхъ званій и состояній. Почетныхъ членовъ къ концу отчетнаго года состояло 32, а дѣйствительныхъ, внесшихъ въ годъ не менѣе 5 рублей—5, въ предъидущихъ же годахъ дѣйствительныхъ членовъ было 99, 102, 76, 83, 72, 54, 74, 60, 74, 65, 52, 45, 22, 24, 21, 30, 17, 16, 16, 13, 17, 11, 63, 30, 28, 17, и 8.

Постоянныхъ пособій въ отчетномъ году поступило: отъ Ярославской городской Думы и отъ Ярославской уѣздной земской управы по 100 рублей, отъ Губернской земской управы 50 руб. Процентовъ

съ капитала Попечительства, состоящаго къ концу отчетнаго года въ процентныхъ бумагахъ на 17200 р., получено было 644 руб. 67 коп.

Пособія студентамъ выдавались въ размѣрѣ, смотря по состоянію кассы и дѣйствительной бѣдности, отъ 3 до 12 руб. въ мѣсяцъ. Уплатой за слушаніе лекцій дана нѣсколькимъ молодымъ людямъ возможность состоять студентами и окончить курсъ а не быть уволенными изъ числа студентовъ за невзносъ этой платы.

Заимообразно выдано было въ отчетномъ году 119 руб.; въ уплату же долговъ поступило 207 р. 3 к.

СПИСОКЪ

ЧЛЕНОВЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

а) ПОЧЕТНЫЕ:

1. *Вахромѣевъ* Иванъ Александровичъ—Ярославскій городской голова—25 руб.
2. *Глаголевъ* Иванъ Матвѣевичъ—присяжный повѣренный изъ Москвы.
3. *Головщиковъ* Константинъ Дмитріевичъ—секретарь Лицея.
4. *Іонаѳанъ* Архіепископъ Ярославскій.
5. *Капнистъ* графъ Павелъ Алексѣевичъ—бывшій Попечитель Московскаго учебнаго округа.
6. *Капустинъ* Михаилъ Николаевичъ - бывшій Попечитель Петербургскаго учебнаго округа.
7. *Клириковъ* Николай Павловичъ - титулярный совѣтникъ.
8. *Коншинъ* Владиміръ Дмитріевичъ—коммерціи совѣтникъ изъ Москвы.
9. *Кремлевъ* Николай Александровичъ—бывшій Директоръ Лицея.

10. *Липинскій* Маріанъ Александровичъ—доцентъ Лицея

11. *Лопатина* Глафира Александровна—потомственная почетная гражданка.

12. *Мещерская* княгиня Марія Акександровна—изъ Москвы.

13 *Мещерскій* князь Николай Петровичъ-бывшій Попечитель Московскаго учебнаго округа.

14. *Пастухова* Анна Васильевна потомственная почетная гражданка.

15. *Пастухова* Елена Яковлевна—потомственная почетная гражданка.

16 *Пастуховъ* Дмитрій Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ.

17 *Пастуховъ* Иванъ Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ.

18. *Пастуховъ* Николай Петровичъ потомственный почетный гражданинъ

19. *Рукавишникова* Евдокія Николаевна — изъ Москвы

20 *Рукавишниковъ* Константинъ Васильевичъ—почетный мировой судья изъ Москвы.

21 *Синельникова* Анастасія Петровна -изъ Петербурга.

22. *Смирновъ* Андрей Павловичъ-судебный слѣдователь изъ Ветлуги—10 руб.

23. *Соболевъ* Иванъ Николаевичъ-бывшій Ярославскій городской голова.

24 *Солдатенковъ* Косма Терентьевичъ-потомственный почетный гражданинъ изъ Москвы.

25. *Тарасовъ* Иванъ Трофимовичъ ординарный профессоръ Московскаго университета

26. *Терещенко* Өедоръ Артемьевичъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ Москвы.

27. *Федотова* Гликерія Николаевна — артистка Императорскихъ театровъ

28. *Чистяковъ* Дмитрій Ивановичъ-статскій совѣтникъ.

29. *Шостаковскій* Петръ Адамовичъ—Директоръ Московской консерваторіи

30. *Шпилевскій* Сергѣй Михайловичъ, Директоръ Лицея.

31. *Щелкова* Нина Антоновна.

32. *Якушкинъ* Евгеній Ивановичъ – дѣйствительный статскій совѣтникъ—5 руб.

б) ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ:

Базанова Юлія Ивановна изъ Москвы 100 р.

Бодиско Николай Константиновичъ изъ Новочеркаска и *Маслаковъ* Иліодоръ Васильевичъ—Товарищъ прокурора Казанскаго окружнаго суда по 10 руб., итого 20 руб.

Потѣхинъ Павелъ Борисовичъ изъ Петербурга и *Славновскій* Алексѣй Александровичъ – податной инспекторъ изъ Астрахани по 5 руб.

Отъ Почетнаго Попечителя Лицея Павла Александровича *Демидова* 210 р., изъ нихъ за почетный билетъ на студенческій вечеръ 100 руб. и собранныхъ имъ съ разныхъ лицъ 110 руб.

ВѢДОМОСТЬ

объ оборотахъ суммъ Попечительства за время съ 1-го Іюля 1898 г. по 1-е Іюля 1899 г.

I. Отъ прошедшаго года въ остаткѣ суммъ было:

Наличными	230	р.	62 к.
Билетами	16600	»	— »
Сверхъ того въ долгахъ за студентами	2214	»	1 »

2. Приходъ.

Въ Августѣ:	Полученo членскихъ взносовъ	15 »	— »
	Возвращено въ уплату долговъ	10 »	— »
	Итого . .	25 »	— »
Въ Сентябрѣ:	Членскій взносъ . .	5 »	— »
	Итого . .	5 »	— »
Въ Октябрѣ:	Получено °/₀ съ капитала	312 »	7 »
	Членскихъ взносовъ . .	35 »	— »
	Получено отъ попечителя П. А. Демидова собранныхъ съ разныхъ лицъ .	110 »	— »
	Итого . .	467 »	7 »
Въ Ноябрѣ:	Получено со студенческаго вечера	350 »	— »
	Возвращено въ уплату долговъ	25 »	— »
	Итого . .	375 »	— »
Въ Декабрѣ:	Получено со студ. вечера	793 »	38 »
	Получено отъ Юліи Ивановны Базановой за почетный билетъ . . .	100 »	— »
	Итого . .	893 »	38 »

Въ Январѣ:	Получено съ Г. Есипова за билетъ на студенч. вечеръ	5 »	— »
	Итого . .	5 »	— »
Въ Февралѣ:	Получено въ уплату долга	16 »	— »
	Итого . .	16 »	— »
Въ Мартѣ:	Пособіе отъ Ярославской Городской Управы . .	100 »	— »
	Получено въ уплату долг.	10 »	— »
	Получены % съ капитала	332 »	50 »
	Итого . .	442 »	50 »
Въ Апрѣлѣ:	Получено за билетъ на студенческій вечеръ .	15 »	— »
	Отъ Андрея Павловича Смирнова въ пользу Попечительства . . .	10 »	— »
	Итого . .	25 »	— »
Въ Маѣ:	Возвращено въ уплату долговъ	30 »	— »
	Получено въ возмѣщеніе 5% сбора . . .	26 »	37 »
	Получено отъ попечителя П. А. Демидова за почетный билетъ . . .	50 »	— »
	Итого . .	106 »	37 »

Въ Іюнѣ:	Получено въ уплату долга	116 »	3 »
	Итого .	116 »	3 »
	Всего поступило наличными .	2476 »	35 »
	А съ остаточными: наличными	2688 »	97 »
	билетами	600 »	— »

3. Расходъ.

Въ Іюлѣ:	Выдано пособій 5 студен.	33 р.	- к.
	Выдана ссуда 1 студенту	10 »	— »
	Итого . .	43 »	— »
Въ Августѣ:	Выдано пособій 3 студен.	18 »	— »
	Уплачено за страхованіе 5°/₀ съ выигрышами билета	2 »	15 »
	Перечислено 10°/₀ въ основной капиталъ . .	1 »	50 »
	Итого .	21 »	50 »
Въ Сентябрѣ:	Перечислено 10°/₀ въ основной капиталъ . .	— »	50 »
	Выдано пособій 12 студен.	76 »	— »
	Выдана 2 студен. ссуда	10 »	— »
	Итого . .	86 »	50 »
Въ Октябрѣ:	Выдано заимообразно .	10 »	— »
	Выдано пособій 17 студ.	102 »	— »

	Перечислено въ 10% отчисленіе	46 » — »
	Выдано на покупку марокъ для вечера . .	15 » — »
	Итого . .	173 » — »
Въ Ноябрѣ:	Выдано пособій 14 студ.	88 » — »
	Перечислено въ 10% отчисленіе . . .	35 » — »
	Внесено за 11 студентовъ за слушаніе лекцій . .	220 » — »
	Выдана ссуда 1 студенту	10 » — »
	Итого . .	339 » — »
Въ Декабрѣ:	Выдано пособій 42 студ.	255 » — »
	Перечислено въ 10% отчисленіе	84 » 46 »
	Итого . .	339 » 46 »
Въ Январѣ:	Выдано пособій 19 студентамъ	115 » — »
	Итого . .	115 » — »
Въ Февралѣ:	Выдано пособій 22 студ.	132 » — »
	Итого . .	132 » — »
Въ Мартѣ:	Выдано пособій 24 студ.	144 » — »
	За страхов. выигрыш. бил.	1 » 40 »

	Перечислено 10% въ осн. капиталъ	43 ›	50 ›
	Итого . .	188 ›	90 ›
Въ Апрѣлѣ:	Выдано пособій 26 студ.	218 ›	— ›
	10% отчисленіе . .	17 »	66 ›
	Внесена плата за 14 студ.	280 »	— ›
	Итого . .	515 »	66 ›
Въ Маѣ:	Выдано пособій 46 студ.	158 ›	— ›
	Выдано заимообразно .	79 »	14 »
	Перечислено въ 10% отчисленіе	7 ›	97 ›
	Итого . .	245 ›	11 ›

Итого израсходовано:

На пособія студентамъ . .	1354 ›	— »
На уплату за слушаніе лекцій	500 ›	— ›
Выдано заимообразно . . .	119 »	— ›
10% отчисленіе	236 ›	52 ›
За страхованіе билета . . .	3 ›	55 »
Итого . .	2213 ›	14 ›

Изъ числа 10% отчисленія употреблено на покупку 2 свидѣтельствъ Государственной 4% ренты . . .	201 ›	12 ›

Къ 1-му числу іюля остается по книжкѣ сберегательной кассы . . . . 1 » 75 »

Итого . . . 202 » 87 »

Въ остаткѣ

Наличными . . . . 546 » 3 »
Билетами . . . . 17200 » — »
Въ долгахъ за студентами къ началу отчетнаго года было . . . . . 2420 » 83 »
Въ отчетнномъ году вновь выдано заимообразно . . . . 119 » — »

Итого: наличными . 3085 » 86 »
билетами . 17200 » — »

Въ уплату долговъ въ отчетномъ году поступило . . . . 207 » 3 »
Затѣмъ остается неуплоченныхъ долговъ . . . . 2420 » 83 »

Въ числѣ этой послѣдней суммы считаются должниками:

а) Окончившіе уже курсъ: *Агафоновъ* Николай выпуска 1887 г. 30 р.; *Алферовъ* Владиміръ 10 р ; *Аракельянцъ* Гавріилъ 20 р ; *Асотскій* Павелъ вып. 1887 г. 29 р ; *Аргентовскій* Евграфъ 4 р. 14 к.; *Базыкинъ* Александръ выпуска 1889 г. 50 р.; *Безсоновъ* Алексѣй вып. 1883 г. 6 р.; *Багровъ* Александръ вып. 1898 г. 15 р.; *Борисенко* Алексѣй вып. 1898 г. 10 р ; *Бао* Сергѣй 15 р.; *Барковскій* Оскаръ вып. 1896 г. 20 р.; *Браиловскій* Николай вып. 1891 г. 25 р ; *Бѣляевъ* Валеріанъ 10 р.; *Васильевъ* Николай 20 р.; *Введенскій* Николай вып 1883 г. 10 р.; *Верденко* Ѳедоръ вып. 1891 г. 35 р.; *Воскресенскій* Василій 10 р.; *Вышеслав-*

цевъ Евгеній 8 р.; *Гарскій* Сергѣй вып. 1891 г. 15 р; *Голофитейнъ* Георгій 10 р.; *Георгіевскій* Александръ вып. 1888 г. 37 р, *Гутманъ* Лейба вып. 1886 г. 33 р.; *Городцовъ* Петръ вып. 1890 г. 24 р.; *Добротинъ* Александръ вып. 1893 г. 28 р.; *Желябужскій* Владиміръ 5 р.; *Замахаевъ* Сергѣй вып. 1887 г. 15 р; *Звѣздинъ* Александръ вып. 1887 г. 25 р; *Ивановъ* Михаилъ вып. 1895 г. 12 р; *Ивановъ* Василій вып. 1895 г. 10 р; *Ильницкій* Матвѣй вып. 1396 г. 20 р.; *Искржицкій* Петръ вып. 1898 г. 10 р.; *Клементьевъ* Григорій вып. 1887 г. 11 р; *Козловскій* Сергѣй вып. 1883 г. 10 р.; *Краснянскій* Николай 20 р.; *Корякинъ* Григорій 30 р.; *Кобылинскій* Владиславъ 10 р.; *Кротковъ* Викторъ 4 р; *Коровкинъ* Сергѣй 10 р; *Куклинъ* Михаилъ 15 р.; *Лапотниковъ* Василій вып. 1896 г. 25 р.; *Лебедевъ* Александръ 10 р.; *Лебедевъ* Павелъ вып 1884 г. 2 р.; *Любомудровъ* Михаилъ вып. 1881 г. (судебный слѣдователь въ Ставрополѣ-Кавказскомъ) 7 р.; *Лебедевъ* Александръ 10 р; *Лиръ* Николай 20 р; *Марковъ* Александръ вып 1886 г. 21 р. 78 к.; *Макалинскій* Петръ 35 р; *Малининъ* Иванъ вып 1886 г. 10 р; *Милашевскій* Аеексѣй 15 р.; *Милицинъ* Петръ 12 р.; *Миничъ* Антонъ вып 1891 г. 10 р; *Миницкій* Павелъ вып. 1896 г 47 р; *Мирмиковъ* Сергѣй вып 1886 г. 23 р.; *Мулинъ* Иванъ вып. 1891 г. 10 р; *Нелидовъ* Сергѣй вып. 1896 г. 15 р; *Нехорошовъ* Тимофей 1 р.; *Осинскій* Михаилъ вып 1890 г. 10 р.; *Остроглазовъ* Андрей вып. 1897 г. 35 р; *Перошковъ* Василій вып. 1890 г. 33 р; *Поваренныхъ* Иванъ вып. 1890 г 18 р; *Покровскій* Сергѣй вып. 1884 г. 12 р. 22 к.; *Положенцевъ* Григорій вып. 1895 г 10 р.; *Поповъ* Павелъ вып 1892 г. 12 р.; *Прусовъ* Николай вып. 1891 г. 20 р.; *Подкопаевъ* Николай вып 1897 г. 10 р; *Путято* Николай вып. 1898 г. 20 р; *Разумовъ* Михаилъ вып. 1891 г. 10 р; *Рацишевскій* Петръ 30 р; *Самойловичъ* Владиміръ вып. 1884 г. 10 р.; *Сушинскій* Германъ вып 1884 г. 17 р; *Страддинъ* Иванъ 10 р.; *Стеблинъ-Каменскій* Борисъ 10 р; *Страховъ*

Иванъ вып. 1878 г. 16 р.; *Сильверстовъ* Алексѣй 10 р.; *Смирновъ* Николай 15 р.; *Серебряковъ* Алексѣй 10 р.; *Талалай* Абрамъ вып. 1891 г. 10 р; *Тихонравовъ* Александръ вып 1883 г 15 р; *Третьяковъ* Иванъ вып. 1885 г. 30 р; *Троицкій* Николай вып. 1885 г. 10 р.; *Феликсовъ* Евгеній вып 1885 г. (судебнымъ слѣдователемъ въ Белебеѣ) вып. 1898 г 26 р.; *Фельдтъ* Владиміръ 15 р.; *Хохловъ* Алексѣй 13 р.; *Чекмаревъ* Николай вып 1892 г. 15 р; *Чистяковъ* Константинъ вып. 1892 г. 10 р.; *Черняховскій* Петръ 15 р; *Чумаевскій* Алексѣй вып. 1885 г. 10 р; *Шевелевъ* Евгеній вып. 1892 г. 30 р; *Юрьевъ* Алексѣй вып. 1883 г. 24 р; *Язвицкій* Константинъ вып. 1880 г. 10 рублей.

и **б) Выбывшіе изъ Лицея до окончанія курса:** *Боборыкинъ* Павелъ 3 р; *Булгаковъ* Иванъ 30 р; *Введенскій* Василій 19 р.; *Воиновъ* Иванъ 2) р; *Востоковъ* Николай 10 р.; *Гедеоновскій* Александръ 30 р; *Гричевъ* Александръ 15 р; *Громовъ* Иванъ 34 р; *Горецкій* Янъ 51 р; *Декаполитовъ* Михаилъ 5 р; *Денисовъ* Иванъ 20 р; *Жерелло* Иванъ 36 р; *Заринскій* Иванъ 32 р; *Ильинскій* Николай 42 р; *Коншинъ* Николай 10 р; *Короткевичъ* Анатолій 15 р; *Крушеванъ* Константинъ 15 р.; *Лавровъ* Евгеній 10 р; *Лашкевичъ* 10 р; *Марчевскій* Павелъ 10 р.; *Никольскій* Алексѣй 9 р.; *Окинчицъ* Мячеславъ 10 р; *Перфильевъ* Иванъ 6 р; *Песоченскій* Иванъ 15 р.; *Преображенскій* Сергѣй 42 р.; *Птицынъ* Николай 12 р.; *Рума* Леопольдъ 15 р.; *Смольянниковъ* Павелъ 25 р.; *Снигиревъ* Николай 10 р; *Соловьевъ* Александръ 18 р.; *Станкевичъ* Яковъ 16 р.; *Ухановъ* Александръ 12 р.; *Шестеркинъ* Павелъ 8 р.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ С. Шпилевскій.

Ярославль. Типографія Губернскаго Правленія.

Къ лѣтописи Лицея за 1898—99 учебный годъ.

I.

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ
Демидовскаго Юридическаго Лицея,
окончившихъ въономъ полный курсъ.

Первый выпускъ 1874 года[1]).

*1. Архангельскій Николай Дмитріевичъ родомъ Ярославской губерніи. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей по назначенію отъ правительства въ Юрьевѣ, Лифляндской губ.

2. Воевской Михаилъ Александровичъ, Ярославской губерн. Уѣздный членъ суда въ Изюмѣ, Харьковской губ.

*3. Виноградовъ Александръ Николаевичъ, Тверской губерн. Іеромонахъ (Алексѣй) Кіево-Печерской Лавры, въ Китайской миссіи.

*4. Грузинцевъ Константинъ Николаевичъ, Ярославской губ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Костромѣ.

*5. Знаменскій Алексѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Брестъ-Литовскѣ.

6. Ивановскій Алексѣй Михайловичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Харьковѣ.

7. Князевскій Александръ Андреевичъ, Саратовской губ. Городской судья въ Верхнеуральскѣ.

**8. Князевскій Степанъ Андреевичъ, Саратовской губ. Присяжный повѣренный въ Иваново-Вознесенскѣ[2]).

---

[1]) Противъ которыхъ поставлена звѣздочка, тѣ окончили курсъ съ степенью кандидата юридическихъ наукъ; остальные—съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

[2]) Противъ которыхъ поставлено двѣ звѣздочки, тѣ, не бывъ въ Лицеѣ студентами, сдавали только экзамены на степень кандидата, экстернами.

*9. Колокольцовъ Лавръ Флегонтовичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Вельскѣ.

10. Крутикъ-Горетубанскій Иванъ Григорьевичъ, Харьковской губ. Присяжный повѣренный въ Симферополѣ.

*11. Лебедевъ Василій Федоровичъ, Рязанской губерн. Мировой судья въ Варшавѣ.

12. Межаковъ Иванъ Николаевичъ, Костромской губ. Городской судья въ Царевскомъ уѣздѣ, Астраханской губ.

13. Моревъ Николай Николаевичъ, Ярославсквй губ. Дѣлопроизводит. VIII-го кл. въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

*14. Назимовъ Андрей Владиміровичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Кишиневѣ.

*15. Орловъ Дмитрій Ивановичъ, Калужской губерн. Членъ окружнаго суда въ Ригѣ.

*16. Островскій Николай Петровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Ярославлѣ.

*17. Покровскій Иванъ Федоровичъ, Владимірской губ. Прокуроръ окружнаго суда въ Петрозаводскѣ.

*18. Розовъ Павелъ Гавриловичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Ярославлѣ.

19. Слѣповъ Николай Филипповичъ, Яросл. губ. Канцелярскій чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

*20. Талантовъ Александръ Порфирьевичъ, Ярославск. губ. Дѣлопроизводитель V кл. въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

21. Толстовъ Викторъ Дмитріевичъ, Владимірской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Казани.

22. Успенскій Николай Петровичъ, Костромской губ. Помощникъ исправника въ Костромѣ.

*23. Чистяковъ Петръ Лаврентьевичъ, Калужской губ. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

Свѣдѣній не доставили: 24. *Васильевъ* Николай Васильевичъ, род. Калужской губ.; 25. *Веригинъ* Александръ Константиновичъ, Тверской; 26. *Драбовскій* Петръ Тимофеевичъ, Новгородской.

Находятся въ отставкѣ: 27. *Бѣляевъ* Александръ Матвѣевичъ, Костромской, съ 1892 г., былъ товарищ. прокурора въ Казани; *28. *Введенскій* Николай Николаевичъ, Ярослав. съ 1888 г., изъ старшихъ помощн. оберъ-секретаря Сената,

29. *Дьяковъ* Викторъ Михайловичъ, Вологодской, съ 1891 г., изъ судебн. слѣдоват. Тотемскаго уѣзда; *30. *Лебедевъ* Александръ Максимовичъ, Тульской, съ 1892 г., изъ товарищ. прокурора Кутаисскаго окр. суда; *31. *Лыткинъ* Николай Константиновичъ, Владим., съ 1895 г., былъ тов. прокурора въ Сарапулѣ; *32. *Протопоповъ* Петръ Владиміровичъ, Московской, съ 1889 г., изъ мировыхъ судей гор. Углича.

Умерли: *33. *Бенедиктовъ* Алексѣй Ивановичъ, Яросл., 1893 г., былъ судебнымъ слѣдователемъ Заславскаго уѣзда; 34. *Головачевскій* Иванъ Николаевичъ Черниговъ., 1875 г., кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Кишиневѣ; *35. *Добротинъ* Арсеній Андреевичъ, Ярославской, 1891 г., секретаремъ Думы въ Рыбинскѣ; *36. *Казанскій* Александръ Ивановичъ, Ярославской, 1891 г., городск. судьей въ Бронницахъ; 37. *Мерцаловъ* Николай Федоровичъ, Тульской, 1888 года, судебн. слѣдователемъ въ Усть-Медвѣдицкѣ; *38. *Минервинъ* Александръ Евграфовичъ, Ярославской, 1898 г., былъ доцентомъ Лицея; 39. *Орловъ* Александръ Тимофеевичъ, Тамбовской, 1880 г, судебн. слѣдоват. въ Оренбургѣ; 40. *Польскій* Михаилъ Ивановичъ, Яросл., 1895 г., членомъ окр суда въ Вологдѣ; 41. *Розовъ* Николай Николаевичъ, Яросл., 1875 г., помощн. ревизора Контрольной Палаты въ Ташкентѣ; *42. *Розовъ* Сергѣй Александровичъ, Ярославской, 1888 г., товар. губернск. прокурора въ Мензелинскѣ; 43. *Свидерскій* Іосифъ Михайловичъ, Могилевской, 1899 г., чл. окр. с. въ Кам.-Подольскѣ; 44. *Смарагдовъ* Владиміръ Васильевичъ Яросл., 1897 г., членомъ окр. суда въ Ярославлѣ; *45. *Соколовъ* Сергѣй Александровичъ, Московской 1890 г., судебн. слѣдов. въ Бронницахъ.

Второй выпускъ—1875 года.

1. Бѣляевъ Арсеній Васильевичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

*2. Волковичъ Дмитрій Львовичъ, Черниговской губ. Преподаватель техническаго училища въ Калугѣ.

3. Воскресенскій Николай Алексѣевичъ, Яросл. губ. Священникъ въ с. Рождество во Вокшарахъ Р.-Борисоглѣб. уѣзда.

4. Гейцыгъ Александръ Николаевичъ, Владимірской губ. Мировой судья въ Лодзи.

*5. Глаголевъ Иванъ Матвѣевичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

*6. Дмитревскій Федоръ Семеновичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

*7. Елпидинскій Алексѣй Петровичъ, Владимірской губ. Мировой судья въ Ломжѣ.

8- Капацинскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

*9. Мартыновъ Николай Антоновичъ, Ярославской губ. Старшій Нотаріусъ въ Ярославлѣ.

*10. Матвѣевскій Митрофанъ Евдокимовичъ, Черниговской губ. Членъ окружнаго суда въ Вяткѣ.

*11. Орловъ Михаилъ Ивановичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Калугѣ.

12. Песоченскій Иванъ Андреевичъ, Калужской губ. Присяжный повѣренный въ Пензѣ.

13. Розановъ Владиміръ Яковлевичъ, Владимірской губ. Исправникъ въ г. Меленкахъ.

14. Смирновъ Андрей Павловичъ, Костромской губер. Судебный слѣдователь въ Ветлугѣ.

*15. Соловьевъ Иванъ Павловичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Варшавѣ.

16. Сперанскій Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Уфѣ.

17. Стратилатовъ Александръ Константиновичъ Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Макарьевѣ, Нижегород. губ.

18. Стратилатовъ Иванъ Константиновичъ, Ярославской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Кадниковѣ.

*19. Стремоуховъ Андрей Михайловичъ, Ярославской губ. Товарищъ Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассац. Департ. Сената.

20. Уткинъ Петръ Петровичъ Ярославской губ. Предсѣдатель мироваго съѣзда въ Поневежѣ.

21. Чанцовъ Сергѣй Александровичъ, Смоленской губ. Мировой судья Витебскаго уѣзда.

*22. Якиманскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Мировой судья въ Ревелѣ.

Свѣдѣній не доставили: 23. *Баталинъ* Сергѣй Михайло-

вичъ, Калужской; 24. *Любимовъ* Митрофанъ Андреевичъ, Калужской; 25. *Надьинскій* Павелъ Федоровичъ, Ярославской, до 1897 г. былъ городскимъ судьей въ Екатеринбургѣ; 26. *Павловъ* Константинъ Николаевичъ, Рязанской; *27. *Фортунатовъ* Павелъ Дмитріевичъ, Тульской; 28. *Эдемовъ* Николай Дмитріевичъ, Саратовской; 29. *Яхонтовъ* Николай Алексѣевичъ, Костромской.

Находятся въ отставкѣ: 30. *Климовъ* Иванъ Васильевичъ Рязанской, до 1890 года былъ товарищ. прокурора окр. суда въ Перми; 31. *Сперанскій* Петръ Ивановичъ, Ярославской, былъ судебн. слѣдоват. въ Корчевѣ; 32. *Ильяшенко* Сергѣй Ивановичъ, съ 1894 года, изъ судебн. слѣд, Шуйскаго уѣзда

Умерли: 33. *Беллертъ* Николай Николаевичъ, Ярославской, 1876 г.; 34, *Богородскій* Иванъ Флегонтовичъ, Яросл., 1898 г., членомъ суда въ Вяткѣ; 35. *Ваведенскій* Григорій Ивановичъ, Владимірской, 1880 г., кандид. на судеб. должн при Нижегородскомъ окружномъ судѣ; 36. *Капустинъ* Константинъ Ивановичъ, Ярославской, 1882 г., судебн. слѣдов въ Слуцкѣ; *37. *Люминарскій* Николай Михайловичъ, Костромской, 1885 г., секретаремъ въ Св. Синодѣ; 38. *Минервинъ* Андрей Семеновичъ, Владимірской 1885 г., судебн. слѣдов. въ Челябинскѣ; *39. *Минервинъ* Василій Семеновочъ, Влад., 1898 г., присяжн. повѣр. въ Ельцѣ; 40. *Преображенскій* Александръ Михайловичъ, Костромской, 1887 г., помощн. оберъ-секретаря Сената; 41. *Смирновъ* Иванъ Михайловичъ, Псковской, 1884 года, судебн. слѣдоват. въ Онегѣ; *42. *Соколовъ* Степенъ Васильевичъ, Смоленской, 1883 года, судеб. слѣдов. Сѣнинскаго уѣзда; 43. *Шиповъ* Павелъ Александровичъ, Ярославской, 1883 года, судебн. слѣдоват. въ Оренбургѣ.

Третій выпускъ—1876 года

*1. Архангельскій Николай Ивановичъ, Рязанской губ. Присяжный повѣренный въ Новочеркаскѣ.

*2. Богдановъ Яковъ Ивановичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Шуѣ.

3, Волочковъ Иванъ Петровичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдователь въ Смоленскѣ.

*4. Звонниковъ Павелъ Ивановичъ, Кіевской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*5. Зерновъ Сергѣй Степановичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

6. Лапчинскій Федоръ Алексѣевичъ, Черниговской губерн. Мировой судья въ Шенкурскѣ.

*7. Лебедевъ Николай Максимовичъ, Тульской губ. Товар. прокурора въ Ставрополѣ-Кавказскомъ.

8. Маслаковъ Иліодоръ Васильевичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Казани.

9. Мелодіевъ Евлогій Евгеньевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Тулѣ.

10. Парнасовъ Петръ Петровичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора при окружномъ судѣ въ Екатеринодарѣ.

*11. Пригаровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговской губ. Членъ окружнаго суда въ Каменецъ-Подольскѣ.

*12. Писаревскій Николай Григорьевичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Гродно.

13. Разумовскій Аполлонъ Николаевичъ, Ярославской губ. Прокуроръ окружнаго суда въ Минскѣ.

14. Спасскій Владиміръ Евфимовичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ г. Крапивнѣ.

15. Стратилатовъ Михаилъ Константиновичъ, Ярослав. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Перехтѣ.

16. Субботинъ Василій Философовичъ, Яросл. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Перемышлѣ.

17. Троицкій Василій Александровичъ, Тверской губ. Судебный приставъ въ Весьегонскѣ.

Въ отставкѣ: 18. *Вознесенскій* Александръ Ивановичъ, Костромской, съ 1873 года, былъ суд. слѣдоват. въ Кинешмѣ; 19. *Маляровъ* Александръ Яковлевичъ, Оренбургской губерніи, съ 1897 года, былъ судебн. слѣдов. въ Екатеринбургѣ; 20. *Остроумовъ* Николай Ивановичъ, Калужской, 1898 г., былъ судебн. слѣдоват. въ Козельскѣ.

Свѣдѣній не доставилъ: 21. *Кирилловъ* Михаилъ Васильевичъ, Московской губ.

Умерли: 22. *Александровскій* Иванъ Михайловичъ, Тульской, 1883 г., судебн. слѣдоват. въ Вильнѣ; 23. *Лилеевъ* Ми-

хаилъ Николаевичъ, Ярославской, 1894 г., судебн. слѣдов. въ Чембарахъ; *24 *Исчаевъ* Лука Ивановичъ, Тульской, 1883 г., судебн. слѣдоват. въ Богородицкѣ; 25. *Оферьевъ* Федоръ Арсеньевичъ, Владим., 1898 г., уѣздн. чл. суда въ Ельнѣ; 26. *Прозоровскій* Михаилъ Григорьевичъ, Калужской, 1878 года, дѣлопроизводит. Калужскаго губерн. правленія; *27. *Поповъ* Степанъ Дмитріевичъ, Архангельской, 1893 года, Мировымъ судьей въ Тотьмѣ.

Четвертый выпускъ—1877 года.

1. Веселовскій Василій Аркадьевичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Минскѣ.

2. Глѣбовъ Никаноръ Васильевичъ, Рязанской губерн Окружный акцизный надзиратель въ Умани.

3. Горбатовскій Матвѣй Степановичъ, Черниговской губ. Товарищъ Предсѣдателя окружн. суда въ Красноярскѣ.

*4. Крюковъ Сергѣй Ильичъ, Тверской губ. Учитель реальнаго училища въ Курскѣ.

5. Линденбратенъ Яковъ Рафаиловичъ, Виленской губ. Присяжный повѣренный въ Могилевѣ.

6. Меморскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Присяж. повѣренный и городской голова въ Нижнемъ-Новгородѣ.

7. Невскій Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Учитель реальнаго училища въ Екатеринославѣ.

8. Никольскій Александръ Григорьевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Себежѣ, Витебской губ.

9. Никольскій Александръ Яковлевичъ, Черниговской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Опочкѣ.

10. Остряковъ Николай Яковлевичъ, Тамбовской губ. Мировой судья въ Черкасахъ.

11. Пагава, князь, Мельхиседекъ Григорьевичъ, Кутаисской губ. Директоръ Михайловск. дворян. земельн. банка въ Кутаисѣ.

12. Парвицкій Николай Ивановичъ, Владимірсков губ. Правитель канцеляріи градоначальника въ Керчь-Еникалѣ.

13. Поповъ Михаилъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь Карачевскаго уѣзда, Орловской губ.

*14. Потѣхинъ Павелъ Борисовичъ, Костромской губ. Дѣлопроизводитель VI кл. въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

15. Радугинъ Константинъ Павловичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Рязани.

16. Розовъ Николай Александровичъ, Костромской губ. Судебный приставъ въ Малоархангельскѣ, Орловской губ.

17. Святославскій Алексѣй Петровичъ, Московской губ. Товарищъ прокурора въ Орлѣ.

*18. Севастьяновъ Владиміръ Константиновичъ, Тамбовской губ. Мировой судья по выбору въ г. Шацкѣ.

*19. Славновскій Алексѣй Александровичъ, Тверской губ. Податной инспекторъ въ Астрахани.

20. Успенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Нотаріусъ въ С.-Петербургѣ.

21. Хохловъ Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь 3-го уч. Гродненскаго уѣзда.

22. Хохловъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Холмѣ, Псковской губ.

Свѣдѣній не доставили: 23. *Алякринскій* Митрофанъ Александвовичъ, Владимірской; 24. *Михайловскій* Арсеній Николаевичъ, Тверской; 25. *Сахаровъ* Владиміръ Ивановичъ, Калужской губерніи.

Находятся въ отставкѣ: 26. *Казанскій* Павелъ Андреевичъ, Тульской, съ 1896 г., изъ судебныхъ слѣдов. Мологи; 27. *Никольскій* Петръ Павловичъ, Тверской, съ 1893 г., изъ товарищей прокурора Владикавказскаго суда; 28. *Утѣхинъ* Филаретъ Владиміровичъ, Тульской, съ 1895 г., изъ судебн. слѣдоват. въ Сѣдлецахъ.

Умерли: 29. *Бенедиктовъ* Геннадій Петровичъ, Ярославской, 1896 г., былъ судебн. слѣдоват. въ Писаръ; *30. *Валединскій* Илья Іеронимовичъ, Владимірской, 1892 г., чиновн. особ. поруч. губернатора въ Нижнемъ-Новгородѣ; 31. *Галаховъ* Алексѣй Михайловичъ, Тверской, 1878 г., при Министерствѣ Юстиціи; 32. *Гродзицкій* Василій Ивановичъ, Минской, 1880 г., судебнымъ слѣд. въ Каменецъ-Подольскѣ; 33. *Духовской* Евгеній Васильевичъ, Нижегородской, 1879 г., присяжн. повѣрен. въ Москвѣ; 34. *Журавченко* Михаилъ

Ивановичъ, Черниговской, 1881 г., кандидатомъ при Ярославскомъ окр. судѣ; *35. *Казанцевъ* Леонидъ Николаевичъ, Ярославской, 1896 г., ординарнымъ профессоромъ Кіевскаго Университета; *36. *Моригеровскій* Сергѣй Ивановичъ, Тульской, 1893 г., товарищ. прокурора въ Екатеринодарѣ; *37. *Пѣтунинъ* Алексѣй Яковлевичъ, Ярославской, 1894 г., присяжн. повѣр. въ Москвѣ; 38 *Соловьевъ* Иванъ Николаевичъ, Владимірской, 1785 г. секретаремъ Таврической консисторіи; 39. *Страховъ* Александръ Семеновичъ, Московской, 1880 г., присяжнымъ стряпчимъ въ Москвѣ; 40. *Успенскій* Алексѣй Ивановичъ, Московской, 1881 г., помощникомъ присяжн. повѣр. въ Ярославлѣ.

Пятый выпускъ 1878 — года.

1. Алякринскій Григорій Артамоновичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 1 го участка Ковровскаго уѣзда.

*2. Андроссовъ Николай Ивановичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

3. Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ, Черниговской губ. Управляющій контрольной палатой въ Полтавѣ.

4. Балутинъ Флорентій Петровичъ, Черниговской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Валуйкахъ, Воронеж. губ.

*5. Есиповъ Алексѣй Николаевичъ Ярославской губ. Непремѣнный членъ губ. по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія въ Ярославлѣ.

6. Ивановскій Александръ Ивановичъ, Вологодской губ. Членъ окружнаго суда въ Вологдѣ.

7. Казанскій Василій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Дѣлопроизводитель губернскаго правленія въ Перми.

8. Лебедевъ Дмитрій Алексѣевичъ, Московской губ. Мировой судья въ Москвѣ.

9. Литовъ Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Занимается торговыми дѣлами.

10. Малиновскій Николай Григорьевичъ, Орловской губ. Судебнымъ слѣдователемъ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губ

11. Миловидовъ Александръ Ивановичъ, Владимірской губ. Городскимъ судьей въ Балахнѣ.

12. Молчановъ Владиміръ Алексѣевичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

13. Несмѣловъ Николай Алексѣевичъ, Пензенской губ. Нотаріусъ въ Уфѣ.

14. Орельскій Иванъ Александровичъ, Нижегородской губерніи, Судебный слѣдователь въ Петрозаводскѣ.

15. Орловъ Алексѣй Алексѣевичъ, Воронежской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Новочеркасскѣ.

*16. Петровскій Павелъ Лавровичъ, Ярославъ. губ. Чиновникъ особыхъ поруч. при управленіи государств. имущ. въ Новгородѣ.

17. Погожевъ Дмитрій Андреевичъ, Московской губерн. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

18. Путилинъ Александръ Ивановичъ, Воронежской губерніи. Судебный слѣдователь Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи

19. Реутскій Митрофанъ Ивановичъ, Черниговской губ. Въ управленіи волжско-камскаго банка въ Петербургѣ.

20. Серафимовъ Николай Константиновичъ, Костромской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Котельничѣ.

21. Соколовъ Илья Васильевичъ, Смоленской губерн. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи.

22. Срѣтенскій Евгеній Аврамьевичъ, Ярославской губ. Секретарь духовной консисторіи въ Житомірѣ.

23. Стратилатовъ Николай Петровичъ, Ярославской губ. Преподаватель реальнаго училища въ Иркутскѣ.

24. Ундольскій Сергѣй Александровичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Керчи.

25. Шумилинъ Николай Петровичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Варшавѣ.

Свѣдѣній не доставили: 26. *Афанасьевъ* Маркъ Ивановичъ, Тамбовской губ.; 27. *Виноградовъ* Дмитрій Алексѣевичъ, Владимірской; 28. *Красноперцевъ* Алексѣй Ивановичъ, Тульской; 29. *Лавровъ* Алексѣй Андреевичъ, Орловской; 30. *Поспѣловъ* Николай Алексѣевичъ, Московской.

Умерли: 31. *Вознесенскій* Николай Алексѣевичъ, Тверской, 1893 г., судебн. слѣдов. въ Оренбургской губ.; 32. *Воскресенскій* Николай Дмитріевичъ, Тульской, 1894 г., судебн. слѣдоват. въ Ковенской губ.; 33. *Гладковъ* Владиміръ

Григорьевичъ, Ярославской, 1888 г., присяжн. повѣрен. во Владимірѣ; *34. *Доброхотовъ* Александръ Алексѣевичъ, Ярославской, 1883 г., судебн. слѣдоват. въ Устюгѣ; 35. *Моревъ* Николай Николаевичъ, Ярославской, 1891 г., въ Оренбургѣ членомъ соединенной палаты; 36. *Сергѣевъ* Петръ Степановичъ, Воронежской, 1893 г., судебн. слѣдоват. въ Задонскѣ; 37. *Страховъ* Иванъ Игнатьевичъ, Тверской, 1882 года.

Шестой выпускъ—1879 года.

1. Алякринскій Иванъ Артамоновичъ, Владимірской губерн. Мировой судья Николаевскаго уѣзда, Тургайской области.

*2. Артыновъ Евгеній Дмитріевичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

3. Лебедевъ Василій Григорьевичъ, Врадимірской губ. Членъ окружнаго суда во Владимірѣ.

4. Никольскій Николай Яковлевичъ, Черниговской губерніи. Судебный слѣдоват. 3-го уч. Винницкаго уѣзда, Подольской губ.

*5. Образцовъ Семенъ Флегонтовичъ, Вологодской губ. Учитель 2-го реальнаго училища въ Петербургѣ.

*6. Орлинскій Евгеній Ивановичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Пензѣ.

7. Смирновъ Андрей Константиновичъ, Рязанской губ. Судебный слѣдователь въ Белебеѣ.

*8. Соколовъ Николай Федоровичъ, Тверской губ. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

9. Стефановскій Александръ Трофимовичъ, Черниговской губ. Членъ окружнаго суда въ Гродно.

*10. Успенскій Алексѣй Федоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Двинскѣ, Витебской губ.

*11. Флорентинскій Владиміръ Николаевичъ, Нижегородской губерніи. Товарищъ прокурора въ Гродно.

*12. Фортунатовъ Константинъ Александровичъ, Тверской губерніи. Уѣздный членъ суда въ Смоленскѣ.

Свѣдѣній не доставили: 13. *Бѣлоровскій* Михаилъ Петр., Черниговск., до 1897 г. былъ совѣтникомъ губ. суда въ

Томскѣ; 14. *Романовскій* Алексѣй Константиновичъ, Московской губ.; 15. *Ураковъ* Павелъ Петровичъ, Костромской губ.

Находится въ отставкѣ: 16. *Алексѣевскій* Александръ Вас., Тверской, съ 1892 года, изъ судебн. слѣдоват. Воронежа.

Умерли: 17. *Виноградовъ* Ив. Сергѣевичъ, Костромской, 1896 г., помощникомъ дѣлопроизводителя въ кабинетѣ Его Императорскаго Величества; 18. *Знаменскій* Николай Павловичъ, Владимірской, 1897 г., судебн. слѣдовател. въ Нижнемъ-Новгородѣ; 19. *Козловскій* Иванъ Гавриловичъ, Могилевской, 1890 г., судебн слѣдоват. въ Трокахъ; 20. *Мировъ* Алексѣй Алексѣевичъ, Ярославской, 1880 г., помощникомъ попечителя Калмыковъ въ Астрахани; 21. *Платоновъ* Иванъ Ивановичъ, 1895 г., судебн. слѣд. въ Елатьмѣ; *22. *Титовъ* Сергѣй Георгіевичъ, Костромской, 1896 г., городскимъ судьей въ Тотьмѣ.

Седьмой выпускъ—1880 года.

1. Бѣляевъ Иванъ Ивановичъ, Владимірской губ. Городской судья въ Вязникахъ.

2. Валединскій Викторъ Іеронимовичъ, Владимірской губерн. Предсѣдателемъ мироваго съѣзда въ Кизлярѣ.

*3. Граціановъ Александръ Яковловичъ, Нижегородской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Романово-Борисоглѣбскѣ.

*4. Красовскій Александръ Антоновичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Тифлисѣ.

5. Любимовъ Иванъ Ѳомичъ, Рязанской губерн. Членъ окружнаго суда въ Ковно.

6. Орловъ Иванъ Николаевичъ, Московской губ. Городской судья въ Ардатовѣ, Симбирской губ.

**7. Рапопортъ Алексѣй Львовичъ, Кіевской губерн. Присяжный повѣренный въ Кіевѣ.

8. Розановъ Гавріилъ Петровичъ, Рязанской губ. Частный повѣренный въ Скопинѣ.

9. Розовъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губ. Мировой судья Мезенскаго уѣзда, Архангельской губ.

10. Язвицкій Константинъ Павловичъ, Владимірской губ. Частный повѣренный въ Суздалѣ.

*11. Яковлевъ Иванъ Георгіевичъ, Петербургской губ. Городской судья въ Ковровѣ. Владимірской губ.

Свѣдѣній не доставили: *12. *Гусевъ* Николай Николаевичъ, Московской; 13. *Ждановъ* Андрей Андреевичъ, Полтавской; 14. *Фортунатовъ* Гавріилъ Дмитріевичъ, Тульской губерніи.

Находятся въ отставкѣ: 15. *Колосовскій* Иванъ Владиміровичъ, съ 1894 г., былъ членомъ соединенной палаты въ Уфѣ; *16. *Пятницкій* Михаилъ Петровичъ, Ярославской, изъ судеб слѣдоват. Кологрива; 17. *Чернобровцевъ* Василій Дмитріевичъ, Владимірской, съ 1895 г., былъ судеб. слѣдоват. въ Семеновѣ, Нижегородской губерн.; *18. *Шубинъ* Никаноръ Александровичъ, съ 1895 г., былъ членомъ окр. суда въ Баку.

Умерли: *19. *Безсоновъ* Александръ Михайловичъ, Московской, 1888 г., былъ присяжн. повѣрен. въ Москвѣ; 20. *Горлицынъ* Владиміръ Авксентьевичъ, Ярославской, 1880 г. 21. *Дубенскій* Николай Николаевичъ, Петерб., 1897 г., товар. прокур. въ Костромѣ; 22. *Муравьевъ* Сергѣй Ивановичъ, Московской, 1894 г., суд. слѣдоват. въ Болховѣ; 23. *Пѣнскій* Алексѣй Николаевичъ, Тверской, съ 1891 г., секретаремъ акцизнаго управленія въ Ковно.

Восьмой выпускъ 1881 года.

1. Аменицкій Иванъ Александровичъ. Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Уфѣ.

2. Богородскій Леонидъ Алексѣевичъ, Ярославской губ. Почетный мировой судья въ Ярославлѣ.

3. Вишняковъ Михаилъ Семеновичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

4. Истоминъ Александръ Ивановичъ, Тверской губ. Товарищъ прокурора въ Астрахани.

5. Коржавинъ Николай Николаевичъ, Московской губ. Судебный Слѣдователь въ Звенигородѣ.

*6. Критскій Иванъ Александровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣвователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Череповцѣ.

7. Любомудровъ Михаилъ Александровичъ, Тульской губ. Судебн. слѣд. 4-го участка Ставропольск. уѣзда на Кавказѣ.

8. Лялинъ Михаилъ Николаевичъ, Владимірской губ. Земскій начальникъ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Владимірской губ.

9. Малевскій-Малевичъ Александръ Юльевичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный въ Твери.

10. Поповъ Лавръ Андреевичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора въ Екатеринбургѣ.

11. Предтечевскій Николай Андреевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Галичѣ.

12. Приселковъ Владиміръ Захаровъ, Тверской губ. Членъ окружнаго суда въ Ригѣ.

*13. Раевскій Евгеній Александровичъ, Ярославской губерніи. Старшій нотаріусъ при окр. судѣ въ Черниговѣ.

14. Смирновъ Василій Семеновичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ суда въ Сосницахъ, Черниговской губ.

15. Смирновъ Михаилъ Михайловичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Шуѣ.

*16. Смоленскій Михаилъ Федоровичъ, Тверской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Кишиневѣ.

*17. Телегинъ Сергѣй Александровичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Меленкахъ.

*18. Шахъ-Азизъ Семенъ Іоакимовичъ, Эриванской губ. Помощникъ мироваго судьи въ Баку.

Свѣдѣній не доставили: *19. *Ильинъ* Порфирій Николаевичъ, Петербургской губ.; 20. *Крыловъ* Павелъ Александровичъ, Ярославской; 21. *Соколовъ* Александръ Глѣбовичъ, Ярославской.

Находится въ отставкѣ: 22. *Гоффманъ* Антонъ Эдуардовичъ, Могилевской, съ 1891 г., изъ суд. слѣдов. Духовщины.

Умерли: 23. *Милославовъ* Павелъ Афанасьевичъ, Ярославской, 1889 года; 24. *Поповъ* Дмитрій Васильевичъ, Вологодской. 1886 года, былъ пом. присяжн. повѣр. въ Ярославлѣ; 25. *Раевскій* Федоръ Константиновичъ, Костромской, 1783 года, канд. при окр. судѣ въ Костромѣ; 26. *Рождественскій* Федоръ Дмитріевичъ, Московской, 1892 года, помощн. секретаря судебной палаты въ Москвѣ: 27. *Троицкій* Василій Михайловичъ, Тульской 1891 г., судебн. слѣдоват.

въ Уфимской губ.; 28. *Троицкій* Василій Федоровичъ, Рязанской, 1891 года, судебнымъ слѣдователемъ въ Бессарабской губерніи.

Девятый выпускъ—1882 года.

1. Александровскій Владиміръ Андреевичъ, Владимірской губ. Секретарь духовной консисторіи въ Костромѣ.

2. Алексѣевъ Михаилъ Петровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдоват. 15-го уч. Варшавскаго окр. суда.

3. Введенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Мировой судья въ Юрьевѣ, Лифляндской губ.

4. Дагаевъ Аркадій Федоровичъ, Воронежской губерн. Членъ окружнаго суда въ Москвѣ.

5. Дмитревскій Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдоват. въ Кирилловѣ, Новгородской губ.

*6. Ивановъ Николай Аполлоновичъ, Тульской губ. Земскій начальникъ Епифанскаго уѣзда.

7. Лебедевъ Сергѣй Антоновичъ, Владимірской губ. Городской судья въ Камышинѣ, Саратовской губ.

*8. Полетаевъ Павелъ Арсеньевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Солигаличѣ.

9. Полянскій Федоръ Ивановичъ, Воронежской губ. Присяжный повѣренный въ Воронежѣ.

10. Свѣтловъ Константинъ Петровичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора въ Тамбовѣ.

11. Соколовъ Иванъ Іассоновичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

*12. Твериціи Павелъ Федоровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ въ Ярославлѣ.

13. Троицкій Александръ Ивановичъ, Московской губ. Помощникъ акцизн. надзирателя въ Сапожкѣ, Рязанской губ.

Находятся въ отставкѣ: 14. *Кондратьевъ* Михаилъ Петровичъ, Московской, съ 1894 г., изъ судебн. слѣдоват. гор. Мурома; 15. *Платоновъ* Василій Александровичъ, Тамбовской, съ 1896 г., былъ членовъ соединен. палаты въ Архангельскѣ.

Умерли: 16. *Надеждинъ* Сергѣй Александровичъ, Владимірской губ., 1894 г., податн. инспект. въ Покровѣ; 17. *Ораевскій* Федоръ Александровичъ, Ярославской, 1896 г. мировымъ судьей въ Павлоградѣ.

Десятый выпускъ — 1883 года.

1. Агриковъ Василій Дмитріевичъ, Владимірской грб. Податной Инспекторъ въ Александровѣ, Владимірской губ.

2. Андруцкій Гавріилъ Дмитріевичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь въ Вилейскомъ у., Виленской губерніи.

*3. Благовѣщенскій Иванъ Дмитріевичъ, Орловской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Весьегонскѣ.

4. Богородскій Василій Николаевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Раненбургѣ.

*5. Бѣлопольскій Петръ Васильевичъ, Воронежской губ. Присяжный повѣренный въ Астрахани.

6. Вѣлявскій Александръ Алексѣевичъ, Смоленской губ. Товарищъ прокурора въ Симферополѣ.

*7. Введенскій Константинъ Евгеньевичъ, Вологодской губ. Мировой судья по назначенію въ Пружанахъ, Гродненской губ.

*8. Вишневскій Алексѣй Дмитріевичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Смоленскѣ.

9. Воздвиженскій Петръ Петровичъ, Московской губ. Секретарь окружнаго суда въ Москвѣ.

*10. Голубцовъ Алфей Александровичъ, Вологодской губ. Членъ окружнаго суда въ Архангельскѣ.

*11. Григоревскій Петръ Семеновичъ, Курской губ. Членъ окружнаго суда въ Архангельскѣ.

12. Добрянскій Феодосій Николаевичъ, Черниговской губ. Мировой судья въ Фридрихсштадтѣ, Курляндской губ.

13. Земблиновъ Александръ Ивановичъ, Пензенской губ. Судебный слѣдователь Мокшанскаго уѣзда, Пензенской губерніи.

14. Зубовскій Іосифъ Федотовичъ, Могилевской губ. Мировой судья въ Летичевѣ.

15. Ивановъ Петръ Дмитріевичъ, Воронежской губ. Судебный приставъ въ Рузѣ, Московской губ.

16. Ивинскій Федоръ Петровичъ, Тамбовской губ. Присяжный повѣренный въ Тамбовѣ.

17. Казанскій Сергѣй Алексѣевичъ, Нижегородской губ. Помощникъ мироваго судьи въ Сыръ-Дарьинской области.

18. Калинниковъ Евгеній Дмитріевичъ, Архангельской губ. Учитель реальнаго училища въ Митавѣ.

19. Козловскій Сергѣй Александровичъ, Черниговской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

20. Лебедевъ Василій Федоровичъ, Уфимской губ. Мировой судья Могилевскаго округа.

*21. Невскій Дмитрій Александровичъ, Ярославской губ. Библіотекарь Демидовскаго Юридическаго Лицея.

22. Плавтовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губ. Помощн. надзир. V окр. акцизн. управленія Черниговской губ.

23. Погожевъ Игнатій Дмитріевичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Семеновѣ, Нижегородской губ.

24. Процвѣталовъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Товарищъ прокурора въ Ломжѣ.

*25. Розановъ Константинъ Александровичъ, Вологодской губ. Присяжный повѣренный въ Вологдѣ.

26. Сацердотовъ Степанъ Степановичъ, Вологодской губ. Уѣздн. членъ суда въ Великомъ Устюгѣ.

27. Сербскій Василій Матвѣевичъ, Московской губ. Мировой судья въ Тельшахъ.

28. Степановъ Сергѣй Никитичъ, Московской губерн. Членъ окружнаго суда въ Кутаисѣ.

*29. Троицкій Веніаминъ Виссаріоновичъ, Черниговской губ. Уѣздный членъ суда въ Городнѣ, Черниговской губерніи.

30. Троцкій Гурій Аристарховичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Каменецъ-Подольскѣ.

31. Чернобровцовъ Константинъ Ивановичъ, Владимірской губ. Помощникъ бухгалтера въ Юрьевскомъ уѣздномъ казначействѣ.

32. Шмигельскій Константинъ Григорьевичъ, Кіевской губ. Мировой судья въ Кѣлецкой губ.

33. Язвицкій Александръ Павловичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный во Владимірѣ.

*34. Федоровъ Владиміръ Васильевичъ, Ставропольской губ. Членъ окружнаго суда въ Томскѣ.

35. Фоминъ Василій Яковлевичъ, Олонецкой губ. Помощникъ дѣлопроизвод. канцеляріи Государств Контроля VII класса.

Въ отставкѣ: *36. *Введенскій* Николай Дмитріевичъ, Яросл., съ 1898 г., былъ судебн. слѣдоват. въ Кадниковѣ.

Свѣдѣній не доставили: *37. *Соловьевъ* Николай Васильевичъ, Олонецкой. въ 80-хъ годахъ былъ секрет. Таврич. Консисторіи; *38. *Тихонравовъ* Александръ Федоровичъ, Симбирской; 39. *Юрьевъ* Алексѣй Николаевичъ, Курской.

Умерли: 40. *Бѣлогостицкій* Петръ Ивановичъ, Ярославской губ., 1891 г., судебн. слѣдоват. въ Любимѣ; *41. *Воскресенскій* Дмитрій Андреевъ, Тверской, 1891 г., судебн. слѣд. въ Великихъ Лукахъ; *42. *Невскій* Александръ Ивановичъ, Тверской, 1893 г., судебн. слѣдоват. въ Каменецъ-Подольскѣ; 43. *Образцовъ* Сергѣй Флегонтовичъ, Вологодской, 1890 г., судебн. слѣд. въ Архангельскѣ; 44. *Поповъ* Александръ Ивановичъ, Харьковской, 1888 г., секрет. окружнаго суда въ Гродно; 45. *Успенскій* Алексѣй Петровичъ, Тульск., въ 1898 г., присяжнымъ повѣреннымъ въ Тулѣ; 46. *Шмаковъ* Семенъ Васильевичъ, Архангельской, 1888 года, секретаремъ окр. суда въ Вологдѣ.

Одиннадцатый выпускъ—1884 года.

1. Авдіевъ Николай Ивановичъ, Курской губ. Судебный слѣдователь въ Ферганской области.

2. Альбовъ Иванъ Павловичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при военномъ прокурорѣ въ Казани.

3. Благонадеждинъ Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Уфѣ.

4. Бруевичъ Иванъ Ивановичъ, Могилевской губ. Старшій нотаріусъ въ Могилевѣ.

5. Введенскій Иванъ Григорьевичъ, Владим. губ. Секретарь окружнаго суда въ Н.-Новгородѣ.

6. Виноградовъ Николай Александровичъ, Ярославской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда во Владимірѣ.

7. Голосовъ Александръ Александровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Устьсысольскѣ.

8. Голубцовъ Павелъ Александровичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Никольскѣ, Вологодской губ.

9. Дмитріевъ Михаилъ Александровичъ, Архангельской губ. Начальникъ отдѣленія казенной палаты въ Саратовѣ.

*10. Звѣревъ Александръ Михайловичъ, Московской губ. Членъ окружнаго суда въ Либавѣ.

*11. Зыковъ Тимофей Яковлевичъ, Ярославской губ. Окружный акцизный надзиратель въ Ржевѣ.

*12. Казанскій Алексѣй Васильевичъ, Московской губ. Членъ окружнаго суда въ Твери.

*13. Лебедевъ Иванъ Александровичъ [1]), Олонецкой губ. Мировой судья въ Архангельскѣ.

14. Лебедевъ Павелъ Васильевичъ, Московской губ. Судебный приставъ при окружномъ судѣ въ Москвѣ

15. Леоновъ Евфимій Петровичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь въ Воронежѣ.

*16. Любимовъ Павелъ Николаевичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Борисовѣ, Минской губ.

*17. Миславскій Николай Федоровичъ, Черниговской губ. Мировой судья въ Житомірѣ.

18. Михайловъ Михаилъ Николаевичъ, Орловской губ. Частный повѣренный въ Харьковѣ.

19. Моисеевъ Федоръ Ивановичъ, Харьковской губ. Присяжный повѣренный въ Саратовѣ.

*20. Невзоровъ Александръ Серафимовичъ, Оренбургской губ. Испр. должн. экстраорд. проф. въ Юрьевскомъ Университетѣ.

*21. Нехорошевъ Тимофей Васильевичъ, Томской губ Начальникъ отдѣленія въ лѣсномъ департаментѣ.

22. Никифоровскій Андрей Васильевичъ, Костромской губ. Податной инспекторъ въ Рыбинскѣ.

23. Павловскій Сергѣй Александровичъ. Орловской губ. Членъ окружнаго суда въ Оренбургѣ.

24. Плетневъ Андрей Алексѣевичъ, Курской губ. Уѣздный членъ суда въ Царевѣ, Астраханской губ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

25. Покровскій Сергѣй Алексѣевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Нолинскѣ, Вятской губ.

*26. Поповскій Иванъ Ивановичъ, Воронежской губер. Прокуроръ окружнаго суда въ Сувалкахъ.

27. Поповъ Николай Александровичъ, Костромской губ. Мировой судья Венденъ-Варскаго округа, Лифляндской губ.

28. Поповъ Федоръ Львовичъ, Вятской губ. Начальникъ отдѣл. казенной палаты въ Вологдѣ.

29. Приступа Георгій Игнатьевичъ, Волынской губер. Присяжный повѣренный въ Кіевѣ.

30. Протопоповъ Алексѣй Андреевичъ, Владимірской губ. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Овручѣ, Волын. губ.

31. Раевскій Сергѣй Михайловичъ, Нижегородской губ. Управляющій казенной палаты въ Читѣ.

32. Робустовъ Василій Ивановичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Самарѣ.

33. Рождественскій Константинъ Николаевичъ, Тамбовской губ. Земскій начальникъ Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губ.

34. Рязанцевъ Дмитрій Ивановичъ, Тверской губ. Дѣлопроизводитель въ департаментѣ Министерства Юстиціи.

35. Самаринъ Сергѣй Николаевичъ, Вологодской губ Уѣздный членъ суда въ Кѣльцахъ.

36. Самойловичъ Владиміръ Александровичъ, Полтавской губ. Судебный слѣдователь въ Астраханской губ.

**37. Сангалло Николай Карловичъ, Владимірской губер. Предсѣдатель земской управы въ Камышловѣ.

38. Сахаровъ Александръ Лукичъ, Рязанской губ. Городской судья въ Полтавѣ.

39. Сементовскій Иванъ Петровичъ, Оренбургской губ. Тюремный инспекторъ въ Кіевѣ.

*40. Серповскій Николай Григорьевичъ [1]), Тамбовской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Петербургѣ.

41. Сперанскій Николай Ивановичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окр. судѣ во Владимірѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

42. Стефановъ Николай Григорьевичъ, Смолен. губерн. Дѣлопроизводитель каз. пал. въ Вологдѣ.

43. Струменскій Евгеній Евгеньевичъ, Подольской губ. Пом. мироваго судьи въ Ахалцихѣ.

44. Сущинскій Германъ Васильевичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь въ Чаусахъ.

*45. Трехлѣтовъ Александръ Матвѣевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Ярославлѣ.

46. Троицкій Николай Петровичъ, Тверской губер. Городской судья въ Ржевѣ.

47. Труфановъ Василій Константиновичъ, Харьковской губ. Мировой судья въ Велюни, Калишской губ.

48. Флоринскій Константинъ Ивановичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Лубнахъ, Полтавской губ.

49. Фортунатовъ Петръ Степановичъ, Казанской губ Помощ. мироваго судьи въ Ставрополѣ—Кавказскомъ.

50. Хохловъ Александръ Васильевичъ, Черниговской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*51. Часовниковъ Федоръ Михайловичъ, Воронежской губ. Присяжн. повѣрен. въ Москвѣ.

52. Чулановскій Михаилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Товарищъ прокурора въ Екатеринодарѣ.

53. Шелепинъ Василій Іустиновичъ, Могилевской губ. Мировой судья въ Умани.

Находятся въ отставкѣ: 54. *Высотскій* Иванъ Капитоновичъ, Орловской. до 1892 г. былъ суд. слѣд. въ Вѣрномъ; 55. *Городецкій* Александръ Степановичъ, Пензенской, до 1893 г. былъ судебн. слѣд. въ Челябинскѣ; *56. *Семидаловъ* Владиміръ Ивановичъ, Енисейской, до 1897 г. былъ окруж. судьей въ Красноярскѣ; 57. *Страховъ* Михаилъ Васильевичъ, Калужской, до 1894 г. былъ суд. слѣд. въ Боровскѣ.

Свѣдѣній не доставили: 58. *Купріановъ* Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ.; 59. *Петровскій* Митрофанъ Іоакимовичъ, Воронежской; 60. *Скворцовъ* Павелъ Космичъ, Московской; 61. *Спасскій* Вас. Павл., Владим., былъ тов. прок. въ Оренбургѣ; 62. *Троицкій* Алексѣй Арсеньевичъ, Тверской; 63. *Цвѣтаевъ* Павелъ Васильевичъ, Московской губ.

Умерли: 64. *Аргентовскій* Евграфъ Васильевичъ, Тобольской губ., 1892 г., былъ засѣдателемъ окр. суда въ Каинскѣ; *65. *Бесѣдкинъ* Павелъ Федоровичъ, Московской, 1892 г.

приватъ-доцентъ Лицея; 66. *Грацинскій* Павелъ Павловичъ, Воронежской, 1893 г., городскимъ судьей въ Стародубѣ; 67. *Громковскій* Иванъ Кодратовичъ, 1896 г., судебн слѣдоват. въ Ананьевѣ; 68. *Заваринъ* Владиміръ Павловичъ, Вологодской, 1893 г., судебн. слѣдоват. въ Бугульмѣ; 69. *Никольскій* Дмитрій Герасимовичъ, 1896 г., товар. прокур. въ Читѣ; *70. *Сулковскій* Василій Константиновичъ, Минской, 1890 г; 71. *Флеровъ* Сергѣй Александровичъ, Тверской, 1896 г., уѣзднымъ членомъ суда въ Белебѣе; 72. *Хохловъ* Алексѣй Александровичъ, Тверской, 1890 г., судебн слѣдоват. въ Минскѣ; 73. *Θедосьевъ* Александръ Петровичъ, Владимірской, 1894 г., судебн. слѣдоват. въ Сызрани.

Двѣнадцатый выпускъ—1885 года.

1. Агеевъ Иванъ Васильевичъ, Полтавской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Роменскаго уѣзда, Полтавской губ.

2. Бакулевскій Иванъ Гавриловичъ, Казанской губерн., Судебный слѣдователь въ Шадринскѣ.

3. Богородскій Всеволодъ Сергѣевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь Иллукстскаго уѣзда, Курляндской губ.

4. Богословскій Сергѣй Дмитріевичъ, Орловской губ. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

*5. Будзиловичъ Николай Николаевичъ, Минской губ. Судебн. слѣдоват. 3-го уч. Новогрудскаго уѣзда, Минской губ.

6. Быстрицкій Всеволодъ Владиміровичъ, Владимірской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Муромѣ.

7. Бѣляевъ Иванъ Васильевичъ, Харьковской губерн. Членъ окружнаго суда въ Самаркандѣ.

*8. Введенскій Федоръ Викторовичъ, Орловской губ. Городской судья въ Воронежѣ.

9. Виноградскій Николай Степановичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Люблинѣ.

10. Вознесенскій Василій Константиновичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

11. Вознесенскій Николай Аркадьевичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Кологривѣ.

12. Гуибинъ Василій Алексѣевичъ, Тверской губ. Товарищъ прокурора въ Уфѣ.

13. Казанскій Петръ Ивановичъ, Владимірской губерн. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Вязникахъ.

14. Картвеловъ Михаилъ Лаврентьевичъ, Тифлисской губ. Помощникъ мироваго судьи по Тифлисскому уѣзду.

15. Короткевичъ Николай Дмитріевичъ, Черниговской губ. Мировой судья въ Ковелѣ, Волынской губерніи.

16. Лавровъ Веніаминъ Тихоновичъ, Орловской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Брянскѣ.

17. Лисицынъ Николай Васильевичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Новоторжскѣ.

18. Лубнинъ Алексѣй Дмитріевичъ, Вятской губ Городской судья въ Слободскомъ, Вятской губерніи.

19. Медвѣдевъ Александръ Семеновичъ, Тверской губ. Директоръ земельнаго банка въ Самарѣ.

20. Нечаевъ Сергѣй Петровичъ, Черниговской губ. Мировой судья въ Шавли.

21. Никольскій Владиміръ Ильичъ, Тульской губ. Секретарь окружнаго суда въ Тулѣ.

22. Никольскій Павелъ Ивановичъ, Тверской губ. Городской судья въ Калязинѣ.

23. Новицкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Предсѣдатель мироваго съѣзда въ Новогрудскѣ, Минской губ.

24. Поповъ Иванъ Алексѣевичъ, Вологодской губ. Мировой судья въ Горкахъ, Могилевской губ.

25. Поповъ Николай Степановичъ, Воронежской губ. Уѣздный членъ суда въ Белебеѣ.

26. Соловьевъ Иванъ Петровичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Иваново-Вознесенскѣ.

27. Спасскій Павелъ Александровичъ, Ярославской губ. Мировой судья въ Архангельскѣ.

28. Троицкій Николай Александровичъ, Костромской. губ. Товарищъ прокурора въ Енисейскѣ.

29. Туношенскій Василій Васильевичъ, Ярославской губ. Помощникъ ревизора контрольной палаты въ Ярославлѣ

30. Феликсовъ Евгеній Андреевичъ, Симбирской губ. Судебный слѣдователь въ Бирскѣ, Уфимской губ.

31. Хабурзанія Антонъ Степановичъ, Тифлисской губ. Мировой судья въ Сваитскѣ, Кутаисской губ.

32. Цѣлицо Владиміръ Леонтьевичъ, Могилевской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Витебскѣ.

33. Чарнецкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Судебный слѣдователь по важнымъ дѣламъ въ Луцкѣ.

Свѣдѣній не доставили: 34. *Виноградовъ* Николай Николаевичъ, Орловской; 35. *Гродзицкій* Митрофанъ Іосифовичъ, Минской; *36. *Проценко* Николай Николаевичъ, Петербургской, до 1895 г. служилъ въ Минист. Финансовъ; 37. *Третьяковъ* Иванъ Антоновичъ, Смоленской.

Находятся въ отставкѣ: 38. *Ломакинъ* Константинъ Павловичъ, Курской, до 1898 г. былъ судебн. слѣдоват. въ Либавѣ; 39. *Преображенскій* Василій Ивановичъ, Московской, до 1893 года былъ судебн. слѣдоват. въ Кологривѣ; 40. *Рклицкій* Николай Васильевичъ, Черниг., 1895 г., город. судьей въ Бронницахъ; 41. *Соколовъ* Александръ Васильевичъ, Костр., съ 1898 г., былъ мировымъ судьей въ Игумнѣ; 42. *Соколовъ* Дмитрій Ивановичъ, Ярославской, до 1892 г. былъ судебн. слѣд. въ Бирскѣ; 43. *Тюльпановъ* Федоръ Степ., Владим., съ 1899 г., былъ суд. слѣд. въ Юрьевѣ, Владим. губ.; *44. *Четыркинъ* Павелъ Васильевичъ, Смоленской, до 1891 года былъ судебн. слѣдоват. Лидскаго уѣзда.

Умерли: *45. *Архангельскій* Иванъ Космичъ, Ярославской, 1895 г., былъ членомъ окр. суда въ Бѣльцахъ; 46. *Дрогомирецкій* Дмитрій Ѳеофановичъ, 1896 г., служилъ по акцизу въ Подольской губ.; 47. *Ерасси* Владиміръ Ивановичъ, Владимірской, 1887 г., помощн. присяжн. повѣр. во Владимірѣ; 48. *Зыковъ* Арсеній Павл., Тверск., 1899 г., миров. судьей въ Виленск. губ.; 49. *Никольскій* Федоръ Петровичъ, Калужской, 1892 г., судеб. слѣдоват. въ Белебеѣ; *50. *Смирновъ* Дмитрій Васильевичъ, Ярославской, 1894 г., присяжн. повѣр. въ Нижнемъ-Новгородѣ; *51. *Сперанскій* Петръ Ивановичъ, Калужской, 1896 г., кандидатомъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Калугѣ; 52. *Шугаевскій* Иванъ Николаевичъ, Черниговской, 1888 года, кандидатомъ на судебн. должн при окр. судѣ въ Каменецъ-Подольскѣ; 53. *Ѳедотовъ* Арсеній Петров., Воронежск., 1898 г., суд. слѣд. въ Новохоперскѣ.

XXV.

Тринадцатый выпускъ—1886 года.

1. Антоновъ Митрофанъ Давыдовичъ, Харьковской губ. Мировой судья въ Бакинской губ.

*2. Архангельскій Владиміръ Хрисанфовичъ, Симбирск. губ. Судебный слѣдователь въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

3. Боевской Николай Александровичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

4. Бочаговъ Александръ Ивановичъ, Ярославской губ. Помощникъ контролера акцизнаго управленія въ Петербургѣ.

5 Воротниковъ Василій Сергѣевичъ, Томской губ. Судебный слѣдователь Каширскаго уѣзда.

6. Воскресенскій Александръ Андреевичъ, Тверской губ. Податной инспекторъ въ Вышнемъ-Волочкѣ.

*7. Иваншинъ Евгеній Матвѣевичъ, Воронежской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

8. Илличъ Александръ Александровичъ, Подольской губ. Судебный слѣдователь въ Ямполлѣ.

9. Киріевъ Андрей Семеновичъ, Полтавской губ. Уѣздный членъ суда въ Великомъ Устюгѣ.

10. Леоновъ Алексѣй Георгіевичъ, Уфимской губ. Земскій начальникъ въ Белебеѣ, Уфимской губ.

11. Малининъ Иванъ Никитичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Бобруйскѣ.

12. Марковъ Александръ Николаевичъ, Воронежской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

13. Мирмиковъ Сергѣй Алексѣевичъ, Смоленской губ Членъ окружнаго суда въ Семипалатинскѣ.

14. Михайловскій Константинъ Николаевичъ, Нижегородской губ. Пом. мироваго судьи въ Калмыковѣ, Уральской обл.

15. Модестовъ Сергѣй Сергѣевичъ, Московской губ. Членъ окружнаго суда въ Оренбургѣ.

*16. Нагинъ Андрей Павловичъ, Псковской губ, Городской судья въ Порховѣ.

17. Поповъ Михаилъ Алексѣевичъ, Харьковской губ Судебный слѣдователь въ Богучарахъ.

18. Роговъ Василій Дмитріевичъ, Петербургской губ. Судебный слѣдователь въ Аккерманѣ.

*19. Розовъ Константинъ Ивановичъ, Ярославской губ. Податной инспекторъ въ Любимѣ.

*20 Сергѣевскій Владиміръ Васильевичъ, Самарской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Алатыри.

21. Синебрюховъ Александръ Ивановичъ, Уфимской губ. Судебный слѣдователь въ Бобруйскѣ.

*22. Скопинскій Александръ Васильевичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда во Владимірѣ.

23. Скульскій Петръ Николаевичъ, Ярославской губ. Пом. ревизора контрольной палаты въ Ярославлѣ.

*23. Срѣтенскій Семенъ Александровичъ, Петербургской губ. Дѣлопроизв. судебнаго отдѣла Госуд. Банка.

25. Удинцовъ Николай Васильевичъ, Пермской губ. Судебный слѣдователь 3-го участка Соликамскаго уѣзда.

26. Успенскій Николай Алексѣевичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Проскуровѣ, Подольской губ.

*27. Чоловской Михаилъ Федоровичъ, Могилевской губ. Непремѣнный членъ уѣздн. по крест. дѣл. прис. въ Слуцкѣ.

*28. Чулановскій Гавріилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Судебный слѣдователь въ Ставрополѣ на Кавказѣ.

29. Шипинъ Александръ Павловичъ. Ярославскей губ. Городской судья въ Себежѣ, Витебск. губ.

*30. Щербина Матвѣй Петровичъ, Харьковской губ. Окружный судья въ Хабаровскѣ.

Находится въ отставкѣ: 31. *Ѳеденковъ* Григорій Игнатьевичъ, съ 1896 г., былъ судебн. слѣд. въ Таганрогѣ.

Свѣдѣній не доставили: 32. *Каменцовъ* Петръ Николаевичъ, Ярославской губ.; 33. *Мясииковъ* Александръ Александровичъ, Тверской; 34. *Невскій* Александръ Арсеньевичъ, Тверской; *35. *Отрошкевичъ* Николай Савичъ, Витебской; *36. *Петровъ* Митрофанъ Петровичъ, Харьковской; 37. *Пятницкій* Александръ Константиновичъ, Тульской; 38. *Чумаевскій* Александръ Сергѣевичъ, Саратовской.

Умерли: 39. *Богоявленскій* Филадельфъ Васильевичъ, Казанской губ., 1887 г., кандидатомъ при окр. судѣ въ Ярославлѣ; *40. *Демидовичъ* Александръ Федоровичъ, Екатеринославской; 1892 г., помощн. исправника въ Курскѣ.

XXVII.

Четырнадцатый выпускъ —1887 года.

*1. Агафоновъ Николай Федоровичъ, Уфимской губ. Товарищъ прокурора въ Ирбити.

2. Боголюбскій Иларіонъ Алексѣевичъ, Воронежской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Закаспійской области.

*3. Бѣляевъ Николай Семеновичъ, Воронежской губ. Контролеръ по табачной части въ Симферополѣ.

4, Виноградскій Василій Степановичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь по важнымъ дѣламъ въ Петраковѣ.

*5. Дмитревскій Иванъ Петровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Волковыйскѣ, Гродненской губ.

6. Звѣздинъ Александръ Ивановичъ, Нижегородской губ. Судебный слѣдователь въ Слуцкѣ, Минской губ.

7. Истоминъ Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Участковый мировой судья въ Архангельскѣ.

8. Калашниковъ Николай Петровичъ, Рязанской губ. Мировой судья въ Тельшахъ, Ковенской губ.

9. Котовичъ Василій Васильевичъ, Могилевской губ. Членъ окружнаго суда въ Плоцкѣ.

10. Лебедевъ Николай Васильевичъ, Калужской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Калугѣ.

*11. Люпедарскій Леонтій Евдокимовичъ, Каменецъ-Подольской губ. Мировой судья Атбасарскаго уѣзда, Акмолинской обл.

*12. Ляхницкій Клавдій Васильевичъ, Черниговской губ. Членъ окружнаго суда въ Омскѣ.

13. Милославовъ Игнатій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Уфѣ,

14. Моревъ Николай Ивановичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Кременчугѣ.

15. Никольскій Петръ Мироновичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на суд. должн. при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ.

*16. Поповъ Константинъ Федоровичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Ярославлѣ.

17. Проскурниковъ Константинъ Васильевичъ, Харьковской губ. Судебный слѣдователь въ Зміевѣ.

18. Райскій Василій Дмитріевичъ, Кіевской губ. Окружный судья въ Тюмени,

19. Соколовъ Леонидъ Андреевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

*20. Сперанскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Рыбинскѣ.

21. Томашевичъ Андроникъ Семеновичъ, Волынской губ. Судебный слѣдователь въ Любимѣ.

22. Успенскій Николай Флегонтовичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Ветлугѣ.

23. Чичинадзе Сергѣй Константиновичъ, Кутаисской губ. Помощникъ мироваго судьи въ Зугдиди.

Свѣдѣній не доставили: 24. *Георгіевскій* Александръ Васильевичъ, Ярославской губ.; **25. *Гурвичъ* Айзикъ Ароновичъ, Ковенской; 26. *Клементьевъ* Григорій Игнатьевичъ, Харьковской; **27. *Окновскій* Шлема Лейзеровичъ, Сувалкской; 28, *Солнцевъ* Александръ Лаврентьевичъ, Тульской губ.

Находятся въ отставкѣ: 29. *Асотскій* Павелъ Михайловичъ, Курской губ., съ 1891 г., изъ судебн. слѣдоват. Кѣлецкой губ; 30. *Левитскій* Григорій Романовичъ, Сарат. губ., съ 1894 г., былъ старшимъ нотаріусомъ въ Троицкѣ.

Умерли: 31. *Виноградовъ* Моисей Петровичъ, Витебской, 1896 г., суд. слѣдов. въ Соколкѣ; 32. *Замахаевъ* Сергѣй Андреевичъ, Воронежской, 1896 г., присяжн. повѣр. въ Харьковѣ; 33. *Любимовъ* Александръ Ивановичъ, Владимірской, 1889 г.; 34. *Никольскій* Александръ Герасимовичъ, Орловской, 1895 г., товар. губ. прокур. Забайкальск обл.; *35. *Покровскій* Иванъ Александровичъ, Нижегородской, 1893 г., судебн. слѣд. въ Княгининѣ, 36. *Слюсаревъ* Викентій Ивановичъ, Харьковской, 1890 г., кандид. при окр. судѣ въ Лубнахъ; *37. *Смирновъ* Александръ Андреевичъ, Смоленской, 1894 г., суд. слѣд. въ Бѣльскѣ; 38. *Соловьевъ* Константинъ Адріановичъ, 1887 г.; 39. *Софоновъ* Сергѣй Ивановичъ, Томской, 1892 г, суд. слѣд. въ Ишимѣ, Тобольской губ.

Пятнадцатый выпускъ—1888 года.

*1. Карауловъ Дмитрій Николаевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Сергачѣ, Нижегородской губ.

2. Кацауровъ Сергѣй Николаевичъ, Московской губ. Товарищъ прокурора въ Ченстоховѣ.

*3. Надѣинскій Александръ Павловичъ, Ярославской губ Судебный слѣдователь въ Таурегенѣ, Ковенской губ.

4. Нечаевъ Иванъ Ивановичъ Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Епифаніи.

5. Никольскій Сергѣй Степановичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Ардатовѣ, Нижегородской губ.

6. Поповъ Павелъ Николаевичъ, Пермской губ. Товарищъ прокурора въ Перми.

*7. Тартаковскій Александръ Сергѣевичъ, Херсонской губ. Мировой судья въ Холмогорахъ.

8. Шапиро Николай Сергѣевичъ, Московской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Перми

Свѣдѣній не доставили: 9. *Добрянскій* Андрей Николаевичъ, Черниговской; 10. *Рудинскій* Леонидъ Семеновичъ, Ярославской; 11. *Тутолминъ* Петръ Дмитріевичъ, Курской губерніи.

Находятся въ отставкѣ: 12. *Архангельскій* Василій Павловичъ, Ярославск. до 1897 г. былъ судебн. слѣд. въ Екатеринбургѣ; 13. *Коровинъ* Иванъ Аристарховичъ, Пермской губ., съ 1897 года, былъ суд. слѣд. въ Екатеринбургѣ; 14. *Пьянковъ* Пав. Алексѣевичъ, Пермской, до 1899 г. былъ суд. слѣд. въ Чердыни.

Умеръ: 15. *Невскій* Сергѣй Александровичъ, Владимір. губ., 1888 года, не поступивъ на службу.

Шестнадцатый выпускъ—1889 года.

1. Базыкинъ Александръ Константиновичъ, Тверской губ. Счетный чиновникъ Либаво-Роменской желѣзной дор въ Минскѣ.

2 Гутманъ Лейба Михелевичъ, Волынской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Петербургѣ.

*3. Даниловъ Иванъ Сергѣевичъ, Орловской губ. Земскій начальникъ въ Московскомъ уѣздѣ.

4. Жариковъ-Красовскій Дмитрій Ѳомичъ, Кіевской губ. Товарищъ прокурора въ Тобольскѣ.

5. Затурскій Александръ Францовичъ, Полтавской губ Мировой судья Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губ.

*6. Киринъ Алексѣй Даниловичъ, Тамбовской губ. Присяжный повѣренный въ Тамбовѣ.

7. Кормилицынъ Дмитрій Александровичъ, Московской губ Земскій начальникъ въ Ряжскѣ.

8. Крѣпкогорскій Андрей Васильевичъ, Саратовской губ. Судебный слѣдователь въ Юрьевѣ, Лифляндской губ.

*9. Ледницкій Александръ Робертовичъ, Минской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*10. Лейвангендлеръ Товія Израилевичъ, Варшавской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

**11. Маминъ Владиміръ Наркиссовичъ, Пермской губ. Присяжный повѣренный въ Ирбити.

*12. Марчевскій Михаилъ Семеновичъ, Иркутской губ. Судебный слѣдователь въ Рославлѣ.

13. Первухинъ Владиміръ Петровичъ, Тверской губ. Столоначальникъ казенной палаты въ Твери.

14. Розовъ Николай Флегонтовичъ, Костромской губ. Городской судья въ Семеновѣ, Нижегородской губ.

15. Ружицкій Тадеушъ Францовичъ, Петраковской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Варшавѣ.

16. Семеновъ Яковъ Ивановичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Томскѣ.

*17. Серебрениковъ Венедиктъ Николаевичъ, Тобольской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Самарѣ.

18. Совѣткинъ Афанасій Митрофановичъ, Пермской губ. Присяжный повѣренный въ Сарапулѣ.

*19. Удинцовъ Всеволодъ Аристарховичъ, Пермской губ. Экстраординарный профессоръ въ Университетѣ св. Владиміра.

*20. Фалькъ Эдуардъ Германовичъ, Ярославской губ. Редакторъ-издатель „Сѣвернаго Края“.

*21. Шаланинъ Валентинъ Михайловичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Смоленскѣ.

*22. Шереметевъ Николай Борисовичъ, Московской губ. Въ департаментѣ Удѣловъ столоначальникомъ.

23. Федоровъ Николай Яковлевичъ, Рязанской губ. Секретарь окружнаго суда въ Устьмедвѣдицкѣ.

Свѣдѣній не доставили: *24. *Бычковъ* Василій Игнатьевичъ, Владимірской; 25. *Доренговскій* Николай Касперовичъ, Витебской; **26. *Коганъ* Илья Григорьевичъ, Екатеринославской; 27. *Курловъ* Борисъ Григорьевичъ, Орловской; 28. *Олейниковъ* Антонъ Максимовичъ, Минской; 29. *Олторжевскій* Иванъ Степановичъ, Черниговской; 30. *Шубинъ* Александръ Яковл., Яросл., до 1898 г. былъ суд. слѣдов. въ Тифлисск губерніи.

Находятся въ отставкѣ: 31; *Балашевъ* Владиміръ Андр., Тульской, съ 1899 г., изъ суд. слѣд. въ Ефремовѣ; 32. *Дмитріевъ* Иванъ Ивановичъ, Самарской губ., съ 1894 г. былъ дѣлопроизводителемъ областн. правленія въ Уральскѣ.

Умерли: *33. *Аддуловъ* Никол. Николаевичъ, Орловской, 1898 г., судебн. слѣд. въ Ливнахъ; 34. *Матвѣевъ* Венедиктъ Аристарховичъ, Донской области, 1893 г.; 35. *Михайловъ* Александръ Ѳомичъ, Могилевской, 1892 г., былъ столоначальникомъ каз. пал. въ Люблинѣ.

Семнадцатый выпускъ 1890—года.

1. Аксаковъ Василій Сергѣевичъ; Московской губ. Товарищъ прокурора въ Тулѣ.

2. Алякринскій Сергѣй Артамоновичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдоватзль 3-го участка Шуйскаго уѣзда.

3. Ачкасовъ Викторъ Павловичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Аккерманѣ.

4. Бурменскій Іосифъ Александровичъ, Донской обл. Городской судья въ Маріуполѣ.

5. Вахрамѣевъ Михаилъ Гермогеновичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

6. Воронцовъ-Вельяминовъ Николай Андреевичъ, Тамбовской губ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Тамбовской губ.

7. Воскресенскій Василій Алексѣевичъ, Полтавской губ. Судебный слѣдователь въ Томской грб.

8 Городцовъ Петръ Алексѣевичъ, Рязанской губ. Мировой судья въ Тюмени.

*9. Ивановъ Алексѣй Прокофьевичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Мологѣ.

*10. Колесовъ Константинъ Александровичъ, Московской губ. Помощн. оберъ-секретаря угол. Кассаціоннаго Департамента Сената.

11. Кратировъ Александръ Григорьевичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Мологѣ.

12. Легейда Николай Павловичъ, Полтавской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ

*13. Листратовъ Николай Андреевичъ, Владимірской губ. Городской судья въ Рыбинскѣ.

14. Марковъ Константинъ Петровичъ, Амурской обл. Мировой посредникъ въ Городкѣ, Подольской губ.

15. Мебесъ Августъ Павловичъ, Минской губ. Городской судья въ Псковѣ.

16. Мейеръ Федоръ Федоровичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Пензѣ.

17 Осипскій Левъ Граціановичъ, Херсонской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Херсонѣ.

18. Павловъ Михаилъ Константиновичъ, Лифляндской губ. Судебный слѣдователь въ Астрахани.

*19. Перошковъ Василій Васильевичъ, Кіевской губ. Судебный слѣдователь въ Сосницахъ.

*20. Половцовъ Левъ Викторовичъ, Новгородской губ. Инспекторъ студентовъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

21. Прусовъ Николай Александровичъ, Оренбургской губ. Частный повѣренный въ Уральскѣ.

22. Ржевскій Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Контролеръ табачной фабрики въ Нижнемъ-Новгородѣ.

23. Соболевъ Дмитрій Константиновичъ, Ярославской губ. Податной инспекторъ въ Мышкинѣ.

*24. Стригалевъ Геннадій Владиміровичъ, Костромской губ. Тов. прокурора при Троицкомъ судѣ.

25. Томашевскій Александръ Евфимовичъ, Черниговск. губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Петербургѣ.

26. Троицкій Николай Федоровичъ, Псковской губ. Судебный слѣдователь въ Плоцкѣ.

27. Ушаковъ Леонидъ Петровичъ, Ярославсмой губ. Въ Московской конторѣ Государственнаго Банка.

28. Фирсовъ Андрей Ивановичъ, Тульской губ. Городской судья въ Бѣлевѣ.

29. Хлѣбниковъ Александръ Васильевичъ, Могилевск. губ. Въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ

30. Шуманскій Василій Клементьевичъ, Бессарабской губ. Кандидатъ на суд. должн. при окр. судѣ въ Кишиневѣ.

Свѣдѣній не доставили: 31. *Введенскій* Яковъ Григорьевичъ, Владимірской губ.; 32. *Вишняковъ* Александръ Андреевичъ, Московской; 33. *Камерницкій* Владиміръ Даниловичъ, Московской; 34. *Кожевниковъ* Петръ Михайловичъ, Тамбовской; 35. *Козновъ* Петръ Сергѣевичъ, Московской; 36. *Милицинъ* Петръ Алексѣевичъ, Оренбургской; 37. *Монвижъ-Монтвидъ* Аполлонъ Станиславовичъ, Харьковской; 38. *Осинскій* Мих. Граціановичъ, Херсонской, до 1898 г. былъ пом. прис. повѣр. въ Саратовѣ: 39. *Поваренныхъ* Иванъ Авксентьевичъ, Тобольской.

Умерли: *40. *Крыловъ* Николай Дмитріевичъ, Ярославской, въ 1896 году, былъ городскимъ судьей въ Васильсурскѣ; *41. *Невскій* Александръ Александр., Ярославской. 1897 года, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Пошехоньѣ.

Восемнадцатый выпускъ—1891 года.

*1. Антикъ Павелъ Самуиловичъ, Ковенской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Астрахани.

2. Ассъ Абрамъ Моисеевичъ, Виленской губ. Мировой судья въ Якутскѣ.

*3. Астровъ Павелъ Ивановичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Москвѣ.

*4 Бартеневъ Геннадій Алексѣевичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Макарьевѣ, Костромской губ.

*5. Березниковъ Алексѣй Александровичъ, Московской губ. Помощн. начал. отдѣленія въ канцеляріи комитета Министровъ.

6. Борейша Болеславъ Болеславовичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.

*7. Бочкаревъ Вячеславъ Александровичъ, Псковской губ. Податной инспекторъ въ Гжатскѣ

8. Браиловскій Николай Николаевичъ, Екатеринославской губ. Присяжный повѣренный въ Ростовѣ на Дону.

9. Валькевичъ Вадимъ Антоновичъ, Минской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при судебн. палатѣ въ Одессѣ

10. Васильевъ Петръ Ахиллiевичъ, Воронежской губ. Въ экспедицiи по изслѣдованiю степныхъ областей въ Омскѣ.

*11. Вереденко Өедоръ Өедоровичъ, Кiевской губ. Податной инспекторъ въ Павлодарѣ, Семипалатинской области.

*12. Вobликовъ Владимiръ Васильевичъ, Кутаисской губ. Присяжный повѣренный во Владикавказѣ.

*13. Войтенковъ Владимiръ Николаевичъ [1]), Харьковской губ. Товарищъ прокурора въ Харьковѣ.

14. Гарскiй Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Секретарь Статистическаго комитета въ Витебскѣ.

*15. Гурляндъ Илья Яковлевичъ [2]), Кiевской губ. Секрет. губ. по гор. и зем. дѣл. присут. въ Яросл. и прив.-доцен. Лицея.

*16. Дворковичъ Аронъ Мовшевичъ, Ковенской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окруж. судѣ въ Ревелѣ.

*17. Донченко Петръ Дмитрiевичъ, Харьковской губ. Судебный слѣдователь въ Феллинѣ.

18. Зислакъ Германъ Iогановичъ, Курляндской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Якобштадтѣ.

19. Ивановъ Иванъ Авимовичъ, Симбирской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Казани.

20. Колотиловъ Михаилъ Николаевичъ, Енисейской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Сарапулѣ.

*21. Кочоровскiй Станиславъ Адольфовичъ, Кiевской губ. Пом. миров. судьи Тiопетскаго отдѣла Тифлисской губ.

*22. Кошлаковъ Василiй Петровичъ, Ярославской губ. Секретарь отдѣленiя Государственнаго Банка въ Тифлисѣ.

23. Лыжинъ Николай Александровичъ, Петербургской губ. Судебный слѣдователь въ Лепелѣ, Витебской губ.

24. Милашевскiй Алексѣй Владимiровичъ, Саратовской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда во Владикавказѣ.

25. Миничъ Антонъ Даниловичъ, Минской губ. Журналистъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи при Мин. Финансовъ.

*26. Можевитиновъ Леонидъ Александровичъ, Оренбургской губ. Судебный слѣдователь въ Оренбургѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

[2]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

27. Московенковъ Николай Матвѣевичъ, Саратовской губ. Поручикъ Перновскаго полка въ Москвѣ.

28. Мулинъ Иванъ Космичъ, Тифлисской губ. Податной инспекторъ въ Поти.

29. Островскій Павелъ Алексѣевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдов. въ Сунженѣ при Владикавказскомъ окр. судѣ.

*30. Пескинъ Михаилъ Анисимовичъ, Иркутской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Иркутскѣ.

31. Петропавловскій Леонидъ Θеодосіевичъ, Костромской губ. Суд. слѣдователь въ Златоустовѣ, Уфимской губ.

*32. Подпаловъ Иванъ Прокофьевичъ, Полтавской губ. Товарищъ прокурора въ Томскѣ.

33. Пузикъ Вячеславъ Викторовичъ, Самарской губ. Въ акцизномъ управленіи въ Оренбургѣ.

*34 Путята Всеволодъ Владиміровичъ Смоленской губ. Поручикъ Преображенскаго полка гвардіи.

35. Раденъ, баронъ, Александръ Эдмундовичъ, Харьковской губ. Судебн. слѣдов. въ Мѣховѣ, Кѣлецкой губ.

36. Рогалевичъ Юзефъ-Янъ, Тифлисской губ. Секретарь окружнаго суда во Владикавказѣ.

*37. Рубинштейнъ Гилель Лейбовичъ Минской губ. Частный повѣренный въ Ригѣ.

38. Рѣшниковъ Александръ Александровичъ, Саратовской губ. Почетный мировой судья въ Царицынѣ.

*39. Сабининъ Леонидъ Христофоровичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь въ Томскѣ.

40 Силецкій Иванъ Владиміровичъ, Самарской губ. Судебный слѣдователь въ Николаевскѣ, Самарской губ.

41. Смоленскій Владиміръ Ивановичъ, Ярославской губ. Секретарь отдѣленія Государственнаго Банка въ Орлѣ.

*42 Сорокинъ Иванъ Геннадіевичъ Ярославской губ. Городской судья въ Ростовѣ, Ярославской губ.

43. Файвишевичъ Наумъ Осиповичъ, Терской области. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго во Владикавказѣ.

*44. Фрадкинъ Семенъ Семеновичъ, Витебской губ. Бухгалтеръ отдѣл международнаго банка въ Бугурусланѣ, Самарской губ.

*45. Штейнбергъ Іоакимъ Исааковичъ, Минской губ. Присяжный повѣренный въ Рыбинскѣ.

*46. Щуровъ Сергѣй Николаевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Юрьевцѣ.

*47. Яровицкій Александръ Іоасафовичъ, Ярославской губ. Мировой судья въ Двинскѣ.

Въ отставкѣ: 48. *Никоровичъ* Өедоръ Өеофиловичъ, изъ Буковины, съ 1897 г., былъ податнымъ инспекторомъ въ Иркутскѣ; 49. *Разумовъ* Михаилъ Степановичъ, Нижегородской, съ 1896 года, былъ засѣдателемъ суда въ Маріинскѣ.

Свѣдѣній не доставили: *50. *Айзенштейнъ* Зеликъ Аронович, Гродненской губ.; 51. *Анненковъ* Өедоръ Ивановичъ, Пензенской; *52. *Бейленсонъ* Гилель Мовшевичъ, Могилевской; *53. *Бреславъ* Гирша Герцовичъ, Витебской; **54. *Бармундъ* Николай Карловичъ, Петербургской; 55. *Вейклевичъ* Фридрихъ Яковлевичъ, Курляндской; 56. *Домерниковъ* Павелъ Васильевичъ, Костромской; 57. *Дубяга* Михаилъ Михайловичъ, Полтавской; 58. *Зайковскій* Людвигъ Іосифовичъ Витебской; 59. *Израельсонъ* Максъ Беньяминовичъ, Курляндской; *60. *Кансль* Савелій Васильевичъ, Ковенской; 61. *Канне* Яковъ Файбишевичъ, Витебской; *62. *Канторъ* Бейнашъ Янкелевичъ, Ковенской; *63. *Канторъ* Маркусъ Янкелевичъ, Ковенской; *64. *Кинсловскеръ* Лейзеръ Абрамовичъ, Виленской; *65. *Коганъ* Владиміръ Моисѣевичъ [1]), Херсонской; 66. *Кофманъ* Іегошія Зельмановичъ, Херсонской; *67. *Кренгаузъ* Лейба Еселевичъ, Могилевской; **68. *Купферъ-фонъ-Эрцдорфъ* Иванъ Александровичъ, Петербургской; *69. *Майзельсъ* Веніаминъ Аароновичъ, Минской; **70. *Мейлаховскій* Михаилъ Владиміровичъ, Петербургской; 71. *Можаровскій* Мееръ Владиміровичъ, Екатеринославской; 72. *Нюренбергъ* Аркадій Григорьевичъ, Московской; 73. *Ордуханьянцъ* Семенъ Микиртичъ, Эриванской; *74. *Орѣховъ* Сергѣй Александровичъ, Нижегородской; *75. *Прусаковъ* Хаимъ Мовшевичъ, Витебской; *76. *Розенкранцъ* Соломонъ Нахмановичъ, Минской; *77. *Розовскій* Исай Боруховичъ [2]), Виленской; *78. *Талалай* Абрамъ Янкелевичъ, Могилевской; 79. *Тульчинскій* Лейба Ицковичъ, Херсонской; *80. *Фейдманъ* Михель Абрамовичъ, Таврической; *81. *Юровскій* Іосифъ Наумовичъ, Херсонской,

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

[2]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

Умерли: *82. *Еропкинъ* Рафаилъ Дмитріевичъ, Тульской, 1898 г., инспекторомъ народн. училищъ въ Харьковѣ; 83. *Колесовъ* Николай Александровичъ, Московской губ., 1892 г.; *84. *Максимовскій* Александръ Ксенофонтовичъ, Костромской, 1892 г., кандидатомъ при Ярослав. прокурорѣ; *85 *Шейнфайнъ* Ааронъ Лейбовичъ, Волынской, 1892 года.

Девятнадцатый выпускъ 1892 года.

*1. Абдуловъ Арсеній Николаевичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Ярославлѣ.

2. Агаповъ Василій Васильевичъ, Смоленской губ. Помощникъ юрисконсульта при управл. государ. имущ въ Самарѣ.

3. Бабіевскій Евгеній Николаевичъ, Тифлисской губ. Акцизный контролеръ въ Майкопѣ, Кубанской области.

*4 Боголюбскій Федоръ Николаевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Мологѣ.

*5. Быховскій Владиміръ Владиміровичъ, Каменецъ-Подольской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

6. Ветчининъ Виталій Георгіевичъ, Орловской губ. Земскій начальникъ въ Елецкомъ уѣздѣ.

*7. Виркау Карлъ Карловичъ, Ярославской губ. Дѣлопроизв. судебнаго отдѣла Госуд. Банка, въ Петербургѣ.

8. Войницкій Михаилъ Антоновичъ, Кіевской губ. Податной инспекторъ въ Копалѣ, Семирѣченской области.

9. Вольферцъ Александръ Юльевичъ, Казанской губ. Земскій начальникъ въ Ставропольской губ.

10. Воробьевъ Сергѣй Николаевичъ, Новгородской губ. Судебный слѣдователь въ Россіенахъ.

11. Ершовъ Сергѣй Константиновичъ, Полтавской губ. Помощн. столонач. Лѣснаго Департ. мин госуд. имуществъ.

12. Золотаревъ Александръ Сергѣевичъ, Донской обл. Присяжный повѣренный въ Таганрогѣ.

*13. Ивановъ Николай Ивановичъ, Архангельской губ. Мировой судья въ Архангельскѣ.

*14. Ивановъ Петръ Ивановичъ, Архангельской губ. Помощникъ редактора описей въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

15. Караваевъ Николай Васильевичъ Пермской губ. Городской судья на Кислинскомъ заводѣ.

16. Костылевъ Николай Васильевичъ, Тифлисской губ. Судебный слѣдователь въ Самаркандѣ.

17. Макарычевъ Василій Петровичъ, Оренбургской губ Столоначальникъ областнаго правленія въ Уральскѣ.

18. Меценатовъ Николай Клавдіевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Пошехоньѣ.

*19. Михалевичъ Хрисанфъ Львовичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Феллинѣ, Лифляндской губ.

20. Овсецовскій Константинъ Ивановичъ, Ярославской губ Помощникъ юрисконсульта Полѣсской желѣзной дор въ Вильнѣ.

21. Песковъ Владиміръ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь въ Шацкѣ.

*22 Прялухинъ Михаилъ Васильевичъ, Архангельской губ. Чиновникъ особыхъ порученій при Губернаторѣ въ Архангельскѣ.

*23. Романовъ Иванъ Степановичъ, Владимірской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Шуѣ.

*24. Сергѣевъ Иванъ Степановичъ, Воронежской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Воронежѣ.

25. Сидоровъ Анатолій Петровичъ, Воронежской губ. Секретарь казенной палаты въ Воронежѣ.

26 Соболевъ Николай Ксенофонтовичъ, Ярославской губ. Помощникъ податнаго инспектора въ Ярославлѣ.

*27. Сущовъ Николай Константиновичъ, Ярославской губ. Мировой судья въ Волковыйскѣ.

28. Троцкій Владиміръ Павловичъ, Кіевской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Рени, Бессарабской губ.

*29. Фоссъ Евгеній Николаевичъ, Уфимской губ. Младшій контролеръ акцизнаго управленія въ Уфѣ.

30. Цвичинскій Петръ Евстафьевичъ, Тверской губ Секретарь окружнаго суда въ Минскѣ.

*31. Шевелевъ Евгеній Николаевичъ, Люблинской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*32. Эмдинъ Яковъ Абрамовичъ, Могилевской губ. Инспекторъ коммерческаго страховаго общества въ Москвѣ.

Умеръ: *33. *Куклинъ* Михаилъ Михайловичъ, Забайкальской области, 1896 года, былъ суд. слѣд. въ Верхнеудинскѣ.

Находится въ отставкѣ: 34. *Херцъ* Владиміръ Константиновичъ съ 1896 г., былъ чиновникомъ особ. поруч. при Бессарабскомъ губернаторѣ.

Свѣдѣній не доставили: *35. *Аракельянцъ* Гавріилъ Даниловичъ, Ставропольской губ.; 36. *Буткисъ* Адольфъ Венедиктовичъ, Ковенской; *37. *Горбенко* Леонидъ Моисеевичъ Донской; **38 *Зацѣпинъ* Сергѣй Васильевичъ, Московской; *39. *Золотаревъ* Александръ Павловичъ [1]), Московской; 40. *Контовтъ* Казиміръ Матеушевичъ, Ковенской; 41. *Хочоровскій* Феликсъ Адольфовичъ, Кіевской; 42: *Кюнъ* Карлъ Фридриховичъ, Курляндской; **43. *Рыбинъ* Алексѣй Павловичъ, Тобольской; 44. *Чекмаревъ* Николай Дмитріевичъ, Воронежской; 45. *Чистяковъ* Константинъ Михайловичъ, Ярославской; 46. *Шукшта* Казиміръ Константиновичъ, Ковенской.

Двадцатый выпускъ—1893 года.

1. Ажнсантовъ Михаилъ Павловичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Кадниковѣ, Вологодской губ.

2. Байздренко Владиміръ Георгіевичъ, Тифлисской губ. Присяжный повѣр. въ Ростовѣ на Дону.

3. Балавинскій Сергѣй Александровичъ, Тверской губ. Пом. прис. повѣреннаго въ Твери.

4. Балашевъ Леонидъ Андреевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Мышкинѣ.

5. Боголюбовъ Алексѣй Михайловичъ, Московской губ. Земскій начальникъ въ Можайскомъ уѣздѣ.

6. Васильевъ Александръ Трофимовичъ, Сѣдлецкой губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Гродно.

7. Васильевъ Николай Александровичъ, Вологодской губ. Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ въ Вологдѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

8. Горвицъ Александръ Мартыновичъ, Петербургской губ. Кандидатъ на судебныя должн. при судебн. палатѣ въ Петербургѣ.

9. Давыдовъ Василій Васильевичъ, Московской губ. Земскій начальникъ въ Тамбовской губ.

10. Добротинъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губ. Въ Департаментѣ общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

11. Егоровъ Дмитрій Павловичъ, Сыръ-Дарьинской обл. Канд. на судебныя должн. при областн. судѣ въ Ташкентѣ.

12. Лопаковъ Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Пом. столонач. казен. палаты въ Ярославлѣ.

**13. Миклашевскій Иванъ Николаевичъ, Черниговской губ. Экстраординарный профессоръ Университета въ Харьковѣ.

14. Сестренцевичъ Михаилъ Андреевичъ, Ярославской губ. Столоначальникъ казенной палаты въ Тифлисѣ.

*15. Стеблинъ-Каменскій Константинъ Евгеньевичъ, Петербургской губ. Товар. прокурора въ Семипалатинскѣ.

16. Успенскій Николай Андреевичъ, Ярославской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

17. Чихачевъ Николай Павловичъ, Тамбовской губ. Земскій начальникъ Кирсановскаго уѣзда.

18 Шипинъ Владиміръ Павловичъ, Ярославской губ. Земскій начальникъ въ Угличскомъ уѣздѣ.

*19. Щукинъ Василій Михайловичъ, Владимірской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

Свѣдѣній не доставили: 20. *Вялыхъ* Виталій Андреевичъ, Пермской губ.; 21. *Зиссерманъ* Юрій Генриховичъ, Эриванской; 22. *Карасевъ* Борисъ Петровичъ, Смоленской; 23. *Костенецкій* Яковъ Александровичъ, Черниговской; *24. *Майковъ* Николай Александровичъ Уфимской; 25. *Никитенко* Яковъ Николаевичъ, Кіевской; 26. *Страддинъ* Гансъ Іогановичъ, Курляндской.

Двадцать первый выпускъ—1894 года.

*1. Абрамовъ Петръ Петровичъ, родомъ изъ Яросл. губ. Помощникъ секретаря окруж. суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

2. Алферовъ Владиміръ Васильевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Устюжнѣ.

3. Балинскій Іосифъ Людвиговичъ, Волынской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Кишиневѣ.

*4. Бестужевъ-Рюминъ Николай Васильевичъ, Петербургской губ. Чиновн. особ. поруч. при генералъ-губернаторѣ въ Кіевѣ.

*5. Боголюбскій Александръ Николаевичъ, Ярославской губ. Старшій кандид. на суд. должн. при окружн. судѣ въ Ярославлѣ.

6. Босовъ Петръ Ивановичъ, Оренбургской губ. Старшій канд. на суд. должн. при окруж судѣ въ Череповцѣ.

*7. Буговъ Андрей Эдмундовичъ, Московской губ. Инспекторъ Коммерческаго страховаго Общества.

*8. Бутаковъ Михаилъ Флоровичъ, Пермской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Перми.

*9. Владиміровъ Николай Васильевичъ, Ярославской губ. Старш. канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

10. Воскобойниковъ Александръ Александровичъ, Сѣдлецкой губ. Помощ. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

11. Жемчуговъ Николай Александровичъ, Костромской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Н.-Новгородѣ.

12. Зборомирскій Оттонъ Петровичъ, Херсонской губ. Пом. контролера въ Оренбургскомъ отдѣленіи Государственнаго Банка.

*13. Калининъ Владиміръ Николаевичъ, Ярославской губ. Старшій канд. на суд. должн. при окружн. судѣ въ Н.-Новгородѣ.

14. Катрановскій Валентинъ Ѳедоровичъ, Полтавской губ. Пом. присяжнаго повѣр. въ Кіевѣ.

15. Ковалевскій Николай Викторовичъ, Екатеринославской губ. Въ распоряженіи Варшавскаго генер.-губернатора.

*16. Константиновичъ Константинъ Александровичъ, Лифляндской губ. Земскій начальникъ въ Бессарабской губ.

17. Краснянскій Николай Гавриловичъ, Новгородской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ригѣ.

18. Кротковъ Викторъ Викторовичъ, Уфимской губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*19. Кутайсовъ, графъ, Владиміръ Павловичъ, Петер-

бургской губ. Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностран. исповѣданій.

20. Мандельбаумъ Иванъ Николаевичъ, Ставропольской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Елисаветполѣ.

21. Малиновскій Владиміръ Васильевичъ, Самарской губ. Кандид. на суд. долж. при окр. судѣ въ Самарѣ

22. Милевъ Василій Велевичъ, изъ Болгаріи. Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ Софіи.

23. Николаевъ Евгеній Васильевичъ. Воронежской губ. Пом. столоначальника казен. палаты въ Орлѣ.

24. Носовъ Павелъ Семеновичъ, Тверской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Твери.

*25. Огородниковъ Николай Александровичъ, Ярославской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Костромѣ.

26. Опперманъ Георгій Гугоновичъ, Эстляндской губ. Въ таможнѣ въ Александровѣ, Варшавской губ.

*27. Петровскій Григорій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Чиновникъ особ. поруч. казенной палаты въ Вологдѣ.

28. Полетика Михаилъ Петровичъ, Саратовской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

29. Преображенскій Алексѣй Васильевичъ, Костромской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

30. Соколовъ Алексѣй Петровичъ, Ярославской губ. Въ акцизномъ управленіи въ Ломжѣ.

**31. Соколовъ Владиміръ Гавриловичъ. Податной инспекторъ въ Юрьевцѣ-Костромскомъ.

*32. Стеблинъ-Каменскій Борисъ Евгеньевичъ, Енисейской губ. Пом. мироваго судьи Кончетавск. уѣзда, Акмолинской области.

33. Страшковъ Георгій Федоровичъ, Полтавской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

34. Тиме Георгій Германовичъ, Пермской губ. Въ контролѣ Уральской желѣзной дороги, въ Перми.

35. Толчеповъ Алексѣй Павловичъ, Калужской губ. Въ Калужской казенной палатѣ.

36. Шкатовъ Николай Васильевичъ, Самарской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

37. Эпштейнъ Василій Николаевичъ, Ярославской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

38. Ѳоминъ Алексѣй Алексѣевичъ, Ярославской губ. Засѣдатель окружнаго суда въ Ишимѣ.

Свѣдѣній не доставили: 39. *Адамсъ* Бернгардъ Ричардовичъ, Пермской губ.; 40. *Анопосъ* Александръ Васильевичъ, Таврической губ.; 41. *Барковскій* Евгеній Ѳедоровичъ, Курляндской; 42. *Безбородовъ* Ѳедоръ Степановичъ, Вятской; 43. *Бранцъ* Эвальдъ Михайловичъ, Курляндской; 44. *Ветчининъ* Владиміръ Ивановичъ, Орловской; *45. *Гощинскій* Константинъ Эдуардовичъ, Волынской; 46. *Девлетъ-Кильдѣевъ* князь Петръ Николаевичъ, Пензенской; 47. *Дочевскій* Викторъ Ивановичъ, Черниговской; 48. *Ивановъ* Михаилъ Михайловичъ, Ярославской; 49. *Картавцевъ* Михаилъ Николаевичъ, Тульской; 50. *Котельниковъ* Митрофанъ Николаевичъ, Воронежской; 51. *Мишинъ* Сергѣй Михайловичъ, Казанской; 52. *Павловъ* Алексѣй Алексѣевичъ, Петербургской; 53. *Подладчиковъ* Борисъ Васильевичъ, Пензенской; 54. *Преображенскій* Алексѣй Васильевичъ, Владимірской; *55. *Радченко* Дмитрій Николаевичъ, Черниговской; 56. *Рацишевскій* Петръ Карловичъ, Сувалкской; 57. *Стоблинъ* Арсеній Андреевичъ, Черниговской; 58. *Хитровъ* Сергѣй Александровичъ, Тамбовской; 59. *Черняховскій* Леонтій Ивановичъ, Кіевской.

Умерли: 60. *Гензеловичъ* Иванъ Васильевичъ, Тульской губ., 1894 г., былъ земскимъ начальникомъ въ Тульской губ.; 61. *Кочергинъ* Александръ Кирилловичъ, Херсонской губерн., 1894 года.

Двадцать второй выпускъ—1895 года.

1. Батуринъ Владиміръ Петровичъ, Ярославской губ. Въ акцизномъ управл. во Владимірѣ.

*2. Бошнякъ Константинъ Александровичъ, Костромской губ. Земскій начальникъ въ Нерехтѣ.

3. Букуновскій Александръ Николаевичъ, Бессарабской губ. Въ конторѣ Государственнаго Банка въ Москвѣ.

4. Буркевичъ Фридрихъ Ивановичъ, Курляндской губ. Въ губерн. акц. управленіи въ Омскѣ.

5. Бѣльченко Александръ Александровичъ, Калужской губ. Старшій контролеръ табачной фабрики въ Костромѣ.

6. Владиміровъ Михаилъ Алексѣевичъ, Тамбовской губ. Въ губернскомъ акцизномъ управленіи въ Тамбовѣ.

7. Воробьевъ Павелъ Алексѣевичъ, Виленской губ. Пом. оберъ-секр. угол. кассац. д-та сената.

8. Діомидовъ Владиміръ Яковлевичъ, Орловской губ. Въ акцизномъ управленіи въ Уфѣ.

9. Желябужскій Илья Владиміровичъ, Тульской губ. Въ отдѣленіи Государственнаго Банка въ Батумѣ.

*10. Ивановъ Михаилъ Владиміровичъ, Томской губ Въ губ. акцизномъ управленіи въ Пензѣ.

11. Ивановъ Николай Ивановичъ, Курской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Сумахъ.

12. Ивановъ Павелъ Алексѣевичъ, Владимірской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ во Владимірѣ.

*13. Иловайскій Владиміръ Сергѣевичъ, Тамбовской губ. Въ конторѣ Государственнаго Банка въ Москвѣ.

14. Иносовъ Григорій Григорьевичъ, Херсонской губ. Судебный слѣдователь въ Тельшахъ.

*15. Казанцевъ Василій Александровичъ, Ярославской губ. Бухгалтеръ главнаго казначейства въ Петербургѣ.

*16. Карасовъ Андрей Ивановичъ, Вологодской губ. Помощн. податнаго инспектора въ Вологдѣ.

17. Кобылинскій Владиславъ Матвѣевичъ, Могилевской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

18. Королевъ Леонидъ Николаевичъ, Калужской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

*19. Кошлаковъ Константинъ Петровичъ, Ярославской губ. Помощн. бухгалт. отдѣл. государ. банка, въ Гродно.

20 Красткалнъ Андрей Ивановичъ, Курляндской губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Ригѣ.

*21. Крыловъ Николай Николаевичъ, (Рыбинскій), Ярослав. губ. Въ отдѣл. госуд. банка въ Вильнѣ.

*22. Курдюмовъ Викторъ Ивановичъ, Ставропольской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Екатеринонарѣ.

23 Курносовъ Петръ Дмитріевичъ, Калужской губ. Уѣздный предводитель дворянства въ Боровскѣ.

*24. Масленниковъ Константинъ Романовичъ, Ярославской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ,

*25. Мясниковъ Петръ Петровичъ, Казанской губ. Дѣлопроизв. окр. акц. управл. въ Маріинскѣ, Томской губ.

26. Непароковъ Александръ Васильевичъ, Владимірской губ. Земскій начальникъ въ Вязникахъ.

*27. Новицкій Викторъ Викторовичъ, Московской губ. Податной инспекторъ въ Боровскѣ.

*28. Озерецкій Иванъ Петровичъ, Владимірской губ. Въ государственномъ контролѣ.

29. Пастуховъ Сергѣй Николаевичъ, Ярославской губ. Занимается торговыми дѣлами.

30. Пеняковъ Михаилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

31. Петерсонъ Германъ Александровичъ, Курляндской губ. Кандид. на судебн. должн. при окр. судѣ въ Ригѣ.

*32. Петинъ Сергѣй Николаевичъ, Ярославской губ. Бухгалтеръ главнаго казначейства въ Петербургѣ.

33. Петрушевскій Павелъ Петровичъ, Варшавской губ. Пом. секретаря окр. суда въ Кіевѣ.

*34. Позняковъ Александръ Александровичъ [1]), Рязанской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

35. Полидоровъ Анатолій Никаноровичъ, Оренбургской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Н.-Новгородѣ.

36. Положенцевъ Григорій Дмитріевичъ, Орловской губ. Пом. секретаря судебной палаты въ Кіевѣ.

37. Пономаревъ Владиміръ Степановичъ, Пермской губ. Судебный слѣдователь въ Шадринскѣ.

38. Рейнгаузенъ Алексѣй Александровичъ, Витебской губ. Помощн. секретаря окружнаго суда въ Ригѣ.

39. Россъ Анатолій Михайловичъ, изъ Ташкента. Дѣлопроизводитель губернскаго правленія въ Ярославлѣ.

40. Самоловъ Константинъ Андреевичъ, Саратовской губ. Канд. на суд. должн. при судебн. палатѣ въ Саратовѣ.

*41. Сидоровскій Александръ Николаевичъ, Костромской губ. Помощникъ секретаря окр. суда въ Н.-Новгородѣ.

*42. Трегубовъ Сергѣй Сергѣевичъ, Владимірской губ. Пом. дѣлопроизводителя губерн. правленія во Владимірѣ.

43. Тарковскій Владиславъ Викентьевичъ, Могилевской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Кіевѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

44. Ульрихъ Николай Николаевичъ, Орловской губ. Канд. на суд. должн. при окружномъ судѣ въ Воронежѣ.

45. Ускатъ Григорій Яковлевичъ, Бессарабской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Кишиневѣ.

46. Черняховскій Петръ Ивановичъ, Кіевской губ. Старшій канд. на суд. должн. при судебн. палатѣ въ Кіевѣ.

47. Чукашевъ Петръ Андреевичъ, Ярославской губ. Подпоручикъ гренадерскаго Фанагорійскаго полка.

*48. Ширяевъ Валеріанъ Николаевичъ [1]), Ярославской губ. Въ департаментѣ народнаго просвѣщенія.

49. Щелковъ Иванъ Сергѣевичъ, Ярославской губ. Пом. секретаря окружнаго суда въ Н.-Новгородѣ.

50. Щербина Гавріилъ Михайловичъ, Черниговской губ. Пом. податн. инспектора въ Перновѣ.

Свѣдѣній не доставили: 51. *Богдановъ* Григорій Павловичъ, Тамбовской; 52. *Борисовъ* Михаилъ Николаевичъ, Самарской; 53. *Брянчаниновъ* Орестъ Павловичъ, Казанской; 54. *Быковскій* Николай Ивановичъ, Московской; 55. *Бѣляевъ* Валеріанъ Алексѣевичъ, Тульской; 56. *Гирчичъ* Георгій Петровичъ, Харьковской; *57. *Добровольскій* Григорій Николаевичъ, Орловской; 58. *Желябужскій* Владиміръ Владиміровичъ, Тульской; 59. *Замятинъ* Николай Николаевичъ, Харьковской; 60. *Зиссерманъ* Левъ Генриховичъ, Ставропольской; 61. *Иваницкій* Михаилъ Константиновичъ, Полтавской; 62. *Ивановъ* Дмитрій Васильевичъ, Тамбовской; 63. *Ивановъ* Сергѣй Ивановичъ, Курской; 64. *Капустинъ* Арсеній Евдокимовичъ, Тверской; 65. *Колгановъ* Іона Николаевичъ, Московской; 66. *Кондратьевъ* Иванъ Михайловичъ, Уфимской; 67. *Коровкинъ* Сергѣй Евфимовичъ, Казанской; *68. *Крживокольскій* Болеславъ Ивановичъ, Кіевской; 69. *Кролау* Евгеній Ивановичъ, Смоленской; 70. *Крыловъ* Николай Николаевичъ (Ростовскій), Ярославской; 71. *Курлинъ* Дмитрій Алексѣевичъ, Тамб.; *72. *Леультъ* Валентинъ Александровичъ, Москов.; 73. *Макалинскій* Петръ Констансиновичъ, Ставропольской; 74. *Мануйловъ* Константинъ Александровичъ, Тифлисской; *75. *Михинъ* Дмитрій Андріановичъ, Тамбовской; 76. *Мойгисъ* Иванъ Ѳаддѣевичъ, Ковенской; 77. *Надеждинъ* Григорій Ива-

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

новичъ, Рязанской; 78 *Насиловъ* Александръ Ивановичъ, Петербургской; 79. *Пархомовичъ* Сергѣй Николаевичъ, Бессарабской губ.; *80. *Рабиновичъ* Евна Шендеровичъ, Могилевской; 81. *Рклицкій* Леонидъ Васильевичъ, Черниговской; 82. *Розановъ* Николай Евгеньевичъ, Костромской; *83. *Рыбниковъ* Дмитрій Николаевичъ, Московской; 84. *Рѣпниковъ* Василій Александровичъ, Саратовской; 85. *Севастьяновъ* Даніилъ Николаевичъ, Пермской; 86. *Смагинъ* Михаилъ Николаевичъ, Московской; 87. *Сотниковъ* Василій Николаевичъ, Иркутской; 88. *Стати* Евгеній Александровичъ, Подольской; 89. *Таргонскій* Болеславъ Болеславовичъ, Могилевской; 90. *Филончикъ* Өеофилъ Демьяновичъ, Минской; 91. *Хаританскій* Александръ Леонидовичъ, Ставропольской; 92. *Чептуковъ* Өедоръ Митрофановичъ, Харьковской; 93. *Шиловскій* Михаилъ Константиновичъ, Московской; 94. *Энгельгардтъ*, баронъ, Иванъ Владиміровичъ, Ярославской; 95. *Өедоровскій* Василій Иліодоровичъ, Саратовской.

Двадцать третій выпускъ—1896 года.

1 Азовкинъ Сергѣй Ивановичъ, Тамбовской губ.Канд. на судеб. должн. при окр. судѣ въ Курскѣ.

2. Байеръ Анатолій Маврикіевичъ, Волынской губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

3. Благонравовъ Василій Петровичъ, Владим. губ. Старшій канд. на суд, должн. при окр. судѣ во Владимірѣ.

4. Блюмбергъ Александръ Карловичъ, Лифляндской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ригѣ.

5. Блюммеръ Иванъ Августовичъ, Петерб. губ. Помощ. присяжнаго повѣреннаго въ Вологдѣ.

6. Бугельскій Александръ Владиславовичъ, Владимірской губ. Помощн. бухгалт. отд. государ. банка въ Ярославлѣ.

7. Бѣлецкій Николай Ивановичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Сольвычегодскѣ.

8. Варваринъ Николай Владиміровичъ, Рязанской губ. Земскій начальникъ въ Рязани.

9. Варламовъ Александръ Николаевичъ, Донской обл. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

10. Васильевъ Николай Петровичъ, Томской губ. Мировой судья въ Томскѣ.

11. Вейднеръ Александръ Гавриловичъ, Курляндской губ. Въ губернскомъ акцизномъ управленіи въ Смоленскѣ.

12. Виллертъ Іоакимъ Іоакимовичъ, Петербургской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Ригѣ.

13. Виноградовъ Дмитрій Александровичъ, Костромской губ. Кандидатъ на суд. должн. при окр. судѣ въ Костромѣ.

*14. Виноградовъ Евгеній Васильевичъ, Ярославской губ. Младшій контрол. при акцизномъ управлен. въ Ревелѣ.

15. Вологодскій Леонидъ Павловичъ, Ярославской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Люблинѣ.

16. Воробьевъ Николай Алексѣевичъ, Виленской губ. Пом. секретаря судебной Палаты въ Вильнѣ.

17. Горяиновъ Евгеній Гавриловичъ, Курской губ. Пом. секретаря при окр. судѣ въ Витебскѣ.

18. Дмитровъ Иванъ Петровичъ, Екатеринославской губ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

19. Добротинъ Николай Васильевичъ Ярославской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

20. Домбровскій Владиміръ Владиміровичъ, Кіевской губ. Младшій контролеръ акцизн. управленія въ Крыжополѣ.

21. Дорнбушъ Александръ Владиміровичъ, Пермской губ. По акцизу въ Екатеринбургѣ.

*22. Ивакинъ Николай Павловичъ, Черниговской губ. Пом. секретаря судебн. палаты въ Кіевѣ.

23. Ильницкій Матвѣй Лукичъ, Волынской губ. Старшій канд. на судебн. должн. при окр. судѣ въ Череповцѣ.

24. Кишкинъ Алексѣй Владиміровичъ, Владимірской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Н.-Новгородѣ.

25. Карніенко Өедоръ Евсѣевичъ, Кіевской губ. По акцизу въ Ченстоховѣ.

26. Кузьминъ Николай Михайловичъ, Семирѣченской области. Мир. судья въ Асхабадѣ.

*27. Лигскій Дмитрій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Пом. податнаго инспектора въ Лодзи.

28. Любомудровъ Өедоръ Михайловичъ, Ярославской губ. Счетный чиновникъ контрольной палаты въ Москвѣ.

29. Макаровъ Глѣбъ Владиміровичъ, Ярославской губ. Канд. на суд. должн. при судебн. палатѣ въ Москвѣ.

30. Маковскій Өедоръ Ивановичъ, Тамбовской губ. Пом. присяжн. повѣреннаго въ Москвѣ.

31. Мацусовичъ Александръ Максимовичъ, Тобольской губ. Въ губерн. акциз. управл. въ Пензѣ.

*32. Матвѣевъ Александръ Александровичъ, Ярославской губ. Секретарь при прокурорѣ суда въ Витебскѣ.

33. Миницкій Павелъ Васильевичъ, Полтавской губ. Добавочный мировой судья въ Архангельскѣ.

34. Оппоковъ Иванъ Константиновичъ, Кіевской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

35. Парадѣевъ Николай Алексѣевичъ, Нижегородской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Самарѣ.

36. Писаренко Константинъ Васильевичъ, Курской губ. Секретарь окружнаго суда въ Витебскѣ.

37. Поляковъ Илья Лазаревичъ, Московской губ. Директоръ отдѣленія Международнаго Банка въ Марсели.

38. Поспѣловъ Евгеній Николаевичъ, Владимірской губ. Помощн. ревизора контрольной палаты въ Ярославлѣ.

39. Рахинскій Өедоръ Прокофьевичъ, Черниговской губ. Канд. на судебн. должн при окружномъ судѣ въ Тулѣ.

40. Рязановскій Иванъ Александровичъ, Костромской губ. Канд. на суд должн. при окр. судѣ въ Костромѣ.

41. Смирновъ Николай Дмитріевичъ, Ярославской губ. Старшій канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

42. Соболевскій Климентъ Каэтановичъ, Костромской губ. Секретарь при прокурорѣ въ Костромѣ.

*43. Спасскій Петръ Васильевичъ, Казанской губ. Судебный слѣдователь въ Бирскѣ.

44. Сухининъ Леонтій Васильевичъ, Смоленской губ. Въ акцизномъ управленіи въ Слуцкѣ, Минской губ.

45. Хабаровъ Алексѣй Степановичъ, Томской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Томскѣ.

46. Холодовичъ Константинъ Николаевичъ, Воронежской губ. Пом. столонач. казенной палаты въ Воронежѣ.

47. Хорановъ Валентинъ Джонхотовичъ, Терской обл. Хорунжій 1-го Кубанскаго пласт. бат. въ гор. Артвинѣ Кутаисской губ.

48. Чиниовъ Митрофанъ Ивановичъ, Херсонской губ. Пом. столоначал. главнаго военно-суднаго управленія въ Петербургѣ.

49. Чукаловскій Иванъ Михайловичъ, Владимірской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

*50. Өедосѣевъ Дмитрій Борисовичъ, Ярославской губ. Пом. секретаря при прокурорѣ судебн. палаты въ Саратовѣ.

Свѣдѣній не доставили: 51. *Барковскій* Оскаръ Фридриховичъ, Курляндской; 52. *Боянусъ* Александръ Карловичъ, Московской; 53. *Вальденбергъ* Дмитрій Владиміровичъ, Петербургской; *54. *Васильевъ* Владиміръ Александровичъ, Рязанской; 55. *Ветчининъ* Николай Георгіевичъ Орловской; 56. *Воскресенскій* Владиміръ Константиновичъ, Тверской; 57. *Головня* Петръ Мячеславичъ, Казанской; 58. *Грандсибергъ* Адольфъ Вольдемаровичъ, Курляндской; 59. *Декаполитовъ* Петръ Ивановичъ, Владимірской; *60. *Дмитріевъ* Николай Ивановичъ, Костромской; 61. *Зиминъ* Александръ Григорьевичъ, Тамбовской; 62. *Ивановъ* Василій Михайловичъ, Тамбовской; 63. *Ивановъ* Иванъ Яковлевичъ, Харьковской; 64. *Ивановъ* Николай Павловичъ, Черниговской; 65. *Ковалевскій* Сергѣй Викторовичъ, Екатеринославской; 66. *Карякинъ* Григорій Петровичъ, Смоленской; 67. *Красильниковъ* Константинъ Николаевичъ, Казанской; 68. *Лапотниковъ* Василій Александровичъ, Владимірской; 69. *Лопатинъ* Леонидъ Георгіевичъ, Ярославской; 70. *Лузановъ* Андрей Семеновичъ, Самарской; 71. *Македонскій* Григорій Ивановичъ, Тамбовской; 72. *Марковъ* Евсѣй Евсѣевичъ, Уральской области; 73. *Нелидовъ* Сергѣй Павловичъ, Владимірской; 74. *Нечаевъ* Вячеславъ Ивановичъ, Томской; 75. *Осинскій* Павелъ Граціановичъ, Херсонской; 76. *Пынинъ* Петръ Ивановичъ, Самарской; *77. *Свадковскій* Николай Прокофьевичъ, Могилевской; 78. *Синевъ* Петръ Матвѣевичъ, Томской; 79. *Скреге* Иванъ Андреевичъ, Курляндской; 80. *Снѣжковъ* Өеоктистъ Сергѣевичъ, Ставропольской; 81. *Старовѣркинъ* Иванъ Ивановичъ, Донской обл.; *82. *Старухинъ* Михаилъ Михайловичъ, Виленской; 83. *Стопани* Александръ Митрофановичъ, Иркутской; 84. *Тельнуговъ* Антоній Петровичъ, Казанской; 85. *Тоддесъ* Менашель Мортхелевичъ, Лифляндской; 86. *Цѣплаевъ* Николай Васильевичъ, Петербургской; 87. *Шуббе* Августъ Эрнестовичъ, Курляндской; 88. *Юдичевъ* Аркадій Васильевичъ, Тамбовской губ

Двадцат четвертый выпускъ 1897 года.

1. Апостоловъ Нилъ Алексѣевичъ, Тверской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

2. Бао Сергѣй Георгіевичъ, Херсонской губ. Въ акцизномъ управленіи въ Симферополѣ.

3. Бородавкинъ Михаилъ Александровичъ, Херсонской губ. Пом. податн. инспектора въ Петрозаводскѣ.

4. Бунаковъ Николай Николаевичъ, Смоленской губ. Пом. секретаря окр. суда въ Архангельскѣ.

5. Васильевскій Константинъ Александровичъ, Ярославской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Троицкѣ.

6. Габіу Николай Алексѣевичъ, Тульской губ. Помощн. столоначальника казенной палаты въ Тулѣ.

*7. Гагенъ Владиміръ Александровичъ, Костромской губ. Стипендіатъ для приготовленія къ профессорскому званію.

8. Галецкій Тадеушъ Владиславичъ, Витебской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Варшавѣ.

9. Достоваловъ Николай Исааковичъ Томской губ. Секретарь окружнаго суда во Владивостокѣ.

*10. Жаба Михаилъ Ивановичъ, Херсонской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Либавѣ.

11. Ждановъ Геннадій Александровичъ, Ярославской губ. Старшій канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

*12. Зевальдъ Карлъ Ивановичъ, Рязанской губ. Пом. бухгалт. по заграничн. операціямъ въ госуд. Банкѣ.

*13. Кедровъ Борисъ Николаевичъ, Саратовской губ. Въ акцизномъ управленіи въ Саратовѣ.

14. Ковако Владиміръ Дмитріевичъ, Радомской губ. Пом. секр. окр. суда въ Радомѣ.

15. Клоковъ Александръ Капитоновичъ, Тамбовской губ. Въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ.

*16. Козмодемьянскій Александръ Николаевичъ, Ярославской губ. Старшій канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

17. Кондаковъ Леонидъ Михайловичъ, Рязанской губ. Пом. податнаго инспектора въ Осѣ.

18. Копыловъ Леонидъ Николаевичъ, Ярославской губ. Податной инспекторъ въ Варнавинѣ.

19. Королевъ Николай Ѳедоровичъ, Тобольской губ. Пом. столоначальника казен. палаты въ Тобольскѣ.

20. Коршуновъ Василій Тихоновичъ, Херсонской губ. Канд. на суд. должн. при суд. палатѣ въ Петербургѣ.

21. Куцовъ Ѳедоръ Андреевичъ, Курской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Сумахъ.

22. Лавровъ Николай Алексѣевичъ, Ярославской губ. Контролеръ акцизн. управл. въ Тотьмѣ.

23. Ловцовъ Василій Васильевичъ, Екатеринбургской губ. Пом. податнаго инспектора въ Судогдѣ.

24. Паленъ, графъ, Иванъ Константиновичъ, Петербургской губ. Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

25. Пасситъ Леонидъ Григорьевичъ, Лифляндской губ. Канд. на суд. должн. при окружномъ судѣ въ Ригѣ.

26. Переломовъ Александръ Николаевичъ, Забайкальской обл. Канд. на суд. должн. при судебн. палатѣ въ Иркутскѣ.

*27. Петровъ Леонидъ Ивановичъ [1]), Псковской губ. Канд. на судеб. должн. при судебной палатѣ въ Петербургѣ.

28. Поповъ Александръ Александровичъ, Орловской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Житомірѣ.

29. Преображенскій Николай Флегонтовичъ, Ярославской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Вологдѣ.

30. Срединскій Александръ Алексѣевичъ, Калишской губ. Въ Варшавской таможнѣ.

31. Стокетъ Иванъ Яновичъ, Эстляндской губ. Частный повѣренный въ Доблене Курл. губ.

32. Филинковъ Борисъ Николаевичъ, Донской области. Канд. на суд. должн. при судебной палатѣ въ Москвѣ.

33. Фрейбергъ Константинъ Эрнестовичъ, Саратовской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Самарѣ.

34. Чукашевъ Андрей Андреевичъ, Ярославской губ. Старш. канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ярославлѣ

35. Шиловскій Николай Константиновичъ, Рязанской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Петербургѣ.

36. Шмигельскій Платонъ Петровичъ, Кіевской губ. Секретарь окружнаго суда въ Вологдѣ.

Свѣдѣній не доставили: 37. *Алексѣевъ* Александръ Павловичъ, Томской губ.; 38. *Багатуровъ* Леонъ Ивановичъ, Эри-

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

ванской; 39. *Баржили* Александръ Анатольевичъ, Смоленской; 40. *Богдановъ* Георгій Тимофеевичъ, Витебской; 41. *Булгаровскій* Станиславъ Вацлавовичъ, Виленской; 42. *Вальковъ* Сергѣй Петровичъ, Московской; 43. *Вдовиченко* Михаилъ Романовичъ, Кіевской; 44. *Вергелесовъ* Николай Евгеньевичъ, Херсонской; 45. *Вишеславцевъ* Евгеній Васильевичъ, Тамбовской; 46. *Губскій* Иванъ Ивановичъ, Черниговской; 47. *Ежевъ* Михаилъ Ивановичъ, Донской области; 48. *Елкинъ* Иванъ Петровичъ, Донской области; 49. *Емельяновъ* Викторъ Михайловичъ, Оренбургской; 50. *Закхѣевъ* Петръ Михайловичъ, Терской области; 51. *Кожинъ* Константинъ Николаевичъ, Орловской; 52. *Козинъ* Павелъ Гавриловичъ, Донской области; 53. *Коломейцевъ* Степанъ Николаевичъ, Полтавской; 54. *Кракатица* Алексѣй Викторовичъ, Кіевской; 55. *Мантулинъ* Семенъ Васильевичъ, Харьковской; 56. *Николаевъ* Василій Васильевичъ, Петербургской; 57. *Остроглазовъ* Андрей Ивановичъ, Московской; 58. *Панютинъ* Семенъ Дмитріевичъ, Калужской; 59. *Пашинскій* Здзиславъ Станиславовичъ, Сѣдлецкой; 60. *Пинесъ* Ицко Гиршевичъ, Тверской; 61. *Подконаевъ* Николай Алексѣевичъ, Воронежской; 62. *Покровскій* Глѣбъ Дмитріевичъ Нижегородской; 63. *Покровскій* Николай Николаевичъ, Новгородской; 64. *Русинъ* Александръ Ефремовичъ, Костромской; 65. *Рыжиковъ* Викторъ Прокофьевичъ, Ставропольской; 66. *Сербинъ* Вячеславъ Васильевичъ, Кубанской области; *67. *Сопелкинъ* Иванъ Павловичъ, Смоленской; 68. *Фогель* Вернеръ Гуговичъ, Курляндской; 69. *Хватовъ* Николай Петровичъ, Владимірской; *70. *Хлѣбниковъ* Максимиліанъ Николаевичъ, Ярославской; 71. *Чепикъ* Александръ Алексѣевичъ, Томской; 72. *Щекинъ* Василій Васильевичъ, Пермской; 73. *Яковлевъ* Евгеній Николаевичъ, Московской.

Умерли: 74. *Березовскій* Іосифъ Леопольдовичъ, Кіевской губ., 1898 г., пом. столон. каз. пал. въ Эривани; 75. *Симонъ* Викторъ Александровичъ, Черниговской, въ 1897 году

Двадцать пятый выпускъ—1898 года.

1. Багровъ Александръ Афанасьевичъ, Новгородской губ. Пом. столон. каз. палаты въ Новгородѣ.

2. Безкровный Сергѣй Георгіевичъ, Таврич. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Екатеринославѣ.

*3. Болотовъ Петръ Евфимовичъ, Владимірской губ. Столонач. каз. палаты въ Архангельскѣ.

4. Быковъ Александръ Васильевичъ, Енисейской губ. Пом. присяжн. повѣр. въ Москвѣ.

*5. Верхоглядовъ Николай Федоровичъ, Ставропольской губ. Пом. прис. повѣр. въ Ярославлѣ.

*6. Выдринъ Илья Ильичъ, Москов. губ. Инспекторъ въ правлен. международн. банка въ Москвѣ.

7. Герцъ Гвидонъ Юльевичъ, Курляндской губ. Пом. секретаря окр. суда въ Ригѣ.

8. Евронинъ Сергѣй Ивановичъ, Рязанск. губ. Въ статистич. отдѣл. департ. неокладн. сборовъ по казенной продажѣ питей.

*9. Искржицкій Петръ Тимофеевичъ, Кіевской губ. Чиновникъ особ. поруч при губернаторѣ въ Кѣльцахъ.

*10. Кленовскій Борисъ Сергѣевичъ, Виленской губ. Пом. акцизн. надзирателя въ Ярославлѣ.

*11. Ключковскій Вячеславъ Евгеньевичъ, Могилевской губ. Юнкеръ крейсера „Герц. Эдинбургскій“, въ Кронштадтѣ.

12 Корсунскій Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Въ губ. акцизн. управл. въ Батумѣ.

13. Луковской Ѳаддей Ивановичъ, Кам.-Подольск. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Стародубѣ.

14. Маевскій Станиславъ Игнатьевичъ, Кутаисской губ. Канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Баку.

*15. Новиковъ Николай Андреевичъ, Ярославской губ. Столонач. каз. пал. въ Новгородѣ.

*16. Осиповъ Павелъ Николаевичъ, Ярославской губ. Въ губ. акц. управленіи въ Ревелѣ.

*17. Полѣновъ Павелъ Ивановичъ, Костромской губ. Чин. особ. поруч. при губернаторѣ въ Костромѣ.

18. Поляковъ Леонидъ Николаевичъ, Саратовской губ. Канд. на суд. должн. при суд. палатѣ въ Саратовѣ.

*19. Протасьевъ Александръ Сергѣевичъ, Ярославской губ. Стипендіатъ Лицея для приготовленія къ профессорскому званію.

20. Пѣтуховъ Иванъ Васильевичъ, Смоленской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Смоленскѣ.

*21. Рождественскій Николай Александровичъ, Ярославской губ. Пом. столонач. каз. палаты въ Ярославлѣ.

22. Скибневскій Леонидъ Петровичъ, Астраханской губ. Въ управленіи калмыками, въ Астрахани.

*23. Снѣжницкій Александръ Павловичъ, Астраханской губ. Пом. присяжн. повѣреннаго въ Астрахани.

*24. Столбовъ Иванъ Ивановичъ, Ярославской губ. Пом. присяжн. повѣреннаго въ Ярославлѣ.

25. Стратовъ Федоръ Васильевичъ, Петербургской губ. Пом. столонач. каз. палаты въ Баку.

26. Сферинъ Аристархъ Павловичъ, Ярославской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Смоленскѣ.

*27. Троицкій Николай Федоровичъ, Ярославской губ. Пом. бухгалт. отдѣл. госуд. банка въ Ярославлѣ.

28. Фельдтъ Владиміръ Николаевичъ, Нижегородской губ. Въ губ. акцизн. управленіи въ Н.-Новгородѣ.

29. Фратица Иванъ Васильевичъ, Бессарабской губ. Канд. на судебн. должн. при судебн. палатѣ въ Петербургѣ.

30. Чистяковъ Иннокентій Ивановичъ, Томской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*31. Шкляръ Иванъ Николаевичъ, Симбирской губ. Секретарь при прокурорѣ въ Маргеланѣ.

32. Штаммъ Ростиславъ Львовичъ, Кіевской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

33. Штейнбергъ Николай Александровичъ, Черниговск. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Нѣжинѣ.

Свѣдѣній не доставили: 34 *Аврамовъ* Александръ Николаевичъ, Херсонской губ.; 35. *Айвазовъ* Сергѣй Артемьевичъ, Тифлисской; 36. *Анисимовъ* Иванъ Спиридоновичъ, Самарской; 37. *Антоневичъ* Иванъ Владиславовичъ, Петерб.; 33. *Аракеловъ* Аршакъ Богдановичъ, Тифлисской; 89. *Атовмянцъ* Георгій Ивановичъ. Закатальскаго округа; 40. *Блохинъ* Никита Ѳомичъ, Бессарабской; 41. *Борисенко* Алексѣй Николаевичъ, Костромской; *42. *Виноградовъ* Константинъ Вас., Владимірской; 43. *Воратынскій* Владиславъ Валеріановичъ, Смоленской; 44. *Геллеръ* Влад. Константин., Московской; 45. *Дамянскій* Петръ Станиславовичъ, Рязанской; *46. *Демидовъ* Владиміръ Ивановичъ, Владимірской; 47. *Дервизъ-фонъ* Петръ Михайловичъ, Сувалкской; 48. *Дмитренко* Василій Васильевичъ, Могилевской; 49. *Духанинъ* Борисъ Ивановичъ, Рязан-

ской; 50. *Захарьинъ* Александръ Александровичъ, Калужской; *51. *Ивановъ* Николай Петровичъ, Тамбовской; 52. *Ковальскій* Казиміръ Юліановичъ, Олонецкой; 53. *Коверскій* Брониславъ Ипполитовичъ, Виленской; 54. *Кондратьевъ* Константинъ Ѳеофилактовичъ, Томской; 55. *Константиновъ* Петръ Іоакимовичъ, Ярославской; 56. *Лебедевъ* Александръ Михайловичъ, Владим.; 57. *Лиръ* Николай Александровичъ, Екатеринославской: 58. *Логвиновъ* Александръ Васильевичъ, Саратовск; 59. *Маргуліусъ* Владиміръ Николаевичъ, Херсон.; 60. *Мельгуновъ* Николай Ивановичъ, Рязанской; 61. *Мошковъ* Михаилъ Петровичъ, Тамбовской; 62. *Мурановъ* Яковъ Николаевичъ, Ярослав.; 63. *Налбандовъ* Михаель Иван., Таврич.; 64. *Николаевъ* Петръ Николаевичъ, Смоленской; *65. *Патушинскій* Григорій Борисовичъ, Иркутской; 66. *Померанцевъ* Николай Дмитріевичъ, Таврической; 67. *Путята* Николай Владиміровичъ, Московской; 68. *Розинъ* Александръ Сергѣевичъ Полтавской; *69. *Севастьяновъ* Вячеславъ Антоновичъ, Томской; 70. *Сегаль* Александръ Николаевичъ, Харьковской; 71. *Серебряковъ* Алексѣй Васильевичъ, Ярославской; *72. *Ткаченко* Дмитрій Степановичъ, Черниговской; 73. *Топчіевъ* Никита Герасимовичъ, Терской обл.; 74. *Четвериковъ* Николай Николаевичъ, Московской; 75. *Чиковъ* Акинсинъ Ананьевичъ, Донской обл.; 76. *Щипановскій-Домбровичъ* Марцеллій Николаевичъ, Кам.-Подольской; 77. *Юшковъ* Николай Петровичъ.

Всего въ теченіи 25 лѣтъ окончило курсъ въ Лицеѣ 1178, изъ нихъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ 312, остальные 866—съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

Изъ окончившихъ курсъ находятся нынѣ на службѣ:

Въ Канцеляріи Комитета Министровъ: Помощникомъ начальника отдѣленія Канцеляріи—1.

По Министерству Юстиціи: Судебными слѣдователями 109, кандидатами на судебныя должности при сенатѣ, палатахъ и судахъ 64, мировыми судьями 44, товарищами прокуроровъ 33, членами окружныхъ судовъ 32, городскими судьями 32, уѣздными членами судовъ 20, секретарями окружныхъ судовъ, палатахъ и при прокурорахъ 15, помощниками

секретаря въ палатахъ и судахъ 16, помощниками мироваго судьи 10, предсѣдателями мироваго съѣзда 7, прокурорами судовъ 3, старшими нотаріусами 3, товарищемъ предсѣдателя суда 1, товарищемъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго Департамента Сената 1, тюремнымъ инспекторомъ 1, помощникомъ оберъ-секретаря уголовнаго кассаціоннаго Департамента Сената 2, дѣлопроизводителемъ въ департаментѣ Министерства Юстиціи 1, нотаріусами 2, въ Архивѣ Министерства Юстиціи пом. редактора описей 1, судебными приставами 4, итого 401. Кромѣ того состоятъ присяжными повѣренными 49, помощниками присяжныхъ повѣренныхъ 44 и частными повѣренными 4.

По Министерству Финансовъ: Пом. контролеровъ акцизныхъ управленій 16, податными инспекторами 13, контролерами акцизныхъ управленія 11, пом. акцизн. надзирателя 10, пом. столонач. въ каз. палатахъ 10, пом. бухгалт. въ конторахъ и отдѣленіяхъ госуд. банка 8, пом. податнаго инспектора 7, въ отдѣленіяхъ международнаго банка (директ., инсп., бухгалт.) 3, секретарями каз. палатъ 3, столонач. каз. палатъ 3, директорами дворянск. земельн. банка 2, окружн. акцизн. надзирателями 2, начальниками отдѣл. каз. палаты 2, пом. бухгалтера каз. палаты 2, дѣлопроизвод. въ госуд. банкѣ 2, секретарями отдѣленій госуд. банка 2, въ таможнѣ 2, бухгалтеромъ въ главномъ казначействѣ 2, управляющимъ каз. палаты 1, старш. ревизоръ губ. акц. управл. 1, въ департ. неокладныхъ сборовъ 1, журналистъ въ корпусѣ пограничной стражи 1, бухгалтеромъ въ госуд. банкѣ 1, бухгалтеромъ каз. палаты 1, чин. особ. поруч. каз. палаты 1, пом. контролера акцизнаго управленія 1, секретаремъ акциз. управленія 1, въ московск. городск. кредитномъ обществѣ 1, въ портовой конторѣ 1, пом. бухгалтера въ казначействѣ 1, въ управленіи Волжско-Камскаго банка 1, итого 113.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ: Земскими начальниками 16, дѣлопроизводителями губернскаго правленія 7, чиновниками особыхъ порученій у губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ 6, въ департаментахъ министерства 3, уѣзднымъ предводителемъ дворянства 1, городскимъ головой 1, предсѣдателемъ уѣздной земской управы 1, правителемъ канцеляріи губернатора 1. непремѣннымъ членомъ уѣзднаго крестьянскаго присутствія 1, непременнымъ членомъ гу-

бернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія 1, секретаремъ статистическаго комитета 1, исправникомъ 1, помощникомъ исправника 1, въ управленіи калмыцкимъ народомъ 1, въ экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей 1, секретаремъ губ. по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія 1, итого 45.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія: Учителями реальныхъ училищъ 4, экстраординарными профессорами 3, дѣлопроизводителями (V, VI и VII кл.) въ Департ. Народн. Просв. 3, инспекторами народныхъ училищъ 2, приватъ-доцентъ 1, инспекторомъ студентовъ Лицея 1, библіотекаремъ Лицея 1, преподавателемъ техническаго училища 1, стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію 2, итого 18.

По Государственному Контролю: Управляющій контрольной палаты 1, дѣлопроизводителемъ VII кл. въ государственномъ контролѣ 2, помощникомъ ревизора контрольной палаты 2, счетнымъ чиновникомъ палаты 1, итого 6.

По Вѣдомству Православнаго исповѣданія: Секретарями духовныхъ консисторій 3, іеромонахъ 1, священникъ 1, итого 5.

По Военному Министерству: Поручиками 2, хорунжій 1, кандидатомъ на судебныя должности при военномъ прокурорѣ 1, помощникомъ столоначальника въ главномъ военносудномъ управленіи 1, итого 5.

По Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ: Начальникомъ отдѣленія лѣснаго департамента 1, помощникомъ столоначальника того же департамента 1, чиновникомъ особыхъ порученій при управленіи государственныхъ имуществъ 1, помощникомъ юрисконсульта при такомъ же управленіи 1, итого 4.

По Министерству путей сообщенія: Помощникомъ юрисконсульта желѣзной дороги 1, въ департ. желѣзн. дорогъ 1, счетный чиновникъ желѣзной дороги 1, въ контролѣ желѣзной дороги 1, итого 4.

По Министерству Удѣловъ: Столоначальникомъ въ Министерствѣ 1.

По Министерству Иностранныхъ Дѣлъ: Въ самомъ Министерствѣ 1.

По Морскому Министерству: Юнкеръ крейсера „Герцогъ Эдинбургскій“ 1.

Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ Болгаріи 1.

Наконецъ занимаются частными дѣлами 6, въ отставкѣ 53, умерло 114 и о 324 лицахъ свѣдѣній не имѣется.

СПИСОКЪ

окончившихъ курсъ въ 1899 году:

Со степенью кандидата:

1. Забавскій Леонидъ Наркисовичъ, Сѣдлецкой губ.
2. Траустель Іоганнъ Игнатьевичъ, Эстляндской губ.
3. Унтиловъ Василій Алексѣевичъ, Херсонской губ.

Съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій:

4. Гребенщиковъ Георгій Павловичъ, Ярославской губ.
5. Дубенскій Владиміръ Семеновичъ, Тульской губ.
6. Кабекъ Петръ Давыдовичъ, Лифляндской губ.
7. Корзюковъ Николай Петровичъ, Черниговской губ.
8. Леонгардтъ Николай Георгіевичъ, Московской губ.
9. Новицкій Дмитрій Васильевичъ, Херсонской губ.
10. Огородниковъ Евгеній Александровичъ, Владимірской губ.
11. Палатниковъ Николай Николаевичъ, С.-Петербургской губ.
12. Сипко Вячеславъ Николаевичъ, Московской губ.
13. Стамбуловъ Владиміръ Ивановичъ, Херсонской губ.
14. Тарновичъ Георгій Дмитріевичъ, Кіевской губ.
15. Торнъ Константинъ Александровичъ, Тверской губ.
16. Тютчевъ Өедоръ Ивановичъ, Московской губ.
17. Ушинскій Григорій Антоновичъ, Волынской губ.
18. Хорошкѣевъ Михаилъ Васильевичъ, Смоленской губ.
19. Чернышъ Діонисій Григорьевичъ, Люблинской губ.

20. Шерешевскій Рафаилъ Давидовичъ, Ковенской губ.
21. Юшкевичъ Борисъ Адамовичъ, С.-Петербургской губ.
22. Ѳедосѣевъ Константинъ Борисовичъ, Ярослав. губ.

Нижеслѣдующіе удостоены званія дѣйствительнаго студента:

23. Балашевъ Левъ Андреевичъ, Тульской губ.
24. Вишневскій Владиміръ Осиповичъ, Гродненской губ.
25. Волковъ Владиміръ Константиновичъ, Московской г.
26. Вуколовъ Евгеній Владиміровичъ, Таврической губ.
27. Гальяръ Владиміръ Дмитріевичъ, Донской области.
28, Гейзелеръ Павелъ Андреевичъ, С.-Петербургск. губ.
29. Гейзернперъ Александръ Ѳедоровичъ, Московской г.
30. Григоровъ Михаилъ Александровичъ, Рязанской губ.
31. Давыдовскій Петръ Ѳедоровичъ, Тульской губ.
32. Давыдовъ Леонидъ Николаевичъ, Пензенской губ.
33. Дюковъ Павелъ Ивановичъ, Енисейской губ.
34. Ефимовъ Иванъ Яковлевичъ, Ярославской губ.
35. Иваншинъ Анатолій Матвѣевичъ, Воронежской губ.
36. Іодловскій Иннокентій Константиновичъ, Петраковской губ.
37. Канаевъ Леонидъ Ивановичъ, Самарской губ
38. Китицынъ Владиміръ Александровичъ, Псковской г.
39. Коткоровскій Иванъ Осиповичъ, Варшавской губ.
40. Лазо Иванъ Егоровичъ, Бессарабской губ.
41. Липинскій Нарцисъ Ивановичъ. Волынской губ.
42. Николаевъ Семенъ Андреевичъ, Астраханской губ.
43. Поповъ Валерій Артемьевичъ, Московской губ.
44. Поповъ Михаилъ Николаевичъ, Тульской губ.
45. Раевскій Леонидъ Николаевичъ, Владимірской губ.
46. Родіоновъ Георгій Михайловичъ, Бессарабской губ.
47. Руденко Иванъ Меѳодіевичъ, Кіевской губ.
48. Селиверстовъ Алексѣй Ивановичъ, Владимірской г.
49. Скрипицынъ Владиміръ Петровичъ, Симбирской губ.
50. Солтыскій Иванъ Александровичъ, Кам.-Подольской г.
51. Суше-де-ла-Дюбоассіеръ Сергѣй Ѳедоровичъ, Тамбовской губ.
52. Таробанько Викторъ Анисимовичъ, Московской губ.
53. Тихановскій Николай Дмитріевичъ, Костромской г.
54. Тихомировъ Дмитрій Ивановичъ, Московской губ.

55. Шмелевъ Викторъ Өедоровичъ, Самарской губ.
56. Шмидтъ Владиміръ Владиміровичъ, Псковской губ.
57. Штейфтъ Павелъ Александровичъ, С.-Петерпургской губ.
58. Унковскій Георгій Сергѣевичъ, Московской губ.

ИСПРАВЛЕНІЯ: Вып. II й, № 7, стр. XIX—*Голосовъ* Александръ Александровичъ—суд. слѣд. въ Кадниковѣ.

Вып. II-й, № 25, стр. XX—*Покровскій* Сергѣй Алексѣевичъ—тов. прокур. въ Глазовѣ, Вятской губ.

Вып. 20-й, № 1 й, стр. XXXIX—*Ажицантовъ* Мих. Павл.—суд. слѣд. въ Грязовцѣ.

Вып. 23-й, № 7-й, стр. XLVII—*Бѣлецкій* Николай Ивановичъ—суд. слѣд. въ Кадниковѣ.

Вып. 23-й, № 23, стр. XLVIII—*Ильницкій* Матвѣй Лукичъ—суд. слѣд. въ Устюжнѣ.

Въ день лицейскаго акта—30 августа получено было 62 телеграммы.

Изъ Петербурга Поздравляю съ праздникомъ, сердечный привѣтъ достоуважаемому Сергѣю Михайловичу и дорогимъ товарищамъ, искренно сожалѣю, что нездоровье заставляетъ опоздать на два дня. Берендтсъ.

Изъ Петербурга—Поздравляю Лицей съ новогодіемъ Vivat, floreat, crescat. Никоновъ.

Изъ Казани Привѣтствую товарищей съ годовщиной дорогого лицея. Піонтковскій.

Изъ Аккермана—Поздравляю директора, инспектора, профессоровъ и студентовъ съ годовщиной дорогого лицея. Ачкасовъ.

Изъ Архангельска—Сердечно поздравляю дорогой лицей, директора, профессоровъ и студентовъ. Петръ Болотовъ.

Изъ Архангельска—Шлю сердечное поздравленіе дорогому лицею. Членъ суда Голубцовъ.

Изъ Архангельска—Привѣтствую дорогой лицей съ праздникомъ. Иванъ Истоминъ.

Изъ Архангельска—**Vivant academia, studiosi, professores.** Константинъ Воротынскій.

Изъ Астрахани—Шлю привѣтъ дорогому лицею, директору, профессорамъ и студентамъ въ день годовщины. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Снѣжницкій.

Изъ Асхабада - Въ день праздника съ далекой окраины шлю привѣтъ разсаднику права и правды дорогому лицею, отъ души желаю ему процвѣтать на многія лѣта. Мировой судья Николай Кузьминъ.

Изъ Брюховецкой—Да здравствуетъ дорогой лицей на многія лѣта. Бывшій студентъ, помощникъ окружнаго акцизнаго надзирателя Бабіевскій.

Изъ Бѣлева —Поздравляю лицей съ годовщиной. Андрей Фирсовъ.

Изъ Бѣлостока—Душевно поздравляю родной лицей съ годовщиной преобразованія. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Константинъ Введенскій—10 выпуска.

Изъ Варнавина—Привѣтствую дорогой лицей съ новой годовщиной, желаю ему процвѣтанія на многіе годы. Директора, профессоровъ и студентовъ сердечно поздравляю съ праздникомъ. Податной инспекторъ Копыловъ.

Изъ Варшавы—Въ день торжественнаго акта низко кланяюсь дорогому лицею при пожеланіи безоблачной хроники наступающаго учебнаго года. Николай Ковалевскій.

Изъ Варшавы—Поздравляемъ дорогой лицей, незабвеннаго директора и профессоровъ съ праздникомъ. Хлѣбниковъ и Срединскій.

Изъ Владивостока—Изъ далекаго востока шлю поздравленіе незабвенному Сергѣю Михайловичу, профессорамъ и студентамъ съ новой годовщиной просвѣтительной дѣятельности лицея, желая ему быть многія лѣта разсадникомъ добра и правды. Благодарный питомецъ, судебный слѣдователь Достоваловъ.

Изъ Владикавказа—Поздравляю директора, профессоровъ и студентовъ съ дорогимъ для насъ лицейскимъ праздникомъ. Присяжный повѣренный Файвишевичъ.

Изъ Вязниковъ—Привѣтствуемъ родной лицей и студентовъ съ праздникомъ. Городской судья И. Бѣляевъ и земскій начальникъ Н. Хватовъ.

Изъ Вятскаго—Поздравляю лицей съ новой годовщиной. Китицынъ.

Изъ Голицына Поздравляю родной лицей съ 28 годовщиной, желаю всѣмъ питомцамъ лицея быть достойными сынами дорогого отечества. Присяжный повѣренный Глаголевъ.

Изъ Городка - Поздравляя дорогой лицей съ праздникомъ, желаю вѣковаго процвѣтанія на пользу науки и государства. Мировой посредникъ Марковъ.

Изъ Екатеринбурга—Поздравляю съ праздникомъ. Товарищъ прокурора Агафоновъ.

Изъ Екатеринбурга—Поздравляю дорогой лицей съ праздникомъ, храню завѣты almae matris. Каслинскій городской судья Караваевъ.

Изъ Екатеринбурга—Поздравляю съ праздникомъ годовщины глубокоуважаемаго директора, господъ профессоровъ и студентовъ. Всегда сохраняющій наилучшую память о лицеѣ, присяжный повѣренный Маминъ.

Изъ Змѣиногорска - Въ день годовщины шлю привѣтъ дорогому родному лицею. Да здравствуетъ alma mater. Константинъ Стеблинъ-Каменскій.

Изъ Иркутска—Поздравляя Ваше Превосходительство съ годовщиной лицея, желаю Вашимъ питомцамъ всегда, какъ и въ истекшую печальную годину, въ сторонѣ отъ массовыхъ движеній и партійной борьбы оставаться вѣрными началамъ порядка и законности, тѣмъ самымъ доказывая, что священнѣйшіе для всякаго юриста принципы не только механически восприняты ими, но глубоко претворились въ ихъ сознаніи. Кандидатъ Григорій Патушинскій.

Изъ Кіева—Прошу принять мое поздравленіе и лучшія пожеланія дорогому лицею. Старшій ревизоръ Кіевскаго акцизнаго управленія Глѣбовъ.

Изъ Кіева—Поздравляю директора, профессоровъ, инспектора и студентовъ съ новой годовщиной дорогого лицея. Ивакинъ.

Изъ Ковно—Привѣтъ родному лицею – разсаднику права и справедливости. Калашниковъ,

Изъ Кѣльцъ—Поздравляю дорогой лицей съ праздникомъ. Самаринъ.

Изъ Либавы—Лучшему и отраднѣйшему воспоминанію

жизни лицейскихъ студентовъ—дорогому лицею шлемъ горячій привѣтъ и пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія. Зиминъ и Дамянскій.

Изъ Москвы—Шлю сердечный привѣтъ дорогому лицею, искреннее поздравленіе директору, профессорамъ и студентамъ въ радостный день нашего праздника. Московскій столичный мировой судья Новицкій.

Изъ Москвы—Вспоминая дорогой лицей, пьемъ за здоровье директора, профессоровъ и студентовъ. Тихоміровъ и Давыдовскій.

Изъ Москвы—Приношу сердечное поздравленіе дорогому лицею. Феодоръ Любомудровъ.

Изъ Москвы—Поздравляю дорогой лицей, его директора и профессоровъ. Желаю праздновать этотъ день многіе и многіе годы.—Пью за здоровье всѣхъ участвующихъ въ сегодняшнемъ торжествѣ. Илья Поляковъ.

Изъ Мышкина Прошу принять отъ меня искреннее поздравленіе съ новою годовщиною лицея. Судеб. слѣд. Мышкинскаго уѣзда Леонидъ Балашевъ.

Изъ Новгорода—Поздравляемъ дорогой лицей; шлемъ привѣтъ уважаемому директору, профессорамъ и студентамъ. Багровъ.

Изъ Новомаргелана—Благодарные питомцы 17 и 25 выпусковъ поздравляютъ дорогой лицей съ новой годовщиной. Воскресенскій и Шкляръ.

Изъ Опочки—Родной лицей—разсадникъ права и правды сердечно привѣтствую съ годовщиной. Никольскій.

Изъ Пензы—Поздравляю лицей съ днемъ новой годовщины. Орлинскій.

Изъ Петербурга—Сердечно поздравляю съ годичнымъ праздникомъ. Колесовъ.

Изъ Петербурга—Привѣтъ дорогому лицею шлютъ съ береговъ красавицы Невы. Бывшіе студенты Срѣтенскій и Виркау.

Изъ Пскова—Поздравляю съ годовщиной дорогой лицей. Мебесъ.

Изъ Ревеля Сердечный привѣтъ лицею въ день его праздника. Евгеній Виноградовъ.

Изъ Риги—Въ торжественный день годовщины дорогого лицея шлемъ сердечный привѣтъ директору, профес

сорамъ, товарищамъ и студентамъ; искренно желаемъ лицею дальнѣйшаго процвѣтанія. Виллертъ, Герцъ, Лапотниковъ, Пасситъ, Петерсонъ, Рейнгаузенъ и Рубинштейнъ.

Изъ Рыбинска—Привѣтствую лицей съ праздникомъ. Слѣдователь Ивановъ.

Изъ Саратова—Поздравляю дорогой лицей съ новой годовщиной. Кедровъ.

Изъ Саратова—Шлю искренній привѣтъ и поздравленіе дорогому лицею, директору, профессорамъ и студентамъ. Вячеславъ Сипко.

Изъ Саткинскаго завода—Шлетъ сердечный привѣтъ дорогому лицею благодарный питомецъ, судебный слѣдователь Петропавловскій.

Изъ Семеновскаго села—Поздравляю съ новой годовщиной, желаю процвѣтанія. Мировой судья Ивановъ.

Изъ Семипалатинска—Съ угрюмыхъ береговъ красавца Иртыша привѣтствуемъ профессоровъ и студентовъ съ дорогой годовщиной. Да будетъ же и впредь наша alma mater неувядаемымъ разсадникомъ стойкихъ борцовъ права и правды въ отчизнѣ своей. Членъ окружнаго суда Мирмиковъ и товарищъ прокурора Стеблинъ-Каменскій.

Изъ Солигалича—Въ день годовщины привѣтствую лицей и его дорогую семью. Бывшій студентъ—судебный слѣдователь Полетаевъ.

Изъ Тифлиса—Поздравляемъ дорогой лицей, желаемъ дальнѣшаго ему процвѣтанія. Братья Кошлаковы.

Изъ Томска—Шлемъ сердечный привѣтъ родному лицею. Членъ суда Федоровъ, Мировой судья Васильевъ.

Изъ Тотьмы—Сердечно привѣтствую лицей съ днемъ годовщины. Помощн. податн. инспектора Карасовъ.

Изъ Тюмени—Сердечно поздравляю дорогой лицей съ годовымъ праздникомъ. Помощникъ податнаго инспектора Николай Королевъ.

Изъ Царицына—Поздравляю дорогой лицей съ годовщиной. Василій Рѣпниковъ.

Изъ Цехочинска—Сердечно поздравляю дорогой лицей съ праздникомъ. Георгій Оппертманъ—членъ Николаевской таможни.

Изъ Ченстохова—Шлю сердечный привѣтъ дорогому лицею. Товарищъ прокурора Кацауровъ.

Изъ Череповца—Сочувствую утратѣ дорогого учителя Дмитрія Николаевича Стефановскаго; сердечно поздравляю съ праздникомъ директора, профессоровъ, студентовъ, инспектора, библіотекаря, секретаря и интерновъ. Ильницкій.

Изъ Юрьевца—Прошу принять и передать сердечное привѣтствіе профессорамъ лицея и пожеланіе успѣховъ студентамъ. Податной инспекторъ Юрьевецкаго уѣзда, Костромской губерніи Соколовъ.

Въ 1899—1900 учебномъ году будутъ читать въ Лицеѣ:

1. Директоръ, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ Государственнаго права, Тайный Совѣтникъ *С. М. Шпилевскій*—Исторію Русскаго права на 1-мъ курсѣ 6 часовъ въ недѣлю.

2. Ординарный профессоръ, докторъ Финансоваго права, Статскій Совѣтникъ *Э. Н. Берендтсъ*—Государственное и Административное право на 2-мъ курсѣ 6 часовъ.

3. Ординарный профессоръ, докторъ Государственнаго права, Статскій Совѣтникъ *В. Г. Щегловъ*—на 1-мъ курсѣ Энциклопедію права 5 часовъ, Всеобщую исторію права 3 ч. и Институціи Римскаго права 2 часа.

4. Профессоръ Богословія, Магистръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*—Богословіе на 1-мъ курсѣ 3 часа.

5. И. д. экстраорд. проф. Магистръ Церковнаго права *П. П. Соколовъ*—Церковное законовѣдѣніе на 3-мъ курсѣ по 4 часа.

6. И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, Статскій совѣтникъ *М. А. Липинскій*—на 2-мъ курсѣ Исторію Русскаго права 3 часа и гражданское судопроизводство на 4-мъ курсѣ 4 часа.

7. И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ *М. М. Катковъ*—Римское право на 2-мъ курсѣ 5 часовъ, на 3-мъ курсѣ 5 час. и на 4-мъ курсѣ практическія занятія 1 часъ.

8. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *А. Р. Свирщевскій*—на 2-мъ курсѣ Финансовое право и Политическую Экономію по 3 часа.

9. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *А. В. Шмидтъ* | Международное право на 3-мъ курсѣ 3 часа.

10. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *И. Я. Гурляндъ*—на 4-мъ курсѣ Торговое право 4 часа.

11. Приватъ-доцентъ, *В. А. Юшкевичъ*—Гражданское право на 3-мъ курсѣ 6 часовъ.

12. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *С. П. Никоновъ*—на 4-мъ курсѣ Гражданское право по 5 часовъ и на 1-мъ курсѣ Исторію Римскаго права по 3 часа.

13. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *Е. Д. Синицкій*—на 4-мъ курсѣ Уголовное судопроизводство по 3 часа.

14. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *М. П. Чубинскій*—Уголовное право на 3-мъ курсѣ 2 ч. и на 4-мъ курсѣ 2 ч. и 1 ч. практическія занятія на 3-мъ и 4-мъ курсѣ вмѣстѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Роль мотива въ уголовныхъ кодексахъ и проэктахъ.

Когда изслѣдователь оперируетъ надъ какимъ нибудь новымъ вопросомъ и желаетъ, чтобы его выводы не остались въ области умозрѣній, а проникли въ дѣйствительную жизнь, для него чрезвычайно важно ознакомиться съ положительнымъ правомъ и посмотрѣть, насколько его идеи соотвѣтствуютъ реальному положенію вещей. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы всякая теорія, несходная съ современными ей кодексами, была бы обречена на гибель, ибо исторія даетъ не мало обратныхъ примѣровъ; но несомнѣнно, что чѣмъ болѣе появляющаяся теорія соотвѣтствуетъ направленію научной мысли, находящему отраженіе въ болѣе новыхъ продуктахъ законодательнаго творчества, тѣмъ болѣе у нея шансовъ на осуществленіе въ законодательствѣ. Если мы видимъ, что какая нибудь идея сперва пускаетъ самые жалкіе ростки, но затѣмъ все болѣе и болѣе укрѣпляется въ законодательствѣ, то это вѣрный залогъ если не ея справедливости, то по крайней мѣрѣ ея жизненной силы и проч-

ности. Теоретическимъ путемъ мы пришли къ выводу, что мотивъ для уголовнаго права долженъ имѣть весьма важное значеніе; если законодательное теченіе окажется движущимся въ сторону такого же вывода, то это будетъ прямымъ доказательствомъ того, что наши положенія не только вѣрны, но и не являются утопіей и имѣютъ шансы на реализацію въ жизни.

И вотъ, всматриваясь въ дѣйствующіе уголовные кодексы и выработанные проэкты, мы видимъ, что отношеніе ихъ къ мотиву весьма не одинаково, но что, какъ мы докажемъ это далѣе въ подробномъ изложеніи, тенденція въ пользу мотива все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Не легко раздѣлить этотъ законодательный матерьялъ на рѣзко обособленныя по своему взгляду на мотивъ группы: одни законодательства имѣютъ въ виду мотивъ лишь по исключенію, другія далеко идутъ впередъ въ смыслѣ всесторонняго признанія значенія мотива, но въ области наказуемости не допускаютъ, чтобы мотивъ могъ влiять на самую природу наказанія, третьи стоятъ на полъ-пути въ смыслѣ признанія принципіальной важности мотива, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаютъ даже выборъ наказанія во вниманіе къ мотиву, четвертыя выставляютъ принципіальныя положенія въ пользу теоріи мотивовъ, но безпрестанно отъ нихъ отступаютъ и т. д.

Мы рѣшили придерживаться такого дѣленія: въ первую группу мы относимъ законодательства, остающіяся на почвѣ старой доктрины, по которой мотивъ есть нѣчто весьма неважное; и въ нихъ по исключенію мотивъ иногда принимается во вниманіе, но это не соотвѣтствуетъ ихъ общему направленію или является позднѣйшей новеллой; сюда принадлежатъ дѣйствующіе кодексы и уложенія Россіи, Франціи, Бельгіи и Австріи. Вторая группа будетъ носить смѣшанный характеръ, ибо сюда мы отнесемъ законодательства

остановившіяся на полъ-пути въ вопросѣ о мотивахъ; одни изъ нихъ, высказавшись въ пользу большаго или меньшаго принципіальнаго значенія мотива, затѣмъ въ значительной мѣрѣ забываютъ о своей принципіальности, а другія, не становясь на почву признанія важности мотива въ принципѣ, признаютъ эту важность путемъ казуистическимъ или даютъ суду столь широкій просторъ при опредѣленіи наказанія, что практика имѣетъ полную возможность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принимать въ соображеніе мотивъ. Къ этой группѣ принадлежатъ кодексы германскій, венгерскій и голландскій и французскій проэктъ. Наконецъ, въ третью группу войдутъ тѣ законодательства, въ которыхъ замѣчается сильная тенденція, признавъ принципіальную важность мотива, послѣдовательно выразить это въ своихъ опредѣленіяхъ; сюда мы относимъ италіанскій кодексъ и проэкты австрійскій, швейцарскій, норвежскій и русскій, хотя, строго говоря, послѣдній могъ бы составить переходную стадію отъ второй группы къ третьей по своимъ свойствамъ, съ которыми мы далѣе ознакомимся.

Соотвѣтственно этимъ группамъ наше изложеніе законодательства распадается на три главы. Изложенію каждаго законодательства мы предпосылаемъ его краткую характеристику или исторію возникновенія, ибо такимъ образомъ становится болѣе понятнымъ, почему въ данномъ кодексѣ заключается такой, а не иной взглядъ на мотивъ.

Глава 1-я.

Дѣйствующее уголовное законодательство Франціи, Австріи, Россіи и Бельгіи.

Мы считаемъ наиболѣе удобнымъ начать нашъ обзоръ законодательствъ съ французскаго кодекса. [1]) Этотъ, по прекрасному выраженію Неклюдова, праотецъ европейскихъ кодексовъ имѣетъ громадное значеніе.

Правда, недостатки его рѣзко бросаются въ глаза при сравненіи его съ болѣе поздними кодексами. Онъ прежде всего во многомъ устарѣлъ; не смотря на послѣдовавшія измѣненія и дополненія, его основа состоитъ изъ кодекса 1810 г., пересмотрѣннаго въ 1832 г. Такой почтенный возрастъ способствуетъ тому, что отъ многихъ положеній этого кодекса вѣетъ духомъ, чуждымъ нашему времени: система устрашенія въ основѣ репрессіи, установленіе во многихъ случаяхъ абсолютно-опредѣленныхъ наказаній и чрезвычайная бѣдность широкихъ общихъ доктринальныхъ положеній. Послѣднее обстоятельство оставляетъ практику безъ твердой почвы для толкованія и примѣненія закона, откуда проистекаетъ произвольность и крайнее разнообразіе въ пониманіи такихъ основныхъ, но не получившихъ опредѣленія въ текстѣ закона терминовъ, какъ „démence", „discernement" и др. Естественно, что и вопросъ о мотивахъ, выдвинутый наукой только въ недавнее время, не нашелъ подобающаго ему мѣста на страницахъ этого кодекса. Взглядъ кодекса,—это взглядъ старой доктрины, не придававшей значенія мотивамъ; вниманіе къ послѣднимъ выражается лишь случайно и отрывочно, безъ опредѣленной системы и руководящаго критерія. Но тѣмъ не менѣе изученіе опредѣленій французскаго кодекса

---

[1]) См. курсы Laborde, Garraud, Ortolan; Rigaud, Motiv; Code P. F. R; C. P. F.—D; Strafg. d. St. Europ. - L., I., Fr.—B; Мат. I., фр.—Н.

является особенно важнымъ въ виду его историческаго значенія, въ виду того, что онъ долгое время былъ дѣйствующимъ закономъ въ значительной части Европы и внѣ Франціи, легъ въ основу законодательства Бельгіи и имѣлъ сильное вліяніе на опредѣленія прусскаго кодекса, лежащаго въ основѣ нынѣ дѣйствующаго германскаго уложенія, и кромѣ того въ значительной мѣрѣ отразился на италіанскомъ и нидерландскомъ уложеніяхъ и другихъ болѣе недавнихъ памятникахъ законодательнаго творчества.

Научное убѣжденіе по вопросу о мотивахъ, выразившееся во французскомъ кодексѣ, можетъ быть вполнѣ точно характеризовано словами Альберта Фридриха Бернера, высказанными мимоходомъ въ его работѣ о соучастіи (s. 150): „Юристъ спрашиваетъ: что сдѣлалъ этотъ человѣкъ и каковъ общій предикатъ, подъ который подпадаетъ его дѣяніе; вопросъ же моралиста идетъ далѣе; онъ гласитъ: почему этотъ человѣкъ такъ сдѣлалъ?“ Оцѣнка мотивовъ, слѣдовательно, является дѣломъ морали, а не права; всѣ исключенія отсюда носятъ совершенно случайный характеръ и идутъ въ разрѣзъ съ основными идеями кодекса.

Прежде всего законодатель не заботится о томъ, чтобы его опредѣленія усиливали въ общественномъ сознаніи моральный элементъ, моральные мотивы; онъ находитъ иногда возможнымъ дѣйствовать совершенно обратнымъ способомъ. Такъ, art. 108 и 138 освобождаютъ отъ наказанія доносителя, совершенно идя въ разрѣзъ съ раціональной карательной политикой. Здѣсь нельзя говорить о томъ, что законъ милуетъ преступника, какъ раскаявшагося: раскаянія вовсе не требуется закономъ, требуется лишь голый фактъ (донесъ, выдалъ); такимъ образомъ, изъ-за ложнаго пониманія общественныхъ интересовъ, дѣяніе, мотивъ котораго почти всегда анти-мораленъ, оправдывается уже post factum, тогда какъ на ряду съ этимъ въ другихъ случаяхъ самые чистые моти-

вы, разъ они привели къ преступленію,—игнорируются.

Затѣмъ, полное невниманіе къ мотивамъ ясно выражено въ правилахъ о правопораженіи. Послѣ закона 31 Мая 1854 года, уничтожившаго morte civile, правопораженіе является въ двухъ формахъ: dégradation civique и l'interdiction légale (art. 18, 28, 29, 31), а кромѣ нихъ существуетъ еще и входитъ въ ихъ составъ ограниченіе извѣстныхъ правъ на время отбытія наказанія (art. 31) или вообще (art. 42). Мы понимаемъ назначеніе interdiction légale, независимо отъ мотива, вызвавшаго преступленіе: 1) заключенный не можетъ и не долженъ вести самъ своихъ дѣлъ, такъ что необходимымъ является назначеніе ему subrogé tuteur, а 2) ограниченія, установленныя art. 31 (запрещеніе во время отбытія наказанія получать денежныя суммы, предметы обихода или часть доходовъ), могутъ быть объяснены охраненіемъ интересовъ тюремой дисциплины; всѣ же остальныя правопораженія, обязательно связываемыя съ болѣе тяжкими видами наказанія и притомъ имѣющія весьма широкій объемъ, тяжело ложатся на многихъ преступниковъ, отнюдь ихъ не заслужившихъ, если обратить вниманіе на мотивы ихъ преступленій.

Мы не будемъ далѣе подробно указывать тѣхъ случаевъ, гдѣ выражается невниманіе французскаго законодателя къ мотивамъ; намъ пришлось бы изложить громадное большинство статей; мы отмѣтимъ только наиболѣе бросающіеся въ глаза случаи, и затѣмъ перейдемъ къ изложенію немногихъ постановленій, гдѣ сознательно или безсознательно законодатель призналъ роль мотива.

Вредъ, проистекающій отъ невниманія къ мотиву, могъ бы быть нѣсколько смягченъ, если бы судьѣ были даны широкія полномочія въ дѣлѣ измѣненія и уменьшенія наказанія; но и такого палліатива во французскомъ кодексѣ нѣтъ (art 65); коронный судья можетъ двигаться лишь въ предѣлахъ maxim'a и minim'a, которые обозначены весьма тѣсно, а затѣмъ на дѣя-

тельности судьи, который пожелалъ бы считатся съ мотивомъ, тяготѣетъ препятствіе въ видѣ существованія абсолютно-опредѣленныхъ наказаній, а также въ видѣ несообразнаго и неровнаго отношенія законодателя къ нѣкоторымъ преступленіямъ.

Такъ, наравнѣ съ тягчайшими видами государственной измѣны, наказуется смертной казнью всякій взрывъ или поджегъ зданія, арсенала, магазина или иной, принадлежащей государству собственности, безотносительно отъ мотива (art. 95). Затѣмъ, за самыми небольшими исключеніями (art. 149) назначается безъ всякаго вниманія къ мотиву безсрочная каторга за всякій подлогъ въ документахъ и актахъ, совершенный чиновникомъ или инымъ должностнымъ лицомъ въ кругѣ его обязанностей (art. 145 и 146), и срочная каторга частнымъ лицамъ какъ за подлогъ въ оффиціальныхъ, публичныхъ и торговыхъ документахъ, такъ и за пользованіе подложными документами. Между тѣмъ такого рода преступленія въ многихъ случаяхъ совершаются по альтруистическимъ и безкорыстнымъ мотивамъ и вовсе не заслуживаютъ столь строгой репрессіи.

Точно также, не обращая вниманія ни на мотивъ, ни на дѣйствительно причиненные результаты, законъ караетъ срочной каторгой или смирительнымъ домомъ, наравнѣ съ мятежными скопищами, тѣ соединенія, которыя, будутъ составлены съ оружіемъ или безъ оружія и сопровождаемы насиліемъ или угрозами противъ органовъ власти, если только соединились: 1) работники или поденщики публичныхъ мастерскихъ или мануфактуръ, 2) лица, принятыя въ богадѣльни и госпитали и 3) подслѣдственные, преданные суду или осужденные арестанты. Такимъ образомъ, если, вслѣдствіе невозможныхъ злоупотребленій и притѣсненія, населеніе какого нибудь дома призрѣнія соединится для общаго протеста и учинитъ малѣйшее насиліе надъ должностнымъ лицомъ, хотя бы лишь въ формѣ угрозъ, виновные могутъ попасть на

Самыми же яркими примѣрами полнаго пренебреженія къ мотивамъ, на нашъ взглядъ, являются слѣдующіе: 1) дѣтоубійство, т. е. умышленное убійство новорожденнаго ребенка является квалифицированнымъ; оно (art. 300 и 302) наказуется смертной казнью наравнѣ съ предумышленнымъ убійствомъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ законодательствахъ это дѣяніе является привиллегированнымъ преступленіемъ во вниманіе къ мотивамъ, его вызывающимъ. 2) Цѣлымъ рядомъ рѣшеній французскій кассаціонный судъ приравнялъ (см. Rivière) убійство на дуэли къ убійству вообще, а секундантовъ такого поединка—къ соучастникамъ убійства, тогда какъ, не оправдывая дуэли принципіально, нельзя въ то же время не признать, что это преступленіе имѣетъ особую юридическую природу, совершается подъ громаднымъ давленіемъ существующихъ въ обществѣ понятій о чести и вызывается мотивами, которымъ во многихъ случаяхъ нельзя отказать въ уваженіи. 3) Отцеубійство, а въ томъ числѣ и убійство незаконнаго отца, ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ признанія его извинительнымъ (excusable), т. е. даже если оно было вызвано тяжкими ударами или насиліемъ, запрещается примѣненіе правилъ о провокаціи, которыми весьма значительно смягчается наказаніе (art. 326 и 323). Такъ что присяжнымъ въ такихъ случаяхъ, если они находятъ слишкомъ тяжелымъ наказаніе, ожидающее обвиняемаго, (при признаніи смягчающихъ обстоятельствъ вѣчная каторга вмѣсто смертной казни) остается лишь одинъ исходъ изъ конфликта съ своей совѣстью,—оправдательный приговоръ. [1]).

Интересно, что даже самое слово „мотивъ", какъ спра-

---

1) Примѣчаніе. О согласіи пострадавшаго кодексъ также умалчиваетъ, что истолковано кассаціоннымъ судомъ въ томъ смыслѣ, что это согласіе не должно имѣть никакого значенія въ преступленіяхъ противъ жизни.

ведливо замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей интересующаго насъ вопроса, ни разу не встрѣчается въ текстѣ французскихъ уголовныхъ законовъ. [1]) Да и трудно было бы ожидать чего либо иного: каждый кодексъ является отраженіемъ идей своего времени; понятно, что въ столь старомъ кодексѣ, какъ французскій, не можетъ господствовать идея даже въ наши дни еще не закончившая своей эволюціи; этотъ кодексъ выдвигаетъ на первый планъ объективный элементъ, величину причиненнаго вреда; субъективному же элементу въ составъ котораго входитъ мотивъ, отводится роль второстепенная, подчиненная. Главная идея, проникающая французскій кодексъ,—это идея устрашенія; ее не пошатнули послѣдовавшія передѣлки и дополненія, хотя и былъ сдѣланъ нѣкоторый шагъ къ признанію важности мотивовъ: установленіе въ 1832 году особой лѣстницы наказаній за политическія преступленія. Но объ этомъ мы скажемъ далѣе, пока же остановимся на отдѣльныхъ безсистемныхъ случаяхъ, гдѣ прямо или косвенно признано значеніе мотива. И здѣсь, и далѣе, при обзорѣ другихъ кодексовъ мы будемъ оставлять въ сторонѣ постановленія о крайней необходимости, необходимой оборонѣ, аффектахъ и пр. Они существуютъ во всѣхъ кодексахъ, такъ что указывать на нихъ въ отдѣльности нѣтъ надобности; связь же этихъ ученій съ ученіемъ о мотивахъ устанавливается въ слѣдующей части нашей работы.

Прямое вниманіе къ мотиву мы находимъ въ art. 248. Назначая тюрьму лицамъ, которыя сами или черезъ другихъ будутъ укрывать совершителей преступленія, законъ изъемлетъ изъ дѣйствія настоящаго постановленія восходящихъ и нисходящихъ, супругу и супруга, хотя бы и разведенныхъ, братьевъ и сестеръ, а также свойственниковъ со-

---

[1]) Rigaud, Motiv, p. 23.

отвѣтствующихъ степеней. Очевидно, что освобожденіе отъ наказанія здѣсь сдѣлано изъ вниманія къ мотиву родственной любви, который презюмировался въ даннаго рода преступленіяхъ. Затѣмъ (art. 175), не считаются участниками преступленія и освобождаются отъ уголовной отвѣтственности, а иногда наказуются лишь штрафомъ тѣ, которые, получивъ фальшивыя, испорченныя или измѣненныя въ цвѣтѣ монеты за настоящія, пустятъ ихъ обратно въ обращеніе; т. е. законодатель и здѣсь считается съ мотивомъ дѣятеля, у котораго въ данномъ случаѣ отсутствуетъ корыстный мотивъ обогатиться на счетъ чужой имущественной сферы, а есть лишь понятное стремленіе отвратить отъ себя незаслуженный убытокъ. Важны также, какъ признаніе значенія мотивовъ, art. 321, 322, 325, а также отчасти 296. Они устанавливаютъ ученіе о вызванныхъ преступленіяхъ (provocation) и именно въ силу такого характера признаютъ эти преступленія извинительными (excusables); наказаніе понижается весьма значительно: всѣ болѣе тяжелыя наказанія, включая сюда и смертную казнь, замѣняются тюрьмой на время отъ 1 до 5 лѣтъ, остальныя наказанія — краткосрочной тюрьмой. Извинительными являются убійство и тѣлесныя поврежденія, вызванныя тяжкими ударами или насиліемъ, или совершенныя при противодѣйствіи проникновенію другаго лица въ жилое помѣщеніе, а при извѣстныхъ условіяхъ и во всякое огороженное помѣщеніе; извинительна также кастрація, непосредственно вызванная насильственнымъ половымъ безстыдствомъ, и убійство мужемъ жены или ея любовника при délit flagrant.

Нельзя никоимъ образомъ утверждать, что, устанавливая эти статьи, законодатель руководствовался соображеніемъ о важности мотивовъ; онъ имѣлъ въ виду отмѣтить случаи, которые, не составляя необходимой обороны, не могутъ тѣмъ не менѣе быть поставлены на ряду съ другими пре-

ступленіями; но, такъ какъ изъ этихъ статей вытекаетъ положеніе, что иного и очень снисходительнаго отношенія преступникъ заслуживаетъ, разъ онъ реагировалъ не по какимъ либо дурнымъ побужденіямъ, а единственно раздраженный направленнымъ на него толчкомъ извнѣ въ формѣ насилія,—то эти положенія и являются весьма важными для теоріи мотивовъ. Что же касается art. 296, то онъ на ряду съ предумышленіемъ караетъ убійство изъ засады (de guet-apens); здѣсь также заключается косвенное признаніе важности мотива: законодатель предполагаетъ низость и коварство дѣятеля и его побужденій, разъ дѣятель прибѣгаетъ къ такой формѣ дѣйствія.

Болѣе систематично и опредѣленно понятіе о мотивѣ и нѣкоторое сознаніе его важности выразилось при измѣненіи французскаго кодекса въ 1832 году; основныя идеи кодекса остались прежними и „напрасно мы бы стали искать даже въ преніяхъ различныхъ ораторовъ, участвовавшихъ въ обсужденіи закона,—принциповъ какой либо новой системы; отъ наказанія, какъ и прежде, требуютъ лишь устрашенія“ [1]. На ряду съ этимъ замѣчается и почти полное преобладаніе объективной стороны преступленія надъ субъективной. Но были введены два существенныя нововведенія: 1) система смягчающихъ обстоятельствъ, а 2) особая лѣстница наказаній за политическія преступленія. Эти нововведенія пошатнули цѣльность старой системы, сдѣлали въ ней проломъ. Система смягчающихъ обстоятельствъ привела къ возможности иногда понижать наказаніе и во вниманіе къ мотиву; система же наказаній за политическія преступленія поставила вопросъ о мотивѣ на новую почву. Реформа 1832 года установила двойную лѣстницу наказаній: и раньше уже въ кодексѣ встрѣчались депортація и изгна-

---

[1]) Rigaud, Motiv, p. 30—31

ніе, но теперь было установлено систематически, что на ряду съ каторжными работами, тюрьмой и проч. за преступленія общаго характера, къ преступленіямъ политическимъ должны примѣняться изгнаніе, депортація и заточеніе. Смертная казнь за политическія преступленія была уничтожена; Людовикъ-Филиппъ, впрочемъ, не допускалъ ея примѣненія къ политическимъ преступленіямъ и раньше. По отношенію къ чисто политическимъ преступленіямъ эти идеи сохранились, по отношенію же къ такъ назыв. смѣшаннымъ—не вполнѣ. Законъ 10 Іюня 1853 г. установилъ, что посягательство (совершеніе или покушеніе) на жизнь императора или членовъ его фамиліи наказуется смертью; коммунаровъ 1870 года судили и казнили какъ обыкновенныхъ преступниковъ [1]). Тѣмъ не менѣе въ общемъ сохранился принципъ наказывать политическихъ преступниковъ иначе, чѣмъ обыкновенныхъ. Для опредѣленія же того, какое преступленіе считать политическимъ, а какое нѣтъ—существуютъ разные критеріи и вопросъ споренъ [2]), но главнымъ критеріемъ безусловно слѣдуетъ признать критерій мотивовъ, который можетъ комбинироваться съ другими, но всегда сохраняется [3]).

Нельзя сказать, чтобы вышеуказанный принципъ былъ проведенъ во французскомъ кодексѣ со всей строгостью; кромѣ уже приведенныхъ случаевъ можно сослаться на преступленія противъ порядка управленія и на нѣкоторыя преступленія чисто политическія: такъ, (art. 78) нѣкоторыя гнусныя дѣянія, близкія къ шпіонству, наказуются крѣпостью; (art. 82 и 81) ею же наказуется выдача плановъ укрѣпленій, портовъ и пр. агентамъ иностранной державы,

---

[1]) См. Garçon, Peines n. d., R. P., 1896, p. 834, 835.

[2]) См. Garraud, ук. соч., p. 96—98; Ortolan, Eléments, t. I, № 345 и др.

[3]) См. Garçon, ук. ст., p. 835; Rigaud, ук. соч., p. 31; ср. проф. Таганцевъ, Лекціи, в. 1, стр. 332.

если ее сдѣлало должностное лицо, частное же лицо наказуется крѣпостью, если оно эти планы получило въ свои руки путемъ подкупа, обмана или насилія, въ противномъ же случаѣ—тюрьмой; наконецъ (art 222—232), назначается тюрьма, смирительный домъ, альтернативно съ праволишеніемъ и даже безсрочныя каторжныя работы за побои и насилія противъ должностныхъ лицъ, въ зависимости отъ тяжести и послѣдствій причиненныхъ поврежденій.

Такъ что въ этихъ случаяхъ примѣняется custodia honesta къ дѣяніямъ, совершаемымъ по самымъ низкимъ побужденіямъ съ одной стороны, а съ другой—примѣняется тюрьма и каторга къ дѣяніямъ, которыя могутъ не проявлять позорнаго характера и даже проистекать изъ благородныхъ побужденій. Но эти промахи не могутъ поколебать важности общаго правила; необходимо помнить, что французскій кодексъ впервые установилъ custodia honesta и такимъ образомъ, хотя и въ очень тѣсной области, призналъ важность мотивовъ и необходимость считаться съ ними при опредѣленіи *рода* наказанія. Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что французскій кодексъ не сдѣлалъ до сихъ поръ дальнѣйшаго шага въ этомъ направленіи. Правда, законъ 26 Марта 1891 г. (Code d'instruction. crim., 113 и сл.) ввелъ условное осужденіе въ видѣ sursis à l'éxécution de la peine [1]; но такимъ образомъ было принято во вниманіе лишь общее настроеніе преступника, которое предполагается не антисоціальнымъ въ виду отсутствія въ его прошломъ преступленій; но ближайшій мотивъ его дѣятельности во вниманіе не принятъ, ибо не сказано, что условно могутъ быть осуждаемы лишь лица, дѣйствовавшія по непозорному мотиву. —

[1]) См. Laborde. Cours, p. 339—341.

Переходимъ къ бельгійскому уголовному кодексу, дѣйствующему съ 15 Октября 1867 года [1]). Хотя въ его основѣ и лежитъ французскій кодексъ, но этотъ послѣдній былъ основательно переработанъ и въ смыслѣ системы и въ смыслѣ содержанія отдѣльныхъ статей, не говоря уже о многочисленныхъ дополненіяхъ; теорія устрашенія въ немъ отодвигается теоріей исправленія, но первая далеко еще не исчезаетъ. Судья получаетъ бóльше правъ въ дѣлѣ индивидуализаціи наказанія, а вслѣдствіи этого и роль мотива преступной дѣятельности является нѣсколько бóльшей, хотя никакой опредѣленной системы еще не выработано.

Начнемъ съ наиболѣе замѣтныхъ случаевъ.

Art. 136 (соотвѣтствующій art. 108 французскаго кодекса) освящаетъ доносительство, идущее въ полный рѣзъ съ идеей укрѣпленія въ населеніи моральныхъ мотивовъ. Custodia honesta существуетъ и примѣняется главнымъ образомъ къ дѣяніямъ, чуждымъ низкихъ мотивовъ, но это начало систематически не проводится и случаи назначенія такого наказанія очень рѣдки. Такъ, за посягательство на форму правленія или порядокъ престолонаслѣдія и за самые тяжкіе виды бунта назначается крѣпость, а не каторга; то же и за заговоръ для означенной цѣли (art. 104 и 109); крѣпость же назначается за возбужденіе внутренняго междуусобія (124). Далѣе интересно различеніе, котораго не знаетъ французскій кодексъ: участіе въ бандахъ (art. 128 и 129) для насильственнаго захвата государственной собственности, городовъ, арсеналовъ, судовъ и пр.—наказуется крѣпостью, но, если цѣлью былъ грабежъ или раздѣлъ государственной или общественной собственности, то наказаніемъ является каторга и т. д. Но на ряду съ

---

1) Code pén. Belge,—Brandner; C. P. B., interpreté par Nypls, t. I - III; Мат. I, Бельг.—H.; Haus, Principes, 2 B.; S. d. S. E.--L., Belg.—Pr., s. 461 ff.

этимъ цѣлый рядъ политическихъ преступленій (относящихся къ такъ назыв. смѣшаннымъ), безъ вниманія къ ихъ мотиву, наказуется смертной казнью, каторгой, смирительнымъ домомъ и тюрьмой (art. 102—112); затѣмъ, за различные виды государственной измѣны (преступленіе по большей части вызываемое самыми гнусными мотивами) нормальнымъ наказаніемъ является крѣпость, даже для прямыхъ предателей (art. 115); наконецъ, то же отсутствіе послѣдовательности видно въ назначеніи тюрьмы за противузаконное приказаніе со стороны агента власти пустить въ ходъ публичную силу, тогда какъ, если это приказаніе было исполнено (art. 254 и 255), за то же преступленіе назначается крѣпость. Мы ограничиваемся этими примѣрами, но число ихъ можно было бы значительно увеличить.

Мы не будемъ останавливаться на цѣломъ рядѣ статей, совершенно тождественныхъ со статьями французскаго кодекса (art 394=296, art. 415=323, art. 419—420=319—320, art. 170=135 и т. д.), хотя бы эти статьи и имѣли отношеніе къ теоріи мотивовъ; мы укажемъ лишь постановленія, заключающія въ себѣ отклоненіе отъ затрагивающихъ вопросъ о мотивѣ опредѣленій французскаго кодекса.

Такъ, прежде всего, въ вопросѣ о пораженіи правъ бельгійскій кодексъ, сохраняя недостатки французской системы, значительно смягчилъ ихъ (art. 19—24, 31—33): лишаются титуловъ, чиновъ, публичныхъ должностей, мѣстъ и службъ всѣ приговоренные къ смертной казни, каторгѣ, смирительному дому, а также *къ вѣчному или экстраординарному заключенію въ крѣпость*; при простомъ же заключеніи въ крѣпость такое лишеніе *факультативно*. Приговоръ къ смертной казни и къ каторгѣ навсегда лишаетъ осужденнаго права занимать публичную должность, быть избирателемъ, присяжнымъ, опекуномъ, воиномъ и т. п.; при приговорѣ же къ смирительному дому или крѣпости

лишеніе всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ указанныхъ правъ *факультативно* и можетъ быть назначено или навсегда или на время отъ 10 до 20 лѣтъ. При тюрьмѣ лишеніе нѣкоторыхъ изъ указанныхъ правъ на время отъ 5—10 лѣтъ допускается только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Надзоръ полиціи (art. 36 и 37) назначается при уголовныхъ наказаніяхъ факультативно, при тюрьмѣ же назначается только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ.

Далѣе, бельгійское законодательство выгодно отличается отъ французскаго постановленіями о рецидивѣ (art. 54—57); усиленіе наказанія никогда не является несообразнымъ по своей строгости; оно почти всегда факультативно, въ силу чего судъ можетъ принимать во вниманіе и общее настроеніе преступника, и мотивъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но зато сильно бросается въ глаза, что, не смотря на существованіе въ кодексѣ custodia honesta, за дуэль, за оскорбленіе кого либо въ виду его отказа выйти на дуэль и въ нѣкоторыхъ случаяхъ за участіе въ дуэли въ качествѣ секунданта,—наказаніемъ является тюрьма и денежный штрафъ. Для большинства случаевъ дуэли мы, если будемъ принимать во вниманіе мотивъ, должны признать тюрьму совершенно не подходящимъ наказаніемъ, а тѣмъ болѣе денежный штрафъ, котораго, какъ увидимъ далѣе, ни одно законодательство въ этихъ случаяхъ не примѣняетъ.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что бельгійскій кодексъ иногда обращаетъ вниманіе на мотивъ корысти. Такъ, особо указано лжесвидѣтельство, учиненное по корыстному мотиву (art. 224); всякое лихоимство и взяточничество наказуется исправительнымъ домомъ или тюрьмой вмѣстѣ съ значительнымъ денежнымъ штрафомъ (art 240—253); тюрьма и довольно высокій штрафъ назначается за нарушеніе законовъ относительно лотерей, игорныхъ домовъ и ссудныхъ кассъ, т. е. за

преступленіе, обычнымъ мотивомъ которыхъ является алчность и корысть (art. 302—308).

Наконецъ, интересны съ точки зрѣнія мотива постановленія о délit flagrant, о лжесвидѣтельствѣ и о смягчающихъ обстоятельствахъ. Признавая извинительными убійство и тѣлесныя поврежденія, причиненныя мужемъ прелюбодѣйной женѣ или ея сообщнику, разъ послѣдніе захвачены на мѣстѣ преступленія, законъ (art. 413) предоставляетъ такія же права и женѣ, что́ нельзя не признать справедливымъ, ибо мотивъ при той и другой комбинаціи одинъ и тотъ же и заслуживаетъ одинаковаго вниманія.

Законы о лжесвидѣтельствѣ не примѣняются (art. 225) ни къ дѣтямъ, ни къ тѣмъ лицамъ, которыя допрашиваются безъ присяги въ виду родства или свойства съ обвиняемымъ, если показаніе дано въ пользу обвиняемаго. Здѣсь видно прямое вниманіе къ мотиву, каковымъ по презумпціи бываютъ родственная любовь и состраданіе. То же вниманіе къ мотиву сказывается и въ назначеніи не тюрьмы (какъ во Франціи), а штрафа въ случаѣ присвоенія себѣ неподлежащихъ званій, титуловъ, орденовъ и т. п. (art. 228—232); обычный мотивъ этихъ преступленій,—хвастовство и тщеславіе, не указываетъ ни на особую испорченность дѣятеля, ни на его антисоціальное настроеніе.

Что же касается смягчающихъ обстоятельствъ, то бельгійскій кодексъ, запрещая признавать преступленія извинительными (excuser) внѣ случаевъ, прямо указанныхъ въ законѣ, ограничивается этимъ и дозволяетъ не только присяжнымъ, но и коронному суду свободное признаніе наличности смягчающихъ обстоятельствъ. Благодаря этому, судья *всегда* можетъ, если захочетъ, понизить наказаніе во вниманіе къ мотиву. Мы не говоримъ, что этого уже достаточно, но лучше что нибудь, чѣмъ ничего; лучше какое нибудь вниманіе къ мотиву, чѣмъ никакого.—

Обратимся къ австрійскому кодексу [1]), который, какъ и другіе старые кодексы, особаго интереса съ точки зрѣнія мотива не представляетъ. Онъ обозначенъ датой 27 Мая 1852 года, но корни его лежатъ гораздо глубже, ибо въ дѣйствительности это лишь значительная, но не органическая переработка кодекса 1803 года, причемъ, по свидѣтельству проф. Hiller'а, сохранилось много опредѣленій еще изъ Іозефины, т. е. отъ 1787 года, а нѣкоторыя изъ опредѣленій таковы, что каждое изъ нихъ является „wie eine Ruine aus fast verschollenen alten Kämpfen hineinragende Bestimmung“ [2]). Понятно поэтому, что никакой теоріи мотивовъ мы въ австрійскомъ кодексѣ не находимъ; его взгляды на мотивъ близки ко взглядамъ французскаго кодекса, въ деталяхъ же стоятъ даже ниже послѣднихъ; если бы мы захотѣли дать подробное изложеніе, то намъ пришлось бы повторяться на каждомъ шагу и притомъ, не сообщая ничего интереснаго, ибо постоянно пришлось бы говорить объ одномъ и томъ же: о почти полномъ пренебреженіи къ мотиву и о несообразной строгости наказаній, которая вызвана положенной въ основу кодекса системой устрашенія. Поэтому, мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями, главнымъ образомъ имѣя въ виду отдѣлы, реформированные сепаратными новеллами, заключающими въ себѣ, хотя и небольшое прогрессивное теченіе по интересующему насъ вопросу.

Прежде всего, считаться съ мотивами, повидимому, могъ бы судья при опредѣленіи наказанія, ибо австрійскій кодексъ знаетъ два рода смягчающихъ и отягчающихъ обстоятельствъ: общія — въ предѣлахъ указаннаго въ законѣ maxim'а и minim'а наказанія за извѣстныя преступленія и

---

[1]) См. Strafges. mit. Entscheid. d. Kassationsh. v. Cramer bes., 18 Aufl. S. d. S. E.—L., Oesterr.-Hiller; Wahlberg, Strafgesetzgebung seit 1850.

[2]) Hiller, S. d. S. E.—L., Oesterr., s. 144 ff, особенно s. 130—132.

особенныя,—допускающія въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ переходъ за эти предѣлы. Этотъ отдѣлъ, благодаря позднѣйшимъ узаконененіямъ является сравнительно прогрессивнымъ (§§ 43—47, 48—53, 263—265); во-первыхъ, въ дополненіе къ нему установлено широкое право суда на смягченіе наказаній процессуальными законами (Strafprozessordnung, 1873, §§ 338 и 410), а во-вторыхъ, въ самомъ кодексѣ заключается чрезвычайно интересный § 54 для преступленій и соотвѣтствующій ему § 266 для проступковъ и нарушеній; въ силу этихъ параграфовъ, если наказаніе, положенное за преступленіе, не превышаетъ пяти лѣтъ, а на лицо многія смягчающія вину обстоятельства и притомъ такого рода, что можно съ основаніемъ ожидать исправленія преступника, то наказаніе можетъ быть смягчено весьма значительно. Ясно, что подъ эти опредѣленія могутъ быть подводимы всѣ случаи, гдѣ отсутствуетъ безнравственный, антисоціальный мотивъ.

Такимъ образомъ, казалось бы, что судья всегда можетъ, если захочетъ, понизить въ значительной степени наказаніе во вниманіе къ мотиву; но это возможность почти мнимая: наказанія въ австрійскомъ правѣ отличаются такой несообразной строгостью, что установился судебный обычай (о которомъ мы лично не разъ слышали отъ судебной магистратуры Вѣны и Граца) назначать возможный minimum наказанія вообще, т. е. даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ на лицо особо смягчающихъ обстоятельствъ, напримѣръ, хорошаго мотива; поэтому случаи послѣдняго рода не всегда могутъ сопровождаться дальнѣйшимъ пониженіемъ наказанія.

Пойдемъ далѣе. Custodia honesta австрійскій кодексъ не знаетъ, такъ что выборъ рода наказанія по соображеніямъ о мотивѣ является невозможнымъ, а вниманіе къ мотиву можетъ проявиться лишь въ области правопораженій, свя-

занныхъ съ главными видами лишенія свободы; этого вниманія до закона 15 Ноября 1867 года не было, упомянутый же законъ внесъ нѣкоторыя улучшенія; во-первыхъ, по § 5 этого закона судья по собственному усмотрѣнію рѣшаетъ, долженъ ли виновный быть лишенъ обязанностей опекуна или попечителя, а также можетъ ли виновный принимать на себя эти обязанности въ будущемъ; во-вторыхъ, обязательное лишеніе сословныхъ привиллегій, служебныхъ правъ, почетныхъ званій, знаковъ отличія, права быть адвокатомъ, служить на государственной службѣ и пр., —осталось лишь при совершеніи важнѣйшихъ корыстныхъ посягательствъ (§§ 460, 461, 463); при рядѣ же другихъ, указанныхъ въ этомъ законѣ преступленій, правоограниченіе прекращается одновременно съ отбытіемъ заключенія. Законодатель самъ напередъ сдѣлалъ распредѣленіе преступленій на группы, принимая во вниманіе между прочимъ и мотивъ; это видно изъ того, что во вторую группу отнесены преступленія, чуждыя низкихъ и позорныхъ мотивовъ, какъ то: неумышленное убійство, тѣлесныя поврежденія, учиненныя въ дракѣ, дуэль, способствованіе побѣгу осужденнаго и пр., а главнымъ образомъ преступленія политическія (§ 58, b и c, §§ 60, 61, 65, 66, 68, 69, 73, 76, 78, 80 и 81, причемъ изъ §§ 68, 69, 73 и 81 видно, что, какъ прямо говоритъ законъ, сюда относятся лишь преступленія, вытекающія изъ политическихъ мотивовъ).

Теперь мы должны указать на статьи, освобождающія отъ наказанія во вниманіе къ мотиву; ихъ двѣ: 1) освобождаются отъ наказанія за недонесеніе, укрывательство преступника и способствованіе ему избавиться отъ отвѣтственности восходящіе, нисходящіе и ближайшіе боковые родственники виновнаго (§ 216) и 2) во вниманіе къ мотиву дѣятельности, послѣдовавшей за совершеніемъ преступленія, освобождается отъ наказанія воръ, который вернетъ все

украденное ранѣе, чѣмъ о его виновности узнаетъ судъ или другое начальство (Obrigkeit), если онъ дѣйствовалъ вслѣдствіе серьезнаго раскаянія (§ 187, „aus thätigerReue“).

Затѣмъ, нѣкоторые мотивы указаны какъ въ статьяхъ, относящихся къ возвышенію наказанія, такъ и въ отдѣльныхъ опредѣленіяхъ особенной части. Къ сожалѣнію, здѣсь встрѣчается и статья, по которой смягчается наказаніе за доносительство (открытіе или способствованіе поимкѣ другаго преступника); донесеніе здѣсь совершенно неправильно поставлено на одну доску съ раскаяніемъ.

Кромѣ того заслуживаютъ вниманія слѣдующіе случаи: 1) Смягчается наказаніе, если преступленіе было совершено по неразумію, или единственно по внушенію другаго лица, или изъ страха, изъ послушанія, подъ давленіемъ нужды и пр., а также если преступленіе было совершено вслѣдствіе бурнаго душевнаго порыва, возникшаго „aus gewönlichen (§ 46) Menschengefühle“.

2) Очевидно во вниманіе къ мотиву смягчается наказаніе за дѣтоубійство (§ 139), хотя смягченіе наказанія здѣсь невилико, сравнительно съ другими законодательствами: назначается тягчайшій видъ лишенія свободы (schwere Kerkerstrafe) при убійствѣ законнаго ребенка—пожизненно, а незаконнаго—на срокъ отъ 10 до 20 лѣтъ.

3) При умышленномъ поврежденіи чужой собственности (включая сюда и общеопасныя посягательства), при тѣлесныхъ поврежденіяхъ и при насильственномъ вторженіи въ чужое жилище, наказаніе повышается, если мотивомъ преступленія была (§§ 83, 87, 152) вражда, злоба или несправедливая месть (um sich wegen eines vermeinten Unrechtes Rache zu verschaffen), при убійствѣ же являются квалифицированными во вниманіе къ мотиву убійство для ограбленія, т. е. корыстное (Raubmord) и убійство, совершенное за плату наемнымъ убійцей (§ 135 п.п. 2 и 3).

4) Дѣяніе квалифицируется на ряду съ тѣмъ, когда есть привычка, и тогда, если преступленіе указываетъ на особую хитрость или коварство виновнаго; къ сожалѣнію, такая квалификація принята въ кодексѣ лишь въ немногихъ случаяхъ и только при имущественныхъ преступленіяхъ (напримѣръ, при кражѣ и при мошенничествѣ, §§ 167 и 203).

Эти немногочисленные факты вниманія къ мотиву могутъ быть пополнены изъ не введеннаго въ текстъ кодекса закона 24 Мая 1885 г. (Strafg. v. Cramer bes., s. 512 ff.). Этотъ законъ, касающійся бродяжества и нищества, прямо относитъ къ составу данныхъ преступленій и мотивъ, предусматривая между прочимъ случай совершенія ихъ изъ отвращенія къ труду (Arbeitsscheu). Въ случаѣ обвиненія судъ можетъ прибавить къ приговору разрѣшеніе (Zulässigkeit) на помѣщеніе виновнаго на извѣстный срокъ въ рабочій домъ (Zwangsarbeitsanstalt); окончательное же рѣшеніе вопроса о томъ, нужно или нѣтъ воспользоваться такимъ разрѣшеніемъ суда, зависитъ отъ особой мѣстной коммиссіи, состоящей изъ представителей администраціи и органовъ самоуправленія. [1]).

Вотъ и всѣ тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ о недостаточно внимательномъ отношеніи австрійскаго кодекса къ вопросу о мотивахъ.—

Намъ остается теперь разсмотрѣть отношеніе къ вопросу о мотивахъ нашего русскаго законодательства, подходящаго по своимъ взглядамъ на данный вопросъ къ уже разсмотрѣннымъ нами законодательствамъ. Дѣйствующее у насъ уло-

---

[1]) Примѣчаніе. Къ сожалѣнію, организація рабочихъ домовъ во многихъ мѣстахъ оставляетъ желать весьма многаго: напримѣръ, въ Мессендорфѣ (близь Граца) мы видѣли чрезвычайно неудовлетворительный рабочій домъ: помѣщеніе тѣсно, система клозетовъ—самая примитивная, работа тяжела, однообразна и крайне скучна и малопригодна для жизни на свободѣ (клееніе изъ бумаги коробочекъ), а главное—взрослые смѣшаны съ малолѣтними, ибо рабочій домъ соединенъ съ исправительнымъ для малолѣтнихъ учрежденіемъ (! ?)...

женіе о наказаніяхъ доживаетъ свои послѣдніе дни; но пока оно еще дѣйствуетъ, мы должны съ нимъ считаться, не взирая на то, что не особенно пріятно разбираться въ хаосѣ необъединенныхъ статей, изъ которыхъ иныя сохранились еще со временъ соборнаго уложенія. Отношеніе дѣйствующаго уложенія къ вопросу о мотивахъ нельзя не признать весьма неблагопріятнымъ; оно нерѣдко упоминаетъ о мотивѣ, но дѣлаетъ это безъ всякой системы и послѣдовательности и отводитъ мотиву очень скромную роль, ибо его главное и почти исключительное вниманіе обращено на объективную сторону преступныхъ дѣяній.

Прежде всего не даетъ возможности надлежащимъ образомъ считаться съ мотивомъ организація праволишеній; объемъ послѣднихъ необычайно широкъ вообще, а къ тому же они *обязательно* назначаются безъ всякаго вниманія къ мотиву; болѣе тяжелыя наказанія соединены съ лишеніемъ *всѣхъ правъ состоянія* (собственность, напримѣръ, осужденнаго, переходитъ къ наслѣдникамъ „какъ послѣ умершаго“), среднія—съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, но за то (за исключеніемъ крайне ограниченнаго числа случаевъ, гдѣ тюрьма соединена съ правоограниченіями) при низшихъ наказаніяхъ, какъ бы гнусны ни были мотивы повлекшихъ ихъ преступленій, никакое ограниченіе правъ не можетъ имѣть мѣста. Факультативно назначается (т. е. дается возможность судьѣ считаться и съ мотивомъ) ограниченіе правъ лишь при заключеніи на срокъ въ крѣпость, но послѣдній родъ наказанія назначается весьма рѣдко (ст. 17, 22, 23, 27, 28, 30, пп. 1 и 2).

Затѣмъ, судъ лишенъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ выбора рода наказанія, а тамъ, гдѣ этотъ выборъ суду предоставленъ, законодатель имѣлъ въ виду дать ему возможность считаться съ количествомъ вреда, съ послѣдствіями и пр., но не съ мотивомъ; исключеній отсюда весьма немного:

1) суду предоставленъ выборъ между тремя родами наказанія при превышеніи границъ необходимой обороны, причемъ прямо рекомендуется смотрѣть на побужденія виновнаго (ст. 1467 и 1493); 2) въ зависимости отъ мотива ставится на выборъ суда три рода наказанія при произвольномъ содержаніи кого либо подъ стражей (ст. 448) и 3) судъ имѣетъ возможность принять въ соображеніе мотивы, выбирая между крѣпостью и другими родами наказанія при нѣкоторыхъ случаяхъ превышенія и бездѣйствія власти, при оскорбленіи подчиненнымъ начальника или вызовѣ его на поединокъ и при неосторожномъ обнаруженіи должностнымъ лицомъ государственной тайны (ст. 341, 344, п. 1, 394, 396, и 425); также судъ можетъ перейти къ нисшему роду наказанія при преступленіяхъ печати (ст. 135).

Но судья не только почти всегда лишенъ права выбрать родъ наказанія; онъ поставленъ въ весьма тѣсныя рамки и при выборѣ мѣры наказанія и, слѣдовательно, даже такимъ путемъ ему затруднена возможность считаться съ мотивомъ; лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ можетъ смягчить наказаніе на двѣ или на три степени, обыкновенно же онъ можетъ смягчить наказаніе лишь на одну степень, т. е. весьма незначительнымъ образомъ. Внѣ указанныхъ степеней смягченіе наказанія можетъ имѣть мѣсто лишь въ порядкѣ испрошенія Высочайшей милости, но и въ предѣлахъ этихъ степеней коронному суду не предоставлено безконтрольнаго и безотчетнаго права смягчать наказаніе: это право принадлежитъ лишь присяжнымъ засѣдателямъ (касс. р. 69/661, Журина).

Затѣмъ, наше уложеніе знаетъ custodia honesta,—это заключеніе въ крѣпость; но оно назначается весьма рѣдко и безъ опредѣленной системы и послѣдовательности; сюда относятся нѣкоторыя политическія преступленія и преступленія противъ международнаго права: заочное оскорбленіе Государя

или лицъ императорскаго дома, составленіе объявленій или воззваній къ бунту и т. п., тайная переписка съ подданными непріязненнаго государства, если въ ней по неосторожности и нескромности сдѣланы какія либо разоблаченія, и оскорбленіе дипломатическаго агента (ст. 246, 251, 252 п. 3, 258 и 261); затѣмъ, крѣпость является нормальнымъ наказаніемъ за дуэль (ст. 1500, 1503, 1504, 1507—1509) и она же альтернативно съ другими наказаніями можетъ быть назначаема въ случаяхъ, о которыхъ мы уже выше упоминали.

Правда, лица, осужденныя на каторгу за политическія преступленія, обыкновенно отбываютъ наказаніе въ крѣпостяхъ, но это privillegium odiosum, ибо они лишаются такимъ образомъ возможности перехода въ разрядъ исправляющихся и долгіе годы проводятъ въ одиночномъ заключеніи, тогда какъ обыкновенные каторжники пользуются болѣе легкимъ режимомъ общаго заключенія. Во многихъ же случаяхъ, совершенно аналогичныхъ съ тѣми, которые мы выше указали, въ законѣ указана не крѣпость, а какое либо другое наказаніе, хотя мотивы и въ тѣхъ, и въ другихъ случаяхъ одинаковы (ст. 256, 257 и др.).

Теперь мы должны указать на тѣ случаи, когда законъ во вниманіе къ мотиву освобождаетъ виновнаго отъ наказанія; случаевъ этихъ также немного; сюда относится: 1) нерадѣніе къ хозяйству и уклоненіе отъ него со стороны евреевъ колонистовъ, если оно было вызвано „основательными къ тому причинами (ст. 1056), 2) превышеніе власти, если оно было вызвано основательнымъ убѣжденіемъ виновнаго въ необходимости такого превышенія для государственной пользы, или сознаніемъ, что отъ промедленія для службы произойдетъ опасность или вредъ (ст. 340), 3) самоубійство, если оно учинено изъ патріотизма, или если виновница его—женщина, прибѣгшая къ нему для спасенія своего цѣломудрія (ст. 1474), 4) недонесеніе, укрывательство преступника и дача въ его пользу

ложныхъ показаній безъ присяги, если виновникомъ этихъ преступленій является одинъ изъ родственниковъ того лица), въ пользу котораго онъ дѣйствуетъ (ст. 128 и 944), и 5, ненаказуемъ (но можетъ быть и наказуемъ трехъ-дневнымъ арестомъ) неимѣвшій послѣдствій вызовъ на дуэль, мотивомъ котораго было нанесенное вызывающему или близкимъ ему лицамъ оскорбленіе (ст. 1599).

Далѣе, мотивъ иногда влечетъ за собою признаніе дѣянія привиллегированнымъ или квилифицированнымъ, а въ довольно значительномъ числѣ случаевъ оказываетъ вліяніе на мѣру наказанія, хотя, какъ мы знаемъ уже, это вліяніе отнюдь не велико.

Квалифицирующимъ мотивомъ уложеніе, какъ это ни странно, признаетъ прежде всего фанатизмъ; чрезвычайно сурово наказуется оскорбленіе раскольниками православной церкви или православнаго духовенства, оскопленіе и убійство, если эти преступленія совершены, какъ выражается законъ, „по заблужденію фанатизма“ или „по побужденіямъ фанатизма“ (ст. 196, 201, 203 п. 2). Далѣе, квалифицируется злостное недонесеніе, когда недонесшій зналъ, что обвиненіе упадаетъ на невиннаго (127), и квалифицируются, хотя лишь по исключенію, случаи, указывающіе на особую устойчивость въ виновномъ анти-соціальныхъ мотивовъ,—совершеніе преступленій по привычкѣ или въ видѣ промысла (1654, п. 1). Затѣмъ, между обстоятельствами, увеличивающими вину, законодатель нерѣдко указываетъ на мотивъ; наказаніе должно быть тѣмъ строже, „чѣмъ болѣе противозаконны и безнравственны были побужденія къ преступленію“ (ст. 129, п. 3), хотя въ дѣйствительности, какъ мы уже знаемъ, въ большинствѣ случаевъ все дѣло сводится лишь къ увеличенію наказанія на одну степень (касс. р. 68/859, 75/306, 71/86); въ отдѣльности можно указать, что наказаніе повышается, когда изъ мщенія усилено пред-

ставителемъ власти наказаніе виновному свыше мѣры, установленной въ приговорѣ суда (ст. 458), и когда убійство вызвано корыстнымъ мотивомъ (убійство съ цѣлью ограбленія, ст. 1453, п. 4); вообще, наибольшее вниманіе законодатель обратилъ на мотивъ, который носитъ у него названіе „корыстные или иные личные виды“, „корысть“, „доставленіе противозаконной выгоды“ и т. п.; въ виду такого мотива наказаніе возвышается при выдачѣ себя виновнымъ за живущаго или умершаго члена царствующаго дома (ст. 1415), при цѣломъ рядѣ преступленій по службѣ (ст. 329, 332, 333, 356, 364 п. 2, 366—368, 374, 457, 810 и др.) и при нѣкоторыхъ другихъ преступленіяхъ, напримѣръ, при ложномъ показаніи вслѣдствіе подкупа (ст. 939).

Точно также, хотя и безъ опредѣленной системы, законодатель считается съ мотивомъ при установленіи привиллегированныхъ преступленій и при указаніи смягчающихъ вину обстоятельствъ. Къ первымъ относится: 1) дѣтоубійство, оставленіе новорожденнаго ребенка безъ помощи и сокрытіе трупа мертворожденнаго младенца, если одно изъ указанныхъ преступленій вызвано мотивомъ „стыда и страха“ (ст. 1451 п. 2 и 1460), 2) смягченіе наказанія исполнителемъ онаго, если оно сдѣлано по ошибкѣ, снисхожденію или слабости (ст. 457), 3) донесеніе о противозаконномъ сообществѣ со стороны участника этого сообщества, который даже можетъ быть совершенно освобожденъ отъ наказанія; какъ мотивъ здѣсь указано „раскаяніе въ заблужденіяхъ“ (ст. 321), и 4) убійство урода по невѣжеству и суевѣрію (ст. 1469). Затѣмъ, законъ иногда переводитъ дѣяніе въ разрядъ привиллегированныхъ, а иногда ограничивается лишь смягченіемъ наказанія въ цѣломъ рядѣ случаевъ, принимая въ соображеніе мотивъ; здѣсь указаны: „увлеченіе излишнею въ исполненіи возложенныхъ обязанностей ревностью“ (ст. 110); родственная любовь и состраданіе при недонесеніи на преступника

со стороны облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ или свойственниковъ (ст. 128) [1]); особыя обстоятельства, могущія служить извиненіемъ, къ числу которыхъ вполнѣ можетъ быть отнесенъ и мотивъ (ст. 417 и др.); легкомысліе и крайнее невѣжество, сильное раздраженіе, вызванное обидами, оскорбленіями или иными поступками потерпѣвшаго, убѣжденіе, приказаніе или дурной примѣръ людей, имѣвшихъ власть надъ виновнымъ, крайность и совершенное неимѣніе средствъ къ пропитанію и работѣ (ст. 134, п. 4, 5, 6 и 7). Подобные же мотивы указаны и въ особенной части уложенія; упомянуты неразуміе, невѣжество или пьянство при богохуленіи, кощунствѣ и нѣкоторыхъ другихъ религіозныхъ преступленіяхъ (ст. 180, 182, 183, 215, 217), а также при заочномъ оскорбленіи Государя (ст. 246; ср. 276 п. 3, 282 п. 3 и др). Упомянуты, далѣе, легкомысліе при поврежденіи надгробныхъ памятниковъ (235) и при растратѣ (1681 п. 2), суевѣріе, шалость и пьянство при разрытіи могилъ и „замѣшательство въ трудныхъ обстоятельствахъ и слабость разумѣнія о святости присяги“ — при лжеприсягѣ; наконецъ, имѣется въ виду и провокація: при убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи наказаніе особенно сильно смягчается, если этотъ аффектъ былъ вызванъ насильственными дѣйствіями или же тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны убитаго (ст. 1455), но и здѣсь никакой послѣдовательности нѣтъ, ибо въ аналогичномъ случаѣ при тѣлесныхъ поврежденіяхъ (ст. 1480) уже глухо говорится о „причинахъ раздраженія“, а ст. 1483 и 1484 даже объ этихъ причинахъ умалчиваютъ.

---

[1]) Сенатъ прямо указалъ по дѣлу Хорава (к. р. 82/85), что мотивъ, который имѣется здѣсь въ виду,—это естественное чувство любви и сostраданія, и что указанная статья не можетъ имѣть примѣненія, если мотивомъ была корысть или какая нибудь другая преступная цѣль.

Въ заключеніе мы должны упомянуть, что иногда законодатель относитъ извѣстный мотивъ къ составу преступленія, такъ что при отсутствіи этого мотива уже преступленія нѣтъ; примѣръ,—выдаваніе себя за колдуна или чародѣя, а также разглашеніе ложнаго чуда „ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды"; очевидно, преступленія нѣтъ, если разглашеніе вызвано горячимъ религіознымъ убѣжденіемъ и т. п. мотивами.

Какъ мы убѣдились теперь, уложеніе говоритъ о мотивахъ казуистически, безъ всякой опредѣленной системы и не придаетъ имъ особаго значенія; если же мы вспомнимъ, что наравнѣ съ предумышленнымъ отцеубійствомъ карается отцеубійство провокированное, не взирая на возможность неизмѣримой разницы мотивовъ перваго и втораго случая, если мы обратимъ вниманіе на чрезвычайную суровость каръ при преступленіяхъ политическихъ и религіозныхъ, тогда какъ эти преступленія заслуживаютъ совершенно иного къ себѣ отношенія въ виду свойства ихъ мотивовъ, если мы остановимся на наказуемости (и иногда очень суровой) недонесенія (ст. 126, 323, 560 и др.), отъ котораго не освобождается при тягчайшихъ государственныхъ преступленіяхъ ни мужъ, недонесшій на жену, ни мать или отецъ, недонесшіе на сына, если мы, наконецъ, посмотримъ на статьи объ имущественныхъ преступленіяхъ, въ силу которыхъ св. Криспинъ попалъ бы въ тюрьму наравнѣ съ профессіональнымъ воромъ,—то мы должны будемъ признать, что по своему отношенію къ мотиву наше дѣйствующее законодательство стоитъ гораздо ниже другихъ нами разсмотрѣнныхъ и ужъ никакъ не прогрессивныхъ кодексовъ.

Глава 2-я.

Французскій проэктъ и кодексы Голландіи, Германіи и Венгріи.

Германское уголовное уложеніе [1]), явившееся вскорѣ по провозглашеніи германскаго единства, создалось на основѣ прусскаго уголовнаго уложенія 1851 года, которое въ свою очередь находилось въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ французскаго кодекса,—обстоятельство, которое дало поводъ проф. Листу въ одной изъ его работъ назвать германское уложеніе „прусско-нѣмецкимъ изданіемъ code pénal“ [2]). Уложеніе получило силу 1 Января 1871 года, дополнено и измѣнено закономъ 26 Февраля 1876 года, а затѣмъ послѣдовалъ рядъ законовъ, которые частью дѣйствуютъ сепаратно, а частью вошли въ текстъ уложенія, причемъ первоначальный текстъ относящихся сюда статей былъ измѣненъ и дополненъ (§§ 281—283, 302a—302d, 69, 184, 276, 317, 360 и др.). Рейхстагомъ было внесено сравнительно немного измѣненій при разсмотрѣніи проэкта нынѣ дѣйствующаго уложенія (рейхстагу, напримѣръ, не удалось отстоять отмѣну смертной казни), но тѣ измѣненія, которыя

[1]) Strafgesetzbuch für d. deutsche Reich, 18 Aufl. mit Anmerkungen von Dr. H. Rüdorf; Мат., I, Герм.—H.; S. d. S. E.-L., I, Deutsch.—Seuffert, s. 10—13, 20 ff.; Calker, Strafrecht, s. 25—28; Birkmeyer, G. Absicht, H. R., 2, s. 180—183; Fuld, Motiv, G. A. 31, s. 321—324; Tohmsen, Betrachtungen, Z., B. 17, s. 286—288; Liszt, Lehrbuch, s. 52—54; Meyer, Lehrbuch, s. 206—209; Durchholz, Betrachtungen, G. A. 35, s. 268—270; Simonson, Vortheil, s. 3, 37—50, 91—92; Gretener, Begünstigung, s. 167—168; Merkel, Lehrbuch, s. 257, 261; Günther, Idee, III, 1, s. 501—511; Rigaud, Motiv, p. 73—84.

[2]) Liszt, см. Z., B. 13; цитата взята у Lammasch, Werk, s. 4.

были сдѣланы, должны, быть признаны весьма существенными съ точки зрѣнія мотивовъ: политическія преступленія, равно какъ и важнѣйшія преступленія противъ порядка управленія, преимущественно карались цухтгаузомъ; рейхстагъ внесъ для этихъ случаевъ въ качествѣ параллельнаго наказанія крѣпость, причемъ судьѣ было предписано, выбирая тотъ или иной родъ наказанія, обращать вниманіе на мотивы дѣятеля (§ 20). Предложеніе это, внесенное докторомъ Meyer-Thorn, не смотря на сильную оппозицію правительства, въ лицѣ министра юстиціи Леонгардта, было энергично поддержано значительнымъ большинствомъ какъ при второмъ, такъ и при третьемъ чтеніи и вошло въ законъ.

Такимъ образомъ, былъ сдѣланъ по вопросу о мотивахъ рѣшительный шагъ, который въ значительной мѣрѣ отразился на послѣдовавшихъ законодательствахъ, особенно же на венгерскомъ уложеніи и австрійскихъ проэктахъ, хотя, какъ увидимъ далѣе, германское уложеніе весьма непослѣдовательно въ этомъ вопросѣ. Случаевъ, когда дѣятель во вниманіе къ мотиву освобождается отъ наказанія, въ данномъ уложеніи немного. Сюда относятся: 1) превышеніе необходимой обороны, происшедшее отъ смущенія, страха или испуга (§ 53, п. 3); 2) укрывательство преступника его родственникомъ для его спасенія отъ кары закона, если таковое не было обѣщано до совершенія преступленія и если его мотивомъ не является корысть; въ послѣднемъ же случаѣ наказаніе лишь смягчается (257, п. 2 и 3), и 3) сводничество ненаказуемо внѣ тѣхъ случаевъ, когда оно сопровождалось коварными уловками или совершалось привычно или по корыстнымъ побужденіямъ, а также внѣ случаевъ, когда виновниками являются родители, воспитатели и т. п. (§ 180).

Несравненно болѣе оказывается вниманія мотиву при выборѣ рода наказанія, ибо нѣмецкій законодатель создалъ для многихъ случаевъ систему параллельныхъ наказаній. Такъ, прежде

всего, внѣ случаевъ посягательства на жизнь императора или одного изъ союзныхъ государей, наказуемаго смертью, и внѣ случаевъ прямаго и низкаго предательства и шпіонства, наказуемыхъ цухтгаузомъ (§ 80, 82 и 90), суду при преступленіяхъ политическихъ и при важнѣйшихъ преступленіяхъ противъ порядка управленія предоставляется выборъ между цухтгаузомъ и заточеніемъ въ крѣпость (Festungshaft); судья долженъ смотрѣть при выборѣ на ehrlose oder nichtehrlose Gesinnung (§ 20). При преступленіяхъ же, предусмотрѣнныхъ §§ 87 и 90, переходъ къ заточенію разрѣшается при признаніи судомъ наличности смягчающихъ обстоятельствъ. Кодексъ, такимъ образомъ, знаетъ custodia honesta, — заточеніе въ крѣпость срочное или пожизненное; наказаніе это состоитъ въ лишеніи свободы, соединенномъ съ надзоромъ за занятіями и образомъ жизни заключенныхъ; отбывается оно въ крѣпостяхъ или особо назначенныхъ для того мѣстахъ. Въ качествѣ прямаго и единаго наказанія заточеніе назначается лишь за дуэль (201—209), за исключеніемъ случаевъ дуэли неправильной (207), за которую положено обыкновенное наказаніе; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ заточеніе указывается какъ параллельное наказаніе, или рядомъ съ цухтгаузомъ, что мы уже видѣли, или рядомъ съ тюрьмой. Послѣднее, напримѣръ, имѣетъ мѣсто при оскорбленіи императора или верховнаго правителя своего государства, при оскорбленіи члена ихъ семьи (§§ 95, 97, ср. §§ 99, 101, 104), при воспрепятствованіи кому либо въ подачѣ голоса на выборахъ (107) и при разсужденіи въ проповѣди о государственныхъ дѣлахъ образомъ, угрожающимъ общественному спокойствію (§ 130а).

Такимъ образомъ, область примѣненія custodia honesta является въ германскомъ уложеніи сильно съуженной, хотя были голоса при обсужденіи проэкта этого уложенія, утверждавшіе, что не только политическія, но и другія преступленія могутъ совершаться по заслуживающимъ уваженія

мотивамъ. Но это не значитъ еще, что въ области другихъ преступленій законодатель не смотрѣлъ на мотивъ; онъ не рѣшился примѣнить къ этимъ преступленіямъ custodia honesta, но все же во многихъ случаяхъ указалъ параллельныя наказанія, чтобы дать возможность судьѣ при менѣе важныхъ дѣяніяхъ не посылать виновнаго въ тюрьму или въ цухтгаузъ (обязательно связанный съ потерей почетныхъ правъ), а при самыхъ неважныхъ—не подвергать совсѣмъ лишенію свободы, назначая не арестъ, а штрафъ.

Послѣднее имѣетъ мѣсто почти при всѣхъ нарушеніяхъ. Мы не сомнѣваемся, что, организуя эту систему параллельныхъ наказаній, законодатель имѣлъ въ виду предоставить судьѣ возможность считаться между прочимъ и главнымъ образомъ съ мотивомъ, но 1) законодатель шелъ весьма робко и допустилъ выборъ рода наказанія лишь въ немногихъ случаяхъ, а 2) трудно рѣшить категорически, чѣмъ руководствовался законодатель, допуская параллелизмъ наказаній въ однихъ случаяхъ и не допуская въ другихъ, ибо случаи перваго рода настолько разнообразны, что ихъ трудно объединить посредствомъ какой либо общей идеи. Такъ напримѣръ, выборъ между цухтгаузомъ и тюрьмой предоставленъ суду въ случаяхъ умышленнаго тѣлеснаго повреждения, повлекшаго за собой невходившее въ намѣреніе дѣятеля тяжкое увѣчье или душевную болѣзнь (224). Затѣмъ, выборъ между тюрьмой и штрафомъ допускается, когда есть на лицо неосторожное тѣлесное поврежденіе (230), принужденіе кого либо силой или угрозой къ дѣйствію или бездѣйствію (240), угроза кому либо совершеніемъ преступленія (241), укрывательство преступника для его спасенія или для обезпеченія ему выгодъ преступленія (257), дѣяніе, бывшее причиной того, что въ документы или книги внесенъ существенный въ правовомъ отношеніи фактъ, не существующій или происходившій иначе (271), содѣйствіе

при смягчающихъ вину обстоятельствахъ банкротству кого либо (§ 212 Reichsproc.—Ordnung, см. Rüdorff, s. 177—181), устройство безъ разрѣшенія властей публичной лотереи (286), присвоеніе пуль или зарядовъ изъ мишеней на стрѣльбищахъ (291), охота на мѣстахъ, гдѣ виновный не имѣетъ права охоты (292), принятіе на бортъ корабля предметовъ, могущихъ повлечь за собою конфискацію (297), вскрытіе частнымъ лицомъ чужаго письма или запечатаннаго документа (299), разглашеніе ввѣренныхъ по званію тайнъ (300), поврежденіе чужой вещи (303), неосторожный поджогъ, не осложненный смертью человѣка (309), и простое взяточничество и вымогательство (331).

Далѣе, судьѣ предоставляется право считаться между прочимъ и съ мотивомъ при выборѣ рода наказанія, если онъ признаетъ наличность смягчающихъ вину обстоятельствъ. Кромѣ смягчающихъ обстоятельствъ, опредѣленно указанныхъ въ законѣ, германское уложеніе говоритъ о смягчающихъ обстоятельствахъ, не опредѣляя ихъ, въ особенной части при очень многихъ (но далеко не всѣхъ) деликтахъ, сюда относятся самые разнообразные случаи, начиная съ политическихъ преступленій и преступленій противъ порядка управленія и общественнаго спокойствія (81—90, 92, 94, 96, 100, 105, 106, 113—118, 125), продолжая поддѣлкой денегъ, двоебрачіемъ, нѣкоторыми деликтами противъ нравственности, клеветническимъ оскорбленіемъ, непредумышленнымъ убійствомъ, дѣтоубійствомъ и вытравленіемъ плода (146, 171, 174, 176, 177, 179, 187, 189, 213, 217, 218, 228), и кончая самыми разнообразными имущественными посягательствами, простыми и квалифицированными (243, 244, 258, 246, 249, 250, 261, 263—265, 268, 308 и др.), а также такими деликтами, какъ содѣйствіе банкротству (209 и 212 Reichskonkurs—Ordnung), подкупъ чиновника (333), освобожденіе арестанта или дача ему возможности бѣжать (346, 347) и нѣкоторые другіе.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ судья, признавая наличность смягчающихъ обстоятельствъ (въ число которыхъ онъ, несомнѣнно, можетъ отнести и мотивъ), можетъ измѣнить родъ наказанія и вмѣсто цухтгауза назначить при политическихъ преступленіяхъ заточеніе, а при другихъ—тюрьму, а вмѣсто тюрьмы — денежное наказаніе. Въ остальныхъ случаяхъ судья можетъ считаться съ мотивомъ лишь избирая мѣру наказанія, т. е. двигаясь между maxim'омъ и minim'омъ, разстояніе между которыми уже, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ законодательствахъ. Поэтому, напримѣръ, судья обязанъ сажать въ тюрьму виновниковъ неосторожныхъ дѣяній, сопряженныхъ съ объективно тяжкими послѣдствіями (неосторожный поджогъ, повлекшій за собою чью либо смерть, данная по неосторожности лжеприсяга или ложное показаніе, неосторожное убійство и т. д.).

Затѣмъ, до нѣкоторой степени считался съ мотивомъ самъ законодатель, указывая квалифицированные и привилегированные виды деликтовъ. Такъ, многочисленны дѣянія, квалифицированныя во вниманіе къ заключающемуся въ нихъ корыстному мотиву; законъ часто въ такихъ случаяхъ говоритъ не о мотивѣ, а о намѣреніи, но по смыслу, очевидно, подразумѣваетъ не намѣреніе, а мотивъ (см. Birkmeyer, s. 181—182); сюда относятся вызванные мотивомъ корысти: поврежденіе или уничтоженіе документа (133), подбросъ и подмѣнъ ребенка или скрытіе правъ гражданскаго состоянія другаго лица (169), доставленіе или дача по такому же мотиву средствъ для выкидыша (215), укрывательство преступника (258) и подлогъ со стороны чиновника. Иногда же наличность корыстнаго мотива требуется для состава преступленія (180 и др.).

Наряду съ корыстью квалифицирующими являются и другіе мотивы; такъ, похищеніе ребенка квалифицируется, если его имѣли въ виду употребить для корыстныхъ или

безнравственныхъ цѣлей или для нищенства (235), грабежъ квалифицируется, если онъ сопровождался мученіями жертвы, т. е. мотивомъ дѣятеля была не только корысть, но и жестокость (251) и т. д.

Съ другой стороны, во вниманіе къ мотиву, созданъ рядъ привиллегированныхъ дѣяній. Такъ, германское уложеніе, въ отличіе отъ другихъ законодательствъ, не уничтожаетъ наказанія, а лишь назначаетъ его въ размѣрѣ отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ нормальнаго наказанія за лжесвидѣтельство или ложное показаніе свѣдущаго лица, если объявленіе истины могло бы повлечь за собою для показателя возбужденіе противъ него уголовнаго преслѣдованія, или если показаніе дано въ пользу близкаго родственника, а давшій показаніе не былъ предупрежденъ о правѣ устранить себя отъ дачи показанія (157); затѣмъ, привиллегированнымъ является убійство, совершенное въ гнѣвномъ раздраженіи (zum Zorne gereizt), вызванномъ провокаціей (оскорбленіемъ, насиліемъ и т. п.), а также убійство, учиненное по прямо выраженному и серьезному желанію убитаго (213 и 216), но наказаніе здѣсь тюрьма, а не заточеніе; привиллегировано также (хотя въ слабой степени,—наказаніе въ первомъ случаѣ цухтгаузъ не ниже 5, а во второмъ не ниже 3 лѣтъ) умерщвленіе и изгнаніе плода, а также убійство матерью своего незаконнаго ребенка во время родовъ или тотчасъ послѣ родовъ; наконецъ, привиллегированъ случай выпуска фальшивыхъ денегъ, которыя самъ виновный принялъ за настоящія; въ этомъ случаѣ можетъ быть назначено лишь денежное наказаніе (148).

Наконецъ, вниманіе къ мотиву выразилось у германскаго законодателя и при организаціи побочныхъ наказаній, а именно денежныхъ наказаній и ограниченія правъ.

Иногда присоединеніе къ лишенію свободы денежнаго наказанія является малопонятнымъ; напримѣръ, когда кромѣ тюрьмы въ иныхъ случаяхъ обязательно, а въ иныхъ фа-

культативно, назначается денежный штрафъ до 3000 марокъ, напримѣръ за оставленіе отечества для уклоненія отъ воинской повинности (§ 140), но во всѣхъ остальныхъ случаяхъ законодательство имѣетъ въ виду мотивъ, желаетъ путемъ прибавки денежнаго наказанія успѣшно бороться съ проявленіемъ корыстныхъ и хищническихъ наклонностей. Такъ, можетъ быть назначено сверхъ тюрьмы денежное наказаніе до 3000, а иногда и до 6000 марокъ за выпускъ въ обращеніе обрѣзанныхъ или какимъ бы то ни было образомъ уменьшенныхъ монетъ въ качествѣ полноцѣнныхъ (150), за мошенничество, поджогъ или потопленіе собственнаго застрахованнаго имущества (263, 265), причемъ при рецидивѣ послѣдняго преступленія прибавка денежнаго наказанія обязательна за злоупотребленіе по корыстному мотиву довѣріемъ (268), за совершеніе по тому же мотиву подлога (228, 272, 274), за азартную игру, обращенную въ промыселъ (284) и за пользованіе со стороны содержателей ссудныхъ кассъ заложенными у нихъ вещами (290).

До нѣкоторой степени сообразуются съ мотивомъ и постановленія объ ограниченіи правъ. Обязательно влечетъ за собою лишеніе навсегда права службы въ войскѣ и флотѣ, а также права занимать публичныя должности (куда относится также адвокатура, нотаріатъ, обязанности присяжнаго засѣдателя и шеффена) — только лишь присужденіе къ цухтгаузу, который, какъ мы знаемъ, почти всегда назначается за дѣянія, совершаемыя по низкимъ мотивамъ (31). Въ случаяхъ маловажныхъ и въ случаяхъ не показывающихъ особой испорченности и низости настроенія виновнаго никакихъ правопораженій не допускается; во всѣхъ остальныхъ (108, 109, 133, 143, 150, 160, 161, 164, 168 и т. д.) случаяхъ назначеніе правопораженій зависитъ отъ усмотрѣнія судьи; оно факультативно. Обычное правопораженіе состоитъ въ лишеніи почетныхъ гражданскихъ правъ (bürgerliche Ehrenrechte) на срокъ при цухт-

гаузѣ отъ 2—10 лѣтъ, а при тюрьмѣ отъ 1 года до 5 лѣтъ; при назначеніи заточенія правопораженіе въ полномъ объемѣ не можетъ быть назначено ни въ какомъ случаѣ (32).

Судъ можетъ лишь приговаривать виновнаго къ лишенію занимаемой имъ публичной должности или правъ, пріобрѣтенныхъ по выборамъ (81, 83, 87 и др.).

Лишеніе почетныхъ гражданскихъ правъ влечетъ за собой потерю навсегда званій, титуловъ, орденовъ и пр., а кромѣ того виновный теряетъ право на срокъ, указанный въ приговорѣ суда, носить національную кокарду, служить въ войскѣ, во флотѣ и по выборамъ, занимать публичныя должности, пріобрѣтать званія, титулы и пр. и вообще пользоваться политическими и нѣкоторыми гражданскими правами (34).

Крайне затрудняетъ судьѣ возможность считаться съ мотивомъ то обстоятельство, что ему не предоставлено право назначать лишь нѣкоторыя изъ указанныхъ въ законѣ праволишеній; онъ долженъ или назначать ихъ совокупно, или совсѣмъ не назначать; лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ предоставляетъ судьѣ право лишать только правъ избирательныхъ или права занимать публичныя должности на время отъ одного года до 5 лѣтъ. Точно также иногда оказывается стѣснительнымъ исчисленіе a priori въ законѣ тѣхъ случаевъ, когда вообще можетъ быть назначено ограниченіе правъ: благодаря ему иногда нельзя ограничить правъ лица, вполнѣ заслуживающаго такой кары по свойствамъ его дѣянія и вызвавшихъ послѣднее мотивовъ (170, 182, 184, 186, 187 и др.).

Такимъ образомъ, германское законодательство, хотя и безъ надлежащей послѣдовательности и въ сравнительно тѣсной области, все же признало важное принципіальное значеніе мотива и установило, что мотивъ долженъ вліять

не только на мѣру наказанія, но и на его родъ и его послѣдствія. Не обошлось при этомъ безъ ошибокъ; иногда, напримѣръ, custodia honesta назначается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она вовсе не у мѣста (75 и 409a); но не ошибается только тотъ, кто не ищетъ новыхъ путей въ жизни.—

Переходимъ къ венгерскому уложенію; [1]) оно является продуктомъ сравнительно новаго времени. Исторія его созданія обнимаетъ всего 7 лѣтъ. Первый проэктъ былъ оконченъ въ 1872 г., а затѣмъ до 1874 года составители работали надъ подробнѣйшей объяснительной запиской. Но какъ разъ ко времени окончанія этой работы появился въ Австріи Глазеровскій проэктъ 1874 г., чрезвычайно благопріятно встрѣченный общественнымъ мнѣніемъ Венгріи и юристами, которые усмотрѣли въ этомъ проэктѣ цѣнный матеріялъ, которымъ желательно было бы воспользоваться и для венгерскаго уложенія. Въ виду этого, самъ составитель проэкта Karl Scemegi переработалъ его въ 1875 году уже подъ сильнымъ вліяніемъ Глазеровскаго проэкта; этотъ переработанный проэктъ, послѣ разсмотрѣнія и передѣлки его коммиссіей юристовъ, былъ разсмотрѣнъ парламентомъ и принятъ обѣими его палатами, а съ 1878 года вступилъ въ силу какъ кодексъ. Кодексъ этотъ отличается стройностью, ясностью, простотой и отсутствіемъ всякихъ апріорныхъ и произвольныхъ положеній. Пріемъ онъ встрѣтилъ весьма сочувственный, ибо проф. Майеръ призналъ его выдающимся произведеніемъ законодательнаго творчества и предсказалъ ему громадное вліяніе на развитіе въ будущемъ науки уголовнаго права, а нашъ русскій криминалистъ Неклюдовъ сказалъ (правда, въ 1880 году, когда еще не было италіанскаго и голландскаго кодек-

---

[1]) Ungar. Strafgesetzbuch, пер. на нѣм. яз. Steinbach'a; c. pén. Hongrois, trad. et annot. por. C. Martinet et P. Dareste; Mayer, Ungar. Strafg., s. 8 ff; Wahlberg Besprechung, s. 112 ff.; Мат. I, Венгр.—Н.; S. d. S. E.—L., I, Ungarn—Prof. Wlassics, s. 162 ff.

совъ и проэктовъ швейцарскаго и норвежскаго), что венгерскому уложенію безспорно принадлежитъ первенство между современными европейскими кодексами [1]). Мы съ своей стороны замѣтимъ, что венгерское уложеніе, обладая большими достоинствами вообще, не обладаетъ этими достоинствами и значительно уступаетъ проэкту Глазера, если мы будемъ его оцѣнивать исключительно съ точки зрѣнія вопроса о мотивахъ.

Остановимся прежде всего на тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ освобождаетъ виновнаго отъ наказанія во вниманіе къ мотиву.

1) Ненаказуемо превышеніе предѣловъ необходимой обороны, происшедшее отъ страха, испуга или смущенія(§ 79, п. 3);

2) хотя и карается государственной тюрьмой недонесеніе о готовящейся верховной измѣнѣ, но отъ наказанія за это преступленіе освобождаются близкіе родственники виновника или участника (§ 135);

3) освобождается отъ наказанія за лжесвидѣтельство или дачу ложнаго показанія тотъ, кто дачей правдиваго показанія обвинилъ бы самого себя въ преступленіи (224, п. 1), а также тотъ, кто имѣлъ право отказаться отъ показанія въ виду близкаго родства съ обвиняемымъ, но судъ на это право не указалъ ему (224, п. 2),—мотивы самосохраненія и родственной любви;

4) по предположенію въ виновномъ раскаянія, явившагося мотивомъ дѣятельности, послѣдовавшей за преступленіемъ, освобождается отъ наказанія за дачу ложнаго показанія тотъ, кто откажется отъ этого показанія до того, какъ на него будетъ сдѣланъ извѣтъ и до того, какъ его дѣйствія принесутъ вредъ другому лицу;

5) при клеветѣ и оскорбленіи чести виновный освобождается отъ наказанія, если докажетъ, что имъ двигало же-

---

[1]) Mayer, Ungar. Strafg., s. 8; Mar. I, пред. Неклюдова, s. VI.

ланіе принести пользу публичнымъ или правомѣрнымъ частнымъ интересамъ или охранить эти интересы (§ 263 п. 5); [1])

6) наказаніе за укрывательство преступника, за помощь ему избѣжать наказанія и пр. не примѣняется, если это дѣяніе сдѣлано по отношенію къ близкому по родству лицу (§ 378).

Затѣмъ, вниманіе къ мотиву преступленія выразилось созданіемъ custodia honesta—государственной тюрьмы. Назначается она на срокъ отъ 1 дня до 15 лѣтъ; отбывается это наказаніе въ особыхъ государственныхъ тюрьмахъ съ *режимомъ болѣе легкимъ, чѣмъ при другихъ видахъ лишенія свободы*, но законъ требуетъ, насколько дозволяетъ устройство помѣщенія, разобщенія заключенныхъ на ночь; какой либо обязательной тюремной работы нѣтъ, но заключенный можетъ избрать себѣ занятіе, совмѣстимое съ устройствомъ заведенія; заключенные носятъ собственную одежду и продовольствуются на свой счетъ (§ 35).

Затѣмъ, какъ и въ австрійскомъ проэктѣ, существуетъ особый льготный видъ тюрьмы: приговаривая виновнаго къ заключенію въ тюрьмѣ, судъ можетъ въ виду особо уважительныхъ причинъ освободить его отъ обязательной тюремной работы и дозволить ему продовольствоваться на свой счетъ (§ 41).

Суду не предоставлено права выбора между государственной тюрьмой и другимъ наказаніемъ; венгерскій законодатель въ данномъ отношеніи пошелъ по тому же пути, по которому позже него шелъ италіанскій. Онъ самъ напередъ опредѣлилъ категорически, въ какихъ случаяхъ можетъ быть назначена государственная тюрьма, а

---

[1]) Примѣчаніе. Аналогичное правило, по свидѣтельству проф. Фойницкаго, существуетъ въ англійскомъ правѣ; см. Фойницкій, Курсъ угол. права, с. 125.

во всѣхъ остальныхъ случаяхъ примѣненіе ея исключилъ. Что, назначая государственную тюрьму, законодатель считался съ теоріей мотивовъ,—въ этомъ трудно сомнѣваться: 1) самая организація этого наказанія показываетъ, что оно разсчитано на людей, рѣзко отличающихся отъ обыкновенной массы преступниковъ, людей, объ исправленіи которыхъ въ виду мотивовъ ихъ дѣятельности не приходится заботиться, и 2) примѣняется это наказаніе главнымъ образомъ къ преступленіямъ политическимъ, къ преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ посредствомъ прессы, ко многимъ другимъ дѣяніямъ, не показывающимъ испорченности преступника, а главнымъ образомъ къ дѣяніямъ, совершеннымъ въ порывѣ страсти и раздраженія; напримѣръ, сюда отнесены тѣ случаи верховной и государственной измѣны (§§ 129, 131, 134, 146 и др.), когда виновный не совершилъ такъ назыв. смѣшаннаго преступленія и не руководствовался низкими, безчестными побужденіями (передача или оглашеніе секретныхъ документовъ или свѣдѣній безъ намѣренія довести ихъ до свѣдѣнія непріятеля, § 146 и др.); при возстаніи съ политическими цѣлями назначается также государственная тюрьма (§ 152—154), но, если возставшее скопище учинитъ грабежъ, поджогъ, разрушеніе или насиліе надъ отдѣльными личностями, или, если съ цѣлью совершенія именно таковыхъ дѣяній образовалось преступное скопище, то наказаніе—цухтгаузъ (§§ 155 и 157); государственная же тюрьма является обычнымъ наказаніемъ за возбужденіе противъ конституціи, законовъ, правительственныхъ учрежденій или органовъ, противъ брака и собственности, а также за возбужденіе національной или религіозной вражды (§§ 172—174); сюда же относится дуэль со всевозможными исходами, а также и дуэль американская (§§ 293—298 и 283), но, какъ и вездѣ, за неправильную или измѣнническую дуэль—обычное наказаніе; наконецъ, государ-

ственной тюрьмой наказуется чиновникъ за нарушеніе служебной тайны (§ 479). Мысль законодателя въ общемъ ясна,—государственная тюрьма должна быть назначаема лишь при наличности непозорнаго мотива; но такъ какъ въ послѣдней изъ цитированныхъ нами статей никакого прямаго указанія не сдѣлано и оговорки нѣтъ, то выходитъ несообразность: совершеніе даннаго преступленія даже по корыстнымъ побужденіямъ подойдетъ подъ эту статью и будетъ наказано государственной тюрьмой.

Мы указали уже, что законодатель создалъ государственную тюрьму по соображеніямъ о важности мотива, но ближайшее изученіе венгерскаго уложенія показываетъ, что этой идеей законодатель проникся весьма недостаточно и проводилъ ее робко и непослѣдовательно. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ, мотивы которыхъ заслуживаютъ полнаго вниманія и не заключаютъ въ себѣ ничего низкаго или безчестнаго,—наказаніемъ является цухтгаузъ или обыкновенная тюрьма, т. е. мотивы совершенно въ разсчетъ не принимаются, а почти единственнымъ критеріемъ является объективная сторона преступленія, важность нарушаемаго блага или количество причиненнаго вреда. Между прочимъ, совершенно безотносительно къ мотивамъ, карается смертной казнью всякое умышленное посягательство на жизнь короля и всякое предумышленное убійство (§§ 126, п. 1, 128 и 278), караются цухтгаузомъ многія такъ назыв. смѣшанныя преступленія, основанныя на политическомъ мотивѣ (§§ 126, п. 2—4, 131, 133, 139 и др.) и нѣкоторыя преступленія чисто политическія.

Затѣмъ, очень часто законодатель вступаетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ выставленнымъ имъ же самимъ принципомъ (важности мотива), примѣняя исправительный домъ и тюрьму тамъ, гдѣ они, если признавать важность мотива,—совершенно неумѣстны. Такъ, за насильственныя дѣйствія по от-

ношенію къ правительственнымъ учрежденіямъ, депутатамъ и органамъ власти назначается исправительный домъ, за преступленія и проступки противъ избирательнаго права обычное наказаніе—исправительный домъ, а въ болѣе легкихъ случаяхъ—тюрьма (§§ 163, 165, 168 и др.); неосторожныя посягательства никогда не признаются преступленіями, но обычное наказаніе за нихъ—тюрьма; дѣянія, учиненныя въ аффектѣ, и даже дѣянія провокированныя (§ 281) наказуются исправительнымъ домомъ; то же наказаніе положено за убійство, совершенное по серьезному и настоятельному требованію (Verlangen) убитаго и т. д. Повидимому законодатель, устанавливая кругъ примѣненія государственной тюрьмы, почти исключительно ограничивалъ ея примѣненіе тѣми случаями, гдѣ такая постановка вопроса можетъ быть одобрена съ рыцарски-дворянской точки зрѣнія; благодаря этому онъ значительно отсталъ въ данномъ вопросѣ отъ другихъ современныхъ кодексовъ.

Нѣкоторое вниманіе къ мотиву мы усматриваемъ, далѣе, въ опредѣленіи квалифицированныхъ и привиллегированныхъ преступленій. Такъ, по мотиву корысти квалифицируются: вытравленіе плода у беременной женщины, если виновный дѣйствовалъ изъ корыстныхъ видовъ (§ 285), при томъ же мотивѣ—подбрасываніе или подмѣнъ ребенка и лишеніе или измѣненіе его правъ состоянія (§ 254), похищеніе дѣтей съ цѣлью употребленія ихъ для прошенія милостыни или же для иныхъ корыстныхъ цѣлей (§ 318), укрывательство преступника для доставленія себѣ или другому имущественной выгоды (§ 376), за подлогъ, учиненный съ корыстной цѣлью въ публичномъ документѣ (§ 392), и т. д.; иногда дѣянія квалифицируются, если виновнымъ двигала безнравственность (§§ 319, 321) и месть или злоба (§ 419); наоборотъ, привиллегированнымъ является банкротство, происшедшее отъ легкомыслія, расточительности или любви къ риску (§ 416),

дѣянія провокированныя и т. д. Случаевъ здѣсь указано немного; никакой опредѣленной системы съ точки зрѣнія мотива нѣтъ; даже напротивъ, изъ анализа прочихъ случаевъ видно, что при квалификаціяхъ и привиллегіяхъ законъ почти исключительно руководится соображеніями объективнаго свойства, придавая имъ несоразмѣрно большое значеніе; напримѣръ, цѣнность похищеннаго составляетъ критерій для признанія дѣянія преступленіемъ, а не проступкомъ и ведетъ къ серьезному увеличенію наказанія.

Перейдемъ къ вопросу о томъ, насколько венгерскій кодексъ считается съ мотивами при организаціи дополнительныхъ наказаній.

Въ этомъ отношеніи нельзя не признать разбираемый кодексъ нѣсколько отсталымъ: онъ не знаетъ заключенія въ рабочій домъ въ качествѣ дополнительнаго наказанія за преступленія, происходящія отъ лѣни и отвращенія къ труду, онъ весьма неудачно назначаетъ какъ дополнительное наказаніе денежный штрафъ и неопредѣленно конструируетъ правила, касающіяся ограниченія правъ.

Денежное наказаніе, какъ дополнительное къ тюрьмѣ, указано въ весьма многихъ случаяхъ, но изъ обзора ихъ довольно трудно рѣшить, какими соображеніями руководствовался законодатель, допуская это наказаніе. Можетъ быть въ какомъ либо отношеніи онъ и желалъ считаться съ мотивами преступленія, но утверждать это на основаніи фактическихъ данныхъ мы затрудняемся.

Правда, въ рядѣ случаевъ денежное наказаніе назначается въ дополненіе къ лишенію свободы при наличности мотива корысти; такъ, имъ наказуется: корыстное лжесвидѣтельство и ложныя показанія и разъясненія при обвиненіи въ нарушеніяхъ, а также въ гражданскихъ дѣлахъ (§§ 214—217, 219), утайка найденнаго (§ 365), мошенничество (§ 383) и пр. Но, наряду съ этимъ, такое же

наказаніе назначается за преступленія, въ которыхъ или нѣтъ корыстнаго мотива, или онъ можетъ быть, а можетъ и не быть, какъ то: за препятствованіе путемъ насилія или угрозъ избирателю пользоваться его избирательнымъ правомъ, искаженіе и порчу должностными лицами избирательныхъ списковъ съ той же цѣлью и за подкупъ при выборахъ (§§ 178, 180, 185, 186); далѣе, за посягательства на свободу культа, оскорбленіе религіознаго чувства и оскорбленіе лицъ, совершающихъ богослуженіе (§§ 190—192); за вскрытіе чужого письма съ цѣлью узнать его содержаніе (§ 327) и за нарушеніе тайны, ввѣренной по званію (§§ 317, 328); за причиненіе тѣлеснаго поврежденія, за поврежденіе или истребленіе чужаго имущества (§§ 302, 418—419), за клевету и оскорбленіе (§§ 258—262) и др. При цѣломъ же рядѣ опасныхъ и проникнутыхъ корыстнымъ мотивомъ дѣяній (каковы, напримѣръ, злостное банкротство, грабежъ, поддѣлка денегъ) назначеніе дополнительнаго денежнаго наказанія не допускается. Какъ курьезъ слѣдуетъ отмѣтить, что, если виновный сбылъ фальшивыя деньги, которыя самъ принялъ за настоящія, т. е. въ томъ случаѣ, который почти во всѣхъ законодательствахъ выдѣляется именно потому, что здѣсь виновный дѣйствуетъ не съ цѣлью обогащенія, а лишь съ цѣлью отклоненія отъ себя незаслуженнаго имъ убытка,—то въ этомъ случаѣ допускается примѣненіе сверхъ лишенія свободы также и денежнаго наказанія, которое къ прямымъ поддѣлывателямъ денегъ и другимъ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ соучастіи съ первыми по корыстному мотиву съ цѣлью обогащенія,—примѣнено быть не можетъ!

Изъ сказаннаго видно, что постановленія венгерскаго кодекса о дополнительныхъ денежныхъ наказаніяхъ вполнѣ удовлетворительными съ точки зрѣнія теоріи мотивовъ признаны быть не могутъ.

Пойдемъ далѣе. Законодатель нигдѣ не даетъ судьѣ

прямаго предписанія считаться съ мотивами; онъ, какъ мы уже знаемъ. лишилъ судью права назначать custodia honesta вмѣсто ординарнаго наказанія; посмотримъ теперь, насколько судья можетъ считаться съ мотивомъ при выборѣ рода наказанія и при назначеніи правоограниченій, а также при выборѣ мѣры наказанія.

Нормальное смягченіе наказанія судья долженъ производить въ предѣлахъ maxim'а и minim'а,—который, замѣтимъ кстати, гораздо уже, чѣмъ, напримѣръ, въ австрійскомъ проэктѣ; родъ наказанія также указывается опредѣленно, такъ что, казалось бы, что судья сильно стѣсненъ при оцѣнкѣ дѣянія и не можетъ въ достаточной мѣрѣ считаться съ мотивами дѣятельности виновнаго, даже если бы хотѣлъ это сдѣлать. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ гораздо благопріятнѣе. Судья всегда можетъ воспользоваться §-омъ 92, который предоставляетъ ему право при наличности многихъ особо смягчающихъ обстоятельствъ не только выходить за предѣлы minim'а, но даже измѣнять родъ наказанія, не назначая лишь государственной тюрьмы. Такимъ образомъ судья можетъ считаться съ мотивомъ, опредѣляя срокъ наказанія, во первыхъ, замѣняя родъ наказанія, во вторыхъ, и пользуясь уже цитированнымъ нами ранѣе §-омъ 41, въ третьихъ; особенно существеннымъ является это послѣднее право, предоставленное свободному усмотрѣнію судьи.

Гораздо тѣснѣе предѣлы власти судьи при назначеніи правоограниченій. Объемъ послѣднихъ въ венгерскомъ правѣ весьма невеликъ; допускается лишь лишеніе служебныхъ и временное лишеніе правъ политическихъ, такъ что съ этой стороны постановленія венгерскаго уложенія заслуживаютъ полнаго сочувствія. Но не совсѣмъ такая картина явится передъ нами, если мы обратимся къ вопросу, — когда назначаются указанныя правоограниченія. Здѣсь, вопреки мнѣнію Неклюдова, высказанному имъ въ предисловіи къ переводу

венгерскаго уложенія, судья сильно стѣсненъ и *никогда не имѣетъ* факультативнаго права назначать или не назначать ограниченіе правъ, а слѣдовательно не можетъ въ данномъ направленіи считатся съ мотивами дѣянія. Законодатель самъ напередъ опредѣлилъ тѣ случаи, когда должно назначатся лишь одно лишеніе служебныхъ правъ, когда одно ограниченіе правъ политическихъ, а когда и то и другое вмѣстѣ. На мотивъ при этомъ обращено очень мало вниманія и твердаго руководящаго критерія не замѣчается; такъ, напримѣръ, оба вида правоограниченій назначены въ случаѣ преступленій, чуждыхъ позорнаго мотива,—при передачѣ или оглашеніи секретныхъ документовъ и свѣдѣній безъ намѣренія довести ихъ до свѣдѣнія непріятеля, при возстаніи съ политическими цѣлями (§§ 146 и 152), при провокированныхъ дѣяніяхъ и т. д. Мы не будемъ уже говорить о томъ, насколько сообразно соединять ограниченіе правъ съ государственной тюрьмой, а между тѣмъ такого соединенія требуетъ большинство относящихся сюда статей.

Правительственный проэктъ хотѣлъ сдѣлать факультативнымъ правоограниченіе при менѣе тяжкихъ преступленіяхъ, но парламентъ замѣнилъ слово „можетъ" словомъ „ не можетъ" (см. Mayer, s 88), и благодаря этому правоограниченіе при арестѣ, штрафѣ и краткосрочной тюрьмѣ безусловно не допускается, что не всегда можно одобрить, принимая во вниманіе мотивъ. —

Нѣсколько иначе конструированъ вопросъ о мотивахъ въ нидерландскомъ уложеніи.

Нидерландское или голландское уложеніе [1]) отъ 3 Марта 1881 года вступило въ силу только съ 1 Сентября 1886 года. Выработка его началась въ 1870 году. Въ 1875 году

---

[1]) Niederl. Strafges., übers. D, T., Z, B. I, Beilage; нидерл. ул., пер. Л.; S. d. S. E.—L., I, Niederl.—Prof. v. Hamel, s. 190 ff.

редакціонная коммиссія представила уже вполнѣ выработанный проэктъ; въ немъ были сдѣланы передѣлки преимущественно формальнаго характера при министрѣ Шмидтѣ, причемъ число статей было сокращено; затѣмъ проэктъ былъ переработанъ парламентской коммиссіей и опять таки съ нѣкоторыми измѣненіями, не касающимися основныхъ положеній, былъ принятъ обѣими палатами парламента въ 1880—1881 году. При этомъ первая палата, имѣющая право лишь цѣликомъ принимать или отвергать проэкты, но лишенная права дѣлать свои поправки или измѣненія, рѣшилась принять проэктъ въ виду его общихъ достоинствъ, хотя и находила серьезныя сомнѣнія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, особенно же по поводу устанавливаемой проэктомъ ненаказуемости бродяжества, продиктованной (по словамъ ванъ-Гамеля) чрезмѣрнымъ доктринаризмомъ нѣкоторыхъ изъ редакторовъ проэкта.

Немедленное введеніе уже принятаго уложенія нѣсколько затянулось благодаря желанію выработать процессуальныя измѣненія, которыя согласовали бы процессуальное право съ матерьяльнымъ, а также вслѣдствіе необходимости подготовить карательныя учрежденія и выработать необходимыя мѣры для проведенія въ жизнь сразу же въ полномъ видѣ всѣхъ требованій кодекса.

Въ общемъ относительно кодекса надо замѣтить, что онъ имѣетъ очень самостоятельный характеръ, ибо коммиссія рѣшила не ограничиваться переработкой французскаго кодекса, какъ это предлагали нѣкоторые, а выработать самостоятельно новый; при этой выработкѣ редакторы считались не съ какимъ либо отдѣльнымъ законодательствомъ, а съ новыми законодательствами вообще, съ новыми научными теченіями и отчасти съ мѣстными народными правовоззрѣніями

Въ частности по вопросу о мотивахъ мы отмѣтимъ слѣдующее.

Во вниманіе къ мотиву кодексъ освобождаетъ отъ наказанія, какъ и другіе кодексы, лишь въ исключительныхъ случаяхъ:

1) устанавливая наказуемость недонесенія о преступленіи, еще готовящемся или такомъ совершившемся, которое подвергаетъ чью-либо жизнь опасности, въ тѣхъ случаяхъ, когда еще можно предупредить послѣдствія, законъ освобождаетъ отъ наказанія того, кто упомянутымъ донесеніемъ можетъ навлечь опасность уголовнаго преслѣдованія на себя или на близкаго родственника или свойственника (137);

2) ненаказуемо превышеніе границъ необходимой обороны, когда оно вызвано сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ (41).

3) освобождаются отъ наказанія, установленнаго въ законѣ за укрывательство преступника, а также за сокрытіе или уничтоженіе слѣдовъ преступленія, вещественныхъ доказательствъ и пр., тѣ лица, которые совершили означенное преступленіе для избѣжанія опасности преслѣдованія за другое дѣяніе, учиненное ими самими или ихъ близкими родственниками (189).

4) сводничество, совершаемое посторонними лицами, т. е. не родственниками или опекунами, наказуемо лишь при наличности корыстнаго мотива (250);

5) не считается ни оскорбленіемъ, ни пасквилемъ, и совершитель освобождается отъ наказанія, если онъ дѣйствовалъ очевидно въ интересахъ общей пользы или въ видахъ необходимой защиты (261);

6) въ цѣломъ рядѣ статей дѣянія корабельщика наказуются только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствовалъ безъ необходимости или „безъ уважительныхъ причинъ“ (412 и др.);

7) точно также въ рядѣ статей о подделкѣ публичныхъ документовъ или цѣнныхъ бумагъ для состава преступленія требуется, чтобы отъ употребленія подложнаго документа могъ послѣдовать ущербъ или вредъ (225—227), или чтобы былъ корыстный мотивъ (доставленіе себѣ или другому имущественной выгоды (228—230 и др.). При отсутствіи этого условія подлогъ документа не наказуемъ (хотя этотъ принципъ строго не выдержанъ, см. ст. 231).

Затѣмъ, по вопросу о мотивахъ отличіе нидерландскаго кодекса отъ другихъ заключается въ томъ, что этотъ кодексъ совершенно не знаетъ custodia honesta. Всѣ болѣе важныя съ объективной точки зрѣнія нарушенія караются долгосрочной тюрьмой, безотносительно отъ того, совершаются они по низкимъ, безчестнымъ, антисоціальнымъ мотивамъ, или по мотивамъ совершенно противоположнаго свойства; одинаковымъ родомъ наказанія карается поэтому убійство корыстное и убійство изъ состраданія, посягательство на существующую форму правленія или насильственныя дѣйствія по отношенію къ государственному совѣту и измѣна или шпіонство, нарушеніе чьего либо избирательнаго права и грабежъ и т. д. (124, 312, 94, 95, 102, 288, 293 и др.).

Итакъ, возможности, соображаясь съ мотивомъ преступленія, выбирать родъ наказанія—судья въ болѣе важныхъ случаяхъ лишенъ; законодатель же самъ мало сдѣлалъ въ этомъ направленіи. Правда, недостатки существующаго порядка отчасти смягчаются тѣмъ, что, по свидѣтельству van Hamel'я, въ тюрьмахъ, при классификаціи и распредѣленіи по камерамъ арестантовъ, подвергнутыхъ общему заключенію, считаются между прочимъ съ прошлымъ преступника, съ родомъ и свойствами его дѣянія, ergo и съ мотивомъ, но понятно, что этихъ мѣръ крайне недостаточно, не говоря уже о томъ, что не установлено ни для какихъ случаевъ

права *выбора рода работы или занятія*, а трудъ вообще сдѣланъ обязательнымъ. Мало того, въ другихъ странахъ дѣйствуютъ суды присяжныхъ, которые, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, всегда съ глубокимъ вниманіемъ относятся къ мотиву преступленія, а иногда, преимущественно же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ правда житейская расходится съ правдой формальной, выносятъ во вниманіе къ мотиву оправдательные вердикты. Въ Голландіи и этого нѣтъ: судъ присяжныхъ существовалъ въ ней лишь въ теченіе кратковременнаго французскаго господства (съ 1810 по 1813 г.), а затѣмъ былъ отмѣненъ, больше не вводился и никогда, по словамъ van Hamel'я, особыми симпатіями не пользовался.

Поэтому можно сказать, что при болѣе важныхъ преступленіяхъ судъ въ Голландіи менѣе имѣетъ возможности считаться съ мотивомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ отношеніи этихъ преступленій единственное достоинство голландскаго кодекса заключается въ томъ, что онъ не знаетъ смертной казни и обязательнаго пожизненнаго заключенія; послѣднее при самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ стоитъ эвентуально съ заключеніемъ на срокъ.

Нѣсколько лучше дѣло обстоитъ по отношенію къ менѣе тяжкимъ преступленіямъ. Во многихъ случаяхъ судьѣ предоставленъ выборъ между тюрьмой и денежнымъ наказаніемъ, такъ что судья можетъ, считаясь съ мотивомъ преступника, избавить послѣдняго отъ наказанія лишеніемъ свободы. Сюда относится цѣлый рядъ преступленій, какъ то: оскорбленіе короля, королевы, члена царствующаго дома или регента (112), распространеніе или выставленіе оскорбительныхъ для этихъ лицъ сочиненій или изображеній (111—113); аналогичныя дѣйствія по отношенію къ представителю верховной власти дружественной державы или къ посланнику (117—119), подкупъ или пріемъ взятки при выборахъ (126), недонесеніе о готовящемся преступленіи (136), не-

законное вторженіе въ чужое жилище (138), нарушеніе общественнаго спокойствія ложной тревогой или сигналомъ (142), вырытіе трупа (144), неквалифицированная кража и полевое хищничество (310, 314) и т. д.

Особаго вниманія заслуживаетъ послѣдній случай, т. е. возможность для судьи, во вниманіе къ разнымъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ дѣломъ (а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и къ мотиву) не прибѣгать при наличности упомянутыхъ преступленій къ наказанію лишеніемъ свободы,— фактъ не встрѣчающійся въ другихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами законодательствахъ.

Затѣмъ, имѣется рядъ случаевъ, при которыхъ судья имѣетъ возможность выбирать между тюрьмой, арестомъ и денежнымъ наказаніемъ; этотъ выборъ имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ при неосторожныхъ дѣяніяхъ (неосторожное совершеніе общеопасныхъ преступленій, неосторожное повреждeніе зданій, поврежденіе общественныхъ путей сообщеній, ст. 158, 163, 165 и др.); но если дѣяніе имѣло послѣдствіемъ смерть, то судья уже имѣетъ только выборъ между тюрьмой и арестомъ.

Въ большинствѣ же случаевъ родъ наказанія опредѣленно указывается въ законѣ. Иногда это дѣлается во вниманіе къ мотиву; такъ, когда преступленіе вызвано мотивомъ корысти, обыкновенно наказаніемъ является тюрьма (198, 193, 194, 218, 229, 317, 318, 416 и др.), но безъ прибавки въ дополненіе къ ней денежнаго штрафа, какъ это допускаютъ другіе кодексы.

Итакъ, при менѣе важныхъ преступленіяхъ судья имѣетъ возможность, если пожелаетъ, считаться съ мотивомъ, выбирать сообразно съ послѣднимъ родъ наказанія вообще и въ частности—не посылать виновнаго въ тюрьму; но это право сильно ограничено, ибо на большинство случаевъ не распространяется.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, насколько законодатель считался съ мотивомъ, объявляя извѣстныя дѣянія квалифицированными и привиллегированными, и насколько предоставлена возможность судьѣ считаться съ мотивомъ при опредѣленіи мѣры наказанія.

По первому вопросу при чтеніи кодекса сразу бросается въ глаза, что законодатель руководствовался главнымъ образомъ соображеніями о данныхъ, относящихся къ объективной сторонѣ преступнаго дѣянія, соображенія же о мотивѣ играли у него второстепенную роль. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ квалифицируются дѣянія по тяжести послѣдствій (ст. 154, 157 и сл. до 176, 181, 182, 257, 300 и др.), по свойствамъ объекта (267), мѣсту и времени совершенія и пр. По соображеніямъ о субъектѣ — квалификацій значительно меньше, а по соображеніямъ о мотивѣ и квалификацій и привиллегій весьма немного. Такъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ являются квалифицированными дѣянія, совершенныя по корыстному мотиву или по ремеслу (417 и др.), но при наиболѣе распространенныхъ имущественныхъ преступленіяхъ, какъ напримѣръ, при кражѣ и мошенничествѣ, этой квалификаціи не указано, такъ что наказаніе можетъ быть возвышено лишь на основаніи общихъ статей о рецидивѣ, понятіе о которомъ строится на чисто формальныхъ признакахъ.

Немного и преступленій, привиллегированныхъ во вниманіе къ мотиву. Сюда относятся: 1) дѣтоубійство, а также оставленіе или покинутіе ребенка матерью, учиненное подъ вліяніемъ страха, что фактъ родовъ сдѣлается извѣстнымъ (290, 291, 259); maximum наказанія за это преступленіе довольно высокъ, но за то не допускается ограниченія правъ; 2) убійство лица по его точно и опредѣленно выраженной просьбѣ (293); здѣсь maximum также несообразно высокъ (12 л. тюрьмы) и 3) сбытъ фальшивыхъ денегъ, которыя виновный принималъ за настоящія.

Что же касается вопроса, насколько судья может считатся съ мотивомъ *при опредѣленіи мѣры наказанія*, то оказывается, что въ этомъ отношеніи *полномочія судьи чрезвычайны:* законъ указываетъ вездѣ maximum наказанія, не упоминая о minimum'ѣ, а такъ какъ minimum тюрьмы и ареста 1 день, а minimum денежнаго штрафа 50 центовъ (10, 18 и 23), то судья имѣетъ здѣсь громадный просторъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ 1-го дня до 15—20 лѣтъ тюрьмы, отъ 1 дня до года ареста и отъ 50 центовъ до 10000 гульденовъ). Судья можетъ, если захочетъ, съ полнымъ вниманіемъ отнестись къ мотиву, и эти широкія полномочія даютъ намъ право отнести нидерландское уложеніе въ группу законодательствъ, сдѣлавшихъ значительный шагъ впередъ по отношенію къ вопросу о мотивѣ.

Намъ остается сказать объ организаціи побочныхъ наказаній, гдѣ заслуживаютъ вниманія постановленія объ отдачѣ въ рабочій домъ и объ ограниченіи правъ. Кодексъ дозволяетъ помѣщать виновнаго въ рабочій домъ на срокъ не болѣе трехъ лѣтъ по отбытіи главнаго наказанія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это дозволено закономъ. Къ сожалѣнію примѣненіе этой мѣры крайне ограничено и не поставлено въ прямую зависимость отъ наличности извѣстнаго мотива (напримѣръ, лѣни и отвращенія къ труду), какъ это мы видѣли въ нѣкоторыхъ другихъ законодательствахъ. Ни при кражѣ, ни при мошенничествѣ отдача въ рабочій домъ не разрѣшается. Эта мѣра можетъ имѣть примѣненіе только лишь при двухъ нарушеніяхъ (contraventions): 1) за второй и далѣе рецидивъ нарушенія, состоящаго въ появленіи на публичной дорогѣ въ состояніи опьяненія разрѣшается отдача въ рабочій домъ до 1 года и 2) за прошеніе милостыни, если не прошло года со времени осужденія за то же преступленіе и виновному болѣе 16 лѣтъ—также рабочій домъ безъ указанія срока. Законъ этотъ можетъ примѣняться лишь

къ лицамъ „годнымъ къ работѣ"; повидимому законодатель презюмировалъ здѣсь мотивъ—нежеланіе работать, упуская изъ виду, что при современныхъ соціальныхъ условіяхъ не всегда работоспособный человѣкъ можетъ найти работу; равнымъ образомъ въ первомъ случаѣ иногда была бы болѣе умѣстной отдача въ лѣчебное заведеніе для алкоголиковъ, а не отдача въ рабочій домъ.

Несравненно болѣе возможности считаться съ мотивами даетъ законъ судьѣ, говоря о правоограниченіяхъ (28—32). Законъ знаетъ лишь лишеніе правъ публичныхъ, почетныхъ, правъ занятія торговлей, промысломъ, ремесломъ или профессіею, а также лишеніе правъ родительской власти, опекунства и попечительства надъ своими и надъ чужими дѣтьми Мы повторяемъ, что здѣсь судья имѣетъ самую широкую возможность считаться съ мотивами преступника, ибо 1) лишеніе правъ никогда не бываетъ обязательнымъ; иногда судьѣ запрещено лишать правъ, а въ остальныхъ случаяхъ это предоставлено его усмотрѣнію; 2) лишеніе правъ всегда срочно (за исключеніемъ присужденія къ пожизненному заключенію), причемъ оно не можетъ превышать срокъ главнаго наказанія больше какъ на 5 лѣтъ и не можетъ быть короче его больше чѣмъ на 2 года; 3) никогда не предписывается въ полномъ объемѣ, такъ что судья можетъ во вниманіе къ мотиву или совсѣмъ не назначить лишенія правъ или назначить лишеніе только отдѣльныхъ правъ, а при назначеніи срока можетъ сообразоваться съ интенсивностью мотива, вызвавшаго преступленіе.—

Намъ остается еще сказать о французскомъ проэктѣ [1]), изъ котораго пока извѣстна лишь общая часть, выработанная въ 1892 году. Недостатки французскаго кодекса въ проэктѣ

---

[1]) Projet dû c. p. f., см. Mitteilungen d. int. crim. Ver. или R. P., 1893, № 2.

значительно смягчены; система наказаній упрощена, и проэктъ, хотя еще и нерѣшительно, принимаетъ вмѣсто прежней идеи устрашенія идею цѣлесообразной борьбы съ преступностью.

Пока не вышла особенная часть, трудно сказать, насколько подвинется впередъ французское право въ смыслѣ сознанія принципіальной важности мотива и проведенія такого сознанія на практикѣ, но уже теперь сдѣланы многія измѣненія въ такомъ направленіи, что судья получилъ возможность считаться и съ мотивомъ. Прежде всего это можетъ выразиться въ неназначеніи дополнительныхъ (accessoires) наказаній тѣмъ преступникамъ, которые дѣйствовали по мотивамъ, заслуживающимъ уваженія: въ частности проэктъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ не только по сравненію съ французскимъ, но и по сравненію съ бельгійскимъ кодексомъ въ дѣлѣ правоограниченій: только приговоры къ пожизненному заключенію и къ релегаціи связаны съ обязательнымъ лишеніемъ навсегда цѣлаго ряда политическихъ, почетныхъ и семейныхъ правъ, но и въ этихъ случаяхъ допускается досрочное освобожденіе, а затѣмъ реабилитація (art 100—112); при назначеніи же тюрьмы или заточенія на срокъ не ниже пяти лѣтъ—правопораженіе факультативно, т. е. судья имѣетъ полную возможность считаться здѣсь между прочимъ и съ мотивомъ. Мы уже имѣли случай говорить, что подобная постановка вопроса въ нашихъ глазахъ далека отъ идеала: иногда судья, желая принять въ соображеніе мотивъ, является слишкомъ связаннымъ (art. 32), а иногда ему предоставлена возможность назначать правоограниченіе тамъ, гдѣ въ дѣяніи нѣтъ и слѣда низкихъ, антисоціальныхъ мотивовъ и гдѣ, поэтому, въ качествѣ главнаго наказанія указано заточеніе, а не тюрьма. Но все же въ проэктѣ замѣчается движеніе впередъ, и это необходимо отмѣтить.

Что же касается предоставленія судьѣ права индивидуализировать главное наказаніе, то здѣсь проэктъ оказывается консервативнымъ и, какъ и дѣйствующій кодексъ, запрещаетъ судьѣ не только извинять (excuser), но и смягчать наказаніе внѣ случаевъ и обстоятельствъ, указанныхъ въ законѣ (art. 56); насколько подробно будутъ указаны эти обстоятельства и насколько при этомъ будутъ приняты во вниманіе мотивы, сказать до выхода особенной части кодекса, понятно, нельзя, въ общей же части проэктъ имѣетъ въ виду общее соціальное или антисоціальное настроеніе дѣятеля въ опредѣленіяхъ о прощеніи (pardon) и условномъ осужденіи (sursis à l'éxecution); мотива же въ прямомъ смыслѣ этого слова проэктъ здѣсь въ виду не имѣетъ, давая (art. 66) лишь новую редакцію уже существующаго закона.

Главнымъ образомъ вниманіе къ мотиву выразилось въ проэктѣ тѣмъ, что онъ, сохраняя заточеніе, ярко подчеркиваетъ, что это—custodia honesta; онъ опредѣляетъ, что лица, наказуемыя заточеніемъ (détention), никогда не могутъ быть соединяемы въ одномъ мѣстѣ (confondus) съ приговоренными къ тюрьмѣ, что они подлежатъ иному режиму, пользуются относительной свободой въ выборѣ труда и т. д. (art. 10 и 19).

Затѣмъ, можно предположить, что вниманіе къ мотиву выразится при примѣненіи art. 38-аго; имъ предоставляется суду право приговаривать обвиняемыхъ (pourront ordonner) къ помѣщенію въ рабочій домъ послѣ отбытія ими тюремнаго заключенія въ случаяхъ, которые будутъ указаны въ особенной части. Не зная пока этихъ случаевъ, можно со значительной дозой вѣроятности предположить, что сюда, по примѣру австрійскаго и швейцарскаго проэкта, будутъ отнесены преступленія, проистекающія изъ лѣни, отвращенія къ труду и т. п. мотивовъ.

Такимъ образомъ, о французскомъ проэктѣ, который кстати сказать много черпаетъ изъ бельгійскаго и нидерландскаго уложеній (напримѣръ, art. 16 и 21 буквально заимствованы изъ послѣдняго), еще нельзя сдѣлать рѣшительнаго приговора относительно его склонности къ теоріи мотивовъ; но что онъ прогрессируетъ и вѣроятно въ дальнѣйшихъ частяхъ еще болѣе будетъ прогрессировать сравнительно съ дѣйствующимъ кодексомъ,—это несомнѣнно.

Этими немногими замѣчаніями мы и закончимъ обозрѣніе второй группы законодательствъ, которая еще далеко не дошла въ вопросѣ о мотивахъ до ясности и послѣдовательности, но уже значительно отдалилась отъ группы болѣе старыхъ законодательствъ.

Глава 3-я.

Итальянскій кодексъ и проэкты австрійскій, швейцарскій, норвежскій и русскій.

Италіанскій уголовный кодексъ (Codice panale per il Regno d' Italia)[1] 30 Іюня 1889 года является чрезвычайно интереснымъ прозведеніемъ законодательнаго творчества какъ вообще, такъ и въ частности по вопросу о значеніи мотива преступной дѣятельности. Признаніе единства Италіи рано или поздно должно было привести къ созданію единаго уголовнаго кодекса въ замѣнъ отдѣльныхъ прежнихъ сепаратныхъ законодательствъ,—и это случилось въ дѣйствительности; послѣ обсужденія и послѣдовательной переработки ряда проэктовъ (Пизанелли, Манцини и Цанарделли) былъ созданъ кодексъ, вызвавшій въ западной Европѣ большое и вполнѣ заслуженное вниманіе. Онъ появился въ самый разгаръ борьбы между классической и позитивной школами уголовнаго права въ Италіи; преобладаетъ въ немъ духъ первой школы, но и новыя теоріи также нашли себѣ пріютъ (мы имѣемъ въ виду теоріи соціологическія, ибо къ антропологическимъ теоріямъ кодексъ относится отрицательно). Въ частности обращено серьезное вниманіе на вопросъ о мотивахъ, и это вниманіе прежде всего выразилось въ созданіи системы параллельныхъ наказаній. Въ такомъ дѣлѣ законодатель имѣетъ передъ собой два пути: онъ можетъ,

---

[1]) Strafges. f. d. Königr. Italien, übers. v. Stephan; Ital. Strafges., übers. v. Teichmann; C. P. p. le royame d'Italie, trad. par Sarraut; S. d. S. E. -L. I, Ital.—Alimena, s. 581 ff.; Rigaud, Motiv, p. 66—73. Saleilles, Individualisation, p. 227 ff.

создавъ особаго рода наказанія (custodia honesta), самъ опредѣлить и указать въ законѣ тѣ случаи, когда именно эти наказанія должны примѣняться, и можетъ также предоставить оцѣнку мотива дѣянія и выборъ сообразно съ нимъ наказанія судьѣ. Италіанскій законодатель пошелъ по первому пути и самъ указалъ, когда судья долженъ примѣнять заточеніе (detentione), которое мы считаемъ custodia honesta, не смотря на обратное мнѣніе, господствующее въ Германіи. Дѣло въ томъ, что нѣмецкіе криминалисты (Стефанъ, Тейхманъ и Листъ) переводятъ слово detentione (французское détention посредствомъ слова Gefängniss и думаютъ, что никакой custodia honesta въ Италіи нѣтъ; изъ личныхъ бесѣдъ мы узнали, что такое мнѣніе опирается на два соображенія: 1) въ италіанскомъ кодексѣ существуетъ § 405, по которому „кто безъ согласія управомоченнаго лица на земельномъ участкѣ его, еще не окончательно убранномъ, собираетъ колосья, сгребаетъ (harkt, французскій переводъ неправильно говоритъ „vole") или подбираетъ остатки, наказуется по жалобѣ потерпѣвшаго штрафомъ, а при рецидивѣ detentione"; здѣсь видятъ кражу и говорятъ: „какая же это custodia honesta, если ее примѣняютъ къ кражѣ"; 2) detentione соединено (§ 15) съ обязательной работой, а это, по мнѣнію нѣкоторыхъ германскихъ криминалистовъ, подрываетъ самую идею custodia honesta.

Приведенныя соображенія нельзя признать убѣдительными: 1) § 405 предусматриваетъ не кражу, а особый видъ самовольнаго пользованія, который уже въ древнія времена освящался обычнымъ правомъ и признавался тогда правомѣрнымъ, напримѣръ, по древне-еврейскому праву. Итальянскій законодатель очевидно считался здѣсь съ народными правовоззрѣніями, съ существующимъ обычаемъ; онъ не предполагалъ въ инкриминируемомъ дѣяніи дурнагс мотива, а потому свободно могъ опредѣлить денежное наказаніе, а

при рецидивѣ—заточеніе, а не тюрьму; 3) хотя detentione и соединено съ обязательной работой, но это вовсе не подрываетъ характера detentione какъ custodia honesta; правда, до италіанскаго кодекса custodia honesta (французское détention, германское—Fesfungshaft и русская—крѣпость) обыкновенно не соединялась съ обязательной работой, но отсюда еще нельзя выводить, что это какой то непоколебимый признакъ, при отсутствіи котораго наказаніе получаетъ позорящій характеръ: трудъ не заключаетъ въ себѣ ничего позорнаго и является необходимымъ элементомъ всякаго благоустроеннаго заключенія, ибо праздность и бездѣльничество заключенныхъ ничего кромѣ вреда для нихъ самихъ принести не могутъ; другія законодательства, гдѣ примѣненіе заточенія является чрезвычайно рѣдкимъ, мало заботились объ этой сторонѣ вопроса; италіанскій же законодатель значительно расширивъ область примѣненія заточенія, могъ и долженъ былъ поступить иначе. Да и самый вопросъ о трудѣ поставленъ своеобразно: въ ergastolo и въ тюрьмѣ заключенный не имѣетъ права выбора труда; онъ долженъ выполнять всякую работу, какую прикажутъ, а при detentione (§ 15) выборъ рода работы принадлежитъ самому заключенному; правда, онъ долженъ выбирать между родами работы, допущенными въ учрежденіи, но здѣсь разрѣшаются различныя послабленія, самое же правило вовсе не имѣетъ задачей стѣснять выборъ труда, оно установлено лишь для того, чтобы администрація мѣста заточенія могла не допускать занятій вредныхъ, опасныхъ для другихъ или требующихъ особыхъ и сложныхъ приспособленій, устроить которыя не позволяютъ средства карательнаго учрежденія или его помѣстимость; въ принципѣ же выборъ труда остается свободнымъ, и заточеніе сохраняетъ свой характеръ custodia honesta, хотя, конечно, было бы лучше, если бы относящееся сюда правило было изложено болѣе точно.

Итакъ, прежде всего вниманіе къ мотивамъ выражается въ италіанскомъ кодексѣ созданіемъ и весьма широкимъ примѣненіемъ системы параллельныхъ наказаній, причемъ за дѣянія, чуждыя низкаго, дурнаго мотива, назначается custodia honesta.

Какъ справедливо замѣтилъ Алимена, „свобода судейскаго измѣренія при выборѣ рода наказанія потерпѣла значительное ограниченіе благодаря тому, что законодатель напередъ опредѣлилъ этотъ родъ, соображаясь съ мотивами дѣянія“ [1]); но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ передъ собой безспорный фактъ глубокаго вниманія къ мотиву, ибо итальянскій кодексъ, создавая широкое примѣненіе custodia honesta, выразилъ этимъ убѣжденіе въ значительности роли мотива для репрессіи, хотя самаго слова „мотивъ“ ни разу не произнесъ [2]).

Если мы всмотримся ближе въ относящіяся сюда опредѣленія, то мы увидимъ, что указанный принципъ проводится черезъ весь кодексъ, хотя и не безъ изъятій; объ этихъ изъятіяхъ мы скажемъ далѣе, а пока остановимся на нормальныхъ случаяхъ. Такъ, прямое вниманіе къ мотиву заключается въ томъ, что при превышеніи границъ необходимой обороны, крайней необходимости и обязательнаго приказа (50, 376 и др.)—наказаніе лишеніемъ свободы всегда выражается въ формѣ заточенія, ибо предполагается въ этихъ случаяхъ отсутствіе низкихъ, антисоціальныхъ мотивовъ; въ случаѣ же провокаціи наказаніемъ является заточеніе, если она была тяжкой, т. е. если виновникъ преступленія совершилъ его, будучи тяжко оскорбленъ провокаторомъ. Переходя къ особенной части кодекса, отмѣтимъ, что, въ то время какъ другими видами лишенія свободы на-

---

1) S. d. S. E.—L., I, Ital.—Alimena, s. 589.

2) cp. Rigaud, Motiv, p. 70.

казуются такъ назыв. общія преступленія (убійство, кража, поджогъ и т. д.), заточеніе главнымъ образомъ примѣняется къ преступленіямъ, имѣющимъ спеціальную окраску,—политическимъ, дуэли и т. п. (105 и сл., 237 и др.); заточеніемъ же карается дѣтоубійство (369), если его мотивомъ было желаніе спасти честь свою, жены, матери или сестры; далѣе, заточеніемъ обычно наказуется (139 и сл.) посягательство на политическую свободу гражданъ, на свободу культа и т. д. (хотя здѣсь вполнѣ мыслима и наличность самыхъ низкихъ мотивовъ, при которыхъ custodia honesta является совершенно неумѣстной).

Далѣе, во вниманіе къ неопасному для общества мотиву (легкомысліе или хвастовство), не заключающему въ себѣ ничего позорнаго, наказуется заточеніемъ (185—186) присвоеніе себѣ неподлежащихъ званій, орденовъ и пр. Самоуправство (239) обычно карается пеней, но, если оно сопровождалось угрозами, насиліемъ или оскорбленіемъ, оно карается заточеніемъ, а не тюрьмой во вниманіе къ мотиву (убѣжденіе въ собственной правотѣ). Заточеніемъ же карается тотъ случай, когда кто либо пуститъ въ обращеніе фальшивыя монеты, которыя имъ добросовѣстно были получены за настоящія (258). Затѣмъ (343) похищеніе женщины, караемое тюрьмой, можетъ быть наказуемо заточеніемъ во вниманіе къ мотиву: это случай, когда единственнымъ побужденіемъ виновнаго было желаніе вступить съ похищаемой въ бракъ. Точно также прелюбодѣяніе, хотя конструировано по французскому образцу и страдаетъ недостатками этого образца, въ изъятіе отъ другихъ преступленій противъ нравственности карается заточеніемъ (353—354).

Чрезвычайно интересенъ, далѣе, § 363 и аналогичные съ нимъ §§ 369. 385, 388 и др.: говоря о подлогѣ въ актахъ, указывающихъ на права состоянія, законодатель вы-

дѣляетъ особо и наказуетъ заточеніемъ тотъ случай, когда виновный дѣйствовалъ для спасенія своей чести, или чести жены, матери, нисходящей, усыновленной, дочери или сестры, или для избѣжанія предстоящаго позора (Misshandlungen); при аналогичномъ мотивѣ привиллегированными являются: дѣтоубійство, выкидышъ, подбрасываніе или оставленіе ребенка и т. п.

Съ другой стороны, также во вниманіе къ мотиву, при громадной массѣ преступленій наказаніемъ является тюрьма или исправительный домъ: законодатель презюмируетъ, что извѣстныя преступленія всегда совершаются по низкимъ, антисоціальнымъ мотивамъ. Что при такомъ пріемѣ возможны ошибки,—несомнѣнно, ибо никогда нельзя до деталей предвидѣть все напередъ; безчисленно разнообразіе мотивовъ, могущихъ вызывать человѣка на извѣстную дѣятельность, причемъ вполнѣ мыслимы случаи совершенія дурныхъ и опасныхъ дѣяній по достойнымъ вниманія побужденіямъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что италіанскій законодатель считался съ мотивами, избравъ для этого тотъ путь, который ему казался лучше.

Такъ, тюрьма является нормальнымъ наказаніемъ за всякаго рода подлогъ и поддѣлку (256 сл.), кражу и другія имущественныя преступленія, а въ томъ числѣ (414 и 416) за истребленіе собственнаго имущества, совершаемое по корыстному мотиву (для доставленія себѣ или другому страховой преміи или вообще какой нибудь другой противузаконной выгоды), и за подстрекательство туземцевъ къ эмиграціи, вызванное корыстью и соединенное съ сообщеніемъ ложныхъ свѣдѣній.

Такъ проводитъ законодатель свой общій принципъ, но, къ сожалѣнію, дѣлаетъ и отступленія. Прежде всего, характеръ заточенія какъ custodia honesta нѣсколько подрывается тѣмъ, что въ случаѣ совокупности преступленій, изъ кото-

рыхъ одно заслуживаетъ заточенія, а другое—тюрьмы, можетъ быть назначенъ факультативно тотъ или другой видъ наказанія, т. е., слѣдовательно, можетъ быть подвергнутъ заточенію преступникъ, одно изъ дѣяній котораго совершенно съ точки зрѣнія мотивовъ не говоритъ въ его пользу. Затѣмъ, не выдержанъ общій принципъ при политическихъ преступленіяхъ: безъ вниманія къ мотивамъ назначается каторжная тюрьма (ergastolo) за посягательства на особу короля, наслѣдника, королевы, регента; за нѣкоторыя же другія преступленія политическія и противъ порядка управленія—назначена тюрьма или предоставлено суду право выбора между заточеніемъ и тюрьмой. Въ послѣднемъ случаѣ важна была бы прибавка (подобная существующей въ германскомъ кодексѣ), что судъ долженъ взять за критерій при назначеніи того или другаго вида лишенія свободы свойство мотивовъ виновнаго, а то мысль законодателя не вполнѣ ясна.

Наконецъ, можетъ вызвать недоумѣніе и то, что законодатель съ одной стороны—прямо назначаетъ заточеніе въ случаяхъ, когда преступленіе было вызвано небрежностью, неблагоразуміемъ, незнаніемъ своей профессіи, несоблюденіемъ установленныхъ правилъ, или когда самыя дѣйствія чужды низкаго характера (109, 113, 115, 201, 203, 205, ср. 229, а также 311, 314, 323, 371, 375), т. е. обращается главное вниманіе на свойство мотива, а съ другой стороны—этотъ принципъ невполнѣ строго выдержанъ (см. 127—130, 143—144, 194—195, и др.).

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается тенденція карать заточеніемъ лицъ, являющихся органами власти, за такія преступленія, за которыя прочимъ смертнымъ положена тюрьма (147, 149, 150 и др., особ. 158), и это допускается даже въ томъ случаѣ, когда должностное лицо, выходя за предѣлы своей власти, преслѣдовало исключитель-

но личныя цѣли, т. е. дѣйствовало по вполнѣ эгоистическимъ мотивамъ.

Но всѣ изложенные случаи, которыхъ сравнительно немного, являются, строго говоря, исключеніемъ. въ общемъ же законодатель былъ проникнутъ сознаніемъ важности мотива и настойчиво выражалъ это въ своихъ опредѣленіяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и исторія даннаго кодекса; указанная идея встрѣчается уже въ первыхъ попыткахъ общеитальянской кодификаціи, каковой фактъ мы ставимъ въ большую заслугу итальянской юриспруденціи, ибо мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ Салейля, что „ce fut là l'une des idées neuves les plus fécondes acceptées et devellopées par le code de 1889; il faut lui rendre sur ce point la plus complète justice“ [1]).

Уже въ одномъ изъ первыхъ проэктовъ было предложено два вида лишенія свободы; основываясь главнымъ образомъ на субъективномъ моментѣ, проэктъ 1866 года установилъ custodia honesta для преступниковъ политическихъ и преступниковъ случайныхъ, преимущественно же для ставшихъ таковыми благодаря порыву страсти, раздраженія и т. п. Послѣдовавшіе проэкты вносили цѣлый рядъ измѣненій, но принципъ параллельныхъ наказаній сохранился. Въ проэктѣ Mancini вопросъ поставленъ былъ еще шире: проэктъ позволялъ судьѣ во вниманіе къ мотивамъ преступника замѣнять одинъ родъ наказанія другимъ; тутъ дѣло шло не только объ измѣненіи или смягченіи извѣстнаго режима при заключеніи; проэктъ прямо желалъ дать судьѣ возможность назначать вмѣсто нормальнаго наказанія — custodia honesta, — заключеніе совершенно особаго рода, предназначаемое для людей неиспорченныхъ, на которыхъ надо было

---

[1]) Saleilles, Individualisation, p. 228.

воздѣйствовать, но при этомъ, какъ удачно говоритъ Салейль, „sans cependant compromettre leur reclassement social, donc sans les dèshonorer aux yeux de leurs concitoyens“ [1]).

Въ концѣ концовъ законодатель остановился на компромиссѣ между двумя проэктами, который вошелъ въ текстъ закона и нами уже изложенъ. Этотъ компромиссъ, лишающій судью во многихъ случаяхъ права выбора рода наказанія, привелъ, какъ мы видѣли, ко многимъ неудобствамъ; поэтому понятно то осужденіе, съ какимъ отнеслись многіе (въ томъ числѣ Ферри) къ отступленію отъ идеи Mancini, отступленію, которое министръ Савелли (Savelli) мотивировалъ главнымъ образомъ опасностью злоупотребленій со стороны судей [2]), тогда какъ въ томъ же кодексѣ судьѣ предоставлены довольно широкія права въ оцѣнкѣ дѣянія и размѣровъ его наказуемости.

Но этимъ (т. е. установленіемъ custodia honesta) еще не исчерпывается отношеніе италіянскаго кодекса къ вопросу о мотивахъ.

Такъ, прежде всего установлено, что (за исключеніемъ одного случая, предусмотрѣннаго § 35) ограниченіе правъ не можетъ быть примѣняемо къ лицамъ, приговариваемымъ къ заточенію, а такъ какъ заточеніе назначается главнымъ образомъ во вниманіе къ мотивамъ, то отсюда выходитъ, что ограниченіе правъ также находится въ зависимости отъ того, какого рода мотивами руководился виновный.

Въ законѣ указано также нѣсколько случаевъ, когда во вниманіе къ мотиву совершитель преступленіи освобождается отъ наказанія, а именно: 1) если кто нибудь (211) ложно объявитъ, что онъ совершилъ какое либо преступленіе или участвовалъ въ немъ, онъ освобождается отъ отвѣт-

[1]) Saleilles, Individualisation, p. 230.
[2]) Rigaud, Motiv, p. 72.

ственности, если имъ руководило желаніе спасти близкаго родственника, 2) аналогичное и еще болѣе широко формулированное правило существуетъ относительно вызваннаго тѣмъ же мотивомъ лжесвидѣтельства (215), 3) во вниманіе къ тому же мотиву виновный освобождается отъ наказанія за всякаго рода попустительство и укрывательство, если дѣйствовалъ въ пользу близкаго родственника.

Затѣмъ мотивъ можетъ быть принятъ во вниманіе при смягченіи или отягченіи наказанія. Законодатель стѣснилъ судью, установивъ (29), что наказанія могутъ быть повышаемы, уменьшаемы или измѣняемы лишь въ прямо указанныхъ закономъ случаяхъ. Но отсюда нельзя еще заключать, что судья не можетъ, назначая наказаніе, считаться съ мотивомъ; ему запрещено лишь выходить за рамки указаннаго закономъ maxim'а и minim'а, внутри же этихъ рамокъ, въ общемъ разставленныхъ весьма широко, судья можетъ свободно двигаться и, если пожелаетъ, можетъ принимать во вниманіе мотивъ. Въ цѣломъ же рядѣ случаевъ самъ законодатель обязываетъ судью повышать или смягчать наказаніе во вниманіе къ мотиву: 1) при соучастіи (63) подстрекателю смягчается наказаніе, если совершитель учинилъ дѣяніе не только по внушеннымъ ему, но и по собственнымъ мотивамъ, 2) при дуэли (240) наказаніе смягчается, если виновный былъ приведенъ къ дуэли тяжкимъ оскорбленіемъ или опозореніемъ, 3) сопротивленіе должностному лицу въ формѣ насилія или угрозы составляетъ привиллегированный видъ даннаго преступленія, если мотивомъ было желаніе избавить себя или близкое (родственное) лицо отъ арестованія; 4) къ смягченію наказанія ведетъ подкупъ свидѣтеля, эксперта или переводчика (склоненіе ихъ къ дачѣ ложныхъ показаній, свѣдѣній или заключеній) для спасенія себя или родственника (219), если только отъ такого оборота дѣла не пострадало невинное лицо, 5) смягчается наказаніе при

способствованіи побѣгу родственника (228) и при совершеніи подлога для доставленія себѣ или другому подложныхъ доказательствъ истиннаго факта (258); 6) наказаніе сильно смягчается (причемъ всегда выражается въ формѣ заточенія), если en délit flagrant супружеской измѣны или измѣны конкубинату причинены тѣлесныя поврежденія или совершено убійство супругомъ, восходящимъ, братомъ или сестрой по отношенію къ другому супругу, нисходящему, сестрѣ, соучастнику или обоимъ (337).

Съ другой стороны указанъ и рядъ случаевъ, повышающихъ наказаніе именно въ виду мотива, руководившаго виновнымъ:

1) § 146 (незаконное задержаніе и лишеніе свободы) устанавливаетъ болѣе строгое наказаніе для тѣхъ случаевъ, когда виновный дѣйствовалъ изъ мести, корысти или особенно коварно, 2) при дуэли болѣе строго наказуется тотъ, кто далъ къ ней поводъ и притомъ дѣйствовалъ несправедливо (ungerechte und bestimmende Veranlassung); 3) въ цѣломъ рядѣ случаевъ возвышается наказаніе, если виновный дѣйствовалъ по корыстному мотиву; такъ, § 339 возвышаетъ наказаніе за оскорбленіе нравственности путемъ описанія или рисунка, сдѣланное съ цѣлью наживы, § 345—за ремесленное или корыстное сводничество и т. д.; 4) болѣе тяжкое наказаніе опредѣлено за убійство, если оно вызвано единственно звѣрской злобой (brutal méchanceté).

Изъ приведеннаго обзора италіанскаго кодекса мы приходимъ къ выводу, что итальянскій законодатель пошелъ смѣло далѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему законодателей въ вопросѣ о мотивахъ. При этомъ у него иногда замѣчается невыдержанность руководящей точки зрѣнія и встрѣчаются погрѣшности, но это недостатки частичные, объясняемые опасеніемъ судейскаго произвола. Можно пожалѣть о томъ, что въ своемъ стремленіи регламентировать все a priori зако-

податель забыль о безконечномъ разнообразіи жизненныхъ явленій и мотивовъ, вызывающихъ человѣческія дѣйствія, но нужно отдать должное той твердости и рѣшительности, съ которой проводится основное положеніе кодекса: мотивъ долженъ вліять не только на мѣру наказанія, но и на его природу; дѣянія, чуждыя низкихъ, антисоціальныхъ мотивовъ, должны быть отдѣляемы отъ дѣяній противоположнаго характера и ихъ наказаніемъ должна быть custodia honesta.—

На очереди у насъ австрійскій проэктъ или, точнѣе сказать, австрійскіе проэкты [1]). Обозрѣніе ихъ—дѣло довольно сложное, ибо попытки кодификація, начавшись съ 1861 года, тянутся до нашего времени. Отдѣльные, сепаратные законы были вырабатываемы и принимаемы, но проэктъ коренной реформы, окончательно выработанный въ 1867 году, принятъ не былъ, не смотря на его въ общемъ прогрессивный характеръ (въ его мотивахъ прямо сказано, что онъ „solle nicht nur kein hinderndes, sonder vielmehr ein förnderndes Elément werden"). Кое что изъ проэкта прошло въ видѣ сепаратныхъ новеллъ, остальное же было взято обратно и по желанію самого правительства подвергнуто обсужденію представителей науки и судебной практики. Затѣмъ, при министрѣ юстиціи Глазерѣ, въ 1874 году закончилась радикальная переработка первоначальнаго проэкта, на которой замѣтно отразилось вліяніе незадолго передъ тѣмъ вступившаго въ силу германскаго уложенія, и это вліяніе въ значительной мѣрѣ сохранилось въ послѣдовавшихъ проэктахъ 1881, 1889 и 1891 года, которые представляютъ собою рядъ послѣдовательныхъ пе-

---

[1]) Oesterr. Entw. 1889 und Bemerkungen, см. 822 Beil. z. d. stenogr. Protok; Idem 1891, см. 210 Beil.; S. d S. E.—L., I, Oesterr. Hiller, s. 158—161; Capitant, Projet autr., R. P., 1894, 4, p. 632 сл.; Breitenstein, Bedenken, s. 3 ff.; Schütze, Kritik, s. 5 ff.; Lammasch, а) Strafgesetzentw., б) Werk, в) Vorschläge. Приводя статьи, исправленныя рейхсратомъ, мы цитируемъ: § такой то испр.

редѣлокъ проэкта 1874 года. Въ настоящее время разрабатывается новый, по счету шестой проэктъ, но когда онъ будетъ закончень и разсмотрѣнъ,—неизвѣстно; утвержденію же рейхсратомъ предыдущихъ проэктовъ каждый разъ мѣшали бурныя внутренія и внѣшнія событія или смѣна министерствъ.

Мы пользовались своднымъ изложеніемъ всѣхъ редакцій проэкта, но главнымъ образомъ будемъ останавливаться на послѣдней редакціи,—болѣе полной и соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ уголовной политики. Мы не раздѣляемъ мнѣнія Брейтенштейна, упрекающаго проэктъ въ слѣпомъ подражаніи германскому уложенію, [1]) ибо такой упрекъ нельзя назвать вполнѣ справедливымъ даже по отношенію къ проэкту Глазера, а ужъ тѣмъ болѣе—по отношенію къ послѣдней редакціи; но мы думаемъ, что эта послѣдняя редакція могла бы еще выше стоять въ научномъ и практическомъ отношеніи, если бы были измѣнены нѣкоторыя статьи, сходныя съ тѣми статьями германскаго уложенія, недостатки которыхъ уже ярко сказались, и если бы были болѣе приняты въ соображеніе такіе интересные кодексы, какъ голландскій и италіанскій. Считаясь же съ тѣмъ, что есть, нужно признать, что проэктъ все таки сдѣлалъ значительный шагъ впередъ [2]), особенно же по вопросу о мотивахъ.

Проэктъ, подобно другимъ законодательствамъ, иногда, во вниманіе къ мотиву, освобождаетъ виновнаго отъ наказанія: здѣсь указаны тѣ же случаи, что и въ другихъ законодательствахъ (оправданіе лжесвидѣтельства и укрывательства, вызванныхъ мотивомъ родственной любви и т. п., §§ 171, 168, 178, 266, 269, испр. и др.); оригинально принятое парламентомъ освобожденіе отъ наказанія оскорбителя, дѣй-

---

[1]) Breitenstein, Bedenken, s. 9.

[2]) Cp. Lammasch, Strafgesetzentw., s. 3—4; Capitant, Projet autr., p. 644.

ствовавшаго „in guten Glauben“ (§ 205 испр.), и непринятое предположеніе (§ 66) освобождать отъ наказанія виновниковъ имущественныхъ преступленій, если они, не являясь профессіональными преступниками, кромѣ того до возбужденія преслѣдованія возмѣстили потерпѣвшему весь ущербъ; очевидно, что это предположеніе, построенное до нѣкоторой степени на почвѣ дѣйствующаго австрійскаго права, было вызвано вниманіемъ къ мотиву дѣятельности, послѣдовавшей за преступленіемъ, каковымъ мотивомъ по презумпціи является чистосердечное раскаяніе.

Затѣмъ, вниманіе къ мотиву выразилось созданіемъ custodia honesta, нынѣ Австріи неизвѣстной; это—государственная тюрьма (Staatsgefängniss). Постановленія о ней весьма оригинальны; въ первыхъ проэктахъ предполагалось весьма широкое ея примѣненіе, ибо она не только являлась альтернативнымъ съ цухтгаузомъ наказаніемъ при преступленіяхъ политическихъ и противъ порядка управленія, но и могла быть назначена судомъ и при другихъ преступленіяхъ во вниманіе къ мотивамъ и личнымъ качествамъ преступника. Проэктъ 1889 года сократилъ кругъ примѣненія государственной тюрьмы, мотивируя это такъ: „благодаря данной лишь въ общихъ чертахъ формулировкѣ, прежній текстъ проэктовъ не исключалъ возможности назначенія государственной тюрьмы даже въ случаяхъ кражи, мошенничества и другихъ подобныхъ дѣяній, обыкновенно совершаемыхъ изъ корысти или по другимъ мотивамъ подобнаго характера“.[1] Поэтому редакторы, чтобы „сохранить въ чистомъ видѣ сущность государственной тюрьмы“, какъ „nicht diffamirenden Strafe“, допустили въ своемъ проэктѣ примѣненіе государственной тюрьмы исключительно къ преступленіямъ политическимъ и преступле-

---

[1]) См. Beilage 822; Bemerkungen ad. § 16, s. 117.

ніямъ противъ порядка управленія. Парламентская коммиссія *отвергла такое сокращеніе.* Редакторы слѣдующаго проэкта, не взирая на этотъ прецедентъ, хотѣли еще большихъ сокращеній: они ни при какихъ преступленіяхъ не допустили прямаго примѣненія государственной тюрьмы въ силу закона, суду даже при политическихъ преступленіяхъ и при дуэли предоставлялся выборъ между цухтгаузомъ и обыкновенной тюрьмой, государственная же тюрьма могла назначаться лишь *въ замѣнъ* этихъ наказаній въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ такихъ, въ которыхъ законъ не предписывалъ праволишеній. Такимъ образомъ, государственная тюрьма получала характеръ не наказанія, а лишь суррогата наказанія, и ея примѣненіе сводилось почти на нѣтъ. Но на этомъ дѣло не остановилось: представители народнаго правосознанія (парламентская коммиссія) и на этотъ разъ не отказались отъ сознанія важности мотивовъ и внесли рядъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ правительственный проэктъ. Прежде всего, они назначили государственную тюрьму нормальнымъ наказаніемъ за дуэль (§§ 155—160, испр. §§ 147—151), хотя почему то изъяли отсюда американскую дуэль, альтернативнымъ наказаніемъ за которую въ прежнихъ исправленныхъ проэктахъ также являлась государственная тюрьма. Затѣмъ, при цѣломъ рядѣ преступленій политическихъ и противъ порядка управленія (первыя шесть раздѣловъ первой главы проэкта) назначаются государственная тюрьма и цухтгаузъ альтернативно, такъ что судъ имѣетъ самую широкую возможность считаться со свойствомъ мотивовъ; сюда отнесены верховная и государственная измѣны, оскорбленіе дѣйствіемъ (thätliche) австрійскаго государя или членовъ его семьи, насильственныя дѣйствія противъ законодательныхъ учрежденій и ихъ отдѣльныхъ сочленовъ, важнѣйшіе виды возстанія и бунта и т. д. (§§ 90, 91, 92, 94—96, 101—104, 111—112 и др.).

Нельзя сказать, чтобы даже эта, исправленная парламентомъ редакція проэкта была строго послѣдовательной: для цѣлаго ряда однородныхъ, по менѣе тяжкихъ посягательствъ альтернативно съ цухтгаузомъ или прямо назначена обыкновенная, а не государственная тюрьма (§§ 102, 105—107, 109 ff. особ. 120, испр. 126); далѣе, тюрьма является наказаніемъ за преступленія провокированныя (испр. §§ 217 п. 2, 231 и др.), хотя здѣсь законъ самъ предвидѣлъ отсутствіе въ виновномъ низкихъ, антисоціальныхъ мотивовъ, ибо имѣлъ въ виду лицъ, вызванныхъ на преступленіе безъ всякой вины съ своей стороны и дѣйствовавшихъ въ состояніи раздраженія отъ нанесеннаго имъ или близкимъ имъ лицамъ оскорбленія; тюрьмою, наконецъ, наказуется и много другихъ дѣяній, мотивы которыхъ могутъ заслуживать вниманія и иного отношенія; сюда относятся, напримѣръ, нѣкоторыя религіозныя посягательства (испр. §§ 182—188), убійство другаго лица по его прямо выраженному и серьезному требованію (испр. § 219), дѣтоубійство и вытравленіе плода (хотя въ этихъ случаяхъ параллельнымъ наказаніемъ является цухтгаузъ, §§ 230—232), неосторожныя посягательства, при которыхъ, впрочемъ, рядомъ съ тюрьмой поставлено денежное наказаніе и т. д.

На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно было бы подумать, что на мотивъ внѣ области политическихъ преступленій обращено мало вниманія, а что въ этой области встрѣчаются отступленія, колеблющія основной принципъ. Но это не совсѣмъ такъ, иначе бы мы не отнесли австрійскій проэктъ къ группѣ наиболѣе прогрессивныхъ въ смыслѣ мотива законодательныхъ работъ. Парламентская коммиссія, вынужденная считаться съ правительственнымъ проэктомъ, стремилась лишь въ болѣе острыхъ, если позволено будетъ такъ выразиться, случаяхъ выставить нормальнымъ наказаніемъ государственную тюрьму; въ другихъ же случаяхъ

вниманіе къ мотиву выразилось хотя иначе, но въ весьма многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего, когда въ законѣ параллельно съ обыкновенной или государственной тюрьмой назначенъ цухтгаузъ, судъ можетъ приговаривать къ послѣднему лишь въ тѣхъ случаяхъ, „когда источникомъ дѣянія является безчестное настроеніе виновнаго“ (испр. § 15, п. 1); правда, что даже при наличности совершенно обратнаго настроенія, т. е. самыхъ лучшихъ мотивовъ, судьѣ въ этихъ случаяхъ не позволено переходить къ государственной тюрьмѣ, но ригоризмъ этотъ смягчается наличностью въ проэктѣ общаго правила, въ силу котораго (§ 11) судъ, приговаривая виновнаго къ обыкновенной тюрьмѣ, имѣетъ возможность въ случаяхъ, особо заслуживающихъ вниманія, постановить въ приговорѣ, что заключенному предоставляется право (конечно, съ ограниченіями, необходимыми въ виду помѣщенія, режима и пр. того или иного мѣста заключенія) выбирать родъ работы, одѣваться и кормиться на свой счетъ, не быть высылаемымъ на т. наз. внѣшнія работы и т. п. Въ этихъ случаяхъ создается какой то особый видъ наказанія, близкій къ custodia honesta, но имѣющій то отличіе, что заключенный все же находится въ одномъ учрежденіи съ лицами, которыя по своимъ свойствамъ и по мотивамъ ихъ дѣяній являются совершенно къ нему неподходящими. Проф. Lammasch предлагаетъ прямо указать, что § 11 долженъ примѣняться исключительно къ тѣмъ преступникамъ, которые дѣйствовали „aus achtungswerten Beweggründen,“ [1]) но тогда уже малопонятнымъ является, почему не направлять такихъ преступниковъ прямо въ государственную тюрьму. Повидимому, ни проф. Lammasch, ни редакторы и исправители проэкта не желали допустить примѣненія государственной тюрьмы къ такимъ, напримѣръ,

---

1) Lammasch, Vorschläge, s. 13—14.

преступленіямъ, какъ кража, каковы бы ни были мотивы этихъ преступленій; но они упустили изъ виду, что въ исключительныхъ случаяхъ и при наличности упомянутыхъ преступленій судъ можетъ назначить государственную тюрьму, ибо въ проэктѣ существуетъ слѣдующее весьма важное и значительное для теоріи мотивовъ правило: если законъ назначаетъ за какое нибудь дѣяніе тюрьму, безъ указанія цухтгауза въ качествѣ параллельнаго наказанія и безъ ограниченія правъ (послѣднее же почти всегда зависитъ отъ усмотрѣнія суда), то тюрьма можетъ быть замѣнена государственной тюрьмой, если свойства дѣянія и личности виновнаго таковы, что этотъ родъ наказанія является соотвѣтствующимъ; главное вниманіе при этомъ должно быть обращено на мотивъ, ибо самъ законъ (испр. § 16 п. 2) говоритъ: „наказаніе государственной тюрьмой безусловно исключается при всѣхъ дѣяніяхъ, которыя свидѣтельствуютъ о безчестности или безсовѣстности (Unredlichkeit oder Schamlosigkeit) виновнаго“. Ясно, что и въ случаяхъ кражи и подобныхъ ей преступленій судъ, основываясь на констатированныхъ имъ мотивахъ дѣятельности виновнаго, можетъ не признать его дѣянія „безчестнымъ и безсовѣстнымъ“ и назначить вмѣсто обыкновенной тюрьмы—государственную, характеръ которой какъ custodia honesta—ярко выраженъ въ законѣ. Это наказаніе дожно быть отбываемо только въ особо предназначенныхъ для этого учрежденіяхъ, которыя должны быть съ внѣшней стороны наглядно отдѣлены отъ мѣстъ, служащихъ для пріема другихъ преступниковъ; заключенные подчинены опредѣленному режиму и постоянному надзору, но имъ принадлежитъ выборъ занятій и право продовольствоваться на свой счетъ. Принужденіе къ работѣ не допускается.

Итакъ, мы убѣдились, что австрійскій проэктъ, допуская лишь въ исключительныхъ случаяхъ освобожденіе виновнаго отъ наказанія во вниманіе къ мотиву, придаетъ послѣднему

вообще очень большое значеніе, разрѣшая въ цѣломъ рядѣ случаевъ судьѣ выбирать, соображаясь съ мотивомъ, родъ наказанія. Принципъ этотъ проводится такъ сказ. „не взирая на лица“, ибо общее правило примѣняется и къ правительственнымъ агентамъ, чѣмъ проэктъ выгодно отличается отъ италіанскаго, напримѣръ, кодекса, гдѣ должностныя лица обыкновенно подвергаются, какъ мы видѣли, custodia honesta въ тѣхъ случаяхъ, когда простымъ гражданамъ назначается тюрьма, вслѣдствіе чего критерій мотивовъ является искаженнымъ.

Дальнѣйшее вниманіе къ мотиву сказывается въ проэктѣ при организаціи дополнительныхъ наказаній, и прежде всего—правоограниченій. Съ каждымъ осужденіемъ къ смертной казни и къ цухтгаузу связано пораженіе гражданско-политическихъ правъ приблизительно въ томъ же объемѣ, какъ и въ другихъ законодательствахъ; но такъ какъ цухтгаузъ назначается лишь лицамъ, крайне неудовлетворительнымъ съ точки зрѣнія теоріи мотивовъ, то значитъ и здѣсь законъ косвенно считается съ мотивами, притомъ же правопораженіе всегда является срочнымъ (испр. §§ 37 и 41).

Затѣмъ, правопораженіе совершенно не допускается при назначеніи государственной тюрьмы; допускается лишь лишеніе всѣхъ государственныхъ должностей и службъ (Verlust aller Staatsämter und Dienste) при присужденіи болѣе чѣмъ къ трехмѣсячному заключенію какъ въ обыкновенной тюрьмѣ, такъ и въ государственной (§ 39 испр.).

Правительственный проэктъ хотѣлъ сдѣлать такое лишеніе обязательнымъ, но парламентская коммиссія сдѣлала его факультативнымъ и кромѣ того допустила лишь въ томъ случаѣ, когда изъ свойствъ дѣянія и обстоятельствъ, при которыхъ оно было учинено, вытекаетъ, что осужденному не можетъ быть поручено отвѣтственное мѣсто (Vertrauensstellung) безъ опасности для общественнаго блага.

Далѣе, пораженіе правъ факультативно допускается при приговорѣ къ обыкновенной тюрьмѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда совершено болѣе тяжелое преступленіе или когда дѣяніе свидѣтельствуетъ о безчестности или безстыдствѣ виновнаго (§ 41, испр. 38). При этомъ суду предоставляется право лишать виновнаго не всѣхъ изъ перечисленныхъ въ законѣ гражданско-политическихъ правъ, а лишь нѣкоторыхъ; такъ что и въ этой области судьѣ предоставлено широкое полномочіе считаться съ мотивами.

То же замѣчается и въ организаціи другихъ побочныхъ наказаній. Во многихъ случаяхъ проэктъ разрѣшаетъ суду къ наказанію лишеніемъ свободы присоединять и денежное наказаніе. Идея эта (защищаемая многими, начиная съ Филанджіери и кончая въ наши дни Розенфельдомъ) проникла и въ другіе кодексы, но въ австрійскомъ проэктѣ она примѣнена болѣе удачно: дополнительное денежное наказаніе обыкновенно назначается во вниманіе къ мотиву, т. е. когда виновный дѣйствовалъ изъ корысти, по привычкѣ и т. п. (§ 305 — при ростовичичествѣ, § 307—309 — при издѣліи и распространеніи фальшивой монеты, § 266 и 288 — при кражѣ и утайкѣ, § 27 — при грабежѣ и вымогательствѣ и др.).

Проэктъ также сохраняетъ уже существующій въ австрійскомъ правѣ институтъ дополнительнаго наказанія путемъ заключенія въ рабочій домъ; мы уже знаемъ, что такая отдача совершается главнымъ образомъ во вниманіе къ мотиву (отвращеніе къ работѣ).

Далѣе, проэктъ считается съ мотивомъ при опредѣленіи квалифицированныхъ и привиллегированныхъ дѣяній; кромѣ случаевъ уже нами указанныхъ (провокированныя посягательства, дѣтоубійство и пр.), сюда должны быть отнесены: лжесвидѣтельство, учиненное (внѣ условій §-а 171) изъ чувства самосохраненія или по мотиву родственной любви, мо-

шенничество, чуждое корыстнаго мотива (если кто либо, не стремясь къ полученію имущественной выгоды, путемъ коварнаго обмана или коварнаго поддержанія въ заблужденіи причинитъ другому имущественный вредъ, § 291) и др. Наоборотъ, цѣлый рядъ дѣяній квалифицируется между прочимъ и по соображеніямъ о мотивѣ; особенное же вниманіе при этомъ обращено на мотивъ корыстный (§§ 277, 279, 296 и др.).

Наконецъ, широкую возможность считаться съ мотивомъ даетъ проэктъ судьѣ и при опредѣленіи мѣры наказанія; рамки между maxim'омъ и minim'омъ здѣсь настолько широки, что нѣкоторые австрійскіе правовѣрные юристы были повергнуты въ изумленіе и негодованіе [1]). Судья стѣсненъ лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ (посягательство цареубійства, предумышленное убійство и посягательства со взрывчатыми веществами), гдѣ назначено абсолютно-опредѣленное наказаніе—смертная казнь, безъ всякаго вниманія къ мотивамъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ судья имѣетъ, какъ мы видѣли, столь широкую возможность индивидуализировать наказаніе, вообще, а соображаясь съ мотивомъ—въ частности, что мы не будемъ скорбѣть вмѣстѣ съ проф. Capitant, отчего австрійскій проэктъ не знаетъ французской системы неопредѣленныхъ смягчающихъ обстоятельствъ [2]). —

Перейдемъ теперь къ Швейцаріи [3]). Она еще не имѣетъ единаго общаго кодекса; въ трехъ кантонахъ еще господствуетъ обычное право, а каждый изъ остальныхъ кантоновъ

1) Breitenstein, Bedenken, s. 19 ff.

2) Capitant, Projet autr., R. P. 1894, 4, p. 646—647.

3) Schweizer. Strafgesetzbücher, v. v. Stoss, особ. s. 112—160, 194 ff.; S. d. S. E.-L., Schweiz—Teichm. u. Gautier, особ. s 410—412; Пржевальскій, Объединеніе уг. з. Швейцаріи, С. П., т. 4, стр. 15 17, 32—33, 42—43 и сл.

имѣетъ самостоятельный уголовный кодексъ, причемъ законодательство нѣмецкой Швейцаріи проводитъ основныя начала германскаго уложенія, а законодательство французской—болѣе или менѣе радикально переработало code pénal; въ результатѣ получается очень пестрая картина: что преступно въ одномъ кантонѣ—дозволено въ другомъ; дѣяніе, легко наказуемое въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ наказуется какъ тяжкое преступленіе и т. п. Правда, рядъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ союзной конституціей, и теперь судится на основаніи одинаковыхъ началъ союзнымъ судомъ, но эта область весьма невелика, во всѣхъ же другихъ случаяхъ существуетъ положеніе, при которомъ создается масса затрудненій какъ для судебной практики, такъ и для разработки науки уголовнаго права.

Мысль о необходимости объединенія уголовнаго права Швейцаріи существовала съ половины текущаго вѣка, но прививалась туго, ибо существовало опасеніе, что такимъ путемъ будетъ нарушена суверенность кантоновъ; но затѣмъ эта мысль пустила глубокіе корни благодаря неутомимой и просвѣщенной пропагандѣ ея швейцарскимъ тюремнымъ обществомъ и союзомъ юристовъ. Этимъ послѣднимъ въ 1887 году, по предложенію проф. Штосса, было единодушно рѣшено обратиться къ союзному совѣту съ воззваніемъ о необходимости приступить къ предварительнымъ работамъ для объединенія уголовнаго законодательства. Совѣтъ согласился, и разработка предварительнаго проэкта была поручена проф. Штоссу, который, послѣ тщательнаго изученія уголовнаго права Швейцаріи (онъ составилъ сводное изложеніе законовъ, дѣйствующихъ въ отдѣльныхъ кантонахъ), успѣлъ къ 1893 году выполнить возложенную на него задачу и напечатать предварительный проэктъ съ объяснительной къ нему запиской [1]). Проэктъ этотъ два раза былъ пересмотрѣнъ и

[1]) Vorentw. ein. Schweiz. Strafges., Motive, verf. v. C. Stooss.

нѣсколько измѣненъ особой коммиссіей, а окончательная редакція, принятіе которой уже зависитъ отъ народа, опубликована въ 1896 году.

Такимъ образомъ, старое и раздробленное уголовное право Швейцаріи въ ближайшемъ будущемъ должно потерять свою силу. Мы считаемъ, поэтому, возможнымъ для нашей задачи ограничиться изложеніемъ швейцарскаго проэкта, преднославъ ему краткій очеркъ роли мотива въ одномъ изъ новѣйшихъ и интереснѣйшихъ кантональныхъ кодексовъ, а именно—Невшательскомъ, изданномъ въ 1891 году[1]).

Этотъ кодексъ въ своихъ опредѣленіяхъ въ значительной мѣрѣ считается съ вопросомъ о мотивахъ преступленій. Прежде всего, въ исключительныхъ случаяхъ онъ, подобно другимъ кодексамъ, совершенно освобождаетъ виновнаго отъ наказанія во вниманіе къ мотиву его дѣятельности; затѣмъ, для цѣлаго ряда преступныхъ дѣяній установлена custodia honesta,—государственная тюрьма (prison civile, § 23), при назначеніи которой, за самыми незначительными исключеніями (§ 32, п. 4), не допускается ограниченія правъ. Нельзя сказать, чтобы примѣненіе государственной тюрьмы было безусловно послѣдовательнымъ, ибо встрѣчаются случаи, когда за политическія преступленія и преступленія противъ порядка управленія назначается не государственная, а обыкновенная тюрьма; но такихъ случаевъ мало; обыкновенно же упомянутыя преступленія наказуются государственной тюрьмой, или же судьѣ предоставляется выборъ между этой и обыкновенной тюрьмой (§§ 116—129). Объяснительная записка, приложенная къ кодексу, выставляетъ (s. 170) общій принципъ, гласящій; что государственная

---

[1]) Neuchatel, Grand Conseil, Bullet. concern. le code pénal.

тюрьма должна примѣняться главнымъ образомъ къ тѣмъ преступленіямъ, которыя „n'impliquent pas un sentiment bas de la part de leur auteur".

Затѣмъ, признаніе преступленій квалифицированными и привиллегированными, а также смягченіе и увеличеніе наказанія часто дѣлается во вниманіе къ мотиву; особенно принятъ въ соображеніе мотивъ родственной любви съ одной стороны и мотивъ корысти—съ другой (§ 163, 165 и др.). Судьѣ, далѣе, предоставленъ широкій просторъ при выборѣ мѣры наказанія, а иногда разрѣшается и выборъ рода наказанія, такъ что судья въ этомъ отношеніи вполнѣ можетъ считаться съ мотивомъ. Наконецъ, въ значительной мѣрѣ обращено вниманіе на мотивъ и при организаціи дополнительныхъ наказаній: 1) почти никогда не допускается ограниченія правъ при назначеніи государственной тюрьмы; 2) при дѣяніяхъ, проистекающихъ изъ мотива корысти, часто назначается высокое дополнительное денежное наказаніе (напримѣръ, § 14) и 3) при дѣяніяхъ, происходящихъ отъ отвращенія къ труду и тому подобныхъ мотивовъ, назначается въ качествѣ дополнительнаго наказанія рабочій домъ, хотя нужно сказать, что случаи примѣненія этой мѣры весьма рѣдки.

Окончательно выработанный проэктъ обще-швейцарскаго уголовнаго кодекса [1]) содержитъ въ себѣ развитіе, сообразно съ новѣйшими научными требованіями, началъ дѣйствую-

---

[1]) Rigaud, Motiv, p. 36—48; Lammasch, Schweiz. Entw., Z. S. S., 1895, s. 121—133; Liszt, Forderungen, Ar. s. G., 1893; Liszt, Grundlagen, Z. 16, s. 499—510; Lilienthal, Stooss. Entw., Z. 15, s. 102, 113 ff; Hoegel, Straffälligkeit u. Strafzumessung, s. 96—101; Garçon, Projet suisse, R. P. 1894, p. 181 ff; 1896, p. 1131—1134; Cornaz, Notes, p 34-40; Thurneysen, Vorentwurf, Z. S. S., 1893, 6, s. 383-386; Merkel, Thurneysens Kritik, Z. S. S., 1894, 7, s. 6—9; Placid Meyer v. Schauensee, Strafzumessung, Z. S. S., 1893 7, s. 132—137; Stooss, Motiv im Entw. zu ein. Schweiz. Strafgesetzbuch, Z. S. S., 1896, 3, s. 167-174.

щаго кантональнаго права вообще и въ частности многихъ положеній невшательскаго кодекса.

Впечатлѣніе на научный міръ проэктъ произвелъ весьма благопріятное, ибо подавляющее большинство криминалистовъ отозвалось о немъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Мы не будемъ уже говорить о простотѣ языка и ясности и удобопонятности изложенія проэкта; его главныя достоинства— внутреннія; онъ настолько идетъ впередъ, что надо признать вполнѣ справедливой слѣдующую оцѣнку проф. Ляммаша: „подобно тому, какъ печатью (Marksteine) историческаго развитія 19 в. являются австрійскій кодексъ 1803 года, code pénal 1810 и баварскій кодексъ 1813 года,— такое же значеніе будутъ имѣть для начала слѣдующаго вѣка швейцарскій и норвежскій кодексы (нынѣ проэкты), свидѣтельствующіе о прогрессѣ знанія, воли и силъ за истекшій періодъ времени“ [1]).

Занимающій насъ вопросъ о мотивахъ поставленъ въ проэктѣ чрезвычайно обстоятельно, хотя кодексъ и не знаетъ custodia honesta; Штоссъ имѣлъ передъ глазами прецеденты иного характера, но имъ не послѣдовалъ; его аргументы (дороговизна постройки особыхъ тюремъ и несоотвѣтствіе такихъ наказаній демократическому духу швейцарскаго народа) будутъ разобраны нами въ слѣдующей части нашей работы, пока же мы отмѣтимъ, что отсутствіе custodia honesta, если признавать это недостаткомъ, искупается тѣмъ, что *проэктъ впервые прямо указалъ на важное принципіальное значеніе мотива и предписалъ судьѣ* (а не только далъ ему возможность) *считаться съ мотивомъ при опредѣленіи наказанія* (art. 35, испр. 38). Наказаніе можетъ быть во вниманіе къ мотиву и понижаемо и увеличиваемо; первое имѣетъ мѣсто, если виновный дѣйствовалъ по благороднымъ,

---

[1]) Lammasch, Schweiz. Entw., Z. S. S., 1895, s. 121.

возвышеннымъ (первоначальная редакція) мотивамъ или мотивамъ, заслуживающимъ вниманія (окончательная редакція); сюда же отнесены (§ 36, испр. 39) тѣ случаи, когда виновный дѣйствовалъ, находясь въ тяжкомъ бѣдственномъ положеніи, подъ давленіемъ тяжкой угрозы или по приказанію начальника, когда онъ внезапно былъ вызванъ на преступленіе сильнымъ раздраженіемъ или оскорбленіемъ, къ которому онъ не подалъ повода и т. п. Что же касается усиленія наказанія, то первоначальный проэктъ (art. 39) постановлялъ, что наказаніе должно превышать среднюю мѣру, если виновный совершилъ преступленіе по низости характера, а въ частности—по злобѣ, жестокости, хитрости, мстительности, алчности, страсти вредить или наслажденію дѣлать зло (plaisir criminel); въ исправленномъ проэктѣ этой статьи не содержится, ибо при обсужденіи ея возникли сомнѣнія, какъ опредѣлять среднюю мѣру и т. п.; но это не значитъ, что проэктъ отказался отъ возвышенія наказанія во вниманіе къ мотиву: въ особенной части встрѣчается цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ предписано возвышать наказаніе, считаясь съ тѣмъ или инымъ изъ тѣхъ мотивовъ, которые были указаны прежде въ отмѣненной статьѣ; то же самое встрѣчается въ особенной части относительно смягченія наказанія. Правда, благодаря такой казуистичности встрѣчаются пробѣлы, на которые съ удареніемъ указываетъ въ своей второй статьѣ о швейцарскомъ проэктѣ Листъ, но 1) болѣе частые и важные мотивы указаны, а 2) тамъ, гдѣ ихъ не указано, судья все же долженъ обратить вниманіе на мотивъ въ виду цитированнаго нами категорическаго общаго указанія (art. 35, испр. 38).

Въ частности укажемъ, что законъ привиллегируетъ дѣяніе или смягчаетъ за него наказаніе въ слѣдующихъ случаяхъ: если виновный дѣйствовалъ въ убѣжденіи, что онъ имѣетъ право совершить такое дѣяніе (испр. art. 15 п. 3;

прежде art. 12 говорилъ: въ убѣжденіи, что онъ не совершаетъ преступленія); если виновный превысилъ предѣлы необходимой обороны (art. 15, испр. 19); послѣ изложенія правилъ о крайней необходимости сказано, что наказаніе смягчается и въ другихъ случаяхъ (т. е., какъ мы думаемъ, въ случаяхъ, родственныхъ съ крайней нобходимостью, но не переходящихъ въ послѣднюю, art. 16, испр. 20); если при истребленіи чужой собственности виновный дѣйствовалъ по необдуманному и юношескому легкомыслію (art. 79, испр 76); привиллегировано дѣтоубійство и истребленіе плода, но наказаніе является все же чрезвычайно строгимъ, сравнительно съ другими законодательствами (цухтгаузъ отъ 2 до 6 л., art. 56 испр.).

Особеннаго же вниманія заслуживаютъ слѣдующія опредѣленія: 1) условное осужденіе можетъ быть примѣнено лишь къ тѣмъ случаямъ, гдѣ виновный дѣйствовалъ „nicht aus niederträchtiger Gesinnung (des mobiles bas, art. 47, испр. 50), т. е. проэктъ смотритъ не только на свойства личности, но и на мотивъ ея дѣянія; 2) привиллегированнымъ является убійство по настоятельной и серьезной просьбѣ убитаго, но опять-таки при наличности заслуживающихъ вниманія (achtungswerten) мотивовъ (art 53, испр. 56); 3) при подлогѣ въ актахъ гражданскаго состоянія, когда въ наличности находятся тѣ же мотивы, вмѣсто цухтгауза назначается тюрьма или денежное наказаніе; если же подлогъ сдѣланъ въ паспортѣ, свидѣтельствѣ или аттестатѣ для облегченія своего или чужаго тяжелаго положенія, то онъ считается нарушеніемъ, а не преступленіемъ, и наказуется еще легче; 4) называется не кражей, а похищеніемъ, признается не преступленіемъ, а нарушеніемъ, и наказуется не тюрьмой, а арестомъ или пеней тотъ случай, когда кто либо похитилъ принадлежащую другому лицу малоцѣнную вещь по нуждѣ, легкомыслію или для удовлетворенія насущной потребности.

Точно также чрезвычайно разнообразны случаи квалификаціи и возвышенія наказанія во вниманіе къ мотиву. Квалифицируется противозаконное задержаніе или заключеніе для безнравственныхъ цѣлей или съ проявленіемъ жестокости (art. 104 испр.), а также похищеніе ребенка для корыстныхъ или безнравственныхъ цѣлей (art. 107 испр.); затѣмъ, наказаніе возвышается, если „aus niedriger Gesinnung (des mobiles bas)" учинено истребленіе чужой собственности, а въ частности—если мотивами были: мстительность, ненависть, зависть или наслажденіе вредить или разрушать (Schadenfreude oder Zerstorungslust, art. 79 испр.); сходна и квалификація при убійствѣ, гдѣ какъ мотивы упомянуты корыстолюбіе, жестокость и кровожадность (Mordlust, art. 52 испр.); далѣе, при диффамаціи, гдѣ почти всегда допускается exceptio veritatis, виновный можетъ быть наказанъ и за разглашеніе правдивыхъ обстоятельствъ (отвѣтственность тогда, какъ за обиду), если у него не было основательнаго (plausible) мотива, а въ особенности, если онъ дѣйствовалъ изъ ненависти, зависти, мести или страсти вредить (art. 132 испр.); нерѣдко также (преимущественно при преступленіяхъ противъ имущества) проэктъ имѣетъ въ виду мотивъ корысти, говоря о „противоправной выгодѣ", „личномъ интересѣ", „незаконномъ обогащеніи", „корыстолюбіи и т. д., относя эти мотивы къ составу преступленія или возвышая при ихъ наличности наказаніе; наконецъ, особенно интереснымъ является постановленіе, которое строго наказуетъ чрезмѣрное злоупотребленіе (Ueberanstrengung) силами малолѣтнихъ и женщинъ, подчиненныхъ какому либо лицу въ качествѣ работниковъ, слугъ, учениковъ или воспитанниковъ, если такое злоупотребленіе, вредя здоровью перечисленныхъ лицъ или угрожая вредомъ, въ то же время имѣетъ мотивомъ корыстолюбіе, злость или эгоизмъ (art. 65, испр. 68).

Что же касается предѣловъ, въ которыхъ допускается

измѣненіе, смягченіе и повышеніе наказанія, то ихъ надо признать достаточно широкими: вообще наказаніе можетъ быть возвышено на половину; но судья можетъ обратиться къ цухтгаузу на срокъ отъ 10 до 20 лѣтъ, какъ къ обезпечительной мѣрѣ, если онъ имѣетъ передъ собой многократно осужденнаго за важныя преступленія, упорнаго и закоренѣлаго преступника, и если онъ приходитъ къ убѣжденію, что виновный безъ этой мѣры станетъ снова продолжать свою преступную дѣятельность (art. 24 и 44 испр.); съ другой стороны--судья можетъ значительно смягчить наказаніе въ мѣрѣ, а иногда и въ родѣ, назначая вмѣсто краткосрочнаго цухтгауза—тюрьму, а вмѣсто тюрьмы—арестъ (art. 40 испр.); въ указанныхъ же законамъ, правда, чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, судья можетъ измѣнять родъ и мѣру наказанія по своему свободному усмотрѣнію.

Обращено также въ проэктѣ вниманіе и на случаи, гдѣ во вниманіе къ мотиву наказаніе не должно имѣть мѣста; сюда относятся:

1) диффамація, которая ненаказуема, если разглашена правда и при этомъ виновный дѣйствовалъ по основательному мотиву (art. 132 испр,); 2) ненаказуемо превышеніе власти, учиненное по серьезному мотиву (art. 200 испр.); 3) ненаказуемо оскорбленіе, вызванное неприличнымъ или противозаконнымъ обхожденіемъ потерпѣвшаго (art. 133 испр.); ненаказуемо преступленіе, если виновный, совершая его по приказу, былъ убѣжденъ, что онъ обязанъ подчиниться этому приказу (art. 15, п. 3); ненаказуемо превышеніе предѣловъ необходимой обороны, если оно вызвано испугомъ или извинительнымъ раздраженіемъ (art. 15, испр. 19); ненаказуемо укрывательство преступника отъ преслѣдованія и наказанія, „если виновный стоялъ въ столь близкихъ отношеніяхъ съ укрываемымъ лицомъ, что его поведеніе слѣдуетъ признать извинительнымъ“ (art. 193 испр.), т. е. здѣсь, какъ

видимъ, вниманіе къ мотиву выразилось въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ другихъ законодательствахъ, имѣющихъ въ виду лишь родственныя отношенія; наконецъ, недонесеніе наказуемо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда недонесшій зналъ, что преслѣдованіе или наказаніе упадаетъ на невиннаго (art. 194 испр.), но даже и при этой комбинаціи наказаніе не примѣняется къ лицамъ, состоящимъ въ близкихъ отношеніяхъ съ виновникомъ (см. предыд. art.).

Необходимо, далѣе, отмѣтить, что законодатель, устанавливая за то или иное посягательство тотъ или иной родъ наказанія, сообразовался между прочимъ и съ мотивомъ, который онъ презюмировалъ по теоріи вѣроятности; такія посягательства какъ ростовщичество, нарушеніе довѣрія и мошенническія биржевыя спекуляціи наказуются въ менѣе серьезныхъ случаяхъ крупнымъ денежнымъ штрафомъ, а въ болѣе серьезныхъ—не тюрьмой, а цухтгаузомъ; цухтгаузъ же назначенъ за мошенничество, банкротство, вымогательство, пристанодержательство и пр., независимо отъ размѣровъ извлеченной незаконной выгоды, т. е. во всѣхъ этихъ случаяхъ видно явное вниманіе къ мотиву, каковымъ предполагается корысть; та же идея сказалась во введеніи оригинальнаго наказанія,—запрещенія посѣщать питейные дома для лицъ, совершившихъ преступленіе вслѣдствіе чрезмѣрнаго злоупотребленія спиртными напитками; эта мѣра можетъ быть назначена и въ качествѣ дополнительнаго наказанія (art. 25, п. 1, испр. 27).

Вообще при организаціи дополнительныхъ наказаній обращено самое широкое вниманіе на мотивъ, особенно же это сказалось въ правилахъ о правоограниченіи (art. 29—33, испр. 32—35). Проэктъ не знаетъ чего либо подобнаго „лишенію всѣхъ правъ состоянія": онъ говоритъ лишь о лишеніи почетныхъ правъ гражданина (Entziehung der bürgerlichen Ehrenfähigkeit), но и это дополнительное нака-

заніе 1) всегда срочно, 2) въ первоначальномъ проэктѣ допускалось лишь по отношенію къ упорнымъ рецидивистамъ и лицамъ, приговореннымъ къ цухтгаузу, и 3) хотя въ исправленномъ проэктѣ допускается и при назначеніи тюрьмы, но лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ; обозрѣніе же особенной части проэкта показываетъ намъ, что эти случаи чрезвычайно рѣдки и что здѣсь законодатель смотритъ главнымъ образомъ на мотивъ корысти (напримѣръ, злостное банкротство, art. 87 испр.). Въ отдѣльности проэктъ знаетъ: 1) лишеніе должности, если виновный своимъ дѣяніемъ покажетъ, что онъ ея недостоинъ, и срочное лишеніе права занимать служебныя должности вообще, 2) если виновный, совершивъ преступленіе, грубымъ образомъ нарушилъ обязанности профессіи, ремесла или торговли и можно предполагать опасность дальнѣйшихъ злоупотребленій съ его стороны,—ему на срокъ запрещается осуществленіе указанной дѣятельности и 3) если преступленіе показываетъ, что виновный недостоинъ пользоваться родительской или опекунской властью, то онъ можетъ быть лишенъ этой власти на срокъ отъ 1 до 5 лѣтъ. Ясно, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ въ число критеріевъ для судьи при рѣшеніи вопроса—назначать или нѣтъ ограниченіе правъ, войдетъ и критерій мотивовъ, который, завѣдомо для судьи, законодатель энергично выдвигаетъ впередъ.

Наконецъ, и при организаціи другихъ дополнительныхъ наказаній сказалось то же вниманіе къ мотиву. Прежде всего, проэктъ разрѣшаетъ по отбытіи тюремнаго заключенія (первоначальный проэктъ говорилъ въ этихъ случаяхъ о замѣнѣ тюремнаго заключенія, что болѣе цѣлесообразно) помѣщать въ лѣчебницы для алкоголиковъ тѣхъ лицъ, которыя впали въ преступленіе вслѣдствіе привычнаго пьянства; эта же мѣра можетъ быть примѣнена судомъ и къ лицамъ, оправданнымъ по невмѣняемости (art. 25, испр. 28).

То же вниманіе къ мотиву сказывается и при назначеніи рабочаго дома, который можетъ быть назначенъ вмѣсто тюрьмы или въ видѣ дополнительнаго къ ней наказанія на срокъ отъ 1 до 3 лѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе проистекаетъ отъ безпутства или отвращенія къ работѣ (art. 26, испр.). Наконецъ, въ весьма большомъ числѣ случаевъ назначается дополнительное денежное наказаніе и иногда весьма высокое, если мотивомъ преступленія была корысть, а также если преступленіе обращено въ промыселъ, т. е. виновный обнаружилъ упорныя антисоціальныя наклонности; послѣднее главнымъ образомъ имѣетъ мѣсто тогда, когда законодатель презюмируетъ тотъ же мотивъ корысти. Сюда относятся: пособничество при вытравленіи плода вообще, а со стороны спеціалиста—въ особенности (art. 56 испр.); поставленіе человѣка въ опасность, особенно если она возникла по небрежности строителя зданія (art. 59—60 испр.); фальсификація пищевыхъ продуктовъ (art. 83 испр.), ростовщичество, корыстное или промышленное сводничество и сутенерство (art. 84, 116 испр.) и т. п. Неосторожное убійство и неосторожныя тѣлесныя поврежденія наказуются тюрьмой, но, если неосторожность или небрежность проистекали изъ корысти, то допускается дополнительное денежное наказаніе (art. 61 и 69 испр.); оно же можетъ имѣть мѣсто при разглашеніи тайнъ въ подрывъ кредиту, при безчестной конкуренціи съ помощью коварныхъ и гнусныхъ уловокъ, при нарушеніи профессіональной тайны, тайны какой либо фабрикаціи, неприкосновенности частной корреспонденціи и т. д. (art. 134, 80, 95 испр, и др.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ мотивъ корысти или презюмируется или прямо указывается.

Какъ видимъ, мысль о громадной важности мотива красной нитью проходитъ черезъ весь швейцарскій проэктъ и кладетъ на него свой отпечатокъ; эту мысль проэктъ про-

возгласилъ прямо и открыто и она легла въ основу многихъ его опредѣленій, но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ проэктъ руководствовался другими соображеніями, (напримѣръ, при отмѣнѣ смертной казни и абсолютно-опредѣленныхъ наказаній) его правила способствуютъ торжеству идеи индивидуализаціи наказанія вообще и такимъ образомъ косвенно отражаются на теоріи мотивовъ. —

Столь же лестные отзывы, какъ и швейцарскій проэктъ, стяжалъ себѣ проэктъ норвежскій [1]), отзывъ о которомъ такого знатока какъ проф. Lammasch мы уже цитировали. Проэктъ этотъ (Udkast til almindelig borgerlig Straffelov for Kongeriget Norge) былъ законченъ и явился въ свѣтъ въ 1896 году; онъ представляетъ собою результатъ долговременной подготовительной работы, ибо составлявшая его редакціонная коммиссія начала свою дѣятельность 14 ноября 1885 года. За это же время по болѣе неотложнымъ вопросамъ коммиссіей было выработано нѣсколько сепаратныхъ проэктовъ, (напримѣръ, солидно мотивированный и весьма широко разработанный проэктъ мѣръ относительно дѣтей преступныхъ и лишенныхъ попеченія) и эти проэкты уже получили силу закона.

Предсѣдателемъ и душой коммиссіи съ начала и до конца ея работъ былъ извѣстный норвежскій юристъ, оберъ-прокуроръ высшаго суда, бывшій профессоръ, Гетцъ, который оказалъ главное вліяніе на направленіе работъ и уже къ 1886 году обработалъ предварительный проэктъ общей части съ весьма солидной мотивировкой. Всѣ отдѣлы проэкта уложенія нѣсколько разъ за истекшій 10-лѣтній періодъ были переработаны, и теперешняя редакція является окончательной.

---

[1]) Samml. ausserdeutsch. Strafges., № 11, Norw. Entw. S.-R. u U.; Lammasch, Norw. Entw., Z., B. 14, s. 510 ff.; Lepelletier, Projet Norw., R. P., 1896, 5; N. N., Sittlich. Gesetzb., Els., 1897, № 116—118.

Вообще относительно проэкта необходимо сказать, что языкъ его простъ и ясенъ, построеніе отдѣльныхъ институтовъ чуждо презумпцій и схоластики, система наказаній весьма несложна, а главное—проэктъ въ значительной мѣрѣ сообразжается съ этическими свойствами преступныхъ дѣяній и съ требованіями безостановочно прогрессирующей жизни. Что въ частности проэктъ отнесется со вниманіемъ къ мотиву преступленія,—это можно уже предвидѣть на основаніи изложеннаго нами его общаго направленія, но особенно это видно изъ выставленнаго въ мотивахъ къ проэкту принципа (см. Lammasch, s. 512) „избѣгать всего того, что можетъ разрушать или ослаблять ту взаимную связь (Zusammenwirken) права и морали, которая наиболѣе содѣйствуетъ прочности и мощи правопорядка".

И въ самомъ дѣлѣ, пониманіе важности моральнаго элемента въ правѣ вообще, а мотива въ частности—проявилось въ томъ, что проэктъ въ цѣломъ рядѣ статей считается съ нарушеніями этическихъ обязанностей; затѣмъ, дѣянія менѣе отталкивающія, а также дѣянія, мотивъ которыхъ заслуживаетъ вниманія, проэктъ выдѣляетъ изъ состава преступленій, которыя по народнымъ правовоззрѣніямъ являются позорящими; въ исключительныхъ случаяхъ эти дѣянія остаются безнаказанными, обыкновенно же облагаются меньшимъ наказаніемъ. Далѣе, проэктъ обращаетъ особенное вниманіе на борьбу съ преступленіями, проистекающими изъ нежеланія работать, привычки или корыстныхъ побужденій, а особенно съ тѣми случаями, которые, по прекрасному замѣчанію Ляммаша, представляютъ изъ себя безнравственное и противоправное проявленіе той силы, которою обладаютъ по отношенію къ малоимущимъ владѣтели капитала и кредита.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на самыхъ статьяхъ закона, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о мотивахъ.

Начнемъ со случаевъ, когда законъ, во вниманіе къ мо-

тиву освобождаетъ виновнаго отъ наказанія. Сюда относятся: 1) превышеніе предѣловъ необходимой обороны, когда оно произошло благодаря вызванному нападеніемъ волненію или испугу (§ 48, 4); 2) т. наз. thätige Reue (§ 59); 3) ошибка фактическая, а иногда и *юридическая* (§ 56); 4) если наказаніе—только штрафъ, то могутъ быть совершенно освобождены отъ него тѣ участники дѣянія, которые дѣйствовали лишь благодаря своей зависимости отъ кого либо другаго (§ 58); 5) отъ наказанія за дачу ложнаго показанія безъ присяги освобождается обвиняемый въ уголовномъ дѣлѣ, а также тотъ, кто правдивымъ показаніемъ подвелъ бы подъ наказаніе или лишилъ бы общественнаго уваженія (der bürgerlichen Achtung) себя или близкое себѣ лицо (§ 167); 6) можетъ быть оставлено безнаказаннымъ тѣлесное поврежденіе, если оно было вызвано также тѣлеснымъ поврежденіемъ или оскорбленіемъ (§ 228, п. 3); 7) можетъ быть оставлено безнаказаннымъ покушеніе на убійство матерью своего незаконнаго ребенка (§ 234, п. 3); 8) освобождаетъ отъ отвѣтственности за нетяжкія посягательства на тѣлесную неприкосновенность—согласіе пострадавшаго (§ 235); 9) можетъ быть оставлено безъ наказанія оскорбленіе, если оно было вызвано непристойнымъ обхожденіемъ потерпѣвшаго (§ 250), а также опозореніе, если виновный дѣйствовалъ in gutem Glauben (§ 249); это правило примѣняется и къ преступленіямъ, совершеннымъ путемъ печати (§§ 322—324); 10) многія дѣянія, какъ напримѣръ, неподача медицинской помощи, оставленіе на берегу пассажира, распространеніе ложныхъ слуховъ, отказъ сдѣлавшаго предложеніе лица жениться на забеременѣвшей отъ него женщинѣ (§ 210 ff, 388, 348, 306),—наказуются только въ томъ случаѣ, если они учинены злонамѣренно или безъ достаточнаго, справедливаго основанія (wider besseres Wissen, ohne triftigen Grund, ohne billigen Grund u. s. w.).

Кромѣ этихъ случаевъ, предусматривающихъ большее, чѣмъ въ другихъ кодексахъ количество дѣяній, норвежскій проэктъ обращаетъ вниманіе на мотивъ при выборѣ рода наказанія. Въ проэктѣ чрезвычайно развита система параллельныхъ наказаній, такъ что судья можетъ, считаясь съ мотивомъ, выбрать то наказаніе, которое болѣе подходитъ. Вниманіе къ мотиву со стороны законодателя выразилось въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, которые обыкновенно указываютъ на мотивы, заслуживающіе вниманія, а равно и въ тѣхъ случаяхъ, когда антисоціальный мотивъ отсутствуетъ (напримѣръ, при дѣяніяхъ неосторожныхъ),—онъ избѣгалъ назначенія тюрьмы; допуская, напримѣръ, тюрьму для случаевъ грубой небрежности и для случаевъ съ тяжкими послѣдствіями, обычно законодатель ограничивается угрозой альтернативно арестомъ или штрафомъ; если же (§ 238) за неосторожное убійство положена тюрьма, то и здѣсь сдѣлано добавленіе, что при смягчающихъ обстоятельствахъ она замѣняется штрафомъ. Далѣе, часто допускается выборъ между тюрьмой и денежнымъ наказаніемъ даже при имущественныхъ преступленіяхъ, напримѣръ, въ случаяхъ мелкихъ кражъ (которыя законодатель называетъ не Diebstal, а Mauserei), особенно же если похищается что либо нужное для пропитанія, т. е. гдѣ мотивъ—нужда, а не корысть (§ 261),

Затѣмъ, въ рядѣ статей въ качествѣ нормальнаго наказанія указана тюрьма, но если имѣются на лицо смягчающія или особо смягчающія обстоятельства,—то можетъ быть назначено денежное наказаніе. Что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ законодатель желалъ, чтобы судья считался съ мотивомъ,—видно между прочимъ изъ опредѣленій общей части, которыя нами далѣе будутъ разобраны.

Система наказаній проэкта очень проста. Въ качествѣ главныхъ наказаній онъ знаетъ только тюрьму, штрафъ и арестъ (§ 15). Но арестъ норвежскаго проэкта совсѣмъ не

то, что арестъ въ другихъ законодательствахъ; это не только краткосрочное лишеніе свободы за маловажныя дѣянія, это—наказаніе, которое можетъ назначаться и на долгій срокъ (отъ 21 дня до 20 лѣтъ),—это custodia honesta въ полномъ смыслѣ этого слова. Такой характеръ ареста безспорно вытекаетъ изъ опредѣленія закона (§ 24), въ силу котораго, если за дѣяніе въ качествѣ единственнаго наказанія назначена тюрьма, то можетъ быть назначенъ на соотвѣтствующій срокъ арестъ, поскольку особыя связанныя съ дѣломъ обстоятельства даютъ возможность заключить, что дѣяніе возникло не изъ безчестнаго настроенія. Законодатель не желалъ, чтобы преступники, дѣяніе которыхъ не заключаетъ въ себѣ безчестнаго мотива, шли въ тюрьму; поэтому онъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ далъ судьѣ возможность назначать вмѣсто тюрьмы денежное наказаніе; затѣмъ, въ случаяхъ, когда законодатель предполагалъ, что обычный мотивъ антимораленъ и антисоціаленъ, онъ назначилъ тюрьму, но открылъ въ то же время судьѣ возможность замѣнять ее арестомъ, если жизнь покажетъ, что предположеніе законодателя было ошибочнымъ. Неизвѣстно только —можно ли замѣнять пожизненную тюрьму (§ 100); если нѣтъ, то это единственное изъятіе.

Равнымъ образомъ законодатель считался съ мотивомъ и при выборѣ другихъ родовъ наказанія; онъ установилъ, напримѣръ, чрезвычайно высокій maximum штрафа для воздѣйствія на субъектовъ, дѣйствующихъ по корыстнымъ мотивамъ, и безусловно запретилъ замѣнять тюрьму штрафомъ при преступленіяхъ противъ тѣлесной неприкосновенности въ такихъ случаяхъ, которые указываютъ на особую жестокость или звѣрство дѣятеля (§ 234).

Далѣе, въ рядѣ статей допущенъ выборъ между тюрьмой и арестомъ, а также между тюрьмой и денежнымъ наказа-

ніемъ, или даже между тремя указанными наказаніями; особенно развитъ этотъ порядокъ при преступленіяхъ политическихъ, при преступленіяхъ противъ порядка управленія и противъ общественнаго порядка и спокойствія. Такъ, за преступленія против международнаго права, создающія опягность войны, наказаніемъ является арестъ, а при особо отягчающихъ обстоятельствахъ — тюрьма (§ 85); арестъ же назначенъ за всякаго рода посягательства и неправильныя дѣйствія при выборахъ (§§ 107 и 105), если только не было корыстнаго мотива; тюрьма назначена за важнѣйшія политическія преступленія (но не исключена возможность замѣны ея арестомъ по § 24), при менѣе же важныхъ—выборъ наказанія принадлежитъ судьѣ (§§ 83—147). То же самое и при преступленіяхъ въ печати (§§ 322—324), гдѣ судьѣ предоставлена возможность выбирать родъ наказанія отъ тюрьмы до денежнаго штрафа, и гдѣ имѣетъ примѣненіе и § 249. Наконецъ, во многихъ случаяхъ выборъ рода наказанія принадлежитъ судьѣ при преступленіяхъ служебныхъ и даже при преступленіяхъ имущественныхъ.

Теперь мы должны разсмотрѣть, насколько законодатель предоставилъ судьѣ возможность считаться съ мотивомъ при опредѣленіи мѣры наказанія, и какія въ этомъ отношеніи онъ самъ даетъ опредѣленія. По общему правилу судья долженъ вращаться, опредѣляя наказаніе, въ рамкахъ maxim'а и minim'а, установленныхъ въ законѣ, но такъ какъ эти рамки чрезвычайно широки, то значитъ судьѣ предоставлена весьма широкая возможность считаться съ мотивомъ преступнаго дѣянія. Поэтому законодателю не было надобности предоставлять судьѣ неопредѣленное право давать снисхожденіе; законодатель ограничился тѣмъ, что при многихъ преступленіяхъ разрѣшилъ судьѣ, если имѣются смягчающія или особо смягчающія обстоятельства, выходить за предѣлы указаннаго въ данномъ случаѣ minim'а, а иногда даже и

переходить къ болѣе мягкому роду наказанія (§§ 238, 182, 188, 206, 220, 221, 235 и др.). Законодатель только въ исключительныхъ случаяхъ указывалъ примѣры: такъ, въ примѣръ особо смягчающаго обстоятельства при подлогѣ указанъ случай, когда кто либо поддѣлываетъ доказательство въ защиту правильнаго требованія или для отраженія неправильнаго требованія (§ 182, п. 2), или когда кто либо при такихъ же обстоятельствахъ переноситъ пограничный камень или другой обозначительный признакъ (§ 188, ср. еще 176, п. 2 и др.). Точно также, если кто нибудь съ согласія пострадавшаго причинитъ ему тяжкое тѣлесное поврежденіе, разстройство здоровья или смерть, или если кто нибудь лишитъ жизни безнадежнаго больнаго изъ состраданія (даже безъ его согласія), то судьѣ предоставлено право не только выходить за предѣлы minim'а, но и переходить къ болѣе мягкому роду наказанія (§ 235).

Далѣе, такое же право судья имѣетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ ему предоставляетъ при наличности особыхъ обстоятельствъ освобождать отъ наказанія (юридическая ошибка, провокація, дача ложнаго показанія въ пользу родственника и пр., о чемъ мы уже говорили); разъ такихъ особыхъ обстоятельствъ нѣтъ, наступаетъ смягченное наказаніе (§§ 249, 250, 234, 228 п. 3, 167 и др.).

Въ виду изложенныхъ соображеній, а главнымъ образомъ въ виду частаго упоминанія въ особенной части о смягчающихъ и особо смягчающихъ обстоятельствахъ, мы не придаемъ исчерпывающаго значенія постановленіямъ тѣхъ статей общей части, которыя говорятъ о смягченіи наказанія (§§ 56 и 57) и указываютъ на превышеніе необходимой обороны, праведный гнѣвъ (berechtigte Zorn), ошибку, недоразвитіе, аффектъ, эксцессы при крайней необходимости и пр. По нашему мнѣнію судья не можетъ выходить за предѣлы minim'а лишь тамъ, гдѣ не сказано о смягчающихъ

обстоятельствахъ. тамъ же, гдѣ законъ о нихъ упоминаетъ, судья можетъ признавать ихъ наличность и внѣ указаній §§ 56 и 57, иначе совершенно непонятнымъ было бы, зачѣмъ законодатель, давъ въ общей части исчерпывающее опредѣленіе, возвращается къ тому же вопросу въ особенной части.

Намъ остается сказать о возвышеніи наказанія. Здѣсь норвежскій проэктъ содержитъ оригинальныя опредѣленія до неопредѣленныхъ приговоровъ включительно.

Особенное вниманіе обращено на мотивъ корыстный. Онъ является квалифицирующимъ при злоупотребленіяхъ на выборахъ (§ 106), при преступленіяхъ по должности (§§ 111, 112, 119, 120 п. 2), при подстреканіи кого либо бросить службу на кораблѣ (§ 303, п. 2) и др.

Обычна также квалификація во вниманіе къ мотиву, если виновный дѣйствовалъ по привычкѣ, или если преступленіе возникло благодаря его особому коварству, жестокости и т. п.

Квалификація можетъ заключаться не только въ увеличеніи наказанія. Судъ можетъ, между прочимъ соображаясь и съ мотивомъ, приговаривать виновнаго на весь срокъ или на часть его къ болѣе суровому виду тюремнаго заключенія (geschärftes Gefängniss); къ женщинамъ и недостигшимъ 18 лѣтъ это наказаніе не примѣняется; болѣе строгій режимъ заключается въ томъ, что виновный можетъ въ теченіе извѣстнаго періода быть посаженъ до 20 дней на хлѣбъ и на воду или до 30 дней вынужденъ спать на твердыхъ доскахъ (§§ 18 и 19).

Но особенно интереснымъ является то опредѣленіе проэкта, что при совершеніи кѣмъ либо многихъ немаловажныхъ преступленій, судъ имѣетъ право поставить присяжнымъ вопросъ, можно ли, основываясь на свойствѣ преступленія, *лежащихъ въ его основѣ мотивовъ или проявившагося въ немъ общаго настроенія*, признать виновнаго особо опаснымъ для

общества или же для жизни, здоровья или имущества какого либо лица.

При утвердительномъ отвѣтѣ судъ, опредѣляя виновному срокъ наказанія, можетъ также постановить, чтобы виновный и по отбытіи этого срока былъ удержанъ въ карательномъ учрежденіи, поскольку это окажется необходимымъ, но не свыше какъ на время, втрое превышающее срокъ его заключенія, и во всякомъ случаѣ не болѣе какъ на 15 лѣтъ. Вопросъ о томъ, имѣется ли такая небходимость, сколько времени держать виновнаго и когда освободить его условно, рѣшаетъ особая коммиссія (Entwurf zum Gesetz über die Vollstreckung der Freiheitstrafen, § 24). Такимъ образомъ, вопросъ о правѣ суда назначать неопредѣленные приговоры, рѣшенъ проэктомъ утвердительно, но примѣненіе этой мѣры поставлено въ прямую зависимость отъ свойства мотивовъ виновнаго и отъ его поведенія въ заключеніи.

Такое же вниманіе къ мотивамъ выражается и въ постановленіяхъ о дополнительныхъ наказаніяхъ. Во-первыхъ, судъ можетъ въ приговорѣ воспретить виновному жить или находиться въ извѣстномъ мѣстѣ, если онъ усмотритъ изъ самого дѣянія *или изъ его мотива*, что пребываніе виновнаго въ этомъ мѣстѣ связано съ особой опасностью для какого либо лица или имущества (§ 33). Затѣмъ, хотя проэктъ и не знаетъ дополнительныхъ денежныхъ наказаній, но онъ указываетъ на сходный способъ противодѣйствія корыстнымъ мотивамъ: при корыстныхъ преступленіяхъ суду предоставляется право взыскивать съ преступника то, что онъ пріобрѣлъ отъ преступленія, или соотвѣтствующую пріобрѣтенной выгодѣ сумму денегъ; при привычной преступной дѣятельности разрѣшается опредѣлять сумму взысканія, соображаясь съ выгодами не отдѣльнаго дѣянія, а всей дѣятельности вообще. Взысканіе можетъ быть направлено и на то лицо, въ интересахъ котораго было учинено преступленіе (§ 36).

Считается съ мотивомъ проэктъ и въ организаціи правоограниченій. Объемъ ихъ вообще невеликъ; сюда входятъ: 1) потеря публичной должности; 2) лишеніе на извѣстный срокъ права занимать публичныя должности и пользоваться въ общественныхъ дѣлахъ правомъ голоса; 3) лишеніе безъ срока или на срокъ до 5 лѣтъ права быть адвокатомъ, врачемъ, аптекаремъ, пасторомъ, директоромъ учебнаго заведенія и т. д. и 4) лишеніе права осуществлять какую либо опредѣленно указываемую въ приговорѣ профессію или ремесло. Между прочимъ, при арестѣ на какой бы то ни было срокъ лишеніе правъ, указанныхъ въ первыхъ двухъ пунктахъ, допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный является неспособнымъ къ извѣстной должности или недостойнымъ пользоваться извѣстными правами, а лишеніе правъ, указанныхъ въ третьемъ пунктѣ, вообще допускается лишь тогда, если судья приходитъ къ убѣжденію, что виновный не заслуживаетъ довѣрія или ненадеженъ. Такимъ образомъ, правопораженіе при деликтахъ, наказываемыхъ арестомъ, (а мы знаемъ, что такое наказаніе главнымъ образомъ назначается изъ вниманія къ мотивамъ)—факультативно и можетъ примѣняться лишь въ исключительныхъ случаяхъ; факультативно оно и почти всегда.

Наконецъ, значительное вниманіе къ мотиву выразилось въ выработанномъ отдѣльно отъ уложенія проэктѣ мѣръ борьбы съ бродяжествомъ, нищенствомъ и пьянствомъ, на который имѣются ссылки въ проэктѣ уложенія (Entw. Norw., übers. R. u U., Anhang). Норвежскій проэктъ не пошелъ очень далеко въ примѣненіи рабочаго дома: онъ допускаетъ отдачу въ рабочій домъ только нищихъ, бродягъ и пьяницъ. При этомъ за нищенство караются только работоспособныя лица, если прошеніе милостыни *происходитъ отъ нежеланія работать;* такихъ лицъ законъ разрѣшаетъ, по отбытіи ими тюремнаго заключенія или вмѣсто него, помѣщать въ рабочій домъ; во-

обще (§§ 1—11) въ законѣ главнымъ образомъ имѣются въ виду нищенство и бродяжество, происходящія отъ отвращенія къ труду (Arbeitsscheue), но наказаніе не распространяется на тѣ случаи, когда кто либо проситъ милостыню, побуждаемый нуждой, которую онъ не могъ предотвратить (von einem unvorgesehenen Notstand, § 12). Предусмотрѣно и помѣщеніе привычныхъ пьяницъ въ особыя отдѣленія рабочихъ домовъ или въ лѣчебницы.

Таковы въ общихъ чертахъ постановленія норвежскаго проэкта, относящіяся къ вопросу о мотивахъ. Данное законодательство пошло далѣе всѣхъ другихъ и, установивъ принципіальную точку зрѣнія на значеніе въ уголовномъ правѣ моральнаго элемента вообще и мотива преступной дѣятельности въ частности, послѣдовательно и почти безъ отступленій провело эту точку зрѣнія во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ. Оно чуждо неустойчивости, чуждо желанія стѣснить судью и напередъ установленной регламентаціей предрѣшить для каждаго частнаго случая оцѣнку мотивовъ, чуждо предвзятаго взгляда, въ силу котораго въ другихъ законодательныхъ трудахъ, при совершеніи болѣе тяжкихъ съ объективной точки зрѣнія преступленій, значеніе мотива отодвигается на второй планъ или даже совсѣмъ устраняется. —

Теперь мы должны приступить къ русскому проэкту уголовнаго уложенія, первая редакція котораго вышла въ 1885, а вторая—въ 1895 году [1]). Мы отнесли этотъ проэктъ къ группѣ наиболѣе прогрессивныхъ въ смыслѣ мотива законодательствъ, но при этомъ сдѣлали оговорку, ибо мы сами сознаемъ, что такое отнесеніе не совсѣмъ правильно. Дѣло въ томъ, что объяснительная записка къ общей ча-

[1]) Пр. Уг. Ул. 1895 г. съ объясн. зап.; Garçon, Projet russe, R. P., 1896, 4, p. 414 ff.; Пржевальскій, Проэктъ, Ж. Ю. О., 1896, 12.

сти проэкта выставляетъ настолько широкія принципіальныя положенія въ смыслѣ признанія важности мотива для репрессіи, что этимъ проэктъ значительно опережаетъ разсмотрѣнныя нами законодательства второй группы и вполнѣ заслуживаетъ отнесенія его въ третью группу; а съ другой стороны—практическое осуществленіе указанныхъ принциповъ является столь робкимъ и нерѣшительнымъ, что проэктъ въ этомъ смыслѣ необходимо признать совершенно отсталымъ, а слѣдовательно—отнести ко второй, а не третьей группѣ. Мы отнесли его къ третьей группѣ по практическимъ соображеніямъ, ибо удобнѣе обозрѣвать отечественное законодательство, уже имѣя передъ глазами матеріалъ для сравненія въ видѣ иностраннаго законодательства.

Прежде всего, проэктъ рѣшительно выставляетъ положеніе, что между дѣйствующимъ по соціальнымъ и антисоціальнымъ мотивамъ разница весьма велика, и что, поэтому, дѣянія, вызванныя мотивами первой категоріи, должны обсуждаться иначе и подлежать наказаніямъ иной юридической природы; такими наказаніями и являются поселеніе и заточеніе, тогда какъ къ преступникамъ, дѣйствующимъ по антисоціальнымъ мотивамъ, должны примѣняться каторга, исправительный домъ и тюрьма. Редакторы прямо указываютъ, что выбора мѣры наказанія — недостаточно, ибо необходимъ выборъ рода наказанія; они говорятъ: „хотя съ теоретической точки зрѣнія безчестіе и позоръ должно класть на виновнаго не наказаніе, а совершенное имъ преступленіе, его обстановка, побужденія и условія, его вызывающія, но въ дѣйствительной жизни постановка вопроса измѣняется. Преступленіе остается извѣстнымъ суду и немногимъ лицамъ, но оно забывается всѣми другими, а фактъ пребыванія въ томъ или иномъ мѣстѣ заключенія сохраняетъ надолго свое значеніе для наказаннаго“.

Отсюда выводится необходимость особыхъ родовъ нака-

занія для лицъ, „которыхъ несправедливо было бы смѣшивать съ общими преступниками“. Редакторы прекрасно сознають, что „по соображенію свойствъ и цѣли карательныхъ мѣръ, государство не должно забывать, что существують преступныя дѣянія, по отношенію къ коимъ государственная безопасность требуетъ долгосрочнаго лишенія свободы“.... но эти дѣянія, „хотя и заключаютъ въ себѣ иногда весьма тяжкія нарушенія закона, причиняютъ существенный вредъ и сопряжены съ значительною даже опасностью для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выказываютъ ни особой испорченности, ни особой безнравственности виновнаго, а болѣе свидѣтельствуютъ объ его неумѣніи подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона“. Въ другомъ мѣстѣ редакторы прямо говорятъ о дѣяніяхъ, „не обнаруживающихъ порочной нравственности, а истекающихъ изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма“. Всѣ такого рода дѣянія требуютъ особыхъ мѣръ, и редакторы проэкта безъ колебаній заявляютъ, что „помѣщеніе учинившихъ оныя въ общія тюрьмы, съ примѣненіемъ общаго режима, *было бы ничьмъ неоправдываемою жестокостью*“ [1]).

Вотъ полное и блистательно обоснованное требованіе считаться съ индивидуальностью преступника вообще и съ мотивомъ его дѣянія въ частности; немудрено, что проф. Гарсонъ, знакомый (какъ и всѣ иностранные криминалисты) только съ общей частью проэкта и съ объяснительной къ ней запиской, пропѣлъ настоящій дифирамбъ проэкту, поставилъ его наряду съ швейцарскимъ и заявилъ, что относительно вниманія къ мотивамъ проэктъ „вступаетъ твердымъ шагомъ на путь прогресса, который уже вездѣ близокъ къ осуществленію“ [2]).

---

1) Пр., Об. Зап., стр. 27—28, 32, 161, 169—170.

2) Garçon, Projet russe, R. P., 1896, 4, p. 417 и др.

Но совершенно другая картина открывается передъ нами, когда мы раскрываемъ особенную часть проэкта. Какъ справедливо замѣтилъ и убѣдительно доказалъ Пржевальскій, „благія намѣренія редакціонной коммиссіи... осуществились въ весьма слабой мѣрѣ. Въ этомъ вопросѣ (т. е. вопросѣ о мотивахъ) особенная часть проэкта сплошь и рядомъ расходится совершенно съ тѣмъ, что коммиссіей изложено въ ея „объясненіяхъ" къ общей части; объ нихъ какъ бы забыли при составленіи многихъ отдѣловъ особенной части." [1])

И въ самомъ дѣлѣ, проэктъ знаетъ custodia honesta, но чуть не на каждомъ шагу въ особенной части избѣгаетъ примѣненія этого рода наказанія къ тѣмъ преступленіямъ, къ которымъ оно должно было бы примѣняться во вниманіе къ мотиву, если бы редакторы помнили свои же принципіальныя положенія. Мы можемъ указать, что при всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ преступленіяхъ (ст. 60—65 и др.) положена или смертная казнь или каторга, причемъ, напримѣръ, на одну доску поставлены—шпіонство и предательство съ одной стороны, а съ другой—посягательства на образъ правленія, хотя послѣднее преступленіе является чисто политическимъ даже съ той точки зрѣнія, которая усвоена редакторами проэкта, и отнюдь не служитъ свидѣтельствомъ низости и безнравственности мотивовъ виновнаго. Аналогичный фактъ замѣчается и въ области посягательствъ на вѣру и ограждающіе ее законы; тюрьмою наказуется богохуленіе, если оно было вызвано неразуміемъ, невѣжествомъ или пьянствомъ, во многихъ же другихъ случаяхъ, независимо отъ мотива, наказаніемъ является каторга (ст. 328), которой, слѣдовательно, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ подвер-

---

[1]) Пржевальскій, Проэктъ, Ж. Ю. О., 1896, 12, стр. 33—36.

гнуться, напримѣръ, лицо, произнесшее богохульственныя слова въ отчаяніи, подъ градомъ незаслуженныхъ ударовъ судьбы; исправительнымъ домомъ наказуется совращеніе въ нехристіанскую вѣру, а совращеніе изъ православія въ другую христіанскую вѣру наказуется заточеніемъ, хотя ясно и очевидно, что мотивъ совратителя и его общее настроеніе въ томъ и другомъ случаѣ могутъ быть совершенно одинаковыми (ст. 337 и 338); далѣе, въ полномъ противорѣчіи съ сознаніемъ важности мотива находится устанавливаемый проэктомъ способъ наказуемости многихъ случаевъ смуты и сопротивленія власти (ст. 100, 103 и др.), а также примѣненіе тюрьмы къ такимъ дѣяніямъ, какъ постройка, перестройка или поправка раскольничьяго молитвеннаго дома (ст. 211), стачка рабочихъ (ст. 278) и мн. др.

А съ другой стороны, проэктъ примѣняетъ иногда custodia honesta къ дѣяніямъ, вытекающимъ изъ самыхъ безнравственныхъ и антисоціальныхъ мотивовъ; сплошь и рядомъ назначается заточеніе за самыя разнообразныя преступленія по службѣ, совершаемыя, какъ прямо указываетъ самъ законодатель, „по корыстному или иному несовмѣстимому съ долгомъ службы побужденію“ (ст. 540, 541, 560, 578 и др.); здѣсь проэктъ, преслѣдуя задачу охранить такъ назыв. „престижъ власти“, вступаетъ на путь, по которому, какъ мы уже знаемъ, раньше него пошелъ италіанскій кодексъ; но этого своего предшественника проэктъ оставляетъ далеко за флагомъ въ дѣлѣ пренебреженія къ мотиву, разъ рѣчь идетъ о должностныхъ лицахъ.

Особенно же яркимъ примѣромъ такого пренебреженія въ другихъ случаяхъ является ст. 515: не только ускользаютъ отъ исправительнаго дома, но даже къ тюрьмѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приговорены лица, „занимающіяся скупкой хлѣба у крестьянъ, виновные въ пріобрѣтеніи у нихъ по несоразмѣрно низкой цѣнѣ хлѣба на корню, снопами

или зерномъ, *воспользовавшись для сего заведомо крайне тягостнымъ положеніемъ продавца*"; такимъ образомъ эксплуатація темнаго люда хищниками, дѣйствующими изъ алчности и корысти, является своего рода привиллегированнымъ дѣяніемъ.

Столь же явная невыдержанность принципіальной точки зрѣнія замѣчается и въ организаціи замѣняющихъ и дополнительныхъ наказаній. Ни рабочихъ домовъ, ни специальныхъ заведеній для алкоголиковъ, ни условнаго осужденія, т. е. цѣлаго ряда важныхъ мѣръ, примѣненіе которыхъ вызывается вниманіемъ къ мотиву, проэктъ вовсе не знаетъ; что же касается дополнительнаго денежнаго наказанія, то проэктъ хотя и назначаетъ его во вниманіе къ мотиву корысти, но назначаетъ крайне рѣдко и безъ всякой послѣдовательности; такъ, какъ бы ясно ни было видно изъ дѣла, что преступленіе вытекаетъ изъ ненасытной алчности виновнаго, судьѣ не предоставлено права назначать дополнительное денежное наказаніе ни при злоупотребленіи довѣріемъ, ни при кражѣ, ни при мошенничествѣ, ни даже при такихъ дѣяніяхъ, какъ вымогательство, злостное банкротство, сельское ростовщичество и устройство игорнаго дома для запрещенной игры (ст 483 и сл., 490 и сл., 497 и сл., 504 -505, 514 и др.). Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ законъ допускаетъ назначеніе дополнительнаго денежнаго наказанія, maximum этого наказанія столь малъ и столь не соотвѣтствуетъ принятымъ на основаніи опыта нормамъ западно европейскихъ кодексовъ и проэктовъ [1]), что и рѣчи не можетъ быть о воздѣйствіи путемъ угрозы такимъ наказаніемъ на корыстные инстинкты виновныхъ. Такъ, едва

---

[1]) Примѣчаніе: аналогичнымъ недостаткомъ страдаютъ и статьи, въ которыхъ денежный штрафъ указанъ не какъ дополнительное, а какъ прямое наказаніе (ст. 202, 207, 235 -237, 248—252 и др.).

ли можно бороться съ ростовщичествомъ, позволивъ суду присоединять къ тюрьмѣ денежное взысканіе не свыше 500 руб. (ст. 513), или ослабить взяточничество и вымогательство, предписывая отбирать у виновнаго „даръ" или „при неимѣніи его на лицо — взыскивать стоимость онаго" (ст. 564—570).

Въ организаціи праволишеній также замѣчается несообразность: поселеніе по мысли редакторовъ проэкта предназначается исключительно для лицъ, дѣянія которыхъ не были вызваны низкими, антисоціальными мотивами, а между тѣмъ оно *обязательно* соединяется съ лишеніемъ служебныхъ, сословныхъ и почетныхъ правъ въ самомъ широкомъ объемѣ (почти такомъ же какъ и при каторгѣ) и при томъ навсегда, а затѣмъ *также обязательно* влечетъ за собою не только на срокъ поселенія, но и въ теченіе пяти лѣтъ послѣ освобожденія—весьма серьезныя ограниченія правоспособности и дѣеспособности (ст. 22—24), т. е. мы имѣемъ передъ собой какую то своеобразную custodia honesta.

Если мы прибавимъ къ сказанному, что проэктъ весьма мало обращаетъ вниманія на мотивъ при установленіи привиллегированныхъ и квалифицированныхъ деликтовъ, что ни одно изъ его принципіальныхъ положеній въ пользу мотива не вошло въ текстъ закона, и что, начавъ съ идеи цѣлесообразности наказанія и широкой его индивидуализаціи по соображеніямъ о субъективной сторонѣ, проэктъ въ особенной части смотритъ почти исключительно на объективную сторону и нерѣдко склоняется къ системѣ устрашенія,—то, какъ намъ кажется, мы будемъ имѣть право признать, что постановленія о мотивѣ проэкта, разсматриваемаго въ его цѣломъ, являются весьма неудовлетворительными.

Тѣмъ не менѣе, мы находимъ черезчуръ пессимистичнымъ мнѣніе Пржевальскаго, будто проэктъ по данному вопросу „въ сущности говоря, не особенно далеко уходитъ

отъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ“ [1]). Мы видимъ въ вопросѣ о мотивахъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ дѣйствующимъ правомъ, ибо вниманіе къ мотиву, хоть и непослѣдовательно, и не въ достаточной степени, а все же выразилось въ рядѣ случаевъ, дѣйствующему праву невѣдомыхъ. Прежде всего, во вниманіе къ мотиву, заточеніе назначается за многія дѣянія, которыя раньше наказывались тюрьмой, исправительными арестантскими отдѣленіями и даже каторгой; то же самое нужно сказать и о поселеніи, ибо по проэкту поселеніемъ въ однихъ случаяхъ и заточеніемъ—въ другихъ караются нѣкоторыя менѣе важныя политическія преступленія, а также преступленія противъ порядка управленія, поединокъ, многія изъ религіозныхъ посягательствъ и другія отдѣльныя преступленія, какъ напримѣръ, доставленіе средствъ къ самоубійству, которое дѣйствительно состоялось (ст. 62 п. 3, 75—79, 81, 84, 88—91, 122, 125, 392, 407 и мн. др.). Затѣмъ, проэктъ допускаетъ ограниченіе правъ при заточеніи лишь на время пребыванія виновныхъ въ заточеніи (ст. 25), со дня же освобожденія виновные вступаютъ во всѣ свои права, и такимъ образомъ заточеніе сохраняетъ свой характеръ custodia honesta, хотя его, къ сожалѣнію, не сохранило родственное наказаніе—поселеніе. Далѣе, проэктъ гораздо болѣе цѣлесообразно чѣмъ дѣйствующее уложеніе конструируетъ случаи освобожденія отъ наказанія во вниманіе къ мотиву.

Такъ, проэктъ наказуетъ недонесеніе лишь тогда, если оно сдѣлано „безъ уважительныхъ причинъ“ (ст. 121—123); кромѣ того, недонесеніе и укрывательство преступника, а также непредставленіе и уничтоженіе вещественнаго

[1]) Пржевальскій, ук. соч., стр. 36.

или письменнаго по дѣлу доказательства не подлежатъ наказанію, если виновный дѣйствовалъ въ пользу самого себя или члена своей семьи (мотивъ самосохраненія и родственной любви, ст. 124—129); ненаказуемо лжесвидѣтельство, данное въ пользу обвиняемаго близкимъ ему лицомъ (проэктъ говоритъ здѣсь о лицахъ, имѣющихъ право по закону отказаться отъ дачи показанія, но непредупрежденныхъ объ этомъ правѣ органами власти, ст. 116); по презумпціи мотивовъ страха, естественнаго раздраженія и т. п., ненаказуемо превышеніе предѣловъ необходимой обороны, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда причинено убійство или тяжкое тѣлесное повреждение не для защиты отъ посягательства на жизнь или цѣломудріе (ст. 37, 389 и 405) и др.; напримѣръ, ненаказуема диффамація, если виновный добросовѣстно считалъ разглашаемое обстоятельство достовѣрнымъ и совершилъ разглашеніе ради государственной или общественной пользы, для защиты чести или профессіональнаго интереса и т. п. (ст. 450).

Точно также, хотя безъ послѣдовательности и твердой системы, проэктъ считается съ мотивомъ при квалификаціяхъ и привиллегіяхъ и при возвышеніи и смягченіи наказанія. Напримѣръ, привиллегированными являются: убійство, учиненное по настоянію убитаго и *изъ состраданія* къ нему (ст. 390), убійство матерью своего незаконнорожитаго ребенка при его рожденіи (ст. 391), провокированное убійство и тѣлесныя поврежденія (ст. 387 и 400), сбытъ завѣдомо поддѣланныхъ денегъ, полученныхъ самимъ виновнымъ за настоящія (ст. 369 п. 2.), подлогъ документа, удостовѣряющаго истинное обстоятельство (ст. 378 п. 9), невозвращеніе родителямъ или опекунамъ самовольно взятаго или задержаннаго ребенка изъ состраданія (ст. 425) и др. Квалифицированными или влекущими повышеніе наказанія въ мѣрѣ являются: убійство, указывающее на особую жестокость виновна-

го, а также убійство, вызванное мотивомъ корысти (ст. 386 п. 7 и 8), похищеніе или подмѣнъ ребенка, учиненный для его эксплуатаціи или для безнравственнаго занятія, или по мотиву корысти (ст. 424), многія имущественныя преступленія, совершаемыя въ видѣ промысла, т. е. по прочно установившемуся корыстному мотиву (ст. 491, 498, 520 и др.) служебныя преступленія, учиненныя по корыстному или иному несовмѣстному съ долгомъ службы побужденію (ст. 541 п. 2) и многія другія.

Такимъ образомъ, проэктъ не отказывается совершенно отъ провозглашенной имъ въ объяснительной запискѣ необходимости считаться съ мотивомъ; вниманіе къ мотиву онъ выражаетъ въ цѣломъ рядѣ статей, но общее впечатлѣніе окончательно портится тѣмъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ мотивъ игнорируется и къ числу этихъ случаевъ относятся и такіе, гдѣ вниманіе къ мотиву является особенно необходимымъ, и гдѣ тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, замѣчается совершенно обратное отношеніе.

Мы ознакомились, такимъ образомъ, съ тѣмъ положеніемъ, которое вопросъ о мотивѣ занимаетъ въ законодательствахъ. На основаніи обзора послѣднихъ мы считаемъ себя въ правѣ выставить слѣдующія общія положенія:

1) всѣ безъ изъятія новѣйшія законодательства отказались отъ прежняго взгляда на мотивъ, въ силу котораго признавалось, что мотивъ является несущественнымъ элементомъ и можетъ играть въ уголовномъ правѣ весьма незначительную роль;

2) чѣмъ далѣе идетъ время, чѣмъ позже по времени своего составленія законодательная работа, тѣмъ опредѣленнѣе въ ней выражается и тѣмъ послѣдовательнѣе проводится сознаніе принципіальной важности мотива;

3) представители народнаго правосознанія съ глубокимъ вниманіемъ относятся къ вопросу о мотивахъ и всѣми силами способствуютъ тому, чтобы въ уголовномъ правѣ укрѣпилось значеніе мотива; въ области судебной—это дѣлаютъ присяжные, а въ области законодательства—депутаты вообще и въ частности—члены парламентскихъ коммиссій, выбираемыхъ для предварительнаго обсужденія законопроэктовъ.

Эти положенія для насъ чрезвычайно важны: являясь подтвержденіемъ того взгляда на мотивъ, который мы защищали, они въ то же время знаменуютъ собою цѣлый переворотъ въ области воззрѣній на преступленіе и наказаніе; появляется сознаніе, что преступленіе и наказаніе нельзя разсматривать какъ готовые факты и оцѣнивать ихъ какъ таковые, что нужно въ каждомъ конкретномъ случаѣ не ограничиваться поверхностью явленія, а идти въ глубь его и искать его корней; появляется также убѣжденіе, что ни преступники, ни совершаемыя ими дѣянія не представляютъ собою однородной массы, а наоборотъ—являются весьма разнообразными по своимъ этико-соціальнымъ свойствамъ, уясненію которыхъ въ значительной мѣрѣ способствуетъ изученіе мотива; серьезное же къ послѣднему вниманіе въ области наказуемости даетъ одинъ изъ прочныхъ и удобнѣйшихъ пунктовъ для индивидуализаціи наказанія, которая становится лозунгомъ нашихъ дней и въ теоретическихъ и въ законодательныхъ работахъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Ученіе о мотивѣ въ его практическомъ примѣненіи и связи съ другими вопросами уголовнаго права.

Въ первой части нашей работы мы выставили нѣкоторыя принципіальныя положенія, опираясь на психологическія и этическія данныя и соображаясь съ задачами и потребностями правосудія. Обозрѣніе законодательствъ привело насъ къ убѣжденію, что наши взгляды не являются ни утопіей, ни чѣмъ либо совершенно чуждымъ реальному положенію вещей; оказалось, что жизнь народовъ въ новѣйшее время выработала законодательныя теченія, съ глубокимъ вниманіемъ относящіяся къ вопросу о мотивѣ, который уже въ значительной мѣрѣ пустилъ корни въ народномъ правосознаніи.

Невольно напрашивается вопросъ, какимъ образомъ могло такъ долго длиться обратное ненормальное положеніе вещей, какимъ образомъ могъ находиться въ загонѣ столь важный и простой вопросъ, какъ вопросъ о значеніи мотива.

Намъ это дѣло рисуется слѣдующимъ образомъ. До введенія гласности судопроизводства и суда присяжныхъ судъ представлялъ собою замкнутую область, окутанную канцелярской тайной; общество мало знало о дѣятельности суда и о его критеріяхъ при оцѣнкѣ дѣяній; оно считало область суда не своимъ, не общественнымъ, а чужимъ и неинтереснымъ дѣломъ; доступа въ судъ общественная, бытовая, этическая оцѣнка дѣяній не имѣла и народному правосознанію была закрыта возможность оказать освѣжающее вліяніе на

судебную дѣятельность. Рѣшеніе вопроса о преступленіи и наказаніи всецѣло находилось въ рукахъ спеціалистовъ—судей, которые не имѣли простора при оцѣнкѣ дѣяній, ибо по рукамъ и по ногамъ были связаны существованіемъ теоріи формальныхъ доказательствъ и правилами объ усиленіи и смягченіи наказаній, въ которыхъ предусматривался исчерпывающимъ образомъ рядъ случаевъ, внѣ которыхъ судья не могъ измѣнять наказанія, какъ бы живо онъ ни чувствовалъ необходимость измѣненія. Въ число такихъ случаевъ входили между прочимъ и мотивы, но они лишь незначительно могли вліять на мѣру наказанія, а кромѣ того о нихъ говорилось лишь случайно, казуистически, неполно и непослѣдовательно, ибо и доктрина, современная старымъ кодексамъ, не обращала вниманія на этотъ вопросъ, ограничиваясь изрѣдка указаніемъ на мотивъ корысти съ одной стороны, а съ другой—на крайнюю нужду и на тѣ случаи, гдѣ преступникомъ двигали добрыя побужденія и причиненный вредъ былъ невеликъ [1]).

Затѣмъ общее положеніе дѣлъ измѣнилось: европейскія государства, одно за другимъ, обратились къ реформѣ матеріальнаго права и къ насажденію новыхъ судопроизводственныхъ началъ; права судьи были расширены; для народа раскрылись двери суда; его представители—присяжные—получили голосъ при рѣшеніи болѣе важныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ въ этихъ дѣлахъ оцѣнка формальная и строго-легальная замѣнилась оцѣнкой житейской, сообразной съ народными этико-правовыми воззрѣніями.

Мы глубоко убѣждены въ томъ, что, если бы народный элементъ не получилъ доступа въ судъ, вопросъ о необходимости считаться съ мотивомъ былъ бы уже давно выдвинутъ на первый планъ; судъ сдѣлался гласнымъ, судебные

---

[1]) См., напримѣръ, Баршевъ, Мѣра наказаній, заключит. страницы.

процессы стали достояніемъ печати и предметомъ живаго обсужденія въ обществѣ; послѣднее, естественно, обращаетъ вниманіе на случаи болѣе важные и серьезные, т. е. именно на тѣ, которые стали подсудны присяжнымъ; не будь введены послѣдніе, общество скоро съ ужасомъ бы увидѣло, что подвергаются тяжкому и позорному наказанію лица, дѣянія которыхъ съ простой, человѣческой точки зрѣнія этого не заслуживаютъ; оно узнало бы, что человѣкъ, изъ состраданія убившій близкаго ему безнадежно больнаго, долженъ идти на каторгу, что такому же наказанію подвергается лицо, убившее соблазнителя своей сестры или растлителя своей дочери, что рядомъ должны идти въ тюрьму человѣкъ, укравшій со взломомъ булку, чтобы накормить своихъ голодныхъ дѣтей, и человѣкъ, который, не желая работать и будучи испорченъ до мозга костей, взломалъ чужую кассу и, похитивъ оттуда нѣсколько десятковъ тысячъ, ловко припряталъ эти деньги. Подобные факты заставили бы серьезно задуматься надъ вопросомъ о мотивахъ, но этого не случилось: присяжные засѣдатели повсемѣстно оказались весьма чуткими и въ случаяхъ, подобныхъ вышеуказаннымъ, стали обыкновенно выносить оправдательные приговоры, а общество живо привѣтствовало эти приговоры, видя въ нихъ торжество правды истинной надъ правдой формальной; менѣе же важные случаи, неподсудные присяжнымъ, менѣе и привлекали къ себѣ вниманіе общества. Вниманіе къ мотиву такимъ образомъ выразилось, но выразилось обходнымъ путемъ и, благодаря этому обходному пути, ненормальное положеніе въ законодательствѣ вопроса о мотивахъ не такъ рѣзко бросалось въ глаза, а наиболѣе вопіющіе случаи получали оцѣнку, удовлетворяющую общественное правосознаніе, тогда какъ, если бы они разрѣшались на точномъ основаніи закона, ихъ оцѣнка заставила бы общество встрепенуться и настаивать на коренной реформѣ законодательства.

Правда, въ пользу вниманія къ мотиву могла высказаться наука уголовнаго права, которая въ послѣднее время обратила на этотъ вопросъ серьезное вниманіе, но этого долгое время не было по очень понятнымъ причинамъ: во-первыхъ, въ основѣ уголовнаго права лежали индетерминистическія теоріи; преступленіе разсматривали какъ продуктъ свободной воли индивида, который совершилъ его потому, что захотѣлъ такъ сдѣлать, тогда какъ могъ захотѣть и поступить иначе; стоило ли обращать вниманіе на мотивы, когда твердо вѣрили, что воля господствуетъ надъ ними и говоритъ свое свободное „fiat"; стоило ли изучать нѣчто подчиненное, ничтожное по своему значенію въ волевомъ процессѣ, когда можно было прямо обратиться къ силѣ господствующей, т. е. волѣ! Во-вторыхъ, до послѣдняго времени въ уголовномъ правѣ царило формальное направленіе; оно разсматривало преступленіе какъ готовый фактъ и не задавалось задачей идти въ глубь явленій, раскрывая ихъ причины; понятно, что и мотивы, которые, какъ мы знаемъ, относятся къ категоріи причинъ, не могли привлекать къ себѣ вниманіе и получить серьезное значеніе.

Только съ успѣхами детерминистическихъ системъ и съ поворотомъ уголовнаго права на новые пути (о чемъ мы говорили въ первой части нашей работы) произошелъ поворотъ и во взглядѣ на значеніе мотива и появилось признаніе принципіальной важности мотива, отразившееся уже на болѣе новыхъ законодательныхъ работахъ и обнаружившее тенденцію крѣпнуть и развиваться.

Но однако принципіальнаго признанія важности мотива мало: необходимо указать, какъ именно оно должно проявиться и въ какой мѣрѣ оно должно отразиться на всей системѣ уголовнаго права. Обзоръ законодательныхъ работъ, который нами сдѣланъ, даетъ намъ въ этомъ отношеніи весьма поучительныя данныя, особено если мы примемъ во

вниманіе, что нѣкоторыя изъ этихъ работъ (напримѣръ, швейцарскій и норвежскій проэкты) далеко подвинули впередъ практическую разработку вопроса о мотивѣ, благодаря тому, что лица, стоявшія во главѣ реформы (Гетцъ, Штоссъ), отличаясь выдающимися дарованіями, просвѣщенностью и энергіей, въ то же время могли свободно проводить въ законодательства свое научное credo, ибо ихъ не стѣсняли никакія „независящія условія“. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что данныхъ, даже почерпнутыхъ изъ наиболѣе прогрессивныхъ зазаконодательствъ, все же недостаточно: необходимо обратить серьезное вниманіе и на теоретическія работы, ибо послѣднія иногда затрагиваютъ вопросы, еще не настолько созрѣвшіе, чтобы немедленно проникнуть въ законодательство, или даютъ построенія, практическое приложеніе которыхъ весьма затруднительно, но которыя въ то же время съ принципіальной точки зрѣнія должны быть признаны очень важными.

Со всѣми этими вопросами мы, понятно, должны считаться и по мѣрѣ разумѣнія рѣшить ихъ такъ или иначе, разсмотрѣнный же нами законодательный матерьялъ послужитъ намъ отчасти какъ подспорье, а отчасти для провѣрки нашихъ выводовъ. Мы должны указать не только на то, въ какія формы должно вылиться принципіальное признаніе важности мотива, но и на то, какая связь должна существовать между вопросомъ о мотивѣ и вопросами, болѣе или менѣе связанными съ нимъ по существу, какъ то: о вмѣняемости и вмѣнимости, объ опредѣленіи рода и мѣры наказанія, о классификаціи преступленій и преступниковъ, о дополнительныхъ наказаніяхъ и т. п. Это и составитъ задачу послѣдней части нашей работы и дастъ намъ возможность заключить ее болѣе подробнымъ изложеніемъ нашихъ pia desideria въ уголовномъ правѣ по вопросу о мотивѣ.

Глава 1-я.

Ученіе о мотивѣ въ связи съ ученіемъ о вмѣненіи и наказуемости.

Разсматривая связь ученія о мотивахъ съ другими существенными проблеммами уголовнаго права, мы не будемъ вступать въ разборъ послѣднихъ по существу, ибо иначе мы зайдемъ слишкомъ далеко: уже одна проблемма вмѣняемости, являющаяся безконечнымъ поприщемъ научныхъ споровъ за послѣднюю четверть вѣка, настолько сложна и обширна, что потребовала бы цѣлой отдѣльной книги, если бы мы взялись за ея разрѣшеніе. Задача наша гораздо скромнѣе: мы стремимся только къ тому, чтобы установить *связь* ученія о мотивѣ съ тѣми проблеммами, при рѣшеніи которыхъ мотивъ или уже принимается въ соображеніе, или долженъ былъ бы приниматься по нашему убѣжденію; мы должны указать, какого рода эта связь и какія послѣдствія вытекаютъ изъ признанія ея наличности для ученій, критика которыхъ по существу не относится къ предмету нашей работы.

Прежде всего мы должны остановиться на связи ученія о мотивѣ съ кардинальными вопросами уголовнаго права, т. е. вопросами о вмѣняемости (Zurechnungsfähigkeit), вмѣнимости (Zurechenbarkeit) и наказуемости вообще (Strafbarkeit). Попытки установить эту связь уже встрѣчались въ литературѣ, а именно въ работахъ Листа, Крепелина и Ферри.

Листъ давно уже указывалъ и теперь указываетъ на значеніе мотива для ученія о способности ко вмѣненію. Вмѣняемымъ онъ признаетъ „всякаго духовно зрѣлаго и духовно здороваго человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ нормально опредѣляющагося мотивами; нормальное *содержаніе* и нормально-мотивирующая *сила* представленій составляютъ сущность способности ко вмѣненію". Кромѣ того, имѣя въ виду указанія на т. наз. моральное помѣшательство, при которомъ интеллектъ остается будто бы совершенно неповрежденнымъ, Листъ утверждаетъ, что оно „всегда связано съ помраченіемъ (Trübung) нормальной жизни представленій и съ притупленіемъ (Abstumpfung) чувствъ". [1]) Правда, въ своихъ двухъ статьяхъ, спеціально посвященныхъ вопросу о вмѣненіи, Листъ самъ подвергъ сомнѣнію критерій нормальной опредѣляемости мотивами, но окончательно отъ него не отказался. Онъ задался вопросами, что такое нормальная реакція, какъ широко простирается область изслѣдованія и каковъ тотъ масштабъ, при помощи котораго надо производить измѣреніе; всѣ эти вопросы и возможные на нихъ отвѣты Листъ призналъ сложными и шаткими, причемъ подвергъ сомнѣнію способность ко вмѣненію привычныхъ преступниковъ, какъ неспособныхъ къ воспріятію мотивовъ, насадить которые стремится наказаніе; онъ даже выставилъ, хотя весьма нерѣшительно, вопросъ, не является ли каждое преступленіе отклоненіемъ отъ нормальнаго поведенія средняго человѣка [2]).

Какъ извѣстно, эта теорія вызвала цѣлую бурю; ее поняли въ томъ смыслѣ, что Листъ хочетъ уничтожить самое понятіе вмѣняемости, тогда какъ въ сущности онъ только утверждалъ, что „до сихъ поръ не было найдено общаго и вѣрнаго критерія для отличія вмѣняемыхъ отъ невмѣняемыхъ,

---

[1]) Liszt, Lehrbuch, 1899, s. 156, 163.
[2]) Liszt, Zurechnungsfähigkeit, Z., B. 17, s. 70–84.

и что такой критерій вообще не можетъ быть данъ, ибо душевное здоровье и душевная болѣзнь взаимно переходятъ другъ въ друга посредствомъ безчисленныхъ промежуточныхъ ступеней“ [1]). Что Листъ только усумнился, а не отказался рѣшительно отъ понятія вмѣняемости и отъ критерія мотивовъ при ея установленіи,—видно изъ цитированнаго нами послѣдняго изданія его учебника, вышедшаго послѣ его статей о вмѣняемости.

Нельзя не признать, что изложенное ученіе Листа является весьма запутаннымъ и противорѣчивымъ. Одинъ разъ онъ беретъ критерій мотивовъ какъ дополнительный, а другой разъ какъ единственный; затѣмъ, понятію нормальной опредѣляемости мотивами онъ придаетъ то одинъ, то другой смыслъ, ибо говоритъ то о нормальной опредѣляемости вообще, то объ опредѣляемости мотивами, насадить которые стремится наказаніе, тогда какъ эти понятія вовсе не тождественны: здѣсь, по справедливому замѣчанію Штосса, заключается анахронизмъ, ибо въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь о душевномъ состояніи дѣятеля, въ которомъ онъ находился во время дѣянія, а потому нельзя одновременно говорить о воспріимчивости къ мотивамъ, которые должны бы быть насаждены еще находящемся въ перспективѣ наказаніемъ. „Какъ можетъ кто бы то ни было реагировать на мотивы, которые наказанію не удается насадить, хотя они и должны бы быть насаждены?“ [2]). Замѣтимъ съ своей стороны, что невоспріимчивость къ мотивамъ послѣдняго рода можетъ быть вызвана плохой организаціей наказанія, а потому на основаніи ея отнюдь нельзя заключать о ненормальной опредѣляемости мотивами вообще. Далѣе, бросается въ глаза то,

---

[1]) Litzt, Zurechnungsfähigkeit (Replik), Z., B. 18, s. 234, 242, особ. 264—265.

[2]) Stooss, Angriffe, Z. S. S. 1896, 6, s. 418—419.

что Листъ иногда говоритъ о вмѣняемости такъ, какъ будто ея сущность опредѣляется однимъ интеллектуальнымъ моментомъ („нормальная сила представленій"), а иногда самъ указываетъ, что одного этого момента недостаточно, что „душа преступника должна быть разсматриваема какъ единое цѣлое, душевную жизнь не должно дробить на элементарныя функціи", и что „представленія о добрѣ и злѣ, о правдѣ и неправдѣ (способность различенія) могутъ быть на лицо, а вмѣняемость тѣмъ не менѣе можетъ отсутствовать въ виду того, что болѣзненно извращены чувствованіе или воля или въ виду того, что въ области представленій, не взирая на наличность указанной способности различенія, содержатся пробѣлы или нарушеніе должнаго равновѣсія". [1]) Наконецъ, весьма характерно, что усумнившись въ пригодности критерія нормальной опредѣляемости мотивами и въ существованіи болѣе или менѣе опредѣленной границы между душевной болѣзнью и здоровьемъ, Листъ въ той же работѣ прекрасно разъясняетъ сущность спорнаго понятія и даетъ ему прекрасное толкованіе, говоря о регулирующихъ все поведеніе человѣка общихъ представленіяхъ изъ области религіи, права, морали и благоразумія, а также указывая на пригодность для законодателя и для судьи того отрицательнаго опредѣленія, что „вмѣняемость уничтожается съ каждымъ поврежденіемъ душевной жизни, благодаря которому реакція на мотивы становится ненормальной, причемъ безразлично, будетъ ли это поврежденіе относиться къ области представленій, чувствованій или воли". [2])

Изъ всего нами изложеннаго вытекаетъ, что въ теоріи вмѣняемости у Листа много запутаннаго и противорѣчиваго, но что изъ нея можно вывести признаніе Листомъ нѣкото-

---

[1]) Liszt, Zurechnungsfähigkeit, s. 74—75.
[2]) Liszt, Zurechnungtfähigkeit, s. 75.

рой важности критерія мотивовъ, который въ большинствѣ случаевъ у него является дополнительнымъ. Мы должны теперь рѣшить: 1) дѣйствительно ли критерій мотивовъ имѣетъ значеніе для ученія о вмѣняемости и 2) если имѣетъ, то долженъ онъ быть единственнымъ или только дополнительнымъ. Отвѣтъ на первый вопросъ, по нашему мнѣнію, не допускаетъ сомнѣній. Мы говорили уже въ психологической части нашей работы, основываясь на доводахъ извѣстнаго психолога Уильяма Джемса, что существуетъ извѣстная нормальная степень отзывчивости на мотивы, которая характеризуется извѣстнымъ соотношеніемъ между качествомъ и импульсивностью мотива и между свойствами и значеніемъ дѣянія, вызваннаго этимъ мотивомъ, и что отклоненія отъ этой степени являются уже признакомъ ненормальности воли; мы также можемъ указать на сходное мнѣніе столь авторитетнаго психопатолога, какъ Крафтъ-Эбингъ, который говоритъ, что „одинъ изъ важнѣйшихъ и выступающихъ на первый планъ вопросовъ, въ случаяхъ сомнѣнія въ душевномъ здоровьѣ, составляетъ вопросъ о мотивѣ наказуемаго дѣянія;“ при этомъ „не столько содержаніе мотива (ибо безмотивныя дѣянія и у душевно больныхъ являются исключеніемъ, у значительнаго же числа ихъ мотивы могутъ быть такими же, какъ и у здоровыхъ), сколько принудительная сила его и недостатокъ противомотивовъ образуютъ тѣ элементы, которые въ большинствѣ случаевъ характеризуютъ болѣзненный и несвободный характеръ дѣяній лица душевно поврежденнаго“. Эти положенія Крафтъ-Эбингъ подтверждаетъ примѣрами, указывая на органическія потребности (голодъ, половое влеченіе и т. п.), которыя у душевно больныхъ возрастаютъ до болѣзненной высоты и поэтому иногда являются непреодолимыми, а также на дѣянія (особенно поврежденіе собственности), учиняемыя изъ мести слабоумными; „въ послѣднихъ случаяхъ мотивы тѣ же, что и у здоровыхъ, но они имѣютъ принудительное зна-

ченіе, потому что у больныхъ отсутствуютъ задерживающіе нравственные и правовые противомотивы". [1]) Эти положенія могутъ вкратцѣ быть сведены къ тому, что душевно больные иногда также реагируютъ на мотивы, а не на безотчетные импульсы, но что реакція на мотивы у нихъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ ненормальной, т. е. *критерій нормальной опредѣляемости мотивами является существеннымъ для ученія о вмѣняемости.* Отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ мы такимъ образомъ получили; мы при этомъ касались и матеріала, пригоднаго для рѣшенія втораго вопроса, но здѣсь необходимо болѣе подробное изслѣдованіе, данныя для котораго мы находимъ у того же Крафтъ-Эбинга. [2])

Дѣло въ томъ, что, для признанія въ извѣстномъ случаѣ реакціи на мотивы ненормальной, необходимо ближайшее изслѣдованіе личности виновнаго, такъ что безъ изученія личности вопросъ о вмѣненіи можетъ получить неправильное рѣшеніе. Это изученіе дастъ намъ матерьялъ для сужденія о томъ, что нормально и что ненормально, и облегчитъ нахожденіе того критерія, котораго Листъ не нашелъ и не найдя—усумнился въ своей же собственной теоріи.

Часто будутъ случаться ошибки, если судья будетъ рѣшать вопросъ о психическомъ состояніи обвиняемаго, руководствуясь діагностическимъ критеріемъ, почерпнутымъ изъ своего собственнаго здраваго разумѣнія и психологіи повседневной жизни, ибо здѣсь иногда бываютъ замѣшаны труднѣйшіе изъ вопросовъ патологіи мозга, которые не могутъ быть разрѣшены, разъ вниманіе обращено не на общее содержаніе душевной жизни, а лишь на интеллектуальную, познающую ея сторону,

---

[1]) Kraft—Ebing, Criminalpsychologie, s. 11—12; ср. У. Джемсъ, Психологія, стр. 360—363.

[2]) Kraft—Ebing, Criminalpsychologie, s. 10—15.

не на ядро личности и существенные клиническіе признаки болѣзненнаго состоянія, а на внѣшнюю сторону и на несущественныя общія психологическія примѣты. Такъ, меланхолики, подъ давленіемъ принудительно дѣйствующаго на нихъ желанія быть наказанными, иногда возводятъ на себя преступленія и приписываютъ имъ, хотя и очень дурные, но вполнѣ правдоподобные мотивы, и наоборотъ—резонирующіе (маніаки) часто, какъ и здоровые преступники, стараются представить въ болѣе извинительномъ видѣ свои дѣянія, указывая мотивы совершенно другіе, а не тѣ, которые въ дѣйствительности ими руководили при совершеніи дѣянія. Съ внѣшней стороны опредѣляемость мотивами представляется нормальной во многихъ подобныхъ случаяхъ, тогда какъ болѣе основательное и глубокое изученіе личности дастъ совершенно обратную картину. А съ другой стороны даже видимое противорѣчіе мотива съ здравымъ смысломъ, порождая презумцію душевной ненормальности, еще не доказываетъ безусловной вѣрности этой презумпціи, ибо дѣяніе въ такихъ случаяхъ можетъ проистекать какъ изъ болѣзненныхъ состояній, такъ и изъ заблужденія, эксцентрическаго воззрѣнія или же суевѣрія человѣка вообще здороваго; чѣмъ болѣе побужденіе приближается къ страсти или безнравственности, тѣмъ возможнѣе признаніе человѣка здоровымъ, а его дѣянія—преступнымъ. Но опять таки необходимо имѣть въ виду, что душевная болѣзнь также может проявляться въ видѣ страсти или безнравственности, а поэтому при различеніи больнаго отъ здороваго, но морально испорченнаго преступника—рѣшеніе затруднится и будутъ возможны ошибки, если мы будемъ руководствоваться исключительно психологическимъ и притомъ изолированнымъ критеріемъ. Такое же замѣчаніе вполнѣ примѣнимо какъ къ случаямъ, гдѣ дѣяніе, хотя и мотивировано, но идетъ въ разрѣзъ съ интересами дѣятеля, причемъ отсутствуютъ эгоистическіе мотивы, которые обыкновенно

бываютъ побудительными пружинами истинныхъ преступленій, такъ и къ случаямъ, гдѣ замѣчается несоотвѣтствіе между величиной мотива и величиной вытекшаго изъ него дѣянія; и въ тѣхъ и въ другихъ случаяхъ преступникъ можетъ быть человѣкомъ вполнѣ нормальнымъ, но быть при первой комбинаціи—выдающимся альтруистомъ, а при второй—глубоко развращенной натурой, для которой ничтожнѣйшій личный интересъ важнѣе, чѣмъ самые важные и существенные интересы ближняго.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы приходимъ къ такимъ выводамъ: 1) критерій нормальной опредѣляемости мотивами по существу является психологическимъ; при всей его безспорной важности для рѣшенія вопроса о вмѣняемости, ограничиваться имъ невозможно, если мы не желаемъ впасть въ ошибки, ибо сомнительное душевное состояніе никогда нельзя обсуждать лишь логическимъ путемъ; 2) поэтому, рѣшеніе вопроса о вмѣняемости, основанное исключительно на критеріи нормальной опредѣляемости мотивами, иногда окажется неправильнымъ; оно должно также основываться на познаніи общаго содержанія душевной жизни преступника и на сравненіи результатовъ такого познанія съ разработанными психіатріей картинами нарушеній правильнаго хода душевной жизни вообще. Критерій мотивовъ, такимъ образомъ, является не единственнымъ, а дополнительнымъ, что, конечно, нимало не ослабляетъ его важности для рѣшенія вопроса о вмѣненіи. За Листомъ, какъ за иниціаторомъ идеи внести этотъ критерій въ уголовно-правовую теорію вмѣняемости, не смотря на его колебанія въ этомъ вопросѣ, мы должны признать серьезную заслугу. Мы должны только помнить, что подробная оцѣнка качественной стороны мотивовъ у лицъ невмѣняемыхъ не имѣетъ особаго значенія: процессъ мотиваціи идетъ извращенно, и мотивъ не характеризуетъ самосознающей личности виновнаго; здѣсь важна степень импульсивной силы извѣстнаго

мотива; тогда какъ, наоборотъ, у лицъ вмѣняемыхъ мотивъ въ большинствѣ случаевъ можетъ служить для характеристики личности, а потому намъ важна главнымъ образомъ его качественная сторона; сторона же количественная, импульсивность, отодвигается на второй планъ, разъ она не создала состоянія невмѣняемости.

На очереди у насъ теперь связь вопроса о мотивѣ съ вопросами о вмѣняемости и наказуемости, т. е. мы должны разсмотрѣть тѣ случаи, когда дѣяніе по объективной своей сторонѣ являющееся преступнымъ, не взирая на это, во вниманіе къ мотиву или признается правомѣрнымъ, или же только освобождается отъ наказанія. Практическія послѣдствія въ обоихъ случаяхъ одинаковы, но съ теоретической точки зрѣнія разница между ними существуетъ, хотя и является нѣсколько спорнымъ, что отнести по сю ея сторону, и что по ту: нѣтъ согласенія даже относительно столь давно существующихъ понятій, какъ напримѣръ, понятіе крайней необходимости, ибо Листъ (и принимающій его теорію Піонтковскій) считаетъ эту необходимость состояніемъ правомѣрнымъ, а громадное большинство криминалистовъ— лишь ненаказуемымъ; затѣмъ, необходимая оборона во всѣхъ ея видахъ громаднымъ большинствомъ признается институтомъ правомѣрнымъ, а нѣкоторые (особенно Lammasch) даже не находятъ возможнымъ допускать ненаказуемость тѣхъ видовъ необходимой обороны, когда чужое благо, пострадавшее отъ защиты своего, несоразмѣрно мало по сравненію съ послѣднимъ и т. п. Кромѣ того, здѣсь многое зависитъ отъ редакціи закона; когда законъ говоритъ: „*не почитается преступнымъ* посягательство, если...“, то при наличности указаннаго въ законѣ условія дѣяніе будетъ правомѣрнымъ, когда же въ законѣ сказано: „отъ наказанія за такія то посягательства виновный освобождается, если...“, то оно уже можетъ быть только ненаказуемымъ. Такимъ образомъ въ

зависимости отъ редакціи закона случаи превышенія необходимой обороны, исполненія приказа, недонесенія на родственника и т. п.—могутъ быть признаваемы или правомѣрными или только ненаказуемыми.

Тѣмъ не менѣе съ теоретической точки зрѣнія разница между неправомѣрнымъ и ненаказуемымъ существуетъ и должна заключаться въ томъ, что въ случаяхъ перваго рода наказаніе не примѣняется къ виновному *по праву*, а въ случаяхъ втораго рода—*или по снисхожденію, или по соображенію о нецѣлесообразности ихъ наказуемости.* Поэтому, не вдаваясь въ подробности даннаго спорнаго вопроса, мы все же, говоря о мотивѣ, послѣдовательно разсмотримъ три положенія: 1) можетъ ли преступное дѣяніе во вниманіе къ мотиву быть признано правомѣрнымъ, 2) можетъ ли наличность извѣстнаго мотива освобождать виновнаго отъ наказанія за его преступленіе и 3) каковы, при утвердительномъ отвѣтѣ, должны быть случаи перваго и втораго рода.

Громадное большинство криминалистовъ отвѣчаетъ на поставленные вопросы отрицательно.

Одни прямо говорятъ, что по общему правилу признаніе дѣянія преступнымъ или ненаказуемымъ не можетъ находиться въ зависимости отъ мотива; другіе (даже тѣ, которые допускаютъ иногда во вниманіе къ мотиву сведеніе наказанія до ничтожныхъ размѣровъ) требуютъ, чтобы наказуемость сохранялась, независимо отъ свойствъ мотива, говоря, что „преступленіе всегда остается преступленіемъ", что „никому не дано попирать законъ и общественный порядокъ, каковы бы ни были его убѣжденія", что мотивъ можетъ имѣть оправдывающее значеніе съ этической точки зрѣнія, а не съ юридической и т. п. [1]) наконецъ, третьи

[1]) Таганцевъ, Курсъ, I, стр. 39; Спасовичъ, Учебникъ, стр. 157 и др.; Вульфертъ, Антроп.-позитивн. школа, в. 1, стр. 243—250; H. Meyer, Lehrbuch, s. 207—208; Berner, Grundlinien, s. 225—227, и мн. др. Ср. возраженія противъ важности мотива вообще, особенно изложенныя ниже на стр. 116—117.

доходятъ до утвержденій, что „если слушать всякія отговорки (а къ ихъ числу относится и указаніе со стороны виновнаго на мотивъ его дѣянія), то не будетъ болѣе ни юстиціи, ни наказаній“, и что „преступленіе всегда по существу своему является дѣяніемъ, достойнымъ порицанія и кары“ [1]).

Противъ этихъ положеній выступила не допускающая компромиссовъ и примиренія, совершенно противоположная теорія; ее проводилъ Ферри въ болѣе раннихъ своихъ работахъ, въ которыхъ категорически заявлялъ, что критерій мотивовъ можетъ дать опору для признанія дѣянія правомѣрнымъ и ненаказуемымъ. Онъ говорилъ: „Дѣйствія человѣка бываютъ наказуемыя или ненаказуемыя, смотря по правомѣрности или противоправности мотивовъ... Рѣшеніе вопроса о свойствѣ мотивовъ принадлежитъ исключительно народной совѣсти, формулированной въ законѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда послѣдняя несогласна съ закономъ, она все таки является верховнымъ судьей правомѣрности или неправомѣрности мотивовъ, а слѣдовательно и наказуемости или ненаказуемости дѣянія“ [2]).

Нѣкоторыя изъ возраженій, выставленныхъ сторонниками взгляда, что никакой мотивъ не можетъ создавать правомѣрности или ненаказуемости дѣянія, разсмотрѣны были нами раньше, когда мы устанавливали важное значеніе мотива вообще; противъ другихъ возраженій можно замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе наказуемо по закону лишь при наличности извѣстнаго мотива, всякій другой мотивъ будетъ правомѣрнымъ, равнымъ же образомъ, если

---

[1]) Arboux, Petit и др., см. Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P. 1896, 6, p. 487, 850, 851.

[2]) Изложеніе этой теоріи Ферри взято нами у Вульферта, Антроп.-позит. школа, в. 1, стр. 228 и сл.

законъ признаетъ какое либо дѣяніе непреступнымъ, разъ оно было учинено по извѣстному опредѣленному мотиву, то этотъ мотивъ также будетъ правомѣрнымъ; т. е., какъ мы говорили и раньше и какъ мы видѣли при обзорѣ законодательствъ, правомѣрные мотивы безусловно возможны, но ихъ правомѣрность можетъ быть создана лишь закономъ. Такимъ образомъ, вполнѣ возможно признаніе правомѣрности дѣянія, основанное на признаніи правомѣрнымъ его мотива, и Ферри въ этомъ отношеніи правъ. Но такое рѣшеніе вопроса является чисто внѣшнимъ, ибо центръ тяжести вопроса лежитъ въ томъ, *въ какихъ случаяхъ* законодатель можетъ и долженъ усваивать мотиву правомѣрное значеніе. Тутъ, по нашему глубокому убѣжденію, одного критерія мотивовъ недостаточно, ибо правомѣрнымъ законодатель долженъ признавать лишь то, что содѣйствуетъ охранѣ правопорядка и утверждаетъ его; сказать же, что извѣстное дѣяніе способствуетъ охранѣ правопорядка, основываясь исключительно на мотивѣ и не соображаясь съ тѣмъ, каково было дѣяніе, вызванное этимъ мотивомъ, каково соотношеніе между минусомъ отъ дѣянія и плюсомъ отъ его послѣдствій для правопорядка, — рѣшительно невозможно. Мы думаемъ, что къ критерію мотивовъ долженъ быть присоединенъ дополнительный критерій, и что, поэтому, законодатель долженъ признавать дѣяніе правомѣрнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда 1) мотивъ дѣянія не заключаетъ въ себѣ ничего антисоціальнаго и безнравственнаго, 2) когда отъ дѣянія правопорядокъ выигрываетъ и 3) когда дѣятель инымъ путемъ не могъ предотвратить ущерба для правопорядка или для благъ отдѣльныхъ лицъ. Къ такимъ случаямъ относится прежде всего необходимая оборона, гдѣ мотивъ самосохраненія проявляется въ формѣ защиты отъ незаконнаго нападенія, т. е. виновный (внѣ случаевъ, о которыхъ говоритъ, какъ мы указывали, Lam-

masch) прямо способствуетъ поддержанію правопорядка; сюда же подойдутъ тѣ случаи крайней необходимости, когда виновный, спасая свое благо или благо третьяго лица, приноситъ въ жертву чужое меньшее благо; при наличности того же мотива, разъ благо равное спасено на счетъ чужаго равнаго, правомѣрности уже не будетъ, ибо, если одно изъ двухъ благъ неминуемо должно было погибнуть, то правопорядокъ выигрываетъ лишь при спасеніи болѣе цѣннаго блага на счетъ менѣе цѣннаго и т. п. Изъ отдѣльныхъ преступленій мы относимъ сюда диффамацію, когда разглашены обстоятельства правдивыя и разглашеніе было сдѣлано въ видахъ общественнаго интереса; здѣсь мотивъ заслуживаетъ полнаго вниманія, дѣяніе же изъ него проистекшее способствуетъ поддержанію правопорядка, ибо общественное благо выше той непріятности, которую заслуженно терпитъ отъ разглашенія потерпѣвшій. И наоборотъ, мы не отнесемъ сюда, напримѣръ, случая исполненія приказа даже по убѣжденію, что этотъ приказъ законенъ, ибо, не взирая на соціальный мотивъ, правопорядку совершеніемъ беззаконнаго дѣянія нанесенъ ущербъ; по тѣмъ же соображеніямъ не подойдетъ сюда убійство другаго лица по его согласію, даже если оно учинено изъ сострадания и т. п.

Итакъ, мы согласны съ Ферри въ томъ, что правомѣрный мотивъ возможенъ и что онъ можетъ влечь за собою признаніе дѣянія правомѣрнымъ, но, вопреки ему, мы думаемъ, что необходимо въ этихъ случаяхъ считаться и съ другими критеріями; ихъ должны имѣть въ виду законодатели при составленіи кодексовъ, что они и дѣлаютъ дѣйствительно, какъ мы могли убѣдиться при разборѣ дѣйствующихъ и проэктированныхъ законовъ.

Но основная мысль Ферри получаетъ гораздо большее значеніе въ примѣненіи ея къ вопросу о томъ, можно ли во вниманіе къ мотиву, не признавая дѣянія правомѣрнымъ,

въ то же время освободить виновника этого дѣянія отъ наказанія. При рѣшеніи этого въ высшей степени существеннаго вопроса мы можемъ воспользоваться кое какими данными изъ первой части нашей работы. Такъ, разсматривая психологическую подкладку вопроса, мы видѣли, что мотивъ налагаетъ на дѣяніе извѣстный отпечатокъ, и что въ свою очередь процессъ мотиваціи получаетъ извѣстный отпечатокъ отъ свойствъ личности совершителя; это заставило насъ выставить положеніе, что оцѣнку мотива слѣдуетъ производить не изолированно, а въ связи съ изученіемъ личности; затѣмъ, мы знаемъ, что юридическая оцѣнка, не совпадая съ моральной, должна тѣмъ не менѣе находиться съ ней въ органической связи, и что съ моральной точки зрѣнія дѣяніе можетъ быть оправдано, но не исключительно на основаніи его мотива, а на основаніи мотива въ связи съ наличностью цѣлаго ряда другихъ данныхъ, относящихся къ обстановкѣ дѣянія, къ соотношенію между причиненнымъ и предотвращеннымъ зломъ и т. п. Но, понятно, главными и рѣшающими для насъ явятся соображенія о задачахъ и цѣляхъ правосудія.

Когда мы слышимъ доводы, родственные съ доводомъ Arboux, что оправданіе дѣянія въ виду его мотива можетъ ниспровергнуть юстицію, то мы сразу же должны признать ихъ несостоятельность: 1) присяжные очень часто оправдываютъ во вниманіе къ мотиву, но юстиція продолжаетъ благополучно дѣйствовать, 2) сторонники абсолютныхъ теорій часто видятъ ниспроверженіе основъ уголовнаго права въ самыхъ важныхъ институтахъ, какъ напримѣръ, въ институтѣ давности; они правы съ своей точки зрѣнія, но для насъ она не обязательна: какъ справедливо указалъ проф. Таганцевъ, „съ точки зрѣнія теорій цѣлесообразности наказанія, признающихъ, что не всякое преступное дѣяніе становится уже и уголовно-наказуемымъ, признаніе обстоя-

тельствъ (при наличности которыхъ дѣяніе, учиненное обвиняемымъ, сохраняетъ въ себѣ всѣ признаки преступленія, учинившій признается вмѣняемымъ, а наказаніе, положенное въ законѣ, все же къ виновному не примѣняется), коренящихся или въ физической невозможности, или въ юридической безцѣльности наказанія, представляется вполнѣ естественнымъ выводомъ изъ самаго принципа карательной дѣятельности". [1])

Спрашивается, можно ли причислить къ этимъ обстоятельствамъ соціально этическое значеніе мотива преступленія.

Мы говоримъ здѣсь не о формальной сторонѣ вопроса; несомнѣнно, законодатель можетъ признать, что извѣстныя дѣянія могутъ быть оставлены безъ наказанія, разъ есть на лицо тотъ или иной мотивъ; иногда онъ это и дѣлаетъ, какъ мы видѣли во второй части нашей работы. Важно рѣшить, долженъ ли законодатель поступать такимъ образомъ, а если долженъ, то въ какихъ случаяхъ.

Психологически дѣяніе объясняется мотивомъ въ связи съ другими данными; оправданіе дѣянія съ этической точки зрѣнія также основывается не на одномъ мотивѣ, а на мотивѣ въ связи съ другими обстоятельствами; спрашивается, съ юридической точки зрѣнія можетъ ли мотивъ оправдать дѣяніе. Одни (Бернеръ, Ортоланъ и др.) думаютъ, что этого не можетъ быть никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, другіе,—что весьма часто (Ферри); а между тѣмъ рѣшеніе даннаго вопроса, по нашему мнѣнію, не можетъ быть дано въ столь категорическихъ формахъ и безъ ближайшаго изученія его деталей. Прежде всего необходимо замѣтить, что юридическая оцѣнка дѣянія, даже при томъ широкомъ пониманіи юридической точки зрѣнія, котораго придерживаем-

[1]) Таганцевъ, Лекціи, в. 4, стр. 1843—1844.

ся мы, не можетъ не быть болѣе формальной, чѣмъ оцѣнка этическая, не связываемая рамками необходимости охранять правопорядокъ и считаться не только съ субъективной, но и съ объективной стороной преступленія: если при этическомъ оправданіи дѣянія мотивъ не разсматривается изолированно, то тѣмъ болѣе такая изоляція неумѣстна при юридической оцѣнкѣ и могущемъ вытекать изъ него оправданіи. Въ соотношеніи съ чѣмъ же мы должны брать мотивъ? Попытки рѣшить этотъ вопросъ мы находимъ у Гельшнера и у Ферри. Гельшнеръ думаетъ, что мотивъ *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ создавать ненаказуемости дѣянія, но при этомъ, указывая на дополнительные къ мотиву критеріи, разбираетъ и такіе случаи, наказуемость которыхъ ему приходится отстаивать путемъ натяжекъ и софизмовъ. На первый планъ онъ выдвигаетъ нравственную обязанность каждаго повиноваться закону, который, охраняя правовой порядокъ, является выраженіемъ общей воли и служитъ для общаго блага; поэтому цѣнность мотива онъ опредѣляетъ по его отношенію къ обязанности, считаясь при этомъ съ направленіемъ, въ которомъ дѣйствуетъ извѣстный мотивъ, и съ формами его проявленія въ дѣйствіи. Автора необходимо признать вполнѣ послѣдовательнымъ, когда онъ, установивъ по изложеннымъ основаніямъ три категоріи деликтовъ, не допускаетъ освобожденія отъ наказанія двухъ первыхъ категорій, а именно: 1) когда по сознанію самого дѣятеля, его дѣйствіе, вытекающее изъ чисто эгоистическаго мотива, стоитъ въ абсолютномъ противорѣчіи съ нравственной обязанностью, съ благомъ другихъ лицъ, охраняемыхъ законами; сюда, напримѣръ, онъ относитъ преступленія, мотивомъ которыхъ является страсть къ наслажденіямъ, жадность, корысть, безудержное служеніе своимъ физическимъ влеченіямъ и т. п., т. е. случаи, гдѣ дѣятель готовъ жертвовать чѣмъ угодно для своихъ личныхъ интересовъ. Мы вполнѣ согласны съ

Гельшнеромъ, что въ этихъ случаяхъ не только не можетъ имѣть мѣста освобожденіе отъ наказанія, но и репрессія должна быть болѣе сильной; мы только идемъ изъ нѣсколько другаго основанія, ибо думаемъ, что такіе результаты должны имѣть мѣсто въ виду того, что мотивъ и формы его проявленія свидѣтельствуютъ здѣсь объ особенно безнравственномъ и антисоціальномъ общемъ настроеніи виновнаго; 2) преступленія, вытекающія изъ стремленія дѣятеля охранить или утвердить какое либо существующее у него (въ дѣйствительности ли, или по его убѣжденію) право; сюда, напримѣръ, отнесены Гельшнеромъ всѣ случаи, являющіеся самоуправствомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. со включеніемъ дуэли и провокированныхъ посягательствъ: эти случаи, по его мнѣнію, не могутъ влечь за собой безнаказанности и признанія вины погашенной, ибо, хотя ихъ мотиву нельзя отказать въ юридической и нравственной цѣнности, но, разъ этотъ мотивъ породилъ преступленіе, заключающее въ себѣ нарушеніе правъ и благъ другихъ лицъ, мы должны признать, что онъ проявился съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ и нравственной дисгармоніей (in Ueberspannung und sittlicher Missbildung). Соглашаясь и здѣсь съ Гельшнеромъ, что подобные случаи не должны оставаться безъ наказанія, мы думаемъ, 1) что и здѣсь возможны изъятія, и 2) что самая постановка вопроса должна быть объясняема нѣсколько иначе; и въ этихъ случаяхъ направленіе, въ которомъ выразился мотивъ, не можетъ быть одобрено съ соціально этической точки зрѣнія: безъ особой необходимости прибѣгнувъ къ преступленію, дѣятель показалъ, что въ немъ недостаточно крѣпко уваженіе къ чужимъ благамъ, охраняемымъ закономъ въ интересахъ общежитія; но объ этомъ въ послѣдствіи мы скажемъ болѣе подробно.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ дѣяніями, отнесенными Гельшнеромъ къ третьей категоріи, т. е. со случая-

ми, гдѣ преступное дѣяніе учинено въ убѣжденіи, что оно находится въ гармоніи съ обязанностью и имѣетъ нравственный характеръ; здѣсь Гельшнеръ совершенно запутывается и прибѣгаетъ къ довольно сомнительнымъ разсужденіямъ, что намъ совершенно понятно, ибо, оперируя съ чисто нравственнымъ критеріемъ, весьма трудно отстаивать наказуемость этихъ случаевъ. Гельшнеръ, прежде всего, совершенно произвольно утверждаетъ, что въ этихъ случаяхъ вина не можетъ быть погашена ссылкой на безкорыстный, альтруистическій характеръ мотива, ибо этотъ характеръ искажается самолюбіемъ и суетностью, разъ человѣкъ не удовлетворился простымъ исполненіемъ обязанности, дѣйствіемъ въ предѣлахъ права и закона, но пожелалъ пріобрѣсти особую заслугу, выходя за эти предѣлы. Но вѣдь одно изъ двухъ: или ссылка на характеръ мотива невѣрна,—тогда она, какъ ложная, вовсе не можетъ имѣть значенія, или же она вѣрна, но тогда мы не имѣмъ никакого права приписывать самолюбіе и суетность безкорыстному дѣятелю, т. е. слова Гельшнера являются явной и притомъ бездоказательной натяжкой.

Но у него есть и грубое, несогласимое противорѣчіе: сперва онъ утверждаетъ, что „исполненіе требованій государственнаго закона есть нравственная обязанность, ибо правовой порядокъ является необходимымъ условіемъ всякой нравственной жизни“, и почти сейчасъ же говоритъ: „безъ сомнѣнія могутъ встрѣтиться случаи, въ которыхъ становится нравственной обязанностью отказъ въ послушаніи уголовному закону, напримѣръ, когда законъ, выходя за предѣлы своей сферы, выступаетъ со своими приказаніями и запрещеніями непосредственно противъ совѣсти, чувствъ или убѣжденій индивида, предписываетъ или запрещаетъ не дѣянія, а исповѣданіе или отверженіе тѣхъ или иныхъ взглядовъ, убѣжденій и т. п.“. Выйти изъ такого противорѣчія

и притомъ, не измѣняя своимъ исходнымъ положеніямъ, допустить наказуемость послѣднихъ случаевъ и вину дѣятеля было невозможно; Гельшнеръ и прибѣгъ къ обходному пути: не входя въ глубь вопроса, онъ прямо замѣтилъ, что „даже и въ такихъ случаяхъ должно оказывать повиновеніе праву постольку, поскольку повинующійся, буде онъ не захочетъ возстать противъ правовой силы государства, долженъ имѣть въ виду, что ему придется терпѣливо перенести законныя послѣдствія своего непослушанія“ [1]).

Очевидно, что рѣшеніе Гельшнеромъ данной комбинаціи критики не выдерживаетъ, и что безусловной наказуемости разсматриваемыхъ имъ здѣсь случаевъ нельзя признать безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Гельшнеръ не доказалъ, что дѣянія, основанныя на соціальныхъ, альтруистическихъ мотивахъ должны быть наказуемы, и что въ частности должна имѣть мѣсто наказуемость тѣхъ случаевъ, гдѣ законъ и нравственный долгъ находятся между собою въ коллизіи. Спрашивается, можетъ ли имѣть мѣсто обратная комбинація, т. е. ненаказуемость, а если можетъ, то должна ли она ограничиваться только этими случаями.

На вторую половину вопроса мы безъ колебаній отвѣчаемъ утвердительно: обозрѣніе первыхъ двухъ группъ Гельшнера привело и насъ къ убѣжденію, что безъ наличности мотива, заслуживающаго вниманія съ этико-соціальной точки зрѣнія, почти ни при какой комбинаціи о ненаказуемости говорить нельзя; мотивъ, относящійся къ какой либо другой категоріи, если онъ достигъ чрезвычайной импульсивности, можетъ иногда, какъ мы видѣли, обосновать невмѣняемость человѣка, если же таковой не признано, то мотивъ антисоціальный, какъ бы силенъ онъ ни былъ, не теряетъ своей качественной стороны; дѣяніе, имъ вызванное,

---

[1]) Hälschner, Strafrecht, s. 509—510, 521—532; особ. s. 522, 528—530.

и субъективно и объективно является вреднымъ для правопорядка, а слѣдовательно должно подлежать наказанію.

Гораздо сложнѣе первая половина вопроса, и разсмотрѣнный матерьялъ еще не предрѣшаетъ ея рѣшенія; мы должны искать дополнительныхъ критеріевъ; намекъ на нихъ мы находимъ у того же Гельшнера, а болѣе полную теорію у Ферри. Гельшнеръ, говоря о давленіи внѣшнихъ обстоятельствъ, благодаря которому у человѣка возникаетъ мотивъ, мимоходомъ замѣтилъ, что разъ нѣтъ на лицо состоянія крайней необходимости, безнаказанность не можетъ имѣть мѣста или потому, что при данныхъ обстоятельствахъ можно и должно было отвратить угрожающую опасность иначе, а не путемъ наказуемаго дѣянія, или потому, что у виновнаго существовала обязанность оказать сопротивленіе опасности и принять ее на себя [1]).

Сходное положеніе Ферри развилъ въ цѣлую теорію. Онъ, разбирая тезисъ „цѣль оправдываетъ средства", высказался въ томъ смыслѣ, что „средства не оправдываются цѣлью, когда самая цѣль не подлежитъ оправданію (цѣль тирана обезпечить за собой власть, достигаемая пролитіемъ народной крови); напротивъ, при нравственномъ качествѣ цѣли, и средства для ея достиженія дозволительны подъ условіемъ ихъ необходимости."

Отсюда при возможности достиженія хорошей цѣли законными средствами и незаконными, послѣднія подлежатъ порицанію, если же выбора нѣтъ, то законность цѣли узаконяваетъ и средства. „Въ мірѣ людей все относительно, поэтому извѣстное средство законно или незаконно не само по себѣ, а въ связи съ условіями, при которыхъ оно полагается. Убить человѣка, по общему признанію, дѣло незаконное, но когда это единственное средство достигнуть за-

---

[1]) Hälschner, ibid., s. 520—521.

конной цѣли, оно является дозволеннымъ. При указанномъ условіи законное побужденіе, законная цѣль дѣятеля исключаетъ наказуемость за нарушеніе чужаго права“ [1]).

Мы разбирали въ своемъ мѣстѣ іезуитскій принципъ съ этической точки зрѣнія и пришли къ выводу, что въ его чистомъ видѣ онъ несостоятеленъ, ибо дѣяніе можетъ быть этически оправдано во вниманіе къ мотиву лишь при совокупности многихъ другихъ условій. Этихъ условій Ферри ищетъ для юридическаго оправданія дѣянія во вниманіе къ мотиву (а Гельшнеръ—для смягченія наказанія во вниманіе къ мотиву) и находитъ ихъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ: если руководимый извѣстнымъ соціальнымъ мотивомъ дѣятель могъ найти другой исходъ кромѣ преступленія—онъ виновенъ, если же преступленіе является единственнымъ способомъ для проявленія соціальнаго мотива—онъ невиненъ.

Мы не сомнѣваемся, что съ этической точки зрѣнія доводы Ферри заслуживаютъ большаго вниманія; его критерій, въ связи съ случаями соціальнаго мотива, особенно же съ тѣми, гдѣ правило закона стоитъ въ коллизіи съ нравственностью, даетъ прочную опору для признанія въ извѣстныхъ случаяхъ, что дѣяніе съ этической точки зрѣнія должно быть оправдано. Судъ присяжныхъ, не стѣсняемый въ своемъ рѣшеніи никакими формальными рамками, очевидно можетъ, пользуясь подобнымъ критеріемъ, оправдывать дѣянія во вниманіе къ мотиву. Но для того, чтобы и коронный судъ могъ дѣйствовать подобнымъ образомъ, необходимо, чтобы законодатель или самъ болѣе точно указалъ въ законѣ относящіеся сюда случаи со всѣми ихъ признаками, или выставилъ руководящій принципъ и предоставилъ судьѣ рѣшать въ конкретномъ случаѣ, можетъ ли имѣть мѣсто освобожденіе виновнаго отъ наказанія. До сихъ поръ, какъ мы видѣли изъ обозрѣнія законо-

---

[1]) Изложеніе этой теоріи см. у Вульферта, ук. соч., стр. 241—242.

дательствъ, законодатели пользовались первымъ пріемомъ, но при этомъ предусматривали ничтожное количество и притомъ сравнительно маловажныхъ случаевъ. На практикѣ это порождаетъ то неудобство, что коронный судья иногда долженъ назначать наказаніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это не должно имѣть мѣста по его внутреннему убѣжденію, основанному на изученіи мотива въ связи со всей обстановкой дѣянія. Указанное неудобство будетъ встрѣчаться тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе случаевъ предусмотритъ законодатель, но окончательно оно не исчезнетъ, ибо случаи, сюда относящіеся, столь разнообразны, что при самомъ напряженномъ вниманіи и глубочайшемъ умѣ никакой законодатель не сможетъ исчислить ихъ всѣ a priori. Спрашивается, можетъ ли законодатель избрать второй изъ указываемыхъ нами путей, и какой критерій для судьи онъ можетъ при этомъ выставить.

Начнемъ съ разсмотрѣнія возможнаго критерія. Мы знаемъ, что сюда прежде всего должно войти указаніе на мотивъ, который долженъ быть одобряемъ съ этико-соціальной точки зрѣнія; затѣмъ, должно быть принято во вниманіе, былъ ли у виновнаго другой исходъ, т. е. могло ли стремленіе дѣятеля къ извѣстному результату осуществиться другимъ путемъ, а не путемъ преступленія; но можно ли для цѣлей правосудія руководствоваться только этими указаніями, честь выработки которыхъ принадлежитъ Ферри? — Мы этого не допускаемъ.

Правда, сюда не подойдетъ тотъ дополнительный критерій, который мы признали необходимымъ для того, чтобы дѣяніе получило правомѣрный характеръ: мы не можемъ требовать для признанія дѣянія ненаказуемымъ, чтобы отъ этого дѣянія выигрывалъ правопорядокъ; такое требованіе явилось бы слишкомъ строгимъ и ввело бы излишнія стѣсненія, ибо, какъ

мы уже говорили, ненаказуемость имѣетъ мѣсто *не по праву*, а по снисхожденію или по соображеніямъ о нецѣлесообразности наказанія, а слѣдовательно она можетъ найти примѣненіе и къ случаямъ, не приносящимъ плюса правопорядку.

Но въ то же время очевидно, что двухъ уже указанныхъ нами критеріевъ недостаточно: уваженіе къ объективному элементу въ уголовномъ правѣ [1]) заставляетъ насъ быть очень осторожными. Возьмемъ, напримѣръ, такой случай: кто либо желаетъ освободить своего друга или брата изъ заключенія, въ которомъ тотъ находится по приговору; имъ руководитъ мотивъ состраданія, ибо, зная свободолюбивый духъ заключеннаго, онъ увѣренъ, что тотъ тяжко страдаетъ; всѣ способы освободить заключеннаго, не прибѣгая къ прямому насилію, представляются невозможными или оказались таковыми на практикѣ; такимъ образомъ, ранѣе указанные признаки находятся на лицо; но, если описываемый человѣкъ прибѣгнетъ къ насилію и такимъ образомъ освободитъ заключеннаго („взломъ тюремъ и уводъ арестантовъ" дѣйствующаго права), то, очевидно, законодатель не можетъ оставить такое дѣяніе безъ репрессіи: онъ обязанъ считаться и съ объективной стороной и поддерживать въ глазахъ общества авторитетъ закона. Поэтому, мы думаемъ, что законодатель можетъ допустить безнаказанность лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ имѣютъ мѣсто уже указанные нами признаки (хорошій мотивъ и необходимость), но гдѣ, сверхъ того, примѣненіе наказанія не является цѣлесообразнымъ въ виду того, что правопорядокъ не потерпѣлъ ущерба или потерпѣлъ его въ незначительной мѣрѣ: соображенія объективнаго характера здѣсь слабо говорятъ противъ преступника, соображенія же о субъективной сторонѣ,

---

[1]) См. выше, стр. 102—103.

наоборотъ, сильно говорятъ за него, однимъ словомъ,— неприменение наказанія можетъ явиться вполнѣ цѣлесообразнымъ.

Такихъ случаевъ въ настоящее время насчитывается немного; мы, напримѣръ, въ эту категорію относимъ случаи недонесенія на близкое лицо или укрывательства такого лица, случаи превышенія необходимой обороны отъ волненія или испуга, случаи провокированнаго оскорбленія и др., уже указанные въ дѣйствующихъ законодательствахъ и проэктахъ.

Итакъ, искомые критеріи нами получены; мы смѣемъ думать, что они не только пригодны для законодателя, но и находятся въ извѣстной гармоніи съ народнымъ правосознаніемъ; мы далеки, напримѣръ, отъ мысли, что присяжные засѣдатели всегда руководствуются такими критеріями и отъ нихъ не отступаютъ, но настаиваемъ на томъ фактѣ, который не можетъ не броситься въ глаза всѣмъ, знающимъ жизнь присяжнаго суда, что, чѣмъ легче учиненное дѣяніе, чѣмъ меньше проистекшій отъ него вредъ, чѣмъ труднѣе было виновному достичь цѣли непреступнымъ путемъ и чѣмъ соціальнѣе и возвышеннѣе его мотивъ,—тѣмъ больше и вѣроятность оправдательнаго вердикта.

Теперь, установивъ руководящую точку зрѣнія, мы должны рѣшить, кто будетъ примѣнять ее, — законодатель или судья; мы знаемъ уже (стр. 274), что, если это дѣло возьметъ на себя законодатель, то ему надо предусмотрѣть возможно больше случаевъ, но и тогда будутъ неизбѣжны пропуски, т. е. судьѣ иногда придется примѣнять наказаніе къ случаямъ, гдѣ оно съ точки зрѣнія мотива преступленія и сопровождающихъ его обстоятельствъ должно быть признано нецѣлесообразнымъ. Мы думаемъ также, что на практикѣ могутъ встрѣтиться случаи, которые не подойдутъ подъ установленные нами выше признаки, хотя бы въ виду важ-

ности нарушеннаго преступленіемъ блага, но наказуемость которыхъ, благодаря исключительно сложившимся обстоятельствамъ, также явится нецѣлесообразной (вспомнимъ, напримѣръ, изъ судебной практики тотъ случай, когда присяжными былъ оправданъ армянинъ, который случайно встрѣтился въ Россіи съ туркомъ, незадолго передъ тѣмъ безнаказанно перерѣзавшимъ всю его семью, и тутъ же на мѣстѣ убилъ этого турка). Тѣмъ не менѣе, мы сомнѣваемся въ правильности представленія судьѣ возможности своей дискреціонной властью назначать наказаніе и освобождать отъ него; относясь съ довѣріемъ къ судьямъ и признавая необходимость извѣстнаго простора судейской дѣятельности, должно въ то же время во имя интересовъ гражданской свободы и во имя прочности правоваго строя настаивать на извѣстныхъ границахъ, на томъ, чтобы судья былъ стражемъ и исполнителемъ закона, а не его хозяиномъ. А отсюда съ неизбѣжностью вытекаетъ, что случаи, въ которыхъ судья можетъ освобождать виновнаго отъ наказанія должны быть *формулированы точно, т. е. судьѣ долженъ быть данъ въ законѣ прочный и опредѣленный критерій.*

Является ли такимъ критерій, установленный нами? Мы думаемъ, что является, ибо всѣ элементы, входящіе въ его составъ, поддаются опредѣленной формулировкѣ. Поэтому, мы рекомендовали бы такую постановку разсматриваемаго вопроса: 1) законодатель предусматриваетъ самъ по возможности больше случаевъ, наказуемость которыхъ явится нецѣлесообразной и 2) для остальныхъ случаевъ онъ устанавливаетъ приблизительно такое правило: „суду предоставляется право освободить виновнаго отъ наказанія, если виновный, дѣйствуя по мотиву, чуждому низкаго, позорнаго или своекорыстнаго характера, совершилъ маловажное дѣяніе или дѣяніе, отъ котораго произошелъ незначительный вредъ, и если при этомъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, что какого либо другаго закон-

наго способа достигнуть намѣченнаго результата у виновнаго не было."

Такимъ образомъ, освобожденіе судомъ отъ наказанія будетъ имѣть мѣсто въ сравнительно тѣсной области и въ предѣлахъ, намѣченныхъ закономъ. Въ виду того, что принятъ во вниманіе и объективный моментъ, трудно опасаться какихъ либо неудобствъ для общественныхъ и частныхъ интересовъ или для незыблемости правового порядка, а между тѣмъ это будетъ значительный шагъ впередъ отъ идеи устраненія и возмездія во что бы то ни стало въ сторону идеи цѣлесообразности наказанія.

Что же касается случаевъ, сходныхъ съ указанными, но не тождественныхъ, напримѣръ, потому, что учинено дѣяніе, которое нельзя признать маловажнымъ, то въ этихъ случаяхъ (см., напримѣръ, вышеуказанный случай съ армяниномъ), конечно, также могутъ встрѣтиться обстоятельства при которыхъ наказуемость не явится цѣлесообразной; но во имя уваженія къ объективному элементу въ уголовномъ правѣ и въ виду необходимости, охраняя правопорядокъ, ставить предѣлы судейскимъ полномочіямъ,—мы не находимъ возможности распространять и на эти случаи право судьи не примѣнять наказаніе; разъ нарушено существенное благо, разъ вредъ отъ дѣянія болѣе или менѣе значителенъ, судья не долженъ имѣть права вязать и рѣшить по своему усмотрѣнію. Если же по исключенію и мотивъ, и другія необычайно сложившіяся обстоятельства чрезвычайно настойчиво говорятъ въ пользу виновнаго,—судьѣ должно быть дано право обращенія къ верховной власти съ ходатайствомъ о помилованіи и право (въ извѣстныхъ границахъ, о которыхъ мы скажемъ далѣе) примѣнять условное осужденіе.

Формулируя теперь кратко свои выводы, мы скажемъ, что 1) мотивъ имѣетъ весьма существенное значеніе для

вмѣняемости, хотя это значеніе не является безусловно рѣшающимъ; 2) мотивъ, но не взятый изолированно, а разсматриваемый въ связи съ другими обстоятельствами, можетъ создать правомѣрность дѣянія, но всѣ такого рода случаи должны быть точно исчислены въ законѣ, ибо правомѣрность дѣянія можетъ быть создана только закономъ, а отнюдь не судейскимъ приговоромъ; 3) во вниманіе къ мотиву, разсматриваемому въ связи съ другими опредѣленно указанными въ законѣ обстоятельствами, виновникъ преступнаго дѣянія можетъ быть освобожденъ отъ наказанія; освобожденіе такого рода *по общему правилу* принадлежитъ законодателю; судьѣ же оно можетъ быть предоставлено лишь при цѣломъ рядѣ условій, которыя также должны быть опредѣленно указаны въ законѣ; 4) отрицательно же значеніе мотива сказывается въ томъ, что, разъ мотивъ не заслуживаетъ вниманія съ этико-соціальной точки зрѣнія, ни признаніе дѣянія правомѣрнымъ, ни его ненаказуемость не должны имѣть мѣста.

Къ такимъ выводамъ не пришли другіе изслѣдователи вопроса о мотивѣ, но они намѣтили къ нимъ путь своими общими, принципіальными положеніями. Мы можемъ указать, напримѣръ, что, по взгляду Штосса, наказаніе (вопреки Канту) не имѣетъ характера абсолютной нравственной необходимости; „оно имѣетъ характеръ *относительной соціальной необходимости*, обусловливаемой потребностями государства и общества“ [1]). Равнымъ образомъ и Краусъ, обращая вниманіе на тѣ случаи, когда преступленіе совершается для предотвращенія бóльшаго зла или для достиженія блага, утверждаетъ, что „въ этихъ случаяхъ неповиновеніе можетъ явиться нравственнымъ долгомъ и посягательство не будетъ ни субъективно безнравственнымъ, ни объективно вреднымъ“. Правда,

---

[1]) Stooss, Kampf. g. d. Verbrechen, S. 6.

онъ не рѣшается допустить ненаказуемость такихъ случаевъ, опасаясь судейскихъ злоупотребленій и опасности для авторитета закона [1]), но мы уже знаемъ, что эти нѣсколько преувеличенныя опасенія теряютъ силу, если выставлены для ненаказуемости еще и другія условія, построенныя на вниманіи къ объективному моменту.

Выставленными нами выше положеніями предрѣшается и наше отношеніе къ оригинальной теоріи по вопросу о мотивахъ, которую выдвинулъ Крепелинъ въ своей работѣ „Die Abschaffung des Strafmasses". Исходя исключительно изъ идеи охраны общества, которую онъ строитъ на субъективномъ моментѣ, совершенно игнорируя моментъ объективный, Крепелинъ требуетъ самыхъ тяжкихъ обезпечительныхъ наказаній по отношенію къ лицамъ, которыя въ его глазахъ являются опасными для общества, но за то онъ требуетъ уничтоженія всякой отвѣтственности, если обществу не грозитъ опасность повторенія преступленія тѣмъ же лицомъ. Для насъ особенно интересенъ тотъ тезисъ, что, когда у даннаго лица устраняется на будущее время извѣстный мотивъ, побуждавшій его совершить преступленіе, обществу уже не угрожаетъ опасность въ будущемъ, а слѣдовательно данное лицо вовсе не должно подвергаться наказанію; таковы, напримѣръ, случаи, когда кассиръ, растративши изъ нужды чужія деньги, получаетъ наслѣдство и становится богатымъ человѣкомъ, когда мужъ покушается на жизнь жены, желая отъ нея освободиться и вступить въ бракъ съ любимой имъ женщиной, а жена умираетъ естественной смертью во время слѣдствія и т. п. [2]).

Эту теорію нельзя признать состоятельной. Мы не по-

---

[2]) Kraus, Motiv, Z. 1897, 17, s. 483—484.

[1]) Изложеніе и разборъ этой теоріи см. у Sichart, Rückfälligkeit, s. 23—24 и у Тальберга, Наказаніе, Ж. Г. и У. Пр., 1884, 5, стр. 16.

нимаемъ увѣренности Крепелина въ томъ, что въ описываемыхъ имъ случаяхъ обществу въ будущемъ не грозитъ опасность; доказательствъ у него нѣтъ, да ихъ и быть не можетъ, ибо дѣло идетъ о *неизвѣстномъ*. Не зная качественной стороны мотива и личности виновнаго, мы не можемъ, основываясь на чисто внѣшнемъ фактѣ, лежащемъ внѣ личности и внѣ ея дѣянія, рѣшать вопросъ о репрессіи. Разъ мотивъ антисоціаленъ, такой пріемъ, какъ мы уже знаемъ, будетъ совершенно несостоятельнымъ [1]); при наличности такого мотива, у насъ является презумпція не въ пользу виновнаго, которая имѣетъ за себя значительную дозу вѣроятности: мужъ, покушавшійся на отравленіе жены, современемъ можетъ разлюбить и ту, для которой онъ пошелъ на преступленіе, и съ одинаковымъ основаніемъ посягнуть въ виду новой любви на ея жизнь и т. п. Очевидно, наказуемость не можетъ строиться на столь шаткомъ основаніи: при такой постановкѣ дѣла можетъ пострадать правосудіе, и въ понятіяхъ общества явится сумбуръ.

Иное дѣло, если мотивъ соціаленъ; но и тогда, какъ мы знаемъ, надо не рубить съ плеча, а остановиться на цѣломъ рядѣ обстоятельствъ, совершенно игнорируемыхъ Крепелиномъ.

---

[1]) См. выше, стр. 272.

Глава 2-я.

Связь ученія о мотивѣ съ другими отдѣльными уголовно-правовыми ученіями.

Мы начнемъ настоящій свой обзоръ съ ученія о необходимой оборонѣ. Утверждать, что это ученіе основывается на вниманіи къ мотиву,—мы не рѣшимся, ибо необходимая оборона является однимъ изъ древнѣйшихъ правовыхъ институтовъ, извѣстныхъ уже тогда, когда пониманіе роли мотива не существовало и существовать не могло, является по общему признанію non scripta, sed nata lex. Но правовыя понятія въ своемъ историческомъ развитіи переживаютъ разныя измѣненія, такъ что весьма давній институтъ въ болѣе позднее время иногда является съ тѣмъ же названіемъ, но съ совершенно инымъ содержаніемъ; ему даютъ совершенно новое обоснованіе, о которомъ раньше и помину не было, какъ это, напримѣръ, случилось съ правомъ наказанія: общественная власть примѣняла его, когда находила нужнымъ, и оно было фактомъ, не требующимъ объясненія и не возбуждающимъ сомнѣній; но пришли иныя времена,—и это право сложнымъ и противорѣчивымъ образомъ стали объяснять философскія теоріи, изъ которыхъ нѣкоторыя даже отнеслись къ нему съ полнымъ отрицаніемъ.

Поэтому мы будемъ съ точки зрѣнія теоріи мотивовъ разсматривать рядъ ученій, сложившихся внѣ вліянія этой теоріи: новое освѣщеніе можетъ привести насъ къ выводу, что необходимы извѣстныя измѣненія въ организаціи того или иного института.

Мы говорили уже, что съ нашей точки зрѣнія, конструируя понятіе необходимой обороны, нужно принимать въ соображеніе мотивъ, которымъ обычно является вполнѣ соціальное стремленіе сохранить жизнь или другія блага (свои или чужія), подвергшіяся нападенію. Во всѣхъ случаяхъ, подходящихъ подъ общія выставленныя доктриной условія, состояніе необходимой обороны является, по почти всеобщему признанію криминалистовъ, правомѣрнымъ, ergo и ненаказуемымъ.

Мы должны провѣрить, правиленъ ли такой взглядъ съ точки зрѣнія мотива.

Господствующее мнѣніе, разъ на лицо всѣ условія необходимой обороны, категорически отрицаетъ требованіе какой бы то ни было пропорціональности между энергіей защиты и значеніемъ того блага, которое подверглось нападенію [1]), а Іерингъ даже прямо утверждаетъ, что самое ничтожное имущество въ глазахъ его собственника должно являться болѣе цѣннымъ, чѣмъ какія бы то ни было блага нападающаго, ибо имущество принадлежитъ ему и имѣетъ для него цѣну, а члены тѣла нападающаго, если и потерпятъ ущербъ, то они никакой цѣны для защищавшагося не имѣютъ. [2])

Намъ такой порядокъ представится невозможнымъ, если мы вспомнимъ о той необходимой связи, которая должна существовать между правомъ и моралью, а также о томъ простомъ соображеніи, что всякое субъективное право условно, а слѣдовательно его охрана не должна быть безусловной. Еще яснѣе сдѣлается намъ это, если мы на примѣрахъ разсмотримъ, къ чему приводитъ на практикѣ оспариваемая теорія, которая, по прекрасному выраженію Lammasch'a, заключаетъ въ себѣ „безпощадное утвержденіе силы владѣнія". Примѣры эти мы находимъ у того-же Lam-

---

[1]) См., напримѣръ, Binding, Handbuch, B. I, s. 738 и 752.

[2]) Іерингъ, Борьба за право, перев. Волкова, стр. 71.

masch'a; это тѣ, напримѣръ, случаи, когда собственникъ яблони, который въ силу своего возраста или калѣчества не можетъ инымъ образомъ „воспрепятствовать нападенію на свою собственность“, стрѣляетъ въ дитя, взобравшееся на дерево, чтобы сорвать пару яблокъ; признаніе ненаказуемости такихъ случаевъ, по мнѣнію Lammasch'а, показываетъ, что „правовое ученіе, ведущее къ такимъ выводамъ, нездорово до самыхъ корней своихъ“ [1]).

Мы постараемся подтвердить это мнѣніе соображеніями о мотивѣ. Мотивъ самосохраненія (въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова), по существу эгоистическій, тѣмъ не менѣе при громадномъ большинствѣ случаевъ необходимой обороны можетъ быть признанъ соціальнымъ въ виду того, что дѣятель, руководимый этимъ мотивомъ, отвращая противозаконное насиліе, способствуетъ поддержанію правопорядка и до нѣкоторой степени даже укрѣпляетъ общественныя этико-правовыя понятія. Но можетъ ли быть рѣчь о такихъ результатахъ, если дѣятель наноситъ вредъ, который является несоразмѣрно большимъ по сравненію съ защищаемымъ благомъ? Развѣ такое крайнее проявленіе эгоизма не должно дѣйствовать развращающимъ образомъ на общество? Тутъ уже самосохраненіе проявляется въ такихъ формахъ, что правильнѣе говорить не о немъ, а о проявленіи полнаго безсердечія и алчности (правда, пассивной), т. е. о такихъ мотивахъ, антисоціальный характеръ которыхъ является несомнѣннымъ; мотивъ самосохраненія, являясь вообще соціальнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ уже становится антисоціальнымъ, а слѣдовательно и основанная на этомъ мотивѣ оборона можетъ не только терять свой правомѣрный характеръ, но и становится наказуемой. [2])

---

[1]) Lammasch, Studien, Gerichts. 44, s. 191 - 192.

[2]) Сознаніе необходимости считаться съ мотивомъ, конструируя понятіе необходимой обороны, проникаетъ и въ законодательство: art. 8 испан-

Переходимъ къ состоянію крайней необходимости; о немъ мы уже говорили, разсматривая случаи, гдѣ во вниманіе къ мотиву можетъ имѣть мѣсто освобожденіе отъ наказанія; теперь мы должны пересмотрѣть съ точки зрѣнія мотива всю конструкцію этого понятія. Нападенія здѣсь уже нѣтъ, но за то есть на лицо неотвратимая опасность, которая, вызывая необычное состояніе духа у лица ей подвергшагося, можетъ заставить чувство самосохраненія говорить даже громче, чѣмъ при необходимой оборонѣ. Communis oppinio признаетъ это состояніе всегда неправомѣрнымъ и всегда же ненаказуемымъ; наоборотъ, Листъ признаетъ здѣсь правомѣрность [1]).

Но мы ни того, ни другаго рѣшенія въ столь категорической формѣ принять не можемъ, ибо къ состоянію крайней необходимости относится двѣ категоріи, смѣшеніе которыхъ на нашъ взглядъ является совершенно неправильнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда меньшее благо приносится въ жертву большему, мы, какъ говорили въ предыдущей главѣ, признаемъ при наличности извѣстнаго мотива правомѣрность; хотя здѣсь и гибнетъ благо ни въ чемъ неповиннаго лица, но правопорядокъ отъ этого выигрываетъ: разъ должно неизбѣжно погибнуть одно изъ двухъ благъ, важно, чтобы спаслось бо́льшее благо, какъ болѣе цѣнное для правопорядка.

Представимъ себѣ слѣдующіе примѣры: 1) кто либо отравился; бѣгутъ къ врачу и, не заставъ его дома, взламываютъ шкапъ, гдѣ хранятся противоядія; изъ обстоятельствъ дѣла видно, что инымъ путемъ нельзя было достать противоядія, которое необходимо было дать немедленно; 2) ребенокъ упалъ въ прудъ; кто либо, бѣгущій спасти утопающаго, выбираетъ кратчайшій путь и вслѣдствіе этого топ-

скаго кодекса требуетъ и здѣсь для безнаказанности, чтобы защищающійся не былъ побуждаемъ местью, злобой, или другимъ несправедливымъ мотивомъ; см. Ferri, Sociologie, p. 419.

[1]) Liszt, Lehrbuch, s. 142—143.

четъ находящіяся на пути гряды и клумбы съ цѣнными цвѣтами; 3) рабочій, уволенный съ фабрики въ виду сокращенія производства, не можетъ найти заработка и впадаетъ въ безысходную нужду; чтобы спасти отъ голодной смерти своихъ дѣтей, онъ совершаетъ мелкую кражу. Всѣ эти случаи господствующая доктрина признаетъ неправомѣрными на томъ основаніи, что законъ безусловно охраняетъ право собственности, а потому нельзя сказать, чтобы виновный *былъ управомоченъ* при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ жертвовать чужой собственностью; но здоровое народное правосознаніе не мирится съ такими доводами, а теорія мотивовъ не можетъ не вооружиться противъ нихъ: стеченіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ здѣсь соединяется съ вполнѣ соціальнымъ мотивомъ или любви къ ближнему, или нежеланія гибнуть изъ уваженія къ чужому мелкому интересу; здѣсь и рѣчи не можетъ быть объ антисоціальномъ настроеніи виновнаго; если же мы приемъ во вниманіе, что государственная охрана того или другаго интереса можетъ быть и часто является условной, то мы свободно можемъ признать всѣ описываемые случаи правомѣрными [1]). Значитъ, скажутъ намъ, вы не допускаете въ такихъ случаяхъ необходимой обороны со стороны собственника? Нѣтъ, мы ее допускаемъ, но лишь постольку, поскольку собственникъ не зналъ о томъ, что нападающій находится въ состояніи крайней необходимости. Если собственникъ видитъ, что кто либо посягаетъ на его благо, онъ имѣетъ право защищать это благо, пока ему не выяснено, чѣмъ вызвано нападеніе; принявъ иную точку зрѣнія, мы должны будемъ признать, что собственникъ цвѣтника можетъ, выслушавъ, зачѣмъ были истоптаны его клумбы, задержать бѣгущаго и помѣшать спасенію тонущаго ребенка и т. п.

---

[1]) Contra, напримѣръ, Таганцевъ, Лекціи, в. 2, стр. 601.

Но за то совершенно иначе мы смотримъ на тѣ случаи, гдѣ одно равноцѣнное благо приносится въ жертву другому; ранѣе мы говорили, что въ этихъ случаяхъ не можетъ быть признана правомѣрность; теперь мы должны рѣшить, всегда ли при ихъ наличности должна имѣть мѣсто безнаказанность.

Чтобы спастись отъ неотвратимой другимъ путемъ опасности, я сбрасываю въ воду другаго человѣка; чтобы спасти своего ребенка, я жертвую чужимъ ребенкомъ; можно ли одобрить ненаказуемость всѣхъ подобныхъ случаевъ?—

Господствующее мнѣніе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, основываясь на томъ, что здѣсь посягательство на чужое благо вызывается особыми чрезвычайными условіями и не заключаетъ въ себѣ элементовъ, которые оправдывали бы примѣненіе наказанія, ибо здѣсь нѣтъ мотивовъ злобы, мести, корысти и т. п., нѣтъ ни неуваженія къ праву, ни даже неблагоразумія; для того чтобы дѣйствовать иначе, нужно было бы быть героемъ, а право не можетъ требовать отъ людей героизма.

Мы говорили уже о томъ, что для ненаказуемости дѣянія не слѣдуетъ требовать, чтобы оно приносило плюсъ правопорядку; по соображеніямъ цѣлесообразности допустима ненаказуемость и тогда, когда нѣтъ ни плюса, ни минуса, и даже когда есть небольшой минусъ, съ избыткомъ покрываемый соображеніями о субъективной сторонѣ дѣянія, причемъ непремѣннымъ условіемъ является то, чтобы мотивъ былъ чуждъ антисоціальнаго характера. Разъ одно изъ благъ неминуемо должно было погибнуть, мы не можемъ сказать, что правопорядокъ потерпѣлъ ущербъ отъ дѣянія виновнаго, но можно ли сказать, что мотивъ дѣйствующаго соціаленъ? Безусловно нѣтъ: жажда самосохраненія, чувство само по себѣ соціальное, перестаетъ быть таковымъ, если для этой жажды виновный приноситъ въ жертву жизнь неповин-

наго человѣка. Поэтому, съ точки зрѣнія качества мотива, эти случаи, вопреки господствующему мнѣнію, докжны были бы оставаться наказуемыми (въ какой мѣрѣ—это другой вопросъ); но, если мы примемъ во вниманіе интенсивность мотива, мы должны будемъ признать, что при состояніи крайней необходимости трудно говорить о нормальной опредѣляемости мотивами, а слѣдовательно и о вмѣняемости; ненаказуемость этого состоянія, при случаяхъ гибели равнаго права за равное, такимъ образомъ можетъ имѣть мѣсто, основываясь *на презумпціи невмѣняемости*. Въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ, когда будетъ доказано, что виновный дѣйствовалъ вполнѣ хладнокровно и обдуманно, т. е., что процессъ мотиваціи протекалъ вполнѣ нормально, мы, по изложеннымъ соображеніямъ, находимъ наказуемость вполнѣ возможной: невмѣняемости нѣтъ, а мотивъ прямо указываетъ на антисоціальное настроеніе дѣятеля.

Съ понятіемъ о крайней необходимости близко соприкасается понятіе о нуждѣ вообще. Мотивъ здѣсь такой же (самосохраненіе), но отсутствуютъ условія, благодаря которымъ этотъ мотивъ можно признать соціальнымъ: нѣтъ интенсивности, которая заставила бы признать опредѣляемость мотивами ненормальной, и нѣтъ необходимости, т. е. нѣтъ данныхъ, доказывающихъ, что дѣятель избралъ преступный путь благодаря невозможности дѣйствовать иначе. Поэтому, мы не можемъ питать увѣренности въ томъ, что дѣятель вообще настроенъ соціально, соображенія же объективнаго характера говорятъ противъ него, такъ что безнаказанность, согласно ранѣе выставленнымъ нами общимъ положеніямъ, не должна имѣть мѣста; вниманіе же къ мотиву должно выразиться въ опредѣленіи виновному болѣе снисходительнаго наказанія. [1])

---

[1]) Къ тому же выводу, но по совершенно другимъ основаніямъ приходитъ Hälschner, см. его Strafrecht, s. 520.

Аналогичными соображеніями можно руководствоваться при разборѣ ученій о страсти, угрозѣ, ошибкѣ, согласіи пострадавшаго и проч. При этомъ мы должны помнить, что, разъ вмѣняемость на лицо, указаніе на значительность импульсивной силы того или иного мотива не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. На первый планъ мы должны ставить качественную сторону, свойство мотива, ибо только этотъ моментъ, въ связи съ другими данными, можетъ уяснить намъ значеніе совершеннаго дѣянія и дать намъ понятіе о личности совершителя и его общемъ настроеніи относительно правопорядка.[1])

Наказаніе можетъ быть такимъ или инымъ, бóльшимъ или меньшимъ, въ виду соображеній, лежащихъ внѣ области мотива, если же мы хотимъ считаться съ послѣднимъ, то мы должны не забывать, что главное здѣсь—качественное, т. е. соціально-этическое значеніе мотива, и что именно этотъ критерій будетъ для насъ рѣшающимъ.

Возьмемъ примѣръ: человѣкъ, говоря словами нашего уложенія, дѣйствовалъ въ „запальчивости и раздраженіи"; мы думаемъ, что это указаніе еще мало выясняетъ намъ дѣло: если кто нибудь отъ косаго взгляда въ его сторону или отъ одного непріятнаго слова приходитъ въ состояніе запальчивости и раздраженія и отвѣчаетъ съ своей стороны пощечиной или ударомъ ножа, то онъ рисуется въ нашихъ глазахъ какъ субъектъ, настроенный крайне антисоціально; если посягательство на личность своего ближняго кто либо совершаетъ въ раздраженіи, о которомъ говорится „лѣвой ногой всталъ съ постели", то такое раздраженіе еще не даетъ поводовъ для снисходительнаго отношенія къ учиненному. Чтобы уяснить соціальный или антисоціальный харак-

---

[1]) Ср. M. Couche, Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P. 1896, 7, p. 1106—1107.

теръ раздраженія, какъ мотива, мы должны разсмотрѣть его въ соотношеніи какъ съ тѣмъ толчкомъ, благодаря которому процессъ мотиваціи принялъ именно такой видъ, такъ и въ соотношеніи съ тѣмъ дѣяніемъ, которымъ разрѣшилось состояніе раздраженія. Равнымъ образомъ, когда мы имѣемъ передъ собой дѣяніе, учиненное по страсти, мы должны уяснить себѣ, какъ возникла и развилась эта страсть, какова она по своимъ свойствамъ и т. п. Скупость и алчность могутъ принимать характеръ страсти, месть и ненависть—также; если подобнаго рода страсть не дошла до той степени, при которой она исключаетъ вмѣняемость, то ея наличность, съ точки зрѣнія теоріи мотивовъ, не только не создаетъ плюса на сторонѣ виновника преступнаго дѣянія, но даже, не смотря на свою интенсивность, можетъ быть принята во вниманіе какъ элементъ, возвышающій наказуемость: мотивъ преступленія и самъ по себѣ, и по своему проявленію во внѣ, безспорно, является антисоціальнымъ.

Другое дѣло, если страсть (напримѣръ, страстная любовь къ женщинѣ), хотя и довела человѣка до преступленія, но въ то же время по своей, если позволено будетъ такъ выразиться, качественности, не позволяетъ признать себя мотивомъ антисоціальнымъ; въ этихъ случаяхъ, по ранѣе изложеннымъ нами основаніямъ, мы должны отнестись къ виновному со снисхожденіемъ.[1])

Мы установимъ далѣе, въ чемъ должно выразиться снисхожденіе или, наоборотъ, болѣе строгое отношеніе, пока же мы лишь оговоримся, что мы здѣсь вовсе не разумѣемъ небольшое пониженіе наказанія, а съ другой стороны—его назначеніе въ высшей мѣрѣ, ибо вниманіе къ мотиву, выра-

---

[1]) Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о психическомъ принужденіи, который подходитъ подъ правила крайней необходимости, и о физическомъ принужденіи, который разрѣшается внѣ теоріи мотивовъ.

женное въ такой формѣ, не является въ нашихъ глазахъ достаточнымъ.

Переходимъ къ ученію объ исполненіи приказа. Это ученіе нерѣдко конструируется совершенно формально, причемъ мотивъ игнорируется, а играютъ роль другія соображенія. Одни (хотя это, по справедливому замѣчанію проф. Таганцева, уже давно поколебленная въ наукѣ теорія) говорятъ, что подчиненный никогда не долженъ отвѣчать за дѣяніе, учиненное по приказу начальника, ибо онъ долженъ подчиняться послѣднему слѣпо и безъ разсужденій. Другіе же думаютъ, что исполненіе приказа можетъ освобождать подчиненнаго отъ наказанія лишь при цѣломъ рядѣ условій: требуется, чтобы приказъ исходилъ отъ компетентнаго лица, не былъ явно противозаконнымъ, а иногда еще, чтобы онъ былъ данъ въ надлежащей формѣ, т. е. берутся всѣ условія, относящіяся исключительно къ объективной сторонѣ и почти ничего общаго не имѣющія съ мотивомъ. Намъ же кажется, что и здѣсь на мотивъ слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе.

Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, считалъ ли виновный данный ему приказъ законнымъ. Если считалъ и притомъ добросовѣстно,—то онъ дѣйствовалъ по вполнѣ соціальному мотиву, каковымъ является сознаніе обязанности повиноваться законнымъ требованіямъ начальства; наказаніе не должно имѣть мѣста: правда, дѣяніе можетъ являться существенно вредоноснымъ, но за него отвѣтитъ лицо, отдавшее приказаніе. Но если исполнитель приказа сознавалъ, что отъ него требуютъ совершенія преступнаго дѣянія, всегда ли онъ долженъ быть признанъ отвѣтственнымъ и наказуемымъ лицомъ? Мы думаемъ, что нѣтъ, и въ этомъ отношеніи руководствуемся чрезвычайно интересной постановкой вопроса въ швейцарскомъ проэктѣ, который гласитъ: „ненаказуемо преступленіе, если виновный, совершая его по приказу, былъ убѣж-

денъ, что онъ обязанъ подчиниться этому приказу“; въ этомъ случаѣ центръ тяжести вопроса переносится на то, *почему* виновный исполнилъ приказъ, вопросъ же о томъ, предписывалось ли явно противозаконное дѣяніе или неявно,— отступаетъ на задній планъ; если виновный былъ убѣжденъ, что онъ обязанъ подчиниться приказу, и потому совершилъ преступленіе, его мотивъ сходенъ съ мотивомъ передъ этимъ разобраннаго нами случая, т. е. мотивомъ является добросовѣстное убѣжденіе виновнаго относительно своего долга повиноваться, которое нѣтъ основаній признавать несоціальнымъ, а потому наказуемость не должна имѣть мѣста.

Всѣ остальные случаи должны быть признаны наказуемыми, вниманіе же къ мотиву можетъ выразиться въ назначеніи болѣе снисходительнаго наказанія; но такое снисхожденіе должно имѣть мѣсто безусловно не при всѣхъ случаяхъ исполненія приказа, а лишь тогда, когда приказъ граничитъ съ психическимъ принужденіемъ, когда мотивомъ является понятный страхъ, напримѣръ, когда „исполнившій знаетъ, что приказъ, ему данный, беззаконенъ; но онъ также знаетъ, что одного слова, одного намека начальника достаточно, чтобы лишить ослушника мѣста, оставить безъ куска хлѣба“. [1]) Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мотивъ не говоритъ въ пользу исполнителя приказа, напримѣръ, когда исполнитель надѣялся, что дѣло можетъ не дойти до суда и хотѣлъ для своихъ выгодъ проявить особую предупредительность къ требованіямъ начальства и такимъ образомъ стяжать его особое благоволеніе, мы никакихъ основаній къ снисхожденію не видимъ: мотивъ прямо свидѣтельствуетъ объ антисоціальномъ настроеніи виновнаго.

Такимъ образомъ, мы убѣдились, что ученіе объ испол-

---

[1]) Таганцевъ, Лекціи, в. 2, стр. 550.

ненія обязательнаго приказа должно находиться въ связи съ ученіемъ о мотивѣ. Сейчасъ мы постараемся доказать то же самое и относительно ученія о согласіи пострадавшаго.

Ученіе о вліяніи согласія пострадавшаго на наказуемость виновнаго обыкновенно и въ доктринѣ и въ кодексахъ конструируется безъ вниманія къ тому мотиву, которымъ руководствовалось лицо, посягнувшее на чьи либо блага съ согласія ихъ носителя; одни говорятъ, что нужно не согласіе, а настоятельная просьба жертвы, другіе спорятъ о томъ, какія блага являются отчуждаемыми и какія неотчуждаемыми и т. п., т. е. все время имѣется въ виду исключительно объективная сторона преступленія; о мотивѣ вспоминаютъ лишь по исключенію, причемъ это обыкновенно дѣлается при выставленіи примѣровъ для доказательства необходимости понижать наказаніе при наличности тѣхъ или иныхъ мотивовъ, разъ не можетъ имѣть мѣста полное освобожденіе отъ наказанія.

За то совершенно иную постановку вопроса мы находимъ въ швейцарскомъ и норвежскомъ проэктахъ и въ трудахъ Ферри. Какъ мы видѣли, швейцарскій проэктъ категорически требуетъ, чтобы кромѣ согласія пострадавшаго были на лицо и достойные уваженія мотивы; а норвежскій ставитъ наравнѣ съ посягательствами, учиненными по согласію, посягательство на жизнь больнаго, учиненное безъ согласія послѣдняго, но по мотиву состраданія; что же касается Ферри, то въ своей работѣ „Omicidio—suicidio“ онъ блистательно доказалъ несостоятельность господствующей доктрины по вопросу о значеніи согласія пострадавшаго и необходимость считаться здѣсь съ мотивомъ виновника. Не вполнѣ соглашаясь съ его выводами, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что эти выводы не вытекаютъ съ необходимостью изъ той принципіальной постановки вопроса, которую далъ Ферри и которую мы находимъ вполнѣ правильной. Онъ

говоритъ, резюмируя въ другомъ мѣстѣ свою теорію, такъ: „Я защищаю, наравнѣ съ правомъ человѣка эмигрировать, его право убить себя (что допущено, наконецъ, и классической теоріей послѣ длившихся цѣлые вѣка возраженій), а слѣдовательно и право уполномочить другое лицо на оказаніе помощи себѣ въ самоубійствѣ или на самое убійство себя (что классики отрицаютъ). Дѣленіе правъ на неотчуждаемыя и прирожденныя съ одной стороны и на пріобрѣтенныя и отчуждаемыя съ другой—является чисто метафизическимъ. Поэтому, я отстаиваю безнаказанность того, кто помогаетъ другому въ самоубійствѣ или убиваетъ лицо, согласившееся умереть, *поскольку виновный былъ руководимъ въ своей дѣятельности соціальными мотивами (состраданіемъ, любовью и т. д.)*. Если же, напротивъ, онъ былъ опредѣляемъ антисоціальными мотивами (ненависть, алчность, обманъ и пр.), тогда онъ является обыкновеннымъ преступникомъ и долженъ быть наказанъ какъ таковой. Совершенно не такъ смотрятъ на дѣло современныя законодательства, поставленныя между двухъ огней: между классической теоріей нравственной отвѣтственности и общественными взглядами, которые не требуютъ наказанія того, кто изъ состраданія и изъ любви помогалъ самоубійству или даже убивалъ (примѣръ наиболѣе частый—это несчастные любовники, которые при взаимной помощи кончаютъ самоубійствомъ или же одинъ изъ нихъ убиваетъ другаго, а затѣмъ пытается убить себя, но по несчастію остается въ живыхъ); эти законодательства разрѣшаютъ вопросъ абсурднымъ образомъ; они установили нѣчто среднее между безнаказанностью, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлась бы вполнѣ умѣстной, и обычнымъ наказаніемъ, которое необходимо въ остальныхъ случаяхъ; они назначаютъ смягченное наказаніе для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя оказываютъ помощь самоубійству или убиваютъ кого либо по его просьбѣ, не взирая на то каковъ винов-

никъ: преданный ли онъ другъ или обыкновенный злодѣй". [1])

Итакъ, Ферри прежде всего доказалъ, что несообразно примѣнять обыкновенное наказаніе къ лицамъ, дѣйствовавшимъ по соціальнымъ мотивамъ и смягчать наказаніе лицамъ, дѣйствовавшимъ по мотивамъ обратнаго характера. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ съ нимъ согласны; но можно ли вывести изъ положеній Ферри, что случаи перваго рода безусловно должны оставаться ненаказуемыми? — Мы этого не думаемъ; примѣняя особые роды наказанія къ тѣмъ виновнымъ, которые дѣйствовали по соціальнымъ мотивамъ, мы вполнѣ избѣгнемъ поставленія на одну доску лицъ, совершенно разныхъ соціальныхъ настроеній; мы избѣгнемъ тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыхъ справедливо боится Ферри, того образа дѣйствій, который проф. Фойницкій такъ мѣтко окрестилъ однажды именемъ „пенитенціарной алхиміи".

Такимъ образомъ, есть возможность отнестись съ достаточнымъ вниманіемъ къ мотиву, не защищая ненаказуемости разсматриваемыхъ случаевъ. Противъ послѣдней, какъ намъ кажется, говорятъ не лишенныя значенія уголовно-политическія соображенія: теперь, напримѣръ, медикъ не имѣетъ права изъ состраданія къ больному, котораго онъ признаетъ безнадежнымъ, по просьбѣ этого больнаго прекратить его жизнь; тогда же онъ получитъ это право, уже предоставленное ему норвежскимъ проэктомъ (который даже согласія со стороны безнадежнаго больнаго не требуетъ). Но вѣдь такое право имѣетъ крайне невыгодныя стороны: 1) возможны вполнѣ добросовѣстныя ошибки, ибо не разъ поправлялись лица, признанныя безусловно безнадежными

---

[1]) Ferri, Sociologie, p. 346.

цѣлымъ консиліумомъ врачей, а не то что однимъ врачемъ; 2) даже въ случаяхъ, явно безнадежныхъ, убіеніе больнаго по его просьбѣ не является единственнымъ необходимымъ исходомъ для прекращенія его страданій: можно давать разныя наркотическія средства; зачѣмъ же, спрашивается, раньше времени обрывать нить человѣческой жизни? 3) теперь больной съ довѣріемъ смотритъ на врача, какъ на цѣлителя, зная, что вся его задача заключается въ поддержаніи жизни и облегченіи ея; но у того же больнаго явится справедливое недовѣріе, если онъ будетъ знать, что врачъ въ извѣстныхъ случаяхъ располагаетъ правомъ жизни и смерти, и едва ли больной удовлетворится мыслью, что безъ его согласія его все же не убьютъ даже „изъ сострађанія".

Изложенныя соображенія относительно медиковъ еще съ большей силой говорятъ противъ права обыкновеннаго гражданина убивать больнаго по его просьбѣ. Но, если дѣло касается людей здоровыхъ, то и здѣсь у насъ возникаютъ сомнѣнія относительно того, явится ли цѣлесообразной безнаказанность: если человѣкъ не убиваетъ себя самъ, а проситъ объ этомъ другое лицо, то мы имѣемъ право заключить, что у даннаго человѣка нѣтъ достаточной энергіи, и что если бы онъ встрѣтилъ отказъ въ своей просьбѣ убить его, то онъ, весьма вѣроятно, остался бы въ живыхъ; а для правопорядка жизнь человѣческая имѣетъ большое значеніе, ибо недаромъ она является высоко охраняемымъ благомъ.

Все сказанное объ убійствѣ по согласію можетъ быть (съ небольшими варіаціями) примѣнено и къ причиненію по согласію тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій и тяжкихъ посягательствъ на тѣлесную неприкосновенность, а также къ пособничеству въ самоубійствѣ, которое, конечно, будетъ наказуемо не какъ соучастіе въ самоубійствѣ, а какъ delictum sui generis.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ чрезвычайно, какъ мы видѣли, важно, чтобы мотивъ (состраданіе, желаніе спасти близкое любимое лицо отъ позора и т. п.) принимался въ самое серьезное соображеніе; оно должно выразиться не въ безнаказанности, а въ особой и притомъ снисходительной наказуемости. Здѣсь же, по нашему мнѣнію, съ полной цѣлесообразностью и также со вниманіемъ къ мотиву можетъ быть примѣнено къ виновному условное осужденіе. [1])

Обратимся къ ученію объ ошибкѣ. Интересуясь главнымъ образомъ вопросомъ о значеніи мотива, мы будемъ говорить не объ ошибкѣ (фактической или юридической) вообще, ибо вопросъ о ея значеніи для наказуемости разрѣшается (и по нашему мнѣнію—это вполнѣ правильно) внѣ соображеній о мотивѣ, а объ ошибкѣ въ процессѣ мотиваціи и о томъ, какое значеніе должна имѣть такая ошибка для репрессіи.

Процессъ мотиваціи, благодаря ошибкѣ, можетъ явиться въ извращенномъ видѣ. Такъ, дѣятель можетъ ошибочно предположить, что имѣется на лицо согласіе пострадавшаго, въ томъ ли смыслѣ, что въ дѣйствительности согласія не было, или въ томъ смыслѣ, что согласіе было, но ему нельзя было придавать значенія, потому, напримѣръ, что согласіе исходило отъ лица душевно больнаго, а дѣятель этого не зналъ, или отъ лица, разрѣшившаго виновному взять вещь, тогда какъ это лицо не было ея собственникомъ.

Далѣе, сюда относятся случаи, когда дѣятель ошибочно

---

[1]) Примѣчаніе. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о согласіи пострадавшаго при другихъ деликтахъ; при нихъ вопросъ о мотивѣ не имѣетъ значенія, ибо согласіе уничтожаетъ самую преступность дѣянія: не можетъ быть кражи или грабежа, если собственникъ соглашается, чтобы было взято какое либо его имущество; не можетъ быть оскорбленія, если лицо не считаетъ оскорбительное обращеніе унизительнымъ для себя и т. п.

Равнымъ образомъ мы ничего не будемъ говорить о тѣхъ состояніяхъ, которыя имѣютъ значеніе не для вопроса о мотиваціи, а для вопроса о вмѣняемости.

предположилъ, что онъ находится въ состояніи необходимой обороны, а также случаи, когда дѣятель дѣйствовалъ въ убѣжденіи, что на лицо имѣются извѣстные факты (напримѣръ, что онъ оскорбленъ, что жена ему измѣнила), тогда какъ въ дѣйствительности этихъ фактовъ не было.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мотивы могутъ быть весьма разнообразны, но появляются они и становятся стимуломъ къ дѣятельности только благодаря ошибкѣ.

Спрашивается, какъ должна отразиться на репрессіи наличность такой ошибки. На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ у проф. Таганцева. Дѣлая изъятія для тѣхъ преступныхъ дѣяній, гдѣ наличность извѣстнаго мотива входитъ въ самый ихъ составъ, онъ говоритъ: „Сверхъ сего ошибочный мотивъ дѣятельности можетъ быть основаніемъ смягченія отвѣтственности въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагаемое основаніе дѣятельности, если бы предположеніе оказалось вѣрнымъ, послужило основаніемъ для смягченія наказанія, или когда оно, не смотря на его ошибочность, вызвало аффектированное состояніе дѣйствующаго. Но въ то же время, исходя изъ убѣжденія, что „мотивъ дѣятельности, по общему правилу, не признается существеннымъ условіемъ преступности“, проф. Таганцевъ находитъ, что „ошибочность мотива или несуществованіе предполагаемыхъ основаній дѣятельности далеко не всегда уничтожаетъ умышленность вины, если только преступный путь дѣятельности былъ выбранъ сознательно.“ [1])

Прежде всего необходимо замѣтить, что по исключенію проф. Таганцевъ допускаетъ иногда и полное освобожденіе отъ наказанія: это въ тѣхъ случаяхъ мнимой обороны, когда виновника по обстоятельствамъ дѣла даже нельзя укорить въ легкомысліи и небрежности, напримѣръ, когда на чело-

---

[1]) Таганцевъ, Лекціи, в. 2, стр. 653—654.

вѣка напало нѣсколько замаскированныхъ лицъ ради шутки, чтобы попугать его, а онъ, принявъ пріятелей за разбойниковъ, одного изъ нихъ убилъ. Вполнѣ соглашаясь въ данномъ случаѣ съ почтеннымъ авторомъ, мы даже думаемъ, что указанный имъ принципъ можетъ быть выставленъ въ качествѣ общаго руководящаго принципа для разрѣшенія всѣхъ случаевъ ошибочной мотиваціи: если обстоятельства складываются такимъ образомъ, что виновный впалъ въ ошибку, не смотря на добросовѣстность и внимательность, мотивъ его дѣятельности долженъ приниматься судомъ въ той обрисовкѣ и обстановкѣ, какія имѣли мѣсто по убѣжденію виновнаго, а не въ тѣхъ рамкахъ, какія оказались въ дѣйствительности. Поэтому, если врачъ убиваетъ безнадежно больнаго, котораго онъ, хотя и ошибочно, но вполнѣ добросовѣстно и послѣ тщательнаго изслѣдованія призналъ таковымъ, то онъ долженъ отвѣчать такъ, какъ онъ отвѣчалъ бы, если бы его діагнозъ былъ правильнымъ; если мужъ застаетъ свою жену полураздѣтой въ объятіяхъ посторонняго мущины и убиваетъ его или ее по глубокому убѣжденію, что здѣсь было захваченное на мѣстѣ прелюбодѣяніе, онъ долженъ отвѣчать за убійство прелюбодѣйной жены, хотя бы она не была таковою въ дѣйствительности и т. п. Рѣшая вопросъ въ этомъ смыслѣ, мы основываемся на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) обстоятельства сложились такимъ образомъ, дѣйствія потерпѣвшаго носили такой характеръ, что виновный неизбѣжно долженъ былъ дать имъ ошибочное истолкованіе; 2) съ точки зрѣнія мотива (которой мы придаемъ большое значеніе, ибо признаемъ мотивъ элементомъ чрезвычайно существеннымъ) дѣяніе и при отсутствіи ошибки, и при наличности вполнѣ добросовѣстной ошибки, имѣетъ совершенно одинаковое значеніе, и 3) не будь указанныхъ особыхъ обстоятельствъ, мотивъ или не возникъ бы или имѣлъ бы совершенно другой характеръ, а потому, игнорируя ошибку, ими

произведенную, или придавая ей меньшее, чѣмъ слѣдуетъ, значеніе, мы погрѣшаемъ отсутствіемъ достаточнаго уваженія къ мотиву. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣяніе оставалось бы ненаказуемымъ, оно должно оставаться таковымъ и при ошибочной мотиваціи, а гдѣ имѣла бы мѣсто болѣе снисходительная наказуемость, должна наступить послѣдняя. Другое дѣло, если ошибочная мотивація произошла отъ неосторожности дѣятеля; здѣсь уже о ненаказуемости говорить нельзя, ибо послѣдняя явилась бы какой то незаслуженной преміей за невнимательное или небрежное отношеніе виновнаго къ своей дѣятельности; неосторожность, слѣдовательно, можетъ быть принята лишь какъ основаніе для снисхожденія.

Особую группу, примыкающую къ разсматриваемымъ дѣяніямъ, образуютъ тѣ случаи, когда дѣятель, совершая преступное посягательство, ошибочно полагалъ, что оно является какъ средство, или даже какъ conditio sine qua non для отвращенія бо́льшаго зла или же для достиженія или обезпеченія чего либо болѣе важнаго и полезнаго; и эти случаи должны разрѣшаться, согласно вышеустановленнымъ нами принципамъ. Мотивъ здѣсь такого рода, что благодаря ему, не смотря на ошибку, личность виновнаго рисуется въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ; поэтому, мы, относясь къ дѣлу осторожно, въ виду трудности рѣшенія и возможности злоупотребленій (лицемѣрія и пр. со стороны обвиняемыхъ), должны въ то же время ошибочную мотивацію принимать въ серьезное соображеніе.[1]) Иногда сюда относятъ и тѣ случаи, когда дѣятель, совершая преступленіе, считалъ, что къ этому его обязываютъ религіозныя, этическія или политическія убѣжденія, имъ исповѣдуемыя; но такой пріемъ слѣдуетъ признать безусловно неправильнымъ: тутъ нѣтъ

---

[1]) Ср. Kraus, Motiv, Z. 1897, 17, s. 482—483.

никакой ошибки, а просто образъ мыслей виновнаго заставляетъ его игнорировать требованія закона. О томъ же, какъ должны разрѣшаться эти случаи, мы уже говорили ранѣе.[1]

Далѣе, намъ кажется нелишнимъ установить связь вопроса о мотивахъ съ опредѣленіемъ въ законѣ области преступныхъ дѣяній и конструированіемъ послѣднихъ. Къ сказанному уже нами по этому вопросу[2] мы хотимъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія. Дѣло въ томъ, что, до послѣдняго времени, конструируя составъ того или иного деликта, законодатель обыкновенно игнорируетъ мотивъ. Явленіе это, имѣющее корни въ старой доктринѣ, должно измѣниться съ измѣненіемъ точки зрѣнія на мотивъ; указаніе же необходимости такого измѣненія и подробная разработка этого вопроса составляютъ заслугу проф. Lammasch'а. Послѣдній говоритъ:

„Законодательства, если они ясно себѣ представляютъ, что цѣль ихъ—справедливое и успѣшное дѣйствіе правосудія, должны при установленіи и уясненіи отдѣльныхъ преступныхъ понятій принимать въ соображеніе и мотивы преступленій въ гораздо большей степени, чѣмъ это до сихъ поръ случалось; вслѣдствіе этого всѣ родовыя преступныя дѣянія, которыя въ настоящее время объемлются одной формулой закона, должны будутъ каждое быть обозначеннымъ двумя различными именами и поставлены подъ неодинаковую угрозу закона“. Обойтись безъ этого, по мнѣнію цитируемаго автора, нельзя, если мы желаемъ достигнуть согласованія съ оцѣнкой различныхъ формъ противоправнаго поведенія, которая живетъ въ народномъ правосознаніи, и о которой государство въ интересахъ истиннаго правосудія должно заботиться самымъ тщательнымъ образомъ; въ про-

---

[1]) См. выше, стр. 271—276.
[2]) См. выше, стр. 86—87.

тивномъ же случаѣ, т. е. при смѣшеніи въ одномъ и томъ же преступномъ понятіи дѣяній, заключающихъ въ себѣ высокую степень нравственной испорченности съ такими, которыя почти не затрогиваютъ нравственности, результаты крайне невыгодны; „благодаря этому значительно ослабляется та сдерживающая сила, которая заключается уже въ самыхъ названіяхъ „убійство", „кража", „мошенничество", а наряду съ этимъ, незаслуженно причиняется тяжкое зло тому, кто при обстоятельствахъ, съ этической точки зрѣнія оправдывающихъ или говорящихъ въ его пользу, совершаетъ дѣяніе, подпадающее подъ нивеллирующій шаблонъ, о которомъ было сказано выше, и благодаря этому осуждается подъ такимъ же титломъ, какъ и дѣйствительный убійца, воръ или мошенникъ."[1])

Изложенную теорію мы вполнѣ раздѣляемъ: въ основу ея положено то уваженіе къ этическому элементу въ уголовномъ правѣ и то сознаніе необходимости считаться съ народными этико-правовыми воззрѣніями, которое мы сами отстаивали въ первой части нашей работы, и во имя котораго мы настаивали на важномъ значеніи мотива. То соображеніе, что законодательства до сихъ поръ игнорировали этотъ пріемъ, какъ яко бы малопригодный практически, для насъ значенія имѣть не можетъ, ибо 1) оно и само по себѣ неубѣдительно, а 2) новѣйшія законодательныя работы становятся на рекомендуемый нами путь: мы знаемъ, что изъ убійства по согласію сдѣланъ особый деликтъ, мы знаемъ, что норвежскій проэктъ отдѣлилъ нѣкоторые случаи, исключивъ ихъ изъ понятія кражи и окрестивъ ихъ особымъ терминомъ „Mauserei", мы знаемъ, что нѣкоторыя законодательства избѣгаютъ термина „убійство", разъ дѣяніе не было

[1]) Lammasch, Studien, Gerichts, 44, s. 188–190.

умышленнымъ, а выражаются „неосторожное лишеніе жизни“ и т. п.

Необходимо дальнѣйшее движеніе по тому же пути, необходимо расчлененіе и другихъ деликтовъ, основанное на вниманіи къ мотиву, ибо отъ этого прямо выиграетъ правосудіе. Указывать здѣсь детали мы не беремся, ибо вопросъ настолько сложенъ, что можетъ послужить темой для особаго спеціальнаго изслѣдованія, но на руководящихъ положеніяхъ, нами изложенныхъ, мы настаиваемъ и утверждаемъ, что это ученіе весьма важное практически, а не абстрактное кабинетное измышленіе.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ остановиться на связи ученія о мотивѣ съ ученіемъ о рецидивѣ. Какъ извѣстно, понятіе „рецидивъ“ всегда конструируется болѣе или менѣе формально; обыкновенно этимъ именемъ называется совершеніе какого либо (или же только однороднаго) преступленія послѣ отбытія вполнѣ или въ значительной части наказанія за прежнее преступленіе; совершеніе это должно влечь за собою возвышеніе наказанія по мнѣнію однихъ обязательно, а по мнѣнію другихъ—лишь факультативно, но на мотивъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ никакого вниманія не обращается.

Зародыши теоріи, иначе смотрящей на отношеніе между ученіемъ о мотивѣ и ученіемъ о рецидивѣ, мы находимъ у Гельшнера. Возвышеніе наказанія за рецидивъ онъ объясняетъ тѣмъ, что рецидивъ свидѣтельствуетъ объ укрѣпленіи въ преступникѣ извѣстной преступной наклонности; поэтому онъ не допускаетъ обязательнаго увеличенія наказанія при повтореніи и ссылается на то, что фактъ повторенія не всегда можетъ быть признанъ достаточнымъ доказательствомъ такой укрѣпившейся наклонности. Авторъ желаетъ, чтобы судьѣ было предоставлено право назначить усиленное наказаніе въ тѣхъ случаяхъ повторенія, *когда*

можно конструировать извѣстный укоренившійся мотивъ. [1])

Нѣсколько менѣе опредѣленно, но въ томъ же смыслѣ высказался и Краусъ, который говоритъ, что благополучное удовлетвореніе какого либо желанія преступнымъ путемъ усиливаетъ преступную наклонность, и что для предотвращенія опасности, связанной съ возобновленіемъ этого желанія, необходимо организовать наказаніе такъ, чтобы „воспоминаніе о тяжести уже испытаннаго наказанія усиливало страхъ передъ тѣмъ наказаніемъ, котораго должно ожидать въ случаѣ повторенія". Выставивъ это положеніе (чисто устрашительный характеръ котораго не вяжется съ тѣмъ сознаніемъ необходимости считаться съ мотивомъ, представителемъ котораго является и самъ Краусъ) для перваго деликта, авторъ и для ученія о рецидивѣ настаиваетъ на важности того, по какому мотиву дѣйствовалъ виновный, и укрѣпилась ли въ немъ извѣстная преступная наклонность; но отчетливости и послѣдовательности взглядовъ у него нѣтъ, ибо въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ сворачиваетъ на шаблонное пониманіе рецидива. [2])

Въ чистомъ же видѣ сходную теорію выставилъ и развилъ Заккеръ. По его словамъ, изъ статистики видно, какъ часто и какой законъ былъ нарушенъ, какого рода правовыя блага наиболѣе подвергались нападенію, но изъ нея невозможно узнать, какъ часто новое дѣяніе было учинено по страсти, корысти, мести и т. п.; а между тѣмъ судить человѣка только по его внѣшнему дѣянію,—это значитъ не знать его; одинаковое преступленіе можетъ быть вызвано другимъ мотивомъ, такъ что указаніе статистики на повтореніе столько то разъ извѣстнаго преступленія противъ собственности еще не доказываетъ, что каждое повтореніе

---

[1]) Hälschner, Strafrecht, s. 550.

[2]) Kraus, Motiv, Z. 1897, 17, s. 480, 485 ff.

было вызвано однимъ и тѣмъ же мотивомъ—корыстью. Поэтому, указавъ на тотъ основной принципъ, что каждое человѣческое дѣяніе должно оцѣниваться какъ по его внѣшнимъ проявленіямъ, такъ и по вызвавшему его мотиву, авторъ утверждаетъ, что фактъ повторенія долженъ быть лишь половиннымъ матерьяломъ для оцѣнки, а что другую половину долженъ дать мотивъ. „Когда государство убѣждается, что его наказаніе не могло справиться съ извѣстной преступной наклонностью, только тогда оно можетъ прибавить къ наказанію извѣстный плюсъ... Этотъ плюсъ можетъ имѣть мѣсто только при наличности и въ новомъ дѣяніи прежняго мотива... ибо... государство принуждено строже карать рецидивъ въ виду его опасности, а опасно не новое дѣяніе и не повтореніе само по себѣ, а преступная наклонность характера, которая выражается въ повтореніи... Тамъ, гдѣ нѣтъ *повторенія въ новомъ дѣяніи прежняго мотива*, нѣтъ и никакого рецидива; когда же и эти случаи наказуются какъ рецидивъ, то здѣсь подъ флагомъ рецидива наказывается то, что къ послѣднему не имѣетъ отношенія... и нарушается принципъ non bis in idem.“ Авторъ думаетъ, что при его системѣ будутъ признаваться рецидивистами и „преступники—энциклопедисты“, переходящіе отъ кражи къ лжесвидѣтельству, поджогу, грабежу и пр., ибо ихъ преступленія почти всегда являются *результатомъ однихъ и тѣхъ же побужденій*. Разъ на лицо имѣется рецидивъ въ установленномъ имъ смыслѣ, авторъ требуетъ обязательнаго увеличенія наказанія.[1])

Мы съ своей стороны находимъ, что изложенная теорія заслуживаетъ вниманія, но не чужда и погрѣшностей. Мы всецѣло раздѣляемъ ту мысль Заккера, что столь важнаго момента, какъ мотивъ, нельзя игнорировать при конструкціи

---

[1]) Sacker, Rückfall, s. 4—5, 18, 24, 104—106.

ученія о рецидивѣ; мы присоединяемся къ тому положенію, что возвышеніе наказанія должно имѣть мѣсто лишь тогда, когда новое дѣяніе свидѣтельствуетъ объ опасности преступника, объ устойчивости въ немъ преступныхъ побужденій. Но 1) Заккеръ совершенно упускаетъ изъ виду объективную сторону, а этого дѣлать нельзя, ибо преступникъ, который разъ совершилъ крупное посягательство, можетъ въ будущемъ по тождественному мотиву совершить мелкое посягательство; по нашему мнѣнію, въ такихъ случаяхъ мы не имѣемъ права сказать, что преступникъ сдѣлался опаснѣе, а его антисоціальное настроеніе интенсивнѣе, между тѣмъ, благодаря наличности того же мотива, онъ, по теоріи Заккера, обязательно долженъ подлежать возвышенному наказанію; 2) Заккеръ требуетъ для признанія наличности рецидива *тождественности мотива*; онъ приводитъ тотъ аргументъ, что „наказаніе не стремится къ тому, чтобы подавить въ виновномъ всѣ порочныя или противоправныя склонности; оно имѣетъ цѣлью устраненіе только той преступной наклонности, которая проявилась въ данномъ случаѣ: когда оно наказываетъ за корыстолюбіе, выразившееся въ формѣ мошенничества, у него нѣтъ задачи подавлять похотливость, которая проявляется въ изнасилованіи“.[1]) Это соображеніе справедливо, но изъ него можно вывести лишь то, что обязательное возвышеніе наказанія не должно имѣть мѣста при совершеніи двухъ деликтовъ, вызванныхъ совершенно разнородными мотивами; такой выводъ будетъ правиленъ и потому, что при указанной комбинаціи мы не имѣемъ права говорить объ устойчивости въ виновномъ антисоціальнаго настроенія, направленнаго въ извѣстную сторону, а потому особо опаснаго. Но почему же требовать тождественность мотива для усиленія наказанія? Мы этого не понимаемъ

---

[1]) Ibidem, s. 103.

и думаемъ, что особая опасность существуетъ во всѣхъ случаяхъ *однороднаго мотива*, который также ясно свидѣтельствуетъ о направленіи преступныхъ наклонностей въ извѣстную сторону.

Итакъ, мотивъ и при рецидивѣ долженъ играть ту важную роль, которую онъ играетъ по отношенію къ другимъ ученіямъ уголовнаго права; но эта роль не должна быть исключительной: закрывая глаза на все, кромѣ мотива, мы впадаемъ въ такого же рода ошибку, какъ та, которую дѣлали представители чистой классической доктрины, игнорируя все, выходящее за предѣлы формальнаго элемента въ уголовномъ правѣ.

Глава 3-я.

Вліяніе мотива на наказаніе и классификація мотивовъ.

Въ первой части нашей работы мы пришли къ убѣжденію, что мотиву преступленія необходимо придавать серьезное значеніе. Только что мы убѣдились, что это значеніе прежде всего должно выразиться въ установленіи связи вопроса о мотивѣ съ цѣлымъ рядомъ уголовно-правовыхъ ученій, и что принятіе въ соображеніе мотива должно отразиться на конструкціи этихъ ученій. Эта сторона вопроса о мотивѣ мало привлекала къ себѣ вниманіе изслѣдователей, ибо послѣдніе почти исключительно останавливались лишь на томъ, какое вліяніе долженъ оказывать мотивъ на наказаніе, т. е. на той сторонѣ вопроса, которая подлежитъ теперь нашему разсмотрѣнію.

Мотивъ можетъ вліять на наказаніе двояко: или на его родъ, или на его мѣру. При обзорѣ законодательствъ и проэктовъ мы видѣли, что болѣе старыя законодательства признаютъ, за незначительными изъятіями, вліяніе мотива лишь на мѣру наказанія, да и то въ незначительной степени. Но чѣмъ новѣе законодательная работа, тѣмъ сильнѣе въ ней сказывается убѣжденіе, что мотивъ долженъ вліять не только на мѣру наказанія, т. е. на его продолжительность, но и на его родъ, т. е. на его юридическую природу; тѣ же новыя законодательныя работы, которыя чужды указаннаго принципа (напримѣръ, швейцарскій проэктъ), допускаютъ измѣненіе мѣры наказанія въ весьма значительной

степени. Само собою разумѣется, законодательства отражаютъ въ себѣ научныя мнѣнія, которыя также не сходятся въ вопросѣ о томъ, ка́къ признаніе наличности извѣстнаго мотива должно отражаться на наказаніи. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что въ научныхъ мнѣніяхъ, сюда относящихся, замѣчается настоящій хаосъ, который особенно усилился благодаря тому, что нѣкоторые (особенно Гарсонъ) стали говорить о выборѣ между позорящимъ и непозорящимъ наказаніемъ, имъ стали возражать на ту тему, что позорящихъ наказаній вообще не должно существовать, и такимъ образомъ споръ отклонился отъ первоначальной темы. [1])

Мы предварительно разсмотримъ рядъ возраженій, направленныхъ противъ возможности выбирать родъ наказанія сообразно съ мотивомъ, а потомъ перейдемъ къ положительной постановкѣ вопроса.

На первомъ планѣ здѣсь должны быть поставлены возраженія Листа, воспринятыя и отчасти дополненныя Салейлемъ. Отчасти эти возраженія объясняются тѣмъ, что Листъ не обращаетъ должнаго вниманія на моральный элементъ въ уголовномъ правѣ; онъ говоритъ: „Ошибочнымъ является желаніе замѣнить правовую (соціальную) оцѣнку нравственно-эстетической. Ошибку такого рода дѣлаетъ законодатель, когда онъ пытается опредѣлять наказаніе по честному или безчестному настроенію дѣятеля. Далеки времена, когда честь и право были близко родственными понятіями. Законодатель можетъ сожалѣть объ этомъ, но измѣнить этого онъ не можетъ.... Опредѣлять родъ и мѣру наказанія должна позиція, занятая преступникомъ по отношенію къ правопорядку, или, если угодно, его соціальное настроеніе и создаваемая имъ бо́льшая или меньшая опасность для правопорядка.“ [2])

---

[1]) Garçon, Peines u. d., R. P., 1896, 6, s. 830 ff. и пренія по этому докладу, R. P. 1896, 6 и 8, 1897, 1.

[2]) Liszt, Grundlagen, Z. 1896 B. 16, s. 496, и примѣч. къ ней.

Что же касается Салейля, то онъ соглашается придавать значеніе мотиву лишь тогда, если подъ мотивомъ понимается индивидуальность преступника, его общее настроеніе (а мы уже знаемъ, что такое пониманіе термина „мотивъ“ совершенно неправильно); при иномъ же пониманіи термина „мотивъ“ онъ думаетъ, что мотивъ 1) можетъ быть лишь вспышкой, не характеризующей индивида, а 2) можетъ быть не настолько устойчивымъ, чтобы вызвать новыя преступленія, и что поэтому родъ наказанія не можетъ быть поставляемъ въ зависимость отъ мотива. Но даже и при своемъ пониманіи термина „мотивъ“ Салейль лишь до нѣкоторой степени допускаетъ возможность сообразовать съ мотивомъ родъ наказанія; онъ говоритъ: „принимая въ соображеніе мотивъ, мы начинаемъ понемногу проникать въ глубины натуры, но во многомъ мы еще слишкомъ цѣпко держимся за поверхность, избирая отправной точкой не преступника (что слѣдовало бы), а преступленіе.“ [1])

Такіе доводы мы не признаемъ уважительными. Уже Штоссъ справедливо указалъ, что въ доводы Листа замѣшалась игра словъ: Листъ сказалъ: далеки времена когда *честь* и *право* были близкими понятіями, а вывелъ, что наказаніе нельзя соизмѣрять съ *честнымъ* и *безчестнымъ* настроеніемъ дѣятеля. [2]) Но вѣдь въ послѣднемъ случаѣ оцѣнка соразмѣряется съ *этическими* свойствами дѣянія и дѣятеля, т. е. съ элементами, которые ни въ какомъ случаѣ не должны быть смѣшиваемы съ понятіемъ о чести. Далѣе, Листъ желаетъ ставить родъ наказанія въ зависимость отъ соціальнаго настроенія виновнаго, причемъ соціальную оцѣнку противополагаетъ нравственно-эстетической; слово „эстетической“ можетъ нѣсколько сбить съ толку: эстетика можетъ смотрѣть на пред-

---

[1]) Saleilles, Individualisation, p. 218—221, 241—242.

[2]) Stooss, Motiv, Z. S. S., 1896, H. 3, s. 168—170.

метъ со стороны формы, а не содержанія; изящное можетъ не только не совпадать съ морально—возвышеннымъ, но и находиться съ нимъ въ противорѣчіи; поэтому, говорить о нравственно-эстетической оцѣнкѣ не слѣдуетъ: здѣсь соединены два не совпадающія понятія, изъ которыхъ первое можетъ находиться въ несоотвѣтствіи съ соціальной оцѣнкой, но это не важно, ибо эстетическую оцѣнку никто не отстаивалъ въ области уголовнаго права. Что же касается оцѣнки этической, то Листъ не доказалъ и не могъ доказать ея противоположности съ оцѣнкой соціальной: мы знаемъ, что разумная соціальная оцѣнка дѣяній считается съ народными этико правовыми воззрѣніями, а потому включаетъ въ себя этическую оцѣнку какъ составной элементъ. Въ виду этого, вполнѣ раздѣляя мысль Листа, что родъ наказанія долженъ опредѣляться по соціальному настроенію виновнаго, мы думаемъ, что въ понятіе соціальнаго входитъ и понятіе этическаго, т. е. войдетъ и мотивъ.

Переходимъ къ Салейлю. О томъ, что отправной точкой въ области наказанія должно быть преступленіе, мы уже говорили въ первой части нашей работы, указывая на значеніе въ уголовномъ правѣ объективнаго момента, а потому мы можемъ прямо обратиться къ разбору другихъ доводовъ названнаго автора. Мы согласны съ нимъ, что мотивъ можетъ быть вспышкой, не характеризующей индивида, а также можетъ являться моментомъ неустойчивымъ (мы въ свое время различали, слѣдуя Липману, мотивы, характерные для индивида и случайные), но отсюда вовсе не вытекаетъ, что мотивъ не долженъ вліять на родъ наказанія: о качественной сторонѣ мотива здѣсь не говорится ни слова, а между тѣмъ необходимо было доказать, что отъ этой качественной стороны не долженъ зависѣть родъ наказанія; но такихъ доказательствъ Салейль не представилъ.

Гораздо серьезнѣе другой родъ доказательствъ, приво-

димыхъ Листомъ и Салейлемъ, которыя мы излагаемъ особо въ виду того, что они затрогиваютъ вопросъ о классификаціи преступниковъ и о классификаціи мотивовъ. Листъ при этомъ дѣйствуетъ такъ: сперва онъ даетъ классификацію мотивовъ по ихъ качеству и способу возникновенія, затѣмъ даетъ свою извѣстную классификацію преступниковъ (острые, хроники исправимые и хроники неисправимые); сопоставляя эти двѣ классификаціи, Листъ приходитъ къ выводу, что они между собою не совпадаютъ, ибо по мотивамъ, входящимъ въ каждую изъ его группъ, можетъ дѣйствовать какъ острый преступникъ, такъ и хроникъ; а такъ какъ главную уголовно-политическую цѣну должно имѣть дѣленіе преступниковъ, и наказаніе должно находиться въ зависимости отъ интенсивности антисоціальнаго настроенія, то слѣдовательно мотивъ не можетъ оказывать вліянія на родъ наказанія. [1]) Коротко мысль Листа можетъ быть формулирована такъ: въ зависимости отъ мотива не можетъ находиться выборъ рода наказанія, ибо по одинаковому мотиву можетъ дѣйствовать какъ острый, такъ и хроникъ—преступникъ, родъ же наказанія перваго долженъ отличаться отъ рода наказанія втораго.

Чтобы разобраться въ этихъ доводахъ, мы прежде всего считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ о классификаціи преступниковъ. Мы знаемъ, что антропологи даютъ классификаціи одного рода, соціологи—другаго; мы знаемъ также, что соціологическія классификаціи (куда относится и классификація Листа), не смотря на ихъ варіаціи, сводятся главнымъ образомъ къ дѣленію преступниковъ на острыхъ или случайныхъ и хрониковъ или привычныхъ. Но что скры-

---

[1]) Liszt, Grundlagen, s. 489—499; cp. Liszt, R. P. 1897, 1, Garçon, Peines n. d., Пренія, p. 144—146; cp. Saleilles, Individualisation, p. 222—224, 241—242.

вается подъ этими названіями? Въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ это дѣленіе, если позволено будетъ такъ выразиться,—количественное; оно говоритъ намъ: различайте новичковъ на преступномъ пути отъ лицъ, съ этимъ путемъ освоившихся. Мы согласны, что это дѣленіе имѣетъ громадную важность, ибо степень опасности для правопорядка весьма неодинакова въ тѣхъ случаяхъ, когда неофитъ преступленія, такъ сказ., на угадъ и на ощупь пробуетъ свои силы, и въ тѣхъ, когда за преступленіе берется лицо съ окрѣпшей энергіей, съ запасомъ опыта и сноровкой. Но можемъ ли мы сказать, что родъ наказанія долженъ зависѣть отъ такого дѣленія, если мы не коснемся качественной стороны и не отвѣтимъ на вопросъ о томъ, какія побужденія были у виновнаго и въ чемъ выразилась его преступная дѣятельность. Мы, не колеблясь, отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно, ибо самъ Листъ признаетъ, что, выбирая родъ наказанія, нужно сообразоваться со свойствами личности и ея болѣе или менѣе соціальнымъ настроеніемъ, а мы знаемъ, что необходимыя свѣдѣнія обо всемъ этомъ нельзя получить безъ изслѣдованія мотива, т. е. необходимо смотрѣть и на качественную сторону. Не обращая вниманія на эту сторону, мы должны признавать острымъ преступникомъ какъ лицо, впервые въ жизни совершившее кражу изъ нужды, такъ и лицо, совершившее убійство для ограбленія, но не имѣющее за собою преступнаго прошлаго; мы должны, слѣдовательно, примѣнять къ этимъ лицамъ одинъ и тотъ же родъ наказанія. Съ другой стороны, одинаковымъ родомъ наказанія должны бы облагаться столь несходные по своей качественной сторонѣ деликты, какъ третье кровавое или корыстное злодѣяніе, третье или четвертое посягательство религіознаго или политическаго характера; третье провокированное убійство и т. п. Спрашивается, можно ли ставить перечисленные случаи на одну доску? Очевидно нѣтъ; а

между тѣмъ, игнорируя мотивъ и назначая родъ наказанія исключительно по соображенію о томъ, острый передъ нами преступникъ или хроникъ, мы явно ставимъ эти случаи на одну доску.

Правда, такихъ выводовъ не дѣлалъ ни Листъ, ни Вальбергъ, ни другіе изслѣдователи вопроса о классификаціи преступниковъ; всѣ они вносятъ цѣлый рядъ дополнительныхъ и притомъ противорѣчивыхъ признаковъ Такъ, Вальбергъ, раздѣляя преступниковъ на случайныхъ и привычныхъ, главнымъ образомъ относитъ въ первую группу лицъ, совершившихъ преступленіе по случайному поводу, вслѣдствіе внезапно подвернувшагося соблазна; этихъ лицъ онъ признаетъ слабыми натурами, заключающими въ себѣ смѣсь какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ свойствъ; остальныхъ онъ зачисляетъ въ привычные преступники, выдѣляя изъ нихъ особую группу,—лицъ съ прочно, вслѣдствіе повторенія, укоренившимися наклонностями. Такимъ образомъ, у Вальберга разомъ два критерія (внѣшній соблазнъ и его отсутствіе съ одной стороны, привычка и ея отсутствіе съ другой), между собой не совпадающіе.[1])

Листъ прямо заявляетъ, что онъ принимаетъ основы Вальберговскаго дѣленія и хочетъ не уничтожить, а развить его теорію, но по существу онъ значительно отъ этой теоріи уклоняется. Острый преступникъ Листа не совпадаетъ со случайнымъ преступникомъ Вальберга; по его словамъ, „кто при каждомъ удобномъ случаѣ воруетъ или мошенничаетъ, хватается за ножъ или причиняетъ насиліе женщинѣ.... тотъ не имѣетъ никакого права на снисходительное трактованіе его случайнымъ преступникомъ.“ Главное для Листа,—это болѣе или менѣе устойчивое антисоціальное настроеніе дѣятеля, натура послѣдняго; если при внѣшнемъ

---

[1]) Wahlberg, Schriften, 3, s. 55—70.

поводѣ преступленіе возникаетъ благодаря постоянной сущности (dauernde Eigenart), глубоко вкоренившейся подкладкѣ личности преступника, — это по Листу преступникъ хроникъ, независимо отъ того, насколько соблазнителенъ былъ самый поводъ—съ одной стороны, а съ другой—независимо отъ того, привычка ли здѣсь, или устойчивое природное антисоціальное свойство. Наряду съ этимъ, Листъ придаетъ громадное значеніе ремесленному характеру дѣятельности преступника; онъ этотъ характеръ выдвигаетъ на первый планъ, а поэтому, вмѣсто терминологіи Вальберга, даетъ свою и говоритъ объ „Augenblickverbrecher" и о „Zustandverbrecher" (acute und chronische Kriminalität) и между послѣдними различаетъ способныхъ и неспособныхъ къ исправленію.[1]) Такимъ образомъ и у Листа мы не находимъ единаго, твердаго и выдержаннаго критерія: послѣдній варьируется. Но для насъ важенъ не столько этотъ вопросъ, сколько тотъ, можно ли опредѣлять родъ наказанія, считаясь съ дѣленіемъ преступниковъ на острыхъ (случайныхъ) и хрониковъ (привычныхъ), если мы будемъ понимать эти термины не въ ихъ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ, расширенномъ привнесеніемъ дополнительныхъ признаковъ. Мы отвѣтимъ: да, поскольку въ число этихъ признаковъ войдетъ мотивъ, и нѣтъ, поскольку онъ будетъ находиться съ ними въ дисгармоніи.[2])

Постараемся доказать наше утвержденіе. Сперва возразимъ Вальбергу; слѣдуя его обрисовкѣ случайнаго преступника, по справедливому замѣчанію проф. Вульферта, мы должны будемъ признать случайнымъ преступникомъ лицо, которое, увидя массу денегъ въ рукахъ ребенка, — при обстоятельствахъ, благопріятствующихъ легкости убійства,

---

[1]) Liszt, Grundlagen, s. 496—500.

[2]) Cp. Sacker, Rückfall, s. 14—18.

соблазняется мыслью воспользоваться этими деньгами и остаться безнаказаннымъ, а потому перерѣзываетъ горло ребенку.[1]) Можно ли такое лицо наказать однимъ родомъ наказанія съ лицомъ, напримѣръ, убившимъ въ порывѣ негодованія обидчика, нанесшаго ему незаслуженное тяжкое оскорбленіе?—Очевидно нѣтъ: вся психика обоихъ убійцъ рисуется въ совершенно разномъ свѣтѣ. А съ другой стороны однимъ родомъ наказанія будутъ обложены закоренѣлые злодѣи и лица, совершившія преступленіе внѣ случайнаго повода или соблазна, а напримѣръ, подъ давленіемъ крайне неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ: эти лица не подойдутъ подъ установленный Вальбергомъ типъ случайнаго преступника.

При обрисовкѣ Листа такихъ явныхъ противорѣчій не будетъ, но дѣло все же будетъ обстоять далеко неблагополучно: всѣ упорные преступники, съ явно установившейся наклонностью дѣйствовать противъ правопорядка, будутъ подлежать одному роду наказанія (или наказаній), а всѣ острые—другому (или другимъ). Но то обстоятельство, что преступникъ упоренъ, развѣ даетъ намъ возможность оцѣнить дѣяніе или личность виновника? Развѣ качественная, этическая, сторона преступнаго дѣйствія можетъ являться безразличной?—Мы этого не допускаемъ. Преступникъ можетъ быть признанъ очень опаснымъ, если онъ, вслѣдствіе своихъ религіозныхъ или политическихъ убѣжденій, упорно посягаетъ на правопорядокъ, но въ то же время личность его можетъ рисоваться въ такомъ свѣтѣ, что примѣненіе къ нему одинаковаго рода наказанія съ лицами, дѣйствовавшими по низкимъ и безчестнымъ мотивамъ, явится, по справедливому замѣчанію нашей редакціонной коммиссіи, ничѣмъ не оправ-

[1]) Вульфертъ, Антроп.—позит. школа, в. 1, стр. 339—340.

дываемою жестокостью; то же самое может имѣть мѣсто и при наличности другихъ мотивовъ, которые являются достойными вниманія и могутъ быть оправдываемы съ этико-соціальной точки зрѣнія; во вниманіе къ этимъ мотивамъ, къ преступникамъ данныхъ категорій не должны быть примѣняемы карательныя мѣры, одинаковыя съ мѣрами, примѣняемыми къ другимъ преступникамъ, не смотря на общую всѣмъ имъ черту,—упорство въ противодѣйствіи правопорядку.

Итакъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда мотивъ въ благопріятномъ свѣтѣ рисуетъ личность виновнаго, къ послѣднему должно быть примѣнено наказаніе иного рода, чѣмъ къ преступнику другой категоріи. Но далѣе возникаетъ затрудненіе, которое Листъ имѣлъ въ виду, высказывая, что дѣленіе преступниковъ на острыхъ и хрониковъ не совпадаетъ съ дѣленіемъ мотивовъ по ихъ качественной сторонѣ. Представимъ себѣ привычнаго преступника, который снова преданъ суду, но на этотъ разъ его дѣяніе вызвано мотивомъ вполнѣ соціальнымъ; возьмемъ такой примѣръ: происходящій отъ преступныхъ родителей, дурно воспитанный и морально испорченный работникъ, которому тѣмъ не менѣе не чужда любовь къ родителямъ, раздраженный грубымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ его матери, наноситъ оскорбителю тѣлесное поврежденіе, [1]) или же, возьмемъ нѣсколько разъ осужденнаго вора, который послѣ отбытія нѣсколькихъ наказаній вышелъ на свободу, искалъ работы, но не нашелъ и совершилъ новую кражу, но на сей разъ судъ приходитъ къ убѣжденію, что преступленіе было вызвано крайностью и желаніемъ помочь своей больной семьѣ. И наоборотъ, представимъ себѣ человѣка, прошлое котораго безупречно и не даетъ возможности признать его настроеннымъ антисоціально, но который тѣмъ не менѣе совершилъ какое нибудь грязное преступленіе по весьма низкимъ побужденіямъ.

---

[1]) M. Sternau, Abschaffung, Z, B, 13, s. 28.

Здѣсь мы имѣемъ передъ собой мотивы (говоря терминомъ Липмана) случайные, т. е. такіе, которые не характеризуютъ постоянныхъ свойствъ личности. Въ дѣяніи, подлежащемъ суду, личность проявилась не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она рисуется по своему прошлому; индивидуальность вообще видимо отличается отъ того представленія о ней, какое даетъ мотивъ послѣдняго дѣянія. Спрашивается, во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ чему отдать предпочтеніе—мотиву или общему настроенію, съ тѣмъ или съ другимъ сообразовать родъ наказанія? Листъ и Салейль, по духу ихъ разсужденій о мотивѣ, видимо должны рѣшить вопросъ въ пользу общаго настроенія, мы же, признавая такую комбинацію очень сложной и спорной, все же склоняемся на сторону противоположнаго рѣшенія.[1]) При этомъ мы основываемся на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) при такой коллизіи трудно *категорически* отвѣтить, какимъ является *общее настроеніе* виновнаго; послѣднее изъ дѣяній, совершенныхъ подсудимымъ, основано на мотивѣ, *повидимому* ему несвойственнымъ, но этотъ мотивъ все же на лицо, игнорировать его мы не можемъ, а слѣдовательно, не лишено будетъ основаній сомнѣніе въ правильности діагноза, поставленнаго относительно общаго настроенія подсудимаго на основаніи данныхъ изъ его прошлаго: настоящее говоритъ о другомъ настроеніи; 2) пока мы признаемъ принципъ „nullum crimen, nulla poena sine lege, пока мы признаемъ законность основою общественнаго блага, мы не можемъ промѣнять уголовное право на уголовную патологію, а поэтому при опредѣленіи карательныхъ послѣдствій должны брать исходнымъ пунктомъ конкретное преступное дѣяніе; если *это дѣяніе* заключаетъ въ себѣ симптомы значительной опасности для общества, если *оно* указываетъ на укорененіе

---

[1]) Также рѣшаетъ вопросъ, но почти безъ доказательствъ и имѣя въ виду лишь коллизіи дурнаго прошлаго съ хорошимъ мотивомъ, Rigaud, см. его Motiv, s. 103—104.

въ виновномъ извѣстной дурной и противообщественной наклонности, то правосудіе, въ интересахъ цѣлесообразной борьбы съ преступностью, должно обратить на всѣ указанные моменты серьезное вниманіе; но, если въ дѣяніи заключаются данныя въ пользу индивида, если въ эту пользу говоритъ душа дѣянія—мотивъ, судъ не имѣетъ права видѣть въ данномъ дѣяніи отголосокъ дурнаго, преступнаго прошлаго: передъ нимъ преступная дѣятельность, но дѣятельность, вызванная новыми побужденіями. Прошлое, въ видахъ общественнаго интереса, можетъ увеличивать вину настоящаго, но лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы настоящее имѣло корни въ этомъ прошломъ; иначе связь прошлаго съ настоящимъ разорвана и о прошломъ не слѣдуетъ и говорить. Такъ мы смотрѣли, рѣшая вопросъ о рецидивѣ, такъ смотримъ и въ данномъ вопросѣ.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что *мотивъ долженъ оказывать вліяніе на родъ наказанія;* лица, въ дѣяніи которыхъ видны мотивы, заслуживающіе вниманія съ этико-соціальной точки зрѣнія, должны подлежать наказаніямъ инаго рода, чѣмъ лица, дѣйствующія по обратнымъ мотивамъ. При этомъ обычно мотивъ по своимъ свойствамъ будетъ совпадать съ общимъ настроеніемъ виновнаго, ибо обычно по дурнымъ мотивамъ дѣйствуютъ и дурные люди, и наоборотъ; если же мотивъ свидѣтельствуетъ объ одномъ, а прошлое преступника о другомъ, эта коллизія должна быть разрѣшена въ пользу мотива, т. е. съ нимъ, а не съ общимъ предполагаемымъ настроеніемъ виновнаго долженъ быть сообразованъ родъ наказанія.

Указанный нами основной принципъ мы выставили на основаніи разбора болѣе серьезныхъ и существенныхъ возраженій; теперь мы должны обосновать его подробнѣе и отвѣтить на возраженія, которыя намъ кажутся менѣе существенными.

Когда отстаиваютъ ту идею, что мотивъ долженъ влiять на выборъ рода наказанiя, т. е. на самую юридическую природу наказанiя, а не только на его размѣръ, то это является однимъ изъ отраженiй той общей идеи, что наказанiе необходимо индивидуализировать; только предлагается индивидуализацiя въ новыхъ формахъ и основанная на новыхъ началахъ. Новая форма--это установленiе нѣсколькихъ родовъ наказанiя, новое начало—это критерiй мотивовъ. Разнообразiе родовъ наказанiя—это фактъ, который замѣчался и замѣчается во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и который пользуется почти всеобщимъ сочувствiемъ въ доктринѣ, ибо весьма немного даже такихъ лицъ, которыя защищали бы единый типъ наказанiя лишенiемъ свободы. [1]) Главное, такимъ образомъ, это тѣ отличiя, которыя должны быть заложены въ юридическую природу разныхъ наказанiй, и та роль, которую долженъ играть мотивъ при назначенiи наказанiя такой именно природы, а не другой. Вотъ здѣсь то и заключается поле для разнообразныхъ споровъ и контроверзъ, проистекающихъ изъ разнообразiя основныхъ исходныхъ точекъ зрѣнiя.

Чтобы орiентироваться въ этихъ спорахъ и стать на правильную точку зрѣнiя, необходимо прежде всего держаться за тотъ основной принципъ, что всякое наказанiе должно быть цѣлесообразно, а для этого при репрессивной дѣятельности необходимо проникать въ глубь явленiй, необходимо отказаться отъ взгляда, что преступленiя суть равнозначущiя величины, а преступники—одинаковые носители злой воли, требующiе возмездiя. [2]) Для того, чтобы наказанiе было цѣлесообразнымъ, для того, чтобы оно приносило успѣшные результаты, оно должно являться въ разнообразныхъ формахъ,

---

[1]) Ср. Correvon, см. Garçon, Peines n. d. Пренiя, R. P. 1896, 8, p. 1416—1417.

[2]) См. выше, ч. I, стр. 90 сл.

соотвѣтствующихъ разнообразію его цѣлей. Монистическія теоріи уже отходятъ въ область преданія, но жалѣть объ этомъ не стоитъ, ибо, какъ бы ни была возвышенна цѣль, рекомендуемая той или иной теоріей, ни одна изъ нихъ не дастъ полнаго рѣшенія; теорія исправленія не отвѣтитъ намъ на вопросъ, что дѣлать съ преступниками, не обнаруживающими ни испорченности, ни низости чувствъ и мыслей, теорія устрашенія разсчитана на грубую примитивную мотивацію (чувство страха) и не годится для лицъ, мало доступныхъ этому чувству, но за то способныхъ воспринимать болѣе возвышенные мотивы и т. п. Необходимо разнообразіе цѣлей, соотвѣтствующее разнообразію деликтовъ и преступниковъ и выражающееся въ существенно различныхъ по своей природѣ родахъ наказанія. Листъ предложилъ тройное дѣленіе наказаній, основываясь на троякой цѣли наказанія: устрашеніи, исправленіи и обезпеченіи, но мы, не смотря на наше искреннее поклоненіе передъ его рефоматорскою дѣятельностью въ уголовномъ правѣ, и въ этомъ вопросѣ отклонимся отъ него и будемъ признавать два типа наказанія,—наказанія обезпечительныя и наказанія исправительныя, ибо къ такому дѣленію насъ приводитъ принципъ индивидуализаціи, основанной на дѣленіи мотивовъ и на вниманіи къ настроенію преступника, проявившемуся въ конкретномъ преступномъ дѣяніи. Если преступникъ дѣйствовалъ по антисоціальному мотиву,—онъ требуетъ исправленія; чѣмъ меньше онъ проявляетъ надеждъ на исправленіе, тѣмъ интенсивнѣе нужно воздѣйствовать на него въ этомъ смыслѣ, но напередъ государство не имѣетъ права рѣшать, что преступникъ неисправимъ, и переходить къ чисто обезпечительному наказанію: это значило бы заранѣе сложить свои руки и признать свое безсиліе—съ одной стороны, а съ другой—рисковать ошибками; недаромъ, напримѣръ, норвежскій проектъ, вводя неопредѣленные приговоры для лицъ особо опасныхъ,

въ то же самое время предусматриваетъ, что лицо, подвергшееся такому приговору, можетъ доказать свою исправимость и быть выпущеннымъ на свободу. Мы допускаемъ нѣсколько видовъ исправительныхъ наказаній, но въ то же время думаемъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Листъ рекомендуетъ съ одной стороны исправительное наказаніе, а съ другой обезпечительное,—*наказаніе всегда должно быть исправительнымъ*, въ сколь разнообразныхъ формахъ оно бы ни выражалось.

Затѣмъ, къ преступникамъ, дѣйствовавшимъ по соціальнымъ мотивамъ, должно быть примѣняемо наказаніе обезпечительное: исправлять ихъ нѣтъ надобности, ибо они въ исправленіи не нуждаются; устрашать людей, которымъ нельзя отказать въ извѣстномъ уваженіи или по крайней мѣрѣ въ пониманіи стимуловъ ихъ дѣятельности,—это грубый пріемъ; можно разсчитывать на мотивы болѣе высокаго порядка, примѣняя наказаніе; этихъ лицъ государство наказываетъ исключительно для поддержанія авторитета закона въ глазахъ другихъ гражданъ и для охраненія себя отъ дѣйствій, которыя, не являясь безнравственными, тѣмъ не менѣе являются опасными.[1])

Итакъ, во вниманіе къ мотиву, должно быть двѣ группы наказаній: наказанія исправительныя и наказанія обезпечительныя. Каждое изъ этихъ наказаній можетъ явиться въ нѣсколькихъ видахъ, различныхъ по продолжительности, особенностямъ внутренняго распорядка и пр. Назначая тотъ или иной видъ, необходимо сообразоваться съ важностью нарушеннаго блага, съ бо́льшимъ или меньшимъ упорствомъ преступника и т. п. Но между этими двумя категоріями

---

[1]) Ср. ученіе Garofalo о преступленіи естественномъ и преступленіи формальномъ, см. Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P. 1896, 8, p. 1412; ср. также Nabokoff, ibid., 1897, 1, p. 178—179.

(наказаніями обезпечительными и наказаніями исправительными) должна быть глубокая принципіальная разница, выражающаяся въ ихъ организаціи и основанная на томъ, что лица, подвергающіяся наказаніямъ первой категоріи, рѣзко отличаются отъ прочихъ преступниковъ по своей нравственной физіономіи, о которой свидѣтельствуетъ мотивъ ихъ преступленія.

Такимъ образомъ, основываясь на вниманіи къ мотиву, мы настаиваемъ на необходимости сообразовать съ мотивомъ родъ наказанія вообще, а въ частности—организовать особыя наказанія для тѣхъ лицъ, которыя рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ преступниковъ и не нуждаются въ исправленіи. [1]) Мы разсмотримъ сперва послѣдовательное развитіе идеи этихъ особыхъ наказаній, затѣмъ скажемъ о необходимыхъ условіяхъ ихъ организаціи и, наконецъ, отвѣтимъ на встрѣчаемыя въ литературѣ возраженія, причемъ не будемъ забывать, что при организаціи наказанія основное правило—maximum защиты для общества и minimum страданія для индивида.

Идея о томъ, что наказывая человѣка, нужно имѣть въ виду этико-соціальное значеніе мотива его дѣятельности, принадлежитъ нашему времени, но ея зародышъ принадлежитъ отдаленному прошлому. Такъ, по изслѣдованіямъ Озенбрюггена, уже въ правѣ аллемановъ различались честныя и безчестныя дѣянія (напримѣръ, къ первымъ относилось убійство въ открытомъ бою, а ко вторымъ—убійство тайное и коварное), а сообразно съ этимъ примѣнялись безчестящія и небезчестящія наказанія. Въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ событій эта идея была искажена, чему много способ-

---

[2]) Въ томъ же смыслѣ высказались: Rigaud, Motiv, p. 49 ff.; Garçon, Peines n. d., R. P. 1896, 6, p. 830 ff.; Фойницкій, Наказаніе, стр. 436—437 и многія лица, участвовавшія въ преніяхъ по докладу Гарсона. [illegible]

ствовало смѣшеніе вопроса объ этико-соціальномъ настроеніи дѣятеля съ вопросомъ о его сословномъ положеніи. Такъ, въ императорскій періодъ римской исторіи наказанія уже различались, смотря по тому, относился ли виновный къ humiliores или къ honestiores, въ Каролинѣ во многихъ случаяхъ предписывалось смотрѣть на Stand und Wesen обвиняемаго; тотъ же взглядъ проводитъ и Карпцовъ въ своей Practica nova rerum criminalium, такъ что на практикѣ къ болѣе знатнымъ безчестящія или позорящія наказанія должны были примѣняться лишь въ тягчайшихъ случаяхъ. Въ смягченномъ же видѣ подобныя тенденціи встрѣчаются и въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ партикулярныхъ кодексахъ. Такимъ образомъ, во время сословныхъ различій существовала необходимость въ учрежденіи особыхъ карательныхъ мѣръ и мѣстъ для лицъ благородныхъ или за такія преступленія, которыя почти исключительно совершались членами привиллегированныхъ сословій. Принципіальное отрицаніе этой идеи было впервые выдвинуто во французскомъ code pénal, а затѣмъ, послѣ борьбы, начатой Беккаріей и другими новаторами, уравненіе передъ закономъ знатнаго и незнатнаго произошло и въ другихъ государствахъ.[1])

Идея сословныхъ наказаній дико звучитъ въ наше время; понятно, что они были основаны главнымъ образомъ не на вниманіи къ мотиву, а на серьезныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, но въ обоснованіе ихъ отчасти приводилась и идея, родственная теоріи мотивовъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Калькеръ, лица высшихъ классовъ наказывались непозорнымъ наказаніемъ потому, что въ нихъ предполагалось болѣе высокое этическое Gesinnung, чувство особо раз-

---

[1]) Данныя для приводимой бѣглой исторической экскурсіи почерпнуты нами главнымъ образомъ у Калькера, см. Kalker, Strafrecht u. Ethik, s. 30—32, и у Фойницкаго, см. Фойницкій, Наказаніе, стр. 436.

витой чести, откуда „презумпція наличности въ нихъ небезчестнаго настроенія даже при учиненіи преступленій, ибо при болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, вызванныхъ безчестными мотивами, практика колебалась, но была и тенденція въ этихъ случаяхъ не смотрѣть на сословное положеніе.“ [1]).

Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ отраднымъ паденіемъ сословныхъ наказаній, упразднилась и та идея, что необходимо считаться съ этико-соціальнымъ настроеніемъ, сказывающимся въ преступленіи; она снова всплываетъ только въ наши дни, когда, какъ мы видѣли, законодательства начинаютъ сообразовать родъ наказанія съ мотивомъ преступленія и создаютъ особыя мѣста заключенія, а теорія выдвигаетъ въ пользу такого образа дѣйствій цѣлую систему, которую мы вполнѣ раздѣляемъ и стараемся развить и обосновать.

Въ чемъ же должны заключаться особенности защищаемыхъ нами особыхъ наказаній? А въ томъ, что государство, примѣняя ихъ *по необходимости*, въ то же самое время признаетъ, что лица, совершающія извѣстныя преступленія по извѣстнымъ мотивамъ, съ моральной стороны рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ вульгарныхъ преступниковъ, а потому подлежатъ совершенно иному режиму и не должны быть смѣшиваемы съ указанными преступниками. Мы не предрѣшаемъ подробностей, ибо вопросъ этотъ еще новъ и слишкомъ мало опытныхъ данныхъ для его разрѣшенія, но нѣкоторыя интересныя указанія уже есть и находятся въ уже разсмотрѣнныхъ нами правилахъ объ итальянскомъ detentione, французскомъ détentione и нашемъ заточеніи.

Переходимъ къ еще неразсмотрѣннымъ нами возраженіямъ противъ согласованія наказанія съ мотивомъ вообще и противъ особыхъ наказаній въ частности. Многія изъ этихъ воз-

---

[1]) Kalker, Strafrecht u. Ethik, s. 32.

раженій были вызваны тѣмъ, что сторонники особыхъ наказаній назвали эти наказанія непозорящими, а остальныя наказанія, предназначенныя для болѣе худшихъ преступниковъ,—позорящими; на это посыпались возраженія, состоящія главнымъ образомъ въ варіаціяхъ на ту тему, что никакое наказаніе не должно быть позорящимъ, а только болѣе или менѣе строгимъ, что несогласно съ раціональной карательной политикой налагать на какого бы то ни было преступника пятно безчестія, что позорить должно преступленіе, а не наказаніе и т. п.[1]) Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что термины „позорящее" и „непозорящее" были выбраны неудачно, но мы думаемъ, что много краснорѣчія было потрачено даромъ, ибо никто не предлагалъ ни для какой группы преступниковъ наказаній унизительныхъ, осрамительныхъ и вообще соотвѣтствующихъ термину „позорящее"; кратко, говоря о позорящихъ наказаніяхъ, подразумѣвали наказанія обыкновенныя и нынѣ примѣняемыя (напримѣръ, исправительный домъ) и рекомендовали впредь примѣнять ихъ не ко всѣмъ, а лишь къ тѣмъ лицамъ, которыя являются виновниками позорящихъ въ глазахъ общества дѣяній и потому требуютъ исправленія.[2])

Но были возраженія и противоположнаго характера; говорили, что никакое наказаніе не можетъ быть признано „honorable", что возможны злоупотребленія, что съ моральной точки зрѣнія всякое наказаніе должно быть позорящимъ, ибо всякое преступленіе причиняетъ вредъ и заслуживаетъ порицанія, что вполнѣ достаточно, если никакихъ особыхъ наказаній не будетъ, а съ разницей преступленій „будутъ считаться просвѣщенные директора тюремъ и т. п.[3])

---

[1]) Thiry, см, Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P. 1897, 1, p. 167—169; Zucker, ibidem, 1896, 8, p. 1410; van Hamel, ibid. 1896, 8, p. 1407; Prins, ibid., 1896, 7, p. 1117 и др.

[2]) Ср. объясненія Garçon'a, см. Garçon, Peines n. d., ibid., p. 843.

[3]) Пасторъ Arboux, ibid., p. 848—849; Vidal, ibid. 1897, 1, p. 153; Pols, ibid., p. 175—177 и др.

Отчасти и эти возраженія объясняются неудачнымъ выборомъ терминологіи, о которомъ мы уже говорили; по существу же они являются крайне неудовлетворительными, ибо указаніе на возможность злоупотребленій весьма туманно, да и въ какомъ дѣлѣ нѣтъ злоупотребленій, утвержденіе же, что всякое наказаніе должно быть позорящимъ, совершенно противорѣчитъ разумной карательной политикѣ вообще и является уже совершенно нелѣпымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о наказаніи лицъ, совершившихъ дѣяніе, чуждое низкихъ, позорныхъ мотивовъ. Точно также не выдерживаетъ критики и предложеніе, чтобы съ различіемъ преступленій считался не судъ, а „просвѣщенные директора тюремъ"; во—первыхъ, участь преступника здѣсь ставится въ зависимость не отъ суда, который оперируетъ въ рамкахъ законности, опираясь на твердые критеріи, а отъ административнаго усмотрѣнія, которое часто будетъ граничить съ произволомъ; сами авторы возраженія чувствуютъ необходимость считаться съ различіемъ преступленій, но имъ не хочется разстаться съ рутиной,—и вотъ гдѣ источникъ ихъ сомнительныхъ рецептовъ.[1])

Переходимъ къ другой группѣ возраженій; они носятъ двоякій характеръ: теоретическій и практическій—и могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) нѣтъ никакого основанія дѣлить преступленія по мотивамъ дѣйствія и создавать особый родъ наказаній для преступленій, вызываемыхъ небезчестными побужденіями, ибо важность и опасность преступленія заключается въ его объективномъ и субъективномъ составѣ и не исчерпывается однимъ мотивомъ;[2]) 2) если принимать во вниманіе величину причи-

---

[1]) Ср. возраженія противъ важности мотива вообще и разборъ ихъ у насъ, стр. 116 и сл.

[2]) Череповецкая прокуратура и г. Каменцовъ, см. Об. Зап. Пр., стр 12—13.

неннаго соціальнаго зла, то особыя наказанія со сравнительно слабымъ режимомъ явятся мѣрой недостаточной, каковы бы ни были мотивы;[1]) существуютъ преступленія, безусловно исключающія идею custodia honesta, напримѣръ, отцеубійство, чѣмъ бы оно ни было вызвано, и, наоборотъ, бываютъ преступленія (дѣтоубійство, дуэль, религіозныя), которыя, независимо отъ ихъ мотива, *по своей природѣ* требуютъ непозорящаго наказанія;[2]) 3) при наличности особыхъ наказаній произойдетъ упадокъ репрессіи; особыя наказанія не будутъ репрессивными, ибо преступники, дѣйствующіе по болѣе возвышеннымъ мотивамъ, попадутъ въ „привиллегированные", между тѣмъ, какъ они ничего такъ не боятся, какъ смѣшенія ихъ съ обыкновенными преступниками;[3]) 4) разъ для лучшихъ изъ преступниковъ будутъ введены особыя наказанія, то усилится то предубѣжденіе, которое и теперь питаетъ общество противъ тюремныхъ выпущенниковъ, увеличатся препятствія успѣшной дѣятельности патроната, препятствія къ возвращенію обратно въ нѣдра общества лицъ, которыя будутъ подвергнуты обыкновеннымъ, позорящимъ въ глазахъ общества наказаніямъ; 5) безспорное противорѣчіе возникаетъ, если мы будемъ наказывать дѣятеля и въ то же время объявлять его мотивы возвышенными;[4]) 6) выборъ во вниманіе къ мотиву рода наказанія тяжко отзовется на преступникахъ, совершившихъ, хотя и по дурному мотиву, маловажное дѣяніе.[5])

Отвѣтимъ на эти возраженія по порядку. 1) Мы сами не сомнѣваемся, что важность и опасность преступленія не ис-

---

[1]) Péan, см. Garçon, Peines n. d., 1896, 6, p. 847; cp. Normand, ibid., p. 1105

[2]) Mittermayer, ibid., 1897, 1, p. 163–165.

[3]) Hermange, ibid., 1896, 6, p. 849; Marie, ibid., 1896, 7, p. 1103.

[4]) Vidal, ibid., 1897, 1, p. 153–154.

[5]) Pols, ibid., p. 175–177.

черпываются *исключительно* мотивомъ, но думаемъ, что, сообразуя съ мотивомъ родъ наказанія, мы *въ исключительность* не впадаемъ: на основаніи мотива мы лишь рѣшаемъ, должно ли быть наказаніе исправительнымъ или обезпечительнымъ; подвидъ же его и продолжительность могутъ и должны находиться въ зависимости отъ важности нарушеннаго блага, отъ степени упорства преступной энергіи и другихъ существенныхъ обстоятельствъ; напримѣръ, примѣняясь къ проэкту нашего уголовнаго уложенія, мы скажемъ, что во вниманіе къ мотиву должно быть назначено въ однихъ случаяхъ обыкновенное наказаніе, а въ другихъ особое, но посадить ли человѣка при первой комбинаціи въ тюрьму, исправительный домъ или на каторгу, а при второй — приговорить его къ аресту, заточенію или поселенію, — этотъ вопросъ разрѣшается, какъ и вопросъ о срокѣ каждаго изъ упомянутыхъ наказаній, сообразно не съ мотивомъ, а съ другими обстоятельствами, относящимися къ субъективной и объективной сторонѣ; 2) мы не думаемъ, чтобы особыя наказанія со сравнительно болѣе слабымъ режимомъ непригодны для тяжкихъ преступленій, разъ послѣднія совершены по мотивамъ, говорящимъ въ пользу виновника; несомнѣнно, тяжкимъ преступленіемъ является убійство, но мы знаемъ, что и теорія и практика допускаютъ и въ случаяхъ убійства очень мягкую наказуемость, напримѣръ, при дѣтоубійствѣ, при провокаціи, при убійствѣ по соглашенію и т. п. Приведенный доводъ имѣетъ большую силу для сторонниковъ идеи таліона или идеи устрашенія, но онъ безсиленъ въ глазахъ сторонниковъ цѣлесообразности наказанія: разъ нельзя во вниманіе къ мотиву опредѣлять въ болѣе тяжкихъ случаяхъ обезпечительное наказаніе, то надо примѣнять исправительное, а послѣднее явно непригодно по отношенію къ лицамъ, дѣйствующимъ по возвышеннымъ мотивамъ, а слѣдовательно въ исправленіи непуждающимся; 3) мы согласны, что нѣкоторыя

преступленія исключаютъ идею custodia honesta, но не потому, чтобы при наличности какого бы то ни было преступленія можно было игнорировать мотивъ, а какъ разъ наоборотъ,—потому, что при нѣкоторыхъ преступленіяхъ мотивъ постояненъ и съ этико-соціальной точки зрѣнія говоритъ противъ виновнаго; таковы, напримѣръ, злостное банкротство, ростовщичество, ремесленное сводничестве и т. п. Что же касается отцеубійства, которое, по мнѣнію Миттермайера, нельзя ни при какомъ мотивѣ подвергнуть custodia honesta, то оно, очевидно, не относится къ вышеуказанной категоріи преступленій съ постояннымъ антисоціальнымъ мотивомъ, а потому мы думаемъ, что и здѣсь допустима custodia honesta; какъ на примѣръ, мы укажемъ на убійство сыномъ отца—снохача, котораго сынъ засталъ съ своей женой на мѣстѣ преступленія. Несогласны мы съ Миттермайеромъ и въ томъ, будто нѣкоторыя преступленія, независимо отъ ихъ мотива, по природѣ своей, обязательно подлежатъ custodia honesta; Миттермайеръ указываетъ на дуэль, т. е. на преступленіе съ болѣе или менѣе постояннымъ мотивомъ (оскорбленіе чести); но если такого мотива нѣтъ, напримѣръ, когда, придравшись къ пустяку, бреттеръ вызываетъ другое лицо на дуэль и убиваетъ это лицо, custodia honesta является совершенно неумѣстной; кромѣ того, ни одно законодательство не назначаетъ за дуэль custodia honesta безусловно, а вѣдь это было бы необходимымъ выводомъ изъ привиллегированности этого деликта *по его природѣ*; наоборотъ, т. наз. измѣнническая дуэль всегда наказуется обыкновеннымъ общимъ наказаніемъ; точно также custodia honesta не можетъ являться безусловнымъ наказаніемъ за политическія и религіозныя преступленія; напримѣръ, такія преступленія, какъ измѣна и шпіонство, нѣкоторые виды кощунства дѣйствіемъ и т. п., идутъ совершенно въ разрѣзъ съ идеей custodia honesta; 4) утвержденіе, что преступники, дѣйствующіе по болѣе

возвышеннымъ мотивамъ наиболѣе боятся ихъ смѣшенія съ обыкновенными преступниками, является совершенно бездоказательнымъ; такіе преступники дѣйствительно боятся, чтобы общественное мнѣніе не сочло ихъ обыкновенными преступниками, а потому съ особеннымъ удареніемъ обыкновенно указываютъ на идейный, возвышенный или альтруистическій характеръ мотивовъ своей дѣятельности; они боятся, чтобы общество не заподозрило ихъ въ какихъ либо мелкихъ или своекорыстныхъ разсчетахъ; но чтобы они боялись болѣе всего подвергнуться одинаковому роду наказанія съ обыкновенными преступниками и попасть съ ними въ одно учрежденіе, — это фантазія, разсѣеваемая свидѣтельствомъ судебной практики тѣхъ странъ, гдѣ, какъ напримѣръ у насъ, виновники политическихъ преступленій и многихъ религіозныхъ твердо знаютъ напередъ, что ихъ ждетъ, если не казнь, то каторга, тюрьма, словомъ—одинаковое (а иногда и совмѣстно отбываемое) наказаніе съ обыкновенными убійцами, грабителями, ворами и т. п., и тѣмъ не менѣе сознательно идутъ на встрѣчу такимъ послѣдствіямъ. Поэтому, мы думаемъ, что опасеніе упадка репрессіи въ случаѣ назначенія особыхъ наказаній во вниманіе къ мотиву, падаетъ, ибо оно основано на соображеніяхъ, въ несостоятельности которыхъ мы убѣдились; 5) въ томъ, что виновнаго наказываютъ, признавая его мотивы возвышенными, мы не видимъ никакого противорѣчія: мы сами никогда не утверждали, что вся репрессія должна находиться въ зависимости исключительно отъ мотива; поэтому, мы вполнѣ допускаемъ, что мотивъ можетъ говорить въ пользу виновнаго, а другія соображенія (значительность причиненнаго вреда, опасность дѣянія и т. п.)—противъ него, и что въ такихъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто наказуемость, хотя и выражающаяся во вниманіе къ мотиву въ особыхъ формахъ; мы знаемъ, что даже нравственная оцѣнка не можетъ смотрѣть

только на мотивъ и ни на что больше; тѣмъ болѣе не можетъ поступать иначе оцѣнка юридическая; 6) опасенія, что при дѣленіи наказаній на двѣ категоріи увеличатся препятствія патронату, реклассаціи виновнаго и т. п., и что возрастетъ предубѣжденіе общества противъ выпущенниковъ изъ обыкновенныхъ тюремъ, кажутся небезосновательными лишь на первый взглядъ, ибо тамъ, гдѣ общество вѣритъ въ успѣшность дѣйствія своихъ карательныхъ учрежденій, оно не питаетъ предубѣжденія противъ лицъ, отбывшихъ наказаніе въ какомъ бы то ни было учрежденіи; тамъ же, гдѣ такой вѣры не существуетъ, теперь, при отсутствіи особыхъ родовъ наказаній для лицъ, дѣйствующихъ по соціальнымъ мотивамъ, отъ такого порядка вещей страдаютъ всѣ наказуемые; послѣ же введенія такихъ особыхъ наказаній (предполагая, что лица, подвергаемыя имъ, не будутъ встрѣчать предубѣжденія въ обществѣ), будутъ страдать только лица, подвергаемыя общимъ наказаніямъ, т. е. число страдающихъ сократится; возрастаніе же интенсивности страданія остальныхъ мало вѣроятно, ибо для него не будетъ достаточныхъ причинъ; 7) утвержденіе, будто защищаемая нами система вредно отразится на виновникахъ маловажныхъ дѣяній, учиненныхъ по дурному мотиву, совершенно неправильно, ибо, при отсутствіи особыхъ наказаній, эти лица будутъ подвергаться такому же обыкновенному наказанію, какъ и при введеніи особыхъ наказаній; форма и продолжительность наказанія и при первой, и при второй комбинаціи должна быть одинаково болѣе мягкой; если же къ такимъ лицамъ и ранѣе примѣнялись особыя наказанія, но потому лишь, что при маловажныхъ дѣяніяхъ на мотивъ не обращалось вниманія, а теперь будутъ во вниманіе къ мотиву иногда примѣняться наказанія общія, то такой порядокъ не будетъ ни несправедливымъ, ни вреднымъ, ибо и виновники маловажныхъ дѣяній требуютъ исправленія, разъ они дѣйствовали по мотивамъ антисоціальнаго характера.

Теперь, покончивъ съ разборомъ возраженій теоретическаго характера, мы можемъ перейти къ возраженіямъ практическимъ.

Практическія возраженія сводятся къ тому, что созданіе особыхъ родовъ наказанія будетъ противорѣчить демократическимъ воззрѣніямъ тамъ, гдѣ такія воззрѣнія существуютъ, что такая реформа поведетъ къ излишнимъ расходамъ и безъ нужды обременитъ государственное казначейство, и что практически чрезвычайно трудно организовать режимъ особыхъ мѣстъ заключенія. [1])

Первое изъ этихъ возраженій основано на недоразумѣніи; когда custodia honesta являлась наказаніемъ для привиллегированныхъ классовъ, ея существованіе несомнѣнно противорѣчило не только демократическимъ идеямъ, но и чисто правовой идеѣ равенства всѣхъ передъ закономъ; но для насъ является совершенно непонятнымъ, какъ можетъ противорѣчить демократическимъ идеямъ организація особыхъ наказаній, назначаемыхъ во вниманіе къ мотиву и совершенно независимо отъ сословнаго, общественнаго, имущественнаго и пр. положенія наказуемаго лица. Недаромъ въ столь демократической странѣ, какъ Швейцарія, существуютъ кантоны, (напримѣръ, Невшатель) имѣющіе custodia honesta и въ лицѣ своихъ представителей (Cornaz'а) защищавшіе ея сохраненіе противъ идеи, положенной Штоссомъ въ основу швейцарскаго проэкта. Далѣе, что предлагаемая реформа поведетъ къ увеличенію расходовъ на тюремное дѣло,—это вѣрно, но 1) такое увеличеніе не можетъ быть значительнымъ, ибо приливъ лицъ въ особыя карательныя учрежденія уменшитъ число заключенныхъ въ обыкновенныхъ

[1]) Ржевская и изюмская прокуратура и сенаторъ Орловъ, см. Об. Зап. Пр., стр 13; Stooss; Mot. zu Vorentw., s. 41; Gardeil, Torp, Marie, Stevens и др., см. Garçon, Peines n. d., R. P. 1896, 7, p. 1103, 1104; ibid. 1896, 8, p. 1409—1410, 1417 1418.

карательныхъ учрежденіяхъ, уменшитъ необходимость расширять послѣднія и сократитъ расходы на нихъ, а 2) какъ справедливо замѣчаютъ редакторы нашего русскаго проэкта, разъ сознана важность извѣстной реформы для интересовъ общественныхъ, увеличеніемъ расходовъ нельзя смущаться, ибо изысканіе надлежащихъ средствъ является необходимымъ. [1])

Что же касается указаній на трудность организовать режимъ особыхъ мѣстъ заключенія, въ виду того, что они все же должны быть достаточно репрессивными, то этой трудности мы не оспариваемъ, особенно же потому, что еще почти нигдѣ не сдѣлано опыта примѣнять особыя наказанія въ широкихъ размѣрахъ; правда, такой опытъ дѣлается въ Италіи, но свѣдѣній мало мальски подробныхъ о практической постановкѣ дѣла и о его результатахъ мы въ литературѣ не встрѣтили.

Однако указываемая трудность еще не можетъ явиться аргументомъ противъ особыхъ наказаній; всякое новое дѣло, идущее въ разрѣзъ съ установившейся традиціей, является труднымъ; что же касается мнѣнія, будто такія наказанія не будутъ достаточно репрессивными, то мы съ такимъ мнѣніемъ согласиться не можемъ: лицо, имъ подвергаемое, на извѣстное время теряетъ столь цѣнное благо, какъ свобода, бываетъ вынуждено разстаться съ близкими лицами и съ привычными условіями жизни, подчинитться извѣстному твердому дисциплинарному режиму и т. д., и т. д. Этого совершенно достаточно для признанія наказанія репрессивнымъ, если только мы не будемъ увлекаться идеей устрашенія, малопригодной вообще, а по отношенію къ преступникамъ, дѣйствующимъ по мотивамъ высшаго порядка,—въ особенности.

---

[1]) Об. Зап. Пр., стр. 169.

Для режима же разсматриваемыхъ мѣстъ заключенія мы пока рекомендовали бы три условія, уже извѣстныя нѣкоторымъ законодательствамъ: 1) безусловное отдѣленіе даже съ внѣшней стороны такихъ мѣстъ заключенія отъ обыкновенныхъ тюремъ, 2) отбытіе наказанія въ общемъ заключеніи съ разобщеніемъ на ночь, а не въ одиночномъ, развѣ только послѣдняго будетъ просить самъ заключенный, и 3) болѣе мягкій режимъ и право свободнаго выбора труда не только физическаго, но и интеллектуальнаго, но съ тѣмъ, что трудъ въ извѣстные положенные часы долженъ являться обязательнымъ. Послѣднее мы рекомендуемъ (имѣя передъ глазами примѣръ италіанскаго detentione) потому, что убѣждены вопреки взглядамъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ теоретиковъ, что введеніе обязательнаго труда безусловно необходимо; оно, отвлекая заточенныхъ отъ праздности, губительно дѣйствующей на тѣло и на душу, придаетъ заточенію репрессивный характеръ и нимало не подрываетъ идеи custodia honesta, ибо трудъ (даже физическій) не является ни въ какомъ случаѣ позорнымъ по современнымъ воззрѣніямъ, далеко ушедшимъ отъ средневѣковыхъ рыцарско-дворянскихъ понятій. Что же касается первыхъ положеній, выше нами выставленныхъ, то они прежде всего вытекаютъ изъ признанія, что преступниковъ данной категоріи нѣтъ надобности исправлять, а потому многія стѣснительныя мѣры, связанныя съ идеей исправленія, здѣсь не должны имѣть мѣста; затѣмъ, болѣе легкій режимъ и безусловное отдѣленіе разсматриваемыхъ мѣстъ заключенія, отъ обыкновенныхъ тюремъ и ихъ обитателей—есть необходимое слѣдствіе изъ признанія важности считаться съ мотивомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ общественной оцѣнкой тѣхъ или иныхъ деликтовъ и ихъ совершителей.

Итакъ, мы остаемся при уже выставленной нами точкѣ зрѣнія, что мотивъ долженъ оказывать вліяніе на выборъ рода наказанія; этой идеѣ, корни которой лежатъ глубоко, мы по-

старались дать посильное развитіе и обоснованіе. [1]) Прибавимъ, что изъ нея вытекаетъ не только устройство custodia honesta, но и другія послѣдствія, относящіяся къ роду наказанія, напримѣръ, назначеніе высокихъ денежныхъ штрафовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мотивомъ дѣянія является чрезмѣрная алчность, назначеніе запрещенія посѣщать питейные дома лицамъ, впадающимъ въ преступленіе вслѣдствіе постояннаго пьянства, назначеніе выговора въ случаѣ совершенія по соціальному мотиву маловажнаго деликта, соображеніе съ мотивомъ при установленіи квалифицированныхъ и привиллегированныхъ деликтовъ и т. п. Мы знаемъ, что на рекомендуемый нами путь начинаютъ съ бóльшей или меньшей твердостью становиться и почти всѣ болѣе новыя законодательства. Вмѣсто прежняго правила: „наказаніе во вниманіе къ мотиву должно быть уменьшено въ мѣрѣ", мы переходимъ къ правилу: „съ мотивомъ должна быть сообразована самая природа наказанія". Уменьшенія наказанія въ мѣрѣ, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію недостаточно; мы допускаемъ такое уменьшеніе лишь какъ палліативъ, поскольку не допущено въ законодательствѣ измѣненія во вниманіе къ мотиву рода наказанія.

Далѣе, выставленный нами общій принципъ находитъ примѣненіе и при организаціи замѣняющихъ и дополнительныхъ наказаній и другихъ, родственныхъ наказанію, мѣръ безопасности.

Такъ, мы уже видѣли при обзорѣ законодательствъ и относимся съ полнымъ одобреніемъ къ такой постановкѣ вопроса, что вмѣсто наказанія или сверхъ него во вниманіе къ

---

[1]) Мы уже указывали на Фойницкаго и Rigaud, какъ на сторонниковъ выбора рода наказанія во вниманіе къ мотиву; смутно эта же идея проскальзываетъ у Hälschner'a, см. его Strafrecht, s. 524—525; болѣе отчетливо, но безъ должной послѣдовательности ее проводитъ Kraus, см. его Motiv, Z. 1897, 17, s. 482 - 487. Ясную формулировку мы находимъ также у Gramm'a, Calker'a, см. его Strafrecht, s. 24 ff., Fuld'a, см. его Motiv, G. A. 31, s. 323—324, Lammasch'a, см. его Studien, G. 44, s. 186 ff. и др.

мотиву дѣянія часто назначается рабочій домъ и заключеніе въ пріютъ для алкоголиковъ и т. п. Та же идея должна быть проводима при назначеніи дополнительныхъ денежныхъ наказаній во вниманіе къ мотиву корысти, при организаціи правоограниченій и т. д.

Подробнѣе мы остановимся на вопросахъ объ ограниченіи правъ и объ условномъ осужденіи. Съ точки зрѣнія мотива необходимо прежде всего настаивать на дробимости правоограниченій; человѣкъ, которому въ виду мотива его дѣянія слѣдуетъ назначить ограниченіе правъ служебныхъ, можетъ быть оставленъ полноправнымъ въ сферѣ семейной, коммерческой и т. п.; напримѣръ, когда преступленіе было вызвано чрезмѣрнымъ тщеславіемъ, честолюбіемъ и другими подобными мотивами, мы не имѣемъ основаній опасаться, что виновный будетъ злоупотреблять родительской властью. Затѣмъ, при наказаніяхъ особыхъ, примѣняемыхъ къ лицамъ, дѣйствовавшимъ по соціальнымъ мотивамъ, правоограниченія должны имѣть мѣсто лишь на время отбытія наказанія, да и то лишь постольку, поскольку они являются неизбѣжными (въ виду невозможности для виновнаго осуществлять извѣстныя права), или цѣлесообразными, въ виду необходимости поддержать извѣстный режимъ наказанія (напримѣръ, воспрещеніе держать на рукахъ деньги, производить закупки для стола, одежды и пр. сверхъ извѣстной нормы и т. п.). Продолжая правоограниченіе за предѣлы срока главнаго наказанія, карательная власть будетъ сама себѣ противорѣчить, ибо правоограниченіе неизбѣжно обозначаетъ недовѣріе къ этико-соціальнымъ качествамъ лица, ему подвергающагося, а назначеніе особаго наказанія вмѣсто обычнаго, наоборотъ, свидѣтельствуетъ, что наказуемый не признавался лицомъ низкимъ и не заслуживающимъ довѣрія. Точно также, за рѣдкими исключеніями, правоограниченіе должно быть *факультативнымъ*; законодатели обыкновенно при болѣе тяжкихъ деликтахъ

назначаютъ *обязательное* ограниченіе правъ, но это пріемъ съ точки зрѣнія теоріи мотивовъ совершенно ошибочный, ибо тяжкія преступленія такъ же могутъ быть совершаемы по мотивамъ, заслуживающимъ вниманія, какъ и менѣе тяжкія. Обратимся къ вопросу объ условномъ осужденіи. Большинство сторонниковъ этого института ратуютъ за его примѣненіе къ случайнымъ (острымъ) преступникамъ безъ вниманія къ мотиву, ибо они желаютъ уберечь отъ тюрьмы возможно бо́льшее количество лицъ и опасаются чрезмѣрно сократить примѣненіе этой мѣры, разъ она будетъ допускаться лишь при наличности мотивовъ, заслуживающихъ вниманія съ этико-соціальной точки зрѣнія.[1])

Мы сами относимся къ сторонникамъ указаннаго института, но приведенныхъ доводовъ всецѣло признать справедливыми не можемъ: съ практической точки зрѣнія они заключатъ въ себѣ долю правды, но и то лишь по отношенію къ тѣмъ странамъ, гдѣ обыкновенныя карательныя учрежденія являются не мѣстомъ исправленія, а школой порока и преступленія; принципіальной же постановки вопроса здѣсь нѣтъ, ибо, основываясь на томъ, что тюрьма не исправляетъ, а портитъ, не слѣдуетъ допускать отдачу въ нее не только острыхъ, но и хроническихъ преступниковъ; тамъ же, гдѣ тюрьмы исправляютъ, а не развращаютъ, нѣтъ основанія уберегать отъ нихъ лицъ, совершившихъ дѣяніе по антисоціальному мотиву, а слѣдовательно нуждающихся въ исправленіи.

Съ другой стороны, мы, во вниманіе къ мотиву, стоимъ за расширеніе института условнаго осужденія и думаемъ, что, разъ на лицо имѣется мотивъ, заслуживающій внима-

---

[1]) Главнымъ сторонникомъ такой постановки вопроса является Gautier, но цитаты мы привести не можемъ, ибо въ данное время не имѣемъ подъ руками его статьи о швейцарскомъ проэктѣ.

нія съ этико-соціальной точки зрѣнія, условное осужденіе можетъ быть допущено и при болѣе важныхъ деликтахъ чѣмъ оно допускается теперь. Предѣловъ же мы здѣсь намѣчать не беремся, ибо это далеко отвлекло бы насъ отъ прямыхъ задачъ нашего изслѣдованія.

Теперь, установивъ по возможности подробно ту роль, которую мотивъ долженъ играть для наказуемости, мы должны отвѣтить на послѣдній, но чрезвычайно существенный и вызывающій массу споровъ вопросъ,—кто долженъ выбирать родъ наказанія, сообразуясь съ мотивомъ: законодатель a priori или судья, примѣняя наказаніе въ конкретномъ случаѣ; этотъ же вопросъ въ свою очередь связанъ съ вопросомъ о томъ, по какому критерію и какъ производить классификацію мотивовъ.[1])

По первому вопросу существуетъ два крайнихъ мнѣнія. Одни думаютъ, что лишь судья можетъ оцѣнить мотивъ дѣянія и сопровождающія его обстоятельства, и что поэтому, за рѣдчайшими исключеніями, выборъ рода наказанія долженъ принадлежать судьѣ; законодатель же долженъ отъ этого дѣла отстраниться.[2]) Другіе, наоборотъ, думаютъ, что судьѣ *никогда* не долженъ быть предоставленъ выборъ рода наказанія, ибо въ противномъ случаѣ создается необычайный судейскій произволъ, вредный для правосудія и гражданъ.[3]) Третье же мнѣніе, къ которому примыкаемъ и мы, рекомендуетъ примирительную постановку вопроса.

Начнемъ нашъ разборъ со втораго мнѣнія. Мы не можемъ согласиться съ его защитниками, что мы создаемъ судейскій произволъ, ибо никто не рекомендовалъ предоставить судьѣ безконтрольное и безграничное право назначать родъ

---

[1]) Cp. Liszt, Grundlagen, Z. 1896, 16, s. 482—483.
[2]) Garçon, Peines n. d., R. P. 1896, 6, p. 844.
[3]) Breitenstein, Bedenken, s. 16 ff.

наказанія по капризу или произволу; наоборотъ, сторонники противоположнаго мнѣнія утверждаютъ, что законодатель, не опредѣляя самъ рода наказанія, тѣмъ не менѣе долженъ дать судьѣ въ руководство твердый и опредѣленный критерій; разъ такой критерій данъ, судья уже поставленъ въ извѣстныя рамки, обязанъ обосновать свой выборъ рода наказанія, считаясь съ указаніями закона, а потому о произволѣ не можетъ быть и рѣчи. Другой вопросъ,—возможно ли выработать твердый и опредѣленный критерій, но мы на этотъ вопросъ отвѣтимъ дальше, пока же замѣтимъ, что даже въ самыхъ консервативныхъ законодательствахъ судьѣ предоставляется иногда право, сообразуясь съ указаніями закона, освобождать виновнаго отъ наказанія; это право болѣе серьезно, чѣмъ право выбирать родъ наказанія, но оно существуетъ и не создаетъ произвола, ибо гарантіей отъ послѣдняго является *требованіе мотивированности приговора,* дающее возможность его провѣрки относительно его соотвѣтствія закону. Это же условіе является и гарантіей отъ произвола судьи при выборѣ *имъ* рода наказанія, сообразно съ мотивомъ. Если же судью безусловно лишить права выбирать родъ наказанія, то значитъ этотъ родъ всегда долженъ быть предустановленъ законодателемъ, что, какъ увидимъ далѣе, едва ли является возможнымъ.

Первое же указанное нами мнѣніе грѣшитъ противуположной крайностью, утверждая, что законодатель *никогда* не можетъ опредѣлить родъ наказанія, соображаясь съ мотивомъ a priori; мы уже имѣли случай говорить, что существуютъ деликты (напримѣръ, ростовщичество), мотивъ которыхъ устойчивъ, а слѣдовательно законодатель можетъ съ нимъ сообразоваться, устанавливая родъ наказанія.

Поэтому, мы становимся на сторону примирительнаго взгляда. Мы уже видѣли, что законодатель можетъ опредѣлить родъ наказанія иногда, но можетъ ли онъ это сдѣлать всегда?

Несомнѣнно нѣтъ. Невозможно предусмотрѣть напередъ всѣ тѣ безчисленныя и разнообразныя побужденія чувственнаго и интеллектуальнаго характера, которыя могутъ являться мотивами человѣческой дѣятельности; неизбѣжны будутъ пропуски и даже весьма существенные, какъ это мы видѣли при обзорѣ итальянскаго кодекса, составители котораго поставили себѣ непосильную задачу напередъ регламентировать тѣ случаи, въ которыхъ мотивъ долженъ оказывать вліяніе на родъ наказанія.

Теперь, убѣдившись, что законодателю эта задача во многихъ случаяхъ будетъ не по силамъ, а съ другой стороны, зная, что въ зависимости отъ мотива *долженъ* опредѣляться родъ наказанія, мы приходимъ къ неизбѣжному выводу, что законодатель, предусмотрѣвъ по указаніямъ опыта возможно большее число мотивовъ и опредѣливъ ихъ вліяніе на наказуемость, а также установивъ по возможности больше деликтовъ, привиллегированныхъ и квалифицированныхъ во вниманіе къ мотиву, *долженъ въ остальныхъ случаяхъ предоставить судьѣ право выбора рода наказанія, сообразно съ мотивомъ.* Но при этомъ, какъ мы знаемъ, нужно избѣжать судейскаго произвола, выставивъ судьѣ въ законѣ твердый критерій для различенія мотивовъ. Возможенъ ли такой критерій, каковъ онъ долженъ быть, какая должна быть принята классификація мотивовъ?—Вотъ вопросы, требующіе съ нашей стороны отвѣта.

Разсмотримъ предварительно уже существующія классификаціи и рѣшимъ—пригодны ли онѣ практически. Такъ, имѣется классификація мотивовъ у Крауса, который, установивъ понятіе цѣннаго вообще, а затѣмъ цѣннаго сравнительно, на этомъ строитъ такую классификацію:

I. А. Осуществленіе или обезпеченіе цѣннаго (въ подраздѣленіяхъ указано наслажденіе чѣмъ либо любимымъ, индифферентнымъ, такимъ, цѣнность котораго для насъ не-

познаваемы и т. п.). В. Уничтоженіе или отвращеніе зла въ своихъ или чужихъ интересахъ (куда входятъ: заблужденіе, отвращеніе къ чему либо по пріобрѣтенной или природное склонности, отвращеніе интенсивное, отвращеніе къ дурному и къ индифферентному, безправственное направленіе ума и т. п.).

II. Обезпеченіе зла или уничтоженіе блага (съ подраздѣленіями, аналогичными вышеприведеннымъ).

III. Осуществленіе или отраженіе индифферентнаго.[1])

Если особенно настойчиво заняться пробиваніемъ метафизической коры, въ которую закутана эта классификація, то у автора можно открыть два—три указанія, пригодныя для конструкціи съ точки зрѣнія мотива ученій о необходимой оборонѣ, крайней необходимости и т. п. Но, по нашему мнѣнію, уже съ перваго взгляда видно, что эта темная и запутанная классификація совершенно непригодна для практическаго употребленія и не содержитъ въ себѣ яснаго критерія, который могъ бы войти въ законъ, какъ руководство для судьи.

Другія классификаціи являются случайными и неполными. Такъ, швейцарское союзное бюро, классифицируя преступленія по мотивамъ, согласно показаніямъ тюремныхъ директоровъ, указало, что 106 преступленій за извѣстный періодъ времени было вызвано алчностью, 66—ненавистью или местью, а 35—запальчивостью,[2]) т. е. изъ всей массы возможныхъ мотивовъ оно указало только три.

Затѣмъ, у Гольцендорфа мы находимъ классификацію мотивовъ убійства, выработанную французской статистикой, и его собственную классификацію, относящуюся къ тому же преступленію, а слѣдовательно не обнимающую мотивовъ дру-

---

[1]) Kraus, Motiv. Z. 1897, B. 17, s. 472—476.
[2]) См. Stooss, Kampf g. d. Verbr., s. 12.

гихъ преступленій и непригодную для практики въ качествѣ общей классификаціи. Самъ авторъ считаетъ ее полезной лишь для уголовной психологіи и не придаетъ ей практическаго значенія, что и вполнѣ понятно, ибо въ его классификаціи указаны лишь нѣкоторые экономическіе, половые и пр. мотивы (напримѣръ, гнѣвъ, ненависть, месть), а о цѣломъ рядѣ мотивовъ, напримѣръ, состраданіи, религіозномъ убѣжденіи, чувствѣ самосохраненія и пр.—не говорится ни слова.[1])

Въ другой своей работѣ Гольцендорфъ дѣлитъ мотивы на общественные и индивидуальные, но критерія не устанавливаетъ и находитъ невозможнымъ провести между ними точную демаркаціонную черту.[2])

Далѣе, такія же замѣчанія, какъ и классификація Гольцендорфа, вызываетъ и классификація у Вальберга какъ мотивовъ вообще,[3]) такъ и въ частности мотивовъ при убійствѣ (послѣдняя по даннымъ австрійской уголовной статистики), хотя эта вторая классификація и является полнѣе другихъ, включая въ себя указаніе не только на такіе мотивы, какъ месть, корысть, ревность, задорливость, жестокость, но и на такіе, какъ страхъ и въ частности страхъ позора, отчаяніе и въ частности отчаяніе отъ нужды, легкомысліе, состраданіе и т. п.[4]) Равнымъ образомъ и классификація Заккера и неполна и чужда опредѣленнаго основнаго критерія.[5])

Несравненно полнѣе другихъ классификація мотивовъ у Листа, но и она не можетъ быть признана полной по той

---

[1]) Holtzendorff, Verbrechen d. M., примѣчаніе къ s. 101; ср. его же Psychologie d. M., s. 14 ff.

[2]) Holtzendorff, Psychologie d. M., s. 32.

[3]) Wahlberg, Individualisirung, s. 105 ff.

[4]) Wahlberg, Schriften, II, s. 151—152.

[5]) Sacker, Rückfall, s. 108—109.

простой причинѣ, которую мы уже ранѣе указывали: вслѣдствіе невозможности a priori предусмотрѣть всѣ мыслимые мотивы, которая равнымъ образомъ существуетъ и для законодателя, и для ученаго. Что же касается опредѣленнаго критерія, который бы былъ положенъ въ основу всей классификаціи, то онъ у Листа отсутствуетъ, ибо Листъ сомнѣвается въ возможности такого критерія и стремится лишь къ раздѣленію мотивовъ, основанному на сведеніи въ болѣе или менѣе однородныя группы отдѣльныхъ криминальныхъ случаевъ.

Поэтому, восьмигруппная классификація Листа, имѣющая весьма солидное научное значеніе и весьма полезная для изученія многихъ изъ мотивовъ въ отдѣльности, не годится по своей сложности для проведенія въ законодательство. Для послѣдняго важна качественная сторона мотива, а она то именно не всегда была принята въ основу дѣленія, ибо въ одну и ту же группу преступленій, совершаемыхъ по страсти, включены страданія отъ отвергнутой любви или отъ оскорбленной чести, гнѣвъ, ревность, ненависть, раздраженіе и т. п.[1])

Итакъ, искомаго критерія для дѣленія мотивовъ въ законодательствѣ мы не нашли, идя путемъ индуктивнымъ, т. е. исходя изъ разсмотрѣнія различныхъ классификацій мотивовъ. Остается путь дедуктивный. Какой критерій пу-

---

[1]) Liszt, Grundlagen, Z. 1896, B. 16, s. 482—483, 489—494. Его классификація такова: 1) дѣянія, учиненныя по невѣдѣнію, легкомыслію и пр., гдѣ у дѣятеля отсутствуетъ или помрачено сознаніе о томъ, что онъ посягаетъ на чужое правовое благо; 2) дѣянія, учиненныя по благодушной слабости и альтруистическимъ мотивамъ; 3) дѣянія, вызванныя отчаяніемъ или инстинктомъ самосохраненія; 4) дѣянія, вызванныя половой похотливостью; 5) дѣянія, учиненныя по страсти или въ аффектѣ; 6) дѣянія, вызванныя славолюбіемъ, честолюбіемъ и т. д., 7) дѣянія, основанныя на вѣрности убѣжденіямъ правовымъ, нравственнымъ, научнымъ, эстетическимъ, религіознымъ, политическимъ, національнымъ и пр., и 8) auri sacra fames, страсть къ наслажденіямъ и т. п. грубо эгоистическіе мотивы.

женъ законодателю? Во-первыхъ, несложный, во-вторыхъ, опредѣленный и ясный и въ третьихъ, пригодный для карательныхъ цѣлей, ибо, оперируя имъ, судья долженъ примѣнять родъ наказанія.

Для карательныхъ же цѣлей, какъ мы знаемъ изъ разсмотрѣнныхъ нами теоретическихъ соображеній, наиболѣе важнымъ является дѣленіе мотивовъ на двѣ группы по ихъ этико-соціальному значенію, т. е. на мотивы моральные или соціальные съ одной стороны и антиморальные, антисоціальные—съ другой. Мы подробно разсматривали это дѣленіе въ первой части нашей работы, а потому теперь можемъ не распространяться о немъ по существу; что дѣленіе это несложно—видно съ перваго взгляда, но чтобы оно было болѣе яснымъ и пригоднымъ для практическихъ цѣлей и въ частности для введенія его въ текстъ закона, мы предпочтемъ употребить формулу, уже получившую права гражданства въ швейцарскомъ проэктѣ и скажемъ, что законъ, за исключеніемъ случаевъ, прямо предусмотрѣнныхъ законодателемъ, долженъ предоставить судьѣ право выбора между наказаніемъ обезпечительнымъ и наказаніемъ исправительнымъ, указавъ ему въ руководство, что наказанія перваго рода должны примѣняться къ лицамъ, дѣйствовавшимъ по мотивамъ возвышеннымъ или вообще достойнымъ вниманія, а наказанія втораго рода—къ лицамъ, дѣйствовавшимъ по мотивамъ низменнымъ и достойнымъ порицанія.

Мы глубоко убѣждены, что такой шагъ въ законодательствѣ, сближая уголовное право съ моральными воззрѣніями общества, одновременно будетъ способствовать и сближенію правды формальной съ правдой истинной, т. е. процвѣтанію правосудія. Коронный судья получитъ тогда впервые право не на словахъ, а на дѣлѣ, руководясь закономъ, осуществлять въ его широкихъ предѣлахъ свое внутреннее убѣжденіе, а судъ присяжныхъ, зная, что, при констатированіи имъ извѣстнаго мотива, обвиняемый не будетъ смѣшанъ съ обыкновенными преступниками и даже въ извѣстныхъ случаяхъ

будетъ осужденъ лишь условно, станетъ менѣе щедро произносить оправдательные вердикты, часто нынѣ вытекающіе изъ опасенія, что подсудимый будетъ несоотвѣтственнымъ образомъ наказанъ по закону, далеко отставшему отъ требованій жизни.

Заключеніе.

Работа наша окончена. Мы, какъ уже говорили, не придаемъ ей исчерпывающаго вопросъ о мотивахъ значенія, а, наоборотъ, считаемъ ее лишь попыткой подробно намѣтить надлежащій путь для рѣшенія этого колоссальнаго вопроса, который, по мнѣнію проф. Листа, требуетъ дружной и продолжительной работы ряда лицъ. Наша главная задача состояла въ томъ, чтобы поставить вопросъ на принципіальную почву и найти опорные пункты, находящіеся въ гармоніи какъ съ данными этики и психологіи, такъ и съ потребностями правосудія. Мы не видимъ въ теоріи мотивовъ какой то панацеи противъ всѣхъ недостатковъ, существующихъ въ уголовномъ правѣ, ибо придаемъ мотиву важное, но отнюдь не исключительное и всепоглощающее значеніе. Мы хотимъ только возможно болѣе выяснить ту мысль, что въ уголовномъ правѣ долженъ играть значительную роль этическій элементъ, и что для прогресса правосудія, которое существуетъ въ интересахъ общества, необходимо считаться съ общественно-этической оцѣнкой деликтовъ, которая главнымъ образомъ зиждется на мотивѣ; отсюда важное значеніе мотива въ уголовномъ правѣ,

Затѣмъ, насъ интересуетъ ученіе о мотивѣ еще и съ той стороны, что при современномъ рѣзкомъ раздѣленіи учено-криминальнаго міра на классиковъ, антропологовъ и соціологовъ, это ученіе является примирительной попыткой, можетъ быть пунктомъ сближенія враждующихъ лагерей, благодаря той свойственной мотиву особенности, что онъ можетъ характеризовать какъ дѣяніе, такъ и дѣятеля, т. е.

тѣ два разные полюса, изъ которыхъ одинъ привлекаетъ къ себѣ исключительное вниманіе однихъ ученыхъ, а другой — другихъ. Сближеніе же, хотя частичное, было бы чрезвычайно важнымъ и полезнымъ какъ для науки уголовнаго права, такъ и для правосудія.

Закончимъ мы тѣми выводами и пожеланіями, къ которымъ мы пришли въ послѣдовательномъ развитіи своихъ идей по вопросу о мотивѣ.

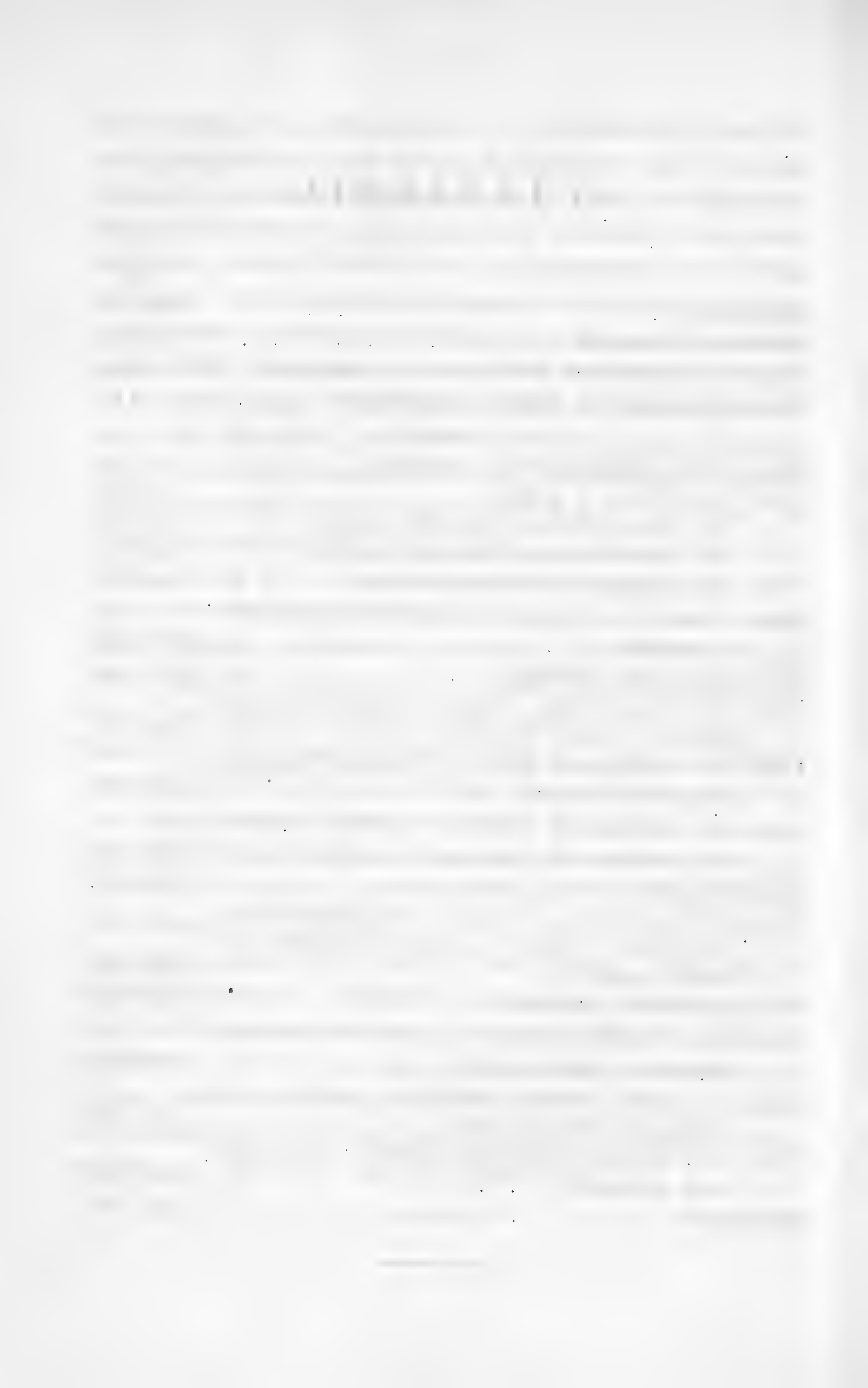
1) Желательно, чтобы въ курсахъ и учебникахъ уголовнаго права было обращено бóльшее вниманіе на вопросъ о значеніи мотива, чѣмъ то, которое имѣло мѣсто до сихъ поръ. Для этого необходимо, чтобы мотивъ не разсматривался какъ ничтожный элементъ ученія объ умыслѣ и чтобы къ нему перестали относиться какъ къ чему то допускаемому чуть ли не изъ снисхожденія; 2) необходимо, чтобы въ основу ученія о мотивахъ клали не только юридическія, но и психологическія и этическія данныя, всесторонне освѣщающія это ученіе; 3) необходимо, чтобы систематически выяснялись и излагались послѣдствія, вытекающія изъ признанія принципіальной важности мотива, а таже ученія, тѣсно связанныя съ ученіемъ о мотивѣ (крайняя необходимость, согласіе пострадавшаго, классификація преступниковъ и т. п.), но до сихъ поръ излагаемыя въ томъ мѣстѣ, въ какомъ Богъ положитъ на душу тому или другому криминалисту.

Затѣмъ, de lege ferenda мы считаемъ необходимымъ:

1) устранить изъ законодательства все, порождающее безнравственную мотивацію, напримѣръ, наказуемость недонесенія, освобожденіе отъ наказанія или смягченіе таковаго лицу, выдавшему своихъ соучастниковъ и т. п.; 2) не примѣнять наказаній, разсчитанныхъ на грубую и примитивную мотивацію, напримѣръ, исключительно бьющихъ на устрашеніе, ибо при современномъ состояніи культуры громадному большинству гражданъ доступна мотивація болѣе высо-

каго порядка; 3) сообразоваться со свойствами мотива въ конструкціи цѣлаго ряда ученій, а особенно при указаніи случаевъ, создающихъ правомѣрность или ненаказуемость дѣянія; 4) выставить принципіальное положеніе, что родъ наказанія долженъ опредѣляться въ зависимости отъ мотива; при этомъ самъ законодатель долженъ опредѣлить квалифицированные и привиллегированные деликты, а также напередъ указать тѣ случаи, гдѣ наказаніе должно быть назначено такого именно рода, а не другаго, во вниманіе къ мотиву, при извѣстныхъ деликтахъ болѣе или менѣе постоянному, а потому и почти навѣрняка извѣстному a priori. Такимъ образомъ, часть преступленій будетъ обложена въ законѣ исправительными наказаніями, а часть—только обезпечительными; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, такъ какъ дурные мотивы, къ сожалѣнію, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ хорошіе, законодатель долженъ, презюмируя наличность первыхъ, выставить въ законѣ исправительное наказаніе, но, наряду съ этимъ, предоставить судьѣ право, считаясь съ качествомъ мотива, замѣнять такое наказаніе обезпечительнымъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ такая замѣна будетъ прямо воспрещена (напримѣръ, при корыстномъ убійствѣ и ростовщичествѣ); 5) поставить въ зависимость отъ этико-соціальнаго значенія мотива примѣненіе дополнительныхъ наказаній, а также родственныхъ наказанію мѣръ, назначаемыхъ вмѣсто или помимо наказанія, и 6) обезпечительныя наказанія организовать иначе, чѣмъ исправительныя, считаясь съ тѣмъ, что первыя наказанія не должны терять репрессивнаго характера, но должны въ то же время быть сообразованы съ благопріятными данными относительно лицъ имъ подвергаемыхъ, данными, основанными на качествѣ мотивовъ этихъ лицъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

И. Я. ГУРЛЯНДЪ.

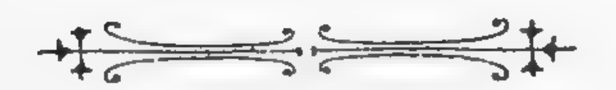
Прив.-доц. Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯМСКАЯ ГОНЬБА

ВЪ

МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

ДО КОНЦА XVII ВѢКА.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
15 Января 1900 г. Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

История ямской гоньбы — рядъ страницъ по исторіи русской администраціи. При сравнительной неразработанности общаго вопроса о внутреннемъ управленіи московскаго государства до конца 17 вѣка, попытка подойти къ этому вопросу путемъ изученія исторіи отдѣльныхъ отраслей управленія можетъ принести несомнѣнную пользу: никакимъ инымъ путемъ не опредѣляются съ такой отчетливостью подробности рисунка въ уже намѣченномъ контурѣ, а этимъ естественно устанавливаются границы тѣмъ обобщеніямъ, которыми, за неимѣніемъ болѣе детальныхъ изслѣдованій, поневолѣ должна удовлетворяться наука. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не указать, что самый фактъ выбора нами именно данной спеціальной темы среди ряда другихъ спеціальныхъ темъ отнюдь не случаенъ. Ямская гоньба, съ одной стороны, вызывала о себѣ особую заботу власти, съ другой-же стороны, ямская гоньба съ особой тяжестью ложилась на населеніе. Вполнѣ понятно, что историческій ходъ развитія ямской гоньбы долженъ былъ опредѣленно выразить основныя начала взаимоотношеній между властью и населеніемъ, т. е. то главное и преимущественное, что характеризуетъ собой строй внутренняго управленія.

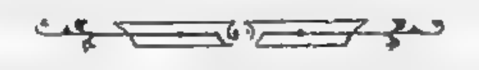
Мы вовсе не имѣемъ въ виду, однако, придать нашей работѣ преувеличенное значеніе. Это — попытка посильнаго разсмотрѣнія частнаго вопроса по исторіи русской администраціи и только Все время мы твердо помнили, что не можетъ быть плодотворной попытка строить общіе выводы на частныхъ наблюденіяхъ; поэтому, быть можетъ, иногда и къ явному вреду для своей работы, мы останавливались всегда тамъ, гдѣ кончалось непосредственное значеніе нашего спеціальнаго матерьяла. Мы останавливались даже и тогда, когда было очевидно, что еще одинъ шагъ, и мы по-

дошли бы къ рѣшенію общаго вопроса. Иначе мы были бы непослѣдовательны: одно изъ двухъ:—или терпѣливо ждать, пока общее само собой создастся изъ детально разработанныхъ частей, или, спѣша къ общему, вносить это общее въ частное, быть можетъ, этимъ блистательно разрѣшить широкую задачу, но вѣрнѣе—рисковать, что, въ концѣ концовъ, частное будетъ лишь загромождать путь къ общему, потерявъ къ тому-же и самостоятельное значеніе.

Пользуясь случаемъ, спѣшимъ выразить нашу глубокую, сердечную признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, способствовавшимъ намъ въ предпринятой нами работѣ. Особенную-же признательность обязаны мы выразить глубокоуважаемому Сергѣю Михайловичу Шпилевскому, временемъ, знаніями и рѣдкой по тщательности подбора изданій библіотекой котораго мы въ такой широкой мѣрѣ пользовались, а также и глубокоуважаемому Евгенію Ивановичу Якушкину, благодаря указаніямъ котораго мы могли въ извѣстной мѣрѣ пополнить наше знакомство съ провинціальными изданіями и мѣстными источниками.

Сердечно благодаримъ и всѣхъ библіотекарей и хранителей рукописей въ архивахъ и библіотекахъ, гдѣ намъ приходилось работать. Какъ много, напримѣръ, вниманія и предупредительности встрѣтили мы со стороны г. Рождественскаго при нашихъ занятіяхъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Большую помощь оказалъ намъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи П. И. Ивановъ.

Съ благодарностью вспоминаемъ мы и тѣ многіе долгіе часы которые такъ внимательно удѣлялъ намъ проф. Лининскій. Считаемъ долгомъ благодарить и проф. Чечулина за хлопоты, благодаря которымъ мы такъ быстро получили доступъ къ матерьяламъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ

ВАЖНѢЙШІЯ ДОПУЩЕННЫЯ СОКРАЩЕНІЯ. [1])

П. С. Р. Л.—Полное Собраніе русскихъ лѣтописей.
А. Э.—Акты Археографической Экспедиціи.
А. И.—Акты Историческіе.
Д. А. И.—Дополненія къ актамъ историческимъ.
А. Ю.—Акты Юридическіе.
А. Юр. Кал.—Акты, относящіеся до юридическаго быта.
Р. И. Б.—Русская Историческая Библіотека, изд. Археогр. Ком.
Г. Г. Д.—Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ
П. Кн. Нов. Г.—Новгородскія писцовыя книги.
П. Кн. Моск. Г. Писцовыя книги Московскаго государства.
Сб. Ист. Общ.—Сборникъ Историческаго Общества
П. Д. Сн. Памятники дипломатическихъ сношеній.
А. Гр. Расп.—Акты гражданской расправы, изд проф. Ѳедотова—Чеховскаго.
Кн. Разр.—Книги разрядныя, изд 2-го Отдѣленія
П. С. З.—Полное Собраніе Законовъ.
А. М. Г. Акты Московскаго Государства, подъ ред Н. А. Попова.
А. С. М.—Акты Спасскаго Монастыря, изд. Вахромѣева.
А. Юшк.—Акты, изд. Юшковымъ.
Угл. Акт.—Угличскіе акты, изд. Лишинскаго.
Оп. Щук. Муз.—Сборники старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина.
Вор. Акты (Втор.)—Воронежскіе акты, изд. Александрова-Дальника и Второва.
Вор. Акты, изд. Ст. Ком.—Матерьялы для исторіи ворон. и сосѣднихъ губерній (Воронежскіе акты), изд. Ворон. Губернск. Статистич. Комит.
Акт. Ряз. Акты рязанскаго края, изд. Пискарева.
Акт. Гарел.—Старинные акты по г. Шуѣ, изд. Гарелина.
Арх. Баюш. Архивъ кн. Баюшева, редакц. Загоскина.
Мож. А.—Можайскіе акты, собр. о. архимандритомъ Діонисіемъ.
А. Возн. Мон.—Акты Нижегородскаго Вознесенскаго Печерскаго Монастыря, изд. Титова.
Л. Зап. Арх. К.—Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи.

---

[1]) Считаемъ своей обязанностью извиниться передъ читателемъ: несмотря на возможное вниманіе, приложенное нами при печатаніи настоящей книги, намъ не удалось достичь полнаго единообразія при сокращеніяхъ. Впрочемъ, отступленія эти едва-ли могутъ затруднить читателя. Такъ, мы иногда цитируемъ А. А. Э. вмѣсто принятаго нами А. Э. (Акты Археограф. Экспедиціи), иногда Акты Воз. Печ. Нижег. Мон., а обыкновенно—Воз. Печ. мон. и т. под. Мы должны также извиниться за произвольное обозначеніе Актовъ, относящ. до юрид. быта посредствомъ А. Юр. Кал. (т. е. изд. Калачева). Это сокращеніе въ первыхъ листахъ произошло случайно, а затѣмъ было оставлено нами ради возможнаго единообразія.

А. явл. Аляб.—Записная книга крѣпостныхъ актовъ, явленныхъ дьяку Алябьеву, ред. Лаппо-Данилевскаго.
Симб. Сб.—Симбирскій Сборникъ, изд. Языкова, Хомякова и Валуева.
Оп. Долм. Арх. № 962.—Подробная опись 962 рукописямъ начала 17 до начала 19 стол. „Долматовскаго Архива“, изд. Костр. Губ. учен. Архивной коммиссіи.
Тр. Арх. Ком.—Труды (данной) Губернской ученой архивной коммиссіи.
Роз дѣло о Ѳеодорѣ Шакловитомъ, изд. Археогр Коммиссіи
Челоб. Всполох.—Челобитная дьяка ямского приказа Григорія Всполохова, изд Императорскаго Общества Любителей древней письменности
Ж. М. Н. Пр. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
Вр. О. И. Д.—Временникъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
Ч. О. И. Д.—Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
Др. Вивл.—Новиковская Древняя Россійская Вивліоѳика
Рус. Ист. Сб. Погод.—Русскій Историческій Сборникъ, ред. Погодина.
Юр Сб—Юридическій Сборникъ Мейера.
Арх. ист. практ. св.—Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, ред. Калачева

А. М. Ю.—Архивъ Министерства Юстиціи.
А. М. И. Д.—Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
Рум. Муз.—Румянцевскій Музей.
Имп. Публ. Б.—Императорская Публичная библіотека.
Кн. пер. ям. сл. Книги переписныя ямскихъ слободъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи.
П. Д. С. Л.—Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
Гарел. Собр.—Гарелинскія собранія въ Румянцевскомъ Музеѣ.
Q. IV, №№ 260—264 и 334—Новгородскія устройныя книги въ Публичной библіотекѣ.
О. IV, 9—Указная книга ямского приказа въ Публичной библіотекѣ.

Кромѣ того: т.—томъ, стр.—страница, л.—листъ рукописи, ц. с.—цитированное сочиненіе, дан. кн.—наше изслѣдованіе, пр.—примѣчаніе. Вездѣ показаны нумера актовъ, если передъ цифрой не обозначено стр., т. е., что имѣется въ виду страница даннаго изданія.

ВВЕДЕНІЕ.

Большая часть работъ, посвященныхъ вопросу о ямской гоньбѣ до конца 17 вѣка почти не занималась изученіемъ историческаго развитія этого учрежденія. Неудивительно, что обыкновенно въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ о ямской гоньбѣ послѣдняя отъ начала ея возникновенія представляется все въ томъ-же видѣ, въ какомъ, въ дѣйствительности, мы встрѣчаемъ ее лишь начиная со второй половины 16 вѣка, иногда съ присоединеніемъ особенностей, свойственныхъ, быть можетъ, одному 17 вѣку. Сверхъ того, въ этихъ же работахъ мы не рѣдко встрѣчаемъ обобщенія, неправильно основанныя на указаніяхъ, имѣвшихъ, въ дѣйствительности, лишь мѣстное, а иногда и случайное значеніе. Наконецъ, ни одна изъ спеціальныхъ работъ не охватывала и половины тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ, во всякомъ случаѣ, должны возникать при научномъ разсмотрѣніи исторической судьбы ямского строя.

Впрочемъ, оно и понятно: спеціальныя изслѣдованія о ямской гоньбѣ, имѣющія извѣстную научную цѣнность, относятся, главнымъ образомъ, къ тому времени, когда актовый матерьялъ былъ сравнительно мало изученъ, а работа въ архивахъ—сравнительно мало доступна. Статьи же болѣе поздняго времени лишены всякаго научнаго значенія, такъ какъ въ нихъ обыкновенно приняты на вѣру данныя прежнихъ работъ, что повело къ повторенію многихъ старыхъ ошибокъ; что-же касается собраннаго вновь матерьяла, то, какъ оказалось, онъ былъ использованъ неудовлетворительно, нерѣдко—просто не понятъ.

Несравненно болѣе сдѣлано для выясненія судьбы ямской гоньбы изслѣдователями общихъ вопросовъ по исторіи русскаго права, преимущественно—историками финансовъ и экономическаго быта. Въ ихъ работахъ можно найти не

только весьма цѣнныя отдѣльныя замѣчанія, но иногда и содержательные, хотя и краткіе очерки, всего ямского строя. Довольно много замѣчаній по различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ ямского строя и управленія разсѣяно также въ провинціальныхъ изданіяхъ, именно—въ статьяхъ, посвященныхъ изученію прошлаго отдѣльныхъ мѣстностей.

Вотъ тотъ литературный матерьялъ, который предшествовалъ появленію нашей работы, насколько намъ удалось его собрать. Собственно о ямской гоньбѣ до конца 17 вѣка и только о ней мы знаемъ лишь одну статью—проф. Домбровскаго. [1]) Составленная исключительно по первоисточникамъ, небольшая статья эта, хотя вскользь и упоминается въ ней, что о ямахъ заботились еще Іоаннъ III и его преемники, имѣетъ въ виду ямскую гоньбу лишь со времени Бориса Годунова. Указавъ, что до установленія ямскихъ охотниковъ ямскую повинность выполняли крестьяне каждаго посада и волости поочередно, авторъ предполагаетъ, что ямскіе охотники были выдвинуты самимъ населеніемъ и только впослѣдствіи признаны правительствомъ, которое начало о нихъ заботиться. Какъ слѣдствіе такихъ заботъ явились ямскія деньги, особый сборъ на гоньбу. Домбровскій, между прочимъ, отмѣтилъ, что гоньба въ пермскомъ краѣ была устроена особымъ образомъ. Какимъ именно—этимъ вопросомъ онъ не занялся. Нѣсколько строкъ авторомъ посвящены и обзору сибирской гоньбы, но о ней онъ зналъ, главнымъ образомъ, лишь то, что заключается въ путешествіи Эбергарда Избрандидеса 1692—1694 г.г. [2]) Домбровскій въ своей статьѣ допустилъ рядъ фактическихъ неточностей. Такъ, онъ приписалъ введеніе загонныхъ книгъ Борису Годунову, установленіе ямскихъ стройщиковъ—Михаилу Ѳедоровичу; думалъ также, что веденіе загонныхъ книгъ на ямахъ было поручаемо особымъ цѣловальникамъ (явное смѣшеніе стройной гоньбы съ мірскими ямскими отпусками); отождествилъ ямскихъ приказчиковъ съ приставами, посылавшимися на ямы по поводу какого-либо отдѣльнаго случая и т. д. Мы потому упоминаемъ объ этихъ неточностяхъ, что они вошли

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1841 г., ч. XXXI, стр. 123–132, О ямахъ до конца 17 вѣка.

[2]) Древн. Вивліоѳика, изд. 2-ое, т. VIII.

постепенно чуть-ли не во всѣ статьи о ямской гоньбѣ и почти до позднѣйшаго времени.

Изъ работъ, разсматривавшихъ ямскую гоньбу въ связи съ исторіей русской почты, упомянемъ главнѣйшія: Каразина [1]), Сергѣева [2]), неизвѣстнаго автора въ „Прибавленіяхъ къ общимъ циркулярамъ по главному управленію почтъ и телеграфовъ“ [3]), Руфа Иванова, [4]) Бржозовскаго [5]), Лешкова [6]), Шпилевскаго [7]), Копивеца [8]) и Хрущова [9]). Остальныя статьи или совсѣмъ ужъ не имѣютъ значенія самостоятельныхъ изслѣдованій, или касаются лишь одной какой-нибудь частности по исторіи русской почты, а въ соотвѣтствіи съ этимъ и ямской гоньбы. [10])

---

[1]) Рукоп. Арх. М. И. Д., библ. № 226 396. Аналогичное-же значеніе имѣетъ и рукопись неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ „О почтѣ“, хранящаяся въ Импер. Публич. Библ., F, IV, № 648. Здѣсь повторяется Миллеръ, затѣмъ приводятся краткія свѣдѣнія о Ямскомъ приказѣ и нѣсколько указовъ, въ томъ числѣ и указъ о подводахъ по Миллеровскому списку, какимъ пользовался и Каразинъ. Судя по почерку и переплету, эта рукопись находится въ неразрывной связи съ рукописью подъ заглавіемъ „Свѣдѣнія, касающіяся до первоначальнаго учрежденія почтъ въ Россіи, составленныя по распоряженію гр. В. П. Кочубея въ 1806 г.“ Имп. Публ. Биб. F, IV, № 647. Эта-же рукопись составлена по матерьяламъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Для исторіи собственно почты обѣ рукописи—цѣнный матерьялъ.

[2]) Историческій взглядъ на почтовое управленіе въ Россіи, Каз. 1840 г.

[3]) Историческое обозрѣніе почтъ въ Россіи, Прибавл. къ общ. цирк. по главн. упр. п. и тел., 1843 г., № 5.

[4]) О древнемъ ямскомъ учрежденіи въ Россіи; Новг. Губ. Вѣд., 1849 г.№№ 48—51.

[5]) Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части, Юрид. Сборн. Мейера, 1855 г., стр. 341—409.

[6]) Историческій очеркъ русскаго законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ, Москвитянинъ, 1852 г., I, стр. 1—36. Таже статья вошла и въ Исторію русскаго общественнаго права въ 17 в., стр. 316—329.

[7]) О благоустройствѣ по Уложенію, Вр. О. И. Д., 1855 г., кн. 24 стр. 24—32.

[8]) Русская почта, Вѣстникъ Европы, 1869 г., 11, стр. 278—305.

[9]) Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II, Пет. 1884 г.

[10]) Напримѣръ, брошюра, изданная въ 1860 г. почтовымъ департаментомъ, подъ заглавіемъ: „Описаніе постепеннаго развитія почтовой гоньбы въ Россіи“, гдѣ, напримѣръ, учрежденіе постоянныхъ ямовъ относится ко времени Алексѣя Михайловича. Также статья Гана, напе-

Къ этой-же группѣ слѣдуетъ отнести и статью Миллера о ямскомъ приказѣ, напечатанную имъ вмѣстѣ съ его извѣстіями о другихъ приказахъ подъ общимъ заглавіемъ „Московскіе и другіе старинные приказы" въ Новиковской Вивліоѳикѣ [1]), а также и замѣчанія Успенскаго, помѣщенныя въ его извѣстномъ изслѣдованіи о русскихъ древностяхъ [2]). Сюда-же относятся и замѣчанія, находящіяся въ исторіи Карамзина [3]). Наконецъ, къ этой-же группѣ отнесемъ и болѣе раннія замѣчанія Шторха [4]), а также работы

чатанная въ Сборн. Статист. свѣдѣній о Россіи, 1854 г., стр. 161 „О почтахъ въ Россіи", гдѣ повторяются исходные пункты Лешкова, но съ большей опредѣленностью, а потому и съ большимъ ущербомъ для точности. Въ этой-же статьѣ, не дающей ни одного новаго факта, повторяются ошибки неизвѣстнаго автора статьи въ „Прибавл.". Такъ, статью великокняжескаго Судебника о ѣздѣ авторъ понимаетъ какъ таксу ямскихъ прогоновъ; слово „прожиточный" понимаетъ, какъ „проживившійся" и изъ этого дѣлаетъ выводъ объ „образѣ мыслей правительства тогдашняго времени о ямскихъ охотникахъ". Ямской строй въ его цѣломъ онъ считаетъ проявленіемъ „младенческаго состоянія всѣхъ отраслей государственнаго управленія". Сюда-же надо отнести статью Фабриціуса. Почта и народное хозяйство въ Россіи въ 17 столѣтіи, Петерб. 1864 г., имѣющую извѣстное значеніе для исторіи собственно почтъ, но малоцѣнную для исторіи ямской гоньбы, о которой упоминается лишь вскользь. Сюда-же отнесемъ статью М. П—скаго. „Исторія почтъ въ Россіи", напечатанную во Влад. Губ. Вѣд. 1849 г. Статья исполнена недоразумѣній, по крайней мѣрѣ, въ той небольшой части ея, гдѣ говорится о ямской гоньбѣ. Такъ, Д. А. И. I, 105 понята, какъ отдача ямского управленія частному лицу въ награду; ямщики названы служилыми людьми, утверждается, что ямы были доступны всеобщему пользованію и т. д. Статья эта перепечатана цѣликомъ въ Моск. Губ. Вѣд. 1849 г., № 2 и въ Вѣд. Моск. Городск. Полиціи, 1849 г., №№ 115 и 116. Еще меньшій интересъ представляетъ статья „Почты въ Россіи", напечатанная въ „Харьк. Губ. Вѣд.", 1863 г., №№ 47, 48. Статья эта—слабый пересказъ работы Бржозовскаго.

[1]) Вивліоѳика, изд. 2-ое, т. XX. стр. 412. Какъ намъ удалось установить изъ рукописи Миллера (Арх. М. Ин. Д., библ. № 388, тетр. 4) эта статья была написана для Новиковскаго изданія Миллеромъ. См. нашу замѣтку въ Чт. О. И. Д. 1899 г. кн. 3, стр. 20—24. Подробности въ „Приложеніяхъ" подъ № 1.

[2]) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русск., ч. 2, стр. 182—183, изд. 1812 г.

[3]) Изд. Эйнерлинга, т. VI, стр. 222, т. VII, стр. 126.

[4]) Storch, Historische statist. Gemälde des Russichen Reichs, изд. 1803 г. ч. VII, стр. 241 и сл., 386 и сл.

историковъ русскихъ финансовъ Гагемейстера[1]) и графа Толстого[2]). Хотя всѣ эти изслѣдователи разсматривали вопросъ о ямской гоньбѣ не спеціально, а лишь въ связи съ той или иной главной своей задачей, но нельзя не присоединить ихъ къ указанной группѣ, такъ какъ разсѣянныя въ ихъ работахъ общіе взгляды на ямской строй и свѣдѣнія о немъ оказали несомнѣнное вліяніе на спеціальныя работы по исторіи ямской гоньбы въ связи съ исторіей русской почты.

Первый камень положилъ Миллеръ. Отнеся появленіе ямского строя ко времени Бориса Годунова, онъ высказалъ, что первоначально сообщеніе велось на средства князя или его посланныхъ. Успенскій, упомянувъ, что свѣдѣнія о ямскомъ приказѣ встрѣчаются уже подъ 1516 г., не затруднился повторить мнѣніе Миллера; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ нашелъ нужнымъ оговориться, что нерѣдко для посылокъ собирались и подводы съ населенія. Шторхъ какъ бы протестовалъ противъ мнѣнія Миллера, устанавливая, что ямская гоньба создалась подъ вліяніемъ частной промышленности и что, слѣдовательно, правительство лишь воспользовалось уже готовымъ учрежденіемъ. Карамзинъ и Гагемейстеръ отнесли учрежденіе ямовъ къ великокняженію Іоанна III.

Если не считать Каразина, повторившаго въ своей работѣ (она извѣстна намъ только въ рукописи; по происхожденію своему, это—докладная записка министру о постепенномъ развитіи почтъ) статью Миллера, дополнивъ ее нѣкоторыми данными о ямскомъ приказѣ, не представляющими, впрочемъ, сейчасъ никакой цѣны, а также имѣющей значеніе лишь курьеза гипотезой о происхожденіи ямщиковъ отъ племени Ямь или Емь, то первая попытка дать болѣе или менѣе систематическій очеркъ исторіи ямской гоньбы принадлежитъ Сергѣеву. Но онъ, главнымъ образомъ, повторилъ Миллера, развивъ мысль Успенскаго о томъ, что, кромѣ ѣзды гонцовъ на счетъ князя или собственный, была еще ѣзда и на обывательскихъ подводахъ. Неизвѣстный авторъ въ „Прибавл. къ общ. цирк.“, статью котораго еще

[1]) Розыск. о финансахъ древней Россіи, изд. 1833, стр. 69.

[2]) Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, изд. 1848 г., стр. 50—56.

Лешковъ называлъ замѣчательной, [1]) руководствуясь всей предшествовавшей литературой, пытался объединить взглядъ Миллера съ изученными имъ актами о ямѣ и ямникахъ въ рязанскомъ княжествѣ (главнымъ образомъ, А. И. I, 13) и потому пришелъ къ выводу, что, хотя въ старыя времена сообщеніе велось на счетъ князя и его посланныхъ, но уже со времени Олега Рязанскаго слѣдуетъ считать начало ямскихъ учрежденій. Вмѣстѣ съ этимъ ему пришлось неизбѣжно коснуться и вопроса объ участіи населенія въ ямской организаціи. Но, смѣшивая поминутно подводную повинность съ ямской и послѣднюю съ стройной гоньбой, онъ не могъ притти ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Данными, добытыми Домбровскимъ, онъ пользовался мало такъ что намѣченное послѣднимъ различіе между стройной гоньбой и гоньбой міромъ осталось безъ развитія. Авторъ, однако, повторилъ ошибку Домбровскаго о загонныхъ книгахъ, введя въ обращеніе еще и рядъ новыхъ ошибокъ. Такъ, онъ истолковалъ статью великокняжескаго Судебника о ѣздѣ, какъ росписаніе ямскихъ прогоновъ, а слово „прожиточный“ понялъ въ смыслѣ „прожившійся“, что дало ему поводъ къ невѣрному выводу, будто въ ямщики набирались тѣ, отъ кого не было бы больше никакой пользы.

Гораздо шире воспользовался извѣстнымъ тогда актовымъ матерьяломъ, а отчасти и предшествовавшей литературой о ямской гоньбѣ (хотя онъ цитировалъ только Карамзина и Гагемейстера) гр. Т о л с т о й, авторъ работы, для своего времени весьма примѣчательной. Въ краткомъ очеркѣ ямской повинности онъ установилъ слѣдующія положенія: съ половины 14 вѣка на границахъ селеній (отсюда названіе ямы, межи) князьями устраивались особыя слободы, куда всѣ селенія обязывались поставлять извѣстное число ямщиковъ съ лошадьми; кто жилъ далеко отъ ямовъ, могъ вносить деньги, которыя назывались ямскими деньгами. Первая обязанность, по мнѣнію Толстого, называлось ямской посохой, вторая--ямщиной. Этому раздѣленію, основанному на А. Э. III, 30 и А. И. III, 154, авторъ придаетъ большое значеніе.

---

[1]) Лешковъ, ц. с., въ Москвитянинѣ, стр. 23, примѣч. 2. Лешковъ повторяетъ это со словъ Голохвастова. Акты о родѣ Голохвастовыхъ 1848 г., стр. 135.

Управленіе ямами авторъ сосредоточилъ въ рукахъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, если ямъ былъ въ селеніи; если же ямъ былъ внѣ селенія, въ особой ямской слободѣ, то, по мнѣнію автора, ямомъ управлялъ ямской староста, стройщикъ или приказчикъ, которыхъ, повидимому, авторъ отождествлялъ. Ямской староста, по мнѣнію автора, долженъ былъ ежегодно отчитываться передъ намѣстникомъ и лучшими людьми.

Воспользовавшись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ данными, разработанными гр. Толстымъ, составили свои статьи какъ Руфъ Ивановъ, такъ и Бржозовскій. Въ отличіе отъ гр. Толстого Ивановъ признаетъ особенно большое значеніе въ исторіи ямской гоньбы за удѣльнымъ періодомъ; удѣльная борьба представлялась ему естественной причиной развитія ямской гоньбы. Мнѣніе Карамзина о появленіи ямовъ при Іоаннѣ III онъ рѣшительно отвергаетъ, не приводя, впрочемъ, серьезныхъ данныхъ. Авторъ дѣлаетъ двѣ любопытныя выписки (одну изъ Двинского лѣтописца, другую изъ подлинныхъ актовъ Тверского Желтиковскаго монастыря) характеризующія нѣкоторыя черты быта ямскихъ охотниковъ. Въ общемъ, изслѣдованіе написано съ несомнѣннымъ интересомъ къ вопросу, но безъ достаточнаго запаса матеріаловъ. Въ литературѣ эта статья всѣми забыта.

Много больше посчастливилось работѣ Бржозовскаго: до позднѣйшаго времени, напримѣръ, она цитируется какъ авторитетное изслѣдованіе [1]). Между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что автору были извѣстны лишь Акты Юридич. и Акты Арх. Экс., какъ въ общихъ взглядахъ на ходъ развитія ямской гоньбы онъ ни на шагъ не пошелъ дальше своихъ предшественниковъ, такъ и въ разработкѣ фактической стороны, внеся мало существеннаго, онъ повторилъ многія ошибки предъидущихъ авторовъ, въ особенности-же гр. Толстого, котораго мѣстами повторилъ цѣликомъ, и Домбровскаго. Онъ не уловилъ даже отмѣченныхъ уже намековъ Домбровскаго на отличіе стройной гоньбы отъ

---

[1]) Ссылки на Бржозовскаго находимъ, между прочимъ, и у такого компетентнаго изслѣдователя, какъ Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія“. Напримѣръ, стр. 15, прим. 1, стр. 372, пр. 2.

способа гоньбы, который практиковался въ Пермскомъ краѣ, и на особое значеніе сибирской гоньбы, хотя достаточно широко пользовался и его работой. Авторъ, вмѣстѣ съ Миллеромъ, считаетъ, что гоньба велась первоначально на средства князя и его гонцовъ. Причину перехода къ подводной повинности онъ видитъ, подобно Иванову, въ удѣльной системѣ, которая требовала болѣе частыхъ сношеній князей между собой. Къ началу 15 вѣка подводная повинность приняла форму ямской гоньбы. Система этой послѣдней въ изображеніи автора мало чѣмъ отличается отъ той, которую описалъ гр. Толстой. Въ отличіе отъ послѣдняго, однако, онъ признаетъ наличность татарскаго вліянія на ямскія учрежденія, что, впрочемъ, въ дальнѣйшемъ не препятствуетъ ему пытаться доказать византійское вліяніе. Вмѣстѣ съ гр. Толстымъ онъ проводитъ параллель между ямской посохой и ямщиной, вмѣстѣ съ нимъ же ставитъ во главѣ ямовъ ямскихъ прикащиковъ или стройщиковъ, которыхъ отождествляетъ, а въ другомъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ Домбровскимъ, отождествляетъ ямского прикащика съ приставомъ; вмѣстѣ съ Домбровскимъ же, приписываетъ Борису Годунову какой-то указъ о прогонахъ (произвольное толкованіе А. Э. II., 18); вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ авторомъ статей въ „Прибавленіяхъ“ неправильно объясняетъ значеніе устройныхъ книгъ и т. д.

Одновременно со статьей Бржозовскаго (во время печатанья послѣдней) появилась статья Лешкова. Авторъ изслѣдовалъ вопросъ о ямской гоньбѣ въ связи съ вопросомъ о порядкѣ сообщеній до Петра I. Первоначально статья появилась въ „Москвитянинѣ“, а затѣмъ вошла съ небольшими редакціонными поправками въ извѣстное изслѣдованіе автора объ общественномъ правѣ. Исходя изъ того, что ямская гоньба у насъ также древня, какъ и повинность давать подводы, изъ которой естественно гоньба произошла (основаніемъ автору служитъ А. Э. I, 5), авторъ думаетъ, что гонебная повинность первоначально была общей, личной, натуральной. Въ актахъ 14 в. авторъ видѣлъ уже дальнѣйшее развитіе этой повинности, когда въ отдѣльныхъ княжествахъ были указаны особенные пункты, ямы, вдоль общественныхъ путей сообщенія, для усиленія и ускоренія

гоньбы первоначальной. Со времени уничтоженія удѣловъ. отдѣльные ямы отдѣльныхъ княжествъ слились въ одно общее учрежденіе московскаго княжества и дало возможность установить непрерывное движеніе по всей сѣти ямскихъ дорогъ въ Россіи. Отличіе между гоньбой до 14 вѣка и послѣдующей Лешковъ видѣлъ въ томъ, что, начиная съ 14 вѣка, изъ личной она стала общинной. Приведя это толкованіе въ связь съ основной мыслью о роли общины въ процессѣ историческаго развитія внутренняго управленія доимператорскаго періода, авторъ утверждалъ, что не будь общины, не была бы возможна и ямская гоньба. Такимъ образомъ, ходъ развитія гоньбы представлялся Лешковымъ такъ: сначала личная повинность, а затѣмъ общинная, но послѣдній періодъ распадался на два подперіода—когда гоньба велась общинами, прилегавшими къ ямской дорогѣ и когда вновь повинность была сдѣлана общею, какъ встарину. Неудивительно, что авторъ далѣе рѣшается утверждать, что ямская гоньба была доступна частному пользованію, уравнивая этимъ ямскую повинность и оправдывая сдѣлки общинъ, подлежавшихъ повинности—сдѣлки, ведшія ихъ къ какому-нибудь вознагражденію за исключительную службу. Однако, Лешковъ не думалъ, чтобы ходъ исторіи гоньбы остановился на періодѣ, когда она была общей общинной. Неуравнительность и жалобы на нее, какъ слѣдствіе такого порядка, привели къ замѣнѣ непосредственной общинной повинности посредственной, которая, лежа на всякомъ городѣ или селеніи, выполнялась отдѣльными лицами, замѣнявшими общину, охотниками, выбранными отъ общины. Это произошло во второй половинѣ 16 вѣка Въ половинѣ же 17 столѣтія, наконецъ, произошелъ переходъ натуральной ямской повинности въ денежную, вмѣстѣ съ тѣмъ и ямское учрежденіе становится какъ бы государственнымъ.

За работой Лешкова несомнѣнно остается та заслуга, что въ ней впервые обращено серьезное вниманіе на различные фазисы, пережитые ямскимъ строемъ на протяженіи его исторіи. Шаткость отправныхъ точекъ зрѣнія препятствовала автору достаточно разъяснить значеніе каждаго изъ этихъ фазисовъ, хотя бы и подъ тѣмъ угломъ, подъ какимъ онѣ ему представлялись. Неопредѣленныя выраженія и неясныя сопоставленія, къ которымъ, быть мо-

жетъ, въ силу этой именно шаткости отправныхъ пунктовъ, часто прибѣгалъ авторъ, еще болѣе повредили статьѣ. Интересно отмѣтить: всѣ кто потомъ пробовалъ повторять Лешкова, должны были ограничиться формальнымъ пересказомъ его общей мысли, чтобы потомъ оставить ее одинокой среди ряда фактовъ, ей противорѣчащихъ.

За Лешковымъ остается и та заслуга, что онъ первый попытался раскрыть бытовое положеніе ямскихъ охотниковъ. Отсутствіе матеріала помѣшало ему сдѣлать въ этомъ направленіи что-либо законченное.

Подробнѣе другихъ повторилъ Лешкова Шпилевскій, разсматривавшій ямскую гоньбу, главнымъ образомъ, настолько, насколько она отразилась въ Уложеніи. Но работа Шпилевскаго уже значительно богаче матерьяломъ. Шпилевскій-же исправилъ и нѣкоторыя ошибки Лешкова и другихъ предшествовавшихъ авторовъ. Такъ онъ опредѣленно различалъ стройную гоньбу отъ гоньбы міромъ, которую называлъ подводной повинностью, на основаніи Доп. къ Актамъ Историческимъ (авторъ пользовался только четвертымъ томомъ), опредѣлилъ распоряженія о гоньбѣ, изданныя во второй половинѣ 17 вѣка, чѣмъ болѣе выдвинулъ разницу между старымъ порядкомъ и позднѣйшимъ и т д. Но одновременно авторъ повторилъ и ошибки гр. Толстого и Лешкова. Такъ, ямского прикащика отождествилъ съ приставомъ, во главѣ стройныхъ ямовъ поставилъ цѣловальниковъ и т. д.

Къ этой-же группѣ, какъ сказано выше, мы отнесемъ и работы Конивеца и Хрущова. По времени онѣ позднѣйшія, но то, что выработала наука, начиная съ конца 50-хъ годовъ, какъ въ смыслѣ иныхъ пріемовъ отношенія къ матерьялу, такъ и въ смыслѣ иного освѣщенія отдѣльныхъ историческихъ моментовъ, прошло для авторовъ, видимо, безслѣдно. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о статьѣ Конивеца. Это—такая смѣсь вымысла и дѣйствительности, что потребовалось бы не мало труда, чтобы только выяснить, что основано авторомъ на точныхъ данныхъ, что неправильно понято и что прямо сочинено. Начавъ совершенно основательно съ опроверженія Миллеровскаго взгляда на то, что будто-бы въ старыя времена сообщенія велись на счетъ князя и его людей, а не населенія, авторъ въ довольно произвольныхъ чертахъ излагаетъ далѣе тѣ мѣста лѣтописей (по

Карамзину), изъ которыхъ будто бы можно опредѣлить, что такое „повозъ“, въ чемъ разница между „повозомъ“ и „подводой“, что такое „станъ“ и т. д. Произвольно установивъ затѣмъ, что ямъ означаетъ повинность, какъ дань—подать, авторъ считаетъ ямщиной и мыть и тамгу, и вѣсчее, и помѣрное, и пятно. Затѣмъ авторъ дѣлаетъ неожиданный скачекъ и переходитъ къ Іоанну III, при которомъ, оказывается было слѣдующее ямское устройство: дороги, связующія Москву съ провинціальными городами, принимаются въ государственную собственность, относятся къ разряду статей яма, отчего и называются ямскими; по дорогѣ устраиваются въ намѣченныхъ мѣстахъ, по плану и системѣ, ямскіе дворы, на ямскихъ дворахъ поселяются по два должностныхъ лица придворнаго вѣдомства ямщики; ямомъ называется округъ, приписанный къ ямскому двору; къ обязанности ямщиковъ относится: сборъ съ своего округа дани и ямской вещественной повинности и доставка ея по принадлежности, требованіе подводъ къ ямскому двору для перевозки сборовъ, для гонцовъ и проѣзжающихъ, которые предъявятъ подорожныя грамоты великаго князя или удѣльнаго, надзоръ за исправленіемъ дорогъ; къ обязанности ямского округа относится: уплата даней и повинностей, по вновь составленному положенію, съ сохъ (ссылка на Карамзина), поставка подводъ, исключительно по требованію однихъ ямщиковъ; исправленіе ямскихъ дорогъ, пролегающихъ по ямскому округу, устройство мостовъ и гатей, постановка верстъ, посадка деревьевъ и проч. (Стр. 282—283). Въ такомъ-же родѣ описаны и остальные періоды, а всѣхъ ихъ столько, сколько царствованій, такъ что, напримѣръ, время Бориса Годунова у автора—лучшее время ямщиковъ, а Василій Шуйскій уже „спѣшитъ нанести ударъ ямскому сословію“. Въ этой-же статьѣ читаемъ, что при Іоаннѣ III, „вся сущность ямской системы направлена къ ограниченію яма какъ общаго произвола и къ установленію государственнаго порядка“, что при Василіи Ивановичѣ ямщики, въ качествѣ приставовъ, взыскиваютъ на крестьянахъ ѣздовые по деньгѣ на двѣ версты, что при Ѳедорѣ Іоанновичѣ подводная повинность въ ямскихъ округахъ прекращается, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ямщикамъ разрѣшено наниматься, „у гостей и у всякихъ людей подъ товары вольными цѣнами“,

чѣмъ допущены къ государственному извозу и частныя лица и т. д. Тутъ-же, конечно, собраны во-едино и всѣ неточности, допущенныя предшественниками: ямскіе приказчики отождествляются съ приставами иногда посылавшимися для береженья по частнымъ случаямъ, загонныя книги отождествляются съ устройными и проч. Тѣмъ не менѣе, и эта статья принесла свою пользу: авторъ ея первый такъ рѣшительно высказался противъ Миллеровскаго воззрѣнія на происхожденіе гоньбы и, послѣ Лешкова, былъ единственнымъ, развившимъ мысль о постепенности въ исторіи ямскихъ учрежденій, о развитіи формъ этихъ учрежденій. Автору повредило незнакомство съ матерьяломъ и стремленіе къ такой опредѣленности, при которой можно было-бы различать ямскія учрежденія при Борисѣ Годуновѣ отъ ямскихъ учрежденій при Василіи Шуйскомъ.

Наконецъ, книга г. Хрущева. Глава, посвященная въ этой книгѣ ямскому строю, излагаетъ отрывочные факты, безъ связи другъ съ другомъ, если не считать связью мысль, заимствованную у Лешкова, но своеобразно передѣланную: по толкованію г. Хрущева, ямскіе охотники явились будто-бы слѣдствіемъ замѣны личной повинности безличной. Авторъ ввелъ въ обращеніе нѣсколько новыхъ фактовъ: онъ первый пользовался въ архивѣ рукописью Каразина, пользовался также и „устройными книгами“ Публичной библіотеки [1]. Пользовался онъ ими, однако, мало, а то, что

---

[1] Устройныя книги новгородскихъ ямовъ, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь—памятникъ весьма большого значенія и далеко не для одной только исторіи ямской гоньбы. Всѣхъ книгъ извѣстныхъ подъ этимъ общимъ названіемъ, шесть. Онѣ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ подъ №№ 260 264 включительно и подъ № 334 въ отдѣлѣ—IV, въ подъотдѣлѣ—Q. Названіе „устройныя“ далеко не исчерпываетъ содержанія всѣхъ этихъ книгъ. Вотъ болѣе подробное описаніе этого памятника.

1) Q. IV, № 260. Въ этой книгѣ заключаются устройныя Вышневолоцкаго яма 1573 г. (лл. 1—24). Книга Вышневолоцкаго яма извѣстна уже по печатному изданію въ Рус. Ист. Биб., II., № 52. Затѣмъ идутъ устройныя: Крестецкаго яма 1606 г., Яжелбицкаго яма 1606 г., Бронницкаго (годъ неизвѣстенъ, но, судя по именамъ воеводъ и дьяковъ и потому, что Бронницкій ямъ строился одновременно съ остальными восемью большими ямами по Московской дорогѣ - 1573 г.) Заечевскаго 1573 г., Крестецкаго 1573 г., Яжелбицкаго 1573 г., Валдайскаго 1573 г., Ядровскаго 1573 г., Хотѣловскаго 1573 г., Вышневолоцкаго 1573 г.,

использовалъ, приведено не точно, какъ указалъ еще Ли-

(тутъ повторяются на листахъ 299—329 цѣликомъ листы 1—24, т. е. Р. И. Б. II, 52), Выдропускаго 1574 г., Вражскаго 1574 г., Ишасскаго 1574 г., Растскаго 1574 г., Сухловскаго 1574 г., Дубровенскаго 1574 г.

2) Q. IV, № 261. Въ этой книгѣ устройныя: Лусскаго яма 1573 г., Бронницкаго 1586 г., Заечевскаго 1586 г., Крестецкаго 1586 г., Яжелбицкаго 1586 г., Кожемяцкаго 1586 г., Орѣшковскаго 1586 г., Раецкаго, Сухловскаго, Дубровенскаго, Ишасскаго, Вражскаго 1580 г. Съ Л. 144 идетъ „книга, сколько прибыло вытей не приписанныхъ къ ямамъ стряпней по устрою Игнатія Вельяминова и дьяка Собаки Васильева", т. е. 1586 г. Далѣе устройная Бронницкаго яма 1601 г. съ 222 л. Книга заканчивается перечнемъ кто съ какихъ вытей на какомъ яму въ охотникахъ.

3) Q. IV, № 262. Въ этой книгѣ устройныя двухъ новгородскихъ слободъ—алексѣевской и котельницкой 1586 г., съ Л. 1—16. Съ Л, 16 списки съ устройныхъ книгъ ишасскаго и сухловскаго ямовъ 1603 г., съ Л. 31—исторія сухловскаго яма. Съ л. 101—устройныя 1600 г. Ладожскаго яма, съ л. 150—устройныя окольныхъ и промежуточныхъ ямовъ.

4) Q. IV, № 263. Въ этой книгѣ собрано все дѣлопроизводство по устроенію въ 1586 г. двухъ новгородскихъ слободъ—алексѣевской и котельницкой. Тутъ: наказы изъ Москвы, наказы стройщикамъ, доклады архіепископу, переписка съ Москвой, акты объ отводѣ земель, (весьма цѣнный матерьялъ по исторіи экспропріаціи), челобитныя по поводу экспропріированныхъ земель, указы по этимъ челобитнымъ, отводныя, челобитныя ямщиковъ на отводъ черезъ земли, а не сразу съ одного, челобитныя ямщиковъ на притѣсненія воеводъ, указы по нимъ. Съ л. 201—235 выписки изъ старыхъ писцовыхъ книгъ конца первой половины 16 вѣка.

5) Q. IV, 264. Эта книга находится въ непосредственной связи съ предъидущей. Она, какъ и № 263, не является собственно устройной. По крайней мѣрѣ, съ л. 65, гдѣ описывается, какъ ямскіе охотники раздѣлили между собой отведенныя имъ земли. Это—книга раздѣльная. Съ л. 108 на самой книгѣ обозначено: „дѣловыя книги". Помимо спеціальнаго интереса для исторіи ямской гоньбы эти книги представляютъ и тотъ общій интересъ, что изъ нихъ мы видимъ, какъ развертывались отводимыя земли повытно и какъ учитывался уже затраченный на данную землю трудъ, если земля поступала въ новый раздѣлъ. Съ л. 115 книги переписныя. Затѣмъ идутъ опять „дѣловыя книги" Алексѣевской и Котельницкой слободъ 1599 г. и 1600 г. Съ л. 211 идутъ необыкновенно любопытныя книги „окладныя бобылей" заечевскаго и крестецкаго ямовъ, а также переписная книга бобылей Тѣсовскаго яма. Съ л. 226—переписная пневскихъ охотниковъ. Съ л. 238—278 и 348 - 350—сыскныя и распросныя рѣчи о двухъ умершихъ ладожскихъ охотникахъ 1599 г. и устроеніе на ихъ мѣсто новыхъ. Съ л. 278—341 - переписныя разныхъ слободъ, Съ л. 351—392 книги выдѣльныя государева хлѣба 1624—1626 г.г. Съ л. 392 до конца книги распросныя рѣчи о запустѣвшихъ ямскихъ слободахъ послѣ 1617 г.

хачевъ [1]); иное къ тому же было неправильно понято. Напримѣръ, авторъ утверждаетъ на основаніи этихъ книгъ, что къ яму приписывалось нѣсколько вытей сельскаго населенія и что представители этихъ обязательныхъ для ямовъ вытей ямщики назывались „вичьлыми". Авторъ далѣе утверждаетъ, что „устройныя книги" Публичной Библіотеки одно и тоже, что загонныя книги. Это показываетъ, что авторъ совсѣмъ не зналъ того чѣмъ пользовался.

Ко второй группѣ авторовъ мы отнесемъ всѣхъ тѣхъ писателей, отдѣльныя замѣчанія которыхъ о ямской гоньбѣ, а иногда и краткіе очерки ея въ цѣломъ или въ частяхъ, явились результатомъ вполнѣ самостоятельной работы во всякомъ случаѣ, результатомъ новаго пересмотра тѣхъ данныхъ, которыми пользовались вышеуказанные авторы, а также и изученія цѣлаго ряда новыхъ данныхъ. Сюда отнесемъ Соловьева [2]), Чичерина [3]), Незабитовскаго [4]), Владимірскаго-Буданова [5]), Лаппо-Данилевскаго [6], Милюкова [7]), Лихачева [8]). Нѣсколько среднее положеніе между этими двумя группами занимаетъ Бѣляевъ [9]).

Бѣляевъ, насколько намъ извѣстно, никогда не изучалъ вопроса о ямской гоньбѣ спеціально. Поэтому, хотя онъ

---

6) Q. IV, № 334. Съ л. 1—110 эта книга—точная копія съ л. 1—97 Q. IV, № 262. Съ л. 110 289 идутъ устройныя бронницкаго, заечевскаго, валдайскаго, ядровскаго и хотѣловскаго 1606 г. и поперечныхъ ямовъ 1603 г Съ л. 289 301 списокъ съ платежныхъ книгъ 1596 г. До 379 л. кромѣ устройныхъ 1604 г. двухъ поперечныхъ ямовъ (на Бѣлой) находимъ еще устройныя 1606 г. Вышневолоцкаго и Выдропускаго ямовъ. Съ л. 379 385 межевая выпись Бронницкаго яма 1636 г. и съ л. 385 —межевая выпись того-же яма 1650 г.

1) Разрядные дьяки, стр. 54, пр. I.

2) Изд. Обществ. Пользы, I, стр. 216, 1543.

3) Областныя учрежденія въ Россіи въ 17 в., изд. 1856 г., стр. 199, 379, 540 и др.

4) Собр. сочин., Кіевъ, 1884 г., О податной с стемѣ въ Моск. госуд., стр. 12, 22, 26 и др.

5) Обзоръ Исторіи русск. права, 3-е изд. 1900 г., стр. 226 - 227.

6) Организація прямого обложенія, изд. 1890 г., стр. 14—15, 365—377.

7) Спорные вопросы финансовой исторіи Московск. государства, изд. 1892 г., стр. 21—23, 90—92. Отдѣльныя замѣчанія въ „Госуд. Хоз. Россіи въ первой четверти 18 вѣка", изд. 1892 г., стр. 7—8, 105—107, 152.

8) Разрядные дьяки 16 вѣка, изд. 1888 г., стр. 49—55.

9) Лекціи по исторіи русск. законодат. 1879 г., стр. 272, 497, 502; его-же „О поземельномъ владѣніи"—Вр. О. И. Д., кн. 11, стр. 38—.9.

и не повторилъ цѣликомъ мысли Лешкова о ямскомъ строѣ, какъ слѣдствіи превращенія личной подводной повинности въ общинную, но едва-ли онъ не ближе другихъ примыкалъ къ этому воззрѣнію. Въ общемъ его основное положеніе таково: первоначально ямская гоньба лежала на всѣхъ городскихъ и сельскихъ жителяхъ; они отправляли ее натурой или сами, или нанимая за себя вольныхъ людей. Эти вольные люди и составили, подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣръ, классъ ямщиковъ. Тутъ же онъ повторилъ и старую ошибку о ямскихъ стройщикахъ, которые будто-бы смотрѣли за исправностью ямской гоньбы, завѣдывали судомъ и управой между ямщиками.

Замѣчанія Соловьева касаются лишь вопроса о времени учрежденія первыхъ ямовъ и времени учрежденія ямского приказа. Особое значеніе мы придаемъ указаніямъ Чичерина. Онъ первый отчетливо разграничилъ организацію мірской ямской гоньбы отъ организаціи стройной гоньбы. Не изслѣдовавъ проводимую имъ параллель въ настоящемъ объемѣ, онъ, однако, указалъ также и на отличіе ямскихъ мірскихъ денегъ отъ ямскихъ денегъ, шедшихъ въ казну. Онъ первый выдѣлилъ должность ямского приказчика въ особую должность, хотя затѣмъ и отказался отъ ближайшаго опредѣленія этой должности. Такимъ образомъ, уже однимъ этимъ онъ значительно подвинулъ впередъ разъясненіе вопроса. Незабитовскаго интересовалъ преимущественно вопросъ о ямскихъ деньгахъ, въ судьбѣ которыхъ онъ отличилъ два періода: до начала 17 вѣка и послѣ. Владимірскій-Будановъ въ сжатомъ, но весьма содержательномъ очеркѣ изложилъ слѣдующій взглядъ: первоначально снабженіе подводами и проводниками княжескихъ гонцовъ составляло общую обязанность всего населенія; послѣдняя, однако, падала всей своей тяжестью на тѣ пункты, которые лежали на болѣе проѣзжихъ дорогахъ; около половины 15 вѣка эта повинность была приведена въ новый порядокъ (цѣль этого новаго порядка—уравненіе тяжести), а именно: вмѣсто становъ устраиваются на большихъ путяхъ слободы ямщиковъ, избираемыхъ со всего населенія. Такимъ образомъ, авторъ устанавливаетъ непосредственный переходъ отъ подводной повинности къ гоньбѣ ямскими слободами. Разсматривая бытъ ямскихъ охот-

ников, авторъ высказывается за общинное землепользованіе ямщиковъ. Происхожденіе ямскихъ денегъ авторъ видитъ въ недостаточности земельнаго обезпеченія ямовъ.

Полнѣе другихъ разработаны данныя о ямской гоньбѣ Лаппо-Данилевскимъ. Интересуясь ямской гоньбой настолько, насколько этотъ институтъ отражалъ на себѣ общую финансовую политику 17 вѣка, авторъ, однако, коснулся и бытовой стороны организаціи. Авторъ подробнѣе другихъ остановился на матерьялахъ, свидѣтельствовавшихъ о различномъ устройствѣ ямской гоньбы, смотря по мѣстности. Ему принадлежитъ заслуга болѣе подробнаго разъясненія вопросовъ о томъ, какъ устраивались ямы, какъ производилась раскладка при устроеніи или обновленіи яма, какъ производился отводъ земли ямскимъ охотникамъ и т. д. Авторъ использовалъ при этомъ довольно значительную часть архивнаго матерьяла. Исторіи развитія ямскихъ учрежденій, соотвѣтственно основной задачѣ своего изслѣдованія, авторъ не коснулся вовсе, ограничившись исключительно изученіемъ данныхъ о гоньбѣ 17 вѣка. Поэтому неудивительно, что небольшая экскурсія, дѣлаемая авторомъ въ 16 вѣкъ, привела его къ неточностямъ Такъ, онъ поставилъ различіе между большими ямскими деньгами и малой ямщиной въ параллель съ княжескимъ и татарскимъ ямами. Эта неточность тогда-же вызвала рядъ указаній со стороны Милюкова, которому вообще принадлежитъ заслуга новаго пересмотра матерьяла о ямскихъ деньгахъ, возвышеніе оклада которыхъ въ 17 вѣкѣ онъ привелъ въ связь съ общимъ процессомъ перехода отъ старыхъ налоговъ къ новымъ, имѣвшаго мѣсто въ началѣ 17 вѣка. Наконецъ, за Лихачевымъ остается заслуга новаго пересмотра матерьяла о началѣ ямского приказа (вопросъ, впрочемъ, оставленъ имъ безъ опредѣленнаго разрѣшенія) и о ямскихъ дьякахъ.

Извѣстное значеніе въ литературѣ вопроса о ямской гоньбѣ до конца 17 вѣка слѣдуетъ признать и за нѣкоторыми изслѣдованіями о ямской гоньбѣ въ той или иной мѣстности. Особенно выдѣляются работы Спицына [1]) о гоньбѣ въ вятскомъ краѣ, которую авторъ излагаетъ въ связи съ не-

---

[1]) Подати. сборы и повинности на Вяткѣ въ 17 в., Вятка, 1887 г. стр. 6–13

торіей соликамской и чердынской гоньбы; Буцинскаго [1]), изслѣдовавшаго вопросъ о бытѣ первыхъ засельниковъ Сибири, въ томъ числѣ и о бытѣ сибирскихъ ямскихъ охотниковъ; въ этой работѣ можно найти немало цѣннаго архивнаго матеріала; Вейнберга [2]), написавшаго работу о воронежской почтѣ; Михайлова [3]) - о службѣ козьмодемьянскихъ ямщиковъ; Доброклонскаго [4]), коснувшагося въ изслѣдованіи о слугахъ и крестьянахъ Солотчинскаго монастыря и вопроса объ исполненіи послѣдними ямской повинности. Всѣ эти работы разнаго значенія, но каждая изъ нихъ даетъ какой-либо новый матерьялъ. Отдѣльныя указанія можно найти еще у Заринскаго [5]), пользовавшагося мѣстнымъ матерьяломъ по исторіи казанской ямской слободы, Мерцалова [6]), пользовавшагося мѣстными матерьялами по вологодской ямской слободѣ и у др. Сюда-же отнесемъ и старую работу Словцова [7]), слѣпо, впрочемъ, повторившаго за Миллеромъ все, что послѣднимъ сказано о ямской гоньбѣ въ Вивліоѳикѣ и въ исторіи Сибири.

Наконецъ, отдѣльныя указанія и замѣчанія мы нашли въ работахъ (придерживаемся хронологическаго порядка): Иванова [8]), Панова [9]), Неволина [10]), Горбунова [11]), Муллова [12]),

---

1) Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ насельниковъ, Харьк. 1889 г., стр. 43–45, 88 91, 96 и др.

2) Воронежск. почта, Воронежск. юбилейн. сборн., 1886 г., стр. 405 - 440.

3) О службѣ Козьмодемьянскихъ ямщиковъ, Казанск. Губ. Вѣд. 1856 г., №№ 12, 13, 21, 22, 25 - 28. Въ этой статьѣ находимъ весьма цѣнные матерьялы.

4) Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ 17 в., Ч. О. И. Д. 1888 г., 1, стр. 61.

5) Очерки древней Казани, 1877 г. стр. 182 183.

6) Вологодская старина, стр. 35 и сл.

7) Историческое обозрѣніе Сибири, 1838 г., т. I, стр. 15 16, 34 36.

8) Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ, 1850 г. стр. 74. Данныя о ямск. приказѣ.

9) Московскіе приказы. Моск. Вѣд., 1855 г., № 82, стр. 332. Данныя о ямскомъ приказѣ, впрочемъ, весьма скудныя.

10) Образов. управл. Полн. собр. соч., т. VI, изд. 1859 г., стр. 167. Данныя о ямскомъ приказѣ.

11) Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ, въ Арх. Ист. и Практ. Свѣд. Калачова, 60—61 г.г., кн. 5, стр. 28 и сл., стр. 77 и сл.

12) Историческое обозрѣніе правительствен. мѣръ по устройству городск. общ. управл., 1864 г., стр. 34, О сословіи ямщиковъ.

Горчакова [1]) Никитскаго [2]), Дмитріева [3]), Борзаковскаго [4]), Ильинскаго [5]) Соколовскаго [6]), Леонтовича [7]) Ключевскаго [8]), Сергѣевича [9]), Чечулина [10]), Иловайскаго [11]). Миклашевскаго [12]). Повторяемъ опять: всѣ эти работы самаго различнаго значенія, но для исторіи ямской гоньбы каждая представляетъ какой нибудь интересъ—или небольшой новой подробностью, или попыткой установить общій взглядъ, или даже тѣмъ, что авторъ безъ провѣрки присоединяется къ тому или иному ходячему мнѣнію.

Сдѣланный перечень отнюдь не является исчерпывающимъ, но, кажется, нами не упущено изъ вида ничего, что могло бы существенно повліять на слѣдующій невольно напрашивающійся выводъ: до сихъ поръ мы не имѣемъ ни одного изслѣдованія, въ которомъ съ достаточной полнотой были бы сгруппированы если не всѣ сохранившіяся данныя по исторіи развитія и организаціи ямской гоньбы до конца 17 вѣка, то хотя бы главнѣйшія изъ нихъ. Восполнить этотъ пробѣлъ и явилось основной задачей предлагаемой книги. Въ ней мы даемъ посильную попытку выяснить ходъ постепеннаго развитія ямскихъ учрежденій, значеніе и организацію ихъ, а также пытаемся опредѣлить тѣ бытовыя условія, которыя сложились на почвѣ этихъ учрежденій.

Достаточно было перваго знакомства съ матерьяломъ,

---

[1]) О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митрополитовъ, патріарховъ, Св. Сѵнода, изд. 1871 г., стр. 275, 417. Данныя о гоньбѣ также и въ приложеніяхъ къ этому труду.

[2]) Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 1873 г., стр. 304. Интересное свѣдѣнье объ особомъ псковскомъ ямскомъ дьякѣ.

[3]) Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 124. О ямск. приказѣ.

[4]) Исторія тверского княжества, 1876 г., стр. 215.

[5]) Городское населеніе новгородск. области въ 16 в., Журналъ Мин. Народн. Просв., т. 185, 1876 г., стр. 242. О ямскихъ слободахъ.

[6]) Исторія сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877 г., стр. 42; его-же—Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія, 1878 г., стр. 11. О ямскихъ слободахъ.

[7]) Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, 1879 г., стр. 271.

[8]) Боярская дума, изд. 2-ое, 1883 г., стр. 279.

[9]) Лекціи и изслѣдованія, 1883 г. стр. 416, 430—431.

[10]) Города московскаго государства 16 в., 1889 г., стр. 328.

[11]) Исторія Россіи, т. III, изд. 1890 г., стр. 443, 451.

[12]) Къ исторіи хозяйствен. быта москов. госуд., ч. I, изд. 1894 г., стр. 89—91.

чтобы сдѣлалось очевиднымъ, что ямскія учрежденія пережили въ своей исторической судьбѣ рядъ измѣненій, прежде чѣмъ сложились въ ту форму, какая до послѣдняго времени обыкновенно изображается въ литературѣ, какъ основная. Достаточно было также провѣрить данныя, которыми пользовались предшествовавшіе авторы, чтобы замѣтить, какъ различно складывалась ямская гоньба въ различныхъ мѣстностяхъ московскаго государства. Эти два вывода привели къ убѣжденію въ необходимости заново пересмотрѣть весь уже извѣстный матерьялъ, что, въ свою очередь, породило рядъ вопросовъ, требовавшихъ новыхъ матеріаловъ. Какъ мы воспользовались собранными данными—судить не намъ, но нашимъ оправданіемъ въ случаѣ допущенныхъ ошибокъ, будетъ служить то, что мы находились въ исключительномъ положеніи: изслѣдованія нашихъ предшественниковъ, за указанными выше исключеніями, только препятствовали установленію правильныхъ точекъ зрѣнія на отдѣльныя свидѣтельства документовъ.

Изученный матерьялъ привелъ насъ главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: во первыхъ, къ необходимости раздѣлить исторію ямской гоньбы на три періода, во вторыхъ, къ необходимости строго разграничить двѣ параллельно существовавшія формы ямской гоньбы: гоньбу по стройнымъ ямамъ и гоньбу въ видѣ мірскихъ отпусковъ. Что касается дѣленія на періоды, то мы руководствовались тутъ не соображеніями объ удобствѣ разсмотрѣнія, а слѣдующими причинами: для отдѣленія второго періода отъ перваго такая причина въ томъ, что на смѣну ямщика-начальника яма и мірскихъ очередныхъ людей, гонявшихъ гоньбу, явились ямскіе охотники. Такъ какъ такая замѣна означала переустройство всего ямского строя, то, очевидно, что акты одного періода могутъ быть приводимы въ подтвержденіе данныхъ о другомъ періодѣ не иначе, какъ послѣ тщательной провѣрки, насколько въ данномъ случаѣ разница во времени не вліяла на различіе въ условіяхъ и отношеніяхъ. Гранью между вторымъ и третьимъ періодомъ мы ставимъ смутное время. Разстройство, въ которомъ находилось государство въ началѣ 17 вѣка, естественно должно было отразиться и на ямскомъ строѣ. Ямы запустѣли, ямскіе охотники разбре-

лись,—когда, слѣдовательно, начали возобновлять ямы, если не многое, то иное стало устраиваться, хотя и по старой памяти, но не всегда по старому точному образцу. Поэтому опять таки и документами конца 16 вѣка не всегда можно доказывать то, что наблюдается въ 17 вѣкѣ и наоборотъ. Каждый разъ необходимо приходится взвѣшивать и соображать всю совокупность условій. Кромѣ того, первая половина 17 вѣка была временемъ развитія спеціальнаго законодательства о ямской гоньбѣ, при чемъ иныя нормы вносили нѣчто совсѣмъ новое, дотолѣ вовсе невѣдомое практикѣ, иныя являлись непосредственнымъ развитіемъ старой практики, наконецъ иныя —возобновленіемъ старой практики, но съ видоизмѣненіями въ частностяхъ. Достаточно было уловить эти оттѣнки, чтобы понять всю безплодность совмѣстнаго разсмотрѣнія ямского строя второй половины 16 вѣка съ ямскимъ строемъ 17 вѣка.

Что-же касается различенія стройной гоньбы отъ мірскихъ отпусковъ, то необходимость такого различенія достаточно ясна изъ представленнаго уже очерка положенія вопроса о ямской гоньбѣ въ литературѣ. Отсутствіе этого различенія было источникомъ главнѣйшихъ ошибокъ и неточностей, служило поводомъ къ насильственному толкованію актовъ, породило рядъ недоразумѣній, разобраться въ которыхъ теперь стоитъ несомнѣнно много труда. Въ настоящемъ опытѣ мы выдѣляемъ вопросъ о мірскихъ ямскихъ отпускахъ въ особую главу.

Въ особую-же главу мы выдѣляемъ и сибирскую гоньбу. На это были двѣ причины: отчасти сибирская гоньба по самому существу тѣхъ особыхъ условій, среди которыхъ она была учреждена, приняла нѣсколько иную организацію, отчасти можно прослѣдить, какъ эта своеобразность организаціи сибирской гоньбы вліяла на строй гоньбы во внутреннихъ московскихъ областяхъ.

I.

Всѣ вопросы, связанные съ вопросомъ о ямахъ, объ ихъ устройствѣ, о ямской гоньбѣ, о повинностяхъ, вытекавшихъ изъ ямской организаціи и т. д. только со времени великаго князя Іоанна III могутъ быть обоснованы болѣе или менѣе точными данными. О времени предшествовавшемъ мы можемъ судить въ гораздо большей степени на основаніи аналогій и предположеній.

Трудно думать, чтобы домонгольская Русь не знала извѣстныхъ способовъ, которыми пользовались для неизбѣжныхъ сношеній. Слагается государство, устанавливаются отношенія, ведется борьба за силу, власть, во имя расширенія однѣхъ областей на счетъ другихъ, по неволѣ сносятся посольствами, мѣняются вѣстями, пересылаются гонцами. Въ предѣлахъ каждаго владѣнія выдѣлившійся центръ нуждается въ установленіи связи съ остальной территоріей; ратное дѣло, съ одной стороны, сборъ податей, съ другой, придавали этой потребности особое значеніе. Но мы, пользуясь тѣми свѣдѣніями, которыя сохранились до насъ, имѣемъ право лишь въ общихъ чертахъ намѣчать разрѣшеніе возникающихъ здѣсь вопросовъ.

Долго повторялось мнѣніе, что въ старыя времена, когда за государевымъ дѣломъ кто куда посыланъ былъ, онъ или на своихъ лошадяхъ, или на свой счетъ ѣздилъ, а иногда съ позволенія для такой поѣздки получалъ лошадей, которыхъ по окончаніи поѣздки отдавалъ въ государеву казну. [1]) Но, какъ ни скудны свѣдѣнія, дошедшія до

[1]) Это мнѣніе впервые было высказано Миллеромъ въ его извѣстной статьѣ о „Ямскомъ приказѣ“ въ т. XX, изд. 2. Вивліоѳики, стр. 412. Такое мнѣніе Миллера, можно думать, было основано на томъ, что дѣйствительно, когда кто либо посылался за рубежъ, то въ ближайшемъ передъ рубежомъ городѣ онъ за счетъ великаго князя покупалъ лошадей. „А

насъ о „старыхъ временахъ“, если понимать подъ ними времена до великаго князя Іоанна III, все-же слѣдуетъ опредѣленно сказать, что сношенія на собственныя средства князей, если и велись, то развѣ въ видѣ исключенія. Какъ правило, сносились на средства населенія, которое несло для удовлетворенія этой потребности извѣстную повинность, часто весьма для него тяжелую. Въ землѣ Новгородской эта повинность уже въ началѣ 13 вѣка называлась *повозомъ*, въ другихъ земляхъ *подводой*. Какъ увидимъ дальше, объ условіяхъ такой подводной повинности въ актахъ конца 13 вѣка (А. А. Э., I, 1) говорится, какъ о чемъ-то установившемся изстари—можно думать, что подводная повинность была извѣстна населенію много раньше 13 вѣка.

Правда, еще подъ 984 г. лѣтописецъ говоритъ о Радимичахъ, что они „прешедъше ту ся вселиша и платятъ дань, Руси повозъ везутъ и до сего дне“ (П. С. Р. Л., I, стр. 36) но Соловьевъ, какъ извѣстно, уже объяснилъ, что подъ повозомъ здѣсь правильнѣе понимать тотъ способъ собирать дань, при которомъ племена сами привозили ее въ опредѣленное княземъ мѣсто, въ отличіе отъ ѣзды князя на полюдье. [1]) Для 1209 г., однако, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи

велѣлъ бы еси ему ѣхати до рубежа на подводахъ; а на рубежѣ, куда ему ѣхати, и ты бы ему въ той волости велѣлъ взяти подводы, далъ бы еси ему грошей; а приказалъ бы еси ему, чтобы ѣхалъ не мотчая, лошадей бы не жаловалъ: гдѣ у него которая подвода устанетъ, и онъ бы мѣнялъ да грошей придавалъ, а утерястся и онъ бы купилъ“ Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стран. 69 (1492 года). Или еще: „и какъ пріѣдетъ въ Можаескъ, и вы бы взяли зъ города одинадцать подводъ добрыхъ да дали Митѣ да Третьяку до Вилны да тѣ бы есте подводы оцѣнили зъ людми зъ добрыми; которая зходитъ, и язъ велю той наемъ заплатити, а которая утерястся, и язъ тою велю цѣну заплатити“. Сб. Ист. Общ., XXXV, стран. 82 (1493 года). См. тамъ-же, стр. 443—444 и др. Мнѣніе Миллера повторено и въ „Выпискѣ о первоначальномъ заведеніи и дальнѣйшемъ образованіи почтъ въ Россіи“, сдѣланной по предписанію Мин. Ин. Д. А. Я. Будберга, въ 1807 г. (Рук въ Арх. М. И Д., № 226—396). Его же находимъ и въ рукописи Импер. Публич. Библ. „О почтѣ“ F. IV, 648. Это-же мнѣніе повторено Успенскимъ, Опытъ повѣствованія о древн. рус., ч. 2 стр. 182—183, изд. 1812 г., Сергѣевымъ, Истор вглядъ на почтовое управленіе въ Россіи, изд. 1840 г., § 5. То-же мнѣніе повторилъ еще и Бржозовскій въ его статьѣ „Историческое развитіе законодательства по почтовой части“, въ Юридич. Сборн. Мейера стр. 345.

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I, стр. 216, изд. Товарищ. „Общ. Польза“. Съ этимъ несогласенъ Владимірскій-Будановъ, Обзоръ ист. рус

уже довольно опредѣленное указаніе, что въ новгородской землѣ подъ повозомъ понималась обязанность давать подводы. Это именно то мѣсто лѣтописи, гдѣ разсказывается, какъ новгородцы, сотворивъ вѣче на посадника Дмитра и на братью его, вспоминаютъ при перечисленіи винъ посадника: „повелѣша.... по купцемъ виру дикую и повозы возити и все зло". [1]) Данное мѣсто становится опредѣленнѣе, если сопоставить его съ обычной формулой договоровъ новгородцевъ съ князьями: „а дворянамъ твоимъ по селомъ у купцовъ повозовъ не имати разве ратной вѣсти". [2]) Можно, слѣдовательно, думать, что обязанность давать подводы, распространявшаяся въ принципѣ въ мирное время не на все населеніе, въ дѣйствительности вела къ злоупотребленіямъ со стороны князей и ихъ слугъ, въ общемъ была въ тягость населенію, въ военное же время не знала ограниченій.

Дальнѣйшихъ разъясняющихъ извѣстій о повозѣ намъ не удалось найти; объ аналогичной-же *подводѣ* мы знаемъ нѣсколько больше. Если судить по указаніямъ значительно позднѣйшаго времени (а на это въ данномъ случаѣ мы имѣемъ право, такъ какъ, если бы время тутъ что-либо измѣнило, то именно подобныхъ указаній мы не имѣли бы), подъ подводой понимались только лошади, а не лошади вмѣстѣ съ санями или телѣгой. [3]) Кто обязанъ былъ давать лошадей, тотъ могъ быть обязанъ давать и кормъ. Обыкновенно о кормѣ говорится рядомъ съ подводой. Изъ подводной повинности вытекала и обязанность давать проводниковъ, хотя и эта повинность могла являться самостоятельной.

пр., стр. 91, который думаетъ, что повозъ состоялъ въ доставленіи средствъ передвиженія для военныхъ дружинъ, княжескихъ данщиковъ и гонцовъ.

[1]) П. С. Р. Л., т. III стр. 30.

[2]) Г. Г. и Д., т. I, 1, 3, 6, 7, 9, 15, 20.

[3]) Такъ обыкновенно подорожныя 17 в. опредѣляютъ точно подводы съ телѣги или съ сани (Ар. М. И. Д. И. Д. С. Л., 1606 г. св. 3. № 1, пачка подорожныхъ; А. Ю., 364, III; Рум., Муз. Гарелин. Собр. и др.) Для 1504 мы встрѣчаемъ такое-же объясненіе въ подорожной толмачу Селѣ, Пам. Дипл. Снош. I, стр. 112. Такое обозначеніе для сѣвера встрѣчаемъ еще у Корнилія де Бруина: „ямщики доставляютъ однѣхъ только лошадей" Чт. О. И. и Д. 72 г., 1 стр. 31. Встрѣчается указаніе: подводы верхи (А. Ю. 364, IV и др.).

Издревле кормъ, проводники и подводы являлись повинностями, которыми тянули къ городу, которыя отбывались съ погостовъ. „Оть даютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ“ (А. А. Э., I, 1). „Не надобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подвода, ни въ станъ, ни въ который проторъ“ — читаемъ въ жалованныхъ грамотахъ еще 14 вѣка (А. А. Э., I, 4 и др.). Распорядкомъ по исполненію этихъ повинностей завѣдывали мірскія власти; напримѣръ, на Двинѣ — посадники, старосты и скотники (А. Э., I, 1).

Изъ цѣлаго ряда данныхъ мы узнаемъ, что повинности эти всегда тяготили населеніе, которое смотрѣло поэтому на освобожденіе отъ нихъ не только въ цѣломъ, а хотя бы и въ части, какъ на дѣйствительную льготу. Соотвѣтственно съ этимъ, освобожденіе давалось только въ виду уважительныхъ причинъ и каждый разъ, т. е. для каждой данной мѣстности, опредѣлялось точно въ жалованной грамотѣ. Освобожденіе давалось людямъ, поселеннымъ и селившимся на монастырскихъ земляхъ, послѣднимъ охотнѣе, чѣмъ первымъ, обыкновенно, однако, и тѣмъ, и другимъ на срокъ, но для инокняженцевъ срокъ большей частью удлинялся. Встрѣчаемъ также случаи освобожденія людей, заселявшихъ пустынныя дотолѣ мѣста, погорѣльцевъ и т. д. [1]) Обязан-

[1]) Льготы давались князьями по разнымъ соображеніямъ, но преимущественно изъ желанія привлечь въ княжество путемъ монастырской колонизаціи новое населеніе. Это видно изъ преимуществъ, которыя обыкновенно предоставлялись инокняженцамъ (а кого къ себѣ игуменъ призоветъ людей изъ иного княженья, а не изъ моее отчини). Иногда и старожильцы и инокняженцы уравнены (напр. А. Э. т. I, 38, 374 и др.). Иногда и старожильцы и инокняженцы освобождаются безсрочно (А. Э. т. I. 52, 60 и др.). Но по большей части льгота дается на срокъ (отъ 20 2 л.), при чемъ съ преимуществами для инокняженцевъ. Напримѣръ, старожильцы не освобождаются, а инокняженцамъ дается десятилѣтняя льгота—А. Э., 17, 18, 20 и др.; 20-лѣтняя льгота А. Э. I, 36; 15 лѣтняя льгота А. Ю. К., I, 31, № VI; тутошніе на 5 лѣтъ, инокняженцы на 15 лѣтъ— А. Э., т. I, 23, старожильцы на 3 г., инокняженцы на 10 л.—А. Э. т. I, 21; старожильцы на 5 л., инокняженцы на 10 л.—А. Э., т, I, 44; старожильцы на 10 лѣтъ, инокняженцы на 15 л.—А. Э. т I, 51; старожильцы на 2 г., инокняженцы на 10 лѣтъ А. И., т. I, 25, 36. Встрѣчаются и такія выраженія: и то деи село и деревня опустѣло и люди деи разошлися... и кого архимандритъ тѣхъ людей и т. д. (Р. И. Б., т. II, 20). Ср. Горбуновъ, Льготн. грам., жалов. мон. въ 13—15 в.в., Арх. Ист. и Практ. Св. Калачова, 60—

ностью населенія давать кормъ, подводы и проводниковъ пользовались во зло княжескіе слуги и гонцы: брали лишнія подводы, брали силою, нерѣдко при этомъ не обращая вниманія на то, что данная мѣстность пользовалась льготой. Князья пытались поэтому ввести въ отправленіе подводной повинности и въ пользованіе ею нѣкоторый порядокъ: заказывалось ѣздить новыми, не пошлыми дорогами (А. Э. I, 61, 65 и др.); для наблюденія надъ этимъ иногда (со второй половины 15 вѣка это дѣлается, видимо, постоянной практикой) въ данныхъ селахъ ставились особые пристава (А. Э. I, 82, 113 и др.); указывалось опредѣленно, что ратная вѣсть (почти общая оговорка въ жалованныхъ грамотахъ Іоанна III) пріостанавливаетъ значеніе льготъ (А. Э. I, 121, 150, А. И. I, 75, 83, 86, Д. А. И., I, 48 и др.); что такое-же значеніе имѣетъ и княжеская подорожная (А. Э. I, 86, 123 и др.); дѣлалось различіе между княжескими гонцами и прочими слугами, при чемъ послѣднимъ запрещалось требовать подводы, когда они ѣздятъ на его, князя, службу или которыми иными дѣлами своими-жъ (наприм.—А. Э. I, 81), а иногда и вообще: „никоторыми дѣлами“, „всякіе ѣздоки не емлютъ, также и гонцы мои Великаго Князя безъ грамоты не емлютъ“.

Населеніе, какъ уже сказано выше, само вело раскладку повинности, но уравнительность достигалась съ трудомъ, и потому, вѣроятно, нерѣдки были случаи вмѣшательства князей въ мірскіе распорядки: считавшіе себя обочтенными, обращались съ жалобами, результатомъ которыхъ являлись различныя мѣропріятія. Главными поводами для этихъ жалобъ были злоупотребленія мірскихъ властей при нарядѣ подводъ въ предѣлахъ стана, посада, погоста, злоупотребленія со стороны подмогавшихъ сосѣдей, также пропуски, т. е. нежеланіе смѣнять сосѣдскія подводы своими, чѣмъ, конечно, наносился ущербъ интересамъ сосѣдей, наконецъ—отказы въ счетѣ, т. е. нежеланіе однихъ платить другимъ по спеціальному ранѣе установленному разсчету слѣдуемыя

61 г.г., кн. 5, стр. 28 и сл. Можно отмѣтить также мотивъ желаніе поднять пашню въ доселѣ глухихъ мѣстахъ. А. Э., т. I, 44, 46, 135 и др. Встрѣчаются льготы и по случаю пожаровъ А. Э., I, 63; по случаю какого-нибудь спеціальнаго обстоятельства, напр. постройка монастырск. ограды—А. Э. I, 190.

за лишніе отпуски или вообще по подмогѣ въ отпускахъ деньги. Подлинныхъ дѣлъ этого рода мы не знаемъ для времени до послѣдней четверти 16 вѣка. Но если уравнительность не достигалась и при сравнительно развитой административной системѣ, нѣтъ основаній думать, что она достигалась въ болѣе раннее время. Поэтому едва-ли будетъ ошибкой по дѣламъ болѣе поздняго времени судить о времени предшествовавшемъ. Къ тому же и изъ самихъ извѣстныхъ намъ дѣлъ видно, что обыкновенно жалобы одной волости на другую по поводу подводной повинности носили хроническій характеръ: это были старинные споры, которымъ къ тому-же не предвидѣлось и конца. Такъ, напримѣръ, Еренчане и Усольцы стояли на Москвѣ для суда въ 1582 г., но изъ дѣла видно, что они судились уже и въ 1578 г. (Арх. Мин. И. Дѣлъ П. Д. С. Л., Св 1, № 1); можно сказать утвердительно, что они судились и до того; съ ними-же мы не разъ встрѣчаемся и въ теченіи 17 вѣка. То-же можно сказать и про судьбище между людьми Ковской, Кондалацкой и Керетецкой волостей и людьми Соловецкаго монастыря: по ихъ дѣлу имѣется указъ отъ 1597 г., но изъ указа видно, что счетъ между волостями старинный (Д. А. И., I, 140); съ тѣмъ-же счетомъ встрѣчаемся, напримѣръ, и въ 1667 г. (Д. А. И., V, 43). Мѣняются формы суда, но сущность отношеній все та-же; все тѣ-же и нормы, являющіяся результатомъ этихъ судбищъ.

Изъ этихъ данныхъ можно также заключить, что подводы и кормъ, и проводники выставлялись лишь по мѣрѣ надобности, при чемъ, какъ общее правило, лишь для дѣлъ князя и управленія. Организація правильныхъ и постоянныхъ сношеній еще не имѣла мѣста. Сношенія частныхъ лицъ производились каждымъ за его счетъ и страхъ. [1])

Но все это еще не было ямской гоньбой, т. е. такой организованной системой сообщенія, гдѣ заранѣе заготовленныя подводы всегда на извѣстныхъ пунктахъ ждутъ требованія и гдѣ существуютъ спеціальныя лица, вѣдающія распорядокъ по этому дѣлу. Правда, ямская гоньба могла бы и естественно развиться на почвѣ подводной повинности, но

[1]) Гагеймейстеръ, Розысканія о финансахъ древней Россіи стр. 23. Ср. также Погодинъ, Древн. русск. исторія т. II, стр. 419, 527.

такъ-ли это было въ дѣйствительности? Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ, которыя доказывали бы самобытность ямской гоньбы и, наоборотъ, мы не можемъ не считаться съ цѣлымъ рядомъ данныхъ, которыя прямо указываютъ на наличность если не прямого заимствованія у татаръ, то несомнѣннаго вліянія татарскаго образца.

Первыя упоминанія о *ямѣ* мы находимъ не раньше нашествія татаръ. Насколько извѣстно, впервые этотъ терминъ отыскивается въ ярлыкѣ хана Монгутимира, [1]) который, освобождая митрополита и церковныхъ людей отъ разныхъ сборовъ и повинностей, упоминаетъ и объ освобожденіи отъ яма (1270—1276 г.г.). Существуетъ рядъ предположеній [2])

---

[1]) Г. Г. и Д., II, 2 Ср. ibid, 7.

[2]) Въ пользу мнѣнія о происхожденіи ямской гоньбы подъ непосредственнымъ вліяніемъ татаръ высказались: Соловьевъ, т. I, стр. 1544; Леонтовичъ, Ойратскій уставъ, стр. 271; Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія, стр. 14—15; Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи московск. госуд., стр. 21—22; Хрущевъ, Очеркъ ямск. и почтов. учрежд., стр. 3. Лаппо-Данилевскій не просто считаетъ татарскіе порядки образцомъ для русскихъ, а полагаетъ, что первоначально повинность эта и отправлялась въ пользу хана и его посланныхъ. Милюковъ возражаетъ противъ такого утвержденія. Мысль Лаппо-Данилевскаго является лишь развитіемъ словъ Соловьева: „ямы возникли сначала безъ сомнѣнія вслѣдствіе татарскихъ отношеній“. Бржозовскій, ц. с., стр. 347, рѣшается сказать только, что та форма, въ которой ямская повинность существовала въ продолженіи 14 и частью 15 в. не была, можетъ быть, безъ всякаго соотношенія съ подобными-же учрежденіями орды. Такая осторожность со стороны автора объясняется, конечно, дѣлаемой имъ далѣе попыткой найти доказательства византійскаго вліянія на формы нашихъ ямскихъ учрежденій (стр. 355—358). Впрочемъ, эту мысль авторъ самъ называетъ недоказанной. Владимірскій-Будановъ ограничиваетъ вліяніе татаръ лишь тѣмъ, что они сдѣлали тяжелую повинность снабженія подводами и проводниками княжескихъ гонцовъ, самихъ князей и ихъ дружинниковъ особо памятной (Обзоръ ист. рус. пр., изд. 3-е стр. 226). Остальные писатели или вовсе не касаются даннаго вопроса, или склонны считать ямскія учрежденія самобытно развившимися изъ подводной повинности. Такъ, въ особенности, думалъ Лешковъ, въ его статьѣ „О путяхъ сообщенія, Москвит. 1852 г., кн. 1, стр. 23, также въ его „Русск. нар. и госуд.“, страп. 317 и сл. Видимо, такъ-же думаетъ и Лихачевъ, Разрядн. дьяки, стр. 49. Отмѣтимъ оригинальную попытку Берендса „Госуд. хоз. Швеціи“, т. 1, стр. 179–181. Авторъ думаетъ, что замѣчаемое имъ сходство между шведскими skjutsbönderne и нашими ямщиками заставляетъ считать ямы учрежденіемъ, предшествовавшимъ эпохѣ мон-

о происхожденіи слова „ямъ“, но, принимая во вниманіе недоказанность этихъ предположеній и имѣя въ виду заявленія оріенталистовъ, слѣдуетъ принять, что слово „ямъ“

гольскаго ига, и занесеннымъ къ намъ варягами. Татары, по словамъ автора, только воспользовались ямами для своихъ цѣлей. Попытка эта, очевидно, противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ о ямахъ у монголовъ и китайцевъ; кромѣ того, не можетъ быть согласована съ тѣмъ фактомъ, что въ новгородской землѣ, т. е. тамъ, гдѣ прежде всего слѣдовало бы искать слѣдовъ указываемаго вліянія, еще въ первой половинѣ XV вѣка (1437 или 1456—1462 г.), какъ видно изъ извѣстной новгородской грамоты о черномъ борѣ (А. Ар. Эксп., т. I, 32) ѣзда производилась на мірскихъ подводахъ отъ стану до стану (съ десяти сохъ по двѣ подводы отъ стану). Своеобразна также попытка Копивеца, „Русск. госуд. почта“, Вѣстн. Евр. 1869, 11 стр. 281, гдѣ авторъ считаетъ, что ямомъ называлась вообще всякая повинность, какъ данью вообще всякая подать. Эта попытка находится въ связи съ производствомъ слова ямъ отъ славянскаго глагола яти, имати, брать. Послѣдняя мысль была высказана еще Соловьевымъ, т. I, стр. 1697. Соловьевъ, однако, говоритъ такъ: „названіе ямовъ произошло или отъ русскаго слова емлю, или, что еще вѣроятнѣе, отъ татарскаго ямъ, дорога“. Можно думать, что производство ямовъ отъ иманья основывается на показаніи Даніила Принца изъ Бухова, который (русск. перев. въ Чт. О. И. Д., 1876 г., 4, стр. 72) говоритъ: „эти деревни (ямскія слободы) обыкновенно называются ямами отъ иманья (ab apprehensione)“ Опроверженіе мысли Канивеца сдѣлано подробно Хрущевымъ, ц. с., стр. 3, примѣч. Есть еще объясненіе слова ямъ отъ ямы или межи. Такъ говоритъ гр. Толстой, Ист. финанс. учрежд. Россіи, стр. 50. Соловьевъ, стр. 1697, опровергаетъ эту гипотезу. Ср. Хрущевъ, ц. м. Совершенно несообразную гипотезу находимъ въ рукописи Каразина, „Историч. запис. о почтахъ“, хранящейся въ Ар. Ин Д. Ссылаясь на Ростовскую лѣтопись, авторъ производитъ слово ямъ отъ имени народа Яма или Еми, обитавшаго отъ сѣверной стороны Ладожскаго озера до Двины и вверхъ до Бѣла-озера, иначе называвшагося Заволочью. Этотъ народъ издревле былъ конницей новгородской. Ссылаясь па Двинскаго лѣтописца, авторъ говоритъ, что лошади у Заволочанъ не только были легкія, но и въ такомъ количествѣ, что они снабжали ими сосѣдственныя стороны. Новгородцы брали съ Заволочанъ данъ не только деньгами, но и лошадьми. Когда въ 1464 г. Іоаннъ III покорилъ это племя, онъ разселилъ Емь, учредивъ за одно и ямы. Послѣ изслѣдованій о племени Емь или Ямъ Лерберга, Шегрена и Барсова едва-ли можно придавать гипотезѣ, допускающей у новгородцевъ финскую конницу, какое-либо значеніе. Еще болѣе несообразную гипотезу приводитъ Діевъ, въ „Изъясн. Правды Русск.“ Ж. М. Н. Пр. 1839 г., ч. XXII, стр. 61. Діевъ думалъ что ямщиками могли быть „изгои“. Въ основу гипотезы авторъ положилъ простое созвучіе словъ „изгой“ и „изгонный“ (напримѣръ, изгонныя книги, изгонъ, и т. д.)

было занесено къ намъ татарами. [1]) У татаръ этимъ словомъ обозначалась налагавшаяся на подвластные народы дань, собиравшаяся для поддержанія почтовой организаціи въ ордѣ [2])

---

[1]) По словамъ оріенталистовъ „дзямъ“ по монгольски—дорога, дзямчи гонецъ, проводникъ, путеводитель. „Дз“ при переходѣ монгольскихъ словъ въ татарскій языкъ мѣняется на „я“. Это было указано еще въ работѣ Бржозовскаго, ц. с., стр. 346, прим. 1. На основаніи изученія Тимуръ-Кутхукова ярлыка проф. Березинъ (Ханск. ярл., вып. 2., стр. 31) говоритъ: ямчи-шусунчи-ларъ означаетъ почтмейстеръ (не почтовый-ли приказъ?). Слово ямъ принято и въ русскомъ языкѣ, гдѣ производное „ямщикъ“ сходно и по звуку съ тюркскимъ „ямчи“, а еще болѣе съ персидскимъ „ямджикъ“—гонецъ. Первоначально „ямчи“ означалъ смотрителя почтоваго, а уже впослѣдствіи слово это перешло въ унизительное значеніе. Ср. Ж. М. Нар. Просв. 1850 г., т. 68, статья Березина, Внутр. устр. Золотой Орды, стр. 11 и 20. Въ китайскомъ языкѣ для однороднаго понятія—слова iamb, ianli, какъ это видно изъ описанія путешествія Марко-Поло, изд. Мюллера 1671 г., кн. 2. гл. 23. Въ переводѣ г. Шемякина (Чт. Об. Ист. и Др., 62 г., 2, стр. 275)—кн. 2, гл. 20. Вмѣсто Iamb въ изданіи Мюллера—Ianli. По словамъ Бюрка, въ рукописи Марко-Поло—Iamb. См. примѣч. къ перев. г. Шемякина, loco cit. Ср. также примѣч. Неймана—Ч. О. И. Д., 62 г., 4, стр. 510—511. Интересно, что Iamb, Ianli. дзямъ, дзямчи, ямчи, ямджикъ и, наконецъ, русское ямъ — слова столь разныхъ языковъ, но родственнаго значенія. Это наводитъ на мысль объ одномъ и томъ-же проводникѣ какъ этихъ словъ, такъ и заключенныхъ въ нихъ понятій. Легко предположить, что роль проводника въ данномъ случаѣ сыграли татары.

[2]) Березинъ, Ханскіе ярлыки, 2 вып. стр. 31. Гаммеръ-Пургсталль, „Geschichte der goldenen Horde“ изд. 1840 г., стр. 242 (Отзывы объ этой работѣ см. въ той-же книгѣ, стр. 543—642, а также въ Ж. М. Н. Пр., 1836 г., т. XI, стр. 158—159), ссылаясь на Рубруквиса (Замѣчательное путешествіе въ Тартарію и Китай), указываетъ, что ямами (у Рубруквиса – Iani) назывались лица, которымъ была поручаема забота о доставленіи къ мѣсту пословъ и объ ихъ содержаніи въ дорогѣ. Обращаясь, однако, къ подлиннику, мы не видимъ твердыхъ основаній къ такому выводу. Рубруквисъ (Гаеское изд., въ сборникѣ Бержерона, 1735 г.) въ гл. 17, стр. 31, говоритъ: „нашъ проводникъ обратился къ одному несторіанну, по имени Коятъ, который былъ однимъ изъ главныхъ при этомъ дворѣ (Сартака). Онъ заставилъ насъ пройти довольно далеко къ одному важному господину, по имени Яна. Такъ называютъ того, кто обязанъ принимать пословъ“. Въ гл. 29, стр. 62 читаемъ: „мы не нашли на дорогѣ (отъ озера Байкалъ до стоянки Менгу-Хана) никакихъ другихъ людей, кромѣ яни, т. е. людей спеціально назначенныхъ для того, чтобы изо дня въ день встрѣчать и сопровождать пословъ“. Въ первомъ случаѣ рѣчь очевидно, идетъ о главномъ начальникѣ почтъ, (это видно, между прочимъ, изъ описанія важности и великолѣпія, среди котораго

Въ виду сравнительной скудости доступныхъ неорі енталисту памятниковъ, рисующихъ внутренній бытъ орды, мы не могли и думать о попыткѣ возстановить картину почтовой организаціи у татаръ. Мы знаемъ только, что такая организація была, что она перешла къ татарамъ изъ Китая и что татары занесли ее съ собой и въ Золотую орду.

О китайскихъ ямахъ мы узнаемъ нѣкоторыя подробности изъ описанія Марко-Поло (начало 13 в.). По его словамъ, на каждомъ большомъ пути изъ Камбалу онъ встрѣчалъ станціи съ домами для пристанища, называемыя Іamb — почтовые дома. На каждой станціи содержалось всегда на готовѣ 400 сильныхъ лошадей. Для жизни въ этихъ мѣстахъ, обработыванія земли и содержанія наготовѣ лошадей для почтовой службы назначались особые люди. Марко Поло считалъ, что такихъ станцій въ царствѣ великаго хана десять тысячъ. [1]) Нельзя сомнѣваться, что описанныя Марко Поло станціи существовали и до Марко-Поло. Такъ, о курьерскихъ лошадяхъ говорится еще въ одномъ изъ эпизодовъ войны Чингизъ-хана съ китайцами, [2]) но, вѣроятно, почтовыя станціи въ Китаѣ существовали и много раньше этой войны Мы не знаемъ, когда появилась почтовая организація у татаръ, но извѣстно, что Чингизъ-ханъ предписалъ султану учреждать постоянныя почты, дабы знать скоро о всѣхъ событіяхъ въ государствѣ. Это извѣстіе находится у арабскаго писателя Макризи, изложившаго общее содержаніе такъ называемой ясы Чингизъ хана. [3]) D'Ohsson, [4]) осно-

---

принялъ онъ Рубруквиса; во второмъ — о людяхъ, живущихъ при почтовыхъ домикахъ. См. дальше въ описаніи Марко-Поло). Въ гл. 17, на стр. 31, послѣ слова „Яна" сдѣлана выноска на поляхъ, въ которой сказано „Московиты называютъ теперь ямами тѣхъ, кто обязанъ готовить подводы ѣдущимъ ко двору ихъ князя". Но эта выноска принадлежитъ не Рубруквису, какъ видимо, думалъ Гаммеръ-Пургсталль, а Бержерону; относится, слѣдовательно, не ко второй половинѣ 13 вѣка, а ко второй половинѣ 17 в.

[1]) Marco Polo, 1 c.

[2]) Разсказъ объ убіеніи Гемикай-Каана, см. Эрдманъ, Предки Чингизъ-хана, Ж. М. Н. Пр., 1843 г. ч 38, стр. 88 и примѣч.

[3]) Березинъ, Очеркъ внутр. устройства Улуса Джучіева, Труды, Вост. Отд. Арх. Общ., 1864 г., ч. VIII, стр. 406 и 413. Леонтовичъ, Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, стр. 193.

[4]) D'Ohsson, Histoire des mongols, изд. 1834 г., т. I, стр. 307. Объ Алаи-ед-динѣ — ibid. стр. XVII XXVII.

вываясь на показаніяхъ персидскаго историка Алаи-ед-дина, приводитъ, что Чингизъ-ханъ, по примѣру того, что существовало въ Китаѣ, устроилъ станціи для подставы лошадей (stations de relais) на большихъ дорогахъ, чтобы облегчить путь государственнымъ чиновникамъ, гонцамъ и вѣстникамъ. Почтовыя лошади подставлялись жителями, обязанными давать курьерамъ и кормъ, и подводы для провоза дани. Спеціальныя правила опредѣляли, кто и при какихъ условіяхъ имѣлъ право пользоваться этими лошадьми. Къ концу 13 вѣка обязанность населенія выставлять на станціи почтовыхъ лошадей, какъ видно изъ разсказа Рашидъ-Эддина, повела къ столь серьезнымъ злоупотребленіямъ со стороны ханскихъ чиновниковъ и курьеровъ, что явилась необходимость произвести въ этомъ отношеніи рядъ существенныхъ реформъ по всѣмъ видимостямъ, частью пополнить, частью видоизмѣнить правила, установленныя Чингизъ-ханомъ. Каждый,—разсказываетъ Рашидъ, [1])—ѣздилъ съ многочисленной свитой и жилъ на счетъ тѣхъ мѣстъ, которыя проѣзжалъ Сдѣлалось обыкновеннымъ посылать курьеровъ по самымъ пустымъ поводамъ, и это практиковали всѣ, начиная отъ хатуній и принцевъ крови, кончая оруженосцами и ловчими. Злоупотребленія дошли до того, что на большихъ дорогахъ можно было встрѣтить больше гонцовъ, чѣмъ другихъ путешественниковъ и что тысячи лошадей на каждой станціи не хватало подъ нихъ. Тогда брались лошади изъ стадъ, пасшихся въ окрестностяхъ. Хватали лошадей чужестранцевъ, мирныхъ гражданъ, ѣхавшихъ по своимъ дѣламъ. Гонцы были немилосердны въ своихъ требованіяхъ корма, денегъ и обирали часто платья, тюрбаны, все, что видѣли Брали всего обыкновенно болѣе, чѣмъ это полагалось по предписаніямъ, и то, что имъ было уже не нужно продавали. Это повело къ тому, что жившіе у большихъ дорогъ уходили въ горы, а на станціяхъ трудно было найти и двухъ лошадей въ хорошемъ состояніи. Историкъ описываетъ далѣе, какъ гонцы воевали другъ съ другомъ изъ-за очереди, изъ за самой возможности дви-

[1]) Это описаніе мы приводимъ въ краткомъ изложеніи, пользуясь переводомъ D'Ohsson, ц. с., т. IV, стр. 397—404 и сличая съ переводомъ Березина. Полный переводъ исторіи Рашидъ-Эддина напечатанъ Березинымъ въ Труд. Восточ. Отд. Археол. Общ., 1858—1888 г.г.

нуться далѣе, осложнявшейся уже однимъ тѣмъ, что каждый гонецъ, зная, какъ тяжело ему будутъ доставаться лошади и кормъ, бралъ съ собой цѣлые отряды. Газанъ, бывшій тогда ханомъ, задумавъ произвесть реформы, не могъ уничтожить зло сразу: зло, освященное обычаемъ, слишкомъ укоренилось. Въ концѣ концовъ, однако, онъ установилъ число лошадей для своихъ гонцовъ, велѣлъ снабжать ихъ особыми удостовѣреніями, запретилъ давать почтовыхъ лошадей всѣмъ гонцамъ, кромѣ ханскихъ, наконецъ, ввелъ прогонную плату и запретилъ брать кормы.

Съ тѣми-же началами перешла почтовая организація и въ Золотую орду. По крайней мѣрѣ, это можно заключать изъ разсказа Плано-Карпини, описавшаго состояніе орды при внукѣ Чингизъ-хана Бату, въ первой половинѣ 13 вѣка. По словамъ Плано-Карпини, [1]) отправляемымъ гонцамъ, сколько бы ихъ не было и куда бы ни было, обязаны были давать немедленно лошадей (equos subdititios, т. е. подводимыхъ, подставляемыхъ) и содержаніе. Откуда бы не приходили (къ императору татарскому) къ нему съ данью или посольствомъ, обязаны также давать подъ нихъ лошадей, подводы (currus) и содержаніе. Подробнѣе объ этихъ equos subdititios [2]) мы узнаемъ изъ описанія пути Плано-Карпини изъ Кіева къ татарамъ и обратно. Въ 120 верстахъ отъ Кіева въ Каневѣ (Canova), зависѣвшемъ, по словамъ Карпини, непосредственно отъ татаръ, начальникъ селенія далъ послу и его спутникамъ лошадей съ проводникомъ до другого селенія. (Кн. I, гл. 1, стр. 11). На первой татарской заставѣ (сторожевомъ пунктѣ—custodia) татары сказали, что дадутъ послу лошадей и проводника до Коррензы. Получивъ отъ нихъ лошадей, съ которыхъ татары сошли, отправилось посольство съ татарскимъ проводникомъ до Коррензы (такъ звали одного изъ темниковъ ханскихъ). (Кн. I, гл. 2, стр. 15). Отъ Коррензы до Батыя они получили новыхъ лошадей. Выѣхавъ во вторникъ на второй недѣлѣ великаго поста, они ѣхали съ утра до ночи, а часто даже и ночью, такъ скоро, какъ только могли скакать лошади, которыхъ мѣня-

---

[1]) Собраніе путешествій къ татарамъ, пер. Языкова, изд. 1825 г., Плано-Карпини, кн. II, гл. 5, стр. 149.

[2]) Еще equos subductitios. Гаклюйтъ переводитъ—poste horses, Языковъ подводы; см. ц. с., стр. 266, объясн. 6.

ли (equos recentes) раза по три и по четыре въ день. (Кн I, гл. 3, стр. 17). И черезъ Команію отъ Батыя ѣхали очень скоро, потому что мѣняли лошадей разъ по пяти и болѣе въ день (equos recentes), выключая, когда проѣзжали степью. (Кн. I, гл. 5, стр. 25). Мѣнять часто лошадей приходилось и далѣе, когда ѣхали землей Монголовъ, которыхъ послы называли татарами (quos Tartaros appellamus) кн. I, гл. 7, стр. 32). Говоря о налогахъ, какими отягчаютъ татары своихъ данниковъ Плано-Карпини упоминаетъ и объ обязанности давать проѣзжающимъ гонцамъ лошадей и содержаніе. [1]) Описывая нравы татаръ, Плано-Карпини разсказываетъ, что самые низшіе служители татаръ (minime garcones eorum) и гонцы, если не имѣли лошадей, кого бы ни встрѣчали на лошади, заставляли слѣзать долой и лошадь уводили куда хотѣли. [2]) Изъ разсказа Плано-Карпини мы узнаемъ также, что полученіе лошадей по пути обезпечивалось особой грамотой (Батыя) за печатью: грамота угрожала смертной казнью за ослушаніе (кн. II, гл. 9, стр. 217; о видѣ на свободный проѣздъ—de conductu см. также кн. I, гл 17, стр. 61).

Кромѣ отдѣльныхъ намековъ, встрѣчающихся въ сказаніяхъ различныхъ восточныхъ авторовъ, [3]) о характерѣ почтовой организаціи въ ордѣ свидѣтельствуетъ до извѣстной степени и такъ называемый Ойратскій уставъ. [4]) Хотя уставъ былъ изданъ только въ 1640 г., но можно счи-

---

[1]) Кн. II, гл. 4, стр. 109, Ср. замѣчанія у Березина, Внутр. устр Золотой Орды, стр. 21—22.

[2]) Кн. II, гл. 4, стр. 109 - 110. Ср. также стр. 151, гдѣ сказано: гонцамъ воеводскимъ, куда бы они не были посланы, обязаны, какъ императорскіе, такъ и другіе люди, давать безпрекословно лошадей и содержаніе, и погонщиковъ, и служителей". Въ общемъ,—картина, весьма напоминающая то, что мы уже знаемъ изъ разсказа Рашидъ-Эддина.

[3]) Напримѣръ, у Эльмуффадаля, гдѣ почтовыя лошади названы „юлакъ". Сборн. матерьяловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, В Тизенгаузена, т. I, стр. 192. Юлакъ назывались курьеры и ихъ подручныя лошади—Гаммеръ-Пургсталль, ц. с., стр. 242. Почтовые домики были черезъ каждые три парассанга—Тамъ-же стр. 243. Также и въ описаніи путешествія Ибнбатуты; у Тизенгаузена, ц. с. стр. 302 и сл.

[4]) Пользуемся текстами, приведенными въ соч. Леонтовича „Древній Монголо-Калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, стр. 65—151. Этимъ сочиненіемъ мы пользовались, принявъ во вниманіе и критическія указанія Н. Попова, Ж. М. Н. Пр., 1879 г., 205, стр. 302—318.

тать достаточно выясненнымъ, что въ главнѣйшихъ чертахъ онъ представляетъ собой кодификацію обще-монгольскаго племенного обычнаго права, нормы котораго сложились много ранѣе времени изданія устава и вѣроятнѣе всего были весьма родственны тѣмъ большею частью обычно-правовымъ нормамъ, которыя нашли выраженіе въ извѣстной намъ лишь въ отрывкахъ ясѣ Чингизъ-хана. [1]) Изъ этого устава видно, что почтовыя лошади (Postpferde, по тексту Палласа) безъ всякихъ отговорокъ должны были даваться каждымъ, кто бы онъ ни былъ, если посланный ѣдетъ для нужнѣйшихъ дѣлъ, то есть для всенародной пользы, буде заболѣетъ главный владѣтель или его супруга и во время приближенія великаго непріятеля. [2]) (По тексту Палласа: 1) по дѣламъ духовенства и религіи, 2) по дѣламъ князя и 3) съ извѣстіями къ князю о войнѣ или вражескомъ нападеніи). Но лошади духовныхъ лицъ, видимо, ни въ какомъ случаѣ не брались подъ посланныхъ. [3]) Ѣдущимъ по нужнѣйшимъ дѣламъ, если они далеко ѣдутъ, полагалось на мѣстѣ ночевки по барану. Если они брали лишнее, подлежали наказанію. [4]) Подлежали наказанію и тѣ, кто ложно выдавалъ себя за посланца. [5]) Посланцы, въ свою очередь оберегались уставомъ отъ обидъ. Эти постановленія—по всей вѣроятности, отголосокъ тѣхъ реформъ Газана, о которыхъ, какъ мы уже знаемъ, разсказываетъ Рашидъ-Эддинъ. [6])

Если всѣхъ этихъ данныхъ недостаточно, чтобы возстановить картину почтовой организаціи въ ордѣ, то достаточно, съ другой стороны, чтобы утверждать, что организація несомнѣнно существовала. Ознакомившись съ удобствами почтовой системы Китая, монголы разносили основы этой организаціи повсюду, куда толкали ихъ завоевательныя ихъ стремленія. Устанавливая по опредѣленнымъ, постоянно од-

---

[1]) Леонтовичъ, ц. с. стр. 13—18 и 188—212.

[2]) Ст. 20, по тексту Палласа—ст. 17.

[3]) Ст. 24, по тексту Палласа—ст. 21.

[4]) Ст. 35, по тексту Палласа 29.

[5]) Ст. 34, по тексту Палласа 28. Уставъ говоритъ о посланцахъ еще въ ст. 31, 32, 36, 124.

[6]) Указъ Газана о почтовой реформѣ приведенъ цѣликомъ въ Zeitschrift für Geschichts und Staatskunde 1835 г., 45. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не могли достать этой книги. Ея нѣтъ и въ Императ. Публ. Библ.

нимъ путямъ, сакмамъ или шлягамъ, [1]) почтовыя станціи (точнѣе—пункты, гдѣ всегда должны были быть наготовѣ свѣжія лошади), они тѣмъ самымъ связывали разбросанное по громадному степному пространству населеніе въ одно цѣлое, приближали его къ мѣсту стоянки хана облегчая вмѣстѣ съ тѣмъ и подвозъ дани съ подвластныхъ народовъ. Насколько серьезное значеніе придавали они такому порядку, видно изъ того, что въ золотой ордѣ существовала особая должность (едва-ли не коллегіальная) почтмейстера—ямчи-щусунчи-ларъ. [2]) Какъ мы уже видѣли, такая организація нисколько не уменьшала значенія требованія, по которому каждый долженъ былъ при извѣстныхъ условіяхъ облегчать путь посланному и вообще ѣдущему къ хану или отъ хана. Это можетъ служить еще однимъ доказательствомъ того, какую важность придавали въ ордѣ правильности и быстротѣ сношеній.

Съ самыхъ первыхъ извѣстій о регулярной ямской гоньбѣ въ Московской Руси она представляется во многихъ отношеніяхъ устроенной по образцу татарскихъ почтъ. Какъ и въ золотой ордѣ, гнали отъ перегона до перегона; какъ и тамъ, на каждомъ перегонѣ спеціальныя лица должны были заботиться о доставленіи ѣдущимъ лошадей, кормъ (хотя и не всегда), проводниковъ; какъ и тамъ, порядокъ ѣзды опредѣлялся особыми грамотами, которыя назывались у насъ подорожными грамотами; наконецъ, какъ и тамъ, устанавливалось правило, что лицо, пользующееся подорожной, почитается ѣдущимъ по приказанію государя, а, слѣдовательно, не должно быть ни въ какомъ случаѣ задерживаемо. Послѣднее опредѣлялось отчетливо указаніемъ, что не только ямщики по ямамъ, т. е. спеціально назначенныя для данной цѣли лица, но гдѣ ямовъ нѣтъ „всѣ люди безъ омѣны, кто чей ни буди" (это выраженіе, какъ увидимъ дальше, имѣетъ свою исторію) должны давать ѣдущимъ средства и способы для дальнѣйшей поѣздки. [3]) Тутъ, слѣ-

---

[1]) Березинъ, Очеркъ, внутр. устр. улуса Джучіева, стр. 456, пр. 7. Сакма—дорога, это выраженіе мы встрѣчаемъ весьма часто и въ нашихъ актахъ. Напримѣръ, Акты Московск. Госуд., I, стр. 2, 3, 57, 58, 60, 147, 149, 189 и др.

[2]) Березинъ, Ханск. ярлык., 2 вып., стр. 31.

[3]) Всѣ эти данныя ясно усматриваются изъ слѣдующей подорож-

довательно, выступаетъ на первый планъ тождественный обѣимъ системамъ основной принципъ: ѣдущій съ подорожной служитъ правительственную службу; всѣ, кто способствуетъ этой службѣ, также служатъ правительственную службу. Одинаковость основного принципа и одинаковость цѣлаго ряда формъ его выраженія — одно это заставляло бы признать русскую ямскую гоньбу устроенной по татарскому образцу.

Но разнося съ собой начала такой организаціи, едва-ли татары навязывали ее подвластнымъ народамъ. Во первыхъ, этому противорѣчатъ, какъ подмѣчено уже давно, тѣ типическія особенности вторженія кочевниковъ въ осѣдлыя страны, и ихъ тамъ господства, которыя удается уловить, несмотря на несомнѣнную скудость памятниковъ. Кочевники обыкновенно устраняли себя отъ всякой заботы о покоренной странѣ, отъ всякаго управленія ею и даже отъ труда собирать подати съ покоренныхъ. Это достигалось посредствомъ оставленія страны въ рукахъ туземныхъ владѣльцевъ, съ обращеніемъ ихъ въ данниковъ, т. е. въ орудія для полученія отъ покоренныхъ въ пользу побѣдителей всего, что первые могли доставить послѣднимъ. Такъ властвовали и

ной великаго князя Іоанна III, одной изъ довольно раннихъ изъ числа извѣстныхъ намъ. Подорожная была выдана въ 1504 г. толмачу Селѣ, везшему изъ Москвы посла Максимиліанова Юстуса Кантингера. (П. Д. Сн., I, стр. 124). Въ ней читаемъ: „чтобы есте давали (по дорозѣ отъ Москвы до Волочка по ямомъ ямощикамъ) Селѣ толмачю, на Максиміанова на королева человѣка на Юдока на Кантингеря двѣ подводы простыхъ да третью подводу съ телѣгою и съ проводникомъ да на Осифа бы есте на жидовина давали подводу простую да подводу съ телегою и съ проводникомъ, да трема бы есте сокольникомъ: Сенкѣ, да Ивашку, да Гридѣ давали три-же подводы простыхъ, а Селѣ бы есте толмачю давали двѣ подводы простыхъ да третью подводу подъ кормъ съ телегою и съ проводникомъ. А отъ Волочка Мстою рѣкою до Нова города по ямамъ ямощикомъ и всѣмъ людемъ безъ омѣны чей кто нибуди, чтобы есте давали Селѣ толмачю суды и гребцовъ подъ нихъ и кормника, и подъ кречаты, и подъ ихъ рухлядь, и подъ кормъ. А изъ Новагорода до Иванягорода по ямомъ ямощикомъ, чтобы есте давали Селѣ толмачю на Юдока, на жида, и сокольникомъ, и самому Селѣ подводы простые и съ телѣгами и съ проводники подъ рухлядь и подъ кормъ по тому-жъ. А какъ поѣдетъ Селя и сокольники съ Иваногорода къ Москвѣ назадъ, и вы бы ямощики Селѣ и сокольникомъ и до Москвы давали пять подводъ отъ яму до яму, не издержавъ ни часу, по сей моей грамотѣ“.

монголы надъ Русью. [1]) Во вторыхъ, кажется, нельзя сомнѣваться, что первоначально на Руси татарскимъ словомъ „ямъ“ обозначали не гоньбу по ямамъ, а особый сборъ, платимый въ орду. Березинъ, какъ уже сказано выше, прямо называетъ ямъ видомъ татарскаго налога, собираемаго съ подвластныхъ народовъ. Къ тому-же приводитъ насъ и разсмотрѣніе княжескихъ договоровъ и завѣщаній: „а коли придетъ дань или ямъ,—читаемъ мы тутъ [2]),—и княгиня моя дастъ съ тѣхъ волостей и селъ по розчету, што ся иметъ“. Дань и ямъ, слѣдовательно, одинаково приходятъ и одинаково даются съ волостей по разсчету. Ямъ какъ и дань, черезъ великихъ князей шелъ въ орду: „а переменетъ Богъ орду, не иму давати татарамъ и тобѣ имати дань и ямъ собѣ“. [3]) Для сбора яма посылались особые сборщики—ямщики, ямники, упоминаемые рядомъ съ другими видами сборщиковъ: „въ околицу его не въѣзжаютъ ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ“, или; „ни поѣздове, ни ключницы, ни ямникъ, ни боровникъ“. [4]) Этотъ сборъ, видимо, имѣлъ значеніе какъ бы откупа въ пользу татаръ отъ ямской повинности, не отбывавшейся въ натурѣ. Точнѣе—такой сборъ являлся примѣромъ распространенія на подвластный народъ понятій, привычныхъ для побѣдителей и очень удобныхъ, чтобы служить предлогомъ для новыхъ поборовъ. Понятіе оставалось безъ содержанія, но это не мѣшало пользоваться имъ для финансовыхъ цѣлей. Такъ какъ обязанность давать подводы была извѣстна у насъ много раньше татарскаго нашествія, то и нужды татаръ въ средствахъ сообщенія должны были найти достаточное удовлетвореніе въ этой уже извѣстной повинности. Татарамъ не было къ-тому же никакой выгоды настаивать на введеніи въ русской землѣ регулярной гоньбы по образцу татарской, такъ какъ откупъ отъ нея могъ охватывать все населеніе, въ то время, какъ исполненіе повинности въ натурѣ, осуществлявшееся и безъ

---

[1]) В. Григорьевъ, „Объ отнош. между кочев. народ. и осѣдл. госуд.“ Ж. М. Н. Н. Пр., т. 178, стр. 4.

[2]) Г. Г. Д., I, 39, 40—42.

[3]) Г. Г. Д., I, 43—44, 49 - 50.

[4]) А. И., I, 2, 13, 14, 36.

того въ видѣ подводной повинности, главнымъ образомъ, падало бы на придорожное населеніе.

Если бы татары, разгромивъ землю русскую, ввели въ ней свои ямы, то естественнѣе всего было бы найти какіе-либо слѣды этихъ ямовъ въ великомъ княжествѣ рязанскомъ, этой всегда первой жертвѣ татарскаго погрома. Такихъ слѣдовъ однако, нѣтъ. [1]) Если бы татарскій ямъ понимался какъ учрежденіе для облегченія гоньбы, то слѣдовало бы ожидать, что найдутся какія-либо указанія на особыхъ татарскихъ чиновниковъ, которые завѣдывали бы такой гоньбой. Такихъ указаній также нѣтъ. Предположивъ даже, что татары, поручая сборъ дани князьямъ, поручали имъ и заботу о татарскихъ ямахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобы князья стали отягощать и безъ того отягощенное татарскими поборами населеніе новой повинностью въ дополненіе къ повинности давать кормъ и подводы, существовавшей издревле, вполнѣ пригодной и для татарскаго проѣзда. Первыя-же упоминанія о ямѣ, какъ сказано выше, встрѣчаются уже въ послѣдней четверти XIII вѣка, т. е въ самый разгаръ татарскаго гнета. Наконецъ, если бы ямъ съ самаго начала означалъ повинность держать на извѣстныхъ пунктахъ лошадей для проѣзда, то очевидно, пришлось бы предположить, что ямская натуральная повинность, несомнѣнно болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ подводная, и подводная натуральная повинность были лишь двумя выраженіями одного и того-же понятія. Тогда непонятно, почему ямъ и подвода упоминаются рядомъ другъ съ другомъ въ одномъ и томъ-же ханскомъ ярлыкѣ. Подвода есть повинность давать лошадей проѣзжающимъ гонцамъ, княжескимъ слугамъ и т. д.; ямъ является тутъ сборомъ на устроеніе гоньбы татарами у себя въ ордѣ, точнѣе откупомъ за не-

---

[1]) Въ Приб. къ общ. цирк. по главн. упр. почтъ и тел. 1843 г., № 5, стр. 2. авторъ видитъ въ грамотахъ Олега Рязанскаго важныя свѣдѣнія о началѣ ямской гоньбы. Но такое мнѣніе основано, очевидно, на пониманіи „ямьщика“ и „ямника“, какъ ямского стройщика. Иловайскій, Ист. Ряз. Кн. въ Сочин., изд. 1884 г., стр. 193, считаетъ дань и ямъ въ Рязанскомъ княжествѣ податьми. Отмѣтимъ, кстати, что еще и въ 1501 г. въ рязанской землѣ ямовъ не было, что видно изъ наказовъ великаго князя Іоанна III при отпускѣ кафинскаго посла, ѣхавшаго на Рязань и Ряжскъ. Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 411—413.

отбывавшуюся въ натурѣ повинность, видомъ татарскаго налога. [1]) По логикѣ вещей денежный сборъ, создавшійся подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же потребностей, какъ и натуральная повинность, могъ иногда отождествляться съ натуральной повинностью. Вотъ почему нашему предположенію не можетъ противорѣчить и то, напримѣръ, что въ извѣстной уставной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріана, мы, между прочимъ, находимъ слѣдующее указаніе: „а ямъ по старинѣ шестый день, а коли мои села князя великаго дадутъ тогда и митрополичьи дадутъ". [2]) Здѣсь ямъ ни въ какомъ случаѣ не обозначаетъ сбора, указывая, что уже не только къ этому времени (1389—1404 г.г.), но и раньше (въ грамотѣ сказано: по старинѣ) ямъ иногда понимался въ смыслѣ повинности. Но понималась-ли здѣсь повинность собственно ямская, т. е. регулярная гоньба отъ яма до яма? Едва-ли. Гораздо вѣрнѣе предположить, что „ямъ" употребленъ въ грамотѣ вмѣсто „подвода", т. е. натуральная повинность названа именемъ сбора, еще не имѣвшаго, быть можетъ, въ дѣйствительности опредѣленнаго назначенія, и смѣшиваемаго съ натуральной повинностью, что не разъ встрѣчается въ актахъ и значительно позднѣйшаго времени, и именно тамъ, гдѣ, вмѣсто ямскихъ учрежденій, ямскую гоньбу гоняли міромъ. Подробнѣе объ этомъ мы здѣсь говорить не будемъ, но прибавимъ, что ни въ костромскомъ городѣ Лухѣ, ни въ владимірской Сенегской волости, о которыхъ говорится въ уставной грамотѣ, мы не встрѣчаемъ ямскихъ учрежденій еще и пятьдесятъ лѣтъ спустя. [3]) Князья русскіе, во многихъ отношеніяхъ, какъ

---

[1]) Горбуновъ, Льготн. грам., жалован. мон. въ 13—15 в.в., Арх. ист. и практ. свѣд Калачова, 60—61 г., кн. 5, стр. 77, говоритъ: „кажется, ямомъ назывался уже существовавшій въ это время денежный сборъ съ тѣхъ селъ и деревень, которые по отдаленности отъ линіи сообщеній, тѣмъ самымъ исключались отъ обязанности отправлять ямскую повинность въ натурѣ". Милюковъ, ц. с., стр. 22, соглашаясь съ этимъ, думаетъ, однако, что въ общемъ, вѣроятно, ямъ древнѣйшихъ документовъ означаетъ повинность, а не налогъ.

[2]) А. Э., I, 9.

[3]) Любопытно сравнить: еще до нашихъ почти дней тамъ, гдѣ отбываютъ гоньбу міромъ, берется понедѣльно тройка съ пая или по лошади на недѣлю, А. Харузинъ, Свѣдѣн. о казацк. общ. на Дону, стр. 276.

извѣстно, и довольно быстро усвоившіе финансовую систему орды, постепенно стали, сверхъ ямского сбора въ орду собирать ямской сборъ и въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, уже въ грамотахъ конца 14 вѣка встрѣчаемъ указанія на ямъ и на татарскій ямъ, какъ на два различныхъ сбора. Такъ, нерѣдко при освобожденіи отъ подводъ и яма, въ грамотахъ дѣлается оговорка: „опричь татарскаго яму". [1]) Однако, и съ возникновенія этого особаго ямского сбора въ пользу князей нѣтъ еще достаточныхъ основаній предполагать начало регулярной гоньбы. Собирая ямъ въ свою пользу, князья только сохраняли тутъ терминологію, къ которой населеніе успѣло привыкнуть, но обозначеніе налога могло не соотвѣтствовать его назначенію [2]); если случайно и соотвѣтствовало, хотя, повторяемъ, доказательствъ въ пользу такого соотвѣтствія мы не могли найти, то все таки было бы безполезно искать здѣсь слѣдовъ какой либо системы.

Къ этимъ-же выводамъ приводитъ насъ еще и слѣдующее. Въ чьихъ интересахъ было въ описываемое время стремиться къ учрежденію регулярной гоньбы? О томъ, что татары были достаточно обезпечены подводной повинностью, мы уже говорили, какъ говорили и о томъ, что откупъ отъ устройства ямовъ, который могъ взиматься со всего населенія, былъ для нихъ гораздо выгоднѣе. Населеніе не имѣло цѣли стремиться къ устройству регулярной гоньбы, потому что послѣдняя явилась бы лишь новой тяжестью, придаткомъ къ повинности подводной. Кромѣ того, она не освобождала бы и отъ яма, какъ сбора, такъ какъ не въ обычаяхъ финансовой системы того времени было уничтожать сборы, разъ заведенные. Регулярная гоньба не представляла тогда серьезныхъ выгодъ и для князей, такъ какъ, если бы существовала, дѣлала бы владѣнія каждаго болѣе доступными, подвергая, слѣдовательно, новымъ опасностямъ въ эпоху и безъ того смутную и тяжелую. Кромѣ того, регулярная гоньба

---

[1]) А. И., т. I, 74, А. Юр. б. (Кал.), т. I, 31, XI, XIV, XVII. Подобныхъ указаній весьма много въ жалованныхъ грамотахъ, изданныхъ въ позднѣйшее время. Напр., въ Актахъ, изд. Юшковымъ, въ Актахъ Спасскаго монастыря, въ Актахъ, изд. Шумаковымъ и т. д.

[2]) Кури, „О прям. налог. въ древн. Руси", Юрид. Сб. Мейера, стр. 142, со словъ Карамзина, считаетъ конецъ 14 вѣка временемъ, когда дань взималась и представлялась въ орду самими князьями.

потребовала бы довольно сложной системы управленія, для каковой не было ни силъ, ни средствъ въ порабощенной татарами и раззоренной удѣльной системой странѣ. Для непосредственныхъ-же надобностей каждаго князя и его чиновниковъ съ успѣхомъ могла служить все та-же исконная повинность населенія давать подводы, кормъ и проводниковъ.

Такимъ образомъ, можно думать, что, несмотря на существованіе у завоевателей-татаръ регулярной ямской гоньбы, какъ болѣе или менѣе организованной системы, татарское вліяніе на Русь въ этомъ отношеніи первоначально и довольно долгое время выражалось лишь въ томъ, что въ число налоговъ былъ включенъ новый видъ, ранѣе неизвѣстный, называвшійся ямомъ и опредѣлявшійся, какъ сборъ татарамъ на гоньбу, по существу-же имѣвшій значеніе откупа отъ гонебной повинности. Постепенно, едва-ли позднѣе конца 14 вѣка, ямъ, какъ сборъ, вошелъ и въ княжескую финансовую систему. Это-же повело мѣстами къ смѣшенію двухъ понятій—яма и подводы, гдѣ ямъ могъ означать или обязанность выставлять подводы, или откупъ отъ подводной повинности. Но образецъ ямской регулярной гоньбы былъ уже извѣстенъ, почва для учрежденія ея была достаточо подготовлена издавна существовавшей подводной повинностью, названіе, въ виду уже происшедшаго отождествленія сбора и его цѣли, твердо укоренилось, самый сборъ для устройства гоньбы уже существовалъ, хотя и не поступалъ сообразно назначенію—оставалось сложиться обстоятельствамъ, которыя обострили бы потребность въ правильномъ и возможно быстромъ сообщеніи, чтобы на почвѣ подводной повинности, по образцу, видѣнному у татаръ, подъ названіемъ у нихъ заимствованнымъ, возникла регулярная ямская гоньба. Такими обстоятельствами явилось какъ общее—постепенное объединеніе русской земли Москвой, какъ частное—начало централизаціи внутренняго управленія.

Соотвѣтственно сказанному разрѣшается и вопросъ о времени появленія у насъ первыхъ ямовъ, т. е. опредѣленныхъ пунктовъ, спеціальныхъ станцій для перемѣны лошадей. Вопросъ этотъ, не вызывая въ литературѣ большихъ споровъ, рѣшается, однако, весьма разнообразно. [1]) Точно

[43]) Вотъ главнѣйшія мнѣнія: Гр. Толстой, ц. с. 50, думаетъ, что ямы существ вали уже въ половинѣ 14 вѣка; то-же утверждаетъ и Бржозов-

мы знаемъ лишь то, что регулярная ямская гоньба велась по различнымъ дорогамъ при Іоаннѣ III. Во первыхъ, до насъ дошли нѣсколько подорожныхъ его времени [1]); во вторыхъ, великій князь въ духовной грамотѣ своей завѣщалъ дѣтямъ: „а сынъ мой Василей въ своемъ великомъ княженье дръжыть ямы и подводы, на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы при мнѣ. А дѣти мои Юріи зъ братьею по своимъ отчинамъ държатъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы по дорогамъ при мнѣ". [2]) Извѣстно также, что во времена Іоанна была особая должность ямского дьяка [3]); можно прослѣдить, когда именно были учреждены Іоанномъ нѣкоторые новые ямы. [4])

Но если мы устанавливаемъ, что едва-ли ямская регу-

скій, ц. с., стр. 346. Бѣляевъ, Лекціи по ист. рус. закон., стр. 198, относитъ первые ямы ко второй половинѣ 13 вѣка; Домбровскій, О ямахъ до конца XVII вѣка, Ж. М. Н. Пр., 1841 г., XXI, стр. 123 къ 13 вѣку. Анонимный авторъ „Ист. обозр. почтъ въ Россіи". въ Приб. къ общ. цирк. по главн. управл. почтъ 1843 г., № 5, стр. 2, къ началу 15 вѣка; тоже думаетъ и Соловьевъ, Ист. Р., т. I, стр. 1543. Владимірскій-Будановъ, Обз. Ист. Рус. Пр. изд. 3, стр. 226, относитъ учрежденіе ямщиковъ ко времени около половины 15 вѣка. Карамзинъ, Ист. госуд. Росс., изд. Эйнерлинга, 1842 г. т. VI, стр, 222, приписываетъ учрежденіе ямовъ Іоанну III; то-же говоритъ и Гагемейстеръ, Розыск. о фин. древн. Россіи, стр. 69. Того-же мнѣнія и Мулловъ, Истор. Обозр. прав. мѣр. по устр. город. общ. упр., стр. 34. Лешковъ, ц. с., стр. 24 и „Рус. нар. и госуд.", стр. 318, считаетъ, что ямская гоньба у насъ такъ-же древня, какъ и повинность давать подводы. Лихачевъ. „Разрядн. дьяки", стр. 49, относя ямскую повинность и ямскую гоньбу къ глубокой древности, видимо того-же мнѣнія.

[1]) Памятн. дипломат. снош., т. I стр. 23, 112 и др. Сб. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 79, 83, 93, и др., т. XLI, стр. 132, 443 и др.

[2]) Г. Г. и Д., I, 144.

[3]) Этотъ вопросъ поставленъ еще Лихачевымъ, „Разрядные дьяки", стр. 49—51. О ямскомъ дьякѣ упоминается въ духовн. завѣщ. Іоанна III; еще раньше (въ 1492 г.)—въ А. Юр. (Кал.), I, 118, IV. Такъ приводитъ и Лихачевъ, ц. м. Мы нашли упоминаніе о ямскомъ дьякѣ отъ 1490 г. Записн. кн. крѣпостн. акт. 15—16 в. в., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву, изд. археол. ком. подъ ред. Лаппо-Данилевскаго, № 353. Попытку разъяснить этотъ вопросъ читатель найдетъ дальше.

[4]) Такъ между 1490 г. и 1492 гг. были учреждены ямы отъ Новгорода до Нѣмецкаго рубежа, что видно изъ сравненія подорожныхъ Юрію Греку и Василію Кулешину (П. Дипл. Сн., I, стр. 48) съ подорожной Зезевитову (ibid., стр. 112).

лярная гоньба существовала еще въ началѣ 15 вѣка и, съ другой стороны, точно знаемъ, что она существовала при Іоаннѣ III, то не этотъ-ли великій князь и былъ ея учредителемъ? Есть основаніе думать, что Іоаннъ III ставилъ учрежденіе ямовъ въ свою личную заслугу. Мы заключаемъ это изъ разсмотрѣнія его духовнаго завѣщанія: гдѣ говорится о чемъ либо изстари существовавшемъ, употребляется выраженіе „по старинѣ“ или „по старинѣ и какъ было при мнѣ“, а гдѣ говорится о чемъ-либо вновь заведенномъ, употребляется выраженіе „какъ было при мнѣ“. О ямахъ говорится, какъ уже сказано выше, именно въ этихъ послѣднихъ выраженіяхъ. [1]) Мы знаемъ также, что еще въ

---

[1]) Этотъ оттѣнокъ можно прослѣдить по всему тексту завѣщанія. „Какъ было при мнѣ“ упоминается въ завѣщаніи 15 разъ. 1) „Да сыну-жъ своему Василею даю городъ Дорогобужъ... со всѣмъ тѣмъ, что къ Дорогобужу и къ тѣмъ волостямъ и селамъ потягло, какъ было при мнѣ“. Здѣсь идетъ рѣчь о Дорогобужѣ литовскомъ, что ясно изъ перечня дорогобужскихъ волостей. Дорогобужъ былъ взятъ у Литовцевъ воеводой Іоанна Юріемъ Захарьичемъ въ 1500 г. П. С. Р. Л., VIII, стр, 239. 2) „Да сыну-жъ своему Василею даю городъ Белоозеро... со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было при мнѣ“. Бѣлоозеро Іоаннъ III получилъ по духовной грамотѣ отъ кн. Михаила Андреевича Верейскаго Г. Г. и Д., I, 121. 3) „Да сыну-жъ своему Василею даю Вяцкую землю всю... и съ Арскими князьями, какъ было при мнѣ“. Арскіе князья были впервые покорены Іоанномъ III, какъ и Вятская земля окончательно присоединена имъ. П. С. Р. Л., VI, 239. 4) Говоря о князѣ Ѳеодорѣ Бѣльскомъ, которому онъ далъ въ вотчину городъ Лухъ, Іоаннъ III добавляетъ: „а ту свою вотчину дръжатъ по тому, какъ было при мнѣ“. 5) „А которые князи служебные въ Московской землѣ и въ Тверской землѣ: и тѣ князи всѣ служатъ сыну моему Василею, а вотчины свои дръжатъ по тому, какъ было при мнѣ“. Мы не будемъ здѣсь разбирать вопроса о служебныхъ князьяхъ—вопроса, который еще во многихъ отношеніяхъ ждетъ разслѣдованія,—но это не препятствуетъ утверждать, что при Іоаннѣ III положеніе служебныхъ князей съ вотчинами и безъ вотчинъ во многомъ было измѣнено великимъ княземъ. Такъ, онъ переводитъ князя Михаила Мезецкаго изъ Мезечевска (передаетъ сыну Дмитрію) въ Алексинъ, отнявъ при этомъ у него право суда, предоставленное сыну Василію. Принимая къ себѣ князей, онъ даетъ имъ города (напримѣръ, Осипу Дорогобужскому Ярославль, Андрею Микулинскому—Дмитровъ, П С. Р. Л. VI, 237), но въ завѣщаніи своемъ отказываетъ эти города сыну Василію вмѣстѣ съ князьями. Такимъ образомъ, отношенія, слагавшіяся до Іоанна III, при немъ получили несомнѣнно новый поворотъ. Это и выражается великимъ княземъ въ его завѣщаніи. Ср. Соловьевъ, Ист. Рос., I, стр. 1512 и сл., Сергѣевичъ, Юридич. древн., т. II

1476 г. ямы, если и были, то, вѣроятно, по очень немногимъ дорогамъ; ихъ не было и по тѣмъ, которыя имѣли государственное значеніе. Такъ, по одной изъ важнѣйшихъ дорогъ—дорогѣ изъ Москвы на Вязьму и Смоленскъ къ границѣ Литовской, ямовъ еще не было. Это видно изъ описанія поѣздки Контарини изъ Москвы на Троки черезъ Вязь-

---

вып. I, кн. 4, стр. 302—319. 6) „Со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Торопцу и къ Острею и къ тѣмъ волостямъ потягло, какъ было при мнѣ". Торопецъ былъ взятъ послѣ битвы при Лопати (П. С. Р. Л., II, 262). 7) „Да сыну-жъ своему Юрію даю городъ Брянескъ... и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Брянску и къ Сернѣйску и къ тѣмъ волостямъ потягло, какъ было при мнѣ". Брянскъ былъ взятъ въ 1500 г. (П. С. Р. Л., VIII, 239), а Сернѣйскъ въ 1493 г. (П. С. Р. Л., VIII, 225), 8) „А что есми свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу и тотъ торгъ торгують на Молозе съѣзжаяся, какъ было при мнѣ". Тутъ прямое указаніе, что новшество заведено Іоанномъ III. 9) „Да сыну-жъ своему Дмитрею... городъ Опаковъ со всѣмъ... съ тѣмъ, что къ Опакову и къ темъ волостемъ потягло, какъ было при мнѣ". Опаковъ былъ взятъ одновременно съ Сернѣйскомъ и Мѣзеческомъ. (П. С. Р. Л., VIII, 225). 10) „Да благословляю сына своего Андрѣя, даю ему... городъ Любутескъ съ волостями и со всѣми пошлинами, и со всѣмъ, что къ нему потягло, какъ было при мнѣ". Мы знаемъ, что великій князь воевалъ Любутскъ въ 1492 г., знаемъ, что по договору 1494 г. Любутскъ опять перешелъ къ Литовцамъ, если судить по прим. 395, къ т. VI Ист. Карамзина. По словамъ лѣтописи, однако, Любутскъ остался за Москвой (П. С. Р. Л., VIII, стр. 227). 11) „А сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣламъ въ Московской землѣ и въ Тверской денегъ дѣлати не велять; а деньги велить дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Твери, какъ было при мнѣ". Чичеринъ, въ Опыт. по истор. русскаго права, въ ст. Дух. и догов. грам., изд. 1858 г., стр. 323—324, видитъ здѣсь новшество уже въ томъ, что, запрещая удѣльнымъ князьямъ чеканить монету, Іоаннъ III постановилъ ограниченія власти удѣльныхъ князей. Тоже говоритъ и Соловьевъ Ист. Россіи, I, стр. 1500. Для насъ важно установить, что въ завѣщаніяхъ, предшествовавшихъ данному, мы такого ограниченія не находимъ. 12) „А что есми подавалъ дѣтемъ своимъ селца у Москвы зъ дворы зъ городцкими на посадахъ: и дѣти мои въ тѣхъ дворехъ торговъ не дръжатъ, ни житомъ не велятъ торговати, ни лавокъ не ставятъ, ни гостей съ товаромъ иноземцевъ, и изъ Московскіе земли и изъ своихъ удѣловъ въ своихъ дворахъ не велятъ ставити; а ставятся гости съ товаромъ иноземци, и изъ Московскіе земли и изъ ихъ удѣловъ на гостиныхъ дворехъ, какъ было при мнѣ". Соловьевъ, ц. м., видитъ и въ этомъ ограниченіе правъ удѣльныхъ князей въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности, потому что, складываясь въ гостиныхъ дворахъ, пріѣзжіе гости платили пошлины на великаго князя, а не на удѣльнаго. Для 1586 г. читаемъ: „а ставятца

му и Смоленскъ. „Нужно замѣтить, говоритъ Контарини, [1]) что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 21 января, по самый день прибытія въ Троки, т. е. по 12 февраля, мы постоянно ѣхали по ровному лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по

иныхъ земель гости съ товары своими и торгуютъ на гостиныхъ дворехъ, какъ ведетця въ нашихъ государствахъ издавна, и пошлины съ дворовъ и съ опбаровъ даютъ". Сб Ист. Общ. т. 38, стр. 165. До Іоанна III на такой порядокъ указаній нѣтъ. Ср. Бѣляевъ, о поземельномъ владѣніи въ моск. госуд., Вр. О. И. Д. Р., кн. 11, стр. 37. 13) „А кто учнетъ въ детей моихъ сельцехъ и во дворехъ въ городныхъ торговати съестнымъ товаромъ: и сынъ мой Василей тѣхъ торговъ не велитъ сводити, а пошлину полавочную съ нихъ беретъ сына моего приказщикъ, какъ было при мнѣ". Этотъ пунктъ завѣщанія находится въ прямой связи съ предъидущимъ. Сама по себѣ тщательность и подробность въ изложеніи требованій, опять таки клонящихся къ возвеличенію великаго князя надъ удѣльными, показываетъ, что это былъ новый порядокъ. Такое утвержденіе можетъ быть доказано еще тѣмъ, что, говоря далѣе о распредѣленіи судебныхъ пошлинъ съ селъ въ Московскихъ станахъ, Іоаннъ III прямо опредѣляетъ, что душегубствомъ и поличнымъ тѣ села тянутъ къ городу къ Москвѣ по старинѣ. Ср. А. Э. I, 115. 14) „А грамоты полные и докладные на Москвѣ пишетъ дьякъ ямъской сына моего Васильевъ, какъ было при мнѣ". Какимъ образомъ и почему ямской дьякъ долженъ былъ писать докладныя и полныя грамоты этимъ вопросомъ очень заинтересовался уже Лихачевъ. Разряди. дьяки, стр. 49—51. Онъ рѣшаетъ его такъ: приказъ тутъ былъ личный, добавочный къ основному; причину такого соединенія авторъ видитъ въ старомъ обычаѣ—„какъ было при мнѣ". Оставляя за собой въ дальнѣйшемъ подробнѣе вернуться къ вопросу, скажемъ, что едва-ли правъ г. Лихачевъ, когда придаетъ словамъ „какъ было при мнѣ" значеніе стараго обычая. Рѣшить этотъ вопросъ можно только при условіи, что будетъ найдена докладная, относящаяся ко времени до Іоанна III. (Послѣ Іоанна III докладныя писались ямскими дьяками еще въ 1553 г., какъ это видно изъ А. Э., I, 237 и даже въ 1554 г. какъ видно изъ зап. кн. крѣп. акт. явл. Алябьеву № 356). Если бы, однако, порядокъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, существовалъ до Іоанна III, представлялось бы трудно объяснимымъ, зачѣмъ великій князь нашелъ нужнымъ указать его такъ точно и подробно въ духовной. Наконецъ, 15) указанное въ текстѣ настоящей работы мѣсто о ямахъ. Въ литературѣ, кажется, только Чичеринъ, ц. с, стр. 315, имѣлъ въ виду придать словамъ „какъ было при мнѣ" значеніе указанія на новые порядки. Болѣе опредѣленно говоритъ только Бѣляевъ, ц. с., стр. 37.

[1]) Библ. иностр. писат. о Россіи, пер. Семенова, изд. 1836 г., т. I. стр. 116—118. Въ изданіи (гаескомъ, 1735 г.) Бержерона, стр. 56, 57.

дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха; чаще-же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень останавливались мы для обѣда и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго, вѣроятно, путниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега". Дорогу отъ Москвы до Вязьмы и, въ особенности, отъ Вязьмы до Смоленска, Контарини совершалъ безостановочно, перемѣнивъ лишь даннаго великимъ княземъ проводника въ Вязьмѣ и въ Смоленскѣ. [1]) Если бы на пути встрѣчались ямскія учрежденія, такой наблюдательный путешественникъ непремѣнно отмѣтилъ бы ихъ, какъ впослѣдствіи это дѣлали всѣ путешественники. Нѣтъ извѣстій о ямской гоньбѣ также и у Барбаро, хотя онъ спеціально касается вопроса о томъ, какъ совершаютъ москвитяне свои путешествія. [2])

Если все это не показываетъ еще съ очевидной несомнѣнностью, что до Іоанна III ямской гоньбы у насъ не было, то доказываетъ, во всякомъ случаѣ, что только Іоанномъ III было придано ей административное значеніе и что только съ этого времени она начала складываться въ систему. Слѣдовательно, если понимать подъ ямской гоньбой извѣстную форму регулярнаго сообщенія, т. е. гоньбу отъ перегона до перегона, при существованіи спеціальныхъ лицъ, ее вѣдавшихъ, то началомъ гоньбы слѣдуетъ считать годы великокняженья Іоанна III.

Такое объясненіе представляется тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что только со второй половины 15 вѣка начало завершаться объединеніе Москвой земли русской, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ, и что съ того-же времени начало централизоваться внутреннее управленіе. Ямы же, во всякомъ случаѣ, насколько можно судить объ этомъ по сохранившимся даннымъ, были учрежденіемъ, созданнымъ властью, а не вызваннымъ народными потребностями и потому такимъ, которое могло бы сложиться само собой. Ямы къ тому-же были созданы властью и не для населенія, а исключительно для себя. Съ такимъ характеромъ являют-

---

[1]) Ямы въ Смоленской землѣ были учреждены около 1514 г. Г. Г. Д., I, 148.

[2]) Библ. Иностр. пис. о Рос., т. I, стр. 58—59.

ся они въ концѣ 15 вѣка, эту основную черту сохраняютъ и до конца 17 вѣка Герберштейнъ, напримѣръ, называетъ ямы учрежденіемъ для княжескихъ гонцовъ [1]) Даніилъ Принцъ изъ Бухова прибавляетъ, что занимающіеся торговлей и ѣдущіе въ Московію частнымъ образомъ терпятъ большія непріятности и большія затрудненія [2]) Когда въ 1603 г. къ Борису Годунову явилось посольство отъ Ганзы, которое въ своей челобитной, между прочимъ, просило, чтобы подъ товары ганзейскихъ купцовъ было разрѣшено нанимать ямскихъ лошадей, царь приказалъ отвѣтить, что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственственно для гонцевъ правительства и для пословъ чужеземныхъ. [3]) Такой-же взглядъ на ямы господствовалъ еще и во времена Олеарія. [4]) Мы знаемъ также, что въ то время, какъ важнѣйшіе торговые пути долго еще остаются необезпеченными или плохо обезпеченными ямской гоньбой, другіе пути, разъ только опредѣлялось ихъ значеніе, какъ путей посольскихъ или путей, по которымъ шла казна въ Москву, вызываютъ усиленныя заботы. Такъ, мы читаемъ о затруднительности сѣверныхъ торговыхъ путей и у Герберштейна, [5]) и еще у Логана и Порсглова для 1611 г.; [6]) о томъ, въ какомъ положеніи были южные торговые пути въ концѣ 16 вѣка достаточно говоритъ Поссевинъ. [7]) Между тѣмъ отъ Новгорода до нѣмецкаго рубежа уже въ 1492 г. существовали ямы, хотя путь пролегалъ мѣстами пустынными и малонаселенными. [8])

---

[1]) Записки о Московіи, пер. Анонимова, стр. 87.

[2]) Чт. О. И. Д. 1877 г., 4, стр. 73.

[3]) Карамзинъ, т. XI, стр. 48.

[4]) Цитируемъ по перев. Барсова, стр. 226.

[5]) Герберштейнъ, стр. 119, 121, 122. Говоря здѣсь о пути Москва—Переяславль—Ярославль—Вологда, путешественникъ, со словъ бывалыхъ людей, замѣчаетъ, что въ этихъ странахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго исчисленія пути по причинѣ частыхъ болотъ и лѣсовъ.

[6]) Гамель, Англичане въ Россіи, изд. 1865 г., стр. 194—196.

[7]) Moscovia, вилен. изд., 1586 г., стр. 4.

[8]) Шторхъ, Historisch statist. Gemälde des Russisch. Reichs, ч. VII, стр. 241, думалъ, что ямы обязаны были своимъ происхожденіемъ частной промышленности. Но уже Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 366, справедливо, отмѣтилъ, что, если иногда политическіе и административные интересы правительства и торговыя выгоды населенія отъ существованія на иныхъ дорогахъ ямовъ совпадали, то это не больше какъ случайность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что ямская гоньба, развивавшаяся, очевидно, на почвѣ подводной повинности, но получившая затѣмъ самостоятельную исторію, отнюдь не сдѣлала подводную повинность излишней. У насъ имѣется не мало данныхъ судить, что еще въ 17 вѣкѣ подводная повинность дополняла ямскую гоньбу, иногда шла параллельно съ ней. Съ точки зрѣнія управленія ямская гоньба была значительнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ только со времени учрежденія этой гоньбы достигалась быстрота и правильность сношеній, что, конечно, представлялось весьма важнымъ для цѣлей управленія. Но съ точки зрѣнія населенія, ямская гоньба вызывала необходимость лишь въ новыхъ жертвахъ.

Всѣ свѣдѣнія, замѣтимъ при этомъ, о первыхъ ямахъ ведутъ насъ къ Москвѣ, [1]) какъ къ исходному пункту и къ Іоанну III, какъ къ ихъ учредителю.

[1]) Достойно вниманія, что въ первыхъ годахъ 16 вѣка (напримѣръ, до 1510 г.) ямовъ не было во всѣхъ русскихъ земляхъ, не слившихся еще съ Москвой. Ямовъ не было въ Рязанской землѣ—объ этомъ было уже сказано: не было и въ Псковѣ—имѣются прямыя указанія въ Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 93. (Ямовъ не было въ Псковѣ и прежде): не было въ Смоленскѣ—учреждены тутъ какъ уже сказано выше въ 1514 г.

II.

Отъ времени великаго князя Іоанна III до конца первой половины 16 вѣка ямская гоньба въ Московской Руси рисуется намъ въ слѣдующемъ видѣ. По нѣкоторымъ дорогамъ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга были учреждены станціи, называвшіяся ямами, имѣвшія значеніе пунктовъ, куда окрестное населеніе должно было выставлять опредѣленное количество подводъ; въ случаяхъ особой надобности сюда-же сгонялось и большее противъ нормы число подводъ; сюда-же населеніемъ доставлялся и кормъ. Ямы были разнаго значенія и потому, вѣроятно, и разнаго размѣра. Больше другихъ были ямы, расположенные у значительныхъ городовъ. Если ямъ стоялъ на судоходной рѣкѣ, то, во время судоходства, пословъ, гонцовъ и ѣздоковъ великаго князя отпускали на судахъ, давая гребцовъ и кормчихъ. Каждымъ ямомъ завѣдывали ямщики; самую-же гоньбу гнали тѣ, чья очередь была доставлять на ямы подводы, или нанятые этими очередными вмѣсто себя. Ямъ состоялъ изъ ямского двора, заключавшаго въ себѣ двѣ - три избы, сѣнники и конюшни. Обыкновенно къ ямскому двору прирѣзывалась пашня и земля подъ сѣнокосъ; земли эти отдавались ямщикамъ. Къ нѣкоторымъ ямамъ, но обыкновенно, вмѣсто ямской земли, по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемый періодъ, придавались деревни, доходы съ которыхъ шли ямщикамъ. На однихъ ямахъ было больше ямщиковъ, на другихъ—меньше, но много ихъ въ это время не было нигдѣ; обыкновенно—двое или трое. Право пользоваться ямскими подводами и кормомъ на ямахъ опредѣлялось для каждаго случая особой подорожной. Имѣются основанія предполагать, что уже и въ этомъ періодѣ существовало центральное управленіе ямской гоньбой.

Такова схема. Обратимся къ разсмотрѣнію данныхъ, покоящихся въ ея основѣ.

Мы уже знаемъ, что великій князь Іоаннъ III завѣщалъ своимъ дѣтямъ держать ямы и подводы по своимъ отчинамъ на тѣхъ дорогахъ, на какихъ ямы и подводы были при немъ. Великій князь завѣщалъ этимъ не только новое учрежденіе, имъ введенное, но и указалъ отношеніе къ этому учрежденію. По тѣмъ дорогамъ - онъ имѣлъ здѣсь въ виду тотъ принципъ, который руководилъ имъ при учрежденіи ямовъ по извѣстнымъ дорогамъ. Не только удобства, которыя достигались, благодаря быстротѣ и правильности сношеній по ямамъ, привели его къ созданію ямского строя, но и иныя соображенія—политическія. Видя задачу Москвы въ распространеніи ея вліянія и усиленіи ея значенія и понимая, что достичь этого скорѣе всего можно путемъ дипломатическихъ сношеній съ одними и путемъ централизаціи власти по отношенію къ другимъ, онъ взглянулъ на ямскія учрежденія, какъ на одно изъ вполнѣ пригодныхъ средствъ для достиженія этихъ цѣлей. Присоединивъ землю Тверскую, Новгородскую, получивъ княжество Бѣлоозерское и сдѣлавъ рядъ пріобрѣтеній на рубежахъ нѣмецкомъ и литовскомъ, а также отодвинувъ вліяніе Москвы далѣе на югъ, юго-востокъ и востокъ, Іоаннъ, вездѣ, куда простиралъ свое вліяніе, устанавливалъ правильное сообщеніе. Каждую дорогу, которая могла имѣть значеніе для Москвы, какъ путь посольскій или какъ путь, которымъ шла бы до предѣловъ недавно присоединенной области воля великаго князя, превращался въ ямской путь, и цѣпь ямовъ по этому пути служила, такимъ образомъ, великому князю большую государственную службу. Трудно, конечно, поручиться, что дошедшія до насъ свѣдѣнія даютъ полный перечень дорогъ, по которымъ при Іоаннѣ III были учреждены ямы. Но характерно, что всѣ свѣдѣнія ведутъ насъ къ тѣмъ дорогамъ, по которымъ собственно и шло выполненіе Москвой взятыхъ на себя задачъ. Такъ уже въ 1489 г. мы видимъ ямы отъ Москвы до Новгорода. [1]) Дорога эта шла по Московской и Тверской землямъ до Твери; отъ послѣдней водянымъ путемъ рѣкой Тверцой до Торжка, отъ Торжка до Волочка и оттуда рѣкой Мстой до Новгорода. [2]) Въ 1493 г. была уже

---

[1]) Пам. Дипл. Снош., т. I, стр. 24

[2]) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 93.

ямская дорога отъ Новгорода до псковскаго рубежа. [1]) Между 1490 и 1493 г. были учреждены ямы отъ Новгорода до Нѣмецкаго рубежа, видимо, на Ругодивъ [2]) Въ 1491 г. были уже ямы отъ Москвы до Мурома. [3]) Отъ Мурома дорога шла на Казань, но, кажется, ямского строя по этой дорогѣ не было еще, такъ какъ въ описываемомъ случаѣ съ Мурома до Казани суденко да кормникъ да гребецъ даются съ города. [4]) Въ 1492 г. видимъ ямы черезъ Холмъ на Брагинъ (нынѣ Рѣжицкаго уѣзда, Витебской губерніи). [5]) Въ 1493 г. видимъ ямы на дорогѣ до Литовскаго рубежа на Можайскъ. [6]) Въ 1502 г. видимъ ямы отъ Москвы до Воротынска на Серпуховъ и Калугу. [7]) Подъ 1503 г. упоминаются ямы отъ Воротынска до Новгорода-Сѣверска. [8]) До Путивля ямовъ въ 1502 г. еще не было [9]), въ Брянскѣ, видимо, уже были въ 1502 г. [10]) Подъ 1500 г. читаемъ о Новгородскихъ ямахъ у Корельскаго городка, у Святоозера, въ Ровдужскомъ погостѣ у Палкигорья [11]) и въ Егорьевскомъ Лопскомъ погостѣ на Назьѣ. [12]) Сколько можно судить, эти ямы входили въ цѣпь порубежныхъ. [13]) Подъ 1508 г. читаемъ о ямахъ отъ Москвы до Юрьева, пожалованнаго бывшему Казанскому

---

1) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 94.

2) Это видно изъ сравненія подорожныхъ въ П. Д. Сн. I, стр. 48 и стр. 112. Въ первой говорится:„ и вы бы имъ велели давать отъ Новагорода до Нѣмецкаго рубежа, отъ стану до стану... гдѣ ся имъ лучится стати. "Во второй читаемъ:„ а корму бы еси велѣлъ ему давати по ямомъ, что пригоже". О дорогѣ на Ругодивъ. П. Д. Сн., I. т. 24.

3) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 132.

4) Ibid.: И вы бы велѣли дати зъ города (Нижняго-Новгорода) суденко да кормника да два гребца.

5) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 79.

6) Ibid , стр. 83.

7) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 443.

8) Тамъ-же, стр. 497. Слѣдуетъ сравнить со стр. 511 и 558.

9) Тамъ-же, стр. 555.

10) Тамъ-же, стр. 443.

11) Переписн. книга Вотск.Пятины 1500 г., Вр. О. И. Д. Р., кн. 12 стр. 11, 37, 87.

12) Вр. О. И. Д. Р., кн. 11, стр. 260.

13) Для географіи Новгородской земли мы пользовались работой и картой Неволина; О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. VIII, 1853 г.

царю Авдулъ-Летифу [1]) Къ концу 15 вѣка былъ, очевидно, и ямъ у Бѣлоозера, Ергольскій. [2]).

Такимъ образомъ, если принять Москву за отправную точку, то отъ Москвы шли ямскія дороги на Новгородъ и черезъ Новгородъ къ Нѣмецкому рубежу на Ругодивъ, на рѣку Сестру у впаденія ея въ Котлинъ и на рубежъ противъ Корельскаго городка, на Литовскую границу черезъ Можайскъ, на ту-же границу (на Украйну) черезъ Новгородъ-Сѣверскъ, на Казань черезъ Муромъ, наконецъ, въ глубь нѣкоторыхъ новыхъ пріобрѣтеній—удѣла Верейскаго, полевыхъ окраинъ и земель на юго-востокѣ. [3]) Былъ еще одинъ путь, имѣвшій большое политическое значеніе для Москвы—къ Менгли-Гирею. Точно установить его, однако, не удается: въ 1488 г. къ Москвѣ шли на Черкассы и оттуда полемъ; въ 1492 г. шли на Быструю Сосну и оттуда, видимо, на Калугу и Серпуховъ, такъ какъ инымъ путемъ, переправившись у Сосны, пришлось бы ѣхать на Рязань. [4]) Впрочемъ, въ 1502 г, отправляя Кафинскаго посла на родину, великій князь велитъ отъ Москвы проводить его на Рязань, оттуда вверхъ по Пронѣ въ Ранову, изъ Рановой Хуптой вверхъ до переволоки до Рясскаго поля, а затѣмъ до Рясы и затѣмъ на Донъ [5]), вѣроятно, на Быструю Сосну.

Послѣдующимъ не всегда доказывается предъидущее, но нельзя не обратить вниманія, что стремленіе заводить ямы сейчасъ-же по пріобрѣтеніи новой земли замѣчается и въ дальнѣйшіе періоды московской исторіи. Такъ, Василій III, взявъ въ 1514 г. Смоленскъ, тогда-же учредилъ по Смоленской землѣ ямскую гоньбу, [6]) завоевавъ Казань, Іоаннъ IV прежде всѣхъ поселилъ ямщиковъ (на лѣвомъ берегу Булака). [7]) Какъ увидимъ изъ исторіи сибирскихъ ямовъ, вмѣстѣ съ каждымъ шагомъ въ глубь новой страны все далѣе въ глубь страны проникали и ямскія учрежденія.

---

[1]) Г. Г. Д., II, 27.

[2]) Этотъ ямъ въ 1512 г. состоялъ уже изъ погнившихъ строеній; очевидно, онъ существовалъ еще до 1500 г. А. Э., I, 156.

[3]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 73.

[4]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 169.

[5]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 411-412.

[6]) Г. Г. Д., I, 148.

[7]) Заринскій, Очерки древней Казани, стр. 182.

То-же явленіе замѣчается и при расширеніи московскихъ владѣній къ югу отъ Москвы.

Изъ сказаннаго дѣлаемъ выводъ: учреждая ямы, великій князь Іоаннъ III имѣлъ въ виду не столько свои коренныя земли, которыя, вѣроятно, только при его преемникѣ были всѣ уже соединены ямами съ Москвой [1]) и на которыхъ при немъ были ямы едва ли не въ той только мѣрѣ, въ какой лежали на имѣвшихъ указанное политическое значеніе дорогахъ, сколько земли вновь пріобрѣтенныя; иными словами—цѣль учрежденія ямовъ, по крайней мѣрѣ, первоначальная, сводилась не столько къ разрѣшенію вопроса о лучшей организаціи сообщенія, хотя бы даже во имя интересовъ внутренняго управленія, сколько къ разрѣшенію вопросовъ политическихъ. Политическая необходимость прокладывала ямскіе пути, при чемъ вниманіе Москвы въ этомъ смыслѣ было тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ данная дорога имѣла большее значеніе, какъ путь посольскій; быть можетъ, это вниманіе находилось также и въ зависимости отъ степени довѣрія великаго князя къ населенію данной новой московской области.

Противъ такого утвержденія можетъ говорить развѣ одно: въ большемъ количествѣ и полнѣе сохранились тѣ памятники, въ которыхъ остался слѣдъ о событіяхъ выдающихся, а такими, конечно, и были, главнымъ образомъ, сношенія дипломатическія, также сношенія великаго князя съ областями, вновь присоединенными; исконныя-же московскія владѣнія, какъ не служившія театромъ особо примѣчательныхъ событій, остались естественно внѣ круга дошедшихъ до насъ памятниковъ. Но, во-первыхъ, нельзя утверждать, чтобы количество свидѣтельствъ о бытѣ внутреннихъ московскихъ владѣній этого періода было ужъ въ такой степени ограничено; во-вторыхъ, если говорить въ частности о ямской гоньбѣ, то, хотя мы точно и не знаемъ

---

[1]) Герберштейнъ, Записки о Московіи, стр. 87 (пер. Анонимова) говоритъ, что князь (Василій III) держитъ почтмейстеровъ въ разныхъ мѣстахъ по всѣмъ частямъ своего владѣнія. Показаніе это, однако, не слѣдуетъ понимать буквально: мы знаемъ, что еще въ 1557 г. до Вологды съ сѣвера не было ямовъ (подробности см. у Гамеля, Англичане въ Россіи, стр. 66—67), знаемъ также, что и въ 17 в. не по всѣмъ мѣстамъ Московскаго государства были ямы.

времени, когда были учреждены ямы въ этихъ внутреннихъ владѣніяхъ, но не слѣдовало бы, кажется, признавать случайнымъ тотъ фактъ, что въ сохранившихся документахъ о бытѣ тѣхъ мѣстностей до начала второй четверти 16 вѣка совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о ямахъ, а въ документахъ аналогичнаго характера послѣ 1525—1530 года свѣдѣнія начинаютъ уже появляться, и чѣмъ годомъ дальше, тѣмъ свѣдѣній этихъ больше. Одно количество дошедшихъ до насъ документовъ едва-ли, слѣдовательно, можетъ играть тутъ рѣшающую роль

Въ зависимости отъ значенія дороги, ея направленія, ея состоянія, на каждой дорогѣ ямы учреждались въ большемъ или меньшемъ разстояніи другъ отъ друга. Хотя мы знаемъ рядъ случаевъ, когда въ одномъ мѣстѣ закрывался ямъ и переносился въ другое мѣсто на той-же дорогѣ, но большею частью ямскіе пункты все тѣ-же на всемъ протяженіи исторіи ямской гоньбы до конца 17 вѣка. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи вопроса о разстояніи между ямами можно вполнѣ пользоваться данными различныхъ періодовъ этой исторіи. Сопоставляя-же эти данныя другъ съ другомъ, можно вывести, что среднимъ разстояніемъ между ямами считалось 30 - 40 верстъ. Такъ, Селецкій ямъ на Дмитровской дорогѣ былъ поставленъ въ 30 верстахъ отъ Москвы и въ стольких-же верстахъ отъ Дмитрова. [1]). Разстояніе въ 30—40 верстъ преобладаетъ въ описаніи дороги между Смоленскомъ и Москвой, относящемся къ 1593 году, [2]) и въ описаніи 1556 г. [3]) Ту-же норму преимущественно встрѣчаемъ и у Герберштейна [4]). Котошихинъ утверждаетъ, что разстояніе между ямами было въ 30—40 -60 — 90—100 верстъ и больше. [5]) Хотя точному исчисленію верстъ много препятствуетъ разнорѣчіе источниковъ, [6]) но

---

[1]) А. Юр. б. Кал., II., 181.

[2]) Опис. пут. въ Москву Николая Варкоча, пер. Шемякина, Чт. О И. Д. Р., 1874 г. кн. 4.

[3]) Сборн. кн. Оболенскаго, Дневн. Литовск. пословъ, № 5.

[4]) Пер. Анонимова, стр. 208 - 210.

[5]) О Россіи, изд. 1859 г., стр. 91.

[6]) Напримѣръ, у Варкоча разстояніе между Вязьмой и Дорогобужемъ исчислено въ 60 верстъ, у Герберштейна (стр. 211) въ 90 верстъ, а въ книгѣ Большому Чертежу, изд. Языкова, стр. 77—въ 80 верстъ. Такъ какъ главнѣйшая часть свѣдѣній о разстояніяхъ сохранилась въ

и имѣющихся данныхъ достаточно, чтобы прослѣдить слѣдующее явленіе: ямы строились всегда при болѣе населенныхъ пунктахъ, но если разстояніе между такими пунктами значительно превышало указанную норму въ 30—40 верстъ, то устраивался промежуточный ямъ, который, по крайней мѣрѣ, со второй половины 16 вѣка, какъ это увидимъ дальше, не имѣлъ самостоятельнаго значенія и приписывался къ тому главному яму, къ какому былъ ближе. Разстоянія въ 60—90 - 100 верстъ и больше, о которыхъ говоритъ Котошихинъ, имѣли мѣсто развѣ только на дорогахъ сибирскихъ или на дорогахъ сѣверной окраины. Возможно также, что Котошихинъ предполагалъ только разстояніе между главными ямами, не принимая въ счетъ промежуточныхъ. [1])

Во главѣ ямовъ ставились ямщики. Въ разсматриваемомъ періодѣ на каждомъ яму ихъ было немного: иногда—двое, иногда—нѣсколько больше. Какъ правило, вѣроятно, не менѣе двухъ, но едва-ли гдѣ болѣе 3—4, потому что въ отличіе отъ послѣдующаго періода, когда говорится о „всѣхъ того яму ямскихъ охотникахъ", въ данномъ періодѣ, если ямщиковъ на яму болѣе двухъ, говорится: „такой-то ямщикъ съ товарищи". На одномъ и томъ-же яму въ одномъ и томъ-же году могло быть по одному выбору двое, а по другому—трое ямщиковъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ Тотьмѣ въ 1548 году, когда по выбору тотемскихъ крестьянъ были представлены на утвержденіе три ямщика, а вскорѣ послѣ этого, по выбору намѣстничью—двое ямщиковъ. На Городецкомъ яму въ 1534 г. было нѣсколько ямщиковъ—Коверя Зендриковъ съ товарищи, на Ярославскомъ яму въ 1532 г.—

описаніяхъ путешествій и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ не всегда можно установить въ точности дорогу, по которой ѣхалъ данный путешественникъ, то пользоваться такими показаніями необходимо съ особой осторожностью.

[1]) Кажется, было обычаемъ вести счетъ верстъ только отъ болѣе крупныхъ ямовъ. Такъ, въ расходной книгѣ патріарха Никона приведены указанія на плату ямщикамъ отъ Бронницъ до Крестецкаго яма, до Зимней горы, до Волочка, до Торжка, до Твери, до Москвы. Чт. О. И. Д., кн. 13. стр. 2 4. Между тѣмъ, по пути были и другіе ямы. Рейтенфельсъ, бывшій въ Россіи въ послѣдней четверти 17 вѣка, опредѣляетъ разстояніе между ямами въ 7—10 нѣмецкихъ миль, т. е. въ 35 50 верстъ. De rebus moscovitis, Якова Рейтенфельса, пер. Тарнова-Боричевскаго, Ж. М. Н. Пр. ч. XXIII, стр. 34. То-же видимъ и изъ приходо-расходной книги вологод-

Іакушъ Андреевъ съ товарищи, на Романовскомъ въ томъже году—Лука Малаховъ съ товарищи, на Корельскомъ яму въ 1500 г.—двое ямщиковъ, то-же на яму у Святоозера, на Ергольскомъ въ 1512 г., на Раецкомъ въ 1539 г. и т. д. [1]) Одно это должно было бы наводить на мысль, что ямщики даннаго періода сами непосредственно гоньбы не гоняли: какъ, допустимъ, не мало требовалось тогда подводъ, все-таки 2—4 лицамъ было бы трудно управиться. Кромѣ того, тотъ фактъ, что о ямщикахъ говорится „такой-то съ товарищи", скорѣе указываетъ на служебность ямщика, на то, что ямщикъ—не промыселъ, а должность. Но сверхъ того извѣстно, что каждое селеніе, расположенное въ районѣ яма, было обязано съ сохъ давать подводы на ямъ, стоять на яму съ подводами. Извѣстно также, что только специальная оговорка въ жалованныхъ грамотахъ освобождала данное селеніе отъ этой обязанности, при чемъ, какъ показываютъ факты, ямщики не останавливались и передъ такими оговорками, все таки требуя подводы на ямъ. [2]) Отсюда ясно, что самая гоньба велась населеніемъ, его лошадьми и его людьми, ямщики-же только вѣдали распорядокъ по гоньбѣ, т. е. смотрѣли за тѣмъ, чтобы на яму было всегда достаточное количество подводъ, собирали сошныхъ лошадей, въ случаѣ экстренной надобности приводили добавочныхъ лошадей, вѣдали всѣ разсчеты. Технически это называлось „на яму стряпати", что, между прочимъ, также болѣе указываетъ на должность, чѣмъ на промыселъ. [3]) Въ одной грамотѣ (отъ 1545 г.) читаемъ: „а вы де (ямщики) тѣхъ ихъ монастырскихъ крестьянъ наряжаете съ сохъ съ подводами стоять на Вокшерскій ямъ"; „и вы бы впредь тѣхъ ихъ монастырскихъ селъ и деревень на Вокшерскомъ яму съ сохъ съ подводами стояти и ямского двора дѣлати не наряжали". [4]) Эта грамота довольно опредѣленно указываетъ на значеніе ямщиковъ, какъ распорядителей яма и

скаго архіепископа Маркелла, по которой можно прослѣдить дорогу отъ Вологды до Москвы. Яросл Губ. Вѣд., 1860, № 11.

[1]) Акты Юшкова, Ч. О. И. Д., 98, 4, стр. 140, А. Э. I, 180, Вр. О. И. Д., кн. 12, стр. 11, 37, А. Э. I, 156, Писц. Кн. Новг., т. IV, стр. 502, Акты Спас. Мон., I, IX.

[2]) А. Э. I, 206, 1 и 2, А. И. I, 200, 115 и мн. др.

[3]) Акты Юшкова, ц. стр.: „и на яму стряпати велѣли."

[4]) А. Спас. Мон., I, XIII.

оньбы. Герберштейнъ называетъ ямщика начальникомъ почты. [1])

Отъ болѣе ранняго времени мы имѣемъ только одно свѣдѣніе о томъ, какое общественное положеніе занимали ямщики. Именно: въ Корелѣ оба ямщика, братья Ѳомины, указаны въ числѣ младшихъ людей. [2]) Но полный свѣтъ проливаетъ на этотъ вопросъ грамота 1548 г. на Тотьму. [3]) Хотя по времени она относится къ самому концу разсматриваемаго періода, но едва-ли устанавливаемый ею взглядъ на ямщиковъ представляется какимъ-либо новшествомъ. Скорѣе, это—послѣдній отголосокъ отживавшаго порядка, накапунѣ перехода къ новому, когда ямщикъ—должностное лицо превратился въ ямского охотника, непосредственно гнавшаго гоньбу. По этой грамотѣ судя, на яму были три должности: ямщикъ, дьячекъ и дворникъ Всѣ они избирались всей округой, намѣстникомъ, подъячимъ, игуменами, попами, дьяками, городскими людьми и сельскими; ямщики избирались, быть можетъ, изъ посадскихъ людей или изъ крестьянъ; быть можетъ, какъ напримѣръ въ данномъ случаѣ, только изъ крестьянъ, а по избраніи съ поручными записями отправлялись въ Москву къ казначеямъ великаго князя; казначеевы дьяки приводили избранныхъ къ крестному цѣлованью, давали имъ на ямской расходъ государевы деньги и отпускали на ямъ. Такимъ образомъ, ямщики избирались въ должность посадомъ и уѣздомъ подъ наблюденіемъ намѣстника, но утвержденіе получали въ Москвѣ. Насколько контроль намѣстника имѣлъ здѣсь существенное значеніе, видно изъ того, что, когда въ той же Тотьмѣ крестьяне попытались сами избрать ямщиковъ, помимо намѣстника, то, несмотря на то, что избранные ими ямщики успѣли уже получить въ Москвѣ утвержденіе, выборы были признаны неправильными, лишь только пріѣхали въ Москву ямщики, избранные подъ наблюденіемъ намѣстника. Выборная въ принципѣ, на практикѣ должность ямщика, вѣроятно, иногда переходила отъ отца къ сыну. Слѣдуетъ, однако, ду-

---

[1]) Magister postarum, qui illorum lingua Jamschnik appellatur; Herberstein, Rerum Moscovitarum commentarii, изд. 1556 г., стр. 56.

[2]) Вр. О. И. Д., кн. 12, стр. 3.

[3]) Акты Юшкова, ц. стр.

мать, что сыновья подвергались новымъ выборамъ. Такъ, корельскіе ямщики были дѣтьми ямщика, на Раетцкомъ яму послѣ смерти ямщика должность его занялъ сынъ [1]). Ниже мы укажемъ, почему ямщиковъ вѣдали казначеи и дьяки при нихъ; тутъ-же упомянемъ еще, что время отъ времени ямщики ѣздили на счетъ въ Москву, гдѣ считали ихъ казначеи съ дьяками. Въ случаѣ растраты или другой какой вины за ямщиковъ отвѣчали, по общему правилу, порутчики. [2]) Быть можетъ, иногда ямщики не избирались, а назначались, что, кажется, вытекаетъ изъ грамоты смолянамъ 1514 г., гдѣ сказано: „а держати подводы нашимъ ямщикамъ". Впрочемъ, возможно, что данный случай—исключеніе, объясняющееся тѣмъ, что въ Смоленской землѣ тогда лишь впервые вводились ямы. [3])

Мы не имѣли возможности прослѣдить связь между ямщиками даннаго періода и ямниками и ямщиками, о которыхъ говорятъ грамоты 14 -15 в.в. Но едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться въ существованіи такой связи. Ямникъ, ямщикъ 14—15 в.в. былъ княжескимъ слугой, собиравшимъ спеціальный налогъ; свои ямщики были и у московскаго князя; когда были учреждены ямы, тѣ же ямщики, вѣроятно, не только собирали ямъ въ пользу князя, но и вѣдали ямы; когда неизбѣжно увеличилось ихъ число и, соотвѣтственно новому роду обязанностей, довольно скоро опредѣлилось, что теперь это уже не разъѣздная, а болѣе прикрѣпленная къ мѣсту должность, видоизмѣнился и порядокъ назначенія: слуга князя превратился въ мѣстное должностное лицо, какъ не такъ давно передъ этимъ финансовый характеръ должности превратился въ административный. Повторяемъ, впрочемъ, что прослѣдить это по документамъ намъ не удалось.

Изъ сказаннаго уже опредѣляется, что главная тяжесть ямского строя въ данномъ періодѣ падала на населеніе, такъ какъ средства сообщенія – лошади и люди—давались съ сохъ. Кромѣ того, населеніе обязывалось еще обмѣнивать усталыя подводы на свѣжія, если это требовалось въ пути между ямами.

---

[1]) Вр. О. И. Д., кн. 12, стр. 3; Новг. Писц. кн. т. IV, по срав. стр. 502 и 549.

[2]) Акты Юшкова, ц. стр.

[3]) Г. Г. Д. I, 148.

Такой порядокъ былъ узаконенъ и лишь специальныя оговорки въ жалованныхъ грамотахъ освобождали отъ этой обязанности. [1]) Практика выработала даже приемы при помощи которыхъ происходилъ размѣнъ обмѣненныхъ въ пути подводъ: усталыя подводы отводились на ямъ, откуда выѣхали, а обмѣненныя давались съ яма, куда приѣзжали. Ямщики, собирая подводы на ямъ, не имѣли права держать ихъ на яму „бездѣльно", тѣмъ болѣе не имѣли права держать подводы у себя въ деревняхъ. Усталыя подводы не должны были задерживаться населеніемъ. [2]) Для смотрѣнія за этимъ, въ случаѣ доходившихъ до Москвы извѣстій о злоупотребленіяхъ, назначались иногда особые пристава, какъ напримѣръ, въ цитируемомъ случаѣ, въ 1534 г. по Переславской дорогѣ между Москвой и Городецкимъ ямомъ. Чтобы опредѣлить, какъ нелегко доставалось все это населенію, приведемъ изъ того-же документа указанія челобитчиковъ, что, если село стояло на большой дорогѣ, то приходилось многихъ гонцовъ отправлять и помимо ямовъ, „безъямно", т. е. не въ очередь и сверхъ сошныхъ подводъ, уже доставленныхъ на ямъ. Извѣстны къ тому же случаи, когда ямщики не ограничивались слѣдуемыми съ населенія подводами и требовали лишнія подводы. Если населеніе противилось, брали силой; встрѣтится подвода на торгу—брали съ торга. [3]) Свое право на такіе поступки ямщики видѣли, конечно, въ томъ, что на нихъ падала вся тяжесть отвѣтственности, если на яму не хватало подводъ. Кромѣ того, за нихъ стоялъ самый текстъ подорожныхъ, гдѣ, какъ уже приходилось упоминать, прямо обозначалось что подводы должны давать всѣ люди безъ обмѣны, кто чей ни буди. Правда, имѣются основанія думать, какъ скажемъ дальше, что эта часть текста подорожныхъ сложилась исторически и не имѣла того значенія, какое ей можно было придать при желаніи, но практика, вѣроятно, толковала текстъ именно въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ такое толкованіе было удобнѣе.

Рождается вопросъ: получало-ли населеніе какую-ни-

---

[1]) А. И. I, 115, А. Э. I, 147, 159, А. И. I, 200 и др.

[2]) А. Э. I, 180.

[3]) А. Э. I, 206, 1, 2.

будь плату за подводы, доставляемыя на ямъ, или же это была натуральная повинность въ собственномъ смыслѣ? Такъ какъ ямской строй возникъ изъ подводной повинности и, во всякомъ случаѣ, на почвѣ этой повинности, почвѣ готовой издревле, то первоначально, т. е. до конца великокняженія Іоанна III, можетъ быть, еще и въ первые годы великокняженія Василія III, довольно, кажется, трудно найти слѣды какой-либо наемной платы за подводы. Всѣ уже разсмотрѣнныя нами данныя, разсказывающія о томъ, какъ отпускались въ это время послы и гонцы, скорѣе заставляютъ думать, что подводы отпускались населеніемъ на началахъ натуральной повинности. Но уже въ 1514 г., въ выше цитированной грамотѣ смолянамъ (Г. Г. Д. I, 148) читаемъ; „а мѣщаномъ и чернымъ людемъ подъ наши гонцы подводъ не давати, а держати подводы нашимъ ямщикомъ и наемъ давати отъ подводъ по тому-жъ, какъ и въ нашихъ земляхъ.“ О какомъ наемѣ здѣсь говорится? При этомъ о наемѣ, который долженъ былъ даваться и въ смоленской землѣ по тому-же, какъ и въ московскихъ городахъ? Предполагать, что въ грамотѣ идетъ рѣчь о прогонахъ, получаемыхъ ямщиками, невозможно, такъ какъ ямщики въ это время не гнали еще гоньбы. Слѣдовательно, достаточно ясно, что наемъ шелъ населенію, доставлявшему подводы на ямъ. Грамота на Тотьму 1548 г. проливаетъ свѣтъ и на этотъ вопросъ. Казначеевы дьяки, отпустивъ ямщиковъ на Тотьму, какъ было сказано, дали имъ на ямской расходъ 50 рублей, при чемъ грамота опредѣляетъ, что на прогоны имъ давать на десять верстъ по три деньги, а проводнику давать на тридцать верстъ по 1 $^1/_2$ деньги. Толковать это мѣсто въ томъ смыслѣ, что давать значитъ для ямщиковъ - получать, невозможно, такъ какъ дальше говорится: „а деньги, что у нихъ у старыхъ ямщиковъ за расходомъ остались, отдать новымъ ямщикамъ;“ и еще далѣе—„а буде тѣ ямщики старые Молодейко съ товарищи что нашихъ денегъ истеряли, а на ямской расходъ будетъ не давали, и ты бъ тѣ деньги доправилъ на ихъ порутчикахъ.“ Иными словами: ямщики изъ даваемыхъ имъ въ Москвѣ денегъ платили очереднымъ, выставлявшимъ подводы на ямъ, по указной цѣнѣ, въ 3 деньги за 10 верстъ съ подводы, каковая наемная плата и носила названіе прогоновъ, составляя главную часть всего ямского расхода. Плата эта

едва-ли окупала дѣйствительную стоимость труда и времени, сопряженнаго съ обязанностью выставить подводу на ямъ и отбыть отпускъ; это ясно уже изъ того, что и въ болѣе позднее время, когда, какъ мы увидимъ, ямское дѣло было организовано полнѣе, всякая лишняя подвода, даже оплаченная прогонами, вызывала жалобы. Но для насъ тутъ важенъ все таки принципъ: находя участіе населенія въ ямскомъ дѣлѣ въ видѣ натуральной повинности обременительнымъ для него, Москва въ принципѣ признала необходимость облегчить эту повинность, почему и ввела начало наемной платы. Этотъ принципъ представляется намъ важнымъ и въ другомъ отношеніи: разъ великій князь призналъ справедливымъ платить наемную плату населенію за выставляемыя подводы, онъ призналъ этимъ, что населеніе въ ямахъ не заинтересовано. Ямское дѣло—государево дѣло и, хотя, въ сущности, деньги на ямской строй давало то-же населеніе, но наемная плата платилась не потому, что деньги, собираемыя для извѣстной цѣли, должны были непремѣнно расходоваться на эту цѣль, а потому, что государево дѣло и должно было поддерживаться на средства государевой казны.

Какъ изъ грамоты Смолянамъ, такъ и изъ грамоты на Тотьму не трудно сдѣлать выводъ, что плата эта была обязательна и что безъ найму населеніе подводъ не давало. Но если бы это было такъ, то пришлось бы думать, что, хотя подводы собирались на ямы съ сохъ, но натуральная повинность состояла лишь въ обязанности давать подводы за плату, иначе—въ обязанности не уклоняться отъ доставленія къ извѣстному сроку подводъ на ямъ. Судя, однако, по тому, что и въ болѣе позднее время, когда вопросъ о прогонахъ получилъ болѣе опредѣленное выраженіе, подводы на ямахъ отпускались нерѣдко въ силу подорожныхъ безъ прогоновъ, должно предположить, что въ указанныхъ грамотахъ обозначалось лишь опредѣлившееся намѣреніе правительства не отягощать населеніе безъ крайней необходимости; крайняя-же необходимость допускала исключенія. Но такъ какъ исключенія должны были быть весьма часты, значительно, быть можетъ, чаще правила, то между принципомъ и практикой произошло понятное разногласіе. Крайняя-же необходимость должна была возникать при всякой спѣшкѣ, могла слагаться въ виду отсутствія контроля, подъ влія-

ніемъ общихъ условій быта, гдѣ зависимость населенія отъ должностныхъ лицъ была значительна наконецъ, въ виду того, что въ самой Москвѣ при отпускѣ гонцовъ однимъ приказывали давать подводы безъ прогоновъ, за другихъ обязывали ямщиковъ платить прогоны, смотря по лицу, порученію и всякимъ вообще сопровождавшимъ обстоятельствамъ. Слѣдовательно, осторожнѣе предположить, что очень рано въ Москвѣ сложилось убѣжденіе въ тягости для населенія обязанности гонять ямскую гоньбу безплатно. Оно возникло несомнѣнно ранѣе 1514 года, (хотя не думаемъ, чтобы на много ранѣе) и, вѣроятно, по мѣрѣ развитія гоньбы складывалось все тверже и законченнѣе. Что-же касается практики, то она охотнѣе держалась стараго порядка, считая, что обязанность выставлять подводы на ямъ—та-же подводная повинность, но нѣсколько иначе организованная.

Грамота смолянамъ относится къ 1514 г., грамота на Тотьму относится къ 1548 г. Какъ промежуточное указаніе слѣдуетъ привести слѣдующее мѣсто Герберштейна: «equum porro in itinere viribus exhaustum relictumque Jamschnik requirere iter alterum ei cui erreptus erat restituere preciumque ratione itineris habita, persolvere solet; plerunque de X vel XX vuerst numerantur sex dengae». [1]) Совокупность этихъ данныхъ уже не позволяетъ, кажется, сомнѣваться, что наемная плата за подводы была ямскому строю извѣстна въ самомъ началѣ 16 вѣка.

Изъ той-же грамоты на Тотьму мы узнаемъ, что ямщики вели на яму ямскому расходу книги; по этимъ книгамъ ямщиковъ усчитывали, сколько они по какой дорогѣ подводъ отпускали и что издержали; усчитывали ямщиковъ по правилу дьяки казначеевы на Москвѣ, но по особому указу могли усчитывать и намѣстники. Въ литературѣ охотно повторяется мнѣніе, что ямскія книги, впослѣдствіи называемыя обыкновенно—загонными и изгонными, были введены Борисомъ Годуновымъ [2]). Разъ мы уже знаемъ, что наемъ, а,

---

[1]) Herberstein, цит. изд. стр. 56.

[2]) Такъ какъ ошибочно признается, что прогоны введены впервые Борисомъ Годуновымъ, то въ зависимости отъ этого ему-же приписываютъ и введеніе загонныхъ книгъ. Домбровскій, ц. с., стр. 124, Бржозовскій, ц. с., стр. 352. Повидимому, съ этимъ согласенъ и Лаппо-Данилевскій, такъ какъ онъ ссылается на это мѣсто изслѣдованія Бржо-

слѣдовательно, и деньги на наемъ, были извѣстны еще въ началѣ 16 вѣка, то, конечно, нужно предположить, что и загонныя книги появились тогда же; разъ въ распоряженіе ямщиковъ стали отпускаться расходныя суммы, естественно должны были возникнуть этимъ суммамъ и расходныя книги.

Изъ грамоты отъ 1556 г., мы узнаемъ, какъ производился разсчетъ съ ямщиками по прогонамъ въ 1548 г. Повидимому, также производился онъ и раньше. Получивъ въ счетъ прогоновъ авансъ, ямщики представляли погодно (въ данномъ случаѣ за разными служебными перемѣнами ямщиковъ не усчитывали нѣсколько лѣтъ) счетный списокъ, который провѣрялся, послѣ чего опредѣлялось, перегнали они авансъ или не догнали. Перегоны имъ уплачивались, а незагоны на нихъ взыскивались. [1])

То-же несогласіе офиціальнаго принципа съ практикой замѣчается и въ отношеніи къ другой части ямского строя— обязанности населенія доставлять на ямы кормъ, какъ для пословъ, такъ и для гонцовъ. Обязанность давать кормъ могла быть, какъ и раньше, самостоятельной повинностью, не стоявшей въ прямой зависимости собственно отъ ямского строя; могла находиться и въ зависимости отъ него. Все опредѣлялось особенностью даннаго случая: иногда гонецъ долженъ былъ покупать кормъ, гдѣ хочетъ, иногда ему указывалось на какихъ станахъ и сколько онъ долженъ былъ получать корма, иногда онъ уполномочивался требовать кормъ на ямахъ. Послы всегда получали кормъ на станахъ или на ямахъ, смотря по указанному маршруту. Великій князь, устанавливая иногда, что кормъ долженъ быть заготовленъ на ямахъ по указной цѣнѣ, т. е., слѣдовательно, съ платой населенію за забранное, нерѣдко распоряжался давать часть корма,

---

зовскаго; Орг. пр. облож., стр. 372, прим. 2. Домбровскаго ввела въ заблужденіе, вѣроятно, грамота А. Э., II, 18, гдѣ подъ 1601 г. сказано, что ямщики получаютъ прогоны по „нашему" наказу. Своеобразно разсуждаетъ г. Конивецъ, ц. с., стр. 285: на жалованье и прогоны ямщикамъ Ѳедоръ Іоанновичъ устанавливаетъ особый сборъ „ямская посоха". Гр. Толстой, ц. с., стр. 52, считалъ, что „особенныя" книги были на всякомъ ямѣ для записыванія отпускаемаго корма. Незабитовскій, ц. с. стр. 12—13, полагалъ, что сначала прогоны ямщикамъ уплачивались обывателями, а потомъ изъ казны.

[1]) Д. А. И. I, 104.

если не весь изъ своего дворца, а иногда, и это мы наблюдаемъ даже въ 1574 г., когда, какъ увидимъ дальше, кормъ несомнѣнно уже большею частью покупался у населенія—предписывалъ собирать кормъ съ сохъ, объясняя при этомъ, что требуется самое лучшее его, великаго князя, службы для. [1]) Иными словами: не только не отрицая въ принципѣ справедливость такого порядка, при которомъ населеніе получало бы за доставляемый на ямы кормъ вознагражденіе, скорѣе даже признавая, что это единственно справедливый принципъ, московское правительство, тѣмъ не менѣе, нисколько не затруднялось видоизмѣнять этотъ принципъ, сообразуясь съ особенностями каждаго даннаго случая, ставя принципъ въ зависимость отъ того, какъ въ извѣстномъ случаѣ удобнѣе поступить.

Доставляя на ямъ подводы, обмѣнивая по дорогѣ усталыя подводы, доставляя на ямы кормъ, населеніе обязано было еще расчищать дороги, строить и чинить мосты и гати, [2]) а также строить и чинить ямскіе дворы. [3]) Возможно, что при мелкихъ починкахъ требованія къ населенію могли предъявляться непосредственно ямщиками, но, вѣроятно, при капитальныхъ ремонтахъ ямщики били челомъ въ Москву, а оттуда уже посылался указъ и съ нимъ спеціальный человѣкъ, на котораго возлагалось наблюденіе за исполніемъ дѣла, совмѣстно съ ямщиками. [4]) Всѣ описанныя повинности исполнялись съ сохъ, [5]) по мірской раскладкѣ, при чемъ съ той только части населенія, кото-

---

[1]) Д. А. И., I, 70, П. Д. Сн.. I, стр. 112, Сб. Ист. Общ., т. LIX, стр. 43, т. XXXVIII, стр. 72 и мн. др.

[2]) А. Э. I. 156.

[3]) А. Юр. б.Кал., II, 181, А. Э. I, 156, А. Э. I, 218, А. И. I, 200 и др.

[4]) Напр. въ А. Э. I, 156—по сношеніи съ казначеемъ великаго князя Юріемъ Дмитріевичемъ (Малый см. о немъ Сб. Ист. Общ. т. 35, стр. 509—514, 532, 533 540); присылается нѣкто Давидъ Сырпевъ. Въ А. Ю. Кал., II, 181—присылается на Селецкій ямъ Захаръ Румянцевъ.

[5]) А. Э. I, 156—по два человѣка съ сохи. Это видимо обычная норма. Такъ, впослѣдствіи увидимъ, что и ямскіе охотники выставлялись по два человѣка съ сохи; напр, акты Спасск. мон., изд. Вахрамѣева, I. 50, А. Ю. 192, 278, 343 и т, д,

рая была приписана къ данному яму. [1]) Можно думать, что обычай выработалъ то нормальное количество подводъ, которое должно было выставляться на ямъ съ опредѣленнаго земельнаго владѣнія. Но прямыхъ указаній на это мы не знаемъ, если не считать указаніями частыя жалобы населенія на ямщиковъ и обвиненія противъ послѣднихъ въ томъ, что они правятъ лишнія подводы. Главнымъ-же образомъ, вѣроятно, число собираемыхъ съ сохъ подводъ опредѣлялось размѣрами разгона даннаго яма. Что-же касается корма, то довольно рано онъ собирался на ямы въ точно опредѣленномъ для каждаго вида случаевъ количествѣ. Въ Москвѣ велись особыя „кормовыя книги“, куда вносилось, сколько какого корма въ пути и на Москвѣ какому послу давалось. Эти записи создавали практику, справки съ которой нормировали отдѣльные случаи въ дальнѣйшемъ. Интересное указаніе на это находимъ въ документѣ отъ 1581 г., изданнымъ г. Лихачевымъ: „а кормовыхъ, государь, книгъ старыхъ, что давано корму нашимъ посломъ и гонцомъ, въ ямскомъ приказѣ нѣтъ, погорѣли; а въ посольскихъ книгахъ въ старыхъ кормового дѣла опричь посольства не писано“. [2])

Населеніе, наконецъ, платило еще особый ямской сборъ. Свѣдѣнія объ этомъ сборѣ для разсматриваемаго періода весьма немногочисленны. Тѣмъ не менѣе, кажется, безспорно, что уже съ конца 15 вѣка ямъ, какъ денежный сборъ, собиравшійся ранѣе въ орду, а затѣмъ въ пользу князей, сдѣлался спеціальнымъ сборомъ подъ названіемъ ямскихъ денегъ. Упоминаніе о ямскихъ деньгахъ встрѣчается уже въ 1500 г. [3]) Едва-ли ямъ, какъ денежный сборъ, и ямскія деньги существовали совмѣстно; едва-ли поэтому можно предпола-

---

[1]) Если селеніе приходилось между двумя ямами, то предписывалось доставлять подводы на ближайшій. А. Спас. мон., I, 13,44,48,50, Соотвѣтственно съ этимъ, быть можетъ, исполнялись и всѣ остальныя части ямской повинности.

[2]) Лихачевъ, Библіотека и архивъ моск. госуд. въ 16 стол,, Пет. 1894 г., Прилож., стр. 13—14.

[3]) А. Э. I, 136. Начиная съ этого времени одни документы говорятъ только о ямѣ, другіе только о ямскомъ сборѣ. Например: ямъ— А. Э., I, 147, 159, 164, 179, 190, 201; ямскія деньги—А. Э. I., 136, 175, 200 208, 210, 218 и др. А. И., I, 131, 144, 145 и др.

гать, что это два различныхъ сбора. [1]) Вѣроятнѣе всего, что ямскія деньги—только новое названіе того-же сбора, который прежде назывался ямомъ. Но каково было дѣйствительное назначеніе этого сбора, мы точно не знаемъ. По всей вѣроятности, онъ шелъ, точнѣе—въ принципѣ предназначался,—на покрытіе той наемной платы за подводы, указанія на существованіе которой мы выше отмѣтили, и вообще на „ямской расходъ“. Одно можно сказать твердо: въ пользу ямщиковъ онъ не шелъ, такъ какъ жалованья ямщики въ этомъ періодѣ еще не получали. Въ какомъ размѣрѣ сбирались ямскія деньги—собственно для разсматриваемаго періода указаній мы также не нашли. Судя, однако, по практикѣ нѣсколько болѣе поздняго времени слѣдуетъ думать, что до конца первой половины 16 вѣка, а, можетъ быть, и нѣсколько позже платили по разводу съ сохъ, какъ коли гдѣ Государь велитъ [2]), какъ въ которомъ году Государь велитъ, [3]) по указу [4]), какъ въ которомъ году Государь укажетъ. [5]) Для времени послѣ 1556 г. мы встрѣчаемъ, дѣйствительно, различные оклады этого сбора. Такъ, въ 1556 г. съ Новгорода съ посада и со всей земли брали 7½ рублей съ сохи [6]), въ 1584 г. въ Переславскомъ уѣздѣ брали съ сохи 14 руб. [7]) Въ 1583 г. съ Переславскихъ рыболововъ—23 р. 16 ал. 4 д. съ сохи [8]); въ томъ-же году, въ томъ-же уѣздѣ, съ земли Ѳедорова монастыря—20 рублей съ сохи [9]). Но съ 80-хъ годовъ окладъ, видимо, уже вообще устанавливается и дѣлается однообразнымъ. Кромѣ ямскихъ денегъ населеніе платило еще и какія-то „приметныя“ деньги, ко-

---

[1]) Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 15, видимо, считаетъ, что ямъ и ямскія деньги—два параллельныхъ сбора. Противъ этого возражалъ уже Милюковъ, Спор. воп., стр. 22.

[2]) Ар. М. Юст. Бѣлоз. у. 814 и 823 (цитир. по Милюк., ц. с., 23, пр. 5).

[3]) Писц. кн. Новг. 1582 г. Вр. О. И. Д. Р., кн. 6, стр. 47.

[4]) А. И. I, 147 (1557 г.).

[5]) Писц. кн. Новг. 1582 г., Вр. О. И. Д. Р. кн. 6, стр. 50 „Какъ коли въ которомъ г. Государь укажетъ“ встрѣчаемъ еще въ 1592 г. Одинаково и за городовое дѣло за засѣчное и за ямчужное, Оп. Щук. Музея. т. V, стр. 5.

[6]) Д. А. И. I, 94.

[7]) Акты гражд. распр., изд. Ѳедотова-Чеховскаго, 1, 97, стр. 304.

[8]) А. Э., I, 341.

[9]) А. Ю., 209, V.

торыя, начиная съ того времени, какъ мы о нихъ узнаемъ, и долго впослѣдствіи присоединялись къ ямскимъ. Что это былъ за сборъ? Попытку отвѣтить на поставленый вопросъ мы встрѣчаемъ у Лаппо-Данилевскаго. По его предположенію, это нѣчто вродѣ „добавочныхъ сантимовъ“, т. е. накладныхъ сборовъ. [1]) Намъ кажется, что разгадку слѣдовало-бы искать въ тѣхъ немногихъ актахъ, которые говорятъ о ямскихъ деньгахъ и „примѣтяхъ туковыхъ“. [2]) Туковый сборъ, хотя и онъ также не обслѣдованъ точно, являлся сборомъ съ лошадей и рогатаго скота или только съ лошадей. Возможно, что собираемый сначала тѣми-же сборщиками, какъ и ямскія деньги (а, можетъ быть, этотъ сборъ имѣлъ и болѣе близкое отношеніе собственно къ ямскому дѣлу: напримѣръ, могъ быть сборомъ за прокормъ лошадей во время ихъ нахожденія на яму), онъ скоро потерялъ первоначальное значеніе и сохранивъ лишь названіе, слился съ ямскимъ сборомъ. [3])

Каждый ямъ состоялъ непремѣнно изъ ямского двора, станціи, гдѣ содержались выставленныя населеніемъ подводы и откуда отправлялись гонцы. Внѣшній видъ ямского двора въ общемъ одинъ и тотъ-же на протяженіи всей исторіи ямской гоньбы Это – совокупность нѣсколькихъ избъ, сѣнниковъ и конюшенъ, обнесенныхъ заборомъ или огороженныхъ плетнемъ. Подробно описаны ямы Ергольскій (на Бѣлоозерѣ) въ 1512 г. и Селецкій (на Дмитровской дорогѣ). Въ 1510 г. Ергольскій ямской дворъ состоялъ изъ двухъ избъ 3 саж. межъ угловъ, двухъ сѣнниковъ на подклѣтяхъ межъ угловъ по 2½ саж. и конюшни 4 саж. межъ угловъ, выстроенной промежду сѣнниковъ. [4]) Селецкій ямъ отли-

---

[1]) Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 376, прим. 5.

[2]) Напримѣръ, Лѣтоп. Занят. Археогр. Комис. т. III, стр. 24., гдѣ читаемъ въ грамотѣ Спасокаменскому монастырю отъ 1545 г. „ни примѣтни туковые“. О туковыхъ деньгахъ А. И. I, 132, 178.

[3]) Рожковъ, Сельское хоз. Моск. Руси въ 16 в., М. 1899 г., стр 223 и сл., вопреки приведеннымъ выше указаніямъ на отсутствіе въ этомъ періодѣ опредѣленнаго оклада ямскихъ денегъ, попытался все-таки найти его, взявъ въ среднемъ 720 д. на монастырскую соху и 638, 4 д. на соху въ 800 четвертей. Приведенныя имъ (извлеченныя изъ архивныхъ документовъ) данныя подтверждаютъ только, что опредѣленнаго оклада въ это время еще не было.

[4]) А. Э. I, 156.

чался только тѣмъ, что былъ крытъ не тесомъ, а лубомъ и драницами. [1]) Дворъ занималъ довольно значительный участокъ земли, въ 1/4, а иногда и въ 1/2 современной десятины [2]) Такой-же внѣшній видъ имѣли и новгородскіе пріѣзжіе ямскіе дворы въ 1586 г., съ той лишь разницей, что при каждомъ изъ нихъ мы видимъ еще по погребу и по леднику, а также и коломенскій ямской дворъ въ 1629 г. [3]) Къ яму иногда нарѣзывалась земля; часть—подъ пашню часть подъ сѣнокосъ. Впослѣдствіи это сдѣлалось общей практикой, но первоначально ямы не имѣли земли, и надѣленіе ихъ землей, начавшееся, вѣроятно, съ конца 15 вѣка шло постепенно, по мѣрѣ того какъ выяснялась необезпеченность ямовъ, у которыхъ не было своей земли. Такъ, мы знаемъ, что уже въ 1500 г. ямщики яма на Назьѣ (Лопскаго Егорьевскаго погоста) имѣли землю, которую получили, во всякомъ случаѣ, послѣ 1480 г., такъ какъ въ переписной окладной книгѣ приводится перечень „стараго дохода", шедшаго съ деревни, отданной ямщикамъ. [4]) Ямщики Ергольскаго яма получили землю только около 1512 г., хотя ямъ существовалъ и раньше: въ означенномъ году ямскія строенья показаны сгнившими и пришедшими въ ветхость. [5]) Селецкій ямъ, который существовалъ еще до 1510 г., получилъ землю только въ этомъ году. [6]) Важно тутъ-же указать, что, напримѣръ, Угличскій ямъ не имѣлъ своей земли еще при Дмитріи Іоанновичѣ, когда онъ былъ на Угличѣ, на удѣлѣ. [7]) Нѣкоторые ямы, вмѣсто земли, получали деревни, доходъ съ которыхъ шелъ ямщикамъ. Такъ, деревни имѣли въ 1500 г. ямы Корель

---

[1]) А. Юр. Кал., II. 181.

[2]) А. Юр. Кал. II, 181. Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣд. о Касимов. царяхъ и царевич., т. III, стр. 66; Ар. М. Ю. Переп. кн. ям. слоб., № 265, л. 212, л. 276 и др

[3]) Им. Пуб. Биб. Q. I V, 263 л. 8, Ар. Мин. Юст. кн. ям. пер., № 265, л. 442.

[4]) Вр. О. И Д. Р., кн. 11, стр. 260. По мнѣнію архим. Сергія (Тихомирова), Новгород. у. Вотск. пятины по писц. кн. 1500 г., Чт. О. И. Д. Р., 1899, кн. 4, стр. 2, старое письмо, о которомъ говоритъ книга 1500 г., настолько недавнее, что едва-ли разстояніе между письмомъ и книгой можно растягивать даже на 20 лѣтъ.

[5]) А. Э. I, 156.

[6]) Юр. Кал., II, 181.

[7]) Угличск. Писц. кн., изд. проф. Липинскаго, стр. 150.

скій, Палкигорскій, Святоозерскій. [1]) Ямщики жили или въ своихъ родныхъ деревняхъ, или на ямскихъ земляхъ [2]) или на посадѣ. [3]) Отдѣлялась земля, смотря по обстоятельствамъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Величина надѣла, видимо, не стояла въ зависимости отъ значенія яма; можно думать, однако, что въ теченіи каждаго даннаго времени существовало стремленіе практики установить какую-либо одну общую норму. Такъ, напримѣръ, Ергольскій и Селецкій ямы, которые надѣлялись землей приблизительно одновременно, получили каждый по 20 четвертей въ полѣ да на 60 копенъ сѣна. Изъ другихъ надѣловъ укажемъ: ямъ на Назьѣ имѣлъ въ 1500 г. соху безъ трети, ямъ Раецкій имѣлъ въ 1539 г. соху съ третью; тотъ-же надѣлъ показанъ за нимъ и въ 1552 г. [4]) Такъ какъ не всѣ ямы, видимо, имѣли по первому началу земли, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалованья ямщики такъ-же не получали, то слѣдуетъ, кажется думать, что они получали какія-либо средства отъ населенія. Какія и въ какой формѣ - указаній нигдѣ найти не удалось. Судя по позднѣйшему— въ формѣ подмоги. О томъ, каково было юридическое отношеніе ямщиковъ къ ямской землѣ, мы также можемъ только догадываться, такъ какъ прямыхъ указаній для даннаго періода не удалось найти. Хотя въ источникахъ иногда встрѣчается обозначеніе ямской земли ямщиковой, землею за ямщики, но едва-ли можно сомнѣваться, что земля давалась не ямщикамъ, а яму. Ямщики пользовались какъ землей, такъ и доходами съ приданныхъ къ яму деревень лишь во имя своей службы и пока несли эту службу. Другими словами: доходъ съ ямской земли и ямскихъ деревень шелъ ямщикамъ вмѣсто жалованья, котораго они въ данномъ періодѣ, какъ покажемъ это дальше, еще не получали. Но такъ какъ съ очень ранняго времени ямщики, вѣроятно, передавали свою службу, а, слѣдовательно, и права по ней отъ отца къ сыну, [5])

---

1) Вр. О. И. Д. Р., кн. 12, стр. 11, 36-37, 87.

2) Вр. О. И. Д. Р., кн. 11, стр. 260; А. Э. I, 180; Писц. кн. Новг., IV, стр. 502.

3) Вр. О. И. Д. Р., кн. 12, стр. 3, Угл. Писц. кн., стр. 150.

4) Вр. О. И. Д. Р. кн., 11, стр. 260, Писц. кн. Новг., IV стр. 502 и 549.

5) Корельскіе ямщики два брата Фомины были дѣтьми ямщика — Вр. О. И. Д. Р., кн. 12, по сравн. стр. 11 и 3; Раецкій ямщикъ Ондрейко Васюковъ

то естественно въ глазахъ всѣхъ, въ томъ числѣ и писцовъ, право пользованія землей, какъ фондомъ даннаго яма, отождествлялось съ правомъ наслѣдственной собственности. И вотъ мы читаемъ: въ 1539 г. за ямщики за Растцкими 4 обжи, что имъ дано подъ ямъ, а въ 1552 г.—за ямщики 4 обжи, пашутъ на себя сами ямщики, т. е. уже безъ упоминанія, что земля дана подъ ямъ [1]). Ямскія земли освобож-

---

сынъ, показанный въ 1552 г. (Новг. Писц. кн. IV, стр. 549), былъ, видимо, сынъ ямщика Васюка, показаннаго въ 1534 г. (Новг. Писц. кн. IV, стр. 502). Впрочемъ, объ этомъ говорилось уже выше.

[1]) Такъ какъ изслѣдователи обыкновенно говорятъ о ямскомъ строѣ, не дѣлая различія между тѣми особенностями, какія представлялъ этотъ строй въ разные періоды своей исторіи, то опредѣлить воззрѣніе писателей на данный вопросъ по отношенію къ періоду до конца первой половины 16 вѣка представляется весьма затруднительнымъ. Можно, впрочемъ, прослѣдить, что Бѣляевъ, Лекц. по ист. рус. законод., изд. 79 г., стр. 315, еще во время татарскаго владычества предполагалъ существованіе особыхъ ямскихъ слободъ. Слободы эти, какъ и вообще всѣ слободы, онъ характеризовалъ, какъ села, освобождавшіяся отъ общей раскладки податей и повинностей. Слободы, согласно Бѣляеву, заселялись не земледѣльцами, а разными промышленниками: рыболовами, бобровниками, ямщиками, псарями и т. д. Не говоря уже о томъ что въ документахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія ямскихъ слободъ до середины 16 вѣка, мы не можемъ, въ виду уже указанныхъ причинъ, принять и взглядъ Бѣляева на ямщиковъ, какъ на лицъ, несшихъ вмѣсто податей и повинностей обязанности по спеціальному промыслу. Ямщики были должностными лицами и несли службу въ прямомъ смыслѣ этого слова. Въ статьѣ о Поземельн. влад., Вр. О. И. Д. Р., кн. 11, стр. 38—39, Бѣляевъ считаетъ слободы одной изъ частей городского поселенія. Выраженіе, впрочемъ, не ясно: „собственно городская земля въ каждомъ городѣ Московскаго государства по населенію своему состояла изъ трехъ частей: собственно города или крѣпости, посада и слободъ.“ Что значитъ „городская земля по населенію своему“? Г. Соколовскій, Эконом. бытъ земледѣльч. насел. Россіи, изд. 78 г., стр. 11, утверждаетъ, что ямщики составляли особенный, довольно многочисленный разрядъ населенія, увеличившійся къ концу XVI столѣтія, когда натуральная ямская повинность стала замѣняться сборомъ ямскихъ денегъ. Въ Новгородской землѣ, на основаніи старыхъ переписныхъ книгъ, г. Соколовскій опредѣлялъ ямы, какъ поселки населенные жителями, занимавшимися ямской гоньбой и земледѣліемъ. Очеркъ ист. сельск. общ. на сѣверѣ Россіи, стр. 58. Авторъ не видитъ никакого различія между ямщиками до конца первой половины 16 вѣка и ямскими охотниками, какъ населеніемъ ямскихъ слободъ. Idid., стр. 42. Тѣмъ не менѣе, авторъ не рѣшился причислить ямщиковъ къ непашеннымъ торговымъ и промышленнымъ людямъ, населявшимъ слободы (стр. 59), какъ

дались отъ всякихъ сборовъ и повинностей. Это отчетливо видно изъ старой Новгородской окладной книги. Напримѣръ, за ямщиками яма на Назьѣ было земли соха безъ трети, „а стараго дохода шло денегъ пять гривенъ, баранъ, куря, десять локотъ полотна, да попона, пятокъ лну, три остромка сѣна, а изъ хлѣба четверть; а ключнику три четверти ржи, три четверти ячмени. А нынѣ пашутъ ямщики". [1])

Право пользоваться ямскими подводами опредѣлялось съ самаго начала особыми грамотами, называвшимися подорожными. Подорожныя существовали еще до учрежденія ямской гоньбы, являясь для предъявителей ихъ доказательствомъ, что поѣздка совершается не по личнымъ дѣламъ, [2]) а по указу князя. Такъ, уже въ 1470 г. кн. Юрій Дмитровскій запрещаетъ брать подводы, кормъ и проводниковъ съ Инобожескихъ селъ Троицкаго монастыря, „опроче кто погонитъ съ моей грамотой съ подорожной". [3]) Насколько можно судить по сохранившимся до насъ подорожнымъ конца 15 и начала 16 вѣковъ, при каждой поѣздкѣ давалась только одна подорожная, несмотря на то, что путь часто былъ очень сложенъ и иногда проходилъ черезъ земли, гдѣ не было ямской гоньбы. Нельзя не отмѣтить также, что первыя извѣстныя намъ подорожныя въ цѣломъ рядѣ частностей расходятся съ текстомъ подорожныхъ, какъ онъ опредѣлился къ концу первой четверти 16 вѣка. Это-же ведетъ къ заключенію, что текстъ подорожныхъ имѣетъ свою исторію: до конца 15 вѣка онъ варьируется, съ этого времени начинаетъ

это сдѣлалъ Бѣляевъ. Ильинскій, Городск. насел. новгородск. области въ 16 вѣкѣ, Ж. М. Н. П. 1876 г., т. 185, стр. 242, говоря о новгородскихъ ямахъ, также называетъ ихъ слободами, но осторожно оговаривается, что, вѣроятно, самое учрежденіе ихъ относится къ московскому періоду. Кромѣ того, въ отличіе отъ Бѣляева, Ильинскій общимъ признакомъ слободъ считаетъ спеціализацію занятій ихъ жителей, безъ различія какого рода эти занятія—промышленнаго или не промышленнаго. Владим. - Будановъ, Обзоръ, стр. 193, полагаетъ, что ямскія слободы появились вмѣстѣ съ ямской гоньбой и что ямщики обязательно набирались со всего населенія.

[1]) Вр. О. И. Д. кн. 11, стр. 260.

[2]) Поѣздка „своими дѣлами" должна была вестись на собственный счетъ. Напр. А. Э. I, 81.

[3]) А. Э. I, 86. Извѣстна и подорожная митрополита Филиппа А. И. I, 79.

стремиться къ однообразной формѣ которую однако, получаетъ не раньше самаго конца разсматриваемаго періода.

Первыя подорожныя или очень кратки или очень подробны, въ зависимости отъ сложности или несложности опредѣляемаго ими пути. Такъ, подорожная Кулпѣ Оксентьеву отъ 1489 г. гласитъ: „отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи отъ Москвы по дорозѣ по нашимъ землямъ, по Московской землѣ и по Тферской землѣ до Торжку по ямомъ ямщикомъ да и въ Торжокъ старостамъ, а отъ Торжку по Новгородской землѣ до Великаго Новагорода по ямомъ ямщикомъ, также и назадъ отъ Новагорода до Москвы. Послалъ есмы съ Юріемъ съ Грекомъ въ нѣмцы Кулпу Оксентьева и вы бы ему давали по двѣ подводы до подводъ отъ яму до яму, по сей моей грамотѣ. Лѣта 97.“ ([1]) Въ подорожной отъ 1490 г. прибавлено еще указаніе на количество слѣдуемаго ѣдущимъ корма. [2]) Подорожная отъ 1493 г., выданная подъячему Елкѣ, болѣе подробна: „Отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси. Отъ Москвы по дорогѣ, по нашимъ землямъ, по Московской землѣ и по Тферской землѣ до Тфери, по ямомъ ямщикомъ. Послалъ еси съ мазовецкимъ посломъ съ Иваномъ въ приставѣхъ Елку подъячаго: и вы бы Елкѣ давали на посла по семи подводъ отъ яму до яму, а ему по двѣ подводы; а кормъ бы есте давали ему на яму (перечень). А отъ Тфери Тферцею рѣкою всѣмъ людемъ безъ омѣны до Торжку, а въ Торжокъ старостѣ и всѣмъ городнымъ людемъ, а отъ Торжку до Волочка, а на Волочокъ старостѣ и всѣмъ хрестьянамъ, а отъ Волочка Мстою рѣкою до Великаго Новогорода всѣмъ людемъ, чей бы хто ни былъ, чтобы есте ему давали судно и гребци и кръмника. А гдѣ имъ прилучится стати, и вы бы имъ давали кормъ на стану, по сей грамотѣ. А отъ Новогорода по Новогородской землѣ и до Пскова, по ямомъ ямщикомъ

---

[1]) П. Дипл. Снош. I. стр. 23. Кстати замѣтимъ, что эта подорожная—древнѣйшая изъ намъ извѣстныхъ. Еще недавно со словъ Бржозовскаго, ц. с., стр. 351, указывалось, что древнѣйшая подорожная – 1493 г. Напримѣръ, въ энциклоп. слов. Брокгауза, пол. 48, стр. 800. Подорожную 1489 г. зналъ еще Лешковъ, ц. с. стр. 319.

[2]) П. Дипл. Снош. I, стр. 48. Тоже въ подорожной 1493 г. Зезевитову. П. Д. Сн., I, стр. 113.

и всѣмъ людемъ безъ омѣны чей хто нибуди, чтобы есте давали Елкѣ подъячему на посла на Мазовецкаго по семи подводъ да кормъ по тому-жъ по сей грамотѣ да ему по двѣ подводы; а гдѣ имъ будетъ надобѣ судно, и вы бы имъ давали судно и гребца. А какъ пойдетъ Елка назадъ изъ Пскова, и вы бы ему давали по двѣ подводы отъ яму до яму и до Москвы по сей моей грамотѣ". ([1]) Эта подорожная интересна не только тѣмъ, что въ ней подробнѣе, чѣмъ въ другихъ, описанъ путь, но и тѣмъ еще, что тутъ мы встрѣчаемъ предписаніе давать подводы не однимъ ямщикамъ, но и всѣмъ людямъ вообще „безъ омѣны, чей хто ни буди". Какъ ясно изъ приведеннаго текста, выраженіе это имѣло въ виду лишь мѣстности, не имѣвшія ямской гоньбы и правильнаго ямского строя. Но уже въ 1504 г. въ подорожной Сели толмача выраженіе „чей хто нибуди" можетъ быть понимаемо, какъ предписаніе всѣмъ и каждому приходить ямщикамъ на помощь, если того потребуютъ обстоятельства. [2]) Въ такомъ смыслѣ, видимо, практика, и понимала это выраженіе, что приводило, напримѣръ, къ тому что, ямщики нерѣдко брали лошадей у крестьянъ на торгу. [3]) Начиная со второй половины 16 вѣка, какъ попытка ограничить возможныя въ силу подобнаго смысла этихъ словъ злоупотребленія, явилась болѣе точная редакція: „по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людемъ безъ омѣны, чей хто ни буди". [4]) Въ уже цитированной подорожной отъ 1504 г. встрѣчаемъ еще одну новую часть текста - указаніе, чтобы подводы давались немедленно, не издержавъ ни часу. Съ тѣхъ поръ это указаніе входитъ въ текстъ подорожныхъ, какъ обязательная часть. [5]) Такимъ образомъ,

---

[1]) Сб. Ист. Общ., т. 35 стр. 93.

[2]) П. Д. Сн. I, стр. 124.

[3]) Напр. А. Э. I, 206, 1,2.

[4]) Особенно отчетливо можно прослѣдить это на большой пачкѣ подорожныхъ (больше ста) отъ 1606—1626 гг. въ Ар. М. И. Д. II. Д. С. Л. № 1. 1606 г.

[5]) Это мы находимъ и въ другой подорожной того-же года, въ Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 511, а затѣмъ на всемъ протяженіи—Чт. О. И. Д., кн. 47—48, 4, А. Ю. 364. Симбирск. Сборн., стр. 65, №№ 22 и, 23, А. Юр. Кал., II, 248,249, Вр. О. И. Д., т. 25, Опис. Щукинск. музея т. I, стр. 20,23,24, Шуйск. Акты, изд. Гарелина, № 200, Лѣтоп. занят Арх. Ком., т. V, стр. 91, 141,166 и т. д.

постепенно текстъ подорожныхъ сложился изъ слѣдующихъ частей: титула, точнаго опредѣленія маршрута (болѣе подробнаго или менѣе подробнаго, смотря по обстоятельствамъ), указанія на обязательность подорожной для всѣхъ попутныхъ ямщиковъ, а тамъ, гдѣ ямовъ нѣтъ, для всего населенія, имени и званія предъявителя подорожной, иногда и указанія причины, по которой данное лицо послано, обозначенія количества подводъ и проводниковъ или судовъ, кормщиковъ и гребцовъ, наконецъ, даты, подписи, печати и скрѣпы. Подорожныя писались обыкновенно на одномъ листѣ, къ которому внизу на отгибѣ прикладывалась черновосковая печать. Для разсматриваемаго періода намъ не удалось найти ни одной подорожной, выданной не въ Москвѣ, но, вѣроятно, подорожныя и тогда уже выдавались на городахъ. Хотя въ подорожныхъ гонцовъ, которыхъ отправляли изъ Москвы, обозначался и обратный путь, но трудно предположить, чтобы изъ городовъ къ Москвѣ никогда не посылались гонцы. Для 1589 г. имѣемъ уже прямое указаніе: „и онъ бы, князь Нохтевъ, посылалъ тѣ отписки съ тѣми гонцы, которые отъ тебя князя Григорья къ намъ погонятъ и подорожныхъ бы отъ себя не писалъ князь Иванъ мимо тебя большово князя Григорья“. [1]) Это мѣсто, между прочимъ, показываетъ, какую важность придавали въ Москвѣ праву воеводъ выдавать подорожныя: этимъ правомъ могъ пользоваться только большій воевода.

Вмѣстѣ съ подорожной, по крайнемъ мѣрѣ, въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, гонцу давались и грамоты къ властямъ всѣхъ тѣхъ земель и городовъ, гдѣ должна была быть или перемѣна способа передвиженія, или гдѣ вмѣсто ямскихъ подводъ слѣдовало брать мірскія, словомъ, разъ являлось предположеніе, что возможна задержка Такъ, при отправленіи Юрія Грека съ Кулпой дается, кромѣ подорожной, грамота къ новгородскимъ намѣстникамъ; при отправленіи подъячаго Елки, кромѣ подорожной, даются грамоты въ Тверь къ князю Василію, въ Новгородъ намѣстникамъ, въ Псковъ — князю Шуйскому, въ Псковъ-же посадникамъ

---

[1]) Счетн. дѣло кн. Трубецк. съ кн. Андр. Голицин. во Вр. О. И. Д.. т. 14.

и всему Пскову и т. д [1]) Этими грамотами достаточно опредѣляется непосредственная зависимость ямщиковъ отъ намѣстничьяго управленія, такъ какъ обязанность принять и отпустить посла или гонца возлагалась всецѣло на послѣднее, и ямщики являлись лишь исполнительнымъ органомъ.

Подчиненные на мѣстахъ намѣстничьему управленію ямщики, кромѣ того, какъ можно думать, съ самаго начала были подчинены и центральному ямскому органу, находившемуся въ Москвѣ. Всѣ свѣдѣнія ведутъ насъ къ тому, что первоначально управленіе ямскимъ дѣломъ сосредоточивалось въ рукахъ казначея и состоявшихъ при немъ ямскихъ дьяковъ Такъ, уже въ 1490 г упоминается ямской дьякъ Тимофей Моклоковъ. [2]) Этотъ Моклоковъ былъ ямскимъ дьякомъ еще въ 1503 г., когда у него было писано о корму посламъ литовскимъ, нѣмецкимъ и угорскимъ [3]) и когда онъ отпускалъ пристава, поѣхавшаго изъ Москвы съ посольствомъ къ Менгли-Гирею. Въ 1504 г. Моклоковъ давалъ запись и грамоту о подводахъ и кормѣ толмачу Коняю. [4]) Но этотъ-же Моклоковъ вмѣстѣ съ дьякомъ Данилой Мамыревымъ упоминается и въ духовномъ завѣщаніи Іоанна III, какъ дьякъ при „казнѣ", при казначеѣ Дмитріѣ Володиміровичѣ и печатникѣ Юріѣ Грекѣ. [5]) Былъ-ли онъ и тогда ямскимъ дьякомъ? Судя по тому, что ямскимъ дьякомъ былъ и Данило Мамыревъ, другой дьякъ при казначеѣ, Моклоковъ былъ ямскимъ дьякомъ и въ 1505 г. По однимъ даннымъ Моклоковъ былъ ямскимъ дьякомъ еще въ 1512 г., но, вѣроятно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ ошибкой [6]). Данило

---

[1]) П. Д. Сп. стр. 23—24, Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 93—95.

[2]) Записн. кн. акт., явлен. Д. Алябьеву, изд. Лаппо-Данилевскаго № 353.

[3]) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 410.

[4]) Сб. Ист. Общ. т. XLI, стр. 453 и 455.

[5]) Г. Г. Д., I, 144.

[6]) Записн. кн. акт. явл. Д. Алябьеву, №№ 315, 346. Нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя неисправности подлинника, съ котораго изданы эти акты. Такъ, ямской новгородскій дьякъ Курцевъ въ одномъ мѣстѣ названъ Кушникъ, а въ другомъ Ѳупикъ (230 и 226); Чюдинъ Митрофановъ показанъ подъ 1527 г., (№ 230), что едва-ли вѣрно, такъ какъ въ 1548 г. онъ былъ въ Москвѣ (Акты Юшкова № 163), а въ Новгородѣ былъ только въ 1550 г., что видно изъ Д. А. И. I. 104;

Мамыревъ. какъ извѣстно, писалъ духовное завѣщаніе великаго князя. [1]) Ему же великій князь давалъ на храненіе многіе документы; [2]) ему —какъ дьяку при „казнѣ", которая несомнѣнно служила въ то время и великокняжескимъ архивомъ. [3]) Вмѣстѣ съ казначеемъ Мамыревъ принималъ участье и въ переговорахъ съ послами. [4]) Онъ-же отпускалъ и посланнаго княземъ въ Литву дьяка съ двумя подъячими [5]) Между 1499—1502 годами упоминается о ямскомъ дьякѣ Алексѣѣ (Олексѣйко, Алексѣецъ) Лукинѣ Жерцовѣ, то называемомъ подъячимъ, то ямскимъ то ямскимъ дьякомъ Въ 1499 г. онъ состоитъ при приставѣ у кафинскаго посла, въ 1500 г. онъ—въ свитѣ московскаго посольства, отправленнаго въ Кафу, въ 1501 г. онъ приставъ при кафинскомъ послѣ. [6]) Ямскіе дьяки, какъ мы уже говорили, писали при Іоаннѣ III и послѣ него. согласно завѣщанію великаго князя, полныя и докладныя грамоты на Москвѣ. [7]) Благодаря этимъ

Коротень Васильевъ сынъ Путиловъ (№ 102) названъ въ другомъ мѣстѣ Тупиковымъ (№ 512) Александръ Ивановъ сынъ Хлуденевъ въ № 350 показанъ подъ 7097 г., что прямо противорѣчитъ тексту грамоты, гдѣ говорится о великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ; Долматъ Леонтьевъ Неклюдовъ (224) названъ въ другомъ мѣстѣ Нелюбовымъ (232) и т. д.

[1]) Г. Г. Д., I, стр. 400.

[2]) Сб. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 227, 303, 308, 310, 437, 445.

[3]) На роль казны, какъ архива, достаточно обратилъ вниманіе уже Ключевскій, Боярск. дума изд. 2-ое, стр. 172—173. Мысль эта разработана въ подробностяхъ Лихачевымъ, Разрядн. дьяки, стр. 41—46.

[4]) Сб. Ист. Общ, т. XXXV, стр. 284—288. Объ участіи казначея въ посольскихъ дѣлахъ см. Ключевскій, Боярск. дума, изд. 2-ое стр. 172. Прямыя указанія на это находимъ уже въ 1491 г. въ Пам. Дипл. Сн., I, стр. 66. Особенно много свидѣтельствъ объ участіи казначея Іоанна III Дмитрія Володиміровича въ Сб. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 75, 114—117, 123, 124, 148—151, 154, 269, 270, 273 и т. д.

[5]) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 440.

[6]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 284, 292, 395, 397, 404.

[7]) Г. Г. Д., I, 144. Твердыхъ данныхъ для разъясненія этого темнаго, но, во всякомъ случаѣ, интереснаго вопроса мы не имѣемъ. Лихачевъ, впервые поставившій вопросъ, какъ уже приходилось говорить, видѣлъ тутъ личный приказъ. Авторъ исходилъ изъ соображенія, что писать полныя и докладныя было поручено ямскимъ дьякамъ въ виду бездоходности ихъ основного дѣла, т. е. ямского (Ц. с., стр. 51) Для насъ въ разбираемомъ мѣстѣ завѣщанія Іоанна III одно вполнѣ ясно: наказывая, чтобы полныя и докладныя писалъ ямской дьякъ сына Василія, великій князь преслѣдовалъ все ту-же цѣль возвышенія старшаго

грамотамъ, мы узнаемъ о цѣломъ рядѣ ямскихъ дьяковъ между 1510—1550 г.г. Узнаемъ изъ тѣхъ-же грамотъ, что были особые ямскіе дьяки въ Москвѣ и особые въ Новгородѣ [1]). Одно мѣсто лѣтописи указываетъ намъ, что были особые ямскіе дьяки въ Псковѣ. На это обратилъ вниманіе еще Никитскій: „да во Псковѣ-же велѣлъ (въ 1510 г.) быти дьяку Мисюре Мунехину, вѣдати и приказные дѣла, а въ ямскихъ дьякахъ велѣлъ быти Ѳ. М. сыну Волосатаго, писати ему полные грамоты и докладные“ [2]). Объ обязанностяхъ ямскихъ

своего сына надъ остальными князьями. Во первыхъ, отъ полныхъ великій князь, какъ извѣстно, получалъ доходъ (брали таможники великаго князя), во вторыхъ самый актъ отчужденія вольнаго человѣка въ полницу долженъ былъ почитаться актомъ большого значенія. Основываясь отчасти на этомъ, отчасти на предположеніи, что лучшимъ способомъ контроля надъ намѣстниками являлась такая практика, при которой съ намѣстниками были бы при дѣлахъ и дьяки великаго князя, присоединяя затѣмъ къ этому тотъ фактъ, что ямскіе дьяки, какъ дьяки при казначеяхъ, были особенно близки къ великому князю, мы рѣшаемся предположить, что порученіе ямскимъ дьякамъ писать полныя и докладныя произошло изъ желанія великаго князя, чтобы съ намѣстниками были особо довѣренные дьяки. А такъ какъ полные писались съ доклада намѣстникамъ, то отсюда и опредѣлилась практика, по которой полныя писались именно ямскими дьяками. О томъ, что ямскіе дьяки были съ намѣстниками, мы знаемъ не только по Новгороду и Пскову, но и по Москвѣ; напримѣръ, въ 1516 году „того-же году намѣстники были трети Московскіе что давали полные и докладные Василій Семеновичъ Плотовъ-Даниловъ да князь Иванъ Васильевичъ Ромодановскій-Телеляшъ, а дьяки ямскіе тогда были и полные подписывали Данило Клобуковъ да Юрья Лелечинъ“. (Цит. по Лихачеву, ц. с., стр. 51). Во всякомъ случаѣ, намъ представляется, что разрѣшеніе загадки предстоитъ искать не столько въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи вопроса о ямскихъ дьякахъ, сколько въ изслѣдованіи вопроса о намѣстникахъ и объ отношеніи къ нимъ великаго князя Іоанна III.

[1]) Въ Москвѣ были ямскими дьяками: Ѳеоня Семеновъ Моклоновъ, между 1511 и 1512г.г., при ямскомъ при немъ Вересщагѣ (Акты, явл. Аляб., №№ 347, 509, 511), Иванъ Клобуковъ, около 1531 г. (№ 329; о немъ-же А. Э. I, 249, А. И. I, 165—для 1556 г.). Въ Новгородѣ были ямскими дьяками Черецъ Гавриловъ сынъ Паюсовъ между 1489 г. и 1511(?). Ар. ист.-юр. св. Калачева, II, 1, Акты Лакіера, стр. 34, № 4, 5, 7, Акты, явл. Алябьеву, №№ 163, 533, 534, 302 и 63; Булгакъ Васильевъ сынъ Вокшеринъ — между 1494 и 1509. Ар. ист.-юр. св. Калачева, II, 1, Акты Лакіера, стр. 31, №№ 1, 2, Акты, явл. Д. Алябьеву, №№ 62, 164, 337, 357, 358, 375; Ѳедоръ Михайловъ Колачевъ (№№ 537, 538) между 1515 и 1516 г.г., Григорій Шонуръ Яковлевъ около 1525 г. (№№ 227, 228) и т. д.

[2]) Цитируемъ по Очерку вн. ист. Пскова, Никитскаго стр. 304,

дьяковъ разсказывается достаточно опредѣленно и подъ 1536 г.: „а кормъ ему (послу) велѣно давати съ яму изъ двор ца своего (а писанъ кормъ у дьяковъ, которые ямы вѣдаютъ) а кормъ давалъ подъячій Матѳѣй Казаковъ“ [1]) Подъ тѣмъже годомъ и другое указаніе: „а кормъ посломъ дорожный и что имъ на Москвѣ давали писанъ у казначея да у дьяковъ, которые дороги ямскіе вѣдаютъ, Василія Рахманова да Тимоѳея Казакова“. [2])

Уже изъ того, что приведено, видно, что ямскіе дьяки состояли при казначеяхъ и по отношенію къ ямскому дѣлу имѣли извѣстное касательство къ казначеямъ. Но вспомнимъ уже не разъ цитированную грамоту Ергольскимъ ямщикамъ: ходатайствуя о починкѣ ямского двора, ямщики сказывали на Москвѣ казначею Юрію Дмитріевичу (Малому). Въ цитированной грамотѣ на Тотьму ямщиковъ утверждали и деньги имъ на ямской расходъ давали казначеи и ямскіе дьяки. Наконецъ, въ одной грамотѣ отъ 1532 г. ярославскимъ и романовскимъ ямщикамъ читаемъ: „били челомъ изъ Ярославля Спаской архиман дритъ Іона съ братью, а сказываютъ, что де вы въ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ и въ Ярославлѣ на посадѣ у крестьянъ, которые живутъ на ихъ мѣстѣхъ на Спаскихъ, емлете подводы на ямъ, и въ архимандричье мѣсто передъ нашимъ печатникомъ передъ Иваномъ Ивановичемъ Третьяковымъ мою грамоту жалованную ихъ слуга положилъ“. Какъ извѣстно Иванъ Ивановичъ Третьяковъ былъ казначеемъ съ 7034 по 7052 г г. [3])

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что ямскіе дьяки, съ одной стороны, вѣдали ямы, а, съ другой, употреблялись при сношеніяхъ съ послами и вообще въ посольскихъ дѣлахъ. Ямскіе дьяки состояли при казначеяхъ, которые, сверхъ

прим. 3. Дьяка Волосатаго встрѣчаемъ въ Псковѣ еще въ 1526 г., Акты Лакіера, № 3.

[1]) Сб. Ист. Общ., т. LIX, стр. 43.

[2]) Ibid, стр. 64. Ср. также подъ 1543 г. въ Сб. Ист. Общ., т. LIX стр. 206 и 214. Казначей Ив. Ив. Третьяковъ и дьяки, которые ямы вѣдаютъ, распоряжаются о кормѣ для пословъ.

[3]) А. Э. I, 156 и Чт. О. И. Д. 1898 г. 4, стр. 140. 141. (Акты, Юшкова), А. Спас. Мон. I, IX. О казначеѣ И. И. Третьяковѣ, см. Вивліоѳ., т. XX, стр. 23—32.

другихъ своихъ обязанностей [1]), принимали участье въ посольскихъ дѣлахъ и, видимо, также имѣли прямое отношеніе къ ямамъ. Выше намъ уже приходилось указывать на тѣсную связь ямского дѣла съ политическими задачами Москвы, съ дипломатическими сношеніями по преимуществу. Изъ цѣлаго ряда актовъ мы видимъ, что, начиная съ Іоанна III, повинностямъ населенія, связаннымъ съ ямскимъ дѣломъ, придается особое значеніе. Такъ, Іоаннъ III, освобождая жалованными грамотами отъ яма или отъ обязанности давать подводы на ямъ, дѣлаетъ иногда различныя оговорки, изъ которыхъ видно, что такое освобожденіе дается по крайней необходимости—напримѣръ „опустѣли“ (А И. I., 88) или не въ полномъ объемѣ, напримѣръ „опричь ратныхъ вѣстей“ [2]). При его преемникѣ изъ льготъ, общихъ для жалованныхъ грамотъ, иногда уже прямо исключается освобожденіе отъ ямской повинности [3]). Можно, слѣдовательно, думать, что развитіе и поддержаніе ямского строя ближайшимъ образомъ интересовало великихъ князей. Пріемъ и отпускъ пословъ, отпускъ съ ними московскихъ людей, встрѣча пословъ, необходимость пересылаться гонцами по поводу ожидаемаго пріѣзда пословъ, все это вызывало не только сложныя, но и отвѣтственныя заботы, такъ какъ отъ быстроты сношеній, отъ достаточнаго обезпеченія

---

[1]) Объ обязанностяхъ казначея – Вивліоѳика, т. XX, стр. 175, Успенскій „Опыты“, ч. 2., стр. 193. Неволинъ, Образ. Упр. отъ Іоанна III, до Петра, Полн. Собр соч., т. VI, стр. 154, Ключевскій, Боярск. дума, изд. 2, стр. 172, Лихачевъ, Разряд. дьяки, стр. 42 и сл. См. также такъ называемую „Указную книгу казначеевъ“ въ Хрестом. по Ист. Рус. Пр. Владимірскаго-Буданова, вып. III. Напомнимъ еще и весьма интересныя указанія проф. Дьяконова въ статьѣ о „Моск. реформахъ полов. 16 вѣка“, Ж. М. Н. Пр. 1894 г., кн. 4, стр. 189 - 198, гдѣ проводится мысль, что четверти, быть можетъ, обособились изъ вѣдомства казначеевъ. Вообще же говоря, не подлежитъ сомнѣнію, что, при неразработанности вопроса о функціяхъ казначеевъ, едва-ли мы усваиваемъ себѣ правильный взглядъ на истинное значеніе этой должности.

[2]) Наприм. А. И., I, 83, 86. Это дало поводъ Бржозовскому, ц. с. стр. 348, замѣтить, что, начиная съ Іоанна III, освобожденіе отъ яма дается неохотно. Онъ высказалъ также, что знаетъ только двѣ освобождающія отъ яма грамоты Іоанна III. Но ихъ было несомнѣнно больше: А, И, I, 83, 87, 88, 219, А. Юр. Кал., I, 31, XI, XIV, А. Спас. Мон., I, 9 и др. Мнѣніе Бржозовскаго повторилъ, однако, еще Хрущовъ, ц. с., стр. 6.

[3]) Напримѣръ А, Э. I, 147, 164.

пословъ кормами и подводами могло зависѣть достоинство власти. Казначей, какъ ближайшее къ великому князю лицо, употребляемое непосредственно для посольскихъ сношеній, могъ естественно явиться и главнымъ руководителемъ ямского дѣла. Дьяки, при немъ состоявшіе, были непосредственными исполнителями его распоряженій, сначала, вѣроятно, всѣ, а затѣмъ нѣкоторые, въ рукахъ которыхъ стало сосредоточиваться спеціально ямское дѣло. По сравнительно недавно открытымъ даннымъ можно думать, что достаточно рано завѣдыванье ямскимъ дѣломъ сосредоточилось въ особомъ учрежденіи, которое называлось то ямскимъ приказомъ, то ямской избой [1]). Оставляя болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса до особой главы о ямскомъ приказѣ, скажемъ здѣсь только, что, вѣроятно, должность казначея оставалась не безъ прямого отношенія къ ямскому дѣлу, даже далѣе конца первой половины вѣка [2]).

Закончимъ этотъ очеркъ указаніемъ на свидѣтельства Герберштейна и Даніила Принца изъ Бухова. По словамъ Герберштейна, посольство ѣхало отъ яма до яма и на каждомъ яму мѣняло лошадей. Ѣхали очень быстро: изъ Новгорода въ Москву служитель Герберштейна проѣхалъ 600 верстъ въ 72 часа. Лошадей на ямахъ было много, такъ что, когда однажды ему понадобилось только 12 лошадей, ямщикъ привелъ 30, а то приводилъ и 40 и 50 лошадей [3]) Даніилъ Принцъ изъ Бухова, описывая поѣздку на ямскихъ въ тѣхъ-же чертахъ, какъ и Герберштейнъ, считаетъ учрежденіе ямовъ важнымъ удобствомъ: ямы давали возможность быстро совершать большіе переѣзды [4]).

Изъ обозрѣнія тѣхъ повинностей, которыя ложились на населеніе во имя поддержанія ямского строя, мы видѣли уже, что ямы тяжело доставались населенію. Но тяжесть значительно увеличивалась въ виду безцеремонности гонцовъ и ѣздоковъ, считавшихъ себя вправѣ прибѣгать ко

---

[1]) Лихачевъ, Библіотека и архивъ Московскихъ государей въ 16 стол., стр. 56—58.

[2]) Подр. см. главу седьмую — о ямскомъ приказѣ.

[3]) Перев. Анонимова стр. 87.

[4]) Начало и возникновеніе Москвы, Чт. О. И. Д. 1876, 4, стр. 72—73.

всякимъ мѣрамъ, разъ они посланы къ великому князю или отъ него; не малое значеніе имѣли и злоупотребленія со стороны ямщиковъ. Безцеремонность гонцовъ и ѣздоковъ, впрочемъ была исконнымъ зломъ: ставиться силою въ попутномъ селеніи, брать силою кормъ и подводы ѣздить непошлыми дорогами - съ этими явленіями боролись князья еще до учрежденія ямской гоньбы [1]). Когда ямская гоньба учредилась, можно было бы ждать, что описываемое зло прекратится; но ямская гоньба учредилась и развивалась параллельно съ исконной подводной повинностью, затѣмъ она не охватывала всей страны, наконецъ, и по ямской дорогѣ гоньба не устраняла случаевъ остановокъ и перемѣны лошадей между ямами, по станамъ. Послѣднее иногда, видимо, по соображеніямъ съ обстоятельствами дѣла, опредѣлялось въ самихъ подорожныхъ и наказахъ гонцамъ. Такъ, напримѣръ, въ наказѣ Ѳедору Долматову, отправленному въ 1502 г. проводить посольство къ Менгли-Гирею, читаемъ: „а первый станъ посломъ отъ Москвы въ монастырскомъ селѣ въ Симановскомъ, въ Сосенскомъ, а другой въ Спасскомъ селѣ въ Саковѣ, а третій на Лопаснѣ, въ Ѳеодоровѣ селѣ въ Васильчикова, или въ Хрущова селѣ, а четвертой въ Грабыни въ Серноховскомъ, а пятой на Полеѣ въ Тарускомъ, а шестой въ Лисинѣ, въ Колужскомъ, а семой въ Колузѣ, а осмой въ Воротынску, а девятой въ Серенску, а десятый на Брыни.. А имати тотъ кормъ Ѳеодору на станѣхъ во чінхъ селѣхъ ни буди; а гдѣ прилучитца станъ на яму, ино имати у ямщиковъ" [2]). Сильно отягощали населенье и ямщики, которые какъ уже говорилось, брали многія лишнія подводы, брали силою, брали съ торгу, держали подводы на яму „бездельнѣ", держали ямскія подводы у себя въ деревняхъ и т. д. [3]) Какъ мы уже говорили, въ особенно невыгодномъ положеніи находилось населеніе, живщее вблизи ямской дороги, или между двумя параллельными ямами: ямщики каждаго яма считали себя вправѣ собирать подводы на свой ямъ [4]). Правительство иногда приходило въ такихъ случаяхъ на помощь населенію—присы-

---

1) А. Э. I, 61, 65, 81 и др.

2) б. Ист. Общ., т. XLI, стр., 441—442.

3) А. Э. I., 180, 206, А. И. I, 137, 295 и др.

4) А. Э. I, 206, А. Сп. Мон., I, 13, 44, 48, 50.

лало особыхъ приставовъ, грозило ямщикамъ взысканіемъ убытковъ въ двойномъ размѣрѣ противъ начисленныхъ жалобщиками, [1]) но все это, очевидно, мало помогало дѣлу.

Да оно и понятно: ямы не приносили никакой пользы населенію; каждая новая жертва, которая отъ кого-либо требовалась во имя ямского строя, какъ бы, въ сущности, не была она незначительна, казалась поэтому уже несправедливостью. Между тѣмъ, трудно было ожидать особой осмотрительности въ отношеніи населенія со стороны ямщиковъ, которые, хотя и выходили изъ среды самого-же населенія, но весь смыслъ своего существованія видѣли въ исправности своей службы, т. е. въ большемъ количествѣ лошадей на яму, въ возможно быстрой доставкѣ вѣстей или гонцовъ, въ возможно большой экономіи при производствѣ ямского расхода изъ государевыхъ денегъ и т. д.. Правительство, видимо, ясно понимало, если не размѣры, то причину зла. Доказательства тому мы видимъ во-первыхъ, въ установленіи платы за подводы, во-вторыхъ, въ готовности прекращать всякія, сдѣлавшіяся извѣстными злоупотребленія. Но правительство не могло отказаться отъ необходимой для него и только для него ямской гоньбы, а, слѣдовательно, видѣло исходъ лишь въ полумѣрахъ. Такимъ образомъ, самъ собой рождается вопросъ—кто-же произвелъ дальнѣйшія реформы въ ямскомъ строѣ: правительство, стараясь согласовать свои интересы съ интересами населенія, или-же населеніе, стараясь такъ приноровиться къ несомнѣнно тяжелой ношѣ, чтобы по возможности она удобно переносилась?

Къ сожалѣнію, матеріалы, которыми приходится оперировать при разрѣшеніи этого вопроса, даютъ почву лишь для болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ.

---

[1]) А. Э. I, 206, А. Э. I, 156 и др.

III.

Основное отличіе второго періода въ исторіи ямской гоньбы отъ только что описаннаго состояло въ томъ, что населеніе сдѣлалось обязано выставлять на ямы по сошному разводу не подводы, а людей, которые имѣли бы все, что нужно для гоньбы, и которые гоняли бы гоньбу за поставившихъ ихъ. Такъ какъ такіе люди, получившіе названіе ямскихъ охотниковъ, выставлялись населеніемъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ—а иногда, быть можетъ, и безсрочно—то, очевидно, что достаточно было одного такого видоизмѣненія, чтобы весь ямской строй получилъ совершенно иную организацію. Должность ямщика должна была превратиться въ особое состояніе, ямскіе охотники должны были образовать изъ себя особыя единенія, должно было явиться свое особое управленіе, долженъ былъ сложиться свой особый бытъ. Предполагая даже, что указанная перемѣна явилась не вдругъ, не въ силу одного какого-либо распоряженія, можно опредѣленно сказать, что она произошла не ранѣе 40-хъ годовъ 16 вѣка и не позднѣе начала 60-хъ годовъ. Раньше, чѣмъ гдѣ нибудь, она должна была произойти по ямской дорогѣ между Москвой и Новгородомъ.

Нѣтъ данныхъ утверждать категорически, что мы наблюдаемъ въ данномъ случаѣ не реформу, а сложившуюся на почвѣ бытовыхъ отношеній смѣну явленій. Нѣтъ, однако, данныхъ утверждать, что основаніемъ этой смѣны явленій послужила исключительно дѣятельность самого населенія и что правительство только признало совершившійся фактъ. [1]) Гораздо правильнѣе предположить,

---

[1]) Хотя никто въ литературѣ не отмѣчаетъ, что между гоньбой на началахъ подводной повинности и появленіемъ охотниковъ были еще ямщики, какъ должность, но часто повторяется мнѣніе, что охотники созданы исключительно населеніемъ и что правительство лишь признало фактъ. Рѣзче другихъ это мнѣніе выражено Домбровскимъ, ц. с., стр. 125

что дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ по заведенному распорядку ямская гоньба отправлялась сошными подводами, которыя собирались на ямы ямщиками, то, вѣроятно, постепенно вырабатывался классъ людей, избравшихъ своимъ промысломъ наниматься за очередныхъ стоять на яму не только съ подводами нанимателей, но и съ собственными подводами. Ямщиками въ офиціальномъ смыслѣ этого слова они не были, они не пользовались никакими привиллегіями ямщиковъ, не имѣли никакого участія ни въ земляхъ, ни въ доходахъ ямщиковъ, получая въ свою пользу лишь наемную плату отъ очередныхъ, кото рыхъ они замѣняли на ямахъ, и кромѣ того тотъ наемъ — прогоны, о которомъ было говорено выше. Но они постоянно были на яму или наготовѣ туда отправиться. Такимъ образомъ, оставаясь во всѣхъ отношеніяхъ въ своемъ первобытномъ состояніи, они лишь по роду своего промысла были ближе къ ямскому дѣлу, чѣмъ всѣ остальные жители данной мѣстности. По всей вѣроятности, извѣстное число такихъ лицъ составлялось также изъ дѣтей и род ственниковъ ямщиковъ, которые, если они оставались на яму, имѣли отчасти значеніе готовыхъ кандидатовъ на должность ямщика, а отчасти наиболѣе подходящаго элемента для описаннаго стоянія на яму за очередныхъ. Чѣмъ по данной дорогѣ былъ значительнѣе разгонъ, тѣмъ скорѣе долженъ былъ образоваться этотъ классъ людей Когда же онъ образовался, онъ обнаружилъ сразу цѣлый рядъ удобствъ какъ для правительства, такъ и для населенія. Послѣднее, нанимая за себя охотниковъ, перелагало натуральную повинность въ денежную; если оно не дѣлало, быть можетъ, данной повинности болѣе дешевой абсолютно, то дѣлало ее несомнѣнно болѣе дешевой относительно: не приходилось терять времени, иногда очень дорогого, не приходилось подвергаться опасностямъ пути, притѣсненіямъ и насиліямъ со стороны ямщиковъ, а въ особенности гонцовъ и всякихъ ѣздоковъ и т. д Съ точки же зрѣнія правительства такой порядокъ былъ много удобнѣе уже однимъ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ гарантировалъ правильность сообщеній въ большей степени, чѣмъ при первоначальномъ порядкѣ, когда каждый разъ приходилось имѣть дѣло съ другими лицами, которыхъ къ тому же слѣдовало посто-

янно собирать въ опредѣленный пунктъ и въ опредѣленное время.

Но образованіе этого класса охотниковъ должно было неизбѣжно породить два вопроса: одинъ для населенія, другой для правительства. Разъ около ямовъ начали группироваться особые люди, спеціально занимавшіеся ямской гоньбой, но остававшіеся вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ какого-либо опредѣленнаго положенія, надо было, если не создать имъ это положеніе, то опредѣлить его, привести въ болѣе тѣсную связь какъ съ ямскимъ дѣломъ, такъ и съ общими условіями жизни. Населеніе, съ другой стороны, которое до сихъ поръ, если и выставляло за себя охотниковъ, то каждый разъ по особому соглашенію, должно было стремиться къ установленію такого порядка, при которомъ изъ вырабатывавшихся отношеній было бы устранено все случайное, что въ нихъ было. Кромѣ того, при неопредѣлившихся отношеніяхъ охотникъ могъ въ каждую минуту и уйти съ яма, а это одно требовало уже реформы со стороны правительства, такъ какъ такой охотникъ не былъ лицомъ, которое заслуживало бы достаточнаго довѣрія въ весьма отвѣтственномъ и важномъ дѣлѣ, которому онъ служилъ (напримѣръ, везъ посла, гонца въ Москву или изъ Москвы, везъ извѣстіе). Со стороны же населенія было естественно стремиться имѣть обязательныхъ охотниковъ, т. е. такихъ, которые навѣрное бы освобождали его отъ постоянныхъ заботъ объ исполненіи ямской повинности. Наконецъ, не могло не имѣть значенія и естественное стремленіе самихъ охотниковъ къ болѣе тѣсному общенію съ ямами, къ которымъ они постепенно привыкали, съ положеніемъ которыхъ связывали свое положеніе, а, слѣдовательно, и въ распорядкахъ на которыхъ искали принять возможно близкое участіе.

Когда взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и стремленій успѣло сказаться съ достаточной опредѣленностью, - а не нужно было много времени, чтобы это произошло—оставалось создать ту форму, въ которой надлежащимъ образомъ была бы отлита назрѣвшая потребность. Придумывать не пришлось ничего, такъ какъ достаточно было и извѣстныхъ уже формъ, и извѣстныя уже формы потребовали лишь нѣкоторой комбинаціи. Если въ теченіи

перваго періода, когда ямская гоньба велась случайными гостями на яму—очередными, достаточно было одного ямского двора, какъ пункта, куда сгонялись очередныя подводы, если земли, придаваемыя къ ямамъ, и деревни служили лишь служебнымъ фондомъ для ямщиковъ, завѣдывавшихъ ямами, то теперь, когда гоньба должна была уже вестись специально для нея назначенными людьми, одного ямского двора и уже отведенныхъ земель должно было оказаться недостаточно: около ямскихъ дворовъ пришлось устроить ямскія слободы, а соотвѣтственно увеличить и земельные надѣлы. Почему именно—слободы, какъ онѣ должны устроятъся, какъ должны управляться, въ какомъ отношеніи должны находиться къ другимъ населеннымъ пунктамъ - все это было уже за обычай и новыхъ вопросовъ не порождало.

Весь распорядокъ ямскихъ слободъ поэтому устанавливается какъ бы по готовому шаблону. Что же касается отдѣльныхъ частностей, то и онѣ опять таки по первому началу переносятся въ новый ямской строй изъ формъ отношеній уже готовыхъ. На новой почвѣ многое получаетъ свое особое развитіе, но это ужъ другой вопросъ.

Перейдемъ къ фактамъ. До шестидесятыхъ годовъ 16 вѣка всѣ акты, сколько ихъ не пришлось изучать, не упоминаютъ объ ямскихъ охотникахъ, говоря только о ямщикахъ. [1]) Въ чемъ состояли обязанности ямщиковъ, мы уже говорили въ предыдущей главѣ; въ чемъ состояло назначеніе ямскихъ охотниковъ—скажемъ дальше. Понятія эти не тождественны. Если молчанье источниковъ не является еще само по себѣ доказательствомъ, то, съ другой стороны, нельзя признать простой случайностью, что полное молчаніе источниковъ объ извѣстномъ институтѣ съ опредѣленнаго времени вдругъ смѣняется многочисленными на него указаніями. Тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ институтѣ, который является лишь частью учрежденія, оставившаго не мало слѣдовъ и въ актахъ до 60-хъ годовъ 16 вѣка. Особенно отчетливо это видно изъ сопоставленія выраженій, въ которыхъ въ жалованныхъ грамотахъ опредѣляются льготы по участію въ ямской гоньбѣ: до начала

---

[1]) Напримѣръ еще въ А. Э., I, 159, 180, 190, 201, 206, А. И. I, 140, Д. А. И. I, 51, XIII, 57, 104 и мн. др.

60 годовъ говорится вездѣ объ освобожденіи отъ обязанности стоять на яму съ подводами; послѣ этого времени—отъ обязанности давать на ямъ охотниковъ [1]). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ, если онѣ переписывались на царское имя послѣ 60 хъ годовъ, дѣлается даже спеціальная приписка: „также есми ихъ пожаловалъ". [2]) Правда, съ первыхъ-же извѣстій о ямскихъ охотникахъ мы встрѣчаемъ указанія и на „старыхъ" охотниковъ, [3]) но это отнюдь не должно указывать на продолжительность времени, предшествовавшаго появленію ямскихъ охотниковъ. Во первыхъ, по отношенію къ каждому новому, поставленному на ямъ охотнику, какъ увидимъ дальше, всякій уже бывшій въ слободѣ охотникъ считался старымъ, хотя, быть можетъ, онъ попалъ на ямъ лишь годъ или два назадъ. Во вторыхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ съ самаго, видимо, начала, когда только что впервые устраивались слободы, встрѣчаются старые охотники могли имѣться въ виду тѣ охотники, которые гоняли гоньбу за очередныхъ по соглашенію: какъ таковые они назывались охотниками, хотя и не имѣли еще опредѣленнаго положенія на ямахъ.

Случайно мы имѣемъ возможность установить, что въ ярославскомъ и ростовскомъ уѣздахъ ямскія слободы и ямскіе охотники на нихъ были устроены впервые въ 1565 г. Такъ, въ грамотѣ отъ 1532г. читаемъ указъ ярославскимъ и романовскимъ ямщикамъ не брать у монастырскихъ крестьянъ подводъ на ямъ. Въ грамотѣ отъ 1545 г. ямщикамъ Вокшерскаго (Ярославскаго-же уѣзда) яма предписывается не брать съ тѣхъ монастырскихъ крестьянъ, которые стоятъ съ подводами на яму въ Романовѣ, подводъ на Вокшерскій ямъ. О запрещеніи ямщикамъ (малосольскимъ) брать подводы на ямъ у монастырскихъ крестьянъ имѣется грамота и отъ 1565 г. Въ грамотѣ-же отъ 1580 г. читаемъ предписаніе ямскому сборщику не брать съ монастырскихъ двухъ селъ большаго числа охотниковъ на различные ярославскіе

---

[1]) Наприм. ср. жалов. гр. въ А. И. I, до № 188 и послѣ; въ А. Э. до № 277 и послѣ и т. д. См. напр. у о. Досифея, Опис. Соловецк. Мон. въ собраніи жалованныхъ грамотъ по монастырю т. III. стр. 11, 38, 47.

[2]) Напр. А. И. I, 188.

[3]) Напр. А. Спас. Мон., I, 39.

ямы, чѣмъ слѣдуетъ съ нихъ, согласно полученной монастыремъ жалованной грамоты [1]). Такимъ образомъ, въ ярославскомъ, ростовскомъ и романовскомъ уѣздахъ эта замѣна сошныхъ на ямы подводъ сошными на ямы людьми произошла между 1565 и 1580 г. Слѣдующая грамота отъ 1570 г. даетъ намъ возможность съ точностью сказать, что въ ярославскомъ и ростовскомъ уѣздахъ эта замѣна произошла въ 1565 г.: „отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси въ Ярославль Ивану Захарову да подъячему Ширяю Нелюбову; въ прошломъ 77 году данъ вамъ съ книгъ Никитина письма Годунова ямскимъ слободамъ списокъ за дьячей приписью, а велено вамъ въ Ростовѣ да въ Ростовскомъ уѣздѣ на Шепецкомъ яму, да въ Ярославлѣ, да въ Ярославскомъ уѣздѣ на Вокшерскомъ яму писати и строити ямскія слободы и пашнями, угодьи извѣрстати старыхъ и новыхъ охотниковъ всѣхъ повытно да и земли ямскіе, которые земли Микита Годуновъ да подъячій Романъ къ ямамъ приписалъ, а не отмѣжевалъ и вамъ тѣ земли по Никитину письму отъ всѣхъ земель отмѣжевати вѣлено, чтобы тѣмъ ямскимъ землямъ впередъ спору ни съ кѣмъ не было“ [2]). Изъ другихъ данныхъ извѣстно, что книги Никиты Годунова относятся къ 1565 г. [3]) Слѣдовательно, въ 1565 г. былъ сдѣланъ первый шагъ къ устроенію въ данныхъ уѣздахъ ямскихъ слободъ, а въ 1569 г. начатое дѣло было закончено. Въ той-же грамотѣ читаемъ: „а въ прошломъ 77 г. послѣ Никиты Годунова писали Ярославль и Ярославскій уѣздъ писцы наши Василій Ѳоминъ да Григорій Сукинъ съ товарищи, да и Ярославскую ямскую слободу и въ слободѣ охотниковъ имянъ и прозвищи и поручниковъ ихъ имена и прозвища написали въ книги подлинно и дворы и пашнею изверстали ихъ по нашему наказу сполна.. и вы бы часа того ѣхавъ да по тѣмъ книгамъ ярославскіе ямскіе слободы охотниковъ всѣхъ пере смотрели всѣхъ на лицо и у нихъ лошадей и двороваго строенія дозрили подлинно... да ту ямскую слободу и въ слободѣ охотниковъ приказали вѣдати и беречи ямскіе сло-

[6]) А. Спас. Мон. I, 9, 13, 50.
[7]) А. Спас. Мон. I, 39.
[8]) А. Спас. Мон. I, 36.

боды прикащику по прежнему нашему наказу". Очевидно, что тутъ идетъ рѣчь объ учрежденіи новомъ, недавно заведенномъ, не вполнѣ еще законченномъ

Нѣтъ, однако, никакихъ основаній считать, что въ ростовскомъ и ярославскомъ уѣздахъ ямскія слободы были устроены раньше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ. Дорога на Ярославль получила сравнительно большее значеніе только нѣсколько позже, когда этимъ путемъ началась усиленная пересылка посольствами съ Англіей. Главнымъ путемъ въ 50-хъ годахъ все таки оставался путь между Москвой и Новгородомъ, который назывался большой московской дорогой. [1]) Еще въ 1556 г. ямская гоньба отъ Новгорода велась на ямахъ населеніемъ подъ завѣдываніемъ ямщиковъ. [2]) Но въ 1560 г. въ Новгородѣ и въ Псковѣ были уже устроены ямскія слободы. Какъ видно изъ дѣла о возобновленіи псковскаго яма въ 1642—1667 г., по справкамъ обнаружилось, что свѣдѣнія о псковской слободѣ сыскались лишь съ 1560 г. Была-ли слобода и раньше, этого никто сказать не могъ. Съ псковскаго уѣзда Загорская ямская слобода была устроена именно въ 1560 г. [3]) Такъ какъ Псковъ стоялъ все таки въ сторонѣ отъ большой московской дороги, то слѣдуетъ думать, что на новгородскихъ ямахъ имѣлись устроенныя ямскія слободы нѣсколько раньше, между 1556—1560 гг.. Но слѣдующія данныя заставляютъ насъ думать, что новгородскія слободы были устроены одновременно съ псковскими и что на новгородскихъ ямахъ не было ямскихъ охотниковъ ранѣе 1560 г.: во первыхъ, и въ нѣсколько позднѣйшее время новгородскія и псковскія ямскія слободы устраиваются всегда одновременно, что видно изъ цѣлаго ряда устройныхъ книгъ 1573, 1586, 1606 и др. годовъ (Имп. Пуб. Биб. О. IV, 260—263 и 334); во вторыхъ, въ тѣхъ-же новгородскихъ устройнихъ книгахъ мы встрѣчаемъ указанія на всѣ послѣдовательныя устроенія ямскихъ слободъ, при чемъ вездѣ предѣльнымъ указаніемъ является устрой Ивана Мацнева 1560 г. Тотъ

---

[1]) Д. А. И., I, 104.

[2]) Д. А. И., I, 57; 51, XIII; 104. Въ переписной книгѣ Шелонской пятины отъ 1552 - 1553 г.г. мы еще встрѣчаемъ на Пшаскомъ яму только 4 ямщиковъ (но не ямскихъ охотниковъ). Новг. Писц. кн т. IV, стр. 564.

[3]) Арх. М. И. Д. II. Д. С. Л., св. 153, № 91, 1642—1667 г.г.

же Иванъ Мацневъ строилъ, какъ видно изъ уже цитированнаго дѣла, псковскую и загорскую слободы въ 1560 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ думать, что слободы въ ростовскомъ и ярославскомъ уѣздахъ не были устроены на много позже новгородскихъ, такъ какъ отъ ямского строя ближайшихъ къ Москвѣ уѣздовъ находился видимо въ зависимости ямской строй въ самой Москвѣ: Москва, нуждаясь сравнительно въ весьма значительномъ количествѣ охотниковъ, такъ какъ разгонъ былъ, конечно, большій, чѣмъ изъ всякаго другого пункта, не довольствовалась мѣстными средствами пополненія комплекта своихъ ямскихъ охотниковъ и требовала людей изъ уѣздовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1580 г. съ земель одного Спасскаго монастыря было взято въ Москву на житье 7 охотниковъ. [1]) Въ Москвѣ же уже въ 1570 г. была ямская слобода у Амочженскихъ воротъ [2]) и еще раньше въ 1566 г., Тверская ямская слобода [3]).

Переходя затѣмъ къ даннымъ, на которыхъ мы основываемъ предположенія о мѣрѣ участія населенія и участія правительства въ описываемой реформѣ, необходимо обратить вниманіе на то, что едва-ли слѣдуетъ считать время, когда впервые устраиваются ямскія слободы, временемъ перваго появленія названія „ямской охотникъ". Ямской охотникъ, какъ официальное названіе, можетъ быть, явилось одновременно съ устройствомъ первыхъ ямскихъ слободъ, но самое понятіе должно было сложиться раньше, если не предполагать, что это названіе придумано властью. А оно едва-ли придумано. Въ чемъ собственно выражалась охота ямского охотника? Въ томъ, что охотникъ шелъ на ямъ, вмѣсто другихъ. Иными словами: тутъ выражалась та сторона отношенія, которая менѣе должна была интересовать правительство и болѣе—населеніе. То что охотникъ шелъ на ямъ, касалось ближе всего правительства, то-же, что онъ былъ охотникъ касалось лишь тѣхъ, за кого онъ шелъ. Слѣдовательно, строя слободы для охотниковъ, прави-

---

[1]) А. С. Мов., I, № 49.

[2]) Рус. Ист. Сборн. Погодина, II, Счетное дѣло кн. Тим. Ив. Долгорукова съ кн. Дан. Прінмковымъ.

[3]) Сб. Рус. Ист. Общ. Т. LXXI, стр. 340, Интересно, что до 1566 г., несмотря на случаи, гдѣ пословъ встрѣчаютъ тѣмъ-же порядкомъ, Тверская ямская слобода не упоминается.

тельство реформировало организацію гоньбы лишь въ томъ отношеніи, что дало опредѣленіе положенію, уже пустившему въ жизнь свои первые корни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли эти корни были очень глубоки, такъ какъ очень не задолго до устроенія первыхъ ямскихъ слободъ мы еще продолжаемъ встрѣчать указанія на то, что ямщики берутъ съ сохъ на ямы подводы, тѣснятъ при этомъ населеніе, собирая подводы безъ счета, безъ нужды и т. д. Другими словами: уже вырабатывался тотъ классъ неофиціальныхъ охотниковъ, о которыхъ мы говорили, но онъ еще былъ немногочисленъ и не имъ опредѣлялись характерныя особенности ямского строя. Такъ, напримѣръ, еще въ февралѣ 1565 г. т. е. въ самый годъ устроенія первыхъ ямскихъ слободъ въ ростовскомъ и ярославскомъ уѣздахъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до составленія Никитой Годуновымъ первыхъ книгъ ямскихъ слободъ, былъ присланъ указъ малосольскимъ ямщикамъ не брать у монастырскихъ (Спасскаго монастыря) села Леванова крестьянъ подводъ на ямъ, не грабить ихъ, не бить и т. д. [1]) Въ 1556 г. новгородскіе ямщики еще продолжаютъ называться ямщиками и выступаютъ лишь въ качествѣ распорядителей ямовъ. [2]) Слѣдовательно, населеніе намѣтило только путь, по которому оно желало, чтобы пошла реформа; самая же реформа была произведена все таки правительствомъ. Нѣкоторое значеніе мы придаемъ еще и слѣдующему обстоятельству: въ 1555 г. завѣдывалъ ямской избой Иванъ Матцневъ съ товарищи (Д. А. И. I, 51, XIII). Этотъ же Иванъ Матцневъ, какъ указано выше, строилъ новгородскія и псковскія ямскія слободы. Если правильно наше предположеніе, что устрой 1560 г. первый устрой, то, если бы въ данномъ случаѣ мы не имѣли дѣла съ реформой, едва-ли для устроенія слободъ былъ бы посланъ изъ Москвы дьякъ, завѣдывавшій ямскимъ приказомъ. Устроеніе же первыхъ слободъ по главнымъ дорогамъ дѣйствительно, должно быть представляться весьма важнымъ и отвѣтственнымъ порученіемъ. Къ этому приводитъ, наконецъ, еще и то соображеніе, что какъ, видно изъ уже приведенныхъ примѣровъ, новый порядокъ по раз-

---

1) А. С. Мон. I, 34.
2) Д. А. И. I, 104.

личнымъ дорогамъ былъ установленъ почти одновременно. Если-бы рѣшающая роль принадлежала населенію и роль правительства ограничилась лишь тѣмъ, что оно признало совершившійся фактъ, то скорѣе всего слѣдовало-бы ожидать, что переходъ отъ одного порядка къ другому совершался бы по мѣрѣ выясненія факта въ каждой данной мѣстности. Въ 1566—1568 г.г. переходъ этотъ, однако, должно считать окончательно завершившимся, такъ какъ въ писцовыхъ книгахъ Казанскихъ 7074—7076 г г., гдѣ описывается ямская казанская слобода, читаемъ: „ямскіе слободы охотники съ казанскими посадскими людьми ни въ какіе дѣла не тянутъ ни во что, а служатъ государеву службу ямскую, держатъ подводы изъ прогоновъ по тому-жъ въ верховныхъ городахъ въ всѣхъ ямскихъ слободахъ“ [1]).

Приведенныя соображенія покажутся, вѣроятно, болѣе убѣдительными, если мы вспомнимъ, что 50 и 60 годы 16 столѣтія являются вообще годами, когда былъ произведенъ цѣлый рядъ серьезныхъ внутреннихъ реформъ: къ этому времени мы видимъ стремленіе замѣнять намѣстниковъ воеводами, видимъ, что общинное начало получило значительное участіе въ земскомъ управленіи, видимъ реформу сошнаго письма и т. д. Реформа ямского строя, помимо тѣхъ спеціальныхъ причинъ, на которыя уже указано, могла явиться од нимъ изъ слѣдствій и этого общаго движенія, имѣвшаго главной своей цѣлью облегчить населенію тяжесть возложенныхъ на него обязанностей, упорядочить отношеніе населенія къ центральной власти.

При новомъ порядкѣ на населеніе падали слѣдующія обязанности: 1) оно должно было выставлять на ямъ охотниковъ; 2) оно должно было давать ямскимъ охотникамъ подмогу; 3) въ случаяхъ особенно большого разгона должно было подмогать подводами; 4) по прежнему должно было чинить дороги и строить ямскіе дворы; 5) по прежнему платить въ казну ямскія деньги.

Охотники выставлялись съ сохъ. Сообразно съ тѣмъ, какъ прежде, когда съ сохъ брались на ямы подводы, къ каждому яму приписывалось извѣстное число сохъ, при чемъ сравнительная близость даннаго населеннаго пункта

---

[1]) Заринскій, Очерки древней Казани, стр. 182.

къ данному яму имѣла то значеніе, что, если этотъ пунктъ находился между двумя ямами, то приписывался ямской стряпней къ ближайшему. Это, впрочемъ, не мѣшало и сосѣднему яму предъявлять свои права на населеніе того-же пункта. Такъ какъ съ 50-хъ годовъ началась реформа сошнаго письма, выразившаяся въ измѣреніи сохи опредѣленнымъ количествомъ четвертей [1]), то, видимо, и распредѣленіе сошной земли между ямами въ отношеніи ямской стряпни видоизмѣнилось, сравнительно съ распредѣленіемъ установившимся изстари. Отголоскомъ этого могутъ служить жалобы, нерѣдкія въ теченіи конца 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ. Содержаніе этихъ жалобъ однообразно: изстари данное село или деревня были приписаны къ одному яму, нынѣ-же это село или деревню ямской стряпней приписали къ другому яму [2]). Нельзя видѣть здѣсь только злоупотребленія со стороны властей; скорѣе, это—слѣды стремленія населенія сохранить старый порядокъ, къ которому выработалась привычка. Такъ какъ, однако, пока всѣ эти частные вопросы не опредѣлились съ достаточной ясностью, должны были имѣть силу оба порядка—старый и новый—то неудивительно, что именно въ данное время особенно часты случаи привлеченія ямской стряпней къ двумъ ямамъ сразу—по старому росписанію и по новому [3]). По общему правилу съ сохи бралось по два ямскихъ охотника. Указа-

---

[1]) Подроб. см. Милюковъ, Спорные вопросы, стр. 35—52.

[2]) Особенно характерны въ этомъ отношеніи А. С. М. I, XLIV, XLVIII, L. Проф. Дьяконовъ въ статьѣ „Городовые приказщики“, Ж. М. Н. Пр., 1900 г, кн. I., стр. 73—76 также отмѣтилъ, что во второй половинѣ 16 вѣка существовали параллельно два порядка разверстки податей и повинностей: одинъ старый, по которому на уѣздъ устанавливалось нѣсколько комплексовъ владѣній съ взаимной отвѣтственностью включенныхъ въ округъ владѣній, другой—новый, по которому опредѣлялась доля каждаго владѣльца соотвѣтственно размѣрамъ его владѣній. На ямской гоньбѣ послѣдній порядокъ, однако, не наблюдается. Та-же двойственность, которая отмѣчена нами въ текстѣ, выражалась лишь въ томъ, что произошло измѣненіе въ составѣ этихъ комплексовъ,—пользуемся выраженіемъ проф. Дьяконова—сравнительно съ тѣмъ составомъ комплексовъ, который сложился раньше при отбываніи ямского дѣла путемъ выставленія на ямы подводъ. Мы склонны видѣть причину этого измѣненія въ реформѣ сошнаго письма: иное земельное измѣреніе передвинуло границы комплексовъ.

[3]) А. С. М. I, XLVIII, L.

ніе на это мы встрѣчаемъ еще въ 1573 г. Но есть основаніе думать, что до 1573 г. съ сохи брали только по одному человѣку и что по два охотника съ сохи стали брать по спеціальному царскому указу. Такъ, читаемъ: „дѣялось деимъ въ прошлыхъ годѣхъ 77 и 78, сбирали деи на Рязани наши посланники Салтыкъ Михайловъ да Москвитинъ Леонтій Дмитріевъ на Кончаковскій ямъ съ сохъ охотниковъ ямскихъ, и взяли деи съ Пречистые вотчины съ села съ Григорьевскаго съ деревнями съ сохи по человѣку и послѣ де мору и татарскіе войны въ 81 году сбирали... съ тѣхъже сохъ и взяли деи съ Пречистые вотчины, по нашему наказу, съ живущего съ дву съ сохъ четыре человѣка охотниковъ“ [1]). Слѣдовательно, ближайшимъ основаніемъ этого спеціальнаго указа въ данномъ случаѣ явилось татарское нашествіе весной 1571 года, кончившееся, какъ извѣстно, сожженіемъ Москвы, и двухлѣтній моръ, истребившій во многихъ городахъ не малое число людей. Хотя рязанскій уѣздъ, о которомъ идетъ рѣчь въ грамотѣ, долженъ былъ пострадать отъ татарскаго нашествія значительнѣе другихъ, но продолжительная война и двухлѣтній моръ не могли не отразиться тяжело и на другихъ уѣздахъ. Такимъ образомъ, весьма возможно, что около 1573 г., дѣйствительно, былъ изданъ указъ, по которому на всѣхъ ямахъ одинаково вмѣсто одного человѣка съ сохи брали на ямы двухъ. По два человѣка съ сохи брались, напримѣръ, въ 1579 г. на Ярославскій и Вокшерскій ямы, въ 1580 г. на Шепецкій ямъ [2]); по два человѣка съ сохи бралось и въ 1601 г въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ томъ же уѣздѣ и въ 1613 г. [3]) На новгородскіе и псковскіе ямы эта норма не распространялась. Тамъ установилась своя практика—брали охотника по такому разсчету, чтобы съ сравнительно небольшого земельнаго пространства можно было устроить необходимое число охотниковъ. Послѣднихъ-же требовалось весьма много, такъ какъ только между Новгородомъ и Торжкомъ было девять большихъ ямовъ, не считая двухъ большихъ новгородскихъ слободъ, да былъ цѣлый рядъ ямовъ между Новгородомъ

---

1) Р. И. Б. II, 240.

2) А. С. М. I, XLVII,L.

3) А. Юр. 278, 192, 343.

и Псковомъ, между Новгородомъ и Великими Луками, между Новгородомъ и Орѣшкомъ. Если не считать второстепенныхъ ямовъ, на которыхъ было не болѣе 20 охотниковъ, окольныхъ—съ 10 охотниками и поперечныхъ съ 5—2 охотниками, то только для большихъ ямовъ до конца 16 вѣка требовалось около 1000 охотниковъ, послѣ 1586 г. около 750 охотниковъ, послѣ 1609 г. около 600 охотниковъ. Какъ видно изъ устройныхъ книгъ, соотвѣтственно съ числомъ охотниковъ, необходимымъ на каждый ямъ, мѣнялся и размѣръ земельной единицы, съ которой брался охотникъ. Такъ, брали съ 3 обжей безъ четверти по человѣку, съ 4 обжей съ третью, съ 5 обжей съ половиной, съ 6 обжей по человѣку [1]). Выставляя охотника, списывались, кому съ кѣмъ смежно и сручно. Напримѣръ, въ 1605 г. былъ взятъ охотникъ съ помѣстья Василія Лодыгина съ обжи безъ четверти, съ Микифорова помѣстья Лодыгина съ обжи безъ получетверти да съ помѣстья двухъ дочерей Лодыгина съ получетверти обжи, съ Петрова помѣстья Лодыгина съ 2 обжей безъ четверти, съ Якова Лодыгина - обжа безъ четверти, съ Тимофея Лодыгина съ обжи, съ Сергѣя Мельницкаго съ четверти обжи, а всего съ $5^{1}/_{2}$ обжи [2]). Охотники брались съ живущихъ вытей по платежнымъ книгамъ. Въ случаѣ особой надобности не стѣснялись тѣмъ, что на сосѣдніе ямы охотники брались съ большей земельной единицы и заставляли давать охотника съ единицы меньшей. Такъ, въ 1603 г., въ то время какъ на пшаскій ямъ брали одного охотника съ 4 обжъ съ третью, на сухловскій ямъ (между пшаскимъ

[1]) Соха въ устройныхъ новгородскихъ книгахъ равняется вездѣ 30 обжамъ. Напримѣръ: 133 обжи безъ полъ-полъ-четверти обжи равны 4 сохамъ съ полусохой безъ полъ-полъ-полтрети сохи и безъ полъ чети обжи и безъ полъ-полъ чети обжи Q. IV, 334, л. 185. Также л. 209 и мн. др. Кстати, укажемъ, что во всѣхъ новгородскихъ устройныхъ книгахъ обжа фиксирована и равняется 5 десятинамъ или 10 четвертямъ въ полѣ, а въ дву потомужъ. Это мы встрѣчаемъ съ 1573 г. Такимъ образомъ, приходится нѣсколько отодвинуть указаніе Милюкова, по словамъ котораго фиксація обжи наблюдается лишь съ 1581 г. (Спорн. вопр., стр. 36). Очевидно также, что соха уже въ третьей четверти 16 вѣка равнялась 300 четвертямъ въ каждомъ полѣ или 150 десятинамъ.

[2]) Q. IV, 261, л. 313. Беремъ на выдержку, такъ какъ такихъ указаній въ видѣ сплошныхъ книгъ весьма много въ каждой устройной книгѣ.

и загорскимъ) приказано было брать охотника съ 2 обежъ безъ полъ-полъчетверти. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что ямъ былъ срочно необходимъ, между тѣмъ, устроенный впервые въ 1596 г., въ 1603 г. ямъ уже опустѣлъ, а охотники, которые на немъ еще оставались, охудали. Изъ наказа даннаго стройщикамъ, и изъ отчета послѣднихъ мы можемъ отчетливо видѣть, какъ выставлялись на ямъ охотники: „а росписати (стройщикамъ) велѣно обжи порознь ровно по двѣ обжи на охотника безъ полъ-полъ-четверти, а росписавъ обжи велѣно собрать волостныхъ людей на Сухловскій ямъ для ямскаго строенья да какъ волостные люди на сухловскій ямъ для ямского строенья съѣдутся и имъ велѣты выбрати на сухловскій ямъ въ охудалыхъ охотниковъ мѣсто съ сохъ крестьянъ лучшихъ, семьянистыхъ и прожиточныхъ, которымъ бы впередъ мочно на сухловскомъ яму ямская гоньба гоняти... И дворяне и дѣти боярскіе, которые на сухловскій ямъ для ямского строенья съѣхалися, сами и ихъ и монастырскіе прикащики и крестьяне по росписи, какова роспись для ямского строенья за дьячьей приписью дана, живущіе обжи и охудалыхъ охотниковъ росписали межъ собою полюбовно сами кому съ кѣмъ смежно и сручно впередъ въ охотника быти для ямского строенья а росписавъ обжи порознь по двѣ обжи на охотника и охудалыхъ охотниковъ розделя подъячему Ивану Матѳѣеву да Семейкѣ Частому дали росписи за своими руками“ [1]). Черезъ извѣстный промежутокъ времени смѣчали на ново, сколько прибыло вытей, не приписанныхъ къ ямамъ стряпней. Выти эти присоединялись къ старымъ росписямъ если ихъ было не много, если-же новыхъ вытей было много, то разводъ дѣлался на ново. Такъ, напримѣръ, послѣ устроя новгородскихъ и псковскихъ ямовъ 1586—1587 г.г., къ 1600 г. оказалось много новыхъ вытей; ихъ переписали, а затѣмъ на ново росписали охотниковъ [2]). Интересно отмѣтить, что съ Новгорода охотники на посадскіе новгородскіе ямы, на обѣ слободы—котельницкую (по московской дорогѣ) и алексѣевскую (по псковской дорогѣ)—не брались. Слободы строились по прибору, частью на средства казны, частью на

---

[1]) Q. IV, 262, л. 37—38.

[2]) Такая книга о девяти новгородскихъ ямахъ въ Q. IV, 261, съ л. 144,

средства уѣздныхъ людей. (Возможно, что эта практика установилась тутъ въ силу прежнихъ новгородскихъ льготъ, по которымъ князья не имѣли права брать съ новгородскихъ купцовъ повозъ, кромѣ ратной вѣсти). Какъ видно изъ наказа воеводѣ кн. Трубецкому и изъ наказа послѣдняго стройщикамъ, обѣ слободы новгородскія были устроены такъ: „прибрати имъ (стройщикамъ) на псковскую дорогу въ ямскую слободу семдесятъ человѣкъ охотниковъ, а держати имъ по четыре мерины, а прибрати въ ямскую слободу охотниковъ, которые похотятъ людей добрыхъ владычнихъ и монастырскихъ и княжихъ и боярскихъ крестьянъ чьихъ ни буди и сказывати имъ государева жалованья на лошади и на дворы по 25 р. человѣку да подъ огороды и на пашню земли по десяти четвертей человѣку опричь загонныхъ денегъ, а загонные имъ деньги имати изъ государевой казны сколько хто загоняетъ. Да и тѣхъ имъ людей сыскивати, которые люди прежъ сего бывали на новгородскомъ яму на псковской дорогѣ во ямскихъ слободѣхъ во охотникѣхъ и у которыхъ людей были отцы и братья въ охотникахъ и тѣхъ, которые похотятъ вново ямскіе охотники въ ямскую слободу на псковскую дорогу писати въ книги какъ котораго зовутъ и чей сынъ и прозвище и у кого живутъ или въ Новѣгороде на посадѣ, которые живутъ своими дворы да и поруки по нихъ поимати добрые кому мочно вѣрити въ томъ, что имъ въ Новѣгородѣ на яму съ подводами стояти и государевыхъ посланниковъ и гонцовъ съ яму отпущати не издержавъ ни часу. Да и биричьми велѣли кликати по всѣмъ торгомъ которые похотятъ на новогороцкомъ яму на псковской дороге въ ямской слободе чьи ни буди владычни и монастырскіе княжіе и боярскіе крестьяне, и тѣ бы тотчасъ писалися у Третьяка у Карамазова. А Государева жалованья на лошади и дворы по двадцати по пяти рублей человѣку да подъ дворы и подъ огороды и на пашню земли по десяти четвертей человѣку, а загонныя деньги имати имъ изъ Государевой казны сколько хто загоняетъ“ [1]). Деньги-же на устроеніе охотниковъ сначала было велѣно развести на уѣздныя сохи, а съ новгородскаго посада ни денегъ, ни охотниковъ брать не

[1]) Q. IV, 263, л. 9 11.

велѣно; 300 рублей приказано было дать изъ казны. Но по настоянію архіепископа планъ былъ видоизмѣненъ: вмѣсто 70 охотниковъ приказано было прибрать 50 охотниковъ, изъ казны дать 200 рублей, а остальныя деньги приказано было собрать по разводу съ уѣздныхъ сохъ [1]).

Имѣется указанье, что, кромѣ охотниковъ на свой ямъ населеніе выставляло охотниковъ и въ московскія ямскія слободы. Указанье относится къ 1580 г. къ Ярославскому уѣзду: „билъ намъ челомъ изъ Ярославля Спасскаго монастыря архимандритъ Ѳедосей зъ братією, а сказалъ: взялъ де ты у нихъ по нашей грамотѣ съ монастырскіе вотчины съ ярославскаго яму съ пяти сохъ пять человѣкъ охотниковъ на житье къ Москвѣ да съ монастырскіе-же съ вотчины съ вокшерскаго яму взялъ Яковъ Пареной съ дву сохъ дву человѣкъ охотниковъ на житье къ Москвѣ жъ на житье... а опричь-де московскихъ семи человѣкъ охотниковъ стоятъ съ монастырскихъ вотчинъ на ярославскомъ да вокшерскомъ яму съ тѣхъ-же семи сохъ семъ человѣкъ

---

[1]) Данный случай интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что характеризуетъ отчасти отношенія между новгородскимъ воеводой и новгородскимъ архіепископомъ. Когда воевода и дьяки получили приказъ изъ Москвы объ устроеніи двухъ слободъ съ 70 охотниками въ каждой, съ 4 меринами у каждаго охотника, при 25 рублевой подмогѣ на каждаго охотника, воевода и дьяки доложили о дѣлѣ архіепископу. Послѣдній не согласился съ этимъ проектомъ и предложилъ устроить двѣ слободы по 30 охотниковъ въ каждой, по 3 мерина у каждаго охотника и при подмогѣ въ 25 рублей на охотника. Воевода и дьяки сослались на указъ, архіепископъ обѣщалъ написать царю отъ себя. Но воевода и дьяки не рѣшились ослушаться царскаго указа и приступили къ точному его исполненію, написавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москву о желаніи архіепископа. Архіепископъ, въ свою очередь, написалъ въ Москву. Царь, не согласившись съ архіепископомъ, отступилъ, однако, въ частностяхъ отъ первоначальнаго проекта: вмѣсто 70 охотниковъ на каждую слободу приказалъ прибрать по 50, вмѣсто 4 мериновъ каждому держать по 3, подмоги дать вмѣсто 25 рублей на человѣка—20 рублей; соотвѣтственно измѣнилась и ассигновка изъ казны: вмѣсто 300 р. при 3200 р по сошному разводу на уѣздныхъ людей, приказано было дать 200 рублей при 1800 руб. по уѣздному разводу. Архіепископъ-же предлагалъ выдать изъ казны 150 р. при 1350 руб. по разводу съ сохъ. Весьма возможно, что столь дѣятельное участіе архіепископа въ ямскомъ строеніи въ Новгородѣ слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что подъ самымъ Новгородомъ значительная часть земель принадлежала ему, монастырямъ и церквямъ. Q. IV., 263, л. л. 1—108.

охотниковъ". [1]) Хотя по приводимому разсчету (съ 7 сохъ 14 охотниковъ) монастырская вотчина давала только то, что съ нея слѣдовало (охотникъ съ полусохи), но, видимо, въ дѣйствительности, разсчетъ долженъ былъ быть таковъ: ярославскій посадскій ямъ съ 12 сохъ долженъ былъ имѣть 24 охотника, а сверхъ того пять охотниковъ должны были быть отправлены съ Ярославля къ Москвѣ. Но Щетневъ, которому было поручено дѣло, взялъ къ Москвѣ всѣхъ пятерыхъ, поставленныхъ съ монастырскихъ пяти сохъ, не взявъ ни одного съ остальныхъ семи сохъ. Такъ какъ, какъ видно изъ того-же документа, отправляемыхъ въ Москву охотниковъ рядили по 70 рублей человѣку, тѣмъ-же, кто оставался на мѣстномъ яму, давали лишь 15 руб. подмоги, то, конечно, монастырю было не безразлично, чьи охотники идутъ въ Москву и чьи остаются. На несправедливость въ этомъ отношеніи монастырь и жаловался. Слѣдовательно, изъ приведеннаго разсчета правильнѣе заключать, что, охотники въ Москву давались сверхъ мѣстнаго комплекта, а не въ числѣ его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ основаній предполагать, что эта мѣра имѣла общее значеніе. Вѣроятнѣе всего, эта мѣра имѣла значеніе лишь для ближайшихъ къ Москвѣ уѣздовъ. Напримѣръ, уже съ новгородскаго уѣзда охотники къ Москвѣ, вѣроятно, не брались. Едва-ли это не вытекаетъ изъ того, что при несомнѣнной детальности, съ какой велись ямскія книги новгородскія, и при томъ числѣ ихъ, какое сохранилось, трудно представить, чтобы до насъ не дошло хоть какихъ-нибудь косвенныхъ указаній на обязанность населенія, приписаннаго стряпней къ новгородскимъ и псковскимъ ямамъ, давать охотниковъ въ Москву, если бы таковая обязанность существовала.

Выставляя на ямъ охотниковъ, населеніе обязано было давать имъ подмогу. Подмога была двухъ родовъ: единовременная и погодная. Первая давалась на обзаведеніе въ слободѣ, т. е. на подъемъ „съ старины", т. е. съ мѣста прежняго жительства, и на постройку двора; вторая имѣла значеніе рядной платы. Первая могла и не быть, вторая была обязательно. Размѣръ единовременной подмоги обыкновенно опредѣлялся правительствомъ, размѣръ погодной

---

[1]) А. Сп. М., I, XLIX.

подмоги часто зависѣлъ отъ соглашенія, но едва-ли не въ большей еще мѣрѣ отъ установившихся въ данной мѣстности за много лѣтъ цѣнъ. Иногда, впрочемъ, размѣръ и этой подмоги опредѣлялся правительствомъ. Напримѣръ, въ 1612 г., при возобновленіи пронскаго яма, предписывалось сказать сошнымъ людямъ, чтобы они давали охотникамъ погодно по прежнему указу по 10 руб. денегъ человѣку да хлѣба по 10 чети ржи, овса тоже. [1]) Но рядомъ съ этимъ читаемъ въ дѣлѣ о загорскомъ ямѣ, „что охотники имали съ псковскаго уѣзда съ пригородовъ и съ засадъ (въ 1586—1609 гг.) сошныхъ людей погодно по уговору какъ на который годъ уговорятся". [2]) Въ сохранившихся порядныхъ погодная плата опредѣляется какъ бы установленной по уговору. Напримѣръ, въ порядной 1613 г. читаемъ: „а найму рядили на годъ". [3]) То-же и въ поручной 1605 г. „а рядили на годъ". [4]) Соотвѣтственно съ этимъ было бы безполезно искать какихъ либо общихъ окладовъ годовой подмоги. Встрѣчаемъ подмогу и въ 5 руб., встрѣчаемъ и въ 15 рублей и даже въ 17 рублей (съ сыномъ) [5]) Впрочемъ, за среднюю годовую плату можно принять 10 рублей деньгами и 10 четвертей овса и ржи. Если почему-либо рядная плата не соотвѣтствовала среднимъ цѣнамъ или хотя бы тѣмъ, которыя считались среди охотниковъ даннаго района достаточными, населеніе неизбѣжно должно было входить съ охотниками въ новое соглашеніе. Гоньбой правительство дорожило; охотники, пользуясь положеніемъ, докучали въ Москву, и, еслибы населеніе отказывалось дать прибавку, то указомъ изъ Москвы оно было бы все-таки принуждено къ этому. Неудивительно, что въ порядной 1609 г., гдѣ охотнику къ старой подмогѣ годовой прибавляютъ десять руб. да десять четвертей ржи и овса пополамъ, въ числѣ договорныхъ пунктовъ читаемъ: „и Государю Царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи на крестьянъ въ ны-

---

[1]) А. Ряз. стр. 47.

[2]) Ар. М. И. Д. П. Д.С. Л., Св. 153, № 91, 1642 г.

[3]) А. Ю. 192.

[4]) А. Ю. 294, I.

[5]) А. Ю. 294, I, II, Акты Гарелина, стр. 9, А. С. М., I, XLIX и др.

нѣшнемъ 117 году о подмоги не бити челомъ и убытка и волокиты не учинити никотораго". [1])

Что-же касается единовременной подмоги, то она, какъ сказано уже, давалась по указу. Но иногда, вѣроятно, и эта подмога давалась по взаимному соглашенію. Впрочемъ, мы знаемъ только одно указаніе на такую практику, но и оно относится къ сравнительно позднѣйшему времени и притомъ къ яму вновь учрежденному. А именно въ указѣ объ учрежденіи пермскаго яма читаемъ: „а подмога ямщикамъ дати Пермичамъ и Вятичамъ на лошади и для двороваго строенія межъ себя по уговору". [2]) Размѣръ этой подмоги былъ тоже различенъ по мѣстамъ, но въ теченіи извѣстнаго періода времени въ данномъ районѣ онъ обыкновенно держался на одномъ уровнѣ. Такъ, на новгородскихъ и псковскихъ ямахъ, до начала 17 вѣка и позже, размѣръ единовременной подмоги почти всегда—20 рублей деньгами и 40 четвертей овса и ржи пополамъ. Какъ мы уже знаемъ, при устроеніи въ 1586 г. двухъ новгородскихъ слободъ предполагалось дать по 25 руб. подмоги на охотника, но столько, очевидно, лишь потому, что было въ началѣ рѣшено обязать охотниковъ держать по 4 мерина каждому; когда рѣшили ограничить требованье 3 меринами на охотника, уменьшили подмогу до 20 рублей на человѣка. Изъ описанія этого-же случая мы знаемъ, что казна приняла нѣкоторое участіе въ расходѣ по подмогѣ, но случай вѣдь былъ исключительный: казна платила за посадъ, съ котораго, какъ мы думаемъ, во имя старыхъ привиллегій, рѣшила не брать ни охотниковъ, ни на подмогу имъ денегъ. [3]) Тѣмъ не менѣе и тутъ правительство сейчасъ-же разложило на населеніе тѣ 200 рублей, которые оно отпустило ямскимъ охотникамъ на подмогу. По крайней мѣрѣ, въ отпискѣ 1594 г. читаемъ: „дьяки Григорій Клобуковъ да Смирной Васильевъ взяли въ государеву казну новгородскимъ посадскимъ ямскимъ охотникамъ на подмогу въ двѣсти рублевъ, съ Обонежскіе пятины, съ Заонежья, съ Егорьевскаго погоста съ Толвуи съ Вежискаго монастыря вотчины съ сохи съ третью да съ полуобжи 4 руб. 28 алтынъ 4 деньги". [4]) Этотъ фактъ тѣмъ болѣе интере-

[1]) А. Ю. 294, II,

[2]) А. Э. II, 54.

[3]) Ср. Q. IV, 264, л. 158. Q. IV, 263 л. л. 3–4 9—11 и др.

сенъ, что, давъ въ 1586 г. 200 руб. единовременно, правительство только послѣ усиленныхъ челобитій ямщиковъ, которые жаловались, что ихъ обманули, такъ какъ обѣщали давать ежегодно по 20 рублей на человѣка между тѣмъ дали подмогу лишь за первый годъ, предписало въ 1588 г., смотря по дѣлу, если нельзя охотникамъ гонять безъ ежегодной подмоги, давать имъ съ сохъ посадскихъ по 6 руб., а съ уѣздныхъ по 5 руб. [2]) Но изъ другого источника мы знаемъ, что эти охотники получали для ихъ бѣдности государева жалованья лишь по 1½ и по 2 рубля на годъ. [3]) Такимъ образомъ, видимо, тѣ 200 рублей, о которыхъ идетъ рѣчь въ приведенной отпискѣ, все тѣ-же первоначально истраченныя правительствомъ 200 рублей въ складчину съ деньгами, разложенными на сохи. Однажды истраченныя эти деньги были тутъ-же собраны съ земли по дополнительной раскладкѣ, а затѣмъ дополнительная раскладка, имѣвшая временное значеніе, была утверждена, и съ сохъ по ней взималось и впредь. Норму въ 20 руб. на охотника единовременной подмоги встрѣчаемъ, напримѣръ, на псковскомъ яму еще въ 1623 г., „а даваны тѣ деньги съ города Пскова двѣ трети, а съ засадъ и пригородовъ треть“. [4])

Кромѣ годовой подмоги въ собственномъ смыслѣ, т. е. шедшей охотнику на руки рядной платы за то, что охотникъ гонялъ гоньбу за избравшія его сохи, населеніе платило еще другую подмогу, называвшуюся „ямскимъ охотникамъ на подмогу“, къ которой причислялся также сборъ „ямскимъ охотникамъ на ямы и прогоны“. Деньги по этимъ двумъ сборамъ шли въ казну. Въ казну-же по прежнему собирались и ямскія деньги. То что каждый изъ этихъ видовъ сборовъ исчислялся отдѣльно, видно, напримѣръ, изъ платежной книги ямскихъ денегъ половины Бѣжецкой пятины Тверской половины сбора выборныхъ губныхъ старостъ 1588 года: „съ двухъ обежъ ямскихъ и приметныхъ 2 рубли, подмогу ямскимъ охотникамъ 7 алтынъ, ямскимъ охотникамъ на ямы и прогоны 22 алтына и 1 деньга“ (л. 446); „въ живущемъ 1½ обжи, ямскихъ и примет-

[1]) А. Ю. 214, IV, 2.

[2]) Q. IV, 263, л. 238.

[3]) Q. IV, 263, л. 15 об.

[4]) Ар. М. Й. Д. П. С. Л., Св. 153, № 91, 1642 г.

ныхъ денегъ рубль 16 алтынъ 4 деньги, подмогу ямскимъ охотникамъ 5 алтынъ 1½ деньги, ямскимъ охотникамъ на ямы и прогоны 20 алтынъ" (л. 452 об.); „въ живущемъ обжа, ямскихъ и приметныхъ денегъ рубль, ямскимъ охотникамъ подмогу 3 алтына 3 деньги, ямскимъ охотникамъ на ямы и прогоны 11 алтынъ съ полуденьгой" (л. 469). [1]) Такое раздѣленіе сборовъ имѣло общее, а не временное или мѣстное значеніе, такъ какъ мы встрѣчаемъ его, напримѣръ, еще въ 1596—1598 г.г. въ Можайскѣ: „да съ Можайска-жъ съ посаду, опричь монастырскихъ слободокъ, Большово приходу доходовъ ямскихъ и приметныхъ денегъ 45 рублевъ, съ сохи по 20 рублевъ, да ямскихъ денегъ ямскимъ охотникамъ на подмогу 22 рубля 16 алтынъ 4 деньги, съ сохи по 10 рублевъ." [2]) Здѣсь мы видимъ только ту разницу, что два сбора—подмога и на прогоны соединены уже въ одной общей цифрѣ. Если принять во вниманіе отношеніе между размѣромъ ямскихъ денегъ и денегъ на подмогу и денегъ на прогоны въ Бѣжецкой книгѣ, то окажется, что и тамъ первыхъ собирается вдвое или почти вдвое больше, чѣмъ вторыхъ и третьихъ вмѣстѣ. Окладъ въ 20 рублей для ямскихъ денегъ и въ 10 рублей съ сохи подмоги и на прогоны мы встрѣчаемъ въ самыхъ различныхъ уѣздахъ, [3]) окладъ въ 10 рублей съ сохи охотникамъ на подмогу и прогоны мы встрѣчаемъ не только до конца 16 вѣка, но и въ началѣ 17 вѣка. [4]) Какъ увидимъ дальше, этотъ окладъ имѣлъ и послѣдующую исторію: подъ именемъ малой ямщины онъ существовалъ почти до конца 17 вѣка.

Нельзя сомнѣваться, что подмога, о которой тутъ идетъ рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ подмогой—рядной платой. Во первыхъ, она не соотвѣтствуетъ ей и по размѣрамъ, такъ какъ рядная плата достигала, какъ мы видѣли и 17 рублей на охотника, между тѣмъ при окладѣ въ 10 р.

---

[1]) Ар. М. И. Д. По реестру книгъ по Новгороду № 11. Этой книгой пользовался уже Рожковъ, Сельское хозяйство Московской Руси. На стр. 232, авторъ, видимо, также различаетъ каждый изъ этихъ сборовъ.

[2]) Ар. М. Ю. Писц. Можайск. пос. и у. письма и мѣры Загряскаго № 251. Частью напечатана въ Можайск. Акт. о. Діонисія, стр. 36.

[3]) А. Ю., 209, V, VI; А. Ю. 214, II, III, IV, V, VII.

[4]) А. Э. II, 18, А. Ю. 214, VIII, А. Э. II, 6, 8, 84.

на соху, при предположеніи, что съ сохи даются два охотника, эта подмога давала бы въ итогѣ лишь 5 рублей на охотника Во вторыхъ, мы застаемъ ее фиксированной, а, какъ мы уже знаемъ, рядная плата зависѣла отъ соглашенія. Но самое главное мы видимъ, что эта подмога идетъ въ казну; рядная же плата шла охотникамъ на руки

Вопросъ о томъ, что это за вторая подмога, шедшая уже не охотникамъ на руки, а въ казну, находится, какъ рѣшаемся думать, въ неразрывной связи съ другимъ вопросомъ получали ли ямскіе охотники жалованье? Какъ правило - не получали. Во первыхъ, мы не знаемъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести, что казенное жалованье охотникамъ было обычной практикой, во вторыхъ, о жалованьи обычно не должно было возникать и вопроса: охотники, выставлявшіеся въ сохъ, получали сошную подмогу. Но рядамъ съ этой обычной практикой въ послѣдней четверти 16 вѣка, когда стали возникать ямы въ мѣстахъ новыхъ, малозаселенныхъ, гдѣ, слѣдовательно, населеніе должно было находиться въ исключительныхъ условіяхъ, сами обстоятельства принудили признать и другую практику: давать охотникамъ подмогу изъ казны. Хотя правительство и имѣло въ своемъ распоряженіи ямскія деньги, но специальная потребность, сообразно общей системѣ, вызывала и спеціальный сборъ. Такимъ образомъ, эта вторая подмога, собиравшаяся въ казну, являлась сборомъ на казенную подмогу тѣмъ охотникамъ, которые не могли за силой обстоятельствъ получать подмогу съ сохъ. Насколько считалась необычной практика давать охотникамъ ежегодное жалованье изъ казны, показываетъ, напримѣръ, уже приведенное рѣшеніе по челобитной охотниковъ двухъ новгородскихъ посадскихъ слободъ: они приняли обѣщаніе единовременной подмоги за обѣщаніе давать ежегодную подмогу и жаловались въ Москву, но тамъ рѣшили - смотря по дѣлу, если, дѣйствительно, окажется необходимымъ сбирать съ сохъ ежегодно по 5 6 рублей. А когда затѣмъ охотникамъ все таки назначено было жалованье то лишь въ размѣрѣ 1½—2 рублей въ годъ. Фактъ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что мы не можемъ забывать, какую важную роль продолжала играть въ 80-хъ годахъ, къ которымъ фактъ относится, дорога отъ Новгорода до Москвы, а,

слѣдовательно, какое особое вниманіе должно было быть обращено на двѣ большія Новгородскія слободы.

Такъ какъ на ямахъ, какъ увидимъ дальше, были еще ямскіе дьяки и дворники, получавшіе жалованье, такъ какъ ямскіе охотники получали еще въ извѣстныхъ случаяхъ прогоны, то и эти всѣ расходы правительство раскладывало на населеніе. Все вмѣстѣ, т. е, этотъ послѣдній сборъ и только что указанная подмога, шедшая въ казну, и составило основаніе для фиксированнаго десятирублеваго сбора охотникамъ на подмогу, на ямы и прогоны. Сборъ-же ямскихъ денегъ по старой памяти взимался самъ собой, быть можетъ, пополняя дефициты десятирублеваго сбора, но вѣрнѣе—оставаясь однимъ изъ общихъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Ямскія деньги сбирались по годамъ по указу, но, видимо, съ конца 80-хъ годовъ по установившемуся окладу въ 20 рублей съ сохи. Точно указать, когда именно появилась подмога, собираемая въ казну, тѣмъ болѣе, когда именно она была фиксирована, къ сожалѣнію, за отсутствіемъ данныхъ, мы не можемъ, но въ концѣ 80-хъ годовъ это явленіе наблюдается уже повсемѣстно. [1])

Какъ и въ предыдущемъ періодѣ, населеніе обязано было строить ямскіе дворы. Эта обязанность, носившая названіе ямской дворовой подѣлки, распредѣлялась также по сохамъ. [2]) Наконецъ, населеніе-же было обязано помогать ямскимъ охотникамъ натурой, т. е. давать отъ себя все излишнее противъ условленной нормы разгона количество подводъ. Такъ напримѣръ, посадскій псковскій ямъ долженъ былъ по условію между охотниками и населеніемъ спускать по 70 подводъ въ недѣлю, (на яму было 35 охотниковъ и у каждаго по 2 мерина; норма, слѣдовательно, опредѣлялась по такому разсчету, чтобы въ теченіе недѣли каждая ямская подвода была въ работѣ одинъ разъ); если-же потребовалось бы больше 70 подводъ, то этотъ излишекъ должно было поставить населеніе [3]). Указаніе на подобнаго же рода соглашенія, хотя

---

[1]) Милюковъ, Спорн. вопр., стр. 90, считаетъ окладомъ ямскихъ денегъ для конца 16 вѣка 10 руб.; это—окладъ подмоги и на ямы и на прогоны; окладъ ямскихъ денегъ—20 р., какъ указано выше въ текстѣ.

[2]) А. С. М., I., XLIV, L, А. Э. I, 324, А. И. I, 217 и мн. др.

[3]) А. М. Ю. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

и нѣсколько въ иномъ видѣ, встрѣчаемъ и въ порядной вологодскаго охотника: „а будетъ у охотника у нашего у Насона, какъ онъ съ нашіе полусохи гоньбу гоняетъ, и учнутъ у нихъ, у охотниковъ для гоньбы лошади имати къ Москвѣ, или въ иные городы куды ни буди, и намъ старостамъ и всѣмъ крестьянамъ тѣхъ монастырскихъ ключей въ тѣ его подводы и убытки намъ обѣма ключи подмогати“. [1]).

Мы знаемъ случаи, когда населеніе откупалось отъ всей ямщины, платя въ казну опредѣленную сумму. Такъ, съ сорока обежъ Соловецкаго монастыря за всю ямщину, а также и за всѣ остальныя подати и повинности взималось ежегодно по грамотѣ отъ 1584 г. пятьдесятъ рублей въ годъ. Но въ грамотѣ мы находимъ и мотивы такого распоряженія: потому что они городъ дѣлаютъ и потому что у нихъ въ сумскомъ острогѣ свой, на ихъ собственный счетъ содержимый ямъ. [2]) Иногда населеніе вмѣсто опредѣленнаго денежнаго взноса за ямщину (въ числѣ, впрочемъ, другихъ податей и повинностей) облагалось опредѣленнымъ рабочимъ урокомъ. Такъ, Заягорбская (на Бѣлозерьѣ) волость за ямщину (въ числѣ, другихъ податей и повинностей) должна была бить царевъ Цылинскій езъ и давать извѣстное количество рыбы. [3]) Мы знаемъ также случаи, когда на иныхъ земляхъ, преимущественно на земляхъ тарханщиковъ и льготчиковъ, ямы устраивались собственными средствами. О томъ, что въ сумскомъ острогѣ былъ свой ямъ, мы уже говорили; Соловецкій-же монастырь имѣлъ свой ямъ и въ Кемской волости; Кирилловскій Бѣлозерскій монастырь—на Словенскомъ волочку; свой ямъ держалъ и Тихвинскій монасырь въ Тихвинѣ на посадѣ; свои ямы имѣли право держать и нѣкоторыя вотчины Троицкаго монастыря. [4]) Эти ямы держались то въ видѣ особой повинности (напримѣръ, на условіи держанія собственнаго яма Соловецкій монастырь получилъ вторую половину Кемской

---

[1]) А. Ю. 192.

[2]) А. Э. I, 223.

[3]) А. Ю., 230.

[4]) А. Э. I., 323, ср. А. Э. III, 110, а также Досифей, Опис. Солов. мон,. III, стр, 57; А. Э. I., 353; А. Э. II, 84; А. Э. III, 267; Опис. Щукин. музея, III, стр. 116. Документъ относится къ 1616 г., но въ немъ ссылки на старыя жалованныя грамоты.

волости, въ которой до 1591 г. ему принадлежала только половина), то въ видѣ особаго преимущества, такъ какъ имѣвшіе свои ямы освобождались какъ отъ поборовъ и притѣсненій стройщиковъ и другихъ властей, такъ и отъ хлопотъ съ охотниками Кажется, эти собственные ямы обязаны были возить всякихъ посланниковъ и гонцовъ безъ прогонъ. [1]) Можно также думать, что держаніе собственныхъ ямовъ, юридически долженствовавшее освобождать отъ участья въ раскладкахъ по ямской стряпнѣ и ямскому строенію, фактически очень быстро превращалось въ дополнительную повинность, и каждый разъ требовалось наново доказывать свое право не участвовать въ раскладкахъ. Это достаточно видно хотя бы изъ того, что съ жалобами Соловецкаго монастыря на привлеченіе его 40 обежъ, державшихъ Сумской ямъ, къ участью въ посадскомъ новгородскомъ ямскомъ строеньи, мы встрѣчаемся неоднократно. Довольно характернымъ примѣромъ можетъ служить и слѣдующій фактъ: когда въ 1616 г. строены были нижегородскій и олешковскій ямы, вотчины Троицкаго монастыря напрасно доказывали, что по старымъ грамотамъ они не обязаны ставить охотниковъ, такъ какъ держатъ свой ямъ; въ наказѣ стройщикамъ объ этомъ ничего не говорилось, и охотники съ Троицкихъ вотчинъ были взяты; распоряженіе было отмѣнено лишь послѣ челобитья. [2])

Чтобы опредѣлить, насколько, въ дѣйствительности, тяжело было населенію справляться со всѣми возложенными на него обязанностями по ямскому дѣлу, слѣдуетъ къ сказанному прибавить еще тотъ рядъ тяготъ, который падалъ на населеніе, вслѣдствіе злоупотребленій и оплошностей ямскихъ стройщиковъ, мірскихъ властей и вообще всѣхъ лицъ, которыя такъ или иначе привлекались къ ямскому строенью. Не всегда были виноваты лица, такъ какъ при отсутствіи точныхъ правилъ для веденія книгъ, при небрежности храненія послѣднихъ, при отсутствіи контроля, при посылкѣ для ямского строенья такихъ лицъ, которымъ это дѣло было не за обычай, возможны были и безъ наличности злого умысла всякаго рода несправедливости. Но нерѣдко къ этимъ общимъ причинамъ присоединялись и спеціальныя. Во пер-

[1]) А. Э. II., 84.
[2]) Опис. Щук. музея, III, стр. 116.

выхъ, такъ какъ ямской гоньбой въ Москвѣ очень дорожили, то чуть-ли не въ каждомъ наказѣ по поводу гоньбы воевода и его дьяки читали: „того бы есте смотрѣли и берегли накрѣпко, чтобъ охотники не разбѣжались и гоньба не урвалась", или „а то вы своей дуростью дѣлаете, что охотниковъ какъ лучше устроити не умѣете" или „а какъ будутъ намъ на тебя на твое воровство охотники челомъ бити и быти тебѣ въ опалѣ и въ казни". Быть можетъ, и не придавалось этимъ припискамъ какое-либо особое значеніе, но ясно, что вездѣ, гдѣ сталкивались интересы населенія съ интересами охотниковъ, мѣстныя власти, оберегая себя, должны были предпочитать становиться на сторону охотниковъ. Во вторыхъ, быть можетъ, никакое дѣло не давало властямъ столько возможности всячески тѣснить населеніе, какъ ямское дѣло. Круглый годъ можно было безпокоить изъ-за ямской гоньбы: то собирались ямскія деньги, то доправлялись недоимки то собиралась подмога въ казну, то собиралась подмога охотникамъ, то требовались подводы, то доправлялся бѣглый охотникъ и т. д. Населеніе поневолѣ должно было откупаться отъ этихъ возможныхъ притѣсненій. Наконецъ, отъ неисправности въ книгахъ и отъ частой перемѣны въ списываніи земель за одно для выставленія на ямъ охотниковъ, сплошь и рядомъ происходило то, что одинъ и тотъже земельный участокъ оказывался приписаннымъ не только къ двумъ, но и къ тремъ ямамъ. Даже когда выяснялась ошибка, проходило не мало времени, пока дѣлалось удобнымъ ее исправить, такъ какъ ямская гоньба не могла стоять, охотники были нужны, подмога охотникамъ также. [1])

Неся на себѣ всецѣло ямской строй и терпя къ тому же не мало отъ злоупотребленій властей, населеніе не освобождалось, однако, и отъ подводной повинности т. е. отъ обязанности выставлять подводы по первому требованію. Мы не имѣемъ данныхъ къ опредѣленію размѣровъ этой повинности, но можемъ думать, что повинность была достаточно обременительна, такъ какъ ямскихъ подводъ все таки было немного, а посылки нерѣдко были весьма значительны. Насколько возможно судить, въ то время, какъ ямскія подводы служили, главнымъ образомъ, для провоза гонцовъ, слу-

---

[1]) Напр. А. И. I., 195; А. С. М. I, XLVII, XLVIII, L и мн. др.

жилыхъ людей, посланниковъ и т. д., обывательскія подводы требовались для провоза клади, запасовъ, военныхъ снарядовъ и т. д. По крайней мѣрѣ, такъ было въ новгородской землѣ, гдѣ охотники нерѣдко, какъ это видно изъ устройныхъ книгъ, оговариваютъ, что подъ тяжелыя запасы имъ подводъ не давать. На практикѣ-же, вѣроятно, дѣло происходило нѣсколько иначе: чѣмъ болѣе потворствовали охотникамъ мѣстныя власти, тѣмъ чаще правили подводы на населеніи. Для разсматриваемаго періода мы не нашли примѣровъ, которые подтверждали бы такое заключеніе, но въ одномъ дѣлѣ отъ 1637 г. читаемъ, что воевода и приказные ямскимъ старостамъ потатчики, правятъ подводы на посадскихъ и уѣздныхъ людяхъ, мимо ямскихъ, за что получаютъ большіе посулы, по 12 рублей въ мѣсяцъ и больше воевода, а дьяки по 30 рублей и больше [1]). Едва-ли это единичный случай и едва-ли слѣдуетъ считать, что въ концѣ 16 вѣка такая практика была въ меньшемъ употребленіи. Съ другой-же стороны, безъ обывательскихъ подводъ воеводы и въ самомъ дѣлѣ иногда не могли обойтись, такъ какъ въ случаѣ какой нибудь большой посылки, ямскихъ подводъ, если даже ихъ брали въ первую очередь, не могло хватать на всю посылку. Такъ, въ 1613 г. изъ Вологды въ Москву нужно было отпустить стрѣлецкаго голову; какъ видно изъ наказной памяти отъ 16 апрѣля ямскія подводы всѣ были взяты подъ зелейную казну, которая, какъ видно изъ другой памяти, была отправлена въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля и то-же при подмогѣ со стороны уѣздныхъ людей. По неволѣ пришлось для головы опять собирать обывательскія подводы. Такимъ образомъ, съ одного и того-же села пришлось взять въ концѣ марта 10 подводъ съ санями и проводниками, а въ серединѣ апрѣля 15 подводъ съ сѣдлами и проводниками [2]). Не только требованіе подводъ, но одна угроза потребовать ихъ считалась, видимо, серьезнымъ наказаніемъ. Такъ, въ одной наказной памяти 1614 г., предписывавшей скорѣе поставить съ сохъ на ямъ охотниковъ, читаемъ: „а будетъ вы тѣми охотниками замотчаете и на яму ихъ вскорѣ не поставите... велятъ послати въ вашу

---

[1]) А. М. Ю. Д.-П. Д. С. Л., Св. 103, № 58, 1637 г.

[2]) А. Ю. 339, IX, X.

монастырскую вотчину многихъ приставовъ на многихъ подводахъ, съ стрѣлцами, изъ прогоновъ, и велятъ въ вашей монастырской вотчинѣ на старостахъ и цѣловальникахъ и на всѣхъ крестьянѣхъ тѣхъ охотниковъ правити нещадно, да на нихъ-же велятъ доправити подъ Государевы питья, подъ фряцкіе вина и пряные зелья да подъ зелейную и свинцовую казну тридцать подводъ съ телѣгами и проводниками" [1]).

Вообще-же говоря, такъ какъ право воеводъ собирать подводы, какъ ямскія, такъ и обывательскія, конечно, ничѣмъ нормировано не было, опредѣляясь однимъ общимъ указаніемъ, чтобы ни въ чемъ государеву дѣлу порухи не было, то соотвѣтственно съ этимъ былъ одинъ путь борьбы съ чрезмѣрными требованіями—жалобы въ Москву. Въ Москвѣ нерѣдко принимали сторону населенія и иногда писали воеводѣ „со строгостью". Но нерѣдко тутъ-же присылалось требованіе отпустить казну или людей безъ промедленія и на многихъ подводахъ. Воевода невольно долженъ былъ опять посылать сборщиковъ во всѣ концы. Напримѣръ, въ той-же Вологдѣ въ 1614 г. была большая посылка казны и людей. Какъ видимъ изъ одного счетнаго дѣла, въ казну приказано было отпускать по мѣрѣ накопленія тысячъ по пяти и шести денегъ съ цѣловальниками и провожатыми, сколько человѣкъ понадобится, „што бы та казна до Москвы довести здорова". Требованіе о подводахъ высказывалось здѣсь категорически, безъ обозначенія, съ кого можно ихъ брать, съ кого нельзя и по сколько можно брать. Воевода естественно долженъ былъ, исполняя приказаніе, не стѣсняться интересами населенія [2]). Глядя на воеводу, такъ-же поступали и другія власти; не составляли исключенія, видимо и земскія власти. Такъ, въ дѣлахъ Пискорскаго (у Орловскаго Усолья) монастыря подъ 1588 г. читаемъ: „да Усолья Орловскаго жильцы, старосты и цѣловальники и всѣ земскіе люди хотятъ у нихъ въ монастырѣ учинить ямъ безъ нашего указу и у нихъ де и у крестьянъ ихъ монастырскихъ подъ нашихъ посланниковъ просятъ подводъ и кормовъ" [3]). Въ одномъ только случаѣ воевода, видимо, долженъ былъ со

---

1) А. Ю. 343, II.

2) Врем. О. И. Д. Р., кн. 14, Счетн. дѣло Василія Пушкина съ Андр. Плещеевымъ.

3) Дмитріевъ, Пермская старина, изд. 1889 г., вып. I, стр. 237.

блюдать особую осторожность: при отпускѣ пословъ. Не додать подводъ онъ, конечно, не могъ, такъ какъ пристава, сопровождавшіе пословъ, требовали бы исполненія указа. Но онъ не имѣлъ права дать и лишнія подводы, такъ какъ въ пріемѣ и провозѣ пословъ каждая мелочь была регулирована въ наказѣ. Если воевода давалъ лишнія подводы, ихъ доправляли на немъ. Но воевода несъ тутъ наказаніе, видимо, не за то, что нарушалъ права или интересы населенія, а за то, что создавалъ болѣе удобную обстановку въ пути такому послу, который, въ силу весьма сложныхъ политическихъ и дипломатическихъ разсчетовъ Москвы, долженъ былъ получать какъ въ пути, такъ и въ Москвѣ лишь то, чего стоилъ. Такой случай имѣлъ, напримѣръ, мѣсто при проѣздѣ литовскихъ пословъ въ 1556 г., когда на смоленскомъ воеводѣ кн. Петрѣ Булгаковѣ было приказано доправить 50 подводъ излишне данныхъ посольству [1]).

Населеніе обязано было и теперь, какъ и въ первомъ періодѣ, доставлять на ямы кормъ; впрочемъ, теперь уже только въ экстренныхъ случахъ, преимущественно при проѣздѣ пословъ; по общему правилу, по крайней мѣрѣ, съ конца 80-хъ годовъ, за деньги, а не въ видѣ повинности. Для менѣе важныхъ случаевъ кормъ заготовлялся на ямахъ самими охотниками, у которыхъ проѣзжавшіе и должны были покупать иногда по вольной цѣнѣ, иногда по указной, смотря опять таки по тому, насколько серьезное въ глазахъ правительства значеніе имѣла данная поѣздка. Если кормъ долженъ былъ покупаться по указной цѣнѣ, объ этомъ точно прописывалось въ подорожныхъ или въ наказахъ по поводу поѣздки. Когда въ 1583 г. было приказано съ Вологды отправить Боуса въ Москву, то въ наказѣ приставу Михаилу Протопопову было обозначено, чтобы кормъ отъ Вологды до мѣста, гдѣ будетъ встрѣча послу, и потомъ на самой Вологдѣ давался частью съ сохъ (живность), частью съ владычняго двора (питія). По дорогѣ-же отъ Вологды до Москвы по ямамъ долженъ былъ быть собранъ кормъ съ сохъ особыми выборными людьми—кормовщиками и приготовленъ подъ надзоромъ присланныхъ изъ Москвы подъячихъ и дѣтей боярскихъ [2]). Сколько какого корма давать тому посылались

[1]) Сборн. кн. Оболенскаго, № 5.
[2]) Сб. Ист. Общ. т. XXXVIII, стр. 72—73.

росписи, при чемъ въ росписяхъ этихъ иногда указывалась и цѣна, по которой слѣдуетъ забирать кормъ [1]) Въ наказахъ со времени Бориса Годунова читаемъ опредѣленно: „а велѣно намъ... кормъ и питье давати по росписи до тѣхъ мѣстъ, какъ они за море пойдутъ, а за тѣ, государь, кормы и за питье велѣно намъ, холопемъ твоимъ, платить имъ деньги изъ твоей государевой казны изъ Двинскихъ доходовъ“, или „а за тѣ кормы и за питье деньги платилъ по твоей государевой указной цѣнѣ, изъ твоихъ государевыхъ денегъ, которые деньги съ нимъ присланы изъ Москвы“. Если денегъ въ пути не хватало, то брался кормъ безъ денегъ, въ кредитъ; записывался по обыкновенію въ книги (кормовыя) а потомъ по книгамъ производился разсчетъ. [2]) Когда въ 1598 году тарскіе воеводы отправляли Кучума и его семью въ Москву, кормъ приказано было заготовить по ямамъ и отпускать по указной цѣнѣ, но когда ямскіе охотники отказались продавать по назначенной цѣнѣ, изъ Москвы вышелъ указъ покупать кормъ по мѣстной цѣнѣ, п чему межъ себя купятъ. [3]) На кормъ гонцамъ и служилымъ людямъ обыкновенно давались деньги, но сплошь и рядомъ эти деньги утаивались, и кормъ требовался съ охотниковъ. Охотники уступали не безъ борьбы; если-же кормъ все таки приходилось давать, то старались, видимо, разверстывать его между окрестнымъ населеніемъ. Такъ, въ одномъ дѣлѣ по романовскому уѣзду отъ 1593 г., читаемъ, что по челобитной монастырскихъ крестьянъ допрашивался ямской староста по поводу цѣлаго ряда притѣсненій, чинимыхъ населенію охотниками. Между прочимъ, охотники обвинялись и въ томъ, что ложно клепали на крестьянъ кормы для гонцовъ. Но ямской староста отвѣчалъ на разспросы по поводу кормовъ одно: гонцы, получая за кормъ деньгами, берутъ кормъ безплатно, а охотники и безъ того терпятъ большую нужду, такъ что имъ давать эти кормы не изъ чего. [4]) Хотя въ наказахъ мы постоянно читаемъ, чтобы кормъ собирался безъ притѣсненій сошнымъ людямъ, но едва ли будетъ преу-

---

[1]) Сб. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 140—141; особенно интересна роспись на стр. 367.

[2]) Сб. Ист. Общ., т. XXXVIII, ст. 312—314, 365, 373 и др.

[3]) А. И., II, 4, 8, 10 13.

[4]) Арх. М. И. Д., П. Д. С. Л. Св. 38, 1595 г.

величеніемъ считать, что злоупотребленія при сборѣ кормовъ дѣлали и эту повинность весьма нелегкой.

Быть можетъ, со временемъ, когда значительное количество архивнаго матеріала, лежащаго теперь подъ спудомъ, будетъ разработано, явится возможность точнѣе опредѣлить сравнительную тяжесть ямской повинности до 60-хъ годовъ 16 вѣка и послѣ, но пока безполезно и пытаться разъяснить этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что онъ находится въ связи съ общимъ вопросомъ объ условіяхъ экономическаго быта населенія въ первую и во вторую половину вѣка. [1]) Одно, однако, можно сказать и сейчасъ: съ точки зрѣнія конструкціи, т. е. тѣхъ началъ, которыя легли въ основу замѣчаемой въ ямскомъ строѣ со второй половины вѣка перемѣны, гоньба при слободскомъ строѣ должна была явиться облегченіемъ для населенія, сравнительно съ гоньбой по ямамъ на сошныхъ подводахъ, выставляемыхъ на ямы. Гнало гоньбу не само населеніе, а выдѣляемыя имъ изъ себя лица; въ идеѣ, слѣдовательно, населеніе откупалось рядомъ матерьяльныхъ жертвъ, освобождавшихъ его отъ самаго тяжелаго—личнаго участія въ гоньбѣ. Но на практикѣ эта конструкція неизбѣжно должна была принять совсѣмъ иную форму. Слободской строй прежде всего объединилъ гоньбу, придалъ ей регулярность, создалъ изъ нея законченное учрежденіе. Слѣдовательно, тѣмъ самымъ позволилъ требовать отъ гнавшихъ гоньбу болѣе опредѣленной и значительно болѣе интенсивной службы; каждое-же требованіе немедленно отражалось на населеніи, такъ какъ по отношенію къ гоньбѣ охотники представляли лишь суммированное населеніе. Иными словами: если слободской строй создался подъ вліяніемъ не только стремленій упорядочить ямское дѣло, но и подъ вліяніемъ стремленій облегчить населенію тяжесть, сопряженную для него съ этимъ дѣломъ, то

---

[1]) Попытку въ этомъ родѣ мы нашли у Рожкова, Сельск. хоз. въ Моск. Руси 16 в., глава 4. Не будемъ входить въ подробное ея разсмотрѣніе, но не можемъ не сказать, что приводимые авторомъ разсчеты едва-ли, не смотря на весь трудъ, затраченный на нихъ, могутъ что-либо прибавить къ тѣмъ общимъ соображеніямъ, которыя выводятся на основаніи уже извѣстныхъ матерьяловъ. Впрочемъ, и самъ авторъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, сослаться на извѣстную приблизительность своихъ разсчетовъ.

уже по одному тому, что слободской строй создался, на населеніе должны были пасть тяготы, совокупность которыхъ едва-ли могла сдѣлать для него обязанности по ямской гоньбѣ болѣе легкими, чѣмъ эти обязанности были при прежнемъ порядкѣ. Слободской строй вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ правительству начать заботиться о дальнѣйшемъ развитіи ямской гоньбы, а это не менѣе естественно должно было увеличить какъ количество, такъ и сравнительную тяжесть обязанностей населенія.

Въ литературѣ довольно извѣстна рукопись, называемая „Слово къ благохотящимъ царемъ, правительницамъ и землемѣріемъ." [1]) Рукопись описываетъ бѣдственное положеніе населенія, отягощаемаго правительницами, т. е. мѣстной правительственной властью вообще и писцами въ особенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ говоритъ о непомѣрной тяжести для сельскаго населенія разныхъ сборовъ и въ частности ямскихъ повинностей, совокупность которыхъ онъ называетъ „ямскимъ правленіемъ" Хотя на рукописи годъ ея составленія не обозначенъ, но можно думать, что она относится къ послѣдней четверти 16 вѣка. [2]) До извѣстной степени

[1]) Эта рукопись (Новг. Соф. биб., № 1296 л. 211—220) издана Жмакинымъ въ его изслѣд. о „Митрополитѣ Даніилѣ и его сочиненіяхъ", М. 1881 г., въ Приложен. XXII, стр. 69—74. Того же содержанія отрывки изъ другого рукописн. сборн. были изданы Забѣлинымъ, „Оп. изучен. русск. древ. и ист.", I, М. 1872, стр. 185—188., Арх. ист.—юр. свѣд. Калачева, 2, II, 47—49. Часть рукописи напечатана Милюковымъ, Спорн. вопр., Прилож. стр. 176—179. Не такъ давно въ Древностяхъ, Труд. археогр. ком. Моск. археол. общ., т. I, вып. 1, стр. 1—12, напечатана замѣтка объ этой рукописи г. Богословскаго.

[2]) Забѣлинъ относитъ рукопись къ концу 16 или началу 17 вѣка, Богословскій—ко времени правительницы Елены. Но авторъ былъ наведенъ на эту мысль словомъ „правительница". Еслибы правительница означало именно регентшу, то непонятно, почему вслѣдъ за царями и правительницами идутъ „землемѣріи". Самой рукописи видѣть намъ не удалось, но едва-ли можно сомнѣваться, что заглавіе на ней (въ спискѣ г. Жмакина заглавіе вовсе не обозначено)—позднѣйшаго происхожденія. Слѣдовательно, на основаніи заглавія вообще нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. По самому-же содержанію рукопись можетъ относиться только къ тому времени, когда четвертное письмо сдѣлалось господствующимъ и когда писцы то и дѣло наѣзжали въ уѣзды. Слѣдовательно, ко времени не ранѣе 50—60-хъ годовъ 16 вѣка. Къ 17 вѣку отнести рукопись трудно, такъ какъ въ 17 вѣкѣ, начиная съ 30-хъ годовъ, ямская гоньба по ходу вещей уже и безъ того сосредоточивалась преимущественно въ городахъ.

эта рукопись можетъ свидѣтельствовать намъ, что въ глазахъ современниковъ вопросъ о тяготахъ, сопряженныхъ съ ямской гоньбой, былъ однимъ изъ весьма серьезныхъ вопросовъ. Въ этой рукописи мы находимъ и проектъ справедливаго, по мнѣнію автора устроенія ямской гоньбы. Авторъ предлагаетъ возложить всѣ повинности по ней на городское населеніе, которому взамѣнъ онъ хотѣлъ бы предоставить право свободной торговли. Въ рукописи проектъ этотъ изложенъ такъ: „ямскіе-же правленія вся подробну достоитъ устрояти отъ града по росписанію и до другаго града Симъ елицы и во градехъ купующеи, продающеи и прикупы богатѣюще достоитъ симъ сій яремъ между всѣхъ градовъ носити, понеже суть стяжатели многа прибытка. Кромѣ-же сего ничесоже никіихъ улишеній да не сподобятся, но во вся грады безо всякихъ воздаяній си рѣчь пошлинъ купующе и продающе и сего ради нарицаемая ямская правленія отъ града до града по написаніе исправляти симъ достоитъ. Се убо всякаго мятежа въ земныхъ умалится, писаремъ умаленіе, зборы перестанутъ, мзды неправедныя отлучатся".

Ямы, т. е. для разсматриваемаго періода уже не только пріѣзжіе ямскіе дворы, но и ямскія слободы, строились по наказамъ изъ Москвы. Мѣстная правительственная власть, во исполненіе наказа, посылала спеціальнаго стройщика на мѣсто. Таковъ былъ общій порядокъ. Такъ, напримѣръ, Михайловскій ямъ въ 1573 г. строили осадный голова и городовой приказчикъ, въ Угличѣ посадскій ямъ при Өедорѣ Іоанновичѣ строилъ угличанинъ Раковъ, пронскій ямъ въ 1612 г. возобновлялся стройщикомъ, посланнымъ мѣстнымъ воеводой [1]). Въ шестидесятыхъ годахъ 16 вѣка большею частью ямы строятъ присланные изъ Москвы стройщики. Такъ, напримѣръ, строились многіе ярославскіе ямы [2]). Въ началѣ царствованія Михаила Өедоровича, когда многіе ямы, раззоренные во время смуты, пришлось возобновлять или устраивать наново, стройщиковъ также присылали изъ

Ко времени до 30-хъ годовъ мы также не рѣшились бы отнести эту рукопись, такъ какъ иначе естественно было бы искать въ ней хоть нѣкотораго отраженія смутнаго времени; этихъ отраженій, однако, нѣтъ.

[1]) Р. И. Б. II., 240, Угл. Акты, стр. 171, Акты Ряз. Кр. № 21.

[2]) А. С. Мон. I., 47 и др.

Москвы. Такъ, бѣлозерскіе ямы строилъ въ 1617 г. государевъ присланникъ Андрей Жуковъ, въ 1616 г. для устроенія нижегородскаго и олешковскаго ямовъ были присланы два стройщика изъ Москвы [1]). Можно, видимо, думать, что по общему порядку забота объ устроеніи ямовъ лежала на мѣстной правительственной власти и только, когда ямское строеніе являлось дѣломъ новымъ или особенно важнымъ, какъ, напримѣръ, сейчасъ послѣ смутнаго времени, ямскихъ стройщиковъ присылали изъ Москвы. Присылались обыкновенно дѣти боярскіе или дьяки, едва-ли изъ числа вліятельныхъ. Въ 1601 г. на Тулѣ ямскимъ стройщикомъ былъ кн. Иванъ Петровичъ Пожарскій, и это обстоятельство всему роду Пожарскихъ при мѣстническомъ счетѣ ставилось въ укоръ [2]).

Въ Новгородѣ, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, одинъ изъ дьяковъ вѣдалъ въ числѣ другихъ дѣлъ и всѣ ямскія дѣла, ямской дьякъ или выѣзжалъ на ямское устроеніе самолично, иногда, впрочемъ, оффиціально числясь въ товарищахъ у присланнаго изъ Москвы стройщика, или-же посылалъ отъ имени воеводы и отъ имени какъ своего, такъ и товарища-дьяка, дѣтей боярскихъ двухъ, трехъ человѣкъ да подъячаго или двухъ. Кто ѣхалъ строить ямъ, зависѣло отъ обстоятельствъ дѣла. Если ямъ строился на мѣстѣ, гдѣ прежде яма не было, то и стройщиковъ посылалось больше, и сами стройщики были авторитетнѣе. Такъ поступали и тогда, когда приходилось наново отдѣлять земли или переустраивать слободу. Имѣло значеніе также и то, устраивались-ли ямы по большой дорогѣ или по окольной. На устроеніе ямовъ поперечныхъ, т. е. добавочныхъ промежуточныхъ, посылался иногда одинъ подъячій, а иногда даже поручался устрой приказчику и ямскому дьячку ближайшаго болѣе крупнаго яма.

Ямъ могъ строиться заново, т. е. на мѣстѣ, гдѣ прежде яма не было, могъ строиться наново, т. е. переустраиваться, въ виду тѣхъ или иныхъ соображеній (напримѣръ, число охотниковъ рѣшено увеличить, уменьшить, рѣшено прибавить имъ земли, нужно отставить охудалыхъ охотни-

---

[1]) А. Ю. 38, Оп. Щук. Муз., III., стр. 115—117.

[2]) Счетн. дѣло кн. Бор. Лыкова съ кн. Дм. Пожарскимъ, Рус. Ист. Сборн. Погодина, кн. II.

ковъ и замѣнить ихъ новыми, а соотвѣтственно въ нѣкоторыхъ частяхъ измѣнить и прежнія устройныя книги и т. д.), могъ, наконецъ, возобновляться, т. е., строиться на мѣстѣ, можетъ быть, недавно только устроеннаго, но быстро запустѣвшаго яма. Въ главнѣйшихъ чертахъ во всѣхъ этихъ случаяхъ порядокъ и пріемы устроенья были одинаковы, но въ частностяхъ замѣчаются различія. Получивъ наказъ, стройщикъ запасался росписями, кто изъ уѣздныхъ людей къ какому яму и въ какой мѣрѣ ямской стряпней и ямскимъ строеньемъ приписанъ. Если ямъ устраивался на новомъ мѣстѣ, то такую роспись необходимо было предварительно составить. Отчасти руководствомъ служили тутъ платежныя книги, но, главнымъ образомъ, конечно, опросы на мѣстѣ при участіи самого населенія. Всѣ разспросныя рѣчи записывались, послѣ чего составлялся планъ ямского устроенія, который и служилъ отправной точкой. Иногда, кажется, въ такихъ случаяхъ этотъ предварительный планъ все таки раньше посылался въ Москву на утвержденіе. Соотвѣтственно этому общему плану расписывалась земля на столько частей, сколько нужно было на ямъ охотниковъ, если въ наказѣ не было точно опредѣлено, съ какой доли сохи долженъ быть взятъ охотникъ. Такъ какъ эта опредѣленная или опредѣляемая доля могла и не совпадать, (да обыкновенно и не совпадала) съ земельными владѣніями отдѣльныхъ лицъ, то послѣднимъ, какъ мы это уже видѣли выше, предоставлялось списываться между собой полюбовно, кому съ кѣмъ смежно и сручно. Свою роспись списывающіеся межъ себя за своими руками давали стройщикамъ, послѣ чего оставалось лишь выбрать съ каждой доли охотника. Иногда, впрочемъ, населеніе вступало въ пререканія другъ съ другомъ и со стройщиками, что вело къ тому, что стройщики сами расписывали земли по ямской стряпнѣ. Охотниковъ выбирала каждая такая составная единица отдѣльно. Выборы и поручная по охотникѣ запись за поповскими и выборщиковъ руками давались стройщикамъ. Послѣдніе все это записывали въ книги, называвшіяся устройными, гдѣ обозначали точно всю постепенную исторію устроенія даннаго яма, нерѣдко приводя и переписку, предшествовавшую поѣздкѣ на мѣсто. Въ этой книгѣ обозначались также не только имена выбранныхъ охотниковъ, имена поручившихъ-

ся за нихъ, точныя данныя, съ какихъ именно земельныхъ участковъ они выбраны, но и перепись лошадямъ охотничьимъ съ указаніемъ главныхъ примѣтъ Такъ, читаемъ: „изъ архангельскаго погоста Костовскаго старый охотникъ Степанъ Исаковъ сынъ Турбанова, а порутчики по немъ (имена), а лошади у того охотника: меринъ рыжъ, лысъ, носъ поротъ, грива на лѣво, десяти лѣтъ, меринъ игрень, грива на лѣво девяти лѣтъ, меринъ буръ, звѣзда во лбѣ, носъ поротъ, грива на обѣ стороны, восми лѣтъ“ и т д. Содержаніе поручныхъ записей въ книги, если судить по новгородскимъ книгамъ, видимо, не вписывалось; насколько можемъ судить по разсмотрѣннымъ поручнымъ записямъ, самый текстъ ихъ варьировался, но содержаніе оставалось неизмѣнно тѣмъ-же на всемъ протяженіи даннаго періода: за излюбленнаго и выборнаго охотника представлялось поручительство, что будетъ онъ жить въ слободѣ, гонять гоньбу и всякое ямское дѣло дѣлать, съ яму не сбѣжитъ, никакимъ воровствомъ воровать не будетъ, не будетъ держать у себя ни корчмы, ни б..., не будетъ устраивать у себя притона для лихихъ людей и краденыхъ вещей и т. д. [1]) Мы знаемъ поручныя, подъ которыми подписывались только уѣздные или посадскіе люди, слѣдовательно, исключительно выборщики; знаемъ поручныя, подъ которыми подписывались только ямскіе охотники даннаго яма и, наконецъ, такія, гдѣ встрѣчаемъ подписи выборщиковъ и охотниковъ вмѣстѣ. Можно думать, что такая разница зависѣла отъ того, былъ-ли данный охотникъ поставленъ на слободу по предложенію уже находившихся тамъ ямщиковъ, напримѣръ, въ чье-либо мѣсто, или-же охотникъ ставился на вновь устрояемую слободу. [2]) Въ послѣднемъ случаѣ, какъ можно отмѣтить, поручныя за подписями однихъ только выборщиковъ —показатель, что данная слобода строилась съ сохъ; (такова и была въ разсматриваемомъ періодѣ обычная практика); поручныя съ ручательствомъ охотниковъ другъ за

---

[1]) Мы руководствуемся тутъ данными новгородскихъ устройныхъ книгъ, сопоставляя съ Акт. Ряз. кр. № 21, Оп. Щукинскаго Муз., стр. 115—117, Акт. Возн. Мон., стр. 12, Акт. Спас. Мон., I, XLVII, XLIX, L и др. Ср. Лаппо-Данилевск., ц. с., стр. 370, Спицынъ, Подати, сб. и пов. на Вяткѣ, стр. 8 и. др. Также А. Ю. 294.

[2]) Поручныя въ новг. устр. книгахъ; А. Юр. 294, I и II.

друга - показатель, что слобода строилась по прибору. Таковы поручныя охотниковъ алексѣевской и котельницкой слободъ. Приведенное обстоятельство, однако, показываетъ, что, если слобода уже существовала, то введеніе въ нее новаго охотника происходило, вѣроятно, не безъ вліянія со стороны остальныхъ.

Если ямъ возобновлялся, то, прежде чѣмъ сдѣлать все, что только что описано, стройщики должны были, справившись по прежнимъ книгамъ, возстановить въ подробностяхъ планъ прежняго яма; если-же книгъ не было, то должны были замѣнить показанія книгъ опросомъ на мѣстѣ. Если въ сравненіи съ прежнимъ устроемъ новый долженъ былъ, какъ это выяснялось по справкамъ, отступить въ чемъ либо такомъ, на что не имѣлось прямыхъ указаній въ наказѣ, то дѣло останавливалось, пока пославшая стройщика власть не разрѣшала возникшихъ вопросовъ. Обыкновенно, если стройщикъ списился не непосредственно съ Москвой, а, напримѣръ, съ воеводой, то послѣдній не рѣшался брать на себя иниціативу и все-таки списывался съ Москвой. Послѣ полученія отвѣта изъ Москвы и послѣ соотвѣтственнаго исправленія въ составленномъ проектѣ возобновленія яма, мѣстная власть, если не имѣла, конечно, болѣе широкихъ полномочій, опять обо всемъ отписывала въ Москву и уже только по полученіи окончательнаго утвержденія давала наказъ стройщику. Во всемъ, что слѣдовало далѣе, стройщикъ поступалъ совершенно также, какъ и при устроеніи новаго яма [1]) Наконецъ, если ямъ переустроивался, то, такъ какъ это дѣлалось по спеціальному наказу, стройщикъ долженъ былъ только точно выполнить данное порученіе: напримѣръ онъ составлялъ книгу вытямъ, которыя оказались не приписанными къ яму стряпней послѣ послѣдняго устроя и правилъ на этихъ новыхъ вытяхъ охотниковъ и подмогу; напримѣръ, онъ на мѣсто двухъ умершихъ охотниковъ прибиралъ по спеціальному распоряженію четырехъ новыхъ охотниковъ и соотвѣтственно передѣлывалъ книгу росписи; или, напримѣръ, отставлялъ часть охотниковъ, другую часть переводилъ на другой ямъ, а на мѣста переведенныхъ прибиралъ новыхъ. [2])

[1]) А. Ряз. Кр. № 21, Арх. М. И. Д. П. Д. С. Л., Св. 153, № 91, 1642 г.
[2]) Книги устр. Q. IV, 260, Л. 1—19, 264, съ л. 31 и др.

Когда охотники были выбраны, стройщики приступали къ устроенію яма землею. Ямская земля состояла изъ нѣсколькихъ частей: 1) земли подъ ямской пріѣзжій дворъ и подъ самую ямскую слободу; 2) ямской пашни, пожни, лѣсныхъ угодій; 3) ямскихъ оброчныхъ деревень. Подъ ямской пріѣзжій дворъ въ рядовой слободѣ отводился участокъ земли въ 30 × 40 саж., въ 40 × 40 саж., въ 50 × 50 саж. Обыкновенно ямской пріѣзжій дворъ (Государевъ пріѣзжій дворъ) помѣщался въ самой слободѣ, но извѣстны случаи, когда онъ находился въ самомъ городѣ, а не у выѣзда изъ него, гдѣ обыкновенно находились ямскія слободы. Такъ, напримѣръ, оба Государева двора въ Новгородѣ, когда строились алексѣевская и котельницкая слободы, были устроены – одинъ на Софійской сторонѣ у Алексѣевской каменной башни, другой на Торговой сторонѣ въ деревяномъ городѣ противъ двора Соловецкаго монастыря. Количество земли, отдѣлявшейся подъ слободу, зависѣло, конечно, отъ количества охотничьихъ паевъ на слободѣ и отъ размѣра земли, отдѣляемой на пай. Какой-нибудь общей мѣры, которая бы считалась обязательной или даже минимальной на пай, видимо, не было, но путемъ обычая къ концу 16 вѣка такая мѣра какъ бы опредѣлилась: для большихъ ямовъ 25 десятинъ на слободу, что составляло $^5/_6$ десятины на пай, а для меньшихъ ямовъ 8—10 десятинъ на слободу, что составляло $^1/_2$ и $^2/_3$ десятины на пай. [1]) На каждый пай давалась земля подъ дворовое строеніе, подъ огороды и гуменники. Вотъ нѣкоторые отдѣльные размѣры охотничьихъ дворовъ: въ Псковѣ въ 1587 г.—40 × 7$^1/_2$ саж. въ московскихъ слободахъ —40 × 25 саж., (въ рогожской при Іоаннѣ IV было сначало отведено 10 × 8, а потомъ „вровень" прибавлено до 15 × 10 на дворовое мѣсто и до 25 × 15 подъ огороды) въ касимовской въ 1593 г.—40 × 7$^1/_2$ саж. [2]) Въ дѣйствительности, однако, эти размѣры, опредѣлявшіеся въ

---

[1]) Q. IV, 334, Арх. М. И. Д. П. Д.С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г. Ар. М. Ю. Переп. кн. ямск. сл. № 265, Л. 1—10, 23, Л. 26 - 43 и др. Воспользуемся случаемъ, чтобы описать этотъ весьма цѣнный (и далеко не только для нашего вопроса) источникъ. Переписная книга ямскихъ слободъ (№ 265) состоитъ изъ ряда книгъ отдѣльныхъ слободъ, преимущественно 1627—1628—1629 г.г., но заключаетъ въ себѣ и переписныя 1637 г. и 1642 г. и др. Между описаніями слободъ почти въ каждой изъ этихъ переписныхъ имѣются ссылки на старыя грамоты, на разныя распоряженія, на

принципѣ по Государеву указу, не соотвѣтствовали натурѣ, такъ какъ стройщики часто примѣривали сверхъ Государева указа. Такъ, въ 1627 г. Касимовскимъ охотникамъ сверхъ указныхъ 15×10 саженъ подъ дворы примѣрено было кому $11 \times 10^1/_2$ саж., кому 10×6 саж. и т. д., а подъ огороды—кому 79×17 саж., кому $162 \times 6^1/_4$ саж. и т. д. Въ Муромской слободѣ по переписной книгѣ 1628 г. оказывается сверхъ указа за 26 вытями безъ трети подъ дворами и огородами $24^1/_2$ десятины. И это нельзя считать практикой только 17 вѣка, такъ какъ и при устроеніи новгородскихъ ямовъ 1586 года встрѣчаемъ то-же явленіе. [1]) Такъ какъ тѣ данныя, которыми мы можемъ пользоваться, относятся къ ямамъ не первоначально устраиваемымъ, а лишь возобновляемымъ или перестраиваемымъ, то естественно размѣры участковъ могутъ сильно колебаться: если, напримѣръ, въ слободѣ прежде было 50 охотниковъ, а по новому устрою положено 40 охотниковъ, то лишніе 10 паевъ, если они не брались на Государя, дѣлились между всѣми 40 охотниками, чѣмъ увеличивался размѣръ каждаго пая. Приказчики обыкновенно получали участки двойного размѣра. Такъ, въ Псковѣ въ 1587 г., при $40 \times 7^1/_2$ с. на охотника, приказчикъ получилъ 40×15

старую практику и проч. Это дѣлаетъ настоящій матерьялъ одинаково важнымъ для насъ и при разсмотрѣніи даннаго періода, какъ и при разсмотрѣніи слѣдующаго. Вотъ оглавленіе книги: л. 1—76—Московскія слободы 1628 г.; (этотъ матерьялъ отчасти использовалъ уже Забѣлинъ, въ Матерьялахъ по гор. Москвѣ, I, стр. 714, 724, 824, 872) Л; 77 147—Владимірская слобода 1642; Л. 148-208—Муромская слобода 1628 г.; Л. 210—233 Ярославская 1628 г. (копія въ Имп. Пуб. Б., F., IV, 528); Л. 233—251—Ярославская 1621 г. (коп. въ Имп. Пуб. Биб. F. IV, 522); Л. 251—278—Переяславъ—Залѣсская 1600 г. (едва-ли правильно, такъ какъ въ книгѣ упоминается Михаилъ Ѳеодоровичъ); Л. 278—284—303—копія съ только что указанной; Л. 303-315 ухорская слобода 1628 г.; Л. 315-323 -галичская слобода 1643 г.; Л. 326—337 - суздальская слобода 1628 г. и т. д. Затѣмъ идутъ слободы алатырская, арзамаская, валуйская, вяземская, кадомская, касимовская и т. д. Кромѣ № 265 мы пользовались отчасти для сличенія, отчасти для сравненія (если это не оказывались копіи) №№ 190, 599, 608, 673, 675, 679, 690, 15267. Но по большой части, это—копіи. Такъ клинская слобода въ к. 190 копія съ кн. 15626 и 673; коломенская въ к. 265 копія съ кн. 679; владимірская въ к. 265 копія съ к. 608; великолукская въ кн. 265 коп. съ кн. 599 и т. д.

[1]) Q. IV, 260. Ар. М. Ю. Переп. кн. ям. сл., № 265, Л. 77 80; Вельямин.-Зерновъ, Изслѣд. о касим. цар. и царевичахъ, III, стр. 65—83.

саж.; въ новгородскихъ ямахъ приказчиково дворовое и подъ огороды мѣсто равняется почти всегда двумъ десятинамъ безъ чего-нибудь при 5/6 десятинахъ на охотника; такое-же соотношеніе наблюдаемъ и въ переписныхъ книгахъ 1628 г., но иногда знаменатель отношенія равняется 4. Такъ въ дорогомиловской ямской слободѣ, при 40 × 25 саж. за охотникомъ, видимъ за приказчикомъ подъ дворомъ 30 × 20 саж. и подъ огородомъ и гуменникомъ—50 × 30 саж., а всего—80 × 50 саж.; въ коломенской ямской слободѣ - тѣ-же размѣры. Конечно, не всегда и не вездѣ это отношеніе 1 : 2 : 4 соблюдалось точно. Такъ, въ касимовской слободѣ по отдѣлу 1628 г. пай приказчика немногимъ только болѣе пая охотника. [1]) Въ новгородскихъ устройныхъ книгахъ сохранилось не мало описаній охотничьихъ дворовъ. Обыкновенно это—изба наземная съ комнатой, да съ сѣницы, да мыльня, да конюшня, да около двора городьба въ заборъ. Иногда на дворовомъ мѣстѣ и двѣ, и три избы.

Существовалъ-ли опредѣленный размѣръ земельнаго надѣла для ямскихъ охотниковъ? Можно думать, что существовалъ, но не всегда проводился точно; въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, а, можетъ быть, и отъ произвола стройщиковъ онъ видоизмѣнялся. Судя по всему, по крайней мѣрѣ, до конца 16 вѣка, и за исключеніемъ особо важныхъ ямскихъ слободъ, какъ напримѣръ, обѣ новгородскія, гдѣ надѣлъ былъ 10 четв. въ каждомъ полѣ охотнику и сѣна на 40 копенъ, а приказчику—20 четв. въ каждомъ полѣ и сѣна на 80 копенъ, надѣлъ равнялся 5 четв. въ каждомъ полѣ и сѣна на 20 копенъ охотнику и 10 четв. или 20 четв. въ полѣ и сѣна на 40 копенъ приказчику. Такіе надѣлы мы встрѣчаемъ въ Тулѣ въ 1587—1589 г., въ Каширѣ въ 1578 – 1579 г.г., въ Дѣдиловѣ въ 1587 – 1589 г., во многихъ новгородскихъ и псковскихъ слободахъ по отдѣлу 1586 - 1587 г. [2]) О томъ, что тенденція къ опредѣленному окладу существовала, можно судить также по дѣлу объ устройствѣ псковскаго и загорскаго ямовъ въ 1560 г.: „а земля прикащику и охотникамъ дана по

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г., Ар. М. Ю. Переп. кн. ям. сл. № 265, Л. 1—10, 23, Л. 26—43, Вел.-Зерн., ц. м.

[2]) Писц. книги Моск. Госуд. Отд. II, стр. 1097, 1267, 1302. Q. IV, 260, 261, 334.

окладу". [1]) Въ 1627 г. эта тенденція выражается еще съ большей опредѣленностью; такъ, въ переписной книгѣ великолукской ямской слободы находимъ указаніе на окладъ по памяти изъ ямского приказа: „а по Государевой грамотѣ изъ ямского приказа велѣно писать по 5 четв. на охотника и сѣна по 20 копенъ, а приказчику вдвое". [2]) Но было бы преувеличеніемъ считать, что, если и подмѣчается эта тенденція къ опредѣленному окладу, — не было случаевъ значительныхъ уклоненій отъ оклада въ силу самыхъ предписаній изъ Москвы. Въ резолюціи отъ 1629 г на челобитной тарскихъ юртовыхъ гонебныхъ татаръ, просившихъ о сравненіи ихъ земельнаго надѣла съ надѣломъ другихъ охотниковъ читаемъ: „и въ московскихъ городахъ городы у Государя не всѣ ровные" [3]). Можно думать, что этотъ основной принципъ, по которому характеръ и значеніе потребностей сами опредѣляли размѣръ средствъ на ихъ удовлетвореніе, неизмѣнно въ связи со всей совокупностью временныхъ и мѣстныхъ условій, не выработался только въ началѣ 17 в., а въ достаточно широкомъ объемѣ примѣнялся и раньше.

Земли отдѣлялись охотникамъ, по правилу, возможно ближе къ ямамъ, но иногда давали и гдѣ-нибудь въ уѣздѣ. Такой отдѣлъ, однако, охотники считали несправедливостью, и они или били челомъ о новомъ отдѣлѣ, или напросто завладѣвали чужой землей. Случай послѣдняго рода имѣлъ мѣсто въ Угличѣ. Еще при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, при возобновленіи яма, запустѣвшаго послѣ царевича Дмитрія, охотникамъ были отведены порожнія земли для пашни и покосовъ далеко отъ слободы, въ уѣздѣ. Ямщики тогда-же завладѣли посадской землей, прилегавшей къ слободѣ. Только въ 1627 году по государеву указу посадскимъ была возвращена земля, но ямщики „указу учинились непослушны, землей не межевались и съ межеванья разбѣжались." [4]) По общему-же правилу, точнѣе по постоянно выражаемому желанію Москвы — земля охотникамъ должна была отводиться сряду „съ одново", а не чрезъ земли. [5]) Но такое

---

[1]) А. М. Ю. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) Арх. Мин. Ю., Переп. кн. ямск. слоб. № 265, л. 393.

[3]) Р. И. Б., VIII, II, LVIII, 2.

[4]) Угл. акты, стр 17, Городъ Угличъ XVII в., изд. Липинскаго стр. 150.

[5]) Q IV, 263, л. 3—4, 169 и др.

желаніе не всегда было осуществимо, особенно, если ямская слобода устраивалась или перестраивалась въ издавна заселенномъ пунктѣ. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ только видѣ удалось осуществить такое прямо выраженное въ наказѣ изъ Москвы желаніе при возобновленіи двухъ новгородскихъ ямскихъ слободъ въ 1586 г.: вся прежняя ямская земля оказалась приписанной къ дворцовому селу; воевода и дьяки, видя, что придется, слѣдовательно нарѣзать охотникамъ земли изъ помѣстной, вотчинной и посадской, а, главнымъ образомъ, изъ вотчинъ архіепископа и монастырскихъ, доложили о результатѣ своихъ розысковъ архіепископу; архіепископъ приговорилъ: „ноугороцкимъ ямскимъ охотникамъ сту человѣкъ дати оброчную на посадѣ нарезную землю да около Новгорода близко посаду изъ помѣстныхъ порозжихъ земель всего по десятинѣ пашни человѣку, а небудетъ столько десятинъ въ порозжихъ земляхъ смежно, а гдѣ будетъ межъ тѣхъ земель смежно земли монастырскіе вотчинные и церковные съ обжу или зъ двѣ и тѣ земли отписати въ пашню и учинити бы за всякимъ охотникомъ близко посаду по десятинѣ земли человѣку. А по осьми чети земли приговорилъ имъ дати отъ Новогорода верстъ за десять и за пятнадцатъ и болѣе. А которые будутъ въ томъ числѣ за дѣтьми боярскими усадьбища и тѣхъ усадьбищъ и подъ усадьбищи земель имати и охотникамъ давати не велѣлъ. А велѣлъ имати у дѣтей боярскихъ живущую паханую и переложную землю деревняхъ и порозжие помѣстные земли и луского яму охотницкую землю. А чего охотникомъ изъ оброчные земли и изъ помѣстныхъ и изъ порозжихъ земель и изъ луского яму охотницкіе земли въ окладѣ не дойдетъ и то число имъ отписати изъ монастырскихъ и изъ церковныхъ земель, которые съ охотницкими земли будутъ смежно. Да о томъ велѣлъ отписати ко Государю, а безъ государева указу монастырскихъ земель охотникамъ давати не велѣлъ“. [1]) Воевода, однако, имѣлъ уже указъ, по которому разрѣшалось нарѣзать охотникамъ землю изъ всякихъ земель, въ томъ числѣ и изъ монастырскихъ. Не послушавшись архіепископа, воевода поступилъ согласно прежнему указу, но монастыри одинъ за другимъ

[1]) Q IV, 263, л. 109—114.

стали жаловаться въ Москву. Хотя (въ промежуткѣ между рѣшеніями по двумъ такимъ челобитнымъ) изъ Москвы опять пришло распоряженіе давать охотникамъ землю и изъ монастырскихъ земель, но челобитныя монастырей всѣ, сколько ихъ не приведено въ книгѣ, были въ Москвѣ удовлетворены. Такимъ образомъ, противъ первоначальнаго отдѣла, по которому и безъ того ямскія земли оказывались разбросанными по разнымъ мѣстамъ, площадь этого разброса по окончательному отдѣлу увеличилась еще больше. Такъ, одинъ монастырь, взявъ первоначально въ обмѣнъ участокъ, прилегавшій къ его землямъ (участокъ этотъ былъ взятъ изъ порожнихъ помѣстныхъ земель), настоялъ на возвращеніи первоначально отведеннаго отъ него участка и далъ очень дальній другой участокъ; другой монастырь (Хутьяновъ) и вовсе отстоялъ свой участокъ, который остался клиномъ между ямскими землями. [1]) Неудивительно, что въ 1587 году охотники жаловались въ Москву, что отдѣлили ихъ землей не съ одново, а чрезъ земли, что земля дана самая разнообразная, что луговая не дана вовсе и т. д. [2]) Въ другихъ дѣлахъ, однако, находимъ факты противоположнаго характера: земля отдѣлялась самая лучшая, причемъ давалась вся смежно, такъ, что чрезполосица образовывалась уже не въ ямскихъ земляхъ, а въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, отъ которыхъ отдѣлялись участки для охотниковъ. [3])

Уже изъ приведенныхъ данныхъ видно, что при надѣленіи охотниковъ землей извѣстная часть земли должна была экспропріироваться (употребляемъ это выраженіе въ его приблизительномъ, а не въ точномъ юридическомъ смыслѣ). Въ принципѣ отводилась государева порозжая земля, но, если ея не было близко яма, или не хватало ея, отводилась земля чья-нибудь. [4]) За экспропріированную землю, по общему правилу, давалась земля въ обмѣнъ. Это выражено прямо въ наказѣ объ устроеніи землей охотниковъ котельницкой и алексѣевской слободъ: „и

---

[1]) Q IV, 263, л. 139—167.

[2]) Q IV, 263, л. 168 и сл.

[3]) Напр. Вл. Губ. Вѣд., 1854 г., 16.

[4]) Это правило встрѣчаемъ еще въ предыдущемъ періодѣ А. Э. I, 156.

охотникамъ велено дати изъ порозжихъ земель, которые близко ноугородскаго посада и изъ помѣстныхъ земель, которые пришли смежно съ ямскими землями. А помѣщикамъ въ то мѣсто велено дати въ иныхъ мѣстѣхъ, гдѣ пригоже изъ порозжихъ земель". [1]). Довольно много весьма интереснаго матерьяла по этому вопросу представляетъ кн. Q. IV, 263, съ л. 139. Заимствуемъ только нѣсколько примѣровъ: у сына боярскаго Якова Колокольцева отрѣзали изъ помѣстья три обжи, давъ взамѣнъ три обжи въ порозжихъ земляхъ, но ему было невыгодно дать именно эти три обжи имъ распаханныя и ему очень нужныя; по его челобитью было рѣшено взять у него другія три обжи, причемъ постройки, которыя на этомъ новомъ участкѣ находились, приказано было вернуть ему. Участокъ, отрѣзанный отъ Хутьянова монастыря вотчины и обмѣненный на дальнюю землю, былъ возвращенъ монастырю, послѣ того, какъ игуменъ доказалъ, что эти деревни — купля. (Обращаемъ вниманіе на этотъ весьма любопытный фактъ историковъ русскаго частнаго права: купля, какъ выраженіе трудового начала, не экспропріируется; ея положеніе въ составѣ монастырскихъ земель - особое положеніе). При устроеніи переведенныхъ изъ подъ Орѣшкова охотниковъ на поперечный ямъ ближе къ Волхову, какъ читаемъ въ другой книгѣ, была взята земля у пономаря и проскурницы и отдана охотникамъ; земля въ обмѣнъ имъ была дана другая. Взяли тогда-же землю и изъ помѣстья Калачева, а въ обмѣнъ ему дали другую. [2]) Изъ цитированнаго уже приговора новгородскаго архіепископа видно, что усадьбы и земля подъ усадьбами не экспропріировалась. Но иногда за экспропріированную землю не давали въ обмѣнъ другой. Такъ, изъ челобитной 1589 г. видимъ, что при устроеніи землей новоторжскихъ охотниковъ было отрѣзано 174 четвертей отъ вотчины женскаго воскресенскаго монастыря, но монастырь не только ничего не получилъ взамѣнъ, а еще долженъ былъ платить за экспропріированную у него землю ямскія деньги. [3]) Нельзя сказать, чтобы такіе случаи были слѣдствіемъ только злоупотребленій со стороны стройщиковъ: принци-

[1]) Q IV, 263 л. 3—4.
[2]) Q IV, 262, л. 178—179.
[3]) А. Э. I, 344.

ціально московское правительство признавало, что за экспропріируемую землю слѣдуетъ давать въ обмѣнъ другую, но въ общемъ оно наказывало вести это дѣло съ пользой для Государя. Когда, напримѣръ, по поводу устроенія алексѣевской и котельницкой слободъ въ Москву стали поступать многочисленныя жалобы съ указаніемъ на то, что у однихъ было взято слишкомъ много земли, а другимъ въ обмѣнъ не додано, въ памяти изъ Москвы читаемъ выговоръ воеводѣ и дьякамъ — не умѣютъ они сдѣлать никакого дѣла, не умѣютъ избавить Государя отъ докуки, однихъ пустошатъ, а по отношенію къ другимъ забываютъ Государеву пользу [1]). Слѣдовательно, если и бывали случаи, вродѣ указаннаго, то они могли объясняться искреннимъ желаніемъ стройщиковъ соблюсти Государевъ интересъ.

Обмѣнъ земель по поводу устроенія ямскихъ слободъ весьма перепутывалъ все сошное письмо. Тѣ, у кого земля отбиралась охотникамъ, видимо, плохо мирились съ такими отводами, и правдами, и неправдами старались вернуть отобранныя земли, иногда не желая вмѣстѣ съ тѣмъ отказываться и отъ новыхъ земель, данныхъ въ обмѣнъ. Однѣ челобитныя удовлетворялись, другія нѣтъ, иногда удовлетворялись только въ части, нерѣдко вызывая два противоположныя рѣшенія: одно - по челобитной охотниковъ, другое по челобитной тѣхъ, о чьей землѣ былъ споръ. Сдѣланныя въ книгахъ исправленія приходилось исправлять наново; исправляли въ однихъ спискахъ, не исправляли въ другихъ. Когда, слѣдовательно, возникалъ споръ, каждая сторона опиралась на выписи, до извѣстной степени доказывавшія справедливость предъявленныхъ требованій; съ другой стороны, сборщики податей правили деньги какъ на экспропріированныхъ, такъ и на данныхъ въ обмѣнъ земляхъ; наконецъ, въ дѣла иногда вступались третьи лица, которыя предъявляли права на спорный участокъ, такъ какъ по устрою прежнихъ лѣтъ, этотъ участокъ былъ отданъ имъ взамѣнъ земли, тогда отведенной изъ ихъ помѣстій охотникамъ прежняго устроя. [2]) Все это вело къ тому, что споры о земляхъ, отданныхъ охотникамъ, были, видимо, весьма распространеннымъ явленіемъ и что спорныя дѣла

[1]) Q. IV, 1236, л. 263 и сл.

[2]) Напр., Д. А. И., I, 57, Угличъ XVII, в. стр. 150 и мн. др.

эти тянулись весьма многіе годы. Напримѣръ, дѣло изъ-за земель алексѣевскаго яма съ Вяжитскимъ монастыремъ, начавшееся въ 1594 г. (слѣдуетъ думать, судя по устройной книгѣ — съ 1586 г.), не было кончено еще въ 1606 г. [1]) Дѣло между охотниками Бронницкаго яма съ Андроньевскимъ монастыремъ изъ-за пустоши Сокольницкой и изъ-за рыбной тони, велось съ перерывами почти сто лѣтъ. Мы знаемъ приговоръ по этому дѣлу отъ 1691 г., между тѣмъ челобитная изъ-за Сокольницкой пустоши извѣстна еще отъ 1597 г. [2])

Если на отводимой землѣ находились крестьянскіе дворы, то они придавались къ яму. Такъ, Загорскому яму были приданы въ 1560 г. 16 деревень съ крестьянами, которыми охотники владѣли безъ раздѣлу и съ которыхъ всякіе доходы получали сообща, дѣля межъ собой. Крестьяне, жившіе на деревняхъ Вокшерскаго яма, платили оброкъ охотникамъ Ярославскаго яма, къ которому вокшерская слобода было придана еще до раззоренья. Имѣла приданныхъ крестьянъ и московская рогожская слобода еще при Іоаннѣ IV и т. д. [3]) Какъ были приданные крестьяне, такъ были и „подданные" бобыли. Напримѣръ, подданные Вышневолоцкому яму бобыли, селившіеся вновь на земляхъ стараго Выдропусскаго яма; напримѣръ, бобыли на ямской землѣ, подданные владимірскому яму, бобыли на костромской ямской землѣ, подданные яму и т. д. [4])

Отдѣливъ къ слободѣ землю, стройщикъ долженъ былъ еще отмежевать эту землю „чтобъ тѣмъ ямскимъ землямъ впередъ спору ни съ кѣмъ не было", и точно вписать въ книги какъ отведенную землю, такъ и межи ей [5]). Этимъ обыкновенно и заканчивались обязанности стройщика, если его дѣйствія, совершенныя во всемъ согласно наказу, не встрѣчали противодѣйствія со стороны населенія. Напримѣръ, если охотники во время выставлялись на ямъ, если охотники являлись со всѣмъ снарядомъ, если не возникало тутъ-

---

[1]) А. Э. II, 42.

[2]) Акты Ѳедот.-Чеховск., т. II, № 161, ср. съ Q. IV, 261.

[3]) Ар. М. И Д. П. Д. С. Л. св. 153, № 91, А. М. Ю. кн. пер. ямск. слоб. № 265 и сл., л. 26—43.

[4]) Р. И Б. V, 37, А. М. Ю. кн. пер. ямск. слоб. № 265.

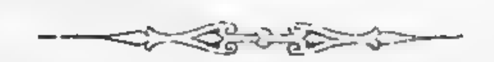
[5]) Оп. Щук. Муз., III, стр. 116, А. С. М. I,XLIII.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 54.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-лит. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. д.
1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ 54 Юридической Библіографіи.

Указанія и распоряженія правительства, касающіяся земскихъ учрежденій. Елизаветгратъ 1897 г.

Не подлежитъ сомнѣнію, что къ числу наименѣе разработанныхъ отдѣловъ отечественнаго законодательства должно быть отнесено административное право.

Можно сказать, что сознаніе его важности, необходимости его тщательной разработки, проникло въ общее сознаніе весьма сравнительно недавно, такъ-какъ недавно закономъ стали опредѣляться отношенія однихъ органовъ власти къ другимъ и отношенія государства къ подданнымъ.

Весьма важнымъ моментомъ въ дѣлѣ развитія какъ самыхъ законоположеній, относящихся до административнаго права, такъ и ихъ практической, отчасти и научной, разработки, явилось изданіе двухъ актовъ великаго царствованія Императора Александра II, Земскаго Положенія 1864 г. и Городового Положенія 1870 г.

Земское Положеніе организовало на мѣстахъ общественныя учрежденія съ широкимъ и постепенно расширяющимся кругомъ дѣлъ мѣстнаго управленія, поставивъ эти учрежденія подъ контроль мѣстной и отчасти высшей правительственной власти.

Между земствомъ и правительственными органами были установлены публично-правныя отношенія и точное соблюденіе этихъ отношеній обѣими сторонами было гарантировано тѣмъ, что ихъ взаимныя столкновенія возможныя здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ существуетъ юридическія отношенія, разсматривались и разрѣшались Правительствующимъ Сенатомъ, какъ высшимъ въ Имперіи органомъ административной юстиціи.

Такъ-какъ законы, касающіеся взаимныхъ отношеній земства и правительственныхъ органовъ, по самой новизнѣ дѣла, по невозможности въ самомъ началѣ, когда выработывалось Земское Положеніе, предусмотрѣть всѣ стороны, оказались во многихъ случаяхъ недостаточно опредѣлительными и точными, то для правительствующаго Сената открылось широкое поле путемъ интерпретаціи восполнить пробѣлы закона, дать ему надлежащее разъясненіе и способствовать установленію закономѣрности въ отношеніяхъ мѣстной администраціи къ земству.

Въ виду той важности, которую имѣли какъ для общественныхъ управленій, такъ и для администраціи руководящія указанія Правительствующаго Сената, при дѣйствіи Земскаго Положенія 1864 г., Хозяйственный Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ 1868 г., издавалъ Сборникъ правительственныхъ распоряженій по дѣламъ до земскихъ учрежденій относящихся. Этого Сборника вышло всего 13 томовъ. I-й т. изданный, какъ замѣчено въ 1868 г. обнимаетъ разъясненія за 1864, 1865, 1866 и 1867 годы, II-й т., вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1872 г., содержитъ распоряженія за 1868; т. III, вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1878 г., обнимаетъ распоряженія за 1869 г., т. IV изданный въ 1872 г., содержитъ распоряженія за 1870 г., т. V, изданный въ 1880 г., содержитъ распоряженія 1871 г., т. VI-й, изданный въ 1883 г., обнимаетъ разъясненія за 1872 г., т. VII-й, изданный въ 1884 г., содержитъ разъясненія за 1873 г., т. VIII-й, изданный въ 1886 г., содержитъ разъясненія за 1874 г., т. IX-й, изданный въ 1888 г., приводитъ разъясненія за 1875—1876 г.г.; т. X-й изданный въ томъ-же 1888 г. содержитъ разъясненія за 1877—78 г.г., т. XI-й, изданный въ 1889 г., содержитъ разъясненія за 1879—1888 г.г., т. XII-й, изданный въ 1890 г., содержитъ распоряженія за 1881—1884 г.г. и дополненія за 1873, 75, 76 и 77 г.г., т. XIII и послѣдній содержитъ рззъясненія за 1885—1889 г.г. и за первое полугодіе 1890 года.

Вѣроятно, въ виду предпринятой законодательной работы по изданію Новаго Земскаго Положенія, Сборникъ, содержаніе кото-

раго мы только что привели, перестал выходить. По обнародовании Земскаго Положения 1890 г. вышло въ 1890 г. оффиціальное изданіе: „указанія, сдѣланныя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ относительно примѣненія нѣкоторыхъ статей Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12 Іюня 1890 г.

Въ брошюрѣ (въ ней всего 13 страницъ), съ указаннымъ заглавіемъ, собраны нѣкоторыя разъясненія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ губернскимъ начальствамъ, главнымъ образомъ, касающіяся введенія въ дѣйствіе новаго закопоположенія, какъ то, выбора земскихъ гласныхъ и должностныхъ лицъ по земскому управленію, составленія избирательныхъ списковъ и т. д. Съ тѣхъ поръ, если не считать немногочисленныхъ указовъ Сената, опубликованныхъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, не было сдѣлано ничего для ознакомленія интересующихся дѣломъ съ обширною практикою Сената, направленною къ уясненію правилъ Земскаго Положенія.

Съ рѣшеніями Сената по возникавшимъ дѣламъ, вслѣдствіе жалобъ земскихъ установленій на губернскія по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія (ст. 89 Земскаго Положенія) или по жалобамъ установленій и частныхъ лицъ на рѣшенія тѣхъ Присутствій или на опредѣленія Земскихъ Собраній (статьи 131 и 128 Земскаго Пол.), приходится знакомиться изъ частныхъ изданій или сообщеній газетъ.

Въ особенности, много рѣшеній Сената можно найдти въ земскихъ повременныхъ изданіяхъ, въ Сборникахъ Пермскаго, Псковскаго, Херсонскаго земствъ, въ Саратовской Земской Недѣлѣ, и другихъ.

Если для спеціалистовъ, обязанныхъ слѣдить за этими изданіями и имѣть ихъ подъ руками, при означенныхъ условіяхъ, хотя и затруднительно, но возможно знакомиться съ практикою Сената по земскимъ дѣламъ, то для большинства публики рѣшенія Сената остаются вовсе неизвѣстны. Между тѣмъ, при широкомъ участіи общества въ дѣлахъ земскаго управленія, настоятельно необходимо возможно большее распространеніе знакомства съ законами, касающимися этого управленія, а слѣдовательно и

съ авторитетными ихъ разъясненіями. Какъ часто извѣстное мнѣніе въ Земскомъ Собраніи не удается провести, потому что кто либо, во время дебатовъ, ссылается на разъясненіе Сената, содержащее будто-бы указаніе на незаконность аналогичнаго опредѣленія Земскаго Собранія по какой либо другой губерніи. Заявляющему приходится вѣрить на слово при затруднительности провѣрить смыслъ и значеніе Сенатскаго указа, на который сдѣлана ссылка.

Эти соображенія мы считали нужнымъ предпослать для того, что-бы уяснить значеніе брошюры, заглавіе которой мы выписали выше. Елизаветградской Земской Управѣ пришла счастливая мысль обратиться во всѣ Земскія Управы съ просьбою доставить свѣдѣнія о всѣхъ разъясненіяхъ Правительства, послѣдовавшихъ по запросамъ, жалобамъ и постановленіямъ земствъ за послѣдніе два года. Какъ свидѣтельствуетъ Управа, почти всѣ Земскія Управы сообщили имѣющійся у нихъ матеріалъ, изъ которыхъ Управа извлекла наиболѣе существенныя разъясненія. Въ нашемъ отчетѣ о книгѣ мы коснемся лишь важнѣйшихъ разъясненій. Къ числу такихъ разъясненій мы относимъ прежде всего два указа Сената, трактующіе о компетенціи губернскихъ по земскимъ дѣламъ Присутствій.

Какъ извѣстно, означенныя присутствія образованы для разрѣшенія разномыслій между Губернаторомъ, какъ органомъ надзора за земскими учрежденіями, и самыми этими учрежденіями. Когда Губернаторъ признаетъ извѣстное постановленіе Земскаго Собранія противорѣчащимъ закону, не соотвѣющимъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ либо явно нарушающимъ интересы мѣстнаго населенія, то онъ собственною властью можетъ лишь остановить въ двухнедѣльный срокъ исполненіе такого постановленія Земскаго Собранія. Отмѣна-же незаконнаго постановленія можетъ послѣдовать лишь въ томъ случаѣ, если съ Губернаторомъ согласится Губернское по земскимъ дѣламъ Присутствіе. Замѣтимъ, что Губернаторъ, какъ Предсѣдательствующій въ присутствіи, пользуется не только правомъ давать перевѣсъ, при равенствѣ голосовъ, тому мнѣнью, съ которымъ онъ согласенъ, но, вмѣстѣ съ

тѣмъ, и правомъ пріостанавливать исполненіе такого опредѣленія Присутствія, которое хотя и принято большинствомъ, но съ которымъ Губернаторъ не согласенъ (ст. 12 Пол. зем. учр.). Отмѣна постановленія Земскаго Собранія, признаннаго состоявшимся съ нарушеніемъ государственныхъ пользъ и нуждъ или мѣстныхъ интересовъ, совершается инымъ болѣе сложнымъ порядкомъ. Губернское Присутствіе не можетъ его отмѣнить. Если постановленіе исходитъ отъ уѣзднаго Земскаго собранія, то оное вносится на разрѣшеніе губернскаго Земскаго Собранія. Постановленіе Губернскаго Земскаго Собранія, признанное противорѣчащимъ государственнымъ или мѣстнымъ интересамъ, представляется для дальнѣйшаго направленія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Точно также, если Губернаторъ не сочтетъ возможнымъ утвердить какое нибудь постановленіе Земскаго Собранія изъ подлежащихъ его утвержденію (ст. 82), то объ этомъ должно быть предложено Губернскому по земскимъ дѣламъ Присутствію, отъ котораго зависитъ согласиться съ Губернаторомъ, либо не согласиться.

Только въ первомъ случаѣ постановленіе Собранія не вступаетъ въ силу (ст. 88, 84 Земск. Пол.).

Губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствіе исполняетъ и другого рода функцію. Оно даетъ заключеніе по тѣмъ постановленіямъ Земскихъ Собраній, которыя поступаютъ на утвержденіе высшей правительственной власти или на предметъ отмѣны, когда таковая зависитъ отъ Государственнаго Совѣта или Комитета Министровъ. (ст. 85, 91, 92, 93 и 94 Земскаго Положенія).

Изъ приведенныхъ правилъ закона съ совершенною очевидностью вытекаетъ, что во всѣхъ случаяхъ Губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствіе уполномочено лишь кассировать тѣ или другія постановленія Земскихъ Собраній, воспрепятствовать приведенію ихъ въ дѣйствіе, но не можетъ собственною властью постановлять на мѣсто состоявшагося постановленія Земскаго собранія другое и вообще дѣлать какія либо распоряженія относительно дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій.

Означенное, вполнѣ согласное съ закономъ толкованіе принято и Правительствующимъ Сенатомъ въ указѣ 10 Апрѣля 1895 года, № 3928, который приведенъ подъ № 1 разматриваемаго нами изданія Елизаветградской Управы.

Тѣмъ-же Сенатомъ разъяснено, (указъ 7 Іюня 1896 года), что въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ Губернскаго Присутствія требуется лишь заключеніе, оно не можетъ разсматривать по существу и отмѣнять постановленіе Земскаго Собранія.

Изъ разъясненій, относящихся до личнаго состава Земскихъ Собраній, мы обратимъ вниманіе на указъ 20 Іюля 1896 г., содержащій толкованіе правила ст. 60 Пол. о земск. учрежд.

Какъ извѣстно, новое земское положеніе предоставило земскимъ собраніямъ право налагать по большинству $^2/_3$ голосовъ на гласнаго, не явившагося въ Собраніе и не приславшаго отзыва о законнымъ къ тому препятстіяхъ, признанныхъ Собраніемъ уважительными, взысканія, опредѣленныя въ новой 1440 статьѣ Уложенія о наказаніяхъ, по редакціи установленной Высочайше утвержденныхъ мѣніемъ Государственнаго Совѣта 12 Іюня 1890 года (Собр. Узак. 1890 г. ст. 597) Въ означенной статьѣ взысканія опредѣлены примѣнительно къ статьѣ 1430-й Уложенія, устанавливающей наказанія за неявку въ Дворянскія Собранія. За неявку въ первый разъ виновный подвергается замѣчанію отъ Предсѣдателя Земскаго Собранія; во второй денежному взысканію не свыше 75 руб.; въ третій разъ сверхъ денежнаго взысканія исключенію изъ Земскаго Собранія на время самимъ Собраніемъ опредѣляемое, но во всякомъ случаѣ не долѣе, какъ до слѣдующихъ выборовъ, между тѣмъ какъ дворянинъ, въ третій разъ не явившійся, по статьѣ 1430-й Улож., сверхъ денежнаго взысканія, подвергается исключенію изъ Собранія—на время самимъ Собраніемъ опредѣляемое, но во всякомъ случаѣ не долѣе, какъ на все продолженіе того съѣзда дворянства.

Измѣненіе взысканія за неявку въ третій разъ очевидно сдѣлано съ цѣлью усилить кару. Исключеніе изъ Собранія не явившагося гласнаго на продолженіе сессіи не имѣло-бы никакой репрессивной силы, потому что не влекло-бы иныхъ послѣдствій, кромѣ

тѣхъ, которыхъ гласный самъ желалъ, не являясь въ засѣданіе Собранія.

При дѣйствіи положенія 1864 года, не знавшаго, какъ извѣстно, никакихъ взысканій за неявку въ Земскія Собранія, многіе приписывали неаккуратное посѣщеніе многими гласными Земскихъ Собраній отсутствію законнаго понужденія въ формѣ кары за непосѣщеніе засѣданій. Указывали не безъ основанія на то, что добровольно принявшій на себя званіе гласнаго и имѣющій право во всякое время отказаться отъ этого званія по справедливости можетъ быть принуждаемъ, на сколько это достижимо и возможно, къ аккуратному исполненію принятыхъ на себя обязанностей. Лица, порвавшія связи съ земскимъ дѣломъ, не желающія ему служить, должны отказаться отъ званія гласнаго и не должны доводить своего индеферентизма до того, чтобы носить званіе гласнаго, какъ синекуру, мѣшая своимъ абсентизмомъ правильному теченію земскихъ дѣлъ, заставляя другихъ напрасно съѣзжаться въ городъ для участія въ собраніяхъ, которыя не могутъ состояться за неприбытіемъ достаточнаго числа гласныхъ.

Выраженіемъ этихъ мнѣній могутъ служить ходатайства нѣкоторыхъ земствъ о назначеніи взысканій за неявку въ земскія Собранія. Укажемъ на ходатайство Екатеринославскаго уѣзднаго Земскаго Собранія 1867 года, Ялтинскаго того-же года, Мценскаго 1870 года, Инсарскаго 1873 г.

Означенныя ходатайства всякій разъ были отклоняемы на томъ основаніи, что характеру дѣятельности земскаго гласнаго, по взглядамъ, которыхъ тогда держалось правительство, противорѣчили-бы какія-бы то ни было мѣры принужденія.

При разработкѣ проектовъ мѣстнаго управленія въ коммиссіи Статсъ-Секретаря Каханова было предположено предоставить самимъ Собраніямъ въ началѣ каждаго трехлѣтія установлять, если Собранія сочтутъ это нужнымъ, штрафы въ размѣрѣ, закономъ опредѣленномъ, за непосѣщеніе гласными безъ уважительныхъ причинъ засѣданій и за оставленіе ими собраній до окончанія засѣданій.

Мысль эта не встрѣтила, однако, сочувствія въ большинствѣ членовъ коммиссіи.

Въ проектѣ графа Толстого (ст. 117) была установлена та-же система взысканій за неявку, которая принята въ новомъ Земскомъ Положеніи, причемъ какъ въ означенномъ проектѣ, такъ и въ земскомъ положеніи не признано нужнымъ подвергать взысканію гласнаго, оставившаго Собраніе до окончанія засѣданій безъ уважительныхъ причинъ, хотя такое оставленіе безъ сомнѣнія можетъ имѣть тѣ-же невыгодныя послѣдствія для правильнаго теченія дѣлъ, какъ и неприбытіе гласнаго въ засѣданіе.

Отмѣтимъ здѣсь, что для постановленія собранія о наложеніи опредѣленныхъ за неявку взысканій требуется большинство $^2/_3$ голосовъ. Это единственный случай, когда для законности постановленія Земскаго Собранія требуется квалифицированное большинство.

Въ статьѣ 59-й Положенія содержится перечень причинъ, извиняющихъ неявку гласнаго въ засѣданіе Собранія.

Перечень этотъ имѣетъ то значеніе, что при наличности отзыва съ указаніемъ одной изъ законныхъ причинъ неявившійся гласный не можетъ быть подвергаемъ взысканіямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 1440 Уложенія. Но Земское Собраніе можетъ признать и другія причины неявки гласнаго уважительными, помимо указанныхъ въ законѣ. Перечень статьи 59-й имѣетъ, такимъ образомъ, характеръ гарантій для гласнаго, не явившагося въ Собраніе въ силу исключительныхъ условій. Перечень этотъ стѣсняетъ дарованную Собраніямъ карательную власть о отношенію къ своимъ членамъ. Такое значеніе статьи 59-й не съ достаточною точностью выражено въ законѣ. Изъ словъ статьи 60-й: если гласный не явится въ Земское Собраніе и не пришлетъ отзыва о законныхъ препятствіяхъ (статья 59-я) или-же отзывъ его Собраніемъ признанъ будетъ не заслуживающимъ уваженія, можно заключить, что Собраніе можетъ всякій отзывъ не явившагося гласнаго, слѣдовательно, и отзывъ съ указаніемъ законныхъ препятствій для явки, признать не заслуживающимъ уваженія.

При такомъ пониманіи статьи 60-й, предъидущая 59-я статья теряетъ всякое значеніе. Перечисленныя въ ней причины неявки ничѣмъ не разнились-бы отъ другихъ причинъ, которыя могутъ помѣшать гласному явиться въ Собраніе и которыя могутъ быть признаны Собраніемъ уважительными или неуважительными.

Необходимо признать, что когда Собранію представленъ отзывъ съ указаніемъ законныхъ основаній неявки, разумѣется, надлежащимъ порядкомъ удостовѣренныхъ, то оно не можетъ уже подвергнуть гласнаго взысканіямъ въ статьѣ 1440, опредѣленныхъ.

Собраніемъ можетъ быть признанъ неуважительнымъ только отзывъ, не содержащій въ себѣ удостовѣренныхъ законныхъ основаній неявки.

На практикѣ возникъ вопросъ, обязано-ли Собраніе, когда отзывъ гласнаго не представленъ или хотя и представленъ, но не содержитъ указанія на какую либо изъ законныхъ причинъ неявки, рѣшить вопросъ о примѣненіи къ неявившемуся гласному карательныхъ мѣръ, или оно вправѣ не осуществлять своего права.

Сенатъ въ приведенномъ указѣ и разъяснилъ означенный вопросъ въ томъ смыслѣ, что Собраніе вольно въ означенномъ случаѣ наказать неаккуратнаго гласнаго, но можетъ его и не наказывать. Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ вопросы: 1) объ освобожденіи гласныхъ отъ участія въ Земскихъ Собраніяхъ и 2) о правѣ Собраній подвергать взысканію неявившихся гласныхъ, разъяснилъ, что согласно статьѣ 60-й Пол. о земск. учр., разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ зависитъ исключительно отъ самихъ собраній.

По силѣ такого разъясненія постановленіе Земскаго Собранія, признавшее гласнаго не подлежащимъ взысканіямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 1440 Улож. о нак. ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ отмѣнѣ, какъ незаконное.

Незаконнымъ можетъ быть признано лишь такое постановленіе, которымъ гласный принужденъ къ взысканіямъ, не смотря на представленіе имъ законныхъ основаній неявки.

Два указа Сената, изъ приведенныхъ въ разсматриваемой нами

книгѣ касаются направленія земскихъ ходатайствъ (№ 6-й Указъ 31-го Августа 1896 г. № 1320 и 20).

На этихъ указахъ мы считаемъ полезнымъ остановиться въ виду важности возбужденнаго вопроса.

Предоставивъ земству право ходатайствовать о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, законодатель не высказался съ достаточною точностью по вопросу о порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ при дальнѣйшемъ движеніи ходатайствъ къ ихъ разрѣшенію правительствомъ.

Краткое правило статьи 2-й (пун. XII) Положенія 1864 г., гласившее, что земскія ходатайства представляются чрезъ губернское начальство высшему правительству, само по себѣ не могло быть достаточнымъ для разрѣшенія возникавшихъ на практикѣ недоразумѣній.

Какова роль губернскаго начальства въ отношеніи къ земскимъ ходатайствамъ? Можетъ-ли оно не представить земское ходатайство высшему правительству, находя ходатайство выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій или по другому аналогичному поводу?

Означенный вопросъ при дѣйствіи Положенія 1864 года былъ разрѣшенъ рядомъ правительственныхъ распоряженій и соотвѣтственно этому сложился извѣстный порядокъ направленія земскихъ ходатайствъ, отчасти воспринятый и этимъ санкціонированный въ Положеніи 1890 года.

Такъ, вполнѣ согласно съ неоднократными разъясненіями Сената и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, правило статьи новаго Положенія редактировано въ томъ смыслѣ, что едва-ли остается мѣсто для сомнѣній, что губернаторъ обязанъ всякое ходатайство Земскаго Собранія направить въ подлежащее Министерство, хотя бы почему либо онъ и признавалъ означенное ходатайство не подлежащимъ удовлетворенію. Ходатайства согласно статьѣ 104 Положенія 1890 года представляются губернатору, который „направляетъ оныя“, т. е. обязанъ направить оныя, въ подлежащее Министерство съ своимъ заключеніемъ.

Сужденіе Губернатора о ходатайствѣ можетъ и должно быть имъ изложено въ заключеніи, которое онъ представляетъ вмѣстѣ съ ходатайствомъ, но не можетъ имѣть вліянія на самое направленіе ходатайства.

Такъ именно должно быть изъяснено правило новаго закона въ виду предшествовавшей практики, которою, какъ мы замѣтили, прочно установлена обязанность Губернатора направлять ходатайство Земскаго Собранія во всякомъ случаѣ на разрѣшеніе высшаго правительства (Указы Сената: 17-го Сентября 1871 года, № 37698, 14-го Февраля 1883 г., № 2864 и 2868; 31-го Мая 1884 г. № 616; Указаніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 30-го Іюня 1871 года. Сб. Пр. распор., относящ. до земскихъ учрежд., т. V 154 и 212; XII стр. 174 и 239.

Могутъ сказать, что указанныя разъясненія, состоявшіяся при дѣйствіи положенія 1864 г., не должны имѣть значенія при дѣйствіи новаго Положенія, которое организовало надзоръ за земскимъ общественнымъ управленіемъ на другихъ началахъ.

Могутъ возразить противъ высказаннаго сужденія о значеніи правила статьи 104 Пол. о земск. учр. 1890 года, что теперь когда власть Губернатора по отношенію къ земскому самоуправленію расширена, ходатайства Земскаго Собранія должно быть представляемо Губернаторомъ только тогда, когда онъ находитъ законнымъ, въ частности, не выходящимъ изъ круга вѣдомства емскихъ учрежденій, причемъ могутъ сослаться на статью 5-ю Новаго Положенія, на которую обыкновенно ссылаются стоящіе за умаленіе правъ земства и соотвѣтствующей усиленіе мѣстной административной власти.

По приведенной статьѣ Губернаторъ имѣетъ надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій земскихъ учрежденій.

Не слѣдуетъ-ли распространить право надзора и на земскія ходатайства и смотрѣть на непредставленіе Губернаторомъ земскаго ходатайства, въ случаѣ, если онъ признаетъ оное незаконнымъ, какъ на осуществленіе принадлежащаго Губернатору права надзора, а не какъ на упущеніе съ его стороны?

Не слѣдуетъ-ли, въ виду статьи 5-й Положенія, признать, что Губернаторъ обязанъ представить только то ходатайство, которое онъ считаетъ законнымъ.

Если-бы о надзорѣ за земскимъ учрежденіями трактовала одна пятая статья, то приведенное сужденіе могло-бы быть поддерживаемо на основаніи буквы закона, который тогда оставлялъ-бы широкій просторъ для различнаго пониманія предѣловъ надзора.

Теперь при существованіи въ Земскомъ Положеніи цѣлаго ряда статей, ближайщимъ образомъ опредѣляющихъ право Губернаторскаго надзора, всякій вопросъ, касающійся предѣловъ этого надзора, долженъ быть разрѣшаемъ не на основаніи общаго и неопредѣленнаго правила статьи 5-й, а на основаніи всей совокупности положеній закона, взаимно себя восполняющихъ, представляющихъ для истолкованія одно цѣлое.

Подойдя съ этой стороны къ занимающему насъ вопросу, мы легко можемъ усмотрѣть, что право надзора не можетъ оправдывать непредставленіе Губернаторомъ земскаго ходатайства на на разсмотрѣніе высшаго правительства.

По праву надзора Губернаторъ можетъ пріостановить исполненіе извѣстнаго постановленія Земскаго Собранія и можетъ въ точно указанныхъ въ законѣ случаяхъ неутвердить постановленіе Земскаго Собранія и этимъ воспрепятствовать его исполненію (статьи 82 и 87 Полож. о земск. учрежд.).

Такъ-какъ земскія ходатайства не относятся къ числу постановленій, которыя властью земскихъ учрежденій могли быть исполнены, такъ-какъ ходатайства по природѣ своей являются ничѣмъ инымъ, какъ заключеніями по тѣмъ или другимъ вопросамъ хозяйства и управленія, отличающимися отъ тѣхъ заключеній, которыя даются земствами по предложеніямъ правительства (ст. 62, п. 17) лишь тѣмъ, что ходатайства представляются по собственной иниціативѣ земствъ, то нельзя, кажется, сомнѣваться, что ни одна изъ формъ въ которыхъ можетъ осуществляться губернаторскій надзоръ, если одною изъ такихъ формъ не считать право Губернатора прилагать къ представляемому ходатайству заключеніе, не примѣнима къ Земскимъ ходатайствамъ такъ-же, какъ

непримѣнимъ надзоръ и къ заключеніямъ, представляемымъ земствами по требованію правительства. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ имѣются сужденія земскихъ собраній. За законностью сужденій, за тѣмъ, чтобы эти сужденія не выходили изъ круга предметовъ вѣдомства собранія слѣдитъ по закону предсѣдатель собранія, а не Губернаторъ (п. 7 правилъ о производствѣ дѣлъ въ земскихъ дворянскихъ и городскихъ общественныхъ собраніяхъ (2-е полное Собраніе № 44690).

Если сужденіе, обращенное къ высшему правительству, состоялось, т. е. прошло чрезъ цензуру предсѣдателя, то оно не должно подвергаться еще цензурѣ Губернатора.

Если ходатайство незаконно въ частности, если оно относится до предмета, не подлежащаго вѣдѣнію земства, то оно на этомъ основаніи можетъ быть неуважено правительствомъ.

Мы дѣйствительно видимъ, что иногда земское ходатайство отклоняется подлежащею властью именно на томъ основаніи, что ходатайство имѣетъ своимъ предметомъ вопросъ, по мнѣнію означенной власти, выходящій изъ круга вопросовъ, подлежащихъ обсужденію земства.

Такъ напр. въ 1885 году было отклонено хдатайство одного уѣзднаго земства о дополненіи статьи 138 Уст. Гражд. Суд. въ смыслѣ предоставленія мировому судьѣ допускать предварительное исполненіе рѣшеній и въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ хотя и не основанъ на документѣ, но сознанъ отвѣтчикомъ или имъ не опровергнуть. Въ отзывѣ Министерства Юстиціи, на основаніи котораго отклонено ходатайство, въ качествѣ причинъ отклоненія было указано именно на то, что ходатайство имѣло своимъ предметомъ измѣненіе общихъ законовъ о судопроизводствѣ. Вопросъ, возбужденный земскимъ ходатайствомъ, не былъ разсмотрѣнъ по существу и предложенное земствомъ было признано не подлежащимъ удовлетворенію, какъ выходящее изъ предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій (Сб. Прав. расп. относ. до зем. учр. XII стр. 436).

Руководящія указанія, какихъ предметовъ не могутъ касаться земскія ходатайства вслѣдствіе того, что земству предоставлено право ходатайствовать, лишь о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ,

должно понимать, соотвѣтствѣнно изложенному, въ смыслѣ указаній, что ходайства, касающіяся извѣстныхъ предметовъ, не могутъ разсчитывать на успѣхъ, а не въ томъ смыслѣ, что эти ходатайства не подлежатъ представленію высшему правительству.

Послѣднее, имѣя право отклонить ходатайство, касающееся предмета, неподлежащаго вѣдѣнію земства, не должно быть охраняемо отъ необходимости разсматривать ходатайства въ указанномъ смыслѣ незаконныя, подобно тому и на томъ-же основаніи, какъ о законности жалобы судитъ по общему правилу не то мѣсто или лицо чрезъ которое жалоба подается, а то, которому предоставлено право разрѣшенія жалобы.

Нельзя къ означенному не присовокупить, что не всегда легко и возможно prima facie опредѣлить, касается-ли ходатайство до мѣстныхъ пользъ и нуждъ, или не относится, потому что въ виду той связи, которая существуетъ между государственными мѣропріятіями, нельзя провести принципіальную границу между вопросами мѣстными и общими, а потому нельзя предоставить передаточной инстанціи, которую является Губернаторъ, въ отношеніи къ земскимъ ходатайствамъ, права признавать послѣднія выходящими изъ круга предметовъ вѣдомства земскихъ собраній.

Вполнѣ согласно съ означенными соображеніями Сенатъ въ первомъ изъ цитированныхъ указовъ разъяснилъ, что Губернаторы не должны входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, касаются-ли нуждъ города или земства, возбуждаемыя или ходатайства, а должны направлять таковыя ходатайства съ своими заключеніями высшему начальству, отъ котораго и зависитъ рѣшеніе касается-ли ходатайство мѣстныхъ пользъ и нуждъ или нѣтъ.

Отклоненія земскихъ ходатайвтвъ Министрами могутъ происходить не иначе, какъ по разсмотрѣніи ихъ въ комитетѣ Министровъ, однимъ изъ предметовъ вѣдѣнія котораго, указанныхъ въ статьѣ 26 (п. 14), является именно представленіе Министровъ объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайствъ губернскихъ Земскихъ Собраній.

Въ этомъ отношеніи допущено лишь одно исключеніе. Ходатайства, касающіяся поступленія денегъ въ казну или

денежныхъ изъ нея выдачъ не поступаютъ въ Комитетъ Министровъ, а отклоняются властью Министра Финансовъ, такъ-какъ дѣла эти, по особымъ условіямъ финансоваго управленія, должны оставаться въ прямой отъ Министра Финансовъ зависимости и производиться соблюдающимся для нихъ порядкомъ. (Прим. къ п. 14 ст. 26 Учрежденія Комитета Министровъ).

Соотвѣтственно приведенному правилу закона Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ Тверскаго губернскаго земства на Министра Внутреннихъ Дѣлъ за отклоненіе, безъ внесенія на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, ходатайства земства объ освобожденіи отъ 5% налога доходовъ съ эмеритальныхъ капиталовъ постановилъ: поручить г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ изложенное ходатайство передать г. Министру Финансовъ для дальнѣйшаго направленія.

М. Липинскій.

---

1) *A. Hamon.* Determinisme et Responsabilite. Paris 1898.

Названный трудъ есть ничто иное, какъ введеніе къ курсу уголовной соціологіи, открытому въ 1897 г. авторомъ въ новомъ брюссельскомъ университетѣ. Онъ распадается на три части. Первая посвящена критикѣ ученія о свободѣ воли и обоснованіи детерминистическихъ воззрѣній. Она представляется во всѣхъ отношеніяхъ образцовой. Авторъ рядомъ убѣдительныхъ аргументовъ разрушаетъ индетерминистическую доктрину, раскрываетъ безосновательность и фантастичность ученія о свободѣ воли и даетъ детерминизму прочные устои.

Вторая часть занимается уясненіемъ предмета криминологическихъ изысканій—установленіемъ понятія преступленія. Разсматривая разнообразныя опредѣленія преступленія, авторъ критически ихъ разбираетъ и признаетъ ихъ несостоятельными въ виду того, что они носятъ крайне относительный характеръ. Его не-

удовлетворяютъ какъ чисто юридическое, такъ и опредѣленія, даваемыя Тардомъ, Корромъ, Горофало, Ферри и др. Онъ пытается дать новое опредѣленіе, болѣе точное, объективное и не представляющееся столь относительнымъ, какъ оспариваемыя имъ. Попытка его въ этомъ отношеніи однако, по нашему мнѣнію, не можетъ быть признана удачной. Устанавливаемое имъ опредѣленіе преступленія крайне относительно и носитъ въ высшей степени субъективный характеръ. Всякое сознательное посягательство на индивидуальную свободу, по его мнѣнію, почитается преступленіемъ. (Tout acte conscient, qui lise la liberte d'agir de l'individu est crime). Крайне произвольно ограничивать такимъ образомъ область преступныхъ посягательствъ: оно не оправдывается ни исторіей, ни соображеніями уголовно-политическаго свойства!

Въ третьей части авторъ останавливается на уголовной отвѣтственности. Разсужденія автора по этому кардинальному вопросу желательной ясностью, къ сожалѣнію, не отличаются. Имъ смѣшиваются такія понятія, какъ отвѣтственность и вмѣняемость (что̀, впрочемъ, вообще присуще французскимъ криминалистамъ). Онъ разбираетъ разнообразныя теоріи уголовной отвѣтственности и относится къ нимъ отрицательно. Уголовная отвѣтственность, по его мнѣнію, можетъ быть построена только на началахъ свободы воли. Съ паденіемъ послѣдней падаетъ и первая. Соціальная-же отвѣтственность по своему характеру ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ понятіемъ, которое придается уголовной отвѣтственности криминалистами классической школы. Лучше поэтому отказаться совершенно отъ неправильнаго термина. Съ детерминистической точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи объ отвѣтственности, ибо всѣ безотвѣтственны, всѣ невмѣняемы. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть рѣчь только объ общественной реакціи (de reactivite sociale), носящей характеръ предупредительный и представляющейся однимъ изъ видовъ общественной гигіены и терапіи.

Такія возрѣнія автора, неотличающіяся оригинальностью (они уже сравнительно давно высказывались въ нѣмецкой литературѣ), правильны только по стольку, по скольку они заключаютъ въ себѣ отрицательное отношеніе къ классическимъ доктринамъ. Что

же касается необходимости созданія новой терминологіи, то въ этомъ врядъ-ли есть необходимость въ интересахъ развитія уголовно-правовой доктрины. Съ введеніемъ новыхъ терминовъ нужно быть очень осторожнымъ: они могутъ породить цѣлую серію нежелательныхъ недоразумѣній.

Не смотря однако на всѣ эти недостатки, трудъ г. Hamon—а представляетъ живой интересъ. Написанный прекраснымъ языкомъ, согрѣтый вѣрой въ защищаемыя положенія, покоящійся на детерминистическихъ началахъ, чуждый какой-бы то ни было метафизической окраски—онъ сохраняетъ за собою серьезно-научное значеніе и представляетъ значительный интересъ для всякаго, занимающагося криминилистическими вопросами.

А. Піонтковскій.

---

2) Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung. II Band. Das Strafrecht der aussereuropäischen Staaten. Berlin. 1899. Herausgegeben von D-r. Franz von Liszt und D-r Georg Crusen.

Предпринятое по иниціативѣ международнаго союза криминалистовъ, грандіозное изданіе сравнительнаго уголовнаго права, хотя и медленно, все-же подвигается впередъ. Въ 1894 году появился первый томъ этого изданія, посвященный обзору европейскаго уголовнаго права. Второй томъ появился только въ текущемъ 1899 году. Онъ посвященъ обзору уголовнаго права внѣевропейскихъ народовъ (главнымъ образомъ австралійскому, японскому и китайскому праву). Въ видѣ прибавленія къ этому тому помѣщены дополнительныя къ первому тому статьи, касающіяся различнаго рода видоизмѣненій въ уголовномъ законодательствѣ европейскихъ народовъ въ послѣдніе годы.

Очерки внѣевропейскаго уголовнаго права заслуживаютъ особеннаго вниманія: они знакомятъ съ малоизвѣстнымъ въ Европѣ американскимъ, австралійскимъ и китайскимъ уголовнымъ правомъ. Жаль только, что эти очерки не отличаются надлежащей полнотой.

Что-же касается стадій, касающихся движенія уголовнаго законодательства въ Европѣ въ послѣдніе годы, то они имѣютъ только справочное значеніе.

Тѣмъ не менѣе первый томъ и вновь появившійся второй въ совокупности представляютъ цѣльную картину современнаго уголовнаго права.

Было-бы очень желательно и въ высшей степени полезно, если-бы удалось задуманное изданіе довести до конца и въ послѣдующихъ томахъ монографически разработать отдѣльные уголовно-правовые вопросы.

Къ сожалѣнію, недостатокъ матеріальныхъ средствъ представляется серьезнымъ въ этомъ отношеніи препятствіемъ: подписка не покрываетъ расходовъ по изданію.

Крайне досадно будетъ, если это препятствіе не будетъ устранено, и столь полезному въ научномъ отношеніи предпріятію не суждено будетъ осуществиться.

А. Піонтковскій.

3) Международный союзъ криминалистовъ. Русская группа. №№ 3 и 4-й, Спб., 1898, 1899.

Сравнительно недавно образовавшаяся русская группа международнаго союза криминалистовъ успѣла сдѣлать уже замѣтный вкладъ въ разработку уголовно-правовыхъ проблемъ. Она значительно подвинула впередъ дѣло включенія института условнаго осужденія въ наше законодательство.

Названные выпуски ея трудовъ заключаютъ въ себѣ, кромѣ подробнаго отчета объ устроенномъ группой въ С.-Петербургѣ въ январѣ текущаго года съѣздѣ, посвященномъ обсужденію вопроса о желательности включенія условнаго осужденія въ наше законодательство (этотъ вопросъ разрѣшенъ съѣздомъ въ утвердительномъ смыслѣ), крайне интересный докладъ профессора Духовскаго (№ 3-й выпуска), касающійся условнаго освобожденія—института, извѣстнаго большинству западно-европейскихъ законодательствъ и непринятаго нашимъ проектомъ въ послѣдней его редакціи.

Докладомъ г. Духовскаго положено начало обсужденію этого института группой союза, включившей его въ число вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на ближайшемъ съѣздѣ.

Нельзя не привѣтствовать появленіе этого доклада, посвященнаго защитѣ института условнаго освобожденія, незаслуженно подвергшагося остракизму составителями проекта нашего уголовнаго уложенія, и не выразить пожеланія, чтобы трудамъ русской группы удалось разсѣять предубѣжденія, окутывающія этотъ крайне необходимый интитутъ, и возвратить этому институту подобающее мѣсто въ карательной системѣ нашего будущаго уголовнаго уложенія.

А. Піонтковскій.

4) *Enrico Ferri.* La Justice Penale. Resumé du Cours de Socilogie criminelle fait à l' Unstitut des hautes etudes de l'université nouvelle. Bruxelles. 1898.

Настоящая работа представляется конспективнымъ изложеніемъ читаннаго Энрико Ферри курса по уголовной соціологіи.

Въ этомъ курсѣ г. Ферри развиваетъ свои криминилистическія теоріи и воззрѣнія, которыя неоднократно имъ выражались въ печати, и о которыхъ мы имѣли случай уже говорить на страницахъ юридической библіографіи.

Особенно рельефно онъ группируетъ въ своемъ курсѣ недостатки современной постановки дѣла борьбы съ преступностью, сводя ихъ главнымъ образомъ къ слѣдующимъ группамъ: a) L'impersonalité (эта особенность выражается въ игнорированіи изученія личности преступника, его характера и особенностей), b) L'arbitrire (этотъ произволъ, по мнѣнію Ферри, особенно рѣзко выступаетъ при опредѣленіи виновности, при оцѣнкѣ доказательствъ: въ томъ и другомъ случаѣ научныя обоснованія замѣняетъ вдохновеніе (une sorte d'inspiration), внутреннее убѣжденіе), c) L,impuissance (около 60% преступленій къ карательнымъ послѣдствіямъ не приводятъ), и d) La désorganisation (органы, служащіе дѣлу борьбы съ преступностью, не объединены; каждый изъ нихъ ничего не знаетъ о дѣятельности другаго).

Особеннаго вниманія въ этомъ курсѣ заслуживаетъ рѣзкое, категорическое отрицаніе необходимости и пригодности смертной казни.

Этимъ краснорѣчивымъ отрицаніемъ, исходящимъ отъ одного изъ крупныхъ представителей позитивной уголовно-правовой доктрины, разъ навсегда устраняется то незаслуженное обвиненіе въ кровожадности, которое было брошено въ лицо представителямъ этой доктрины, благодаря эксцессамъ въ научныхъ воззрѣніяхъ автора „Криминологіи“ — г. Гарофало.

Нельзя не отмѣтить крайне симпатичный взглядъ Ферри, касающійся дѣла подготовки криминалистовъ—практиковъ. Одинаковая подготовка криминалистовъ и цивилистовъ, по его мнѣнію, не выдерживаетъ критики: цивилистъ долженъ заниматься изученіемъ юридическихъ отношеній, криминалистъ—изученіемъ характера и особенностей преступной личности; ему необходимо знакомство съ антропологіей, психологіей, психіатріей, судебной медициной, соціологіей и т. п., а не детальное изученіе римскаго и торговаго права. Въ интересахъ правильной постановки дѣла подготовки криминалистовъ въ университетахъ, необходимо посвящать на юридическихъ факультетахъ первые два года общей юридической подготовкѣ, а послѣдніе—спеціальной, причемъ слѣдуетъ образовать два отдѣленія — криминалистическое и цивилистическое и ввести на первомъ изъ нихъ преподаваніе для криминалистовъ научныхъ дисциплинъ (стр. 30-я).

Вообще курсъ Ферри представляетъ много интереснаго. Онъ является совершенно новой попыткой преподаванія уголовно-правовой доктрины на болѣе широкихъ, чуждыхъ узкаго догматизма началахъ.

А. Піонтковскій.

1. *Дмитрій Дриль.* Бродяжество и нищенство и мѣры борьбы съ нимъ. С.-Петербургъ. 1898 г.

Вопросъ о бродяжествѣ и нищенствѣ—одинъ изъ такъ называемыхъ проклятыхъ вопросовъ, тяготѣющихъ надъ человѣчествомъ. Борьба съ бродяжествомъ и нищенствомъ, по словамъ

г. Дриля, ведется издавна — въ теченіе вѣковъ и при томъ различными средствами, не исключая самыхъ крайнихъ и жестокихъ, — смертной казни, отдачи въ рабство, галеръ, клейменія, битья кнутомъ, ссылки и проч. И что-же? Какъ прежде, такъ теперь нищество и бродяжество существуютъ. Попрежнему они составляютъ одну изъ гноящихся язвъ человѣчества, попрежнему ведутся толки о необходимости энергичной борьбы съ ними и по прежнему иногда пропагандируются болѣе или менѣе крутыя мѣры противодѣйствія (1-я стр.).

Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ вопросъ о борьбѣ съ бродяжествомъ и нищенствомъ обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Еще Наполеонъ задумалъ, какъ извѣстно, вырвать съ корнемъ нищенство. Ему хотѣлось, чтобы Франція представляла зрѣлище страны, въ которой нѣтъ нищихъ. Съ этой цѣлью, декретомъ отъ 5-го іюля 1808 г., нищенство было воспрещено на всемъ пространствѣ имперіи, и стали учреждаться благотворительные работные дома. Но желаніямъ Наполеона не суждено было осуществиться. Въ результатѣ грандіознаго плана, говоритъ г. Дриль, получилось не исчезновеніе нищенства, а dépôts de mendicit, представлявшіе собою, по общему признанію, какія-то гнилостно-зараженныя клоаки, которыя отравляли однимъ уже соприкосновеніемъ съ ними, и въ которыя, безъ устраненіи причинъ ихъ образованія, сваливались жалкіе отбросы общества. Вся задача свелась лишь къ тому, чтобы удалить съ глазъ долой докучливую и опасную массу, которую запирали въ депо, и заботились лишь о томъ, чтобы она работала опредѣленное число часовъ, не надоѣдала и не приставала. Послѣдствія не замедлили показать несостоятельность такой политики. „Обученные работѣ“ въ депо бродяги и нищіе и послѣ своего освобожденія не думали дѣлаться самостоятельными гражданами. Разъ побывавшіе въ депо потомъ постоянно возвращались въ нихъ снова, свыкались съ ними и становились старожилами заведеній. Новые обитатели также прибывали безъ замедленія, и нищество не уменьшалось въ числѣ, не смотря на большую смертность въ депо. Содержаніе депо обхо-

дилось дорого и потому многія изъ нихъ были закрыты, не давши ожидавшихся отъ нихъ результатовъ (4-я стр.).

Г. Дрилю въ восьмидесятыхъ годахъ удалось осмотрѣть одно изъ такихъ депо въ St. Denis. Вотъ какъ онъ его описываетъ: „Это дѣйствительно была какая-то клоака. Ея ослабленное и инертное населеніе состояло почти изъ однихъ постоянныхъ обитателей, входившихъ и выходившихъ изъ нея все снова и снова. По характерному выраженію жаргона такихъ заведеній, все это были cheveaux de retour. По словамъ директора заведенія, большинство населенія депо принадлежало къ людямъ, истощеннымъ всевозможными лишеніями или развратомъ, высшія душевныя способности которыхъ были почти атрофированы (5-я стр.).

Аналогичные результаты сказываются въ настоящее время, по словамъ г. Дриля, и въ Германіи.

Что гонитъ всѣхъ людей на торную дорогу нищенства и бродяжества, на все униженіе, невзгоды и лишенія, связанныя съ нею? Откуда исходятъ поразительно-странные, извращенные вкусы, побуждающіе людей отказываться отъ положенія полноправной личности человѣка—гражданина и отъ всѣхъ соединяемыхъ съ нимъ гарантій ея свободы и неприкосновенности и добровольно становиться въ ряды въ полномъ смыслѣ слова отребія общества, нерѣдко избирающаго загородныя свалки мусора своими жилищами? Можетъ-ли быть рѣчь о добровольности, о влеченіи при выборѣ жизненной карьеры бродяги и нищаго? Нѣтъ, отвѣчаетъ г. Дриль, здѣсь не можетъ быть двухъ разныхъ отвѣтовъ; здѣсь дѣло стоитъ иначе, здѣсь дѣйствуютъ причины другія и притомъ—соотвѣтственно стойкости и распространенности явленій—причины постоянныя и глубокія. (Стр. 6-я). Какія-же это причины? Уясненію ихъ г. Дриль и посвящаетъ III, IV и V главу разбираемой статьи.

Главная основная причина этого явленія, по его мнѣнію, кроется въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ современной жизни. Наблюдая современную общественную жизнь, мы замѣчаемъ, говоритъ Дриль (стр. 7-я), что въ ней экономическіе интересы и

экономическіе вопросы выдвинуты на первый планъ и поглощаютъ собою общественное вниманіе, что въ ней происходятъ глубокія измѣненія экономическихъ условій и формъ борьбы, которыя все болѣе превращаются изъ грубаго подчиненія въ гораздо болѣе утонченное и потому менѣе очевидное экономическое подчиненіе. Машина, по мнѣнію г. Дриля, предназначена неограниченно сокращать трудъ человѣка, необходимый для созданія средствъ удовлетворенія всѣхъ его потребностей. И она дѣйствительно въ громадной пропорціи уже сократила и продолжаетъ еще болѣе сокращать нужду въ немъ. Между тѣмъ постоянное исканіе труда и теперь есть удѣлъ громадной массы населенія, которая, вслѣдствіе увеличивающагося абсолютнаго прироста населенія и возрастающей быстроты измѣненія его отношенія къ пространству, все умножается (стр. 8-я). Отсюда развитіе ожесточенной конкурренціи, невозможность найти приложеніе своему труду и связанная съ нею жизненная необезпеченность и нужда. Развитіе машиннаго производства, сокращеніе области ручнаго труда „порождаетъ медленную агонію для великаго множества лицъ изъ рабочаго люда, постепенно ухудшаетъ ихъ экономическое положеніе и вызываетъ ихъ паденіе въ общественномъ отношеніи. Человѣкъ труда сдается не сразу. Онъ опускаетъ руки и отдается теченію только вполнѣ обезсиленный и тогда уже уносится потокомъ нищенства и бродяжества, если еще ранѣе не унесется потокомъ преступности“ (стр. 11-я).

Тяжелыя экономическія условія отражаются крайне гибельно на физическомъ и духовномъ развитіи человѣка. Жизнь, полная горя, заботъ, тяжелыхъ чрезмѣрныхъ усилій и всевозможныхъ лишеній неизбѣжно влечетъ за собою,—что хуже всего—постепенную утрату основнаго богатства какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общества—утрату здоровья и органической крѣпости. Въ норахъ и трущобахъ съ ихъ ужасными условіями жизни, да обыкновенно еще и при дѣятельномъ содѣйствіи алкоголя, къ которому обращаются съ запросами о нервномъ возбужденіи и хотя-бы о кратковременномъ поднятіи тона самочувствія, постепенно и вырабатывается особая, нестойкая, органически оскудѣлая и обни-

щалая порода людей съ присущими ей печальными особенностями,—полной разслабленностью во всѣхъ отношеніяхъ (стр. 15). Эта порода обыкновенно появляется не сразу. Она, по мнѣнію г. Дриля, образуется наслѣдственно, въ ходѣ упорной борьбы за существованіе, особенно въ ея теперешнихъ, обостренныхъ формахъ. Она образуетъ тотъ основной фондъ, изъ котораго съ органической необходимостью поставляются, по словамъ Дриля, профессіональные бродяги и нищіе, ложащіеся тяжелымъ бременемъ на общество (стр. 18).

Обрисовавъ такимъ образомъ причины, обусловливающія собою развитіе нищенства и бродяжества, г. Дриль останавливается на изученіи средствъ борьбы съ ними и обращается прежде всего къ разсмотрѣнію мѣръ, принимаемыхъ въ этомъ отношеніи въ Бельгіи, такъ-какъ при разсмотрѣніи мѣръ борьбы съ бродяжествомъ и нищенствомъ охотно указываютъ на законы и учрежденія этой страны. Бельгійскія учрежденія, по словамъ г. Дриля, ничего утѣшительнаго не представляютъ. Дриль ихъ осматривалъ въ 1882 и 1895 годахъ. По поводу перваго своего посѣщенія онъ замѣчаетъ, резюмируя свои впечатлѣнія: „Съ нравственной стороны колоніи представляли собою въ полномъ смыслѣ слова помойную яму, изъ которой разъ попавшему въ нее уже трудно было выбраться. Врачъ колоній д-ръ Ronchesne, хорошо знакомый съ ихъ населеніемъ, говорилъ мнѣ, что даже человѣкъ, оказавшійся, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, безъ постояннаго мѣста жительства и въ качествѣ бродяги препровожденный въ колоніи, побывавъ въ нихъ 2, 3 раза, до того портился въ этой физически истощенной, а нравственно и умственно развращенной средѣ, что уже потомъ становился непригоденъ къ жизни на свободѣ, чему, конечно, не мало способствовало и то тавро, которое ставилось мнѣніемъ общества на каждаго, побывавшаго въ подобныхъ учрежденіяхъ“ (стр. 25-я). Развратъ среди этого населенія былъ развитъ въ значительной степени. Въ психическомъ отношеніи громадное большинство этого населенія состояло изъ людей вялыхъ, крайне лѣнивыхъ, лишенныхъ воли и всякой энергіи.

Во второе свое посѣщеніе, послѣдовавшее послѣ изданія за-

кона 1891 года, г. Дриль не нашелъ какихъ-либо существенныхъ улучшеній. Правда, колоніи расширились, въ нихъ производились земледѣльческія и ремесленныя работы, но характеръ населенія и результаты, достигаемые въ колоніяхъ, остались прежними. Колоніями достигается только уменьшеніе числа бродягъ и нищихъ въ самомъ обществѣ, т. е., внѣ колоній (стр. 30-я). И другихъ результатовъ, по мнѣнію г. Дриля, невозможно достигнуть, пока безъ ослабленія, безъ энергичнаго противодѣйствія будутъ дѣйствовать указанныя выше причины, порождающія бродяжество и нищенство (стр. 31-я). Для успѣшной борьбы съ нищенствомъ и бродяжествомъ нельзя ограничиться созданіемъ спеціальныхъ учрежденій для заключенія нищихъ и бродягъ, а нужно также позаботиться о возможномъ устраненіи и ослабленіи причинъ, способствующихъ образованію и развитію этого класса людей. Успѣшной борьбѣ съ бродяжествомъ и нищенствомъ, по мнѣнію г. Дриля, могутъ служить слѣдующія мѣры: 1) мѣры призрѣнія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, 2) широкія мѣры государственно-общественнаго предупрежденія, направленныя къ тому, чтобы, по возможности, не нарождалась и не множилась захудалая и оскудѣлая порода людей, мѣры въ духѣ заботливости объ экономически слабѣйшей части населенія и нравственнаго ученія христіанства.

Этимъ послѣднимъ мѣрамъ г. Дриль придаетъ первенствующее значеніе и заканчиваетъ свою интересную работу указаніемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ этимъ мѣрамъ онъ относитъ: уничтоженіе разряда „заброшенныхъ, ничьихъ“ дѣтей, устройство хорошо организованныхъ воспитательныхъ заведеній, общедоступное и хорошо поставленное, общее и профессіональное, обученіе; уничтоженіе норъ и берлогъ и устройство здоровыхъ, удобныхъ жилищъ; правильная организація снабженія доброкачественными и сравнительно дешевыми продуктами, служащими для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, способствованіе распространенію и накопленію въ массахъ техническихъ свѣдѣній, умѣній и навыковъ, и для этого устройство общедоступныхъ профессіональныхъ классовъ, чтеній, демонстрацій, музеевъ—выставокъ и проч., раз-

личныя формы способствованія пріобрѣтенію и примѣненію орудій труда; поддержка кустарныхъ производствъ и способствованіе возникновенію артельныхъ и кооперативныхъ предпріятій, охраняющихъ экономическую самостоятельность; организація непосредственнаго сбыта, надлежащая организація посредничества для сведенія работодателей и рабочихъ; распространеніе въ массахъ гигіеническихъ свѣдѣній и энергичная и цѣлесообразная борьба съ алкоголизмомъ и другими подобными злоупотребленіями и устройство здоровыхъ народныхъ развлеченій и удовольствій; изученіе причинъ нищеты и оказаніе помощи *не тогда, когда человѣкъ уже опустился*, а, напротивъ, главнымъ образомъ, тогда, когда начинаютъ замѣчаться первые признаки его шатанія; постепенно увеличивающееся урегулированіе, при посредствѣ закона и тщательнаго наблюденія за его исполненіемъ, отношеній между рабочими, особенно ремесленниками и предпринимателями и проч.

Только такими и имъ подобными мѣрами, но, конечно, не сразу, а путемъ медленной работы, говоритъ Дриль, заканчивая свой трудъ, можетъ быть осуществлена мечта великаго Наполеона, и только при примѣненіи такихъ мѣръ постепенно будутъ нарождаться здоровыя поколѣнія, а силы народа будутъ рости и множиться.

Таково содержаніе, таковъ характеръ интереснаго труда г. Дриля.

Г. Дриль, по нашему мнѣнію, вполнѣ правильно взглянулъ на разсматриваемый имъ вопросъ. Съ гуманистической и детерминистической точекъ зрѣнія иного разрѣшенія получить этотъ вопросъ не можетъ. Нищенство и бродяжество—такой-же соціальный недугъ, какъ и преступность. Оно находитъ подходящую почву для своего развитія въ условіяхъ соціально-экономической среды, вслѣдствіе чего, безъ возможнаго оздоровленія этой среды, успѣшная борьба съ нимъ немыслима. Эта-то точка зрѣнія красной нитью проходитъ черезъ весь трудъ г. Дриля.

Уясненіе значенія соціально-экономическихъ условій въ процессѣ образованія бродяжества и нищенства имѣетъ громадное значеніе теперь, когда вопросъ о борьбѣ съ этими недугами постав-

ленъ на очередь и у насъ, въ Россіи. И съ этой точки зрѣнія трудъ г. Дриля заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

А. Піонтковскій.

2. *В. В. Есиповъ.* Нѣкоторые спорные вопросы уголовнаго права. Варшава.

Названная брошюра профессора Есипова представляетъ изъ себя три небольшихъ статьи, изъ которыхъ первая посвящена преступности и репрессіи вообще,—вторая мѣрамъ уголовной репрессіи, третья—мѣрамъ дисциплинарной репрессіи. Послѣдняя изъ этихъ статей представляетъ интересъ. Трактуя въ ней о мѣрахъ дисциплинарной репрессіи, профессоръ Есиповъ останавливается на проектѣ нашего „Устава о служебныхъ повинностяхъ" и дѣлаетъ по поводу этого устава нѣсколько цѣнныхъ, заслуживающихъ вниманія замѣчаній (напр., о примѣненіи по этому уставу въ качествѣ дисциплинарной мѣры ареста). Первая и вторая изъ этихъ статей представляются, повидимому, очерками изъ читаемыхъ г. Есиповымъ лекцій. Въ первой онъ останавливается на обрисовкѣ задачъ науки уголовнаго права и уясненія значенія уголовной антропологіи, статистики и соціологіи. Нельзя сказать, чтобы г. Есипову удалось разобраться въ обсуждаемомъ имъ вопросѣ. Его статья въ этомъ отношеніи заставляетъ желать очень и очень многаго. Единственное ея достоинство—это защита идеи гуманности—защита, проходящая, какъ извѣстно, красной нитью черезъ всѣ труды г. Есипова. Во второй статьѣ г. Есиповъ разсматриваетъ, примѣняемыя въ переживаемое нами время, карательныя средства, осуждаетъ смертную казнь и ссылку и защищаетъ условное осужденіе, одобряя сдѣланное русской группой международнаго союза криминалистовъ постановленіе, касающееся принятія условнаго осужденія русскимъ законодательствомъ.

Статьи г. Есипова написаны живымъ языкомъ. Ознакомленіе съ ними для лицъ, интересующихся уголовно-правовыми вопросами, не безполезно.

А. Піонтковскій.

3. *Пр. Сикорскій.* О вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье и нравственность населенія Россіи. Кіевъ.

Трудъ профессора Сикорскаго посвященъ одному изъ жгучихъ вопросовъ современной жизни—вопросу объ алкоголизмѣ.

Трудъ этотъ представляетъ живой интересъ въ виду той серьезной опасности, которой угрожаетъ человѣчеству все растущее злоупотребленіе спиртными напитками. Цифры, объективные свидѣтели истины, показываютъ, по словамъ г. Сикорскаго, что алкоголь есть великій убійца, что отъ него гибнетъ болѣе человѣческихъ жизней, чѣмъ отъ руки настоящихъ убійцъ, чѣмъ отъ яда, чѣмъ отъ зимней стужи, отъ грома небеснаго (стр. 3-я).

Съ статистическими данными въ рукахъ г. Сикорскій изслѣдуетъ вліяніе спиртныхъ напитковъ на физическую и психическую сторону человѣка, на его нравственность. Онъ приходитъ къ крайне неутѣшительнымъ результатамъ. Алкоголь, по его мнѣнію, подобно нѣкоторымъ другимъ вреднымъ дѣятелямъ, вызываетъ явленія вырожденія, т. е., рядъ болѣе или менѣе значительныхъ послѣдствій, состоящихъ въ упадкѣ и разстройствѣ здоровья не только индивидуальнаго, но и родоваго (84). Въ настоящее время, по его словамъ, мы уже имѣемъ дѣло съ двойными алкогольными послѣдствіями—непосредственными и унаслѣдованными. (85 стр.). Алкоголь на столько распространенъ, на столько глубоко пустилъ корни, что онъ является не только индивидуальнымъ ядомъ, но еще въ большей степени ядомъ общественнымъ и наслѣдственнымъ.

Мы не имѣемъ въ виду останавливаться подробно на трудѣ г. Сикорскаго, на изученіи тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ. Отмѣчая только появленіе этого интереснаго труда, не можемъ не замѣтить, что онъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ живой интересъ для криминалистовъ, и главы, посвященныя ученію связи алкоголизма съ преступностью, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

А. Піонтковскій.

Н. П. Дружининъ: „Общедоступное руководство къ изученію законовъ:" Часть I-я. Начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія. Часть II-я. Правомѣрныя начала управленія въ Россіи. Изданіе второе. Спб. 1899. 160 стр.

Успѣхъ послѣдней книги г. Дружинина по юриспруденціи (Общепонятное законовѣдѣніе [1]) ободрилъ автора, который предпринялъ изданіе цѣлой серіи книжекъ по общедоступной юридической энциклопедіи. Г. Дружининъ въ предисловіи къ разбираемой книжкѣ, указывая на необходимость распространенія юридическихъ знаній для самообразованія русскаго народа, говоритъ о планѣ своего „Общедоступнаго руководства". Сюда, кромѣ двухъ частей, составляющихъ содержаніе настоящей книжки, должны войти еще семь частей, излагающихъ дѣйствующее русское государственное право: уголовное право (3-я часть), законы о состояніяхъ (4-я), гражданскіе законы (5-я), законы о государственныхъ силахъ и средствахъ (6-я), законы благочинія, государственнаго благоустройства и благосостоянія (7-я), законы о государственныхъ учрежденіяхъ разнаго рода—высшихъ, губернскихъ, уѣздныхъ, волостныхъ, сельскихъ (8-я), законы судопроизводственные (9-я) ч.) Г. Дружининъ объясняетъ, почему онъ принялъ именно такой порядокъ въ изданіи всѣхъ этихъ книжекъ по юриспруденціи, общее содержаніе которыхъ ранѣе входило въ „Общепонятное законовѣдѣніе". Эти объясненія плана также своеобразны, какъ и тѣ, которыя давалъ г. Дружининъ въ послѣдней своей книжкѣ. Такъ послѣ изложенія общихъ понятій о правѣ и основныхъ законовъ обращаютъ на себя вниманіе, по словамъ г. Дружинина, общія условія, которыми опредѣляются послѣдствія совершенія преступныхъ дѣяній вообще или нарушеній законовъ. За изложеніемъ общей части уголовнаго права естественно и необходимо выяснить общія права состоянія и права, принадлежащія

[1]) См. нашъ разборъ этой книжки Дружинина въ 52 № юридической библіографіи Дем. Юр. Лицея.

различнымъ разрядамъ населенія въ государствѣ. За правами состоянія столь-же естественно слѣдуетъ изложеніе гражданскихъ законовъ, а затѣмъ—законовъ о государственныхъ силахъ и средствахъ, излагающихъ финансовыя обязанности гражданъ предъ государствомъ и проч. Слѣдуя аргументаціи г. Дружинина, у котораго слово „естественно“ играетъ роль какого-то магическаго основанія при изложеніи содержанія всего плана изданія книжекъ по юриспруденціи, можно начать ихъ серію и съ другого конца и, пожалуй, съ большимъ резономъ. Послѣ изложенія общихъ понятій о правѣ „естественно“ говорить о защитѣ права, а потомъ начать съ законовъ объ учрежденіяхъ, благоустройствѣ и т. д., такъ что 9, 8 и 7 ч. въ серіи книжекъ у Дружинина, сдѣлались бы 1, 2 и 3 ч. И при такомъ порядкѣ изложенія сохраняется одинаково, преслѣдуемый авторомъ, переходъ отъ однихъ понятій съ другимъ, при которомъ, „все послѣдующее объяснялось въ предшествующемъ“. Г. Дружининъ прибавляетъ къ серіи своихъ книжекъ еще очеркъ международнаго права, такъ чтобы въ результатѣ получилась „полная общедоступная юридическая энциклопедія“. Значитъ, Дружининъ задумалъ издать юридическій сборникъ, напоминающій извѣстную юридическую энциклопедію Гольцендорфа. Но при ближайшемъ выполненіи плана нашъ авторъ отступилъ отъ него, такъ какъ придалъ отдѣльнымъ частямъ самостоятельное значеніе и вмѣсто девяти выпусковъ рѣшилъ издать только семь, изъ которыхъ каждый будетъ представлять собою цѣльное, законченное изложеніе той или другой отрасли права. Настоящая же книжка—введеніе къ дальнѣйшему изложенію русскаго права. Только за ней г. Дружининъ рѣшается оставить названіе „Общедоступнаго руководства къ изученію законовъ“, включая въ него подробныя свѣдѣнія о законѣ, источникахъ его познанія, толкованія, исполненіе и пр. Такъ закончились колебанія г. Дружинина, съ которыми онъ зачѣмъ-то знакомитъ читателя своей книжки, пока окончательно не высказался о настоящемъ характерѣ ея содержанія. Если судить по объясненіямъ автора, мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ руководствомъ по энциклопедіи права, непохожимъ на знакомое намъ „Общепонятное законовѣдѣніе. Но зачѣмъ же

тогда эта энциклопедія права названа г. Дружининымъ руководствомъ къ изученію законовъ, а не права вообще? Быть можетъ, наше недоумѣніе разрѣшитъ сама его книжка, къ которой мы теперь и переходимъ.

На первомъ планѣ въ ней стоитъ, какъ и слѣдовало ожидать, ученіе о правѣ и здѣсь его понятіе. Дружининъ подходитъ къ его опредѣленію издалека, хочетъ установить его путемъ изученія условій, при которыхъ право появляется. Пріемъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ научный, употребляемый въ наукѣ исторіи права, но не въ такомъ узко ограниченномъ объемѣ, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ. Послѣдній говоритъ нѣсколько словъ о сѣдой старинѣ, бывшихъ тогда родахъ и племенахъ, вѣчахъ у нихъ, и выводитъ отсюда заключеніе о необходимости права для безопасности и яснаго опредѣленія отношеній между людьми и возникновеніи юридическаго обычая, какъ зерна изъ растенія. Послѣднее выраженіе г. Дружинина показываетъ, что онъ все еще на сторонѣ давно оставленнаго въ наукѣ права взгляда исторической школы на образованіе права, аналогичное естественному процессу роста растеній. Еще курьезнѣе заключеніе о непосредственномъ поводѣ къ появленію права въ обществѣ и самое опредѣленіе права. Оно, оказывается, имѣетъ своей задачей установить *порядокъ;* въ этомъ содержаніе, цѣль и смыслъ права. Моральныя требованія, предписанія религіи, благосостояніе людей — все это второстепенное въ правѣ, которое есть, слѣдовательно, только правило для опредѣленія порядка въ обществѣ. Чѣмъ отличается право отъ другихъ правилъ въ общественной жизни (опредѣленій религіи, морали, обычаевъ разнаго рода и пр.), что составляетъ существенный элементъ въ правѣ, объ этомъ г. Дружининъ не даетъ никакихъ объясненій или указаній. Такъ-же поверхностно разсматривается образованіе государства и его отношеніе къ праву. Государство тоже возникаетъ въ средѣ родовъ, что доказывается примѣромъ изъ русской исторіи, призваніемъ князей славянами. Дружининъ полагаетъ, что уже въ этотъ моментъ русской исторіи въ ней обозначились ясно всѣ три элемента, составныя части государства — территорія, народъ и общая власть. Конечно, земля тогда была у славянъ; составляли-ли они

уже народъ—это вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго слѣдовало бы подумать нашему автору, который ограничивается просто приставкой къ слову народъ термина „населеніе", что далеко не одно и тоже. Наконецъ, рискованно сказать, что въ Россіи съ призваніемъ князей уже водворилась достаточно сильная, твердая и общая власть: Дружининъ забылъ, очевидно, объ удѣльномъ періодѣ, который начался вскорѣ послѣ призванія князей и характеризуется раздробленіемъ власти, ея ослабленіемъ. Поэтому представляются совсѣмъ неподходящими послѣдующія разсужденія Дружинина объ обезпеченіи дальнѣйшаго, болѣе широкаго развитія права обществу съ такимъ образованіемъ государства: только съ болѣе развитымъ политическимъ бытомъ въ народной жизни происходитъ и болѣе тѣсная связь права съ государствомъ и появляются разнообразныя формы права. На ученіи о нихъ теперь останавливаетъ свое вниманіе нашъ энциклопедистъ, повидимому, закончившій вопросъ о происхожденіи права и его понятіи и считающій его исчерпаннымъ такимъ на самомъ дѣлѣ слишкомъ общимъ и недостаточнымъ образомъ. Г. Дружининъ не говоритъ ни о психическихъ основаніяхъ права въ природѣ человѣка, ни о тѣсной связи права съ разнообразными сторонами народной жизни, о задачахъ здѣсь права. Весь обширный и важный для его опредѣленія и уясненія роли права въ обществѣ вопросъ о происхожденіи права и отношеніи его къ разнымъ сторонамъ народной жизни оставляется безъ вниманія г. Дружининымъ. Поэтому-то онъ и не могъ дать вѣрнаго опредѣленія права и уяснить его значеніе въ общественной жизни. А между тѣмъ въ общедоступной юридической энциклопедіи обязательно дать, хотя-бы и краткое, представленіе о правѣ, какъ дѣйствительно важномъ элементѣ въ жизни личности и общества, необходимость котораго вытекаетъ изъ требованій природы самого человѣка и условій общежитія людей независимо отъ разныхъ его формъ.

Дружининъ признаетъ лишь три формы права, слѣдуя и въ этомъ случаѣ ученію исторической школы права (Пухты) о формахъ права. О судебныхъ рѣшеніяхъ, какъ формѣ права такой же второстепенной, какъ и наука права, Дружининъ не упоми-

наетъ, а изъ главныхъ формъ права на первомъ планѣ ставитъ не обычное право, появляющееся ранѣе закона, а этотъ послѣднiй. Давая довольно вѣрное опредѣленiе закона, какъ общаго правила, исходящаго отъ государственной власти въ виду опредѣленiя правъ и обязанностей гражданъ, Дружининъ противополагаетъ основнымъ законамъ не обыкновенные, а общiе, мѣстные и другiе виды обыкновенныхъ законовъ, отличающихся отъ основныхъ своимъ болѣе измѣнчивымъ характеромъ и всегда сходныхъ съ ними по общему духу и основанiямъ. Въ числѣ обыкновенныхъ законовъ не упоминается о законахъ, дѣйствующихъ во времени. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ идетъ рѣчь о правилѣ, извѣстномъ подъ именемъ положенiя объ обратной силѣ законовъ, такъ важнаго для пониманiя примѣненiя и силы законовъ. Авторъ не останавливается ни на общемъ вопросѣ объ образованiи закона, относя его изложенiе къ русскому дѣйствующему праву (49—62 §§), ни на ученiи о примѣненiи закона, особенно же его толкованiи. Точно также и изъ ученiя объ обычномъ правѣ дано въ началѣ книжки нѣсколько краткихъ свѣдѣнiй; за болѣе подробными авторъ отсылаетъ читателей къ соотвѣтствующему отдѣлу въ русскомъ государственномъ правѣ. Дружининъ довольствуется приведенными понятiями о правѣ, къ которымъ присоединяются краткiя заключенiя объ источникахъ права и его познанiя въ ученiи о такъ называемомъ объективномъ правѣ. Здѣсь остался совсѣмъ незатронутымъ вопросъ объ отношенiи права къ разнымъ сторонамъ народной жизни—государству, экономической жизни, религiи и пр. Лишь вопросъ объ отношенiи права къ морали разсматривается Дружининымъ и то почему-то послѣ ученiя о субъективномъ правѣ. Здѣсь сообщаются обычныя понятiя о различiи субъективнаго права отъ объективнаго, субъектѣ и объектѣ права, юридическомъ отношенiи и раздѣленiи права на частное и публичное. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ Дружининъ предпочитаетъ основать отличiе частнаго права отъ публичнаго не на различiи между частными и публичными интересами, какъ это было давно принято въ наукѣ, а на различiи интереса или предмета, опредѣляемаго, охраняемаго и защищаемаго правомъ. Однако, этотъ по-

слѣдній взглядъ заключаетъ въ себѣ довольно шаткое основаніе для различія частнаго права отъ публичнаго. Предметъ можетъ принадлежать отдѣльному лицу или цѣлому обществу, такъ что при вопросѣ объ охранѣ владѣнія предметомъ нельзя избѣжать трудности въ опредѣленіи того, отнести ли извѣстный предметъ къ частному или публичному праву. Нельзя даже и говорить вообще о вещахъ, не затрагивая этого послѣдняго вопроса. Кромѣ того, совершенно невозможно объяснить съ принимаемой Дружининымъ точки зрѣнія особенности въ пользованіи частными и публичными правами, изъ которыхъ первыя находятся въ свободномъ распоряженіи каждаго, а послѣднія соединяются необходимо съ обязанностью ихъ выполненія въ интересахъ всего общества. Поэтому всякое частное право (имущественное) можетъ быть свободно передаваемо однимъ лицомъ другому, между тѣмъ какъ право публичное, соединенное неразрывно съ обязанностью его выполненія, не можетъ служить предметомъ какихъ-либо частныхъ юридическихъ сдѣлокъ. Дружининъ говоритъ и о системѣ права, но почему-то только публичнаго, забывая, что и частное право подраздѣляется, по свойству опредѣляемыхъ имъ отношеній, на семейное, имущественное (вещное и обязательственное) и наслѣдственное. Въ публичномъ правѣ у Дружинина нѣтъ мѣста административному праву, которое не одно и тоже, что и полицейское право. Въ области же административнаго права почему-то выдѣлено, въ качествѣ особой отрасли публичнаго права, военное право. Говоря о необходимой связи всякаго права съ обязанностью, Дружининъ считаетъ нужнымъ сказать тутъ же и о принужденіи, которое предполагается правомъ. Нашъ энциклопедистъ утверждаетъ, что смыслъ права состоитъ въ принужденіи другихъ къ его признанію и уваженію Въ тоже время онъ спѣшитъ оговориться, что принужденіе не составляетъ непремѣннаго и постояннаго признака права, а затѣмъ доказываетъ, что истинное основаніе права коренится въ убѣжденіи въ его необходимости, полезности и справедливости, въ человѣческой природѣ. Въ заключеніе всего того-же вопроса о принужденіи въ правѣ Дружининъ замѣчаетъ, что принужденіе все-же извѣстное обезпеченіе права,

„если судъ и самоуправство“ не могутъ быть допускаемы. Такимъ образомъ, у автора, очевидно, совершенно смутныя понятія о роли принужденія въ юридической жизни общества: иначе онъ не заявлялъ-бы, что принужденіе не постоянный признакъ права и въ то-же время необходимое его предположеніе.

Эта неопредѣленность и колебаніе Дружинина объясняются нетвердостью понятій и отсутствіемъ точнаго представленія объ отношеніи морали къ праву. Поэтому-то, разсматривая въ слѣдующей (пятой) главѣ вопросъ о правѣ и нравственности, Дружининъ сначала разсуждаетъ объ „юридическомъ смыслѣ историческихъ явленій“, который заключается, по его словамъ, въ постоянномъ измѣненіи законовъ въ каждомъ государствѣ. Перемѣны направляются въ *одну сторону*—къ признанію за каждымъ лицомъ права и возможности быть тѣмъ, къ чему предназначаетъ его природа, знанія, личныя способности и имущественныя средства. Государство подчиняетъ всѣхъ однимъ и тѣмъ же, одинаковымъ по своему содержанію законамъ. Исчезаетъ подчиненіе однихъ другимъ, которое одного человѣка дѣлаетъ живою вещью другаго. Наоборотъ, дѣлается тверже подчиненіе установленной власти, дѣятельность которой основывается на прямомъ и ясномъ законѣ, недопускающемъ никакого произвола. Измѣненія въ законѣ, направленныя въ сторону подобнаго уравненія всѣхъ въ правахъ и обязанностяхъ и подчиненія всѣхъ общеобязательному закону, составляютъ осуществленіе *справедливости и правды*. Таковъ духъ, движущая сила каждаго законодательства. Человѣчество безспорно идетъ впередъ.

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Дружинина объ юридическомъ смыслѣ историческихъ явленій выражается вѣрное понятіе о роли морали въ правѣ, но не указана тѣсная связь ихъ обоихъ съ коренными наклонностями человѣческой природы, эгоистическими и альтруистическими стремленіями людей, которыя находятъ необходимое выраженіе въ правѣ. Въ послѣдующихъ же разсужденіяхъ Дружинина о „различіи между правомъ и нравственностью“ мы уже прямо не находимъ вполнѣ ясныхъ и точныхъ взглядовъ, какихъ-либо научныхъ положеній о признакахъ, по которымъ можно различать мораль отъ права. Есть лишь нѣкоторыя общія со-

ображенія о морали, въ которой осуществляется справедливость и правда, чего нѣтъ въ правѣ, которое устанавливаетъ извѣстныя границы для внѣшней дѣятельности людей. Далѣе слѣдуетъ у Дружинина нѣсколько замѣчаній о томъ, что нравственность и право стремятся *совпасть*, между ними постепенно сокращается разстояніе. Автору улыбается возможность такого водворенія рая на землѣ, гдѣ тогда были-бы излишни всякіе законы. Но онъ не объясняетъ, почему же такой рай невозможенъ на землѣ, гдѣ общества людей всегда будутъ нуждаться въ опредѣленіи взаимныхъ ихъ отношеній правомъ, почему нравственныхъ связей всегда будетъ недостаточно для ихъ жизни въ обществѣ. Нельзя ничего возразить противъ взгляда, что совпаденіе съ нравственностью можетъ быть лишь конечною цѣлью права, что законы разсчитаны на силы среднихъ людей. Люди высшаго нравственнаго развитія не обходятъ закона, а сами дѣлаютъ больше, чѣмъ требуетъ законъ, отъ людей же съ низшимъ нравственнымъ развитіемъ можно только требовать, чтобы они соблюдали законъ. И, прибавимъ съ своей стороны, такое скромное требованіе отъ большинства основывается на преобладаніи въ нихъ эгоистическихъ стремленій, о которыхъ нельзя забывать при разсужденіяхъ объ отношеніи морали къ праву. Дружининъ полагаетъ, что приведенными имъ признаками исчерпываются качественныя различія между моралью и правомъ и онъ поэтому переходитъ къ количественному, хотя послѣднее на самомъ дѣлѣ не отличается чѣмъ-либо существеннымъ отъ перваго. По крайней мѣрѣ, приводимые авторомъ факты указываютъ на внутреннее, а не только внѣшнее различіе между моралью и правомъ. Такъ Дружининъ говоритъ, что съ *нравственной точки* зрѣнія безразлично, на какую сумму произведена кража; съ юридической же есть большая разница относительно наказанія за кражу имущества менѣе и болѣе 300 руб.; или: человѣкъ нарушаетъ нравственный законъ, только задумавши совершить преступленіе, хотя бы его преступная мысль и не была приведена въ исполненіе. Юридически же человѣкъ не наказывается иногда даже послѣ покушенія. Изъ этихъ примѣровъ видно, что требованія морали относятся къ внутренней жизни чело-

вѣка, охватываютъ собою невидимыя для глаза явленія духовной его жизни, гдѣ каждый сознаетъ себя самостоятельной, нравственной личностью, отвѣчаетъ за всѣ движенія въ своей внутренней жизни, которая создается и течетъ въ доступной лишь ему самому области. Въ юридической же области дѣло идетъ о внѣшнихъ отношеніяхъ людей, которыя существуютъ ради удовлетворенія ихъ потребностей. Поэтому право опредѣляетъ такія условія, при которыхъ достиженіе цѣлей совершалось бы безпрепятственно. Отсюда понятно, почему термины „преступно“ и „законно“, которые относятся къ юридической жизни общества, не совпадаютъ съ выраженіями: „грѣховно, нравственно“. Самъ Дружининъ далѣе выясняетъ важное значеніе морали для исполненія закона, который только обезпечиваетъ интересы всѣхъ, опредѣляетъ точныя границы въ совмѣстной дѣятельности людей въ обществѣ. Дружининъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что во имя нравственнаго долга добровольно каждый можетъ отказываться отъ своихъ частныхъ правъ въ пользу другихъ, прощать личныя обиды, но поступаться публичными правами, ограждающими общіе интересы, никто не долженъ. Авторъ придаетъ большое значеніе въ правильной жизни общества строгому *примѣненію* законовъ: въ жизни происходитъ гораздо болѣе несправедливаго и несогласнаго съ правдой и нравственностью, чѣмъ это допускаютъ законы. Точное исполненіе закона устраняетъ нарушеніе права, противорѣчащее правдѣ и справедливости. Поэтому-то дѣятельность Сперанскаго по составленію свода законовъ имѣетъ глубокое значеніе: теперь законы стали всѣмъ извѣстными, общедоступными вмѣстѣ съ выраженными въ русскихъ законахъ началами *законности въ управленіи и закономѣрности свободы*.

Можно и должно желать, замѣчаетъ Дружининъ, осуществленія чисто нравственныхъ, высшихъ требованій на землѣ, но было-бы великимъ благомъ, если-бы дѣйствительно осуществлялись тѣ нравственныя требованія, которыя предъявляются закономъ. Поэтому-то такъ важно проникновеніе въ сознаніе общества юридическихъ понятій, путемъ ихъ преподаванія и популяризаціи: общедоступность юридическихъ знаній обезпечиваетъ дѣйствительное

осуществленіе законности и дальнѣйшее, твердое, систематическое усовершенствованіе законодательства. Въ заключеніе общаго вопроса о различіи между правомъ и моралью Дружининъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ естественномъ и положительномъ правѣ, хотя трудно понять, какое отношеніе имѣетъ это различіе къ понятію морали. Дружининъ и не занимаеся этимъ послѣднимъ вопросомъ, а просто замѣчаетъ, что естественное право, выводимое съ помощью разума изъ наблюденій надъ природой человѣка, потому и получило такое названіе. Только оно не называлось иногда божественнымъ, какъ ошибочно утверждаетъ нашъ энциклопедистъ. Напротивъ, естественное право (jus naturale) противополагалось (напр. у Гуго Гроція) божественному праву (jus divinum) и заключало въ себѣ высшія начала нравственности, которыя вытекали изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы. А между тѣмъ Дружининъ приписываетъ всѣ эти черты естественнаго права божественному, которое должно было подчиняться (у Гроція) естественному праву.

Второй раздѣлъ первой части въ книгѣ Дружинина посвящается имъ „Развитію источниковъ познанія русскаго законодательства". Здѣсь идетъ рѣчь о кодефикаціи, о которой авторъ говоритъ ранѣе, нежели о формахъ права—обычномъ правѣ и законѣ. Этотъ важный въ общей теоріи права вопросъ о кодефикаціи въ примѣненіи къ русскому праву разсмотрѣнъ Дружининымъ обстоятельно и подробно. Особенное вниманіе онъ обращаетъ здѣсь на кодификаціонныя работы Сперанскаго, какъ и послѣдующую законодательную дѣятельность въ составленіи Полнаго Собранія Законовъ и ихъ Свода. Въ книгѣ есть довольно подробное обозрѣніе содержанія дѣйствующаго свода законовъ, какъ и невошедшихъ въ него духовныхъ законовъ, военныхъ и морскихъ постановленій и мѣстныхъ законовъ. Авторъ говоритъ о состояніи работъ по составленію новаго гражданскаго и уголовнаго уложенія, Узаконеніяхъ и Распоряженіяхъ Правительства и неоффиціальныхъ изданіяхъ книгъ законовъ, причемъ приложенъ и перечень наиболѣе важныхъ и употребительныхъ законовъ.

Въ третьемъ раздѣлѣ Дружининъ снова возвращается къ об-

щему вопросу права—изученію и преподаванію права. Весь этотъ отдѣлъ изложенъ авторомъ также полно, достаточно ясно для начинающихъ изучать правовѣдѣніе. Дружининъ указываетъ на всю важность научнаго знанія права, которое оказываетъ большую услугу при разрѣшеніи разныхъ практическихъ вопросовъ права. Дружининъ даетъ примѣрную программу порядка въ научномъ изученіи права и указываетъ и нужныя для этого научныя пособія. Авторъ рекомендуетъ для знакомства съ отечественнымъ законодательствомъ чтеніе свода законовъ и полныхъ собраній законовъ—трудъ, заманчивый развѣ для юриста-практика. Совершенно произвольно указаніе Дружининымъ порядка изученія права, которое у него начинается гражданскимъ правомъ, за нимъ слѣдуетъ государственное, финансовое, полицейское, уголовное, судебное, военное, международное и церковное право. О римскомъ правѣ, исторіи права русскаго и сравнительной Дружининъ упоминаетъ, какъ о второстепенныхъ частяхъ права, что совершенно несогласно съ общепризнаннымъ важнымъ значеніемъ римскаго права, какъ и увеличивающимся постепенно въ наукѣ права признаніемъ выдающейся роли въ ней историческаго изученія права у всѣхъ народовъ міра. Въ числѣ вспомогательныхъ наукъ къ наукѣ права упомянуты только: политическая экономія, статистика и исторія. Забыты такія важныя при изученіи права науки, какъ этика, психологія, исторія философіи и др. Въ заключеніе главы объ изученіи права помѣщенъ въ книгѣ Дружинина очеркъ исторіи преподаванія права въ Россіи до Петра I и особенно послѣ него. Странно только, что авторъ не упоминаетъ въ числѣ высшихъ юридическихъ школъ времени Александра I Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Таково содержаніе первой части „Руководства къ изученію законовъ“ Дружинина. Какъ можно замѣтить, въ ней есть общія понятія о правѣ и государствѣ, хотя и не всѣ и изъ числа наличныхъ многія не отличаются точностью и правильностью. Въ популярномъ руководствѣ по энциклопедіи права недостаетъ свѣдѣній о роли права въ общественной жизни, которая можетъ быть выяснена изъ изученія отношенія права къ государству, экономи-

ческой и религіозной жизни общества, также какъ и опредѣленія значенія въ юридическихъ отношеніяхъ націи, языка, искусства и общаго характера права и государства въ общественной жизни. Нѣкоторыя общія юридическія понятія перешли во 2-ю часть книги Друживина, въ которой содержится общее ученіе о законѣ и юридическомъ обычаѣ. Это и есть, по автору, правомѣрныя начала управленія въ Россіи, куда авторъ присоединяетъ и изложеніе организаціи высшихъ русскихъ учрежденій, принимающихъ участіе въ законодательствѣ. Весь этотъ второй отдѣлъ книги Дружинина составленъ обстоятельно и полно, хотя въ самомъ изложеніи вопроса и встрѣчаются многія неправильности и неточности. Такъ мы сильно сомнѣваемся въ, высказываемомъ авторомъ тономъ глубокаго убѣжденія, взглядѣ, что правило относительно буквальнаго примѣненія законовъ, излагаемое въ 65 ст. осн. законовъ, исключаетъ мысль о толкованіи законовъ. Г. Дружининъ полагаетъ, что буквальное примѣненіе законовъ служитъ надежнымъ обезпеченіемъ твердости и незыблемости общаго юридическаго положенія. Всѣ отношенія частныхъ лицъ опредѣляются буквальными, точными выраженіями закона. Авторъ возстаетъ противъ того мнѣнія, что слѣдуетъ противополагать буквѣ закона его общій смыслъ. По мнѣнію Дружинина, всѣ разсужденія по этому поводу означаютъ недоразумѣніе и смѣшеніе понятій. Разъ страна управляется на твердомъ основаніи закона, онъ служитъ основаніемъ всѣхъ правъ и обязанностей, руководствомъ для дѣйствій всѣхъ властей, то вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и правило о буквальномъ примѣненіи закона. Иначе получилъ-бы примѣненіе не законъ, а произвольное его толкованіе, возможность основывать на подобныхъ толкованіяхъ закона несуществующія права и съ помощью ихъ уклоняться отъ исполненія обязанностей. Такъ исчезъ бы всякій слѣдъ правомѣрнаго управленія, сократились бы всякія основы юридическаго порядка. При исполненіи закона нужно принимать во вниманіе внутреннюю и взаимную связь всѣхъ отдѣльныхъ постановленій законодательства.

Всѣ эти соображенія Дружинина о необходимости буквальнаго примѣненія закона и исключенія всякаго его толкованія основаны

на мнѣніи о совершенной редакціи текста каждаго закона, невызывающей никакихъ сомнѣній въ его примѣненіи. Но, къ сожалѣнію, такая безукоризненная редакція закона — довольно рѣдкая вещь при образованіи законовъ. При всемъ стремленіи придать точность и опредѣленность отдѣльнымъ выраженіямъ и словамъ въ текстѣ законовъ нерѣдко при ихъ примѣненіи является сомнѣніе въ правильномъ пониманіи ихъ смысла, которое требуется разрѣшить прежде приложенія закона къ жизни. Иначе можетъ получиться какъ разъ то нарушеніе правъ и обязанностей, котораго такъ боится Дружининъ отъ толкованія закона. Самъ нашъ авторъ признаетъ нужду въ такомъ толкованіи при неясности закона и неточности его выраженій, наличности старыхъ законовъ съ терминами, понятными не для всѣхъ и каждаго, въ случаяхъ, непредусмотрѣнныхъ законами и при пониманіи точнаго смысла разныхъ законовъ, вышедшихъ въ разное время и составившихъ особыя статьи въ сводѣ. Таковъ цѣлый рядъ случаевъ, въ которыхъ оказывается надобность въ толкованіи закона, и этихъ случаевъ на дѣлѣ не такъ мало, чтобы считать положеніе о буквальномъ примѣненіи законовъ общимъ правиломъ, а толкованіе ихъ — только исключеніемъ. Наше законодательство признаетъ прямо допустимость толкованія законовъ, хотя и въ ограниченномъ числѣ случаевъ, именно по отношенію къ законамъ, изъ которыхъ приходится дѣлать выборъ вслѣдствіе несогласія ихъ между собою. Право толкованія закона предоставляется сенату по донесенію о неясности закона низшимъ присутственнымъ мѣстомъ министерству, а этимъ послѣднимъ сенату. Болѣе обширное право толкованія судебныхъ учрежденій, болѣе широкое предоставлено гражданскому суду, нежели уголовному.

Такимъ образомъ, нельзя согласиться съ Дружининымъ относительно пониманія имъ правила о примѣненіи законовъ, которое требуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ ихъ толкованія. Въ нашемъ законодательствѣ есть и, указываемыя самимъ Дружининымъ, общія правила толкованія законовъ. Именно требуется при этомъ принимать въ соображеніе историческое происхожденіе закона, опредѣлить цѣль его и мѣсто въ ряду другихъ однородныхъ законовъ.

Толкованіе можетъ быть по русскому праву легальнымъ, хотя нерѣдко такого рода толкованіе представляетъ собою уже новый законъ, исполнительное (отъ административныхъ мѣстъ), судебное, доктринальное (грамматическое и логическое) и аналогическое толкованіе закона. Дружининъ совершенно правильно придаетъ большое значеніе научному толкованію закона русскими юристами. Такой, напр., характеръ имѣютъ взгляды нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ по вопросамъ уголовнаго права (Неклюдова, Таганцева), гражданскаго (Побѣдоносцева), международнаго (Мартенсъ, Капустинъ).

Таково содержаніе „Общедоступнаго руководства къ изученію законовъ" Дружинина, представляющаго собою, не смотря на многіе указанные нами недостатки, хорошее пособіе для изученія основныхъ юридическихъ понятій и особенно правомѣрныхъ началъ въ русскомъ управленіи. Мы можемъ только пожелать г. Дружинину продолжать свои работы по популяризаціи права, которыхъ недостаетъ въ русской литературѣ, хотя нужда въ нихъ особенно чувствительна въ громадной, невѣжественной массѣ русскаго населенія.

В. Щегловъ.

Воспоминанія о студенческой жизни В. О. Ключевскаго, П. М. Обнинскаго, Д. Н. Свербеева, С. М. Соловьева, А. И. Кирпичникова, В. А. Гольцева, Ѳ. И. Буслаева и др. Москва 1899, 270 стр.

Въ этой небольшой книжкѣ собраны впечатлѣнія студенческой жизни лицъ, имена которыхъ, поставленныя въ заголовкѣ, извѣстны многимъ, если не лично, то по научнымъ сочиненіямъ. Таковы особенно Ключевскій, Соловьевъ, Буслаевъ и др. При томъ живомъ интересѣ, которымъ пользуются въ настоящее время всѣ вопросы университетской жизни, пріобрѣтаютъ большое значеніе разсказы о временахъ студенчества выдающихся нашихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Ключевскій даетъ здѣсь воспоминанія о С. М. Соловьевѣ, какъ преподавателѣ, свои впечатлѣнія отъ всей дѣятельности знаменитаго историка на университетской каѳедрѣ, его обширной начитанности и неподражаемомъ умѣньи заинтересо-

вывать своими историческими общими идеями слушателей. С. М. Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ, видѣвшій въ явленіяхъ людской жизни руку исторической Немезиды. Общее его міровоззрѣніе сводилось въ взгляду, что общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать частными интересами общему, что „европейское качество всегда торжествовало надъ азіатскимъ количествомъ“ и что это качество состоитъ въ перевѣсѣ „нравственныхъ силъ надъ матеріальными“. С. М. Соловьевъ былъ типомъ настоящаго университетскаго профессора, который разсуждалъ съ студентами о смыслѣ историческихъ событій, которые живо представляли себѣ, какъ они происходили.

П. Н. Обнинскій слушалъ въ московскомъ же университетѣ лекціи *Грановскаго*, „уводившаго свою аудиторію въ сѣдую глубь вѣковъ; онъ воскрешалъ передъ нею давно минувшіе идеалы, оживлялъ въ чарующихъ образахъ давно сошедшіе со сцены типы, а надъ всѣмъ этимъ, какъ то *незамѣтно, само собою,* вставали въ сердцахъ слушателей великія начала человѣчности, свѣта, правды, добра, охранявшія потомъ молодую душу до старости и отнимавшія даже у этой послѣдней присущіе ей недуги индеферентизма, своекорыстія, черствости и ретроградства“. Вспоминая съ любовью другихъ своихъ профессоровъ (Кудрявцева, Крылова), Обнинскій восклицаетъ: дорогія тѣни моихъ незабвенныхъ учителей, мужественные проводники правды, свѣта и добра, самодержавные властелины душъ и сердецъ горячо преданнаго студенчества! Благодаря вамъ, воплотившимъ высокій идеалъ воспитанія, оно зоветъ тотъ университетъ, въ которомъ такъ честно работали вы на пользу родины, зоветъ до сихъ поръ сознательно и любовно своею alma mater“. Были среди профессоровъ и люди другого типа, намѣренно поддерживавшіе суровый режимъ университетской жизни конца 40 годовъ. Съ каѳедры иногда раздавались самая безшабашная хула, самыя отчаянныя проклятія всему „западному“, человѣческому, научному; особенною ненавистью пользовались несчастныя Франція и Америка. Авторитеты, великія историческія имена, великія завоеванія въ области исторической мысли—все это

безпощадно топталось ногами. Среди крутыхъ порядковъ, наглядными символами которыхъ служили въ университетѣ сдавленная высокимъ воротникомъ шея у студенческаго мундира, провѣтриваемая голова и „руки по швамъ", выдѣлялись отрадныя явленія—студенческія собранія, на которыхъ велись кружковыя чтенія и дебаты по самымъ разнообразнымъ вопросамъ финансоваго, юридическаго и соціальнаго порядка. Эти споры много помогали усвоенію сути университетскихъ лекцій, научали студентовъ думать самостоятельно, сознательно и критически относиться ко всему, что получалось извнѣ и пополняли широкіе пробѣлы тогдашняго гимназическаго курса. Для студентовъ эти кружковые вечера замѣняли карты, билліарды и трактиры. Обнинскій съ удовольствіемъ вспоминаетъ о студенческихъ кружкахъ, какъ факторахъ саморазвитія, и сожалѣетъ о томъ, что въ настоящее время нѣтъ и помину о такихъ кружкахъ. Указывая на тѣсную связь университетской жизни съ общественными теченіями, начиная съ 30-хъ годовъ и до 70-хъ, Обнинскій отмѣчаетъ фактъ печальнаго поворота послѣ 70-хъ годовъ отъ здороваго, положительнаго общенія университета съ жизнью къ отрицательному направленію университетской молодежи. Теперь наука забывается ради „политики"; жизнь студента, дотолѣ замкнутая, получаетъ лихорадочное теченіе въ сходкахъ, протестахъ, адресахъ и уличныхъ потасовкахъ. Лихорадка, впрочемъ, быстро затихаетъ, и современный университетъ выпускаетъ уже людей „умѣренности" и „аккуратности", „дѣльцовъ и борцовъ", но только не за идею, а за собственное существованіе. Обнинскій сравниваетъ студенчество 50—60 гг. съ современнымъ и поражается кореннымъ между ними различіемъ. „Все, жизнь, міровоззрѣніе, интересы, вкусы и антипатіи, бытовая обстановка и т. д. вплоть до внѣшняго облика и привычекъ было тогда совершенно иное, нежели то, какое наблюдается теперь". Въ живыхъ краскахъ авторъ рисуетъ характерныя черты студенчества его времени, сильнаго корпоративнымъ духомъ, непоколебимаго вѣрою въ науку, живущаго одною мыслью „учиться", далекаго отъ знакомства съ жизнью, которое даетъ въ итогѣ своекорыстіе, карьеризмъ, уживчивость и покладливость. Тогдашняя средняя школа

не *угашала духа* переутомленіемъ. Здѣсь занимались чтеніемъ сочиненій Бѣлинскаго, Соловьева, Костомарова, Добролюбова и др. Отъ того-то и въ университетѣ было идейное отношеніе къ наукѣ, мѣсто котораго заступило теперь равнодушное „прохожденіе службы". Печальная эволюція въ университетской жизни наполнила университеты переутомленными сыновьями зажиточныхъ классовъ общества. Ихъ традиціи разобщили студентовъ, уничтожили всесословное общеніе. Прошло время, когда князья и графы пили вмѣстѣ съ дьяконскими сыновьями кружковскій чай, зачитывались и заговаривались, спорили до бѣла-свѣта по поводу выслушанной лекціи, прочитанной книги. Теперь, „благо меньшого брата", „борьба за право и справедливость" и т. п. направленство открыто зачисляется въ область „пустяковины" и „сантиментовъ".

Воспоминанія Д. Н. Свербеева даютъ картины изъ университетской жизни (въ Москвѣ) въ началѣ настоящаго столѣтія. Предъ глазами читателей проходятъ фигуры тогдашнихъ профессоровъ, то бездарныхъ (Брянцевъ, Черепановъ, Геймъ, Снѣгиревъ и др.), то даровитыхъ, хотя и не обладающихъ солидными научными знаніями. Ихъ не имѣлъ извѣстный профессоръ Сандуновъ, который вслѣдствіе крайняго незнанія науки отвергалъ вообще всякую науку и при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ къ ней презрѣніе. Но Сандуновъ въ тоже время былъ „человѣкъ необыкновенной остроты ума", знатокъ дѣйствующихъ законовъ и одинаково безпристрастный ко всѣмъ своимъ ученикамъ. Въ „Запискахъ" С. М. Соловьева обрисовывается нѣсколько фигуръ начальниковъ и профессоровъ временъ студенчества этого извѣстнаго историка. Соловьевъ сравниваетъ попечителей московскаго учебнаго округа, графа Строганова, и его помощника, Голохвастова, отдаетъ полную дань уваженія къ личности графа Строганова, его строгому исполненію своихъ обязанностей, любви къ наукѣ, интересу ко всѣмъ новымъ явленіямъ въ литературѣ, признанію честности, прямоты, благородства, талантовъ и трудолюбія. Голохвастовъ ненавидѣлъ университетъ и считалъ его учрежденіемъ, опаснымъ для существующаго порядка вещей. Ректоромъ университета былъ Каченовскій—знаменитый ученый—скептикъ, соединявшій съ

скептицизмомъ религіозность и консерватизмъ. Шевыревъ—профессоръ исторіи литературы (всеобщей и русской)—бездарный человѣкъ, надѣленный безхарактерностью и непомѣрнымъ честолюбіемъ и самолюбіемъ. Въ памяти С. М. Соловьева запечатлѣлись еще профессора Крюковъ и Грановскій—оба краса московскаго университета въ 40-хъ годахъ.

Очень живо и занимательно написаны воспоминанія профессора *А. И. Кирпичникова* о первыхъ дняхъ своего пребыванія въ университетѣ (также московскомъ) въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ воображеніи невольно встаетъ юный студентъ, явившійся впервые въ священныя отнынѣ для него стѣны храма науки, прислушивающійся съ благоговѣніемъ и восторгомъ къ новымъ, послѣднимъ словамъ науки изъ устъ знаменитыхъ профессоровъ (Буслаева) и снисходительно относившійся къ чудачествамъ и странностямъ другихъ не такъ знаменитыхъ своихъ учителей (Клина, Петрова и др.). *Буслаевъ* возвращается къ 40-мъ годамъ, описываетъ свои злоключенія при поступленіи въ московскій университетъ, гдѣ онъ былъ принятъ на казенный счетъ. Буслаевъ даетъ подробное описаніе жизни студентовъ въ „казенныхъ номерахъ", гдѣ была введена строгая для нихъ дисциплина. За обыкновенные проступки студентовъ примѣнялись самыя строгія наказанія; ихъ запирали въ карцеръ, предварительно одѣвши въ солдатскую шинель, за большіе же проступки студентовъ отдавали въ солдаты, что практиковалось въ попечительство Голохвастова. Но за то казенныхъ студентовъ хорошо кормили и одѣвали. Въ воспоминаніяхъ И. П. Деркачева о студенческихъ годахъ есть много интересныхъ свѣдѣній о бытѣ московскихъ студентовъ въ 60-е годы. Студенты собирались на „Козихѣ" и проводили здѣсь свободное время въ мирныхъ и веселыхъ бесѣдахъ и шуткахъ другъ надъ другомъ, распѣвали неизбѣжное „Gaudeamus", беззаботно мирились съ нуждой и необходимостью полуголодной жизни. Молодежь зачитывалась книжками въ такъ называемомъ „Рыбинскомъ кружкѣ", гдѣ любилъ бывать и спорить съ студентами А. С. Хомяковъ. Наконецъ, въ воспоминаніяхъ И. А. Митропольскаго о московскомъ университетѣ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ мы нахо-

димъ черты студенческаго быта, схожія во многомъ съ настоящимъ: авторъ, напр., говоритъ о механическомъ отношеніи къ своему дѣлу многихъ студентовъ („пялишниковъ", „мозольщиковъ" глазъ профессорамъ на ихъ лекціяхъ и др.) и самихъ профессоровъ. Митропольскій—врачъ и его воспоминанія касаются постановки преподаванія медицинскихъ наукъ въ университетѣ, но въ этихъ воспоминаніяхъ есть много свѣтлыхъ, радостныхъ впечатлѣній живого и впечатлительнаго юноши отъ первыхъ шаговъ сознательной, самостоятельной, академической работы надъ любимой наукой. Вся книжка проникнута этимъ свѣжимъ, бодрящимъ чувствомъ, сознаніемъ всего великаго значенія университетскихъ годовъ для самообразованія, созданія истинно жизненнаго, плодотворнаго міросозерцанія, котораго теперь такъ часто недостаетъ многимъ.

В. Щегловъ.

Огюстъ Контъ: „Курсъ положительной философіи". Полный переводъ съ послѣдняго 5-го французскаго изданія подъ редакціей профессоровъ Савича, Хвольсона, Менделѣева, Тимирязева, Лаппо-Данилевскаго и др. въ 6 томахъ. Т. I. Отд. I. Спб. 1899. 141 стр.

Нѣтъ особенной нужды говорить о томъ, кто такой былъ О. Контъ и какое мѣсто занимаютъ въ наукѣ XIX в. его взгляды: имя основателя „положительнаго направленія" въ общественныхъ наукахъ извѣстно всякому, кто только занимается ими. До сихъ поръ, однако, первое и наиболѣе знаменитое сочиненіе О. Конта „Cours de philosophie positive" было недоступно въ полномъ его видѣ русскимъ читателямъ, принужденнымъ довольствоваться популярными изложеніями взглядовъ Конта въ различныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ положительной философіи. Теперь съ изданіемъ полнаго перевода съ курса положительной философіи пополняется существенный пробѣлъ въ русской научной литературѣ. За вѣрность и точность перевода ручаются имена, поставленныхъ въ оглавленіи книги, извѣстныхъ русскихъ профессоровъ. Настоящая книга за-

ключаетъ въ себѣ общія предварительныя свѣдѣнія, составляющія введеніе къ курсу О. Конта, которое онъ счелъ нужнымъ предпослать своимъ лекціямъ о разныхъ отрасляхъ знаній. Въ началѣ книги помѣщены кромѣ лекцій по философіи математики, краткое предисловіе Конта и важнѣйшія въ его курсѣ первыя двѣ лекціи изъ которыхъ въ одной указывается цѣль всего курса, даются общія соображенія о природѣ и значеніи положительной философіи, а въ другой излагается планъ самого курса или общія соображенія объ іерархіи положительныхъ наукъ. Въ первой лекціи О. Контъ провозглашаетъ свой знаменитый законъ о развитіи человѣческаго ума, какъ главнаго фактора цивилизаціи общества, по тремъ ступенямъ: теологической, метафизической и положительной. Здѣсь Контъ указываетъ на слѣды первыхъ двухъ ступеней въ различныхъ отрасляхъ знаній и неоспоримое направленіе въ ихъ развитіи къ изученію лишь законовъ видимыхъ міровыхъ явленій. Вторая лекція О. Конта посвящена не менѣе знаменитой его классификаціи наукъ въ связи съ основными свойствами изучаемыхъ ими явленій и разъясненію сущности догматическаго и историческаго метода, принятыхъ до него при ихъ изслѣдованіи. Все великое значеніе всѣхъ этихъ и другихъ основныхъ понятій въ курсѣ О. Конта опредѣляется его классическимъ выраженіемъ, что „опаснѣйшая болѣзнь XIX в. состоитъ въ глубокомъ разногласіи умовъ относительно всѣхъ основныхъ вопросовъ жизни, твердое отношеніе къ которымъ является первымъ условіемъ истиннаго соціальнаго порядка“. Отсюда видно, какое значеніе имѣютъ идеи О. Конта для современнаго общества, страдающаго названнымъ имъ недугомъ въ усиленной степени. Контъ не исцѣлитъ этотъ недугъ, но знакомство съ его глубокими мыслями много поможетъ облегчить, порождаемыя этимъ общимъ недугомъ, страданія современнаго европейскаго общества.

В. Щегловъ

Эти семь лекцій редактированы проф. Савичемъ.

